

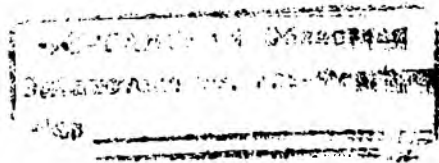
Саид
Ахмад

11057

ГОРИЗОНТ

ТРИЛОГИЯ

Перевод с узбекского

277840

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник *Марина ШАРИПОВА*

Саид Ахмад
С 14 Горизонт: Трилогия. Пер. с узб.— М.: Советский писатель, 1986.— 544 с.

В первой книге трилогии известного узбекского писателя Саида Ахмада «Горизонт» показан героический подвиг строителей Большого Ферганского канала. Вторая книга рассказывает о самоотверженном труде узбекского крестьянства в годы Великой Отечественной войны. Действие третьей книги разворачивается в первые месяцы после победы над фашистской Германией.

Герои трилогии несут в себе лучшие черты трудового народа — доброту и щедрость, любовь и преданность великому делу отцов, свершивших революцию.

Трилогия Саида Ахмада «Горизонт» в 1977 г. была удостоена Государственной премии Узбекской ССР им. Хамзы.

С $\frac{4702570200-236}{083(02)-86}$ 353—86

ББК 84. Уз 7

книга
первая

СОРОК ПЯТЬ
ДНЕЙ

Часть первая

I

Сразу за гузаром¹ Зириллямы дорога сворачивает влево, в узкую недлинную улочку. Эта тенистая, обсаженная вдоль журчащего арыка густыми развесистыми ивами улочка бывает особенно тихой в жаркие летние дни. Чарующую привлекательность ей придают прячущиеся за низкими глинобитными дувалами айвовые деревья с покрытыми серой пылью незрелыми еще плодами, густые виноградники, вьющиеся по стволам тополей, и чисто выметенные у каждой калитки пяточки земли с глиняными возвышениями — супа, предназначенными для отдыха; высаженный вдоль журчащего и отдающего прохладой арыка душистый райхон.

Подобрав полу халата, в которой лежат несколько хандаляков — скороспелых дынь, не спеша шагает по этой улочке мужчина лет пятидесяти. Он ступает широко и размашисто, и из-под сапог его летит во все стороны пыль, оседаая на собранных гармошкой голенищах.

На супе, пристроенной между двумя склонившимися низко к воде плакучими ивами, сидит старик. Положив поперек ног на колени посох он то ли дремлет, то ли погрузился в старческие воспоминания — глаза его закрыты. Перед ним на дастархане несколько лешешек, колотый мелко сахар на блюдецке, пиала и завернутый в платок, для того чтобы не остыл, чайник.

Проходя мимо старика, мужчина, несший в иоле халата хандаляки, замедлил шаги и громко, вероятно зная, что старик туг на

¹ Гузар — площадь, оживленное место.

ухо, поздоровался с аксакалом. Старик вздрогнул, очнувшись от своих дум, заморгал глазами и, узнав мужчину, радостно закивал:

— А-а. Икрам? Это ты, родной? Алейкум салам! Как сынок твой? Небось уже джигитом стал? Садись, выпей со мной пиалу чая!

Икрам, чтобы не обидеть старика, поблагодарив за приглашение, присел на край супы. Старик налил в пиалу чаю и, протягивая ее Икраму, поводит по сторонам носом, приюхиваясь.

— Ты только посмотри, какой аромат! Значит, уже хандаляки созрели.

Икрам достал один из хандаляков и положил перед стариком.

— Да, бува¹, угадали, хандаляки уже появились на базаре. Вот попробуйте!

Взяв хандаляк в руки, старик долго вдыхал ароматный запах, от удовольствия зажмуривая глаза.

— Дал бог дожить до этих дней. Думал, не дотяну до лета. Спасибо тебе, сынок!

Икрам вытащил из-за пояса нож и протянул старику. Тот отстранил его движением руки.

— Не надо!.. Внуку отнесу. Уж больно я соскучился по нему. Вот и повод будет провести.

Икрам улыбнулся:

— Внуку ваш еще не одну такую пору увидит. Ешьте сами.

— Разве же полезет в горло, когда не слышишь, как рядом воркует внучек?!

Оба встали. Икрам подал старику посох и помог перешагнуть через арык.

Старик не спеша зашаркал по дороге, потом обернулся и снова поблагодарил мужчину:

— Доброе дело сделал, Икрам. Вот будет рад мой внучек, обнимет меня крепко за шею и заворкует.

Икрам постоял, пока старик не исчез из виду. А потом вздохнул, то ли от мысли, что доставил радость аксакалу, то ли просто жаль ему стало Расула-бува, доживающего свой человеческий век.

Собрав оставшиеся три хандаляка с супы, зашагал своей дорогой.

Остановившись у зеленой калитки, он невольно окинул взглядом лежащий на земле мусор — огрызки яблок, огуречную кожуру, вылущенную чашечку подсолнуха — и укоризненно покачал головой, но на лице его проступила добрая улыбка, и он громко произнес: «Вот негодник, а?! Вот негодник!»

Перешагнув порог, Икрам оказался во дворе. Тихо. Дворик полит и чисто подметен. Стряхнув с полы халата хандаляки, так, что они покатались по полу, он заглянул в комнату. Там, разбросав во сне руки и сбросив с себя покрывало, крепко спал его шестнад-

¹ Бува — дед, дедушка, почтительное обращение к старику.

цатилетний сын. Лучи солнца, проникавшие через окно, переместились ближе к голове, и на шее у парня от жары проступили капельки пота. Икрам громко постучал о порог сапогами, стряхивая с них пыль, и, подойдя к сыну, накрыл его простыней. Заглянул в другую комнату, нет ли там жены. Вышел во двор, но нигде ее не было видно. Расстроенный, остановился у арыка, наклонился, чтобы умыться, и вдруг услышал из заднего двора жалобный стон.

Он стремглав бросился туда: прислонившись к урючине, сидела на земле его жена, глаза ее были полузакрыты, и она чуть слышно стонала. Рядом валялись несколько поленьев, а из чурбана торчал топор.

Икрам подбежал к жене и приподнял ее под руки.

— Джаннат, Джаннат, что с тобой?

Джаннат, стиснув зубы, застонала еще сильнее. Икрам, зачерпнув из арыка воды, побрызгал ей на лицо. Она открыла глаза.

— Что случилось, Джаннат?

Женщина, с трудом сдерживая стон и едва выговаривая слова, ответила:

— Хотела сыночку что-нибудь вкусненькое на завтрак приготовить, но дров не оказалось.

Икрам нахмурился, и на лбу его собрались морщины. Поддерживая жену под руки, он повел ее в дом. Сын все еще спал. Икрам уложил Джаннат поудобней на одеяло, подложил под голову подушку. И только потом, вдруг вспыхив, вбежал в комнату и сорвал со спящего сына простыню. Парень испуганно вытаращил глаза, ничего не понимая, и, увидев над собой перекошенное злобой лицо отца, сел в постели.

— Вставай! Что за глупости валяться до полудня в постели?

Видно, парень впервые видел отца таким рассерженным и впервые слышал такие обидные слова от него, быстро встал. А Икрам, еще больше распалившись, кричал:

— Все люди давно уже на работе, а ты никак головы от подушки не оторвешь! Балбес здоровый!

С террасы послышался жалобный голос жены:

— Не ругайте сыночка! Не упрекайте его!

Икрам, зло сверкнув глазами, вышел из комнаты. Подойдя к жене, он опустил перед ней на колени.

— Хандаляки принес. Хочешь, разрежу?

Она молча покачала головой:

— Сыночка лучше угостите. Пусть он попробует. Турсунбай, где ты? Отец хандаляки принес. Иди поешь, сыночек.

Турсунбай, щурясь от света, вышел из комнаты, покосился на хандаляки, лежавшие на полу, и собрался было взять одну из них, но Икрам сердито прикрикнул:

— Иди умойся, потом возьмешь!

Мальчик исподлобья посмотрел на отца, потом на мать и, всем

своим видом выражая недовольство, спустился с террасы во двор.

Женщина с упрёком сказала мужу:

— Не разговаривайте с сыночком так грубо. Что он понимает, мальчишка ведь еще. Подрастет, поумнеет, папочка.

Икрам смолчал. Налил из чайника в пиалу холодного чая и поднес к губам жены.

— На, попей чаю! В своем ли ты уме? Разве в твоём положении можно рубить дрова? Могла бы попросить сына.

Она жадно выпила чай и откинулась на подушку. Икрам решил больше не корить ее. Турсунбай был их единственным сыном. Восьмерых родила ему Джаннат и только одного выходила. Турсунбай был их радостью и счастьем. Рос он нежным, избалованным мальчиком. Не помогал родителям по дому, как другие кишлачные мальчишки. Да и отец с матерью не требовали от него этого. Бывало, случалось, пособит матери дрова принести или подмести двор, но это было для него игрой и быстро надоедало. Мать же сама не давала ему палец о палец ударить: все за ним подбирала, все за него доделывала, приговаривая ласково: «Миленький мой, родной, чтобы жизнь твоя была сладкой!»

И даже когда мальчик подрос и вымахал в джигита, отец с матерью нянчились с ним, как с маленьким. Так и вырос Турсунбай капризным и хитроватым парнем. Куда бы родители ни уезжали, где бы ни были — в гостях или на свадьбе, — обязательно принесут гостинцев своему единственному чаду. Так и растили они своего любимчика, связывая с ним свой сегодняшний и завтрашний день. Счастье их было в том, что мальчик рос здоровым, крепким, не болел тяжелыми болезнями и был все время у них на глазах. Стоило Турсунбаю заболеть, как мать и отец забывали о сне, ночами просиживая у изголовья ребенка.

Турсунбай, умывшись, прошел к себе в комнату. Появился он минуту спустя — на нем была свежестираная белая рубашка, выглаженные брюки. Он был действительно красивым и статным парнем, многие прохожие при встрече с ним оглядывались ему вслед. Турсунбай чувствовал столь пристальное внимание к себе и гордился этим — со сверстниками, особенно с девочками, разговаривал свысока.

Турсунбай подошел и присел на корточки возле матери.

— Сынок, приготовь матери шурпу. Я сейчас уйду на работу, — сказал отец, собираясь в поле.

— Не надо, — возразила Джаннат. — Зачем ему брать в руки нож, еще порежется. Принесите-ка лучше мне сюда мяса, овощей, я сама не спеша приготовлю что-нибудь.

Икрам угрюмо посмотрел на сына и, уловив ухмылку на его лице, молча направился к очагу. Джаннат, поглаживая сына по голове, заговорщически зашептала ему на ухо:

— На полке сметану тебе оставила. Хлеб в скатерть завернула, чтоб не зачерствел. Иди поешь, сынок!

И, не дожидаясь, пока он сам это сделает, кряхтя и постанывая,

встала с места, сама расстелила ему скатерть, принесла еды, заварила чай и села напротив, любуясь сыном.

А тем временем на летней кухне отец колот дрова.

Мать все сидела, не отрывая взгляда от сына, и, погрузившись в сладкие мечты, улыбалась.

II

Посреди большого двора, утопающего в зелени деревьев, стоит свежей побелки дом с террасой. Перед домом суна с протекающим рядом арыком, вдоль берега которого разбит цветник с высаженным по краям душистым райхоном. И как бельмо на глазу торчит в этом зеленом оазисе высохшая урючина. Это старое, высохшее непонятно по какой причине дерево еще плодоносило и вместе с последними пожухшими листьями роняло на землю золотистые янтарные плоды. Джаннат на корточках собирала урюк, сдувала с плодов пыль и клала на поднос. На супе под марлевым пологом от мух спал Турсунбай. Джаннат с каждым днем все тяжеледела и тяжеледела, ей все трудней становилось сгибаться, и она почти ползала на коленях, собирая урюк.

В тени деревьев на деревянном настиле накрыт дастархан. Давно уже шумел и испускал пар начищенный до блеска медный самовар. Опершись о колени, Джаннат приподнялась с земли, поставила поднос с урюком на лежавший рядом пенек и подошла к супе. Откинув край полога, с нежностью посмотрела на спящего сына.

— Турсун, вставай, сыночек! — сказала она ласково. — Обед скоро, родной мой, вставай. Отец, не позавтракав, ушел в поле! Вставай, сходишь к нему, поесть отнесешь!

Мальчик заворочался в постели, но глаз не открыл. Мать залюбовалась сыном. Розовое лицо его с густыми черными бровями и длинными ресницами было нежным, как у девушки, и только крепкий подбородок с легким пушком, еще не тронутым бритвой, и широкие скулы придавали его лицу мужские черты.

Джаннат положила руку ему на лоб:

— Турсунбай, сыночек, вставай. Завтрак остыл, отец в поле заждался, поди.

Турсунбай отвернулся и укрылся с головой одеялом.

— Мне ли в моем положении идти так далеко? Не хочешь? Ну и ладно! Я сама схожу. А ты все ж вставай! Гляди, чтоб твой завтрак куры не склевали.

Джаннат, продолжая говорить, стала увязывать в платок лепешки, свежееиспеченную катламу. Заварив в большом медном чайнике чай, долила в самовар воды, сняла трубу и подложила в него несколько щепок. Потом с чайником и узелком снова подошла к супе:

— Ухожу, сынок. Затвори за мной калитку. Как встанешь, не забудь посмотреть корову. Гляди, чтоб не запуталась в веревке.

Продолжая давать наставления сыну, Джаннат вышла на улицу. Солнце уже близилось к полудню. Заметно оживились кишлачные улицы. Она не спеша шла в тени старых ив и карагачей знакомой дорогой, как услышала плач. Джаннат прислушалась. Так и есть — плачут и причитают женщины. Этот тревожащий сердце женский плач с причитаниями доносился со двора Расул-бува. Джаннат ускорила шаги. Вот уж и калитка показалась. Старика на привычном месте, на суне, не было. Встретивший девяносто девятую свою весну, многое повидал Расул-бува за свою жизнь. Дети, внуки, правнуки его жили одной дружной семьей. И не было в кишлаке человека, который бы не почитал аксакала, не помянул бы его добрым словом. Правда, старик в последние годы здорово сдал: согнулся, ходил опираясь на посох, старался меньше двигаться. Внуки сложили ему супу у калитки, и дед выходил туда с утра, садился на маленький коврик и просиживал до самого вечера. Иногда он подзывал кого-нибудь из прохожих, угощал его чаем и на прощание обязательно дарил веточку райхона.

А теперь возле супы возились незнакомые мужчины. Один из них топором рубил крепкие толстые ветви ивы, под которой коротал свое время Расул-бува. Улочка перед калиткой полита водой и чисто подметена. Проходя мимо мужчин, Джаннат пригнула голову и заслонила лицо кончиком платка. Со двора еще громче доносился протяжный женский плач. Неожиданно она столкнулась с невысоким смуглым мужчиной, лицо его было потным и даже халат промок в плечах. — вероятно, он спешил издалека.

— Джаннат! — обратился он к женщине. — Передай Икраму, что к вечеру выносим. Я возвращаюсь из соседних кишлаков, оповещать ходил.

Не задерживаясь, он заторопился дальше.

Тулянбай — так звали мужчину — был другом ее мужа. В кишлаке все любили и уважали его. Был он человеком веселым и добрым, разговаривая, украшал свою речь пословицами и поговорками. В компаниях, где он появлялся, сразу становилось весело. И если на свадьбе в кишлаке он по какой-нибудь причине отсутствовал, сразу было заметно. Он и в горе и в беде находился рядом с людьми. В кишлаке знали: заболел кто-нибудь ночью — надо будить Тулянбая, только он согласится пойти пешком до Маргилана за доктором. Тулянбай никому никогда ни в чем не отказывал.

Вот и сейчас уже успел оповестить соседние кишлаки. Икрам дружил с ним, хотя Тулянбай долго ходил холостым. Бывало, смеясь говаривал: «Слишком придирчиво и долго я невесту себе выбираю, боюсь, попадетса мне злая!» Женился он, когда ему было за сорок. Жену себе взял добрую и тихую.

Джаннат ускорила шаги. У входа в правление колхоза стояла черная легковая машина, и небольшая толпа выжидающе поглядывала на дверь. «Видно, кто-то из начальства пожаловал», — подумала Джаннат и, не задерживаясь, повернула в сторону Яккатута. Но Икрамджан уже сам торопился ей навстречу.

— Почему ты? Не могла попросить сына? Сколько тебе говорить, чтоб тяжелого не поднимала! — сказал он, беря у нее чайник и узел с едой.

— Ну что вы волнуетесь, — спокойно ответила Джаннат. — Турсунбай еще спит. Не стала его будить. Вчера очень поздно возвратился с гулянья, проказник. Слышали, Расул-бува скончался!

— Соседский мальчишка прибежал в поле, — как-то сразу помрачнев, сказал Икрам. — К ним и иду. А ты ступай домой.

— Так не поевши и пойдете? Катламы вам приготовила. Съешьте хоть кусочек.

— Потом, потом. Когда домой приду. Говорят, Юлдаш-ота приехал. Меня спрашивал. Ну, я побегу.

— Он что, на панихиду приехал?

— Нет, он тут по делу. Ездили по степям с группой инженеров-ирригаторов. Говорят, неподалеку от нашего кишлака канал пройдет. Вот он ездит и беседует с людьми, чьи дома и участки вода затопит. Просит переселяться. А за дом и сад деньгами заплатят и еще лучше участки выделяют. Говорят, наш Раимберди будет этим заниматься.

— Вот так так! — удивилась Джаннат. — Правительство народу воду дает и за это еще приплачивает. Ну и времена настали. О таком ни деды, ни прадеды наши не слыхали.

Икрам не склонен был продолжать разговор.

— Потом тебе все объясню, жена. Много чего узнаешь. Большие дела, кажется, начинаются. Я пошел. Ота, наверное, сам все нам расскажет. Послушаю из первых уст, как говорится...

Оставив жену, Икрам заторопился в контору колхоза.

Когда Джаннат вернулась домой, завтрак, оставленный на столе, клевали горлинки, осколки пиалы со следами сметаны лежали на земле, и кошка долизывала остатки. Турсунбай все еще спал. Три курицы, стащившие со скатерти катламу, с кудахтаньем носились по двору, отнимая ее друг у друга.

Джаннат стояла, не в силах и рта раскрыть.

— Да что ж это ты, горе мое, все спишь? Из-за тебя отец остался без завтрака и голодным отправился в кишлак. Разве ж так можно, родной мой!

Турсунбай, проснувшийся от материного причитания, поднял голову, потянулся и сбросил с себя одеяло.

— И поспать не дадите... — недовольным тоном сказал он.

— Ну сколько же можно валяться, сынок? А у сельчан наших горе — Расул-бува скончался.

Парень зевнул и, конечно, пропустил это мимо ушей.

— Отец туда пошел. Как позавтракаешь, тоже отправляйся к ним.

— Что мне там делать? Жарко сегодня. Лучше на речку схожу.

— Вай-вай, не говори так, сынок. Это долг человеческий — в горе не оставлять друг друга. Из трех кишлаков собираются

к ним в дом люди. Покойный был почитаемым человеком. Думали, до ста лет доживет. Ан нет, года не дотянул.

Турсунбаю уже, видно, надоели материнские наставления, и он недовольно оборвал:

— Ну, хватит! Голова уже болит от ваших разговоров.

Заметив, что сын рассердился, мать примолкла и только сказала:

— Хорошо, сынок. Больше не буду. Но пойти в дом Расулабува надо. Все дружки твои там. Говорят, даже сам Юлдаш Ахунбаев приехал.

Парень широко зевнул, еще раз потянулся и встал. Мать ушла в комнату, вынесла ему чистый носовой платок и новую маргиланскую тюбетейку.

Когда он направился к калитке, она нежно, с материнской лаской посмотрела сыну вслед, как будто и обид у нее не было.

— Хоть бы чаю попил, глупенький ты мой!

Выйдя на улицу, Турсунбай в нерешительности остановился, не зная, куда все-таки держать путь.

Потом, вспомнив, что мать, кажется, говорила что-то про панихиду и что на нее приедет сам Председатель Президиума Верховного Совета республики Ахунбабаев, решил пойти в дом Расулабува. «Интересно, какой из себя Ахунбабаев?» Мать рассказывала, что, когда отец был однажды в Ташкенте и по старой памяти зашел к Юлдашу-ота, как величали Ахунбабаева в народе, тот поинтересовался: «Как сынок-то, небось уже вырос в настоящего джигита?»

Турсунбай, не раздумывая больше, направился к гузару.

На тихой в обычные дни улочке было шумно и многолюдно. Из многих соседних кишлаков собрались люди на похороны Расулабува.

Среди людей, запрудивших улицу, прокатился шепот: «Ота едет! Юлдаш-ота едет!»

Шум мотора, который с каждой минутой приближался, вдруг смолк. Хлопнули дверцы. Из-за поворота показалась группа людей. Выставив вперед клиновидную бородку, шел среднего роста старик. Это был Юлдаш Ахунбабаев. Рядом с ним шагало местное руководство — Раимберди, Икрамджан, Умматали и еще какие-то люди.

— Удивительный это был человек, — говорил о Расулабува Раимберди. — Все его в кишлаке почитали. Восемь сыновей и дочь вырастил, тридцать восемь внуков у него. Больше всех, бедняга, любил свою единственную дочь. И надо ж такому случиться: пришел в гости к дочери и на руках у нее и умер.

Икрам вспомнил вчерашнюю встречу со стариком. Значит, бува как ушел навестить внука, так и не вернулся домой. Там и отдал богу душу.

Ахунбабаев хорошо знал Расулабува. Тоже кое-что вспомнил:

— С его младшим братом мы вместе батрачили в кишлаке Ишантупи. Он, бывало, часто навещал нас там. Приедет, гостинцев

привезет, а мы и рады. В прошлом году в Ташкент с внуком приехал. Прихожу на работу, ждет в приемной. «Так и так, мол, выучите мне его. Пусть человеком настоящим станет, образованным, грамотным. Пусть увидит то, чего мы не видели». Пристроил я его внука в медицинский техникум.

— Да, — заметил Раимберди. — Он сейчас здесь на каникулах. Скоро и у нас в кишлаке свой доктор будет.

Огромная толпа людей загрохотала улицу перед домом Расулабува. Весь кишлак вышел прощаться со стариком. Люди стояли вдоль дувалов, мальчишки взобрались на деревья, несколько аксакалов присели на суне, на которой обычно любил сживать Расулабува.

Ахунбабаев присел на корточки у входа в дом. Люди подавали знаки, чтобы Юлдаша-ота проводили на почетное место. Но Ахунбабаев, попросив не беспокоиться, продолжал сидеть. На супе потеснились. Раимберди приподнял его под руки и усадил рядом с аксакалами на суну.

Мулла прочитал заукоийную молитву, и траурная процессия направилась на кладбище. Когда вышли к гузару Зириллямы, люди, ехавшие на арбах, повстречав процессию, сходили с них, конные спешивались, чтобы на своих плечах хоть несколько шагов пронести гроб, затем передавали его другим. Ранние завсегдатаи чайхан, парикмахеры, продавцы и просто прохожие вскакивали со своих мест, оставляли свои дела, чтобы отдать дань почтения и проводить в последний путь уважаемого в кишлаке человека.

Эту древнюю народную традицию очень чтит и берегли в Зирилляме. В этом каждый видел свой великий долг перед уходящим в последний путь.

Ахунбабаев тоже нес на плечах гроб, сменяясь с другими, и вспоминал своего отца. Отец его с покойным дружил когда-то. И когда умер отец Юлдаша-ота, Расулабува приезжал в кишлак хоронить друга. С тех пор Юлдашвай сохранил любовь и уважение к этому человеку. Ему сейчас казалось, что он хоронит родного отца, потому что Расулабува был одним из самых дорогих и близких отцовых друзей.

Юлдаш-ота никогда не забывал об этом старце, которому пошел недавно сотый год, даже там, в Ташкенте, будучи Председателем Президиума Верховного Совета, занимаясь государственными делами, помнил о нем. И когда путь его лежал в эти края, он обязательно заезжал к Расулабува, чтобы почтить старика и получить его благословение. Вот и не стало теперь Расулабува, которого любили и уважали в кишлаке все от мала до велика. Ни одна свадьба, ни одни поминки не обходились без его участия. Жениха и невесту перед обрядом бракосочетания привозили к нему получить благословение аксакала. Приходили к нему с поворожденным, чтобы он нарек малыша именем.

Люди, несущие гроб на плечах, и толпа, шедшая вслед, повернули к кладбищу. Туляйбай долго вглядывался в лица, выискивая

кого-то. Наконец он схватил за локоть мужчину с редкой бородой, поспевающего за всеми.

— Умматали-амаки¹, скорее бегите домой.

Мужчина от неожиданности остановился и растерянно посмотрел на Тулянбая:

— Что случилось?

— Ваш сын всю махаллю на ноги поднял — с арбакешами дерется, — отдышавшись, сказал Тулянбай.

Умматали, ни слова не говоря, работая локтями, стал быстро выбираться из толпы. Он уже привык к тому, что его находят и отправляют домой со свадеб или похорон, потому что опять напроказничал его сын. Умматали и не припомнит, когда, на какой свадьбе или поминках он досидел спокойно до конца, как все люди. Сын его, Азизхан, не было дня, чтобы не устроил скандала или не ввязался в драку. Вот и сейчас. Умматали спешил к сыну и думал о том, что же произошло.

Многие арбакешы, оставив свои арбы на перекрестке, ушли за гробом. Вот этим и решил воспользоваться Азизхан. Он распряг двух лошадей, посадил на них верхом ребят, затем, сняв с петель одну створку чьих-то деревянных ворот, лег на спину и положил ее себе на грудь. После этого приказал ребятам взойти на этот помост на лошади. Вернувшись и не обнаружив лошадей, арбакешы услышали шум и восторженные крики ребят. Каково же было их удивление, когда они увидели такую картину: красный от натуги Азизхан, на груди которого стояла лошадь с наездниками, отдавал приказания загнать на помост вторую лошадь. Сначала арбакешы растерялись. Потом, рассердившись, разогнали мальчишек. Один из них подошел и дал пощечину Азизхану, успешному вскочить и отбросить ворота. Тот вскипел, а парень он был горячий, схватив обидчика за пояс, перекинул его через дувал. Тут остальные арбакешы набросились на него с кулаками. Но и они с ним не справились. Азизхан одного отшвырнул влево, другого — вправо. Раскидав их по сторонам, стоял посреди улицы, уперев руки в бока и покрикивая: «Ну, кто смелый, подходи поближе!»

Когда пришел Умматали, четверо арбакешей, стоя поодаль, на противоположном берегу арыка, ругали на чем свет стоит Азизхана, но подойти боялись.

Вообще арбакешы народ драчливый да и в мастерстве ругаться никому не уступят. Видя, что молодцы, которым не было равных по силе ни в Ташлаке, ни в Маргилане, боятся подойти к Азизхану, Умматали пристыдил их:

— И не совестно вам! Испугались какого-то мальчишку. Такие здоровенные верзилы и испугались.

Подталкивая сына в спину, Умматали отвел Азизхана в сторону:

— Да будет мне наконец покой? Смогу я хоть когда-нибудь

¹ Амаки — дядя.

в гостях спокойно выпить пиалу чая? Да будь проклят этот Хаджимукан, научивший тебя бороться!

Азизхан боялся отца. Что бы он ни натворил, стоило Умматали прийти и взглянуть в глаза сыну, у того опускались руки и немел язык. Так было и на этот раз.

Оглядевшись, Умматали увидел все еще лежащую посреди улицы створку ворот. Он сердито посмотрел на сына, и Азизхан, ни слова не говоря, подхватил тяжелую дверь и, протаскив ее на руках до ворот, водрузил на место. Когда сын отправился домой, Умматали повернулся к толпе и крикнул:

— Ну, топайте туда, откуда пришли! Представление окончено! А вы что стоите разинув рот, brave наездники! Запрягайте-ка своих лошадей и валяйте отсюда. Тоже мне палваны!

Разогнав ротозеев, Умматали мрачный пошел за Азизханом, чтобы дома постороже наказать сына. Но парня нигде не было. Умматали обошел дом, заглянул в сад — никого.

А Азизхан уже давно, перемахнув через дувал, играл с друзьями на соседней улице.

Умматали минуту стоял, глядя на него, улыбнулся и укоризненно покачал головой:

— Вот хитрец, а? Лишь бы образумился с годами!

Отец действительно очень беспокоился за судьбу сына. «Как необузданный дикий конь, норовист и пуглив. Скинет с себя любого, кто пытается его оседлать. Да, лишь бы был жив-здоров. А придет день, попадется ему сильная и волевая жена, уж она-то его обуздает, станет Азизхан тогда смиренным и послушным».

Так успокаивал себя Умматали.

III

А вскоре в кишлаке Зирилляма на гузаре произошло вот какое событие. Привели связанного Азизхана на площадь. От побоев на лице кровоподтеки и синяки. Разорванная рубаха висит лохмотьями. Ранние посетители чайханы и просто прохожие были свидетелями, как здоровенный детина избивает в кровь Азизхана, а тот только молча сносит удары.

И тут кто-то из толпы крикнул:

— Есть у тебя совесть, Акбар? Хватит избивать беззащитного! Ты ведь забьешь его до смерти!

А детина, не обращая внимания на возмущавшуюся толпу, продолжает бить, приговаривая:

— Убивать таких надо! Живьем в землю закапывать!

— Да опомнись ты! — схватил кто-то его за руку. — Если в чем-то виноват, милиция накажет. Прошли те времена, когда самосуд устраивали.

По рядам собравшихся прокатился гул: «Раимберди-тога идет! Слышали? Сам Раимберди-тога¹ идет!»

¹ Тога — дядя.

Пройдя сквозь расступившуюся перед ним толпу, в круг вышел председатель колхоза Раимберди Тухтабаев.

— В чем дело?

Увидев избитого в кровь, связанного Азизхана, спросил:

— Что еще натворил этот неугомонный?!

Детина, видимо, не хотел говорить при всех, но потом, все же осмелев, сказал:

— Этот негодник на рассвете забрался в мой сад.

— Своровал что-нибудь?

— Да я бы его тысячу раз простил, если бы своровал. Хотел влезть в постель к моей младшей сестре. На мое счастье, чутко сплю, проснулся от шороха. Ведь я ее недавно просватал. Через четыре дня свадьба. Этот негодник хотел оозорить нас.

Раимберди сердито взглянул на Азизхана:

— Он правду говорит?

Азизхан виновато опустил голову:

— Правду. Я только хотел спросить у нее.

Брат девушки чуть не задохнулся от возмущения.

— Вы только послушайте, что он говорит. Если бы не с черными мыслями, так лазил бы он через дувал! Или, может, одурманенный наркотиком, пришел у нее еще анаши попросить? Ну конечно, для этого надо одеяло отгибать!

— Да не курю я ничего. Дело у меня к ней было.

Его бестолковые ответы вызывали в толпе смех.

Раимберди, не удержавшись, тоже засмеялся.

— Интересно все же, что за дело у тебя к ней было?

Азизхан, не ожидавший такого вопроса, задумался.

Раимберди вспылил:

— Хей, что, язык проглотил, что ли? Отвечай же!!

— Она обещала мне дать почитать книгу «Тахир и Зухра».

— У, ты! — брат девушки занес над головой Азизхана кулак, но не успел ударить, его схватили за руку и оттеснили в толпу. — Сейчас как дам, будешь знать, как на рассвете «Тахира и Зухру» читать, — не унимался он.

Раимберди велел всем разойтись.

— Представление окончено! И ты, Акбарали, отправляйся домой! Я его сам пропесочу. — Взяв Азизхана за руку, он повел парня за собой.

Акбарали увязался было за ними, но Раимберди строго прикрикнул:

— Сказал тебе, иди домой!

Раимберди впереди, за ним Азизхан молча зашагали в правление. Народ стал расходиться. Какой-то озорной подросток в шутку бросил Акбарали:

— Надо сестричку твою доктору показать.

Его слова подлили масла в огонь. Акбарали посмотрел на подростка так, словно готов был проглотить его живьем. Тот вмиг

нырнул в толпу. А Акбарали, махнув на все рукой, отправился восвояси.

Азизхан молча шагал за председателем. Был он отчаянным сорванцом. И чего только он не вытворял — ни одна драка, ни один скандал в кишлаке не обходились без его участия. Крепкий и сильный от природы, он мог постоять за себя, да и друзей не давал в обиду. Как и все мальчишки, в детстве разоряя он птичьи гнезда, на спор лазил на высокие деревья, не раз падая и ушибаясь. Когда же в кишлаке никого не осталось, с кем бы он мог помериться силой, Азизхан решил обойти всю округу, чтобы побороться со своими сверстниками — силачами-палванами: бывало, побеждал, но и битым не раз приходилось возвращаться, но это не отбивало у него охоты искать новых приключений.

А стоило ему прознать, что кто-то из зирилляминских девчат удостоился внимания парня из другого кишлака, Азизхан не успокаивался, пока, не разыскав смельчака, не награждал его тумаками, чтобы впредь неповадно было заглядываться на чужих девчат.

Наделенный недюжинной силой, он развлекал соседских мальчишек тем, что останавливал проезжавшие мимо тяжело груженные арбы, удерживая за заднее колесо, или забрасывал себе на спину зубами тяжелые мешки с зерном или с мукой. В кишлаке он получил прозвище «Козырь». И вот в сердце этого парня неожиданно вспыхнула любовь.

Обычно влюбленные парни бывают застенчивы; слышав знакомый девичий голос, тяжело вздыхают. Но Азизхан таким не был. И любовь его была такой же безрассудной и бестолковой, как он сам.

Разве мог Азизхан когда-нибудь предположить, что Лютфиниса, та самая Лютфиниса, с которой он бегал вместе в школу, дергал за косички, лишит его покоя и сна, заставит его вздыхать ночами. Любовь в нем проснулась неожиданно, вдруг. Она грянула как гром среди ясного неба, вспыхнув ярким, горячим пламенем. И вот с этого самого момента Азизхан неожиданно для себя стал искать встречи с Лютфинисой, следить за каждым ее шагом. А повстречав девушку в безлюдном, тихом переулке, забывая про обходительность, обнимал ее, прижимал крепко к груди. Да и Лютфиниса особо не противилась этому. Как и все кокетливые девушки, она слегка лишь ломалась — как-никак девичью честь надо блюсти и гордой быть, — но позволяла Азизхану обнять и поцеловать себя. Узнав об их тайных встречах, брат Лютфинисы Акбарали поколотил сестру. Но и эта мера не помогла. Как говорят, запретный плод сладок, девушка еще больше потянулась к Азизхану. Лютфиниса, на которой лежали все домашние дела, совсем забросила хозяйство и стала только следить за собой. Соберется на улицу, незаметно выскользнет за калитку и давай пудриться и душиться, чтобы брат не заметил. Там, где она пройдет, долго еще стелется за ней аромат духов. Этот дурманящий запах еще больше сводил с ума

Азизхана. В те дни, когда не удавалось договориться о встрече, он часами ходил возле ее калитки.

Совсем потерял голову ее брат Акбарали от этой бестолковой любви и тайных встреч Лютфинисы с Азизханом. Были бы живы родители, посоветовался бы, как поступить, но они давно ушли в мир иной, оставив решать судьбу дочери ее старшему брату. И наконец, не выдержав, Акбарали просватал сестру за маргиланского ремесленника. Назначили и день свадьбы. Акбарали, чтобы оградить себя и сестру от каких-либо случайностей, перестал выпускать Лютфинису на улицу.

Узнав о приготовлениях к свадьбе, Азизхан вовсе потерял покой. Поехал в Маргилан в надежде выследить жениха и избить до смерти, но, так и не встретив его, вернулся ни с чем в кишлак. Послал тогда записку девушке: «Выйдешь замуж — зарежу!» Передали ей его послание или нет, но ответа Азизхан не получил.

Он стал ночами бродить вокруг дома Лютфинисы. И вот сегодня ночью, вконец исчерпав свое терпение, перелез к ним в сад через дувал. Он крался так осторожно, что даже не разбудил огромную собаку-волкодава, сторожившую сад. Азизхан решил выкрасть девушку. Правда, не знал, согласна ли она, но это его и не волновало. Азизхан тихонько подполз к айвану, где спала его возлюбленная. Она лежала, накрывшись до подбородка одеялом, длинные косы ее рассыпались по подушке. Опьяненный запахом ее волос, Азизхан тихонько потянул за край одеяла: девушка в темноте, не узнав Азизхана, вскрикнула от испуга. От ее крика все в доме проснулись. На шум сбегались соседи. Азизхан, вместо того чтобы бежать прочь, почему-то бросился к сложенной у дувала куче хвороста и спрятался за ней. Его поймали, скрутили веревками руки и стали колотить — кто палкой, кто кулаком, стараясь попасть в голову, но Азизхан не вырывался и не сопротивлялся. Били его, пока не устали; Азизхан стиснул зубы и не издал ни звука.

А Лютфиниса стояла на айване, обхватив столб, и плакала от бессилья, оттого, что не может помочь Азизхану.

Когда подошли к конторе, Раимберди окликнул какой-то старик и стал на кого-то жаловаться председателю. Воспользовавшись тем, что Раимберди-тога отвлекся, Азизхан шмыгнул в соседний переулок, а оттуда дворами вновь добрался до дома Лютфинисы.

Акбарали очень удивился, застав Азизхана сидящим в тени дерева напротив их калитки. Он даже протер глаза — не сон ли? Что же делать, если этот толстокожий добрых слов не понимает, кулаки на него не действуют. Может, уговором, мольбой попробовать. Подойдя к Азизхану, он приложил руки к груди и умоляющим голосом произнес:

— Послушай, дорогой! Оставь мою сестру в покое, не позорь нас! Как мне людям в глаза смотреть?! Или уехать из кишлака?

Ни один мускул не дрогнул на лице Азизхана.

— Можешь переезжать, но Лютфинису оставишь.

— Да с тобой разве как с человеком договоришься? И зачем

только мы, дураки, забрали тебя обратно от Хаджимукана, уж и оставался бы у него. Вот горе-то на мою голову, — сказал Акбарали и, с силой толкнув ногами калитку, вошел во двор.

И тут же со двора донеслась его ругань и плач Лютфинисы; зазвенела разбитая посуда.

Азизхан услышал:

— Коли глазами телка не моргнет, бычок веревки не оборвет. Если б ты, мерзавка, не кокетничала с ним, он бы, поганец, так не лип к тебе!

— Кроме Азизхана, ни за кого не пойду. Лучше отравлюсь, чем за другого замуж выйду! — давясь слезами, кричала Лютфиниса.

— Что хочешь с собой делай, все равно по-моему будет.

— А я покончу с собой, оставлю письмо, что вы меня довели до самоубийства.

Из-за забора сквозь звон разбиваемой посуды слышались крики и плач Лютфинисы, топот убегающих ног.

Азизхан улыбнулся и встал. «Здорово! Молодец!» — повторял он про себя, одобряя Лютфинису.

Азизхан решительно направился домой в надежде хорошо отоспаться и потом уже придумать, как поступать дальше.

Прохожие удивленно оглядывались на улыбающегося парня в разорванной рубашке, с синяками и ссадинами на лице, гордо шагавшего по улице. Знакомые и друзья улыбались; другие удивленно таращились на него: «Видали влюбленного?! Вот это и есть тот самый Меджнун!» Вслед ему доносился хохот.

Но ни насмешки, ни обидные слова не трогали сейчас Азизхана.

IV

В доме Акбарали готовились к свадьбе. Скоро придет жених со своими дружками и улицы кишлака наполнятся веселыми криками и звуками сурная. Кишлачные девушки, близкие подружки Лютфинисы, окружив невесту, распевая свадебные песни, проводят ее в дом жениха.

Когда Азизхан думал об этом, он готов был завывать от боли, будто нутро ему грызли собаки. Он уходил из дому чуть свет и долго где-то бродил, вздыхая и охая в одиночестве.

Отец его, Умматали, принарядившись — надел новый халат и тюбетейку, ушел с утра в дом Акбарали, где сегодня готовили плов. Азизхан никак не мог успокоиться — стоило ему вспомнить о сегодняшней свадьбе Лютфинисы, не находил себе места, вскочив, метался по комнате, шлепая себя по лбу.

Но еще больше заняло в груди, когда над кишлаком раздались задорные звуки сурная, раскатистый бас карная и веселая барабанная дробь. Он с силой толкнул ногой калитку и вышел на улицу. Азизхан был в таком состоянии, что, попадись кто ему сейчас под руку, избил бы до смерти. В отчаянии он взывал к аллаху сжалиться над ним, требовал справедливости, забыв о том, как сам, проникнув в чужой двор, собирался выкрасть девушку; встре-

чался с ней тайком, допьяна целовал ее, вопреки всем запретам Акбарали.

Достигнув совершеннолетия, Азизхан как раз переживал тот возраст, когда казалось, что все в этом мире подвластно силе.

Дружки жениха с веселыми криками приближались к дому Акбарали. Азизхан и не заметил, как ноги сами понесли его в ту сторону.

Темнело. Улицы, подметенные и политые водой по случаю свадьбы, были чистыми и прохладными. Женщины, глядевшие из калиток на свадебное шествие, завидев Азизхана, жалостливо качали головами. «Каково бедняге все это вынести?!» Парень ничего не замечал. А может, просто не придавал их словам значения. Азизхан, стоя за деревом, некоторое время наблюдал за свадебным шествием. У самой калитки толпа расступилась, образовав круг: музыканты заиграли громче, парни и мальчишки пустились в пляс. Азизхан поглядел по сторонам и, незаметно шмыгнув в переулок, перелез через дувал. Облюбовал себе место на высокой развесистой груше, откуда хорошо просматривался двор с расстеленными для гостей коврами на сури¹. Он устроился поудобнее на крепкой ветке и набрал полную пазуху крепких, еще незрелых груш.

Наконец пляски закончились и жених в окружении своих дружков прошел во двор, где были накрыты для гостей дастарханы. Женщины осыпали жениха конфетами и серебряными монетами. Мальчишки с радостным визгом ползали по земле, собирая сладости и деньги. Азизхан достал из-за пазухи увесистую грушу и прицелился в жениха, который заметно выделялся в толпе — он был в чалме, украшенной какими-то блестками. Но в этот момент его заслонил какой-то долговязый парень. Азизхан стал выжидать более благоприятного момента.

Сначала рассадили стариков на ковры. Молодежь расположилась за столами на длинных, сколоченных наспех скамьях. Двое дружков, взяв жениха под руки, подвели к дому. Кто-то догадался, подставил жениху табуретку, и тот сел. А муллу, который стоял рядом, усадили напротив. Шли приготовления к обряду бракосочетания. Азизхан прицелился в муллу и с силой швырнул грушу. Пущенный как из пращи, тяжелый плод сбил с головы старика чалму. Люди в недоумении стали озираться и пожимать плечами, ничего не понимая. Кто-то поднял с земли размотавшуюся чалму и подал мулле. Стало совсем темно. Включили четыре большие лампочки, подвешенные на деревьях. Сильный яркий свет хорошо освещал двор.

Мулла уже успел снова намотать чалму. Азизхан вновь взял его на прицел. Удар пришелся тому в голову, и мулла, схватившись за ухо, с воплем подпрыгнул на стуле. Азизхан обрушил настоящий град на жениха. У того было разбито в кровь лицо.

¹ Сури — деревянный широкий помост для сидения.

Досталось, конечно, и кое-кому из его дружков. Во дворе поднялся такой шум и гам, что никто не мог сообразить, что же происходит. Азизхан последнюю грушу швырнул в окно, и оно со звоном разлетелось на мелкие осколки.

Азизхан, довольный, опять наполнив пазуху грушами, тихонько спустился с дерева в сад и исчез в темноте. За дувалом стоял невообразимый шум — кричали, звали на помощь, бранились, смеялись, — словом, свадьба была расстроена.

Этот беспорядок продолжался с полчаса. Жениху обмыли лицо. Оно все было в синяках и в ссадинах.

Но мулла отказался читать обрядовую молитву.

— Мне моя жизнь дороже, — сказал он. — Можете сами благословить молодых.

Как ни уговаривали его, не смогли уговорить. Мулла встал и отправился домой. Но Акбарали успел поймать его за полы халата у самого выхода и втащил обратно во двор.

— Мы ведь на вас надеялись, таксыр¹. В этом кишлаке нет у нас другого муллы, знающего старые обряды. Я ведь за вами в Куву людей посылал, чтобы привезли вас.

Акбарали так сердито посмотрел на старика, что вконец перепуганный мулла вынужден был согласиться.

— Хорошо, хорошо, сынок! Но сделать это лучше в комнате.

Акбарали, довольный тем, что уговорил муллу, подхватил его под руку и провел в комнату. Жених с распухшим лицом поплелся за ними.

И тут вдруг одна за другой стали хлопать и гаснуть электрические лампочки — это Азизхан добивал их из укрытия в соседнем дворе. Стало темно хоть глаза коли. Уже было успокоившийся народ опять пришел в замешательство — люди в темноте натыкались друг на друга; звенела разбитая посуда; кто-то опрокинул самовар, и угли шипели, заливаемые водой; стоял такой гвалт, что ничего нельзя было понять. И сквозь эти крики слышался визгливый голос муллы: «Ягнята мои, кто наступил на конец моей чалмы? Где же мои кавуши?»

— Вайдод! — завопили вдруг женщины. — О мы, несчастные! Этот негодник, как и грозился, выкрал-таки Лютфинису!

Зажгли фонари, принесли свечи.

Акбарали от стыда и обиды заскрежетал зубами. Вытащив из чехла нож, которым только вчера резали теленка, присланного в подарок женихом, процедил:

— Зарежу! Убью гада!

Жених со вспухшим и красным, как помидор, носом схватил Акбарали за ворот:

— Найди девушку, подлец! А-а! Хотел продать мне паршивую овцу, скрыл, что у нее есть любовник. Давай сюда мне мою жену.

Один из аксакалов одернул его:

¹ Таксыр — почтенный.

— Стыдно, сынок, так говорить. Не обручившись, нельзя называть девушку женой. Это не по шарияту.

— А чего мне стыдиться? Пусть вам будет стыдно! Пусть вот этому обманщику будет стыдно! Семьсот целковых я потратил на свадьбу, и мне же стыдиться?! Если немедленно не вернешь мне денег, подожду твой дом.

Акбарали аж заскрежетал зубами. Таких слов он обычно не прощал. Но сейчас вынужден был взять себя в руки и виновато сказал:

— Потерпите, найду ее! Если даже в небо взлетела, за ноги стяну, под землю провалилась — за уши вытащу.

— Ты теперь свою порочную сестру посреднику отдай.

Когда Акбарали горячился, пальцы его сжимались в кулак. Да и сейчас он готов был наказать обидчика, но если шайтан шептал проучить жениха, то ангел призывал к смирению и покорности.

Ввернули в патроны новые лампочки — стало опять светло. Во дворе был такой беспорядок, словно здесь проходили кулачный и рукопашный бой. Столы и скамейки опрокинуты, паласы сбились в кучу, под ногами валяется еда, втопанная в землю. Стиснув зубы, Акбарали стоял перед женихом с ножом в руке, низко пригнув голову, потом вдруг поднял голову и зло посмотрел в глаза жениху:

— Неудобные слова вы мне сказали. Если бы это произнес кто другой, я бы из него кишки выпустил и намотал бы на голову, как чалму. Сестра пригнула мне голову перед вами и за это ответит. Мать родила меня мужчиной, и я должен вытерпеть любое тяжелое испытание. И вас прошу не горячиться. Зайдем-ка лучше в дом и поговорим. Свадьба продолжается, люди не расходятся, а ну, музыканты, давай!

Акбарали быстро зашагал в дом, увлекая за собой жениха. Следившие за ними люди усталились на дверь, за которой они скрылись. Через некоторое время Акбарали вышел, огляделся вокруг и, увидев сидевшего в углу и все еще охающего муллу, который прикладывал к вспухшему уху мокрую вату, взяв его за руку, усадил на стул. Потом, что-то сказав ему, исчез снова в доме. Гости молча наблюдали за всем происходящим. Что он собирается делать? Неужто девушка нашлась?! И все устремили на дверь любопытные взгляды. Акбарали появился быстро. Гости — женщины и мужчины, старики и дети — повскакали с мест.

Акбарали тащил за руку свою пятнадцатилетнюю дочь. Девочка, не понимая, чего от нее хотят, испуганно таращила глаза и все повторяла: «Это не я! Я не виновата!» Она почему-то решила, что ее обвиняют в бегстве тети, в том, что она помогла бежать Лютфинисе. Акбарали подвел девочку к жениху и крикнул мулле:

— Читайте молитву, аксакал!

Все ахнули от удивления. Из толпы вышел седобородый старец и, стуча клюкой, подошел к стоявшим возле муллы.

— Ты в своем уме, дурень? Одумайся! Что ты делаешь?

Акбарали, недовольный тем, что ему помешали, оттолкнул старика и отвернулся, давая понять, чтобы не вмешивались не в свое дело.

Жених, молодой человек лет тридцати, был невысоким и плотным. Девочка перед ним дрожала, как кролик, брошенный в клетку ко льву. Наконец, сообразив, что происходит, она, как подкошенный стебелек, упала перед отцом на колени, прося у него пощады.

У наблюдавшего за всем этим Умматали сердце обливалось кровью — он чувствовал и свою вину, но подойти боялся. Он стоял в толпе односельчан, прислонившись к дувалу и весь как-то сжавшись: ему почему-то казалось, что если Акбарали заметит его, то кинется к нему, схватит за ворот рубахи и начнет трясти, требуя разыскать сына. Чуть раньше, когда Акбарали выхватил из чехла нож, у Умматали поджилки затряслись от страха и он, чтобы не упасть, присел на сури. Умматали прекрасно понимал, что в случившемся виноват Азизхан. И вот теперь жертвой всех этих злоключений становится пятнадцатилетняя девочка, совсем еще ребенок, которая и в куклы-то не научилась играть и бегать босиком по пыльным улицам с подружками. И такой человек, как Акбарали, гордый и сильный, настоящий джигит, который ни перед кем шапки не снимет, а если тюбетейка с его головы слетит, за деньги любого заставит поднять, нынче не может смотреть в глаза людям.

Умматали в душе очень переживал случившееся. «Что ты натворил, сынок? Что же ты так осрамил Акбарали перед всем кишлаком? Этот случай черным пятном ляжет теперь на его душу! Простит ли он тебя? Ведь не успокоится, пока не отомстит! А каково мне?! Разве люди не проклянут меня за то, что я воспитал такого сына? Разве они не вправе плюнуть мне в лицо?! Ты заживо похоронил меня, сынок!»

Снаружи послышался шум приближающейся машины, и несколько минут спустя во двор вошел Раимберди-тога. Видно, кто-то из мальчишек успел известить его о случившемся.

Завидев Раимберди, все облегченно вздохнули. Председатель колхоза пользовался заслуженным авторитетом у односельчан — депутат Верховного Совета СССР, член бюро обкома, был он уважаемым в кишлаке человеком, к слову и к совету которого прислушивались и стар и млад.

Не обращая внимания ни на кого, он прошел к тому месту, где сидели жених и мулла. Акбарали стоял понуриив голову.

— Постеснялся бы людей. Есть власть, есть закон! А вы!.. — Раимберди обернулся к гостям. — Можете потихоньку расходиться. Считайте, что свадьбы не было.

— А со мной что будет? — осторожно спросил его жених.

Раимберди-тога многозначительно посмотрел на него:

— А вы встречались с девушкой до свадьбы? Получили ее согласие?

Жених удивленно, не понимая, зачем это надо, пожал плечами и кивнул на Акбарали:

— Вот с ним договаривался. Если бы он не дал согласия, неужто бы я женился на его сестре?

— А вы разве не знали, что по нашему новому закону без согласия девушки не имеете права жениться на ней?

— Столько потратил на свадьбу—и теперь нельзя? Через суд я с него взыщу деньги... Я им покажу...

Тога сердито оборвал его:

— Суд не примет во внимание ваше заявление. Свадьба без согласия девушки считается незаконной. Смотрите еще, как бы вас самого не привлекли к ответу.

Жених замолчал, словно воды в рот набрал, и испуганно заморгал глазами.

Собравшиеся на свадьбу гости стали потихоньку расходиться.

Раимберди-тога укоризненно посмотрел на Акбарали. Обычно веселый и жизнерадостный парень, который за словом в карман не полезет, умеющий всегда постоять за себя, сейчас стоял понуриив голову и от стыда прятал от него глаза. Раимберди стало жалко его.

— Послушай, сынок! Ну что ты так пригорюнился! Сам виноват! Если бы раньше подумал, как молодым помочь,— все было бы иначе. Сестру твою сокол унес. А ты знаешь, каким бывает сокол. Никому не даст в обиду свою соколицу. А если, случается, отобьют ее у него, то он, бросившись камнем с большой высоты, разбивается о скалы. Лютфинису унес настоящий сокол. Не преследуй и не ищи их. Настанет день, сами придут с повинной. На коленях у тебя попросят прощения.

Акбарали молчал. Тога, попрощавшись, вышел на улицу.

Долго стоял Акбарали, прислонившись к дверному косяку. Пропели первые петухи. А во дворе, перешептываясь, женщины убирали со столов посуду, сметали в кучу осколки, сворачивали паласы, но Акбарали ничего этого не замечал.

В душе его все сильнее разгорался огонь мести.

Как сквозь туман услышал голос жены: «Папочка, идите спать, уже поздно». Акбарали ничего не ответил.

Погасили свет.

И тень Акбарали, стоявшего у входа в дом, растворилась в темноте.

V

Умматали охватила тревога. Лишь бы Акбарали чего-нибудь не сделал с парнем. Может, лучше сообщить в милицию?

Умматали ворочался в постели — тревожные мысли не давали ему заснуть. Как только подрос его Азизхан, не стало в доме покоя. У других дети как дети — тихие, послушные, родительскому слову не перечат. А Азизхану говори не говори, как об стену горох — все свое гнет. В кишлаке все уже привыкли к его проделкам и внимания не обращают. Как-то,— кажется, тогда Азизхану было четырнадцать лет,— возвращаясь с работы домой, Умматали

услышал со двора восторженные ребячьи крики. Стремглав влетел во двор, и перед глазами его предсталла такая картина — Азизхан лежал на спине, держа на груди дверь, которую вытащил из петель, и на нее взобрались несколько мальчишек. Умматали разогнал тогда всех, а сына отругал. А через год Азизхан выкинул другой номер: повиснув на стволе урючины вниз головой, держал зубами трехгодовалого телка, обвязанного скатертью. А был случай, когда Раимберди-тога строил водопровод для колхозного медпункта и сгрузил на улице двадцать водопроводных труб. Азизхан со своими дружками играючи свернули все эти трубы в кольца. Дорого пришлось Умматали заплатить за шалости сына, и сгоряча он так отхлестал Азизхана ремнем, что тот сбежал из дома и целую неделю скрывался у дяди, пока Умматали сам не привел его домой.

Умматали удивлялся, откуда у парня столько силы и энергии. Как ни старался вспомнить — ни в его роду, ни в роду жены таких силачей не было. Так вот и рос у тихих, спокойных родителей озорник и непоседа, который никому в кишлаке проходу не давал.

И сейчас, вспоминая все это, Умматали успокаивал себя тем, что Акбарали вряд ли сладит с его сыном. Если только не застанет его ночью, врасплах, когда Азизхан будет спать. Но Азизхан спит чутко, просыпаясь от малейшего шороха, — бабочка пролетит, и то услышит.

Где он сейчас? Сыт ли, голоден? И куда подался с Лютфинисой? Может, к дяде направился? Нет, он туда не пойдет. Знает, что прежде всего там будут его искать. Скорее всего, он ушел в тугай¹. Но разве там долго пробудешь — спать и есть надо.

Что ни говори, а сын он ему, и болит душа за него. Как и любой отец, Умматали живет мечтами о том дне, когда наконец Азизхан станет взрослым мужчиной и будет приносить своим трудом пользу людям, станет гордостью родителей, родных и близких. Ведь парень-то он не плохой — не пьет и не курит. Только вот необузданный какой-то, горячий. Если припомнить, немало хороших поступков он совершил — вынес из огня близнецов, когда вспыхнул пожар у соседа, во время наводнения, бросившись в холодную воду, спасал колхозное стадо. И как несовместимы эти его хорошие поступки с его озорством. Он как бурливая горная река, направь ее в правильное русло, напоит влагой жаждущие поля и сады. Сколько пользы принесет. А нет, так размочит она берега, затопит посевы и причинит столько вреда. Но кто укротит эту реку?!

Умматали думал, и казалось, мыслям его не будет конца.

Рассвело. Умматали и не заметил, что жена его уже встала и подметала двор, при всяком скрипе или стуке поглядывала она на калитку — может, это сын вернулся с гулянья. О случившемся вчера Умматали ничего ей не сказал. В последнее время жена заметно сдала, пошаливало больное сердце, кружилась голова, и порой она даже теряла сознание. Расстраивать ее не хотелось, но ска-

¹ Т у г а и — камышовые заросли.

зять надо. Не поведаете сам, узнает от других, которые не преминут добавить что-нибудь свое. С горошину слово в орех раздуют. На чужой роток не накинешь платок.

Умматали, наклонившись над арыком, умылся, вытерся поясным платком и спокойно, стараясь не выдавать волнения, сказал жене, поглядывавшей на калитку:

— Можешь не глядеть. Упрямец твой не придет сегодня. Может даже, его несколько дней не будет. Только ты не волнуйся.

Жена резко повернула к нему испуганное лицо:

— Ой, умереть мне на этом месте. Чует материнское сердце: в милицию он попал. И вы ничего не сделали для того, чтобы его вызволить?

— Да успокойся ты. — продолжал он спокойным тоном. — Ничего такого не случилось. Сын твой жив-здоров. Просто вчера он выкрал себе невесту с чужой свадьбы в подвенечном платье, только и всего.

— Ой, позор! Какой позор! — запрчитала жена, и слезы градом покатались из глаз.

Она присела и, хлопая ладонями по коленям, все причитала и плакала.

— Ты что, впервые слышишь о проделках сына? А?.. Впервые слышишь?! Ничего не случилось. Все тихо-мирно. Подумаешь, всего-навсего свадьба расстроилась... — стал успокаивать жену Умматали.

Этот шутливый тон мужа, когда речь шла о судьбе сына, еще больше рассердил ее.

— Что вы масла в огонь подливаете? Вы лучше скажите, что нам теперь делать? Это вы во всем виноваты — сына распустили, вовремя не одернули, не приструнили!..

А Умматали все отшучивался:

— Ничего ведь страшного не случилось. А наоборот, считай, без всяких расходов и калыма мы невесту в дом заполучили. Другие за нас расплатились, и бычка зарезали, и плов варили, и музыкантов наняли. Нам только обручить их осталось и ввести в дом луноликую невестку.

Жена зарыдала пуще прежнего:

— Вы еще и издеваетесь надо мной! Никого мне не нужно! Я сыну, если захочу, дочь председателя исполкома сосватаю!

— Да, — вздохнул Умматали, — за твоего сына, кроткого как ягненок, мечтают выйти замуж дочери председателей исполкомов и Хорезма и Ташкента. Уж все глаза проглядели, ожидаючи тебя. Лучше успокойся. Нечего понапрасну слезы лить. Хватит крика и слез в доме Акбарали. Давай-ка лучше сядем вот сюда и подумаем, как нам дальше жить. Что делать, если сын приведет девушку домой? Вот задача, а?

Жена Умматали притихла — муж говорил по делу. Как это ей сразу в голову не пришло. Как посмотрят на это соседи, родные?!

Как она посмотрит людям в глаза? Разве думал об этих последствиях ее сорванец, выкрадывая Лютфинису?

Из всех проделок, с которыми давно свыклись родители, эта была похлеще других. Да и как могут они сейчас облегчить страдание и горе брату Лютфинисы, ее родным.

Умматали, хлопнув себя по коленям, вскочил с места:

— Собирайся, жена! Никому ни слова! Иди переоденься, пойдем к Акбарали и скажем, что берем на себя все расходы по вчерашней свадьбе. Невесту примем в дом. Если не согласна со мной, можно собирать манатки, — в кишлаке нам оставаться нельзя. Ну, так что?

Жена с удивлением взглянула на него:

— С ума сошли, что ли? Чем вы оплатите расходы? Или припрятанные денежки у вас есть? Скажите, чтобы и я знала!

— Э-э, глупая женщина, откуда у меня могут быть припрятанные деньги. Скотину продадим! Наскребем сколько-нибудь!

— Стельную корову?! Которая не сегодня завтра отелится! Неужели вы думаете, я вам позволю это сделать?

Муж с женой спорили долго. Умматали все же уговорил ее пойти к Акбарали. По улице шли быстро, стараясь не задерживаться, кивком головы отвечая на приветствия односельчан, и вслед доносилось: «Молодец Азизхан! Так поступают настоящие джигиты!!!» Эти слова одобрения придавали им еще большую уверенность.

Акбарали от стыда готов был провалиться сквозь землю. Не в силах выйти на улицу, ходил по двору из угла в угол, как загнанный в клетку зверь. Увидев входящих к нему Умматали с женой, он сначала опешил. Но тут же, придя в себя, снова принялся поносить их:

— Да будьте вы прокляты, воспитавшие такого подлеца. Ну-ка топайте отсюда, пока целы!

— Успокойся, сынок! И выслушай нас!

— Ославили меня на весь кишлак, разорили, и после этого у вас хватает совести переступить порог моего дома? Стыда у вас нет! А небось считаете себя благочестивыми людьми?!

Умматали и сам с трудом сдерживал себя. Он так сердито посмотрел на жену, которая было раскрыла рот, что та вмиг приоткрыла.

— Все? Кончил? Теперь выслушай меня и не перебивай. Во-первых, все, что ты получил от жениха, весь калым мы возвратим ему. Во-вторых, мы оплатим все твои свадебные расходы. Твоя младшая сестра войдет в наш дом невесткой. Только не шуми, не кричи, все уладится.

Акбарали задумчиво почесал подбородок. Было такое впечатление, что он согласен с их условиями, но он вдруг переменялся в лице, махнул сердито рукой и зло сказал:

— Этого ни деньгами, ни помолвкой не искупить. Позор пал на мою семью. И только кровью я смогу смыть его. Уходите! У ме-

ня нет сестры. Именем моих покойных родителей я отрекаюсь от нее!

— Подумай, о чем говоришь, сынок, — возразил ему Умматали. — Язык без костей, мелет что попало. Мы пришли спасти твою честь. У нас ведь тоже были свои планы, которые мы связывали с Азизханом. Как же быть нам?

Акбарали, занесший ногу на ступеньку, ведущую на террасу, остановился и, резко обернувшись, процедил сквозь зубы:

— Пока я не отомщу этому нечестивцу и жалкому трусу, не быть мне Акбарали. Теперь уходите. А не то я не ручаюсь за себя.

Муж с женой переглянулись.

— Не вовремя мы пришли, — сказала жена. — Видно, он с утра чапан свой наизнанку надел.

Умматали молча направился к калитке. Жена его на цыпочках последовала за ним. В этом мрачном доме, казалось ей, справляют поминки, а не играют свадьбу.

Вслед им доносились проклятия Акбарали.

— Он не ругался, и ты ничего не слышала, — предупредил Умматали жену. — Крепись, женушка. Все беды теперь падут на наши головы. Слух об этом пойдет гулять по кишлакам. Так что на всю Фергану нас ославят...

— Лишь бы Акбарали что-нибудь не сделал с нашим сыном.

Умматали тоже думал об этом, но, чтобы не выдать тревоги, сказал:

— Он не такой! Да и сын твой не даст себя в обиду. Чего ты беспокоишься?

— Да уберезет его бог от всяких случайностей!.. Где ж теперь мой родненький бродит? — запричитала она с надрывом, и слезы медленно катились по ее морщинистому лицу.

Умматали сердито взглянул на жену:

— Перестань реветь! Не пропадет! С голоду не помрет!

— Хоть бы узнать, как он там.

— Где бы он ни был, вернется сюда. Куда он со своим хвостом денется? Где спрячется? Примем их в дом без благословения брата — народ нас осудит. Так что позор Акбарали и наш позор. Давай, жена, лучше переедем в другой кишлак.

— Из родного кишлака меня только ногами вперед вынесут, — снова всхлинула жена Умматали. — Никуда я отсюда не поеду.

Умматали предложил такое сгоряча. Куда им ехать? Ведь дурная слава следом потянется.

Так и шагали — впереди угрюмый, задумчивый Умматали, позади плачущая жена. У поворота на свою улицу Умматали неожиданно остановился.

— Ты иди, — сказал он жене. — А я пойду поговорю с Раимберди-тога. Как-никак он голова нашего кишлака. Может, что и дельное подскажет. Как он посоветует, так и поступим.

Умматали прошел мимо базарчика, сухо отвечая на приветствия знакомых. Мысли его сейчас были заняты одним — Азиз-

ханом. Наверно, и в Зирилляме, и в Ташлаке, и в Яккатуте, и в Заркенте — словом, во всех кишлаках Ферганской долины только и разговору было что об этом случае на свадьбе. И в чайхане, на базаре, в поле, на перекрестках — всюду люди только и толкуют о прошедшем.

— Слышали! Азизхан Лютфинису прямо у жениха из-под носа увел!

Одни одобряли его поступок, другие осуждали.

— Если бы девушка не согласилась, ее бы силком не уволокли.

— Верно говорят: если буренка глазами не моргнет, бычок веревки не оборвет!

До Умматали долетали обрывки этих разговоров, и на душе становилось легче.

VI

А тем временем Азизхан с Лютфинисой пробирались сквозь густые заросли камыша. Камыши еще не пожелтели, стебли кое-где были зелеными. Всю ночь шелестевшие на ветру, они теперь словно дремали под теплыми лучами утреннего солнца. В лужах неустанно квакали лягушки, встревоженно кричали дикие утята.

Атласное платье Лютфинисы было изорвано в лохмотья о кусты и колючки. Да и сама она вся перепачкалась в грязи, но от нее все еще исходил приятный запах духов. Азизхан шел впереди, прокладывая дорогу, раздвигая руками густые заросли камыша. Он временами оглядывался, подбадривая девушку, и без умолку повторял:

— Не устала, Лютфи? Ты у меня молодец! Смелая девушка!

То вдруг замолкал, подходил к Лютфинисе, обняв за талию, осыпал нежными поцелуями ее глаза, губы, щеки.

Они не знали, куда идут и как будут жить. Думать об этом не хотелось, хотя ни гроша в кармане у них не было, ни крыши над головой.

Но разве их могли сейчас волновать такие мелочи, когда они были пьяны от любви и счастливы и им казалось, что счастливей никого нет на белом свете. Утопая по колена в болотной грязи, они все продолжали идти. Порой Азизхан оборачивался и ласково гладил волосы Лютфинисы и шептал на ухо красивые и удивительно нежные слова.

Лютфиниса никогда не была такой счастливой.

Вскоре они выбрались на большую поляну. Справа снова тянулись густые заросли камыша, а слева до самого горизонта раскинулась бескрайняя желтая степь. И казалось, нет конца и края ни этой степи, ни этим тугаям. Азизхан вдруг насторожился — до его слуха донесся натужный рев мотора. Звук исчез, потом послышался снова, но уже где-то поблизости.

— Ты отсюда ни шагу! — предупредил девушку Азизхан. — Я пойду посмотрю, что там.

— А если тебя поймут? Что мне тогда делать? Я тоже пойду с тобой.

Азизхан хвастливо заметил:

— Пусть попробуют! Ты не бойся, сейчас вернусь!

Он быстро побежал в другой конец поляны и бесшумно исчез в зарослях. Пробирался он осторожно, стараясь не шуршать камышами, как охотник, напавший на след стада оленей.

Раздвинув густые камышовые стебли, Азизхан увидел дорогу и застрявшую в кювете машину. Невысокого роста старик лет шестидесяти с усталым лицом стоял, упершись руками в бока, и любовался бескрайней степью. Невдалеке от него молодой парень, то ли таджик, то ли узбек, в ковровой тюрбетейке, открыв капот га-зика, копался в моторе. Из открытой горловины радиатора струями бил пар. Задние колеса машины наполовину увязли в грязи. Из-под брезентового полога торчали тренога и лопата.

Почувствовав, что ему бояться их нечего, Азизхан вышел из укрытия. Старик тут же обернулся на шорох и, увидев молодого человека, радостно заулыбался, радушно ответил на приветствие Азизхана.

— В чем дело, ата? — весело спросил Азизхан.

— С самого утра мучаемся. Застрали вот посреди степи, — объяснил старик на чистом ферганском диалекте и кивнул на машину.

Азизхан обошел вокруг машины, остановился возле глубоко увязшего в глине левого колеса и, выпрямившись, сказал:

— Давайте попробуем. Говорят, от одного заяц сбежит, а двое возьмутся — ему не скрыться.

— Э, куда там, — махнул рукой шофер, недоверчиво поглядывая на самоуверенного парня. — Попробуйте, если сможете!

По его разговору Азизхан понял, что шофер родом из Намангана. Засучив рукава, он подошел к машине сзади.

— Ну-ка, садись! — приказал он шоферу. — И поддай как следует газу, а я сзади подтолкну.

Шофер нехотя забрался в кабину. Мотор натужно заревел — машина дернулась, из-под колес полетели комья грязи, забрызгав Азизхана с ног до головы. Он изо всей силы уперся плечом. Еще усилие, и газик выкатился на сухое место. Старик удовлетворенно поглаживал седую клиновидную бородку и твердил: «Вот молодец, а! Вот палван, а!»

Шофер, радостно улыбаясь, выскочил из кабины и, подбежав к Азизхану, затряс его руку:

— Силен, друг! В этой машине сорок четыре лошадиных силы, и с самого утра не могла выбраться отсюда, а у вас у одного силы больше, чем у нее. Далеко вам ехать? Скажите, хоть на край света отвезу. Если бы не вы, сидеть бы нам тут не знаю сколько! Спасибо, друг!

Старик с бородкой тоже подошел к Азизхану и двумя руками пожал ему руку.

— Если бы я был шахом, выполнил бы любое твое пожелание, сынок. К сожалению, я не шах, а всего-навсего инженер-ирригатор.

Большое тебе спасибо за помощь, здорово выручил ты нас. В Куйганяре меня ждут руководители республики.

Старик снял с руки часы и протянул их Азизхану:

— Возьми их, сынок. Не стесняйся, бери!

Покрасневший от волнения Азизхан отстранил руку старика:

— Нет, отец, не возьму. У меня нет таких срочных и важных дел, чтобы сверяться по часам. Вам они больше нужны.

Старик инженер оказался упрямым и все настаивал принять подарок.

— У меня есть другие, карманные. Ну, возьми их! — уговаривал он.

Азизхан наотрез отказался принять дорогой подарок. Старик никак не мог успокоиться, не зная, как отблагодарить парня, выручившего их из беды. Открыв дверцу кабины, он стал рыться в своем чемоданчике. Азизхан подошел и с трудом заставил его закрыть чемодан.

— Послушайте, отец. Если вы что-нибудь будете предлагать мне, я обижусь на вас. Возьму и закачу машину обратно в грязь.

— Если так, то не буду, — засмеялся старик и, сняв очки, спрятал их в карман. — Спасибо большое за твою доброту. Удач тебе во всем.

И, садясь в машину, бросил шоферу:

— Поехали скорее, сынок. В Каратепе перекусим, а там через Шахрихан и Хаккулабад до Куйганяра доберемся. А тебе далеко ехать?

Азизхан, словно ожидая этого вопроса, живо ответил:

— Если не трудно, довезите нас до Каратепы.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул старик инженер. — Хоть как-то отблагодарить смогу. Постой, что это ты сказал — нас? — Он выглянул из кабины и посмотрел по сторонам. — Ведь ты же один!

— Нет, нас двое.

— Ну так зови его скорее.

Азизхан, радостный, нырнул в заросли камыша. Спустя некоторое время, запыхавшись, он притащил за руку Лютфинису. Старик, увидев девушку, снова достал очки и зацокал:

— Ой какая красивая! Ей-богу, прямо красавица!

Лютфиниса, смущенно опустив глаза, теребила кончик платка.

Шофер завел мотор. Молодые взобрались в машину. Лютфинису усадили рядом с шофером, а инженер с Азизханом сели позади. Машина несколько раз подпрыгнула на ухабах и устремилась вперед.

Лютфиниса впервые ехала в машине. От страха она вцепилась в сиденье и почти не дышала. Молодые всю дорогу молчали, и старик инженер заговорил первым:

— Когда едешь по бескрайней голой степи, от ее однообразия и уныния дремать хочется. Казахи на верблюдах десятки километров покрывают и всю дорогу поют. Что увидят, о том и поют. Это

чтобы не заснуть и не заблудиться в степи. А что мы сидим и молчим? Как бы нам самим не задремать, парень. Давайте поговорим. Ну, начинай ты! Кто будешь? Откуда родом? И что это вы, как разбойники, прячетесь от людей?

Лютфиниса обернулась и с тревогой посмотрела на Азизхана: смотри не проболтайся!

Азизхан призадумался: стоит ли рассказывать старику обо всем, что случилось? Со вчерашнего вечера на сердце скребли кошки: он очень переживал за родителей, особенно за мать — вынесет ли она свалившееся на нее горе, выдержит ли ее больное сердце такую нагрузку. Азизхан понимал, что после их побега в кишлаке переполох, что об этой свадьбе знают теперь не только в соседних кишлаках, но и на много верст вокруг. Он сам очень переживал, что так случилось, но ведь иного выхода у него не было. Да и все это тяжелым камнем лежало на душе. Лучше рассказать, и гора с плеч. Человек он с виду хороший, добрый, этот инженер.

— Из кишлака мы убежали, отец! — Он кивнул на Лютфинису: — Со свадьбы ее выкрал. Всю ночь от погони скрывались в тугаях.

И Азизхан все по порядку выложил старику. Шофер, который молча крутил баранку, откинул даже голову назад, прислушиваясь к нему и порой от удивления качая головой. Старик слушал внимательно — лицо его то становилось серьезным, то расплывалось в доброй улыбке, а когда Азизхан закончил свой рассказ, он долго молчал. Шофер же под впечатлением услышанного все продолжал качать головой. Лютфиниса, то ли от страха, что ехала впервые в машине, то ли оттого, что теперь, когда Азизхан все рассказал, их поймут и отошлют обратно в кишлак, сидела ни жива ни мертва.

Машина быстро мчалась по ровной дороге. Мимо проплывал унылый пустынный пейзаж: кусты верблюжьей колючки, одинокие чахлые деревца саксаула, барханы, а высоко в ясном безоблачном небе парили орлы.

Вспугнутые ревом машины, из зарослей камыша, с озерец с крякнем вспархивали дикие утки и со свистом проносились над самой головой.

Старик сидел закрыв глаза, то ли он задремал, утомленный дальней дорогой, то ли о чем-то думал. По его одежде, по усталому лицу было заметно, что он уже не первый день колесит по этой степи.

Еще когда сели в машину, Азизхан заметил лежащий в ногах закопченный медный чайник и алюминиевый котелок, на ухабах они побрякивали, ударяясь друг о друга. Брезентовый верх машины, привязанный кое-где веревками, хлопал на ветру.

Азизхан сидел тихо, боясь разбудить соседа. Тот вдруг спросил, так и не открывая глаз:

— В кишлак не собираетесь возвращаться? Впрочем, вам нельзя сейчас туда. А родственников, как я понял, в этих краях у вас

нет? — Он откинулся на спинку сиденья и сквозь прищур задумчиво посмотрел на Азизхана. — Неделю вам придется.

Снова наступило молчание.

— А впрочем, постой! — оживился вдруг старик и хлопнул Азизхана по плечу. — Поехали с нами! Работа есть, жилье. Ни в чем нужды у вас не будет.

— Далеко ли?..

— Сначала в Куйганяр. К вечеру, надеюсь, до Учкургана доберемся. Там и будете жить. Хозяйство свое заведете. Нам нужны такие сильные и смелые парни, — улыбнулся старик.

Азизхан призадумался. А ведь они с Лютфинисой хотели сойти в Каратене. Там у них была какая-то дальняя родственница, но это от родного кишлака недалеко. Узнает Акбарали, не даст им тогда покоя. А этот человек и работу и жилье предлагает. Этот русский инженер не врет. Да и какой ему смысл их обманывать. Наверное, лучше согласиться.

Азизхан, наклонившись к переднему сиденью, что-то зашептал на ухо Лютфинисе. Она в ответ пожала плечами: мол, поступайте как знаете!

А старик в ожидании ответа закрыл глаза и словно бы вновь задремал.

— Хорошо, отец. Мы согласны. Вам не придется краснеть за нас. С любой работой я справлюсь. Прикажете только — горы сверну!

— Вот и хорошо, — сказал старик. — Дадим тебе работу по твоей силенке. Камни будешь ворочать, как легендарный Фархад. Перегородим Нарын и пустим его живительные воды в эти степи. Потом обуздаем буйную Карадарью и соединим каналом обе реки. Ну как, справишься?

Азизхан расплылся в улыбке и, сложив руки крест-накрест на груди, ответил:

— Если работа по силам человеку, то справлюсь.

Старик кивнул:

— Порой, конечно, будет и не по силам...

— И такая работа тоже по мне, отец, — гордо сказал Азизхан.

Инженер многозначительно посмотрел на него и по-отечески ласково обнял его за плечи.

Вскоре дорога запетляла меж дувалов, глинобитных домиков со стогами сена и гузапан на крышах и вывела их к гузару Каратены. Шофер остановил машину у чайханы, расположенной в тени густых деревьев. Стояла утренняя тишина. Грузный чайханщик, заснувший сидя на стуле, с грязным полотенцем в руке, проснулся от шума.

В эти края редко заезжали машины. Не прошло и минуты, как газик тотчас же окружила шумная ватага ребятишек — одни были голышом, другие в мокрых трусах, — вероятно, они купались где-то поблизости; животы, грудь и колени в налипшем на мокрое тело песке. Они восторженно разглядывали машину. Кто посмелее,

осторожно, как бы боясь спугнуть что-то, трогал капот, другие с опаской и с любопытством посматривали со стороны.

Чайханщик принес на подносе хлеб, сахар, несколько персиков, поставил его перед гостями. Чтобы показать, что он знает по-русски, обращаясь к старику инженеру, сказал: «Издрас, пожалиста, чай кушай» — и горделиво посмотрел по сторонам. Но, к сожалению, поблизости не было никого, кто бы мог по достоинству оценить его знания.

Лютфиниса, стесняясь незнакомых мужчин, отошла в сторонку и села на сури. Улыбаясь, наблюдала за мальчишками. Что ждет ее и Азизхана завтра, она не знала, да и не думала об этом, лишь бы рядом с ней был ее любимый. Закусив кончик платка, Лютфиниса украдкой любовалась Азизханом, и ей он казался настоящим сказочным батыром.

А «сказочный батыр» настолько проголодался, что, не обращая ни на кого внимания, уплетал за обе щеки лепешку, с шумом запиная ее горячим чаем.

VII

Азизхан с Лютфинисой вышли из машины на выезде из Каратепы. Они передумали ехать в Куйганяр, где можно встретить своих земляков. А днем появляться на людях было и здесь небезопасно. Кишлак Каратепы славился своим базаром на всю округу: сюда, особенно летом, вереницами шли арбы, груженные знаменитыми ташлакскими хандаляками. Из всех близлежащих деревень — Урманбека, Насриддинбека, Ишантупи и других — съезжались на базар дехкане, одни подороже продать, другие подешевле купить. Кто-нибудь из знакомых мог заметить Азизхана с Лютфинисой и конечно же сообщить Акбарали. О том, что случилось на свадьбе в Зирилляме, вероятней всего, знали и в других кишлаках.

Когда они вышли из машины, старик инженер долго сокрушался, что им приходится расставаться, уж больно он переживал за судьбу молодых. Но пусть будет так, как они решили. Он знал, что здешние парни ни перед чем не остановятся ради любимой. Недаром тут бытует столько легенд и народных сказаний о таких вот безумно влюбленных.

— Парень, — сказал старик, — ты передумал. И, считаю, напрасно. Но если вы не найдете себе пристанища, приезжайте ко мне. В Куйганяре или Учкургане спросите любого, где найти инженера Белявского, вам покажут. Ну что ж, тогда не прощаюсь. До свидания!

Шофер завел мотор, машина тихо заурчала на малых оборотах. Старик сел, хлопнул дверцей, и газик, как ретивый конь, сразу рванул с места.

Молодые решили переждать здесь до наступления темноты, а вечером разыскать какую-то дальнюю родственницу Азизхана,

которая, овдовев, жила в этом кишлаке одна. Переночуют у нее, а дальше будет видно, что делать. Солнце близилось к полудню. До вечера еще было далеко. Хорошо хоть, что сыты, — это уже снимает половину забот. Азизхан взял Лютфинису за руку, и они побрели в степь.

Ранняя дождливая весна выстелила степь густой травой, которая еще не успела выгореть на солнце. Над головой с веселым звоном носились жаворонки, словно резвились на теплом ветру. Ветерок шелестел травами и доносил пряные запахи полевых цветов. Там-сям среди зеленой равнины проглядывали голые холмики. На вершине высокой скалы, непонятно как оказавшейся здесь, сидел, уподобясь батыру, набросившему на плечи чапан, степной орел и глядел с сожалением на цветущую степь. Если бы не эта густая трава, все полевые мыши, зайцы стали бы его добычей. А сейчас все живое пряталось в густых зарослях сочной травы, радуясь жизни. Двое влюбленных, очарованные этим красочным многоцветьем, ароматом душистых трав, пением птиц, забыли о своих заботах.

Солнце постепенно клонилось к закату, порозовел горизонт, а выше, над ним, небо было ярко-бирюзового цвета. Вдали они заметили три темные точки. Что это могло быть, откуда трудно было разглядеть. Азизхан с Лютфинисой направились в их сторону. Шли они довольно долго, пока не поняли, что это киргизские юрты. Азизхан много слышал о гостеприимстве киргизов, об их хлебо-сольстве. Сейчас, в их положении скитальцев, найти приют в степи было как нельзя кстати. И он, взяв за руку Лютфинису, ускорил шаг. Девушка еле поспевала за ним. Справа от холма пасся небольшой табун лошадей, тут же рядом несколько верблюдов с равнодушно-усталым видом жевали верблюжьей колючку, щипали траву три коровы с телятами.

Почуввав незнакомцев, из-за юрты с лаем выскочила собака. Не добежав до них несколько шагов, она остановилась и, скребя задними лапами землю, сердито зарычала. На ее лай прибежали другие. Азизхан с Лютфинисой не трогались с места, боясь, что они набросятся на них. Из средней юрты вышла старуха и, отогнав собак, жестом пригласила молодых людей подойти ближе.

Они несмело направились к ней. Лютфиниса от страха, что собаки могут прибежать снова, пряталась за спину Азизхана.

— Добро пожаловать, молодые! — сказала старуха, испытующе оглядывая их. — Далеко путь держите?

Азизхан ответил, что они заблудились в степи.

Старуха, почувствовав, что людей этих можно не опасаться, пригласила их следовать за ней.

Из соседних юрт за ними наблюдали две молодки. Одна из них, та, что в красном бархатном жилете, украшенном бусами и монетами, которые позванивали при малейшем ее движении, была совсем юной. Другая постарше, лет двадцати пяти, одета проще.

Рукава засучены, и подол длинного темного платья заткнут за пояс, — видно, чем-то была занята.

Как и многие семьи чабанов, что пасут стада на отгонных пастбищах, они оторваны от внешнего мира. Вот почему, видно, так обрадовал и вызвал любопытство приход двух незнакомых людей.

Азизхан не спеша пошел за старухой. Лютфинниса все никак не могла освободиться от чувства робости и, то и дело оглядываясь, шла следом за ним. Из-за юрты послышался чей-то кашель, и появился старик с ножницами для стрижки овец в руке. Реденькая бородка, узкие с прищуром глаза, на вид ему было лет за шестьдесят. Подошел, поздоровался с молодыми и, велев невесткам заварить чай, пригласил гостей в юрту.

— Что же вас привело сюда? — спросил он, предлагая молодым занять почетное место на кошме.

Азизхан промямлил что-то невнятное в ответ.

Старик был человеком бывалым. Он усадил гостей на кошму, сам сел напротив и, искоса поглядывая на гостей, крикнул наружу:

— Принесите поесть!

Азизхан стал рассказывать, как они заблудились в степи.

Старик, полузакрыв глаза, недоверчиво выслушал его, поигрывая кистями кошмы. Вошла старшая невестка и поставила перед свекром горячий кумган с чаем.

Киргизы и казахи предпочитают ходить в рваных чарыках, лишь бы пить настоящий крепкий чай. И пить не из чего попало, а из хорошей звонкой пиалы. Недаром сложили поговорку: пусть у киргиза лучше нога сломается, чем пиала разобьется. Из чайных пиал кумыс не пьют. Кумысом угощают из деревянных чаш. Младшая невестка принесла стопку красивых в цветочках пиал и тоже поставила перед свекром. Старик не спеша налил чай из кумгана в пиалу, потом перелил его обратно, хитровато улыбаясь узкими глазками, сказал Азизхану:

— Неправду говоришь, сынок. По другой причине ты оказался здесь.

Азизхан, смущенный тем, что разоблачен, рассказал ему все, как было.

Старик слушал его не перебивая.

— Э... Да ты как настоящий джигит поступил, сынок. Киргиз, пока не выкрадет себе девушку, не успокоится. Что же дальше собираетесь делать?

Азизхан многого из сказанного стариком не понимал и беспомощно моргал глазами.

— Что? Не понимаешь по-киргизски? Тогда скажу тебе на твоём родном языке. Мужественный ты парень, коль решился на такой поступок.

Прислушавшись, старик вскочил и вышел из юрты. Молодые последовали за ним.

Солнце погасло. Вечерний степной воздух приятно бодрил. Двое

всадников гнали к стойбищу табун — пыль, поднятая ими, легкой завесой висела в воздухе.

— Приготовьте мужьям воды умыться!

И обе невестки ушли за водой. Слышно только, как позванивают монеты, вилетенные в косы младшей невестки.

Спешившись, парни расседлали коней, загнали табун в загон, сооруженный из ивовых прутьев. Потом подошли и поздоровались с отцом.

— Как кобылки-то? — спросил старик.

— Все в порядке, отец. Одна ожеребилась. Жеребенок хороший, крепенький.

Поздоровавшись с гостями, парни ушли за юрту, где их ждали жены с кувшинами воды. Умывшись и переодевшись, братья подошли к ним. Старуха тем временем расстелила кошму во дворе и пригласила мужчин к дастархану. Как только все расселись, старик наполнил кумысом до краев большую чашу и протянул гостю. Женщины сидели отдельно. Молодухи, окружив Лютфинису, все о чем-то расспрашивали и, любуясь ею, трещали: «Бери, не стесняйся! Какая красивая! Недаром он тебя выкрал!»

Сгустились сумерки. Старик встал, принес зажженный фонарь и, повесив его на крюк, торчавший в средней юрте, снова сел на место.

Стало тихо. Правда, тишина эта была относительной — ночная степь была наполнена разными голосами: стрекотали кузнечики, кричали в озерах дикие утки, слышалось пение перепела и еще десятки разных звуков. И вдруг совсем недалеко протяжно завыл степной волк. У Лютфинисы мурашки по телу побежали — она вся съежилась и испуганно посмотрела по сторонам. Молодые женщины успокоили ее:

— Не бойся! Ничего он тебе не сделает!

Собака, грызшая брошенную стариком кость, настороженно повернулась в ту сторону, откуда доносился вой.

После еды старик прочитал молитву и подсел поближе к Азизхану:

— Уже поздно, сынок. Идти вам все равно некуда. Оставайтесь-ка тут. Поможешь моим сыновьям, а девушка твоя моей старухе. Не понравится у нас — удерживать не станем. Мы отсюда далеко не уйдем — корму много, еще не один месяц табун здесь продержим. Бог даст, и у вас все образуется.

Азизхан в знак согласия молча кивнул. Идти им действительно было некуда. В кишлак возвращаться поздно. А тут их так приветливо встретили, накормили и напоили. Надо отплатить старику за гостеприимство и доброту. Конечно, он поможет сыновьям старика попасть табун, да и Лютфиниса не будет сидеть сложа руки. Она искусная стряпуха — уж так плов приготовит, что пальчики оближешь.

Старик велел старшей невестке постелить ему и Азизхану на воздухе, а Лютфинису старуха увела к себе.

Джигиты, поев, сразу ушли в свои юрты. Лежа рядом со стариком, Азизхан глядел на чистое степное небо, усыпанное звездами, и долго не мог заснуть. Старик тихо посапывал.

Как замечательно, что есть на свете такие удивительно сердечные, с открытой душой люди, думал Азизхан. И ему захотелось сделать для них что-нибудь хорошее, какое-нибудь доброе дело. Встреча с этими людьми навела его на приятные размышления.

Раньше он как-то не задумывался о жизни. Все прошлое теперь казалось безоблачным сном. А жизнь вон какой оказалась непростой штукой. Правда, никакие неожиданности и трудности не испугают его, но рядом — Лютфиниса. Будь Азизхан один, он так бы не переживал. «Раз я взял на себя ответственность за судьбу другого человека, не имею права теперь поступать опрометчиво», — думал он.

Азизхан даже не заметил, как заснул, так и не распутав до конца запутанных хитросплетений жизни.

Он проснулся оттого, что солнце припекло ему голову. Старика рядом не было. Тот встал чуть свет и уже успел проведать в загоне лошадей и позавтракать. Старуха возилась у очага — что-то варила в большом черном казане. Ноздри Азизхана защекотал знакомый с детства запах кипяченого молока. Лютфиниса возле старухи в большом алюминиевом тазу месила тесто. А старик возился с лошадью — перекинув через спину хурджун с двумя бидонами, закреплял седло.

— Проснулся, сынок?! Возьми эту лошадь. Вон за тем рыжим холмом речка Сарыджуга. За водой съездишь. Заодно и умоешься там.

Азизхан любил ездить верхом. Он не дал долго упрасивать себя, встал, не спеша подошел к лошади, похлопал ее по шее и, вложив ногу в стремя, лихо вскочил в седло.

— Смотри не гони обратно, — только и успел крикнуть вдогонку старик. — Всю воду расплескаешь.

В небе послышался гул. Азизхан, вскинув голову, увидел летящий над степью самолет. Это был обычный «кукурузник». На шум самолета из соседних юрт повыскакивали сыновья старика. Описывая круги над их стойбищем, самолет снизился — уже отчетливо можно было различить летчика в защитных очках и шлеме. Он помахал им и, высунув руку, что-то бросил: в воздухе, подхваченные потоком ветра, запорхали, как белые голуби, какие-то бумажки. Ветер относил их в сторону. Самолет, сделав еще один круг над ними, отдалился и скрылся за горизонтом. Потревоженные гулом самолета, все еще беспокойно топтались в загоне лошади, лаяли собаки. Старший сын старика, вскочив на неоседланного коня, помчался в ту сторону, куда относил ветром бумажки.

А тем временем Азизхан стрелой летел к холму. Путь до речки оказался не таким близким. Версты три-четыре до нее было. Легко и непринужденно бежал конь, рассекая грудью камышовые заросли. Обогнув рыжий холм, он вынес Азизхана на берег речки.

Сыркнув на мягкий прибрежный песок, Азизхан снял бидоны и, войдя по колено в воду, набрал в них воды. Вспомнилось ему, как с ватагой кишлачных ребят они ходили рано утром купаться на речку. И ему захотелось окунуться в эту прохладную воду. Он разделся и нырнул — вода на середине оказалась холодной как лед. Он плескался в воде, и им овладело радостное чувство беззаботности. Лошадь подошла к речке и, ткнувшись мордой в воду, стала пить. Подождав, пока она утолит жажду, Азизхан вылез, взял ее под уздцы и ввел в речку. Он стал пригоршнями черпать воду и лить ей на круп, на холку. Лошадь удовлетворенно фыркала и тыкалась бархатными губами в его шею.

Опять низко пролетел «кукурузник». Летчик что-то кричал ему и махал рукой. Азизхан вылез из воды, стуча от холода зубами. Пора было возвращаться к юртам. Лошадь хорошо знала дорогу домой: Азизхан отпустил поводья, предоставив лошади свободу. Еще издали, подъезжая к юртам, Азизхан почуял запах жареного лука — и ему страшно захотелось есть. Он легонько поддал лошадь коленями, и та припустилась рысью. Невестки уже накрыли дастархан в юрте старика. Лютфиниса напекла такие вкусные и румяные слоенные лепешки — катламу, что пальчики оближешь. Все собралось за дастарханом. Только старшего сына старика все еще не было. Старик раза два выходил из юрты посмотреть на дорогу — не видно ли царя. И когда он сел, спокойно ерзая, на кошму, снаружи послышался конский топот. А спустя некоторое время в юрту, весь потный, вошел старший сын с пачкой каких-то бумаг. Положив их на край дастархана, он вышел умыться. Старик взял одну из бумажек, повертел ее в руках — читать он не умел — и протянул младшему сыну. Тот тоже повертел газету в руках и, сказав, что тут написано по-узбекски, передал ее Азизхану.

— Прочти, сынок, прочти! Похоже, правительственная бумага это. Во время раздела земли тоже точно такие бумажки сбрасывали с самолета. Ну-ка прочитай, что там написано.

Бумаги были двух видов: в листовке сообщалось о начале строительства Большого Ферганского канала. Приглашались все желающие принять участие в этой грандиозной стройке. Там даже был нарисован проект БФК. Вторая оказалась первым номером газеты «На Сталинской стройке», датированной первым августа тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Положив газету и листовку рядом с собой, Азизхан отхлебнул из пиалы чай.

— Как попьешь чаю, сынок, считаешь мне газету, хорошо? — попросил старик.

Катламу, приготовленную Лютфинисой, все ели с удовольствием, и никто не мог удержаться от похвалы.

— Молодец, доченька! Ай как вкусно!!! Как-нибудь теперь плов приготовишь, хорошо? — облизывая вымазанные жиром пальцы, сказал старик.

Лютфиниса от похвалы смутилась и сидела опустив глаза.

— Старуха! — обратился старик к жене, дожидывая катламу. — Теперь ты избавилась от приготовления еды. Бог послал мне еще одну невестку. Помощницей тебе будет.

После завтрака сыновья старика завернули в поясные платки по лепешке и погнали табун в степь. Азизхан тоже было собрался с ними, но старик упросил его остаться и почитать ему газету. Лютфиниса у очага занялась приготовлением плова, но не оказалось моркови, и старуха, оседлав коня, поскакала в кишлак.

В юрте остались старик с Азизханом. Старик прилег на кошме, подложив под голову подушку.

— Ну что там написано, сынок?

Азизхан не спеша принялся читать вслух. Он внимательно вчитывался в каждое слово, и мысли его унеслись туда, на стройку. Почему он струсил, не послушался русского инженера? А ведь тот уговаривал его с Лютфинисой поехать с ним. Читая газету, он все больше убеждался в том, что место его там — на стройке Большого Ферганского канала. И он еще прославит себя хорошими делами, а родители и земляки будут гордиться им.

Старик не спеша попивал чай и, слушая Азизхана, кивал: «И-е, и-е, хорошо!»

А снаружи доносился звонкий говор, смех Лютфинисы и молодых женщин.

VIII

Издавна Куйганяр в летние месяцы становился самым оживленным кишлаком. Отсюда брали воду дехкане Мирабада, Хаккулабада, Наймана и Чинабада — разветвленная сеть арыков тянулась в разные стороны. Несмотря на то что Чинабад находился на слиянии Карадарьи и Нарына, кишлак вечно страдал от безводья. Две реки, протекавшие в низине, не только не давали ни капли влаги кишлаку, но даже в самые жаркие летние дни не веяло от них прохлады. Вот и ходили чинабадцы за пятнадцать — двадцать километров в Куйганяр ставить на реке запруды.

С самой ранней весны до поздней осени шли из Чинабада и Хаккулабада в Куйганяр арбы, груженные хворостом. Ветви и связки хвороста, свисавшие через край, пыля и шурша, волочились по земле. Пыль, поднятая этим нескончаемым потоком волокущих хворост арб, была видна от самого Байтока. Этим хворостом запружали реку до середины, поднимая в ней уровень воды: бурный поток устремлялся в Кипчак-арык, а там, минуя кишлак Сиза, растекался по сотням других арыков, становясь причиной скандалов и ссор до драк, и наконец достигал Чинабада. Порой мирабы¹ еще не успевали проделать полпути к дому, как запруду смывало потоком. И тогда снова тащились арбы с хворостом в Куйганяр.

Недаром Куйганяр прозвали «базаром мирабов». За лето до шестидесяти — семидесяти мирабов перебивает здесь, оставаясь

¹ М и р а б — лицо, ведающее распределением воды в оросительной системе.

в кишлаке по нескольку дней, а то и недель. И все это время их собственное хозяйство остается на присмотр кишлачных дехкан: они на участке мираба и копают, и сажают, и поливают — словом, делают все, чтобы мирабу только урожаем собрать. От каждого кишлака по два «мертвых мираба» выделяется на весь сезон, в чью обязанность входит следить за запрудой, за уровнем воды в Кипчак-арыке, вырытом в стародавние времена по приказу Яркулангинбаши.

И еще Куйганяр славился на всю округу своими чайханами. На одном берегу реки две чайханы, на другом тоже две. В одной чайхане не переводились чинабадские сипайщики¹, другая была всегда полна случайными путниками и больше выполняла роль караван-сарая. Чайхану на правом берегу построили сами байтокцы, настелили на деревянные топчаны новые паласы с бахромой, сверкала чистотой посуда, и гостей усаживали на пышные красивые одеяла. Заведовал ею сын известного в прошлом чайханщика Гани Лысого, бывшего хозяина этой чайханы. Другая принадлежала андижанцу Беркинбаю-хафизу². Люди искусства, андижанская интеллигенция часто наведывались сюда.

Гузар же Куйганяра — оживленный перекресток — превращался в дни отдыха в место народных гуляний. Часто в чайхане Беркинбая-хафиза собирались андижанские хафизы и поочередно с рыбаками рассказывали друг другу байки. Мясники не успевали передохнуть — резали одного барашка за другим, торговцы даже на миг не могли отойти от прилавка, около каждого всегда стояла толпа. А дехкане из окрестных кишлаков еще до полудня успевали продать целые горы дынь и арбузов. И едва хватало лепешек, которые выпекали за день две пекарни из восьми мешков муки. Но этот шумный, оживленный, наполненный музыкой и песнями, криками, базарным гулом Куйганяр с наступлением темноты словно проваливался в тишину. И только в лавке чайханщика из Байтока горела подвесная керосиновая лампа и утомленные припоздавшие путники одиноко трапезничали, съедаемые комарами. Другие чайханщики, убрав даже лошадей в стойлах под москитную сетку и клетки с перепелками, пораньше укладывались спать.

Звон комаров и мошек, не дающих раскрыть глаз, да кваканье лягушек властвовали над Куйганяром всю ночь.

Народ здесь жил честный и простой. Не знали и не ведали они ни хитрости, ни обмана.

Мирабадцы на земле, куда с таким трудом приходит вода, сажают горький перец и огурцы. В то время как дехкане других кишлаков, вырастив богатые урожаи дынь и арбузов, имеют с этого большую выгоду, мирабадцы, не продав и мешка огурцов за полцены, везут их обратно домой и скармливают скоту.

О Куйганяре сложена удивительная легенда.

¹ Сипайчи, сипайщик — человек, ставящий на реке запруду.

² Хафиз — народный певец.

Рассказывают, что один парень из племени кипчаков полюбил девушку Айджамал из соседнего кишлака. Но так как он был другого рода, родители девушки отказались выдать дочь замуж за бедного парня. Страдал и мучился он от любви к своей возлюбленной. И, не вынеся отказа, парень сжег себя.

Вот с тех пор это место так и называется Куйганяр — «Сгоревший влюбленный». А рядом находится другой кишлак — Айджамал.

Но все это только легенда.

Через Куйганяр течет Карадарья. Там, где она размыла и разрушила берега, остались пологие овражистые склоны, поросшие камышами почти в рост человека. Каждый год весной дехкане сжигают туган и сеют на этих заболоченных местах рис. Может быть, поэтому эти места и стали называть «Куйган жар» — «Сгоревшая балка». У тюркоязычных народов часто слово «жар» путают с «яр». Ведь многие кишлаки под Андижаном называются Ярбаши, Акяр, что означает — Начало оврага. Белая балка.

Но куйганярцам больше по душе легенда о влюбленных.

С наступлением осенних холодов жизнь в чайханах замирает. Да и сам Куйганяр пустеет, становится малолюдным, неприглядным. В единственном караван-сараяе иногда переночует какой-нибудь заблудившийся путник. Да прокричит жалобным голосом три раза в день с башенки мечети муэдзин, призывая правоверных к молитве, и его голос теряется в безлюдных оврагах. Порой безмолвную тишину разрывают одинокие выстрелы охотников на диких уток.

Так и живет Куйганяр — летом шумно и весело, а зимой пребывая в сонной дремоте. Этой привычке он не изменяет уже многие сотни лет.

И вдруг нарушилась вековая традиция.

Теперь на улицах Куйганяра арбам стало тесно: одна за другой, груженные домашним скарбом, они стекаются сюда почти со всей Ферганской долины, и люди, сидящие на них, о чем-то горячо спорят, что-то обсуждают.

У всех на устах слова: Карадарья, Нарын. Не стало покоя в Куйганяре. В один день тысячи людей выгрузились в кишлаке со своими вещами. Прибывшие сюда на сорока арбах мастера тут же принялись сооружать тридцать новых чайхан, пять пекарен, двадцать парикмахерских, сапожную лавку, аптеку и медпункт. На станции из вагонов стали выгружать кетмени, лопаты, ломы, тачки, носилки. От железной дороги вдоль берега реки проложили небольшую узкоколейку. И люди впервые увидели невиданную доселе в этих краях громадных размеров машину с длинным хоботом и со странным названием «экскаватор». На эту машину, изрыгающую тучи дыма, как на диковинку собрались поглазеть сотни людей. Кто-то назвал ее богатырем — палваном, другой — «бегающим по земле паровозом», третий — слоном с железным хоботом.

Грохоча и лязгая, подошел еще один состав. Паровоз оглушительно засвистел, сотрясая воздух своим свистом, и вагоны, кляцая друг о друга буферами, остановились. Из них стали выпрыгивать люди с кетменями и лопатами, с одеялами.

Утром этого же дня состоялся пленум Ферганского обкома партии, на котором обсуждались вопросы ухода за хлопчатником и о незамедлительном начале строительства Большого Ферганского канала. На нем было принято решение до начала стройки обработать кетменями весь хлопчатник и провести культивацию. Выступивший на пленуме с большой речью первый секретарь ЦК КП Узбекистана Усман Юсупов сообщил, что дехкане, уже закончившие сельхозработы, могут ехать работать на строительстве. И вот первый эшелон ферганцев сразу пленума прибыл в Куйганяр. Древний кишлак еще не видел такого скопления народа. Старики вспоминали, что Яркул-мингбаши на той по случаю обрезания сына пригласил тысячу гостей. Тогда на клеверном поле было поставлено тридцать сури, в двадцати двух казанах готовили еду. Вот уже три десятка лет рассказ об этом празднестве передается из уст в уста. Теперь же только для сооружения плотины в Куйганяр приехали пять тысяч человек, разбили сотни палаток для жилья.

Штаб строительства плотины пока занят размещением и трудоустройством прибывающих.

Крытый брезентом газик остановился возле чайханы Беркинбая, и из него вылез инженер Белявский.

Большинство сидевших в чайхане хорошо знали Белявского. И по рядам сразу прошел шепот:

- Русский мираб приехал.
- Хозяин воды.
- Хозяин губернской воды.
- Слава богу, жив-здоров!

Какой-то старик поднес Белявскому пиалу холодного зеленого чая.

Принимая из рук старика пиалу, Белявский подмигнул ему:

— Как дела, Тепленький? А я-то уж думал, тебя нет давно в живых! Молодец, так и надо держать! Посмотришь, какие героические дела будут совершать люди, а там и умереть будет не обидно.

Старик улыбнулся беззубым ртом.

— А я нарочно, чтобы посмотреть плотину, не умираю. Как построят, так на другой день и помру, решил я, — нашелся он.

Поблагодарив старика за чай, Белявский вернул ему пиалу.

— Правильно задумал. Вот когда умрешь, я сам тебя в газету, что на стройке будет выходить, как в саван, заверну и в землю опущу, — сказал он и похлопал старика по плечу.

Старик, названный Белявским «Тепленьким», был родом из этих мест. Из Учкургана. Последние годы он жил в кишлаке Урганчи. Несмотря на преклонный возраст — было ему за восемь-

десять. — у старика не было ни жены, ни детей. Вообще-то он за свою жизнь женился четыре раза. И каждый раз жены, не прожив с ним и двух месяцев, сбегали от него. И когда у одной из его жен спросили, в чем причина ее ухода от такого хорошего человека, та ответила: «Муженек оказался тепленьким. Ни горячим, ни холодным. Пока он мирабом был, вода всю энергию у него отобрала». С тех пор за стариком так и закрепилось прозвище «Тепленький».

Большинство сидящих в чайхане были сипайчи и мирабами. Белявский знал каждого в лицо и по имени. Еще до революции, когда он работал в Ферганском генерал-губернаторстве инспектором водного хозяйства, ему приходилось встречаться с этими людьми. Со многими из них он дружил, бывал с ними рядом в дни радости и не забывал в минуты печали и горя. О каждом из них он знал почти все. И то, что он вспомнил прозвище старика, а тот не забыл, как звали Белявского, было приятно всем, и они, довольные, улыбались. Белявский, посмеявшись вместе с друзьями, направился в здание сельсовета, где инженеры обсуждали проект канала.

Азизхан с Лютфинисой, оглушенные шумом проносащихся мимо машин, арб и мчавшихся куда-то людей, разинув рты, медленно шли по мосту. От растерянности Лютфиниса и слова не могла вымолвить, а только, еще крепче ухватившись за пояс Азизхана, испуганно озиралась по сторонам, и, когда проезжающие совсем рядом грузовые машины засигналили снующим под самым их носом пешеходам, она испуганно заметалась по мосту, вызвав брань шоферов.

На них никто не обращал внимания. К кому обратиться, куда идти, они не знали. Так вдвоем, держась за руки, чтобы не потерять друг друга в толпе, они дошли до чайханы. Там тоже было видимо-невидимо людей с только что пришедшего из Ферганы поезда. Всюду, куда ни глянь, сидели вновь прибывшие строители — усталые, но довольные, они о чем-то оживленно спорили, смеялись, шутили. Кто расположился на сури, кто сидел на свернутых в тугие узлы одеялах в ожидании дальнейших указаний. Азизхан подошел к одному из них и робко спросил:

— Дядя, а из Ташлака кто-нибудь приехал?

Пивший холодную родниковую воду прямо из горлышка металлического чайника мужчина смахнул ладонью с усов капли воды и ответил:

— Нет, ташлакцы не приехали. Говорят, канал через соседние кишлаки пройдет. На тех участках они и порешили работать.

Азизхан с трудом подавил в себе чувство радости. Как хорошо, что нет среди прибывших его земляков. Если бы сюда приехали ташлакцы, ему с Лютфинисой пришлось бы вновь искать пристанища в другом месте. Акбарали не оставил бы их в покое. Увел бы у него Лютфинису, и, конечно, был бы большой скандал.

Он стоял в нерешительности, не зная, куда теперь податься,

как кто-то крепко схватил его за локоть. Резко обернувшись, он увидел шофера Белявского с огромным арбузом под мышкой. Правда, он не сразу узнал его — тот был одет теперь опрятно, лицо чисто выбрито и он выглядел красивым молодым человеком. От него за три версты разило одеколоном.

— Э-э, палван-ака, вот это встреча! Если есть у вас время, выпейте со мной хоть пиалу чая.

Азизхан был рад этой встрече. Лицо его сияло.

— Спасибо, дружище. Спасибо! — радостно закивал он. — Я вас как раз разыскивал. Инженер-тога говорил, что я смогу найти его в Куйганяре.

Парень повел их за собой. Они подошли к небольшой столовой, выстроенной для работников штаба. Повар тут же принес три порции дымящегося лагмана и поставил их на сколоченный из досок стол.

Шофер выскочил на улицу и через минуту появился с горячими лепешками, которые перекидывал из руки в руку, чтобы не обжечься. Запах свежеепеченного хлеба щекотал ноздри, и у Азизхана с Лютфинисой, не евших со вчерашнего дня, засосало под ложечкой. Они, не дожидаясь приглашения, с аппетитом стали уплетать лагман.

Не успели пообедать, как с улицы послышались крики. Азизхан, правда, успел опустошить касу, но не вставал из-за стола, поджидая Лютфинису, доедавшую лагман.

Когда они вышли на улицу, то увидели людей, спешащих к чайхане — там уже собралась небольшая толпа. Парень-шофер предложил им немного погулять, пока он освободится и найдет дядю Филиппа, — вероятно, так звали старика Белявского. И он ушел, чтобы поставить свой газик куда-нибудь в тени.

Гордый и ничего не страшась джигит, выкравший себе невесту и считавший, что на такое способен только настоящий батыр, Азизхан был в полной растерянности. Как дрессированный медведь, который ждет приказа своего хозяина, он как-то притих и сник. Если бы Азизхан сейчас не находился в незнакомом кишлаке и эти люди не были бы ему чужими, он обязательно что-нибудь уже натворил: подрался бы с кем-нибудь или, чтобы продемонстрировать свою силу, поспорил бы с кем-нибудь и вырвал дерево с корнями. Но, как говорят, «даже у пришлое собаки хвост бывает поджатым». Азизхан смиренно ждал того, что уготовано ему судьбой. А судьба его теперь находилась, по всему, в руках русского инженера.

Присоединившись к бегущим, Азизхан с Лютфинисой тоже направились к чайхане.

Какой-то парень, взобравшись на крышу пекарни, кричал в рупор:

— Кто хочет помериться силой, пусть идет к чайхане Беркинбая Файзиева! Кто себя считает палваном, пусть спешит к чайхане Беркинбая Файзиева!

На площади перед чайханой собралось столько народу, что яблоку негде было упасть. Только что подошедшие, ничего не видя, толкали стоящих впереди, протискивались к центру и все спрашивали:

— Что случилось? Что там собираются делать палваны?

— Говорят, будут бороться.

— В такую жару? Может, что другое?

— А чем же еще им заниматься, как не борьбой? Не тесто же месить для лагмана?

Азизхану с Лютфинисой удалось протиснуться в первые ряды, и тут толпа расступилась, и на середину круга вышел невысокого роста смуглый мужчина крепкого телосложения. За ним стояли начальник строительства Тешавой Мирзаев, инженер Белявский, начальник проектного отдела Азизов. Народ сразу притих. Только слышно было Азизхану, как кто-то шептал соседу, что руководители пришли на митинг прямо с совещания и что сразу после их выступления состоится кураш — народная борьба. Начальник строительства Мирзаев был личностью известной не только в республике. Говорили, что он выступал в Москве в Большом Кремлевском дворце, докладывал о своих успехах. И Молотов сказал о нем: «Вот настоящий агроном!» А Сталин добавил: «И к тому же замечательный оратор».

Тешавой Мирзаев поднял руку, призывая народ к тишине. И когда говор стих, он неторопливо начал:

— Товарищи! Друзья! Только что закончилось совещание штаба строительства канала. Принято решение с завтрашнего дня, засучив рукава, начать трудиться по всей трассе канала. На трассу длиной двести семьдесят километров одновременно выйдут работать сто шестьдесят тысяч человек. Этот незабываемый день — праздник не только для нас с вами, строителей, этот день останется в истории как один из замечательных трудовых подвигов узбекского народа. Но работа на трассе канала не везде одинаковая. Есть у нас участки на стройке и посложнее, где смогут трудиться только сильные и крепкие люди — наши палваны, силачи. От имени ЦК Компартии и правительства республики к вам хочет обратиться с речью Усман-ота Юсупов. Пожалуйста, ота, вам слово.

Вытирая платком потный лоб и шею, Юсупов сделал шаг вперед и заговорил. Он долго рассказывал о важности этой грандиозной стройки. Из его речи чувствовалось, что он хорошо знает труд дехканина, неплохо разбирается в ирригационных вопросах. В конце своего длинного выступления он сказал, что по предложениям, поступившим в правительство республики, установлены сроки строительства канала в сорок пять дней и что в эти же сроки необходимо возвести Куйганярскую плотину.

— Сегодня мы собрали здесь всех палванов Ферганской области. Пятьсот самых сильных джигитов продемонстрируют нам свою силу на самом трудном участке канала. Учкурганская плотина, водопады Лугумбека и, наконец, плотина в Куйганяре с нетерпе-

нием ждут поединка с нашими джигитами. Штаб строительства принял решение о создании трех больших бригад батыров. На Учкурганском участке бригаду возглавит известный вам всем прославленный строитель Лаганского канала Дунан Дусматов, на Лугумбекском участке — Джура-палван Гаипов из Булакбаши. А на строительстве Куйганярской плотины будет руководить бригадой Али-палван из Избаскена.

Азизхан, стоя в первом ряду, внимательно слушал Усмана Юсупова, боясь пропустить хоть слово. Как же так, думал он, неужели ни одного палвана из Ферганы?! Ферганские силачи еще никому не уступали победы в кураше — народной борьбе, они больше других завоевывали призов на состязаниях, а тут, на таком большом и ответственном участке, их не оказалось.

Как только Юсупов закончил свое выступление, Азизхан протиснулся еще ближе и крикнул:

— Можно мне вопрос? Почему никто из ферганских силачей не возглавил бригады?

Вместо Усмана Юсупова на вопрос ответил Тешавой Мирзаев:

— Не горячитесь, товарищи! Ферганские палваны сейчас работают на строительстве Талкудукского канала в пустыне, на самом трудном и тяжелом участке.

Сидевший на стуле в первом ряду Эш-палван подмигнул Азизхану:

— Э, брат, ферганские палваны такие. Любят работать поближе к дому, чтобы жены не скучали.

Слова Эша-палвана задели Азизхана за живое. Повернувшись к нему, он сказал:

— Ну-ка, повторите еще раз, что сказали, палван-ака!

Эш-палван и ухом не повел. Отвернувшись от него, он махнул на зеленого юнца рукой: мол, проходи! Проходи!

Азизхан весь вскипел. Он подбежал к обидчику и враз поднял его вместе со стулом. Толпа ахнула и расступилась, а Азизхан, выйдя из круга на середину улицы, швырнул стул вместе с Эш-палваном так, что стул разлетелся на куски, а Эш-палван растянулся в пыли. Азизхан, не глядя ни на кого, возвратился на свое место, где ждала его Лютфиниса. Толпа гудела. Один из палванов побежал помочь Эше-палвану встать. Белявский укоризненно покачал головой и что-то шепнул на ухо Юлдашу Ахунбаеву.

Тотчас же в президиуме все стали перешептываться. Эш-палван в круг не возвращался.

Тешавой Мирзаев объявил, что все могут отдыхать, а бригадиров попросил задержаться. Люди расходились, обсуждая происшедшее. Азизхан тоже было отправился на поиски знакомого шофера, но какой-то парень сказал, что его просят подойти к Усмани-ота. Азизхан еще никогда в жизни не разговаривал с таким большим и важным человеком. О чем он с ним хочет говорить?

Азизхан неохотно подошел к секретарю ЦК, уверенный, что тот сейчас отчитает его за только что совершенный поступок. Но Юсупов встретил его с улыбкой. Поздоровавшись с ним за руку, взгляделся в его по-детски наивные глаза, оглядел ладную, крепкую фигуру парня и спросил:

— Откуда будешь?

Азизхан ответил, что он из кишлака Зирилляма.

— Из колхоза Раимберди? Так, хорошо! Да ты, я вижу, самолюбивый парень. Зирилляминцы все такие. Умеют за себя постоять. И много вас приехало?

Азизхан молчал, стесняясь рассказывать о себе и Лютфинисе, Белявский, заметив, что парень растерялся, ответил за него:

— С невестой приехал, Усман-ота. Смелый джигит. Может, нам на плотине его оставить?

— Давайте его самого спросим, — сказал Юсупов. — Где бы ты хотел поработать, сынок?

— Там, где вы считаете нужным. Но только дайте мне работу самую тяжелую. Хочу показать кое-кому, на что способны ферганцы.

Юлдаш-ота, все это время наблюдавший за ними, подошел, похлопал Азизхана по плечу:

— Послушай, земляк. Это не ты ли выкрал сестру Акбарали со свадьбы?

Азизхан склонил голову и тихо сказал:

— Простите меня, ота! Да, это я.

— А где же девушка?

Азизхан кивнул в сторону, где в толпе, пряча от мужчин лицо, стояла Лютфиниса.

В Учкургане должен был состояться точно такой же митинг, и руководители республики заспешили туда. Поговорить было некогда, и Юсупов поручил Джуре-палвану заняться молодыми.

— Позаботься о них: накорми, напои, устрой их с жильем. Возьми этих молодых под свое крылышко. Этот парень еще себя покажет, — Юсупов посмотрел на Азизхана. — Сила у тебя как у слона, сынок. Понапрасну не растрачивай ее, направь на пользу людям. Народ на твою щедрость ответит в десять раз большей щедростью.

Руководители сели в автомобиль, и машина, тяжело урча, запылила по дороге. Азизхан стоял, глядя им вслед, когда кто-то положил руку ему на плечо. Он оглянулся и увидел Джуру-палвана.

— Здорово ты его, молодец, — сказал он улыбаясь. — Эш-палван с синяком в медпункте сидит. Пойдем к нему. Ты попроси у него прощения. Как-никак ты моложе его.

Сколько Азизхан до этого творил разных шалостей в своем кишлаке, ни перед кем не извинялся. А теперь он будет просить прощения у совершенно незнакомого человека, да к тому же насмежавшегося над его земляками? Азизхан заупрямился.

— Послушай меня, сынок. Палваны всегда помогают побежденным подняться после боя на ноги. Таков обычай.

Азизхан много слышал об этом человеке. Слава о нем как самом сильном и непобедимом борце прошла от Джалал-Абада до Чимкента. И вот такой уважаемый человек уговаривает Азизхана просить прощения у Эша-палвана. И Азизхан согласился. Они направились к медпункту.

Эш-палван с перевязанной щекой сидел на скамейке возле медпункта и пил чай. Он холодно посмотрел на Азизхана. Допив чай, поставил пиалу на скамейку и встал.

— Твой Эш-ака еще никогда так не позорился, брат. Здорово ты меня.

Эш-палван взял со скамейки свой новый чапан и, отряхнув его, набросил на плечи Азизхану.

— Будешь помнить Эша-палвана. И пусть удача сопутствует тебе в жизни!

Больше не сказав ни слова ни Азизхану, ни Джуре-палвану, он повернулся и зашагал по дороге к Зеленому мосту.

— Теперь не вернется, — сказал кто-то. — Здорово его осрамили. Уедет к себе в кишлак. Не знаете вы Эша. Для него поражение равносильно смерти. Ушел теперь навсегда, бедняга.

Взглядами молча проводили его, пока не исчез из виду. Эш-палван хотя и не видел и не слышал, но чувствовал, как за спиной у него в чайхане переговариваются люди, указывая на него пальцем: «Вон идет побежденный молодым борцом!» Потому, не оборачиваясь и не поднимая головы, он шел через мост к себе домой.

У Азизхана защемило в груди. Он впервые пожалел о своем поступке. Но было уже поздно.

И стоявший рядом Джура-палван молчал, потрясенный случившимся. Потом, кивнув Азизхану с Лютфинисой, повел их устраивать к булакбашинцам.

IX

Над Арсланбабом сверкали молнии и гремел гром, приводя все живое в трепет. Люди выходили из домов, встревоженно вглядываясь в темное сумрачное небо, вспыхивающее яркими сполохами, боялись града или ливня. Гром поутих и уже слышался издали, приглушенно, как кашель больного за стеной. Люди облегченно вздохнули: «Пронесло, а не то затопило бы все вокруг, и досталось бы тогда строителям канала!» Но покой этот длился недолго. Со стороны гор, подняв облака пыли, надвигалась буря. Черная туча закрыла небосвод. Сильный ветер закрутил в воздухе столбы пыли, а его новый порыв подхватил и понес к небу хворост, палки, большие ветви деревьев, и они носились в воздухе, как легкие щепки. Стало темно и мрачно, словно кто заслонил солнце одеялом. И эта сумасшедшая игра природы продолжалась более часа. Люди

потихоньку выглядывали из своих домов. Глядя на небо, хранившее еще следы только что бушевавшей стихии, кто-то из аксакалов сказал:

— Видно, неугодно аллаху начатое нами дело, коль он так разгневался.

Солнце сквозь пыльную мглу едва просвечивало желто-бледной монетой. Стоявший рядом с аксакалом мужчина сплюнул жевательный табак, вытер ладонью губы.

— Все будет наоборот, отец. Вот увидите. Угодные аллаху дела делаем. Это он таким образом благодарит своих рабов за великий почин и от обиды, что не может принять участие в строительстве канала, послал нам на помощь ветер. Поверьте мне, через день или два воды в реке поубавится. Ветер высушит и укрепит снег в горах, и даже солнце бессильно будет что-нибудь сделать с ним. Вот тогда мы и начнем ставить запруды. Дожили до седин, а ничего не знаете, отец!

Это был Абдусамад-мираб. Вся его жизнь прошла на воде: сколько построил запруд, сколько отводных арыков — он не помнил. Абдусамад-мираб был опытным ирригатором, который достойно и умело сражался с паводковыми водами на Карадарье и Нарыне, самых капризных и бурных горных реках Ферганской долины. И еще он был самым близким другом и советчиком инженера Белявского — «Хозяина воды», как звали того в народе. Может, потому Абдусамад-мираб говорил по-узбекски, вставляя и русские словечки.

О том, что ветер задерживает таяние снега, он знал из собственных наблюдений и многолетнего опыта.

К вечеру того же дня на правом берегу Карадарьи возле Куйганярского моста начали сгружать из машин и арб бревна и хворост для запруды. Туда же тракторами отволокли деревья, поваленные в бурю. А утром на этом месте уже высилась целая гора необходимого для сооружения запруды материала.

Из Андижана прибыла большая бригада сипайчи. Загнав своих лошадей в караван-сарай, все они сидели в чайхане Беркинбая Файзиева. Среди вновь прибывших сипайчи был древний старик с седой до пояса бородой. Выпив пиалу чая, он тут же стал прохаживаться по берегу, наблюдая за течением реки.

Это был известный в республике Хасан-сипайчи. Говорили, что за свою жизнь он поставил на реках более пяти тысяч запруд. Его уважали и почтительно называли своим учителем многие ферганские сипайчи. Несмотря на преклонный возраст, Хасан-сипайчи вместе с учениками прискакал верхом в Куйганяр. Задумчивый, он брел вдоль берега, словно разговаривал с рекой, с ревом несущей свои воды. О чем он думал в этот миг перед схваткой с грозной рекой? Может быть, мысли уносили его в те далекие годы, когда он, еще молодой паренек, впервые начинал ставить свои запруды на реках. А теперь думал он: «Кто знает? Может, это мой последний бой. Кто победит в нем? Но это будет настоящая схват-

ка. Это будет бой на славу, самый трудный из всех боев, что мне удалось выдержать!»

Старик немного волновался. Давал знать о себе ревматизм, и ноги часто сводило судорогой в холодной воде. Старик возвращался обратно с некоторым чувством беспокойства: справится ли он? В чайхане Беркинбая, как всегда, было оживленно. Известный хафиз — народный певец Джура-пистон, поднеся ко рту блюдце, запел узбекскую народную песню. Все притихли, слушая его.

А в чайхане напротив тоже не смолкал смех. Там известные маргиланские комики Юсуф-кызык¹, Ахунджан-кызык смешили собравшихся, рассказывая веселые истории.

Посреди площади остановилась легковая машина, и из нее вышел «Хозяин воды» — Белявский и Тешавой Мирзаев.

Белявский всегда разговаривал громко даже с теми, кто находился рядом с ним. Это было профессиональной привычкой мирабов и сипайчи, так как им приходилось говорить друг с другом, стараясь перекричать гул ревущей реки. Не знающие этой его привычки обижались. Даже были случаи, когда упрекали: «Мы глухие, чтоб нам кричать на ухо!» Однажды во время распределения воды в Шахрихансае он что-то громко сказал одному из мирабов, тот так обозлился, что давай кричать на Белявского:

— Те времена прошли, Хозяин воды, когда ты всей губернией командовал. Не кричи на меня! Э, губернский прихвостень! Любимчик генерала!

Белявский молча сел на коня и уехал.

В этих краях он жил давно. После окончания в 1902 году Петербургского ирригационного института Белявского направляют в Туркестан. Ферганский генерал-губернатор назначает его инспектором водного хозяйства. С тех пор пеший и конный он искаживает Ферганскую долину вдоль и поперек. За эти годы Белявский приводит в порядок многие ирригационные сооружения, пришедшие в негодность. Обучившись у простого народа, у мирабов многим премудростям, он пишет научные труды. Эти труды впоследствии издаются и в Москве, и в Петербурге. Его очерки публикуют газеты Туркестанского вилайета. И даже после революции и установления в Фергане советской власти Белявский продолжает работать инспектором водного хозяйства, делясь своим богатым опытом инженера с учениками. Он прикладывает теперь максимум усилий к тому, чтобы практически осуществить ряд проектов по орошению засушливых степных районов, не поддержанных в свое время царским правительством. Белявский разрабатывает проект, предусматривающий перекрытие Нарына в районе Учкургана и строительство канала, пересекающего всю долину. Ознакомившись с его проектом «Главный Ферганский канал», специалисты

¹ Кызык, кызыкчи — комик, клоун.

в Ташкенте и Москве полностью одобряют эту идею. Белявский пользуется большим авторитетом и уважением в партийных и советских учреждениях. Народ же, как и прежде, ласково называет его «Хозяином воды» и «Русским мирабом».

Штаб строительства канала назначает Белявского начальником участка в Учкургане, где должна сооружаться головная плотина. А в Куйганяр Белявский приехал специально посмотреть, как ставят запруды его опытные друзья-коллеги.

Сойдя с машины, он не поспешил в штаб. Сначала, обмениваясь шутками и прибаутками, поздоровался со своими старыми друзьями мирабами.

— Рад тебя видеть, Рябой мираб! В Лагане не показывался, а тут, видно, хлопку твоему вода потребовалась.

Отпустив руку рябого мужчины, он похлопал по плечу высокого худого старика. Это был известный шахриханский сипайчи, уйгур по национальности, ставивший запруды на Шахрихансае. Его раза два уносило течением, и он чудом спасался.

— Как вы поживаете, ахун? Это вам не Хутан-арык в Андижане, где вы студите свой кумыс, а настоящая Карадарья,— подмигнул ему Белявский.

Уйгур был очень обидчивым и упрямым человеком. Бывало, дадут ахуну хороший совет, но, если это ему не по душе, обязательно сделает по-своему. И только Белявскому он не перечил.

Однажды он сидел в Шахрихане в чайхане, ковыряя острым ножичком в ступне — вытаскивая занозу. Сидевшие в чайхане парни решили потешиться над ним, ну и давай советовать:

— Эй, ахун, не там занозу ищете.

— Она чуть выше.

— Справа поковыряйте, справа.

Но уйгур, не обращая на них внимания, продолжал искать занозу. Насмешники не отступали:

— Там смотри!

— Нет, слева!

Разозлившись, уйгур несколько раз всадил ножичек в ногу. Из ран заструилась кровь, а он кричал парням:

— Ну что, довольны? Хватит или еще?

Правда, потом несколько дней он не появлялся на улице, сидел дома с перевязанной ногой.

— Смотри, ахун, не сбеги, не закончив сооружения плотины, перевязав ногу тряпкой,— решил напомнить ему Белявский тот случай.

Весело посмеявшись вместе со всеми, Белявский направился в штаб.

Завсегдатаи чайханы обычно все знают. Когда Белявский ушел, они стали говорить о «Хозяине воды», о том, что он до революции дружил с бедняками, разделяя с ними радости и печали.

И на свадьбу придет, бывало, и на поминки. Обо всем вспомнили.

— Русский, а наши обычаи соблюдает и уважает совсем как узбек. Хоть и неверный, а прямо как мусульманин.

— Дочь свою за узбека выдал замуж. Впучку тоже по-узбекски Айпашшой назвал. Подумать только...

Внимание сидевших привлекла черная легковая машина, показавшаяся на мосту.

— Усман-ота едет, — сказал кто-то.

Подъезжая к чайхане, машина замедлила ход. Самого Усмана Юсупова в ней не было. Позади шофера сидели двое молодых людей — один с орлиным носом, в очках, другой — поменьше, плотный, широколобый.

— Ого! — радостно воскликнул один из мальчишек. — Да это же Гафур Гулям. Интересно, а кто рядом с ним?

— Не узнал? Так это же Хамид Алимджан! — толкнул его в бок другой.

Попросив шофера остановиться у чайханы, поэты вышли из нее. Шофер проехал дальше и поставил машину в тени. А Гафур Гулям с Хамидом Алимджаном прошли прямо в чайхану Беркинбая. Чайханщик, поставив на сури чайник с только что заваренным чаем, выбежал навстречу.

Посетители молча наблюдали за прибывшими в гости именитыми поэтами. Гафур Гулям, по обыкновению, шагал широко расставляя ноги, чуть выставив правое плечо вперед. Обнявшись, он поздоровался со своим давним другом Хафизом-чайханщиком и затем представил ему Хамида Алимджана:

— Познакомьтесь, Беркинбай-ака! Вот этот парень и есть поэт Хамид Алимджан.

— А как же, слышали, слышали. Хоть самого не видели, а стихи его читали. Прошу вас, сюда. Сейчас покрепче чай заварю.

Гафур Гулям извинился за столь короткий визит и, объяснив, что в Лугумбеке их ждет Усман-ота, направился к стоящей в тени карагачей машине.

— Приедем, когда будете ставить на реке запруду. Вот тогда и приготовите нам настоящий андижанский плов.

В тот день через Карадарьинский мост проехала не одна машина — автобусы и грузовые, легковые машины и газики. Артисты и музыканты, композиторы и художники съезжались сюда на открытие строительства канала.

А прохожие, толкая друг друга, спрашивали: «Которая из них Халимахон? А Тамару Ханум видели?»

Маленький кишлак стал похож на большой вокзал. Народ все прибывал и прибывал.

Куйганяр за все время своего существования не видел такого праздника. Чайханщики еле успевали поворачиваться, отовсюду слышались музыка и пение народных певцов, крики пекарей и

самсапазов¹, шум и гам играющей ребятни. А по Зеленому мосту, грохоча на стыках рельсов, шли состав за составом, груженные цементом, досками, кирпичами и другими стройматериалами.

Х

Азизхан теперь был спокоен за Лютфинису и мог на целый день отлучаться по делам. Джура-палван поселил их у одной старушки. Арзихон-ая, так звали хозяйку, жила одна. Единственную дочь она выдала замуж, и та уехала в город. Лютфиниса сразу же поправилась старушке, и они быстро сдружились. Джура-палван привез им на арбе риса, муки, арбузов и дынь.

Азизхан ходил довольный. Скоро и он приступит к работе. Завтра вместе с парнями из бригады Джуры-палвана он переедет в Лугумбек.

Дни стояли жаркие и в прямом и в переносном смысле. Бронзовые от загара люди работали кетменями, таскали носилками землю под жаркими лучами солнца.

И на строительстве плотины в Куйганяре работа не прекращалась ни на минуту. Работали не покладая рук и днем и ночью при свете прожекторов и факелов. Гул тракторов и переклики людей с одного берега на другой слышались аж в соседних кишлаках. Над рисовыми полями вдоль течения Карадарьи теперь витали целые полчища комаров и всяких мошек, которые особенно не давали покоя строителям ночью. Плечи, обожженные солнцем, щипало, а тут еще комарье.

Всю ночь проворочавшись в постели, строители дремали утром во время завтрака и только на трассе за работой забывали о сне. Но комариные укусы не столь безобидны. На стройке появилась лихорадка, и врачи, медсестры обходили и раздавали людям таблетки акрихина.

Азизхан уже через два-три дня стал самым популярным человеком на стройке. После победы над Эшем имя его было у всех на устах. Вечерами, после работы, стоило Азизхану появиться в чайхане, как ему тут же уступали место в самом почетном углу. Только и разговору было о палване, который победил самого Эша. Мальчишки ходили за ним по пятам. Это льстило Азизхану, доставляло удовольствие. У него даже изменилась походка — ходил важный и напыщенный.

Лютфиниса с Арзихон-ая тоже работали на стройке в женской бригаде — таскали носилками землю. Бедняжка Лютфиниса так уставала за день, что, добравшись до постели, тут же засыпала.

Сегодня, закончив работу, Азизхан возвратился домой рано. Было душно.

В Куйганяре в эти дни стоит сильная жара, хотя и дует с гор прохладный ветерок. Но к вечеру ветер утихает и в воздухе пови-

¹ Самсапаз — пирожник.

сает духота. Хоть бы один листочек на тополях шелохнулся. И вот тогда спасу нет от комаров ни людям, ни животным, ни вообще живому существу. А бедные коровы, съедаемые мошкаррой, бесполокво мычат, обмахиваясь хвостом, мотая головой и продолжая жевать траву. И только под утро, как только прокричат первые петухи, с гор снова дует прохладный ветерок, и, несмотря на то что стоит саратан — самое жаркое время лета, люди ночью спят под ватными одеялами: под утро обильно выпадает роса, и можно простудиться. А тут еще из города приезжал лектор и читал лекцию на тему «Есть ли жизнь на Луне?». И когда он рассказал о том, что на Луне большие перепады температур — ночью до ста градусов мороза, днем — сто градусов жары, то кто-то заметил, что Куйганыр тоже ничем от Луны не отличается.

Когда Азизхан, обмахиваясь поясным платком, вошел во двор, Лютфиниса стирала белье.

— Ие! — удивился он. — Ты сегодня раньше меня?!

— Нашу бригаду переводят на другой участок. Тут мы закончили работы.

— А далеко отсюда? — поинтересовался Азизхан.

— Не знаю, — пожала плечами Лютфиниса, развешивая белье на веревке. — Идите умойтесь. Я там ведро воды нагрела.

Лютфиниса поливала ему из кружки, а Азизхан, наклонившись, широко расставив ноги, пыхтя и фыркая, стал умываться. Кто-то позвал хозяев с улицы. Лютфиниса, бросив кружку в ведро, выглянула за калитку. Вернулась быстро.

— Вас там какой-то мужчина спрашивает.

— Какой еще мужчина?

— Не знаю. В темноте лица не разглядела.

Азизхан с полотенцем через плечо, вытирая на ходу лицо, вышел на улицу. А спустя некоторое время привел с собой гостя. И только когда Лютфиниса зажгла керосиновый фонарь и, отвернув фитиль, повесила на столб, она узнала пришельца. Это был Эш-палван. Что ему нужно от Азизхана в столь поздний час? Его приход встревожил ее.

Эш-палван казался каким-то сникшим. Нет в нем прежней уверенности в себе. Он сидел на айване, скрестив ноги и низко склонив голову, теребил полу халата, видно не зная, с чего начать разговор. Потом, наконец осмелившись, Эш-палван поднял взгляд на Азизхана:

— Я хотел сказать тебе два слова, брат.

Азизхан наклонился к нему, как бы всем видом говоря, что он весь внимание.

— Нет, нет! Я могу сказать об этом только наедине.

Азизхан глазами попросил Лютфинису удалиться, а Лютфиниса, обеспокоенная таким поведением гостя, еще больше заволновалась и стояла как вкопанная.

Тогда Азизхан сказал:

— Пойди погуляй. У нас тут чисто мужской разговор.

Лютфиннуса, недовольная, повернулась и ушла в дом.

Азизхан придвинулся поближе к гостю:

— Я вас слушаю, Эш-ака.

Эш-палван покашлял в кулак и, улыбнувшись, робко начал:

— Пусть мои слова не будут в тягость тебе, брат. Но после того самого случая не могу я вернуться в кишлак. И на стройку тоже. Я ждал, когда стемнеет, чтобы не показываться людям на глаза. Ты еще молод и не понимаешь этого. Ведь недаром говорят: пусть лучше у быка шея сломается, чем джигит голову склонит. А ты заставил меня сделать это. Мои лопатки еще ни разу не касались земли. Ты убил меня, парень.

Из глаз Эша-палвана ручьем хлынули слезы. Он стыдливо отвернулся и, развязав поясной платок, стал вытирать лицо.

— Убил ты меня, парень, убил...

Азизхан растерялся и не находил слов, чтобы успокоить этого человека. Он чувствовал себя неловко оттого, что перед ним сидел здоровенный мужчина и обливался горькими слезами, и не просто мужчина, а известный, непобедимый силач. Азизхан переживал, что по его вине этот некогда гордый человек сломлен и мир теперь ему не мил. И если бы как-нибудь он мог утешить Эша-палвана, Азизхан не колеблясь сделал бы все от него зависящее. Но чем помочь ему? Азизхан положил руку на плечо Эшу-палвану и сочувственно спросил:

— Чем я могу помочь вам, палван-ака? Что я могу такое сделать, чтобы унять ваше горе?

Палван поднял на него мокрые от слез глаза:

— Только ты один и можешь мне помочь, дорогой брат. Только прошу, не отказывайся. Тебя ведь тут еще не знают и потому никто не осудит. Завтра на площади после концерта Тамары Ханум под судейством Джуры-палвана будет состязание борцов. Я вызову тебя на бой. И ты сдашься. Дорогой мой брат, если ты не пойдешь мне навстречу, не знаю, что я с собой сделаю. Я покончу с собой, вспоров себе живот. И пусть проклятье моих малых деток падет на твою голову.

От этих слов Азизхан так разозлился, что даже вскочил с места. Гость тоже встал.

— Что попросишь, все отдам тебе ради этого! Только согласись...

Эш-палван замолк. Азизхан, взъяренный, сжав кулаки, надвигался на него.

— За кого вы меня принимаете? Чтобы я сдался?! Если у вас хватит смелости схватиться со мной, пожалуйста, выходите в круг, померяемся силой.

Эш-палван растерялся, опешил.

— Тогда хотя бы сведем бой к ничьей. Ну прошу тебя...

Азизхан задумался. Он понимал, что Эшу-палвану нелегко. Если Азизхан не согласится с его просьбой, тот может и впрямь что-нибудь сделать с собой. Он такой. Возьмет и лишит себя жизни.

Азизхан слышал, что многие побежденные силачи уезжали из родных мест и скитались в чужих краях. А сколько было таких, что смерть предпочитали позору. Азизхан умерил свой пыл.

— Хорошо! — махнул он рукой. — Пусть будет по-вашему.

Эш-палван просиял, двумя руками обнял его за плечи и притянул к груди.

— Спасибо. Ты настоящий джигит. Пусть удача не изменит тебе. Значит, договорились, да?

— Джигит только раз дает слово. — решительно ответил Азизхан.

Эш-палван провел ладонями по лицу, благословляя и благодаря его. Когда гость ушел, Азизхан долго не мог успокоиться. Он ходил по двору из угла в угол, раздумывая, правильно ли поступил. Лютфиниса за дверью слышала весь разговор. Она тоже размышляла: не ошибся ли Азизхан, согласившись с условием Эша.

Азизхан долго не мог заснуть. Он лежал, глядя на темное звездное небо, и все думал: «Хорошо. Эш-палван бросит мне вызов. Но ведь в кураше ничьих не бывает. Кто же тогда победит? Борец, вызвавший другого в круг и не одолевший его, считается проигравшим. Следовательно, победителем стану я».

Успокоившись, он повернулся на правый бок и тут же захрапел.

Утром, работая на плотине, слышал, как люди шептались:

— Говорят, Эш-палван бросил вызов Азизхану. Согласится ли парень? Говорят: кто откажется, тот считается побежденным.

Азизхан только улыбнулся про себя. Так вот где, оказывается, собака зарыта. Это стало ясно вечером во время концерта. Двое незнакомых парней отозвали его в темное безлюдное место. В руках их блеснули ножи. Ни один мускул не дрогнул на лице Азизхана, он только сердито спросил, чего им от него надо.

— Ты сегодня сдашься Эшу-палвану. Ляжешь на лопатки. Если нет, пеняй на себя.

Азизхан рассмеялся. Это задело самолюбие парней. Один из них угрожающе двинулся к нему:

— Ну как?

Вместо ответа Азизхан неожиданным и резким ударом в челюсть свалил с ног одного и пинком выбил нож у другого. Нож отлетел далеко в сторону.

— Ищите труса в другом месте. Передайте своему палвану: уговор дороже денег!.. — бросил им Азизхан и пошел досматривать концерт.

Но и сидя на концерте, глядя на поющую и танцующую Тамару Ханум, Азизхан чувствовал, как все внутри у него дрожит от негодования. Стараясь успокоить себя, он сидел крепко стиснув зубы и сжав кулаки. После концерта объявили, что через несколько минут состоится кураш — состязание силачей-борцов. Скамейки расставили по кругу. Расстелили в центре брезентовый палас. С повязанными вокруг пояса тремя платками на середину ковра, играя крепкими мускулами, вышел Джура-палван Гаипов. Он сооб-

щил собравшимся, что в сегодняшнем кураше примут участие работающие на строительстве канала борцы — палваны из Андижана, Намангана, Ферганы и Исфары. Потом он представил каждого отдельно. Не забыл упомянуть и молодого силача Азизхана из кишлака Зирилляма Ферганской области. Азизхан на середину не вышел, а только помахал рукой из толпы Джуре-палвану. Джуре-палван как главный судья соревнования стал знакомить всех участников и зрителей с условиями состязания.

— Победивший в одном бою премируется будильником. Одержавший победу дважды — патефоном и граммпластинкой с записью. Пластинку с дарственной надписью подарит сама исполнительница песни Тамара Ханум. Победивший в трех схватках или положивший на лопатки противника один раз и не дождавшийся желаемого состязаться с ним завоюет главный приз — велосипед «Украина».

Первый ряд вокруг ковра занимали борцы — они сидели, скинув с плеч чапаны и подложив их под себя в ожидании вызова. Начинать первым всегда трудно. Правда, находятся иногда смельчаки, уверенно выбегающие на середину круга, но настоящие палваны сидят скромно, поглядывая на толпу, и ждут достойного соперника. Эш-палван выглядел озабоченным. Вытянув шею, он робко поглядывал по сторонам, вероятно выскивая в толпе Азизхана. Тот сидел не разжимая кулаков и тоже со стороны наблюдал за соперником.

Джуре-палван обошел круг и, остановившись возле Азизхана, ловко схватил его за локоть, вытащил на середину круга.

— Молодой палван из кишлака Зирилляма! — громко объявил он. — Есть желающие помериться силой?

С виду Азизхана нельзя было принять за силача-палвана — невысокого роста, хоть и широкоплечий, но худощав. Он скорее был похож на гимнаста, чем на борца. Не знавшие его силачи даже не взглянули в его сторону и продолжали сидеть, скрестив руки на груди. Эш-палван собрался уже было выйти в круг, как его опередил другой палван, высокий крепкий мужчина с обвислой грудью. Кара-палван, так звали борца, тяжело ступая, вышел на ковер, пренебрежительным взглядом окинул Азизхана, всем своим видом говоря: да я его ведь изувечу, зря парня выставили.

— Ну как? Будешь бороться? — спросил Джуре-палван Азизхана.

Тот кивнул. Секунданты проверили, правильно ли завязаны поясные платки у борцов, и затянули потуже узлы. Кара-палван немного расслабился, всем своим видом показывая, что это для него не борьба, а забава, и, чтобы потешить публику, он решил проучить парня — пусть попробует сначала оторвать его от земли. Азизхан без всякой разведки сразу кинулся в бой. Он крепко ухватился за пояс соперника и с силой потянул его на себя. Азизхану послышалось, как Кара-палван даже икнул от натуги. Не обращая на это внимания, он высоко приподнял Кара-палвана

над землей, пронес его к середине ковра и, ловко бросив через себя, уложил на лопатки так молниеносно, что никто и ахнуть не успел.

Джура-палван помог Кара-палвану подняться, стряхнул со спины его пыль, а затем, подойдя к Азизхану, дважды приподняв его за пояс, объявил победителем. Кара-палван, низко опустив голову и пряча глаза от людей, покинул круг. Джура-палван поднял руку Азизхана, и они совершили круг почета. Люди бросали ему деньги. Азизхан покраснел от стыда — в жизни он не брал денег за это, — чтобы пройти и сесть на свое место, вырвался из рук Джуры-палвана, но ему преградил путь какой-то старичок:

— Не глупи, сынок. Таков обычай. Не возьмешь, обидишь народ.

Азизхан, не послушав старика, сел в сторонке. Джура-палван принес и положил у его ног платок с деньгами.

— Эти деньги заработаны тобой честным путем. Возьми их. Азизхан от смущения не знал, куда себя деть.

Джура-палван знал, что молодой палван еще не устал, так как схватка продолжалась недолго. Он вызвал еще желающих схватиться с Азизханом. На этот раз никто не спешил выходить на ковер. Азизхан испытывал чувство наслаждения и гордости от одержанной победы. Теперь и взгляд его и походка стали иными. И, проходя на середину ковра, мимо сидевшей в первом ряду Тамары Ханум, он, улыбувшись, подмигнул ей.

Борцы-палваны перешептывались, толкали друг друга в бок, но выйти в круг не решались. И тут тяжело поднялся с места борец, известный на всю Ферганскую долину как Ягач-палван. Он был высокого роста, длиннорукий, с морщинистой кожей лица и шеи. Толпа даже ахнула от удивления. Зрители хорошо знали этого силача. Из рядов стали выкрикивать:

— Эй, Ягач, меряйся силою со своими сверстниками. Что? С мальчишкой теперь решил сладить?

— Оставь в покое парня!

— И не стыдно выходить против мальчишки, который тебе в сыновья годится?

Но сидевшие в первом ряду палваны только подзадоривали его:

— Ну-ка покажи этому выскочке! Бахвалится еще! Теленку только до кормушки бегать, а он уже бодаться лезет. Проучи его, чтобы в другой раз неповадно было.

Азизхан все это слышал, и его охватила такая злость, что он решил во что бы то ни стало сразиться с этим долговязым.

Джура-палван спросил его, согласен ли он схватиться с Ягачем-палваном. Азизхан кивнул. А из толпы кричали, что нельзя допускать этого боя. Тот старик, что уговаривал Азизхана принять собранные у народа деньги, как петух наскაკивал на Джуру-палвана, размахивая руками:

— Ты в своем уме, Джура? Вы что, хотите изуродовать мальчишку? Не позволим!

Старик подбежал к Азизхану и стал тащить его из круга. Азизхан упирался. И когда кто-то из толпы крикнул: «Да оставьте вы его! Видите, он сам не хочет без боя сдаваться!» — старик отпустил его и, качая головой, вернулся на свое место.

Азизхану раньше довелось как-то видеть Ягач-палвана на состязании борцов в Маргилане. Высокого роста, длиннорукий Ягач-палван подолгу водил по кругу соперника, выматывая его и не давая тому ухватиться за пояс. Азизхан доходил ему до плеча, да и руки у него были покорооче. Он хорошо понимал, что одолеть Ягач-палвана без смекалки он не сможет.

Проверили пояса, обменялись рукопожатиями. Секунданты и судья отошли в сторонку.

Ягач-палван сразу же схватил Азизхана за пояс. Держал его почти на расстоянии метра от себя, не давая Азизхану уцепиться за него. Толпа ревела.

— Пусть даст парню ухватиться за пояс!

— Это нечестно! Держать и не подпускать к себе соперника! Не по пра-ви-лам! — кричали люди.

Ягач-палван, улыбаясь, насмешливо поглядывал на кричавших, но рук не отпускал. Он подмигнул кому-то в толпе, как бы говоря: зря стараетесь, сейчас я вашего батыра в бараний рог согну.

Держа соперника на расстоянии вытянутой руки, он старался сбить Азизхана с ног, но это ему не удавалось. Азизхан ловко уворачивался от подсека. Так они дважды обошли круг, и у Ягач-палвана пот выступил на лбу. А Азизхан, согнувшись, переминаясь с ноги на ногу, все выжидал удобного момента для атаки. Когда они перешли круг по четвертому разу, Ягач-палван был уже весь мокрый от пота. На пятом круге Азизхан почувствовал, что Ягач-палван начинает сдавать и теряет силы. И тогда Азизхан стал тянуть соперника к себе. Как ни упирался Ягач-палван, но сопротивляться молодому палвану он уже был не в силах. И наконец, крепко уцепившись за пояс руками, Азизхан рванул противника на себя и поднял над землей. Ягач-палван повис в воздухе, болтая ногами. А остальное уже было делом техники — Азизхан так крутанул Ягач-палвана, что тот, сделав сальто, упал прямо на лопатки. Еще не успел поверженный подняться с ковра, как в круг выбежал Эш-палван.

— Я вызываю его на бой! Я хочу схватиться с ним!

В толпе опять зашумели, послышались возбужденные голоса:

— Не соглашайся, парень! Хватит! Он устал! Достаточно того, что он двоих положил! Эй, Эш, ты в своем уме? Тебе мало того, что он разок уже тебя уложил?

Азизхан оказался в трудном положении: не согласиться — значит нарушить слово, данное Эшу. Он чувствовал себя изрядно уставшим, а Эш, видно, ждал этого момента. Азизхан был из тех, кто держит данное им слово. Отказаться от обещания — значит поступить низко, смалодушничать. Будь что будет, решил он и стал

снова завязывать пояс на бедре. Народ сразу притих. И даже те, кто считал, что Азизхану лучше покинуть ковер победителем, чем проигрывать в третьей схватке, с интересом наблюдали за тем, что происходит.

Какой-то парнишка сложил собравшие в толпе деньги в платок и положил их перед Лютфинисой, которая от стыда готова была сквозь землю провалиться.

Эш-палван, завязав пояс на бедре, вразвалку подошел к Азизхану, пожал ему руку и покровительственно похлопал соперника по плечу, а потом во всеуслышание похвалил: «Молодец, удалец!» Сам же дал Азизхану ухватиться за бельбаг.

Азизхан крепко взялся за пояс, потянул несколько раз на себя, как бы примериваясь к рывку. Насколько силен противник, он не знал. Настоящая схватка начинается после того, как борцы ухватят друг друга за пояса. Теперь они, согнувшись и не подпуская соперника более чем на расстояние вытянутой руки, пошли по кругу, переминаясь с ноги на ногу. Лишь бы Эш-палван не сплутовал, думал Азизхан. Так, изучая друг друга, они прошли не один круг. Эш-палван, видимо решив, что Азизхан устал, попробовал раза два потянуть на себя соперника, но парень, как железный, не сгибался. Попробовал Эш-палван приподнять его, но у того словно тяжелые мельничные жернова к ногам привязаны. После пятого круга у Эша пропала всякая надежда одолеть Азизхана, и он зашептал ему на ухо:

— Ты помнишь уговор, браток?

— Помню,— ответил Азизхан.

— Еще пройдем два круга и разойдемся с миром.

— Нет, палван-ака, не будет по-вашему. Кто-то из нас должен победить.

— Ты что? Забыл про уговор, парень?

— Если бы в дело не вмешались два ножа, убей меня, я даже лег бы на лопатки. Но вы поступили подло, а теперь хотите, чтобы я сдержал слово? Думали запугать меня? Я должен вас проучить.

— Ты молод еще, браток. На свадьбе твоей буду служить. С меня баран причитается. Хочешь, двести рублей наличными дам?

— Мало!

— Триста!!!

— Мало! Мало! Мало! — крикнул в голос Азизхан.

— Тише! С ума сошел! Ну хорошо, пятьсот рублей!

— Вот теперь согласен! — ответил Азизхан, получая от торга наслаждение. Рывком потянув Эша на себя, он оторвал его от земли и, крутанув, как пропеллер самолета, уложил на лопатки.

Лежа на земле, Эш-палван сплюнул и выругался:

— Подлец, одолел-таки меня.

Толпа с криками бросилась к ним. Азизхана на руках унесли из круга, прежде чем к нему подоспел Джура-палван.

Состязание борцов окончилось, и люди стали расходиться по домам. Эш-палван продолжал сидеть на земле, на том самом месте,

где его уложил Азизхан. То, что за последнее время он дважды публично потерпел поражение от какого-то сопляка, совсем согнуло и сломало его. Этот молокосос не сдержал данного слова. Растоптал, втер в грязь человека, который по возрасту годится ему в отцы. Ну хотя бы согласился на ничью. Ведь он не просил его сдаться, лечь на лопатки.

Эш-палван с трудом, опираясь на правую руку, встал, отряхнул одежду от пыли. Плававшие ярким пламенем факелы догорели и только искорками вспыхивали от дуновения ветерка. Эш-палван, тяжело ступая, опустив низко голову, побрел по дороге. Из куйганярских чайхан доносились веселый смех, шумный говор и песни. На противоположном берегу Карадарьи, в Зеленем театре, Ташкентский драмтеатр имени Хамзы показывал пьесу «Бай и батрак». Весь народ от мала до велика собрался там. Разошедшиеся с состязания люди веселились в чайханах.

Эш-палван стоял в нерешительности, не зная, куда пойти. Показываться людям на глаза он не мог.

Эш-палван услышал чьи-то шаги — по тропинке с холма спустились двое. Эш притаился за кустом. По голосу узнал одного — Али-палвана. Это был прославленный в республике борец, один из известных в округе силачей. Он тоже был среди сидевших в первом ряду палванов. Почему он, старый и верный друг, не вышел и не проучил выскочку, когда тот уложил Эша? Эш-палван решил сейчас высказать все, что о нем думает, вылить злобу, душившую его.

Али-палван о чем-то увлеченно рассказывал своему спутнику. И когда перед ним неожиданно вырос Эш, он опешил:

— Ты? Что тут делаешь? Я думал, ты уже ушел!

— Что мне, живым в могилу лечь? — сказал Эш с обидой в голосе. — А вы сами тоже хороши.

Али-палван сразу смекнул, на что намекает Эш, и, зная, что успокаивать его все равно что ставить мертвому припарки, ответил:

— Так тебе и надо. Любого, кто не считается с силой противника, ожидает такая участь.

Эш-палван проглотил эту обиду. Чуть поостыв, нерешительно сказал:

— А я вам верил, Али-ака. Меня-то он одолел. Почему же вы не вышли сразиться с ним? Я думал, вы отомстите за меня.

Слова Эша еще больше озлили Али-палвана.

— Никак не поумнеешь. Разве борец выходит на ковер, надеясь на силы другого? Сначала приглядишься, потом прикинь, а поспеет время, тогда и выходи в круг.

А Эш-палван все никак не унимался:

— А вы забыли, Али-ака, как, когда вас клали на лопатки, Усар-палван ваших противников укладывал на ковре одного за другим. Вы такой, я знаю, только о себе и думаете.

Али и Усар были родом из одного кишлака. Оба учились борцовским премудростям у отца Али. И если один из них терпел

поражение в схватке, второй шел помериться силой с тем же противником. Но когда побеждал Али, Усар никогда не выходил в круг. Поэтому ферганские силачи прозвали Усара «запасным палваном». Эш решил, видно, сейчас напомнить об этом.

— Эх-ха, вон ты о чем?! — укоризненно покачал головой Али-палван. — Так вот, чтобы верно понял, слушай не одним ухом, а двумя ушами. Я никогда в жизни не гонюсь за дешевой славой. Измотанного и слабого соперника за пояс не возьму. Сражаюсь только с сильным и равным противником. В народе говорят: если хочешь повеситься, то делай это на самом высоком и крепком суку. Так что меня с собой не равняй. Ты ищешь соперников послабее, уставших после нескольких схваток. А я — сильных и крепких. Ты упомянул Усара. Так Усар-палван ни разу не клал на лопатки побеждавших меня соперников тут же после схватки со мной. Он вступал с ними в открытую и честную борьбу на других состязаниях. А выжидать, пока соперник устанет, это нечестно, не по правилам.

— Я знаю, он бы и вас положил, не испугайтесь вы его! Сердце у вас дрогнуло, — со злорадством сказал Эш-палван.

— Может быть. Но запомни: этот мальчик сейчас силен как лев. С какой бы стороны ты ни подступил — кинет тебя из любого положения.

Эш-палван кивнул:

— Согласен, Али-ака. Но скажите, смогли бы вы его победить?

— В начале состязания или в конце?

— Не понимаю, что вы хотите сказать?

Али-палван улыбнулся:

— Когда он только вышел на ковер или уставшего после нескольких схваток?

— Все равно когда!

Али-ака стал растолковывать Эшу:

— Во-первых, я тебе уже говорил, что бороться с уставшим соперником не в моих правилах. Во-вторых, я бы с ним не боролся.

— Почему? — удивился Эш.

— Мой покойный отец так завещал мне. Я тоже в семнадцать лет, как этот юнец, семерых известных палванов уложил на ковре одного за другим. Не веришь? Можешь у Юсуфджана-ака спросить. Он тоже выступал на этом праздничном состязании. Сколько призов и денег я тогда получил! Так мой покойный отец, сгребя в кучу все эти завоеванные мной халаты и деньги, отправился в Маргилан раздавать эти халаты поверженным мной палванам. Собрав их всех за угощением и попросил благословить сына. Возвратившись в кишлак, он подозвал меня к себе и сказал — до сих пор звучат в ушах у меня его слова: «Э, невежда, эти палваны не такие уж простаки, чтобы проиграть тебе, они намеренно сдались. Пусть ряды наши пополнятся еще одним молодым палваном, думали они, сдаваясь тебе». Понял теперь?

Эш-палван как заведенный:

— Так вы мне не ответили, проиграли бы вы ему или нет?

— Хочешь знать правду? Не проиграл бы. Уложил бы я этого юнца. Но если бы я это сделал, я бы не простил себе то, что я сломал уверенность в своей силе у человека, наслаждающегося мгном победы. Придет время, и он испытает горечь поражения. Вот почему я не вышел. А ты ходишь озлобленный. Ты что, впервые проиграл? Многие тебя побеждали. Ну, если тебя так совесть заела, уезжай подалее отсюда, в другие места, и там борись, коль не хочешь, чтоб твои земляки узнали о твоих поражениях.

Эш-палван, не дождавшись от друга утешения, махнул на него рукой и быстро зашагал по дороге. Али-палван долго глядел ему вслед и качал головой.

Азизхан возвращался домой, ведя за руль велосипед, на багажнике которого был укреплен патефон и целый узелок с деньгами. В левой руке он еще нес будильник. Лютфиниса, возвратившаяся домой раньше его, лежала в постели, накрывшись с головой одеялом, обиженная на него за то, что он взял деньги. Увидев сияющего Азизхана, она сердито отвернулась к стене. Азизхан поставил на стол патефон, покрутил до отказа ручку и достал пластинку, подаренную Тamarой Ханум.

И в полночь над спящим кишлаком полилась знакомая всем мелодия песни «Платочек». Лютфиниса вскочила и, подбежав к патефону, сняла мембрану.

— Хватит! Люди давно спят.

Азизхан улыбался, от него исходил приятный запах духов, оставшийся от поцелуя Тамары Ханум.

XI

Мираббаша оказался прав. Спустя два дня после бури воды в реке поубавилось. Быстрая и бурная Карадарья присмирела. А ночью приток воды настолько упал, что река оголила весь правый берег и текла теперь посередине, там, где было глубже.

Сипайщики, готовые к работе, стояли на берегу. Рабочие, возводящие насыпь железной дороги, тоже пришли посмотреть, как будут ставить запруды.

Какой-то седобородый старик, сбросив с себя чапан, взял длинный шест и спустился на илистое дно реки. Над кишлаком висел теплый вечер. К берегу подогнули трактор, и тракторист включил фары, высветив в темноте фигуру старика. Это был известный в Ферганской долине сипайщик Хасан-ота Буранбаев. Стоя по колено в иле, он повернулся к собравшимся на берегу и поднял вверх ладони для благословения:

— Аминь! Пусть живительной водой полнятся наши реки и арыки. Да будут памятны нам наши предки, всю жизнь жаждавшие воды. Аминь!

— Аминь! — донесся с берега хор голосов.

И в реку спустились остальные сипайщики с веревками и мот-

ками проволоки, с бревнами и досками и другими нужными материалами.

Хасан-ота уложил на земле три бревна и с помощью других сипайщиков связал один конец бревен проволокой. Остальные стали делать то же самое. Одно из трех связанных бревен старик взвалил на себя, двое других тоже взяли на плечи по бревну, и все трое спустились в воду. Добравшись до того места, где они собирались поставить треногу, Хасан-ота оседлал свое бревно и стал топить свободный конец, стараясь зацепить за дно. От натуги вены на шее старика вздулись, резче обозначились скулы, и это ясно было видно при свете фар. Наконец бревно, оседланное Хасаном-ота, уперлось в дно реки. Два других бревна, подхватываемые течением, тянули в сторону. Парни с трудом пытались затолкнуть их под воду, но сильный глубинный поток выталкивал их обратно. На помощь этим парням спустились еще двое. Старик, прикрыв глаза рукой от яркого света, крикнул трактористу, чтоб тот выключил фары.

Светало. Уже различались очертания берега. По сигналу Хасан-ота в воду один за другим начали спускать и остальные треноги. Второй сипай не успели упереть в дно реки, и его, вытолкнув сильным подводным течением, понесло вниз. Парни, оседлавшие эти бревна, плыли на них, как на плотках.

— Кто смелый, пусть спускает еще одну треногу! Давай скорее! — продолжал командовать старик.

Не дожидаясь, пока сипайчи спустят в реку следующую треногу, старик вылез из воды, оттолкнул одного из парней и, опустив конец бревна в воду, лихо оседлал его. А река в том месте бурлила и клокотала, как взбесившаяся. Командовавший с берега мираббаша Абдусмад укоризненно покачал головой:

— Зря ота опять в воду лезет. Устал уже. Мои парни сами бы справились. Неугомонный какой-то старик. Джигиты, поберегите его! Пусть один из вас подплывет ближе, а то ему одному не справиться с толстым бревном. Помогите ему!

Трое парней тотчас же спустились в воду и направились к Хасану-ота. Но сильным течением их отнесло далеко в сторону.

Азизхан, наблюдавший за всем этим с берега, скинул с плеч чапан и, сунув его в руки оторопевшей Лютфинисы, побежал вверх к мосту через Карадарью. Растолкав людей, столпившихся там, он с перил прыгнул в воду. Быстрое течение понесло его вниз, к ставившему запруду старику. Чтобы не отнесло в сторону, Азизхан усиленно помогал себе руками, и через какое-то время он уже был возле старика, с трудом сдерживающего бревно. Ухватившись за другой конец, Азизхан с силой надавил на него.

— Держи второе бревно! — крикнул ему старик.

Крепко обхватив его, Азизхан вскарабкался на второе бревно и стал топить его.

— А теперь третью подпорку тяни вниз, сынок! Удачи тебе, сынок, во всех твоих делах! Скорее топи!

Азизхан, поймав третье бревно, с такой силой осадил его, что сам вместе с ним оказался под водой, место это оказалось глубоким. Люди на берегу притихли. Все затаив дыхание ожидали, когда же появится Азизхан. Через минуту-две над водой показалась его голова. Высунувшись по плечи, он мотнул головой, стряхивая с волос воду.

Все облегченно вздохнули.

Сипай крепко всеми тремя опорами упирался в дно реки в самом ее глубоком и бурном месте, но даже сильное течение не могло сдвинуть его.

Азизхан улыбнулся и подмигнул старику. Тот вдруг побледнел и, крепко вцепившись руками в бревно, с трудом произнес:

— Ногу судорогой свело, сынок.

Окажись старик один, он мог и не выплыть, сил не хватило бы справиться с бурным течением. Азизхан не мешкая бросился к Хасану-ота.

— Обхватите меня за шею, отец!

Старик, держась одной рукой за бревно, другой ухватился за Азизхана. За многие годы работы сипайщиком такое с ним случилось впервые. Всегда выходивший победителем в схватке с водой, теперь он не в силах был от боли даже поднять голову. Хасан-ота крепко обхватил Азизхана за шею, и тот не спеша поплыл к берегу. Наконец ноги его коснулись дна, и на руках он вынес старика. Тотчас же их окружили люди. Азизхан уложил Хасана-ота на еще холодный, не прогретый солнцем песок и стал растирать согнутое колено. Из медпункта уже спешила санитарка: кто-то успел сообщить о случившемся. Не спрашивая, в чем дело, она намочила спиртом ватный тампон и быстрыми движениями начала растирать ногу. Как ни больно было старику, но он терпел, крепко стиснув зубы. Кто-то набросил на плечи Азизхана чапан. Тот незаметно сбросил его на землю и исчез в толпе.

— Смелый парень!

— Откуда он?

— Хороший джигит!

Азизхан, довольный, пробирался сквозь толпу. Лютфиниса, наблюдавшая вместе со всеми, как Азизхан помогал старику, была напугана. Увидев его целехонького и невредимого, она успокоилась, но дрожавшие руки выдавали ее волнение, и она без конца вздыхала.

— Небось замерзли? Наденьте-ка скорее чапан.

Азизхан небрежно накинул на плечи халат, поданный Лютфинисой, всем видом показывая, что то, что он совершил, это пустяк. К ним подошел мираббаши Абдусамад.

— Ну-ка, пойдём-ка, брат! Тобой большое начальство интересуется.

Лютфиниса, пока он одевался, заботливо вытерла его мокрую голову, забрызганное грязью лицо.

— Может, сапоги наденете? — спросила она робко, считая, что в таком виде неудобно появляться перед начальством.

Азизхан, махнув рукой, с важным видом зашагал за Абдусамодом. Лютфиниса еле поспевала за ними.

— Наденьте сапоги, ведь стыдно босиком идти.

Азизхан прикрикнул:

— Да замолчи же ты! Ну что заладила: надень да надень! Все равно снова в воду мне лезть.

Мираббаша повел его к железнодорожной насыпи. Там руководители республики осматривали стройку.

— Ие, вот те на! Да это же наш палван! — заулыбался Белявский при их появлении.

Азизхан при высоком начальстве стоял чинно, скрестив руки на груди.

Лютфиниса к мужчинам не подошла. Прикрыв лицо кончиком платка, она с любопытством наблюдала за ними. Усман Юсупов заразительно смеялся, слушая рассказ Ахунбабаева о том, как Азизхан выкрал себе невесту, набив шишки жениху и мулле. Но сейчас не время было обсуждать этот его поступок. Ведь руководители республики пригласили Азизхана подбодрить теплыми и добрыми словами за хорошую и умелую работу на возведении запруды. Но Юсупов, под впечатлением рассказа Ахунбабаева, все никак не мог успокоиться. Подойдя к Азизхану, он вдруг спросил, кивнув в сторону Лютфинисы:

— Почему ты ее выкрал, сынок?

— Потому что люблю... — ответил Азизхан.

— Любящий человек посылает сватов, договаривается о свадьбе.

— А брат не хотел ее выдавать за меня.

— И ты тогда решился на самый крайний шаг. Смотри какой смелый!

Белявский, желая помочь растерявшемуся парню, сказал:

— Уж вы простите его, Усман Юсупович. За такую работу ему можно много грехов отпустить. У этого парня силы как у мощного трактора. Надо только радоваться, что на стройку прислали еще одну машину.

— Ну тогда простим, — подмигнул Азизхану Юсупов. — Вот построим канал и на твоей свадьбе погуляем. А ты должен беречь себя, сынок. Ты нужный нам всем человек.

Азизхан, поблагодарив Юсупова за добрые слова, спустился снова к сипайщикам. Юсупов с восхищением смотрел на удаляющуюся крепкую и сильную фигуру Азизхана.

Запруда ставится до середины реки. На перегороженной половине закладывается бетонный фундамент под плотину. Затем перекрывается вторая половина, а река пускается по первоначальному руслу. Сипайщики все продолжали работать. Азизхан, сняв халат, отдал его Лютфинисе и с разбегу прыгнул в воду. Около пятидесяти молодых парней были заняты установкой сипаев. По три че-

ловека на каждый сипай, они подплывали со связанными бревнами к месту установки и, раставив острые концы их в стороны, начинали топить, стараясь зацепить за дно. Это не всегда удавалось — река, частично запруженная, устремляла поток в открытую горловину, бурно огибая препятствие. Не справившиеся с бревнами парни, уносимые вместе с ними сильным течением, выплывали чуть подалее, там, где река вновь текла спокойно, вытаскивали бревна и заново начинали атаку.

Азизхан работал на самом трудном участке. Он уже до того наловчился, что после нескольких его усилий бревно, как кол, вонзалось в дно реки. Оставалось только закрепить две оставшиеся опоры. А потом все это завалить и засыпать щебнем, прутьями, булыжником. После каждой удачно забитой сваи он гордо посматривал на стоявших на насыпи руководителей стройки. Да и взгляды тех, кто стоял наверху, были прикованы к ловким и умелым движениям Азизхана. На берегу мальчишки обвязывали хвост проволокой, стягивая прутья потуже, поплотнее. К полудню на реке было установлено двадцать три сипая. Палваны, укрощавшие реку, порядком устали. От долгого пребывания в холодной воде у них окоченели руки и ноги.

Мираббаша в рупор отдал команду:

— Кончай работу, ребята! Выходи на отдых!

Подплывший к берегу первым, Азизхан выхватил рупор из рук мираббаша и объявил:

— Не вылезайте! Мы еще не все закончили. Осталось закрепить сипай проволокой.

Схватив моток проволоки, лежавший на земле, он обмотал конец вокруг пояса и снова бросился в воду.

Мираббаша только и успел крикнуть:

— Эй, парень! Ты что, с ума сошел?! Ну-ка вернись!

Азизхан, не обращая на него внимания, широко гребя, подплыл к последнему сипаю. Уже вылезавшим из воды парням пришлось повернуть обратно. Они стали помогать обвязывать каждую треногу и прикреплять ее к другой, рядом стоящей. Азизхан обвязал верхнюю часть бревен там, где они уже были стянуты проволокой, еще раз и перешел к другому сипаю. Проволоку он натягивал как струну, нигде не давая ослабиться и провиснуть. То же стали проделывать и остальные, объединившись по пять-шесть человек.

Завороженные ловкой и спорой работой сипайщиков, люди на берегу не расходились, хотя время обеда кончилось.

Вскоре все сипай были связаны друг с другом. Абдусамад даже охрип, крича им: «Эй, выходите! Ды вылезайте же из воды. Обед совсем остыл!»

Азизхан влез на сипай и, как с вышки, нырнул с него в воду, но поплыл не к берегу, а против течения. Он плыл, испытывая чувство удовлетворенности и радости оттого, что и он наконец смог принести пользу людям, и это он испытывал именно сейчас, в эти

минуты. И ему хотелось работать так, чтобы завоевать еще большую благодарность людей.

В толпе на берегу он заметил Лютфинису, радостно махающую ему платком.

XII

Ночью, не успев пропеть вторые петухи, Умматали, так всю ночь и не сомкнувший глаз, вскочил с постели. Жена его, только задремавшая, тоже проснулась. Но она лежала молча, боясь потревожить мужа. Да и что она скажет? Вот уже более недели скребут на душе кошки. За сына она не беспокоилась. Не пропадет, где бы он ни оказался. А куда же он сунется с девушкой? На улице ночевать не станут. Муж даже постарел от переживаний. Сколько упреков обрушилось на его бедную головушку. Пройти по улице спокойно не может. Скоро, бедняжка, из дома выходить перестанет, так ему стыдно перед односельчанами.

Приподняв голову, она посмотрела в открытое окно — Умматали сидел, низко опустив голову, посреди двора на супе. У нее пропал сон, но она не встала с постели, не вышла к мужу. Пусть побудет один.

У Умматали и вправду голова раскалывалась от мыслей. Он стал припоминать прошлое, все до мельчайших подробностей, от рождения сына до этого злосчастливого дня.

Почему это случилось? Что толкнуло сына на этот шаг? Ведь ни в их роду, ни в махалле, ни даже в их кишлаке не было таких безрассудных людей. В кого только такой уродился? Он вспомнил, как сам раньше восхищался его детскими шалостями. Прощал ему многие проступки. Пытался говорить с ним только по-хорошему, убеждением, добрыми словами.

Когда в Заркент в кинотеатр привезли «Чапаева», Азизхан со своими дружками раз пятнадцать смотрел этот фильм. А потом они, разделившись на красных и белых, целыми днями носились по полям и садам с трещоткой для отпугивания птиц в саду, изображавшей пулемет. Азизхан голова всему. За Чапаева у них. Набросив на плечи старую овчину, приделав усы из метелок кукурузы, размахивая самодельной деревянной саблей, с криками «ур-ра!» несли он впереди ватаги ребят.

А как-то, возвращаясь домой, Умматали застал сына сидящим верхом на Туреунбае. Приставив саблю к его груди, он грозно кричал: «Говори или я убью тебя, предатель!»

Умматали сидел на супе у себя дома и, вспоминая проделки сына, то улыбался, то тяжело вздыхал.

Из груди со стоном вырвался тяжелый вздох, и этот горестный вздох, как горячее пламя, опалил все внутри.

В окно выглянула жена:

— Да успокойтесь вы, отец! Ложитесь, отдохните! Ведь так и заболеть недолго!

Умматали ничего не ответил. Он встал и заходил по двору из угла в угол.

Жена, глядя на одинокую фигуру мужа, бродившего по темному ночному двору, думала о нем.

— Уж скоро светать начнет, отец! Вам отдохнуть надо!

Умматали остановился, как бы очнувшись, и посмотрел в ее сторону:

— Послушай, жена, одно не дает мне покоя. Черная мысль тревожит меня.

Жена, встревоженная состоянием мужа, забыв про дверь, вылезла во двор через окно.

— Ой, боже мой, что-нибудь случилось? Не мучайте меня!

— Да ничего, ничего, жена. Все прошло. Черт меня попутал. Иди ложись.

Умматали пожалел, что так встревожил жену. Последнее время она сильно болеет.

— Не волнуйся, женушка. Я просто подумал, что с ребятами могло что-нибудь случиться! Да что может с ними быть? Ты же знаешь сына!

Женщина немного успокоилась.

— Э, тоже мне... Чуть сердце не разорвалось от страха. По моему, Азизхан бежал к Хаджимукану. А куда ему еще податься!

Умматали почему-то об этом не подумал. Он даже обрадовался такому предположению.

— Верно говоришь. Ну конечно, сын бежал к Хаджимукану.

Но что-то снова промелькнуло в голове Умматали, и он задумался.

— Нет, он туда не пошел. Хаджимукан его бы точно отправил обратно или сообщил бы нам, что Азизхан у него. Помнишь, когда он раз бежал к нему, твой младший брат предупредил Хаджимукана — прибежит, гоните домой.

Жена разозлилась на мужа:

— Вай, а еще мужчина. Вместо того чтобы успокаивать меня, вы еще масла в огонь подливаете? Я, слабая, беззащитная женщина, и то терплю, а вы все ноете! Возьмите себя в руки. Ведь помимо друзей и враги у вас есть. Узнают, как вы мучаетесь, и станут радоваться, пожелают, чтоб вам хуже стало!

Была еще ночь. Спало все живое в природе, и даже деревья в саду пребывали в дремоте. Ни одна веточка, ни один листик не шелохнется. Тихо. И только двое — мужчина и женщина — сидели на супе и думали.

XIII

Перегороженная сипаями Карадарья изменила свое русло и теперь текла слева, оголив каменистое дно. Примерно в двадцати метрах от установленной запруды следовало сперва заложить фундамент плотины. Это было только началом работы, а точнее, поло-

виной плотины. После того как поставят фундамент, сипаи перенесут на другую половину реки. А вода пойдет через Кипчак-арык и Улугнор, огибая строительство. Сейчас с оголившегося берега к середине реки начали копать траншею для закладки фундамента. Работа эта трудоемкая — надо не только выкопать глубокий ров в каменистом дне реки, но и весь этот тяжелый грунт вынести на носилках или в специальных мешках на берег. Многие известные палваны с трудом поднимают мешок, наполненный четырьмя ведрами мокрого песка с щебнем. Кажется, нет ничего на свете тяжелее мокрого песка. Но как бы ни трудна была работа, ее следовало выполнить в крайне короткие сроки.

Штаб провел специальное совещание со строителями. Проводил его сам Усман Юсупов.

С первого дня начала стройки канала партийные и советские органы республики возглавили руководство. В этом совещании приняли участие многие народные комиссары.

Начальник штаба Тешавой Мирзаев доложил о ходе строительства, обратив внимание собравшихся на возникшие в ходе строительства трудности на Учкурганской головной плотине, Лугумбекских перепадах и Куйганярской плотине, сооружение которых идет медленными темпами.

— Что вы предлагаете? — прервал его Юсупов.

Мирзаев на секунду задумался.

— Мне кажется, лучше послушать специалистов, наших инженеров. Что, к примеру, об этом думает Белявский, наш главный инженер-ирригатор. Он хорошо знаком с местными природными условиями и, помимо всего, принимал непосредственное участие в разработке проекта канала. Послушаем, что он скажет нам и как руководитель Учкурганского участка.

Юсупов выжидающе посмотрел на Белявского. Тот встал, не спеша достал из кармана блокнот, надел очки.

— По-моему... — начал Белявский, но Юсупов, улыбнувшись, сказал:

— Говорите по-узбекски. Так понятней всем будет. Вы же хорошо знаете наш язык.

И Белявский стал говорить на чистом андижанском диалекте.

— Усман-ота, если говорить по-честному, не упустить бы нам время, ожидая техническое подкрепление, которое неизвестно когда прибудет. На трассе сейчас у нас пять экскаваторов. Два уже вышли из строя. Из оставшихся трех один работает час, ну от силы два, а потом его целый день ремонтируют. За смену и четырех арб земли не накапывает. Мне кажется, нам надо больше опираться на людские ресурсы. Я хочу упрекнуть и Тешавоя. Людей он не знает. Работяги остаются в стороне, а он премирует бездельников и лоботрясов. Какое же это стимулирование? Вчера я был на Куйганярском участке. Работа там по плечу только сильным и крепким людям. В Учкургане такая бригада давно уже создана. Ее возглавляет замечательный парень, энтузиаст

Дунан Дусматов. В день по четырнадцать кубов земли копает. Вот с таких людей и надо брать пример. У меня пока все.

Белявский закрыл блокнот, сунул его в карман и, сняв очки, сел на место. Юсупов улыбался, довольный выступлением инженера. Совещание единогласно постановило усилить бригаду парней, занятых на Куйганярском участке. Мирзаев обещал сам заняться формированием бригады.

В конце совещания слова попросил народный комиссар здравоохранения Муминов.

— Я ненадолго вас задержу, товарищи. — сказал он. — Есть опасность возникновения на стройке лихорадки. Необходимо принять профилактические меры. Мы уже начали давать таблетки акрихина работающим на заболоченных участках и в районах рисосеяния. Но борьба с лихорадкой требует дополнительных расходов. Кроме того, землекопы, целый день проработавшие на трассе, не могут ночью заснуть от полчищ комаров — разносчиков малярии. Тяжело им в таких условиях работать, но с этим можно бороться. Я предлагаю, если правительство республики изыщет такую возможность, разрушить частные рисовые поля вдоль трассы канала, а хозяевам выплатить денежную компенсацию.

Юсупов сидел задумчивый, постукивая по столу пальцами.

— Мы хотели бы построить канал с малыми затратами материальных средств. Как бы не оказалось, что седло дороже коня.

— Можно мне? — снова попросил слова Белявский. — Ата, я вам приведу один пример. В колхозе имени Кирова Нарынского района трасса канала проходит через частные хозяйства, и нам пришлось выкорчевать два фруктовых сада. Каждому из хозяев обещано было выплатить по шестьсот тысяч рублей. И когда мы принесли им деньги, колхозники отказались от них. «Правительство нам воду дает, неужели мы за какой-то несчастный сад потребуем с него денег?!» Мало того, они зарезали телку и двух баранов, чтобы кормить рабочих и трактористов. Народ за рисовые поля не потребует денег. Вот увидите, сами их разрушат, только объясните, для чего это нужно.

Собрание порешило сформировать бригаду врачей и санитаров для проведения лекций среди населения о профилактических мерах по предотвращению вспышки малярии.

Выйдя из конторы штаба после окончания совещания, все обратили внимание на лежавших у дороги трех верблюдов. Они лениво пожевывали траву, не обращая внимания на проносившиеся мимо грузовые машины, шум и крики людей. Чуть поодаль трое всадников — два молодых парня в расшитых золотом черных бархатных камзолах и старик киргиз лет семидесяти — поглядывали на вышедших.

Старик спешил и, подойдя к садившемуся в машину Юсупову, спросил:

— Юсупов здесь?

— Я Юсупов, — ответил Усман-ота, с любопытством оглядывая старика киргиза.

— Так ты сам Жусупов! — обрадовался старик.

Подошли Белявский, начальник строительства Мирзаев и еще несколько человек.

— С каким делом приехали, аксакал? — поинтересовался Юсупов.

— Привел двух сыновей работать на строительстве канала. Две юрты, пять баранов и двух невесток взяли с собой. Вон там они, — указал в сторону старик киргиз.

Двое братьев спешили и подошли к отцу. Поздоровавшись со всеми, они встали за стариком, не вступая в беседу. Юсупов оглядел их с головы до ног — парни молодые, крепкие, настоящие багыры.

— Спасибо, отец! Большое спасибо! Юрты и бараны вам самому пригодятся, — улыбнулся Юсупов. — А за парней спасибо!

Юсупов подошел к парням, похлопал каждого по плечу и, обращаясь к Мирзаеву, сказал:

— Тешавой, вот тебе два сокола. Отдаю в твое распоряжение. Аксакал, — обернулся Юсупов к старику, — а теперь погостите у нас.

— Нет, сынок. Табун меня ждет. Вдвоем со старухой будем вести хозяйство ребят. Мне пора возвращаться.

Попрощавшись со всеми, Юсупов еще раз поблагодарил старика и быстро сел в машину.

Машина мчалась по тенистым, укрытым густыми кронами чинар улочкам. Юсупов сидел на заднем сиденье и думал о том, как сильно изменилась психология дехканаина, этого бывшего частного собственника. Он был под впечатлением рассказа Белявского о хозяевах, не взявших денег за выкорчеванные сады и разрушенные дома. Этот простой и щедрый народ способен на великие дела. И что там деньги, имущество — жизнь отдаст, не пожалеет ради дела.

Для человека капля воды испокон веков была дорожке всех сокровищ мира.

Спустя полчаса они доехали до станции Горчаково. Здесь народу собралось видимо-невидимо. Люди с мешками, с одеялами за плечами, с узлами в руках, с кетменями, сошедшие с только что подошедшего поезда, садились на арбы, автобусы, грузовые машины или шли пешком. Повсюду транспаранты: «Построим канал за сорок пять дней!», «Пламенный привет строителям канала!» Плакаты и лозунги развешаны на здании станции и на пристанционной площади.

Юсупов, не вылезая из машины, некоторое время наблюдал за вновь прибывшими, затем вытер вспотевший лоб и шею платком и велел шоферу повернуть в Маргилан.

От Горчакова до Маргилана машина еле ползла. Дороги запружены народом. Пробираясь сквозь толпы идущих, едущих на арбах людей, они с трудом добрались до Учарыка. Юсупов остановил

машину возле всадника, пившего кумыс. Это был Раимберди-тога. Увидев вылезавшего из машины Юсупова, Раимберди спешился и, даже не смахнув капли кумыса с усов, поспешил к Усману-ота.

— Что, жажда замучила. Раим? Как успехи?

После разговоров о житье-бытье Раимберди рассказал Юсупову о состоянии хлопковых полей, о ходе строительства канала на его участке.

— А твои-то люди где? В Наймане?

Раимберди кивнул.

— На днях обязательно заеду к вам! По слухам, дела у тебя неважные. Говорят, люди у тебя бегут?!

— Да нет, не было такого, Усман-ота!

— А выкравший невесту парень из твоего кишлака прославился на весь Куйганяр. Скоро ты о нем услышишь!

Раимберди засмеялся:

— Так вы о нем. Дурной, нехорошо он поступил. Кишлак свой опозорил на всю округу.

— Зачем ты так. — сразу посерьезнев, сказал Юсупов. — Что ему оставалось делать? Скоро вы услышите о нем. Гордиться надо, что он ваш земляк. Ну хорошо, ездай, не буду тебя задерживать.

Опять с трудом пробираясь сквозь толпы людей, арб, велосипедов, шофер без конца сигналил. Двигатель у машины натужно ревел. Мотор перегрелся, и вода закипела в радиаторе. Шофер залил в радиатор ведро холодной воды, но машина не заводилась.

Лошадь, оставленная Раимберди без привязи, щипля траву, ушла вдоль берега арыка. Подходя к коню, Раимберди услышал веселый хохот, доносившийся из чайханы. Сегодня встретил у книжного магазина известного поэта Гафура Гуляма и его ученика Адхама Хамдама. Вероятно, они остановились в этой чайхане.

Ведь не зря Юсуфджан-кызык спешил сюда рано утром с ведром персиков. Раимберди, взяв под уздцы лошадь, направился к чайхане.

На противоположной стороне улицы в тени старых карагачей он снова заметил машину Юсупова. Привязав коня к дереву, он посмотрел в ту сторону, откуда доносился веселый смех. На деревянном помосте сидели несколько мужчин. Одного из них он знал — это был Гафур Гулям. Юсуфджан-кызык, несмотря на свои шестьдесят лет, выглядел бодрым, он рассказывал что-то смешное собравшимся поэтам. Глаза он подвел сурьмой, а поверх чесучового халата повязал розовый платок. Еще не седая коротко стриженная борода придавала его лицу округлость. Когда Юсуфджан-кызык что-то рассказывал, он высоко поднимал брови, как будто хотел рассмешить этим, и с улыбкой глядел в глаза. Сидевший позади Гафура Гуляма Адхам Хамдам, самый молодой из присутствующих, слушал всех сложив руки на груди, готовый по первому же сигналу услужить старшим. Глаза его так и бегали от одного к другому. Он жадно вслушивался в разговор маститых коллег. В самый разгар посиделок к чайхане подошел Усман Юсупов. Машина не

заходила, и он решил передохнуть в чайхане, выпить глоток холодного зеленого чая.

Пока грузиный, но энергичный Юсунов подходил к ним, Гафур Гулям, считая неприличным при нем сидеть в майке, поспешно стал натягивать китель. Одевшись, он поднялся навстречу Юсунову, заведя руку за спицу и делая какие-то знаки. Адхам Хамдам, поняв его жест, вытащил из-под одеяла еще не раскупоренные припрятанные бутылки и унес их куда-то.

Юсунов, сославшись на занятость, посидеть с ним отказался. Стоя выпил пшалу холодного зеленого чая.

— Гафур, завтра перебирайтесь в Куйганяр. Там сейчас самый ответственный участок работ. Пламенное слово поэта вдохновит людей на трудовые подвиги. Хамид, а ты поезжай в Вуадиль, — обратился он к поэту Хамиду Алимджану. — Ашрафи и Яшен уже там. Узнай, едет ли туда опера. Если чего не хватает, сообщишь нам.

Юсунов подошел к стоявшему в стороне человеку с широким лицом и круглыми навывкате глазами и, взяв его под руку, повел к машине.

— Здорово, что вы приехали, домулла Айбек. Вот если бы обо всем, что тут происходит, написать такую вещь, как «Священная кровь». Не поленились, проедьте по всей трассе, побывайте на всех участках, познакомьтесь с людьми. Ведь такой трудовой энтузиазм охватил народ, что не писать об этом грех. Вчера, домулла, в «Кызыле»¹ читал ваш очерк «Отцы». Хорошо написано. Побольше пишите. Слова писателей окрыляют людей.

Айбек обычно говорил чуть заикаясь. А сейчас, стоя рядом с Юсуновым, он совсем растерялся и от волнения не мог произнести ни слова. Заметивший это Гафур Гулям не удержался от того, чтобы не съязвить:

— Ата, с ним надо через переводчика разговаривать. Говори же, есть у тебя язык, в самом деле?!

Айбек сверкнул на него глазами и зло бросил: «У, задира!» Айбек в жизни никого не ругал, да и не умел ругаться. И самым грубым словом, когда он злился, у него было «задира».

Вместе со всеми засмеялся и Юсунов. Глядя на них, не удержался от улыбки и Айбек.

Юсунов сказал Гафуру:

— Я ведь не зря посылаю тебя в Куйганяр. Там один парнишка творит чудеса. Из Зириллямы сам. В любой работе, которую выполняют там на участке, нет ему равных. Напишите об этом в газету. Пусть Сабир сочинит песню. Уста² положит их на музыку. Сам ты напишешь очерк или стихи о нем. Покажите этого парня народу. Хорошо?

Юсунов сел в машину и уехал.

Раимберди стало неловко оттого, что совсем недавно он жало-

¹ «Кызыл» — газета «Кызыл Узбекистон».

² Уста — композитор Тухтасин Джалилов.

вался Юсупову на Азизхана. А про этого парня сегодня складывают песни, видные поэты республики посвящают ему газели.

Он не знал, что его сейчас больше гложет — гордость за земляка или озабоченность. Удивительно, какой-то мальчишка, сорванец — сегодня у всех на устах. Как же обрадуется Умматали, когда он передаст ему эту радостную весть.

Раимберди вскочил на коня и галопом поскакал в Зириляму.

XIV

К середине лета Карадарья совсем обмелела. Оголилось высохшее русло реки, и торчат то там, то сям огромные камни, валуны.

В Куйганяре строительство плотины шло своим чередом. В сипайщиках теперь не было нужды, а требовались бетонщики да землекопы. Азизхана включили в бригаду землекопов, но он отказался. Азизхан искал себе какой-нибудь необычной работы, такой, что не под силу простому человеку. Правда, Белявский предложил ему переехать в Учкурган, но Азизхан не согласился. Причиной тому было то, что на учкурганском участке работал Эш-палван со своей бригадой. Эш заявил: если Азизхан придет сюда, я вместе с бригадой уйду в другое место. А Эш сдержит свое слово. Потерпевший от Азизхана дважды поражение, он очень переживал это. Перестал показываться на людях. Если Азизхан из упрямства поедет туда, то Эш может что-нибудь натворить. От него всего можно ожидать.

Азизхан не поехал в Учкурган не потому, что испугался Эша, а потому, что ему было жаль палвана. Ведь и Эш-палван приехал на стройку реабилитировать себя в глазах людей, прославиться. Так пусть он не теряет надежды. Да и Лютфиниса без конца твердила ему:

— Не связывайтесь вы с этим проклятым Эшем. Боюсь, какую-нибудь подлость сделает вам. Держитесь от него подальше.

И вот когда Азизхан решал, как ему быть, его окликнул Джурапалван, проезжавший мимо:

— Эй, парень, как поживаешь? Давно что-то о тебе ничего не слышал!

Азизхан поделился своими раздумьями и сказал, что хотел бы поработать в Лугумбеке в его бригаде.

— Вот буду рад. Можешь прямо сейчас собирать свои манатки.

— Вы только пригласите, я приеду.

— Тогда приглашаю, поехали.

И оба громко рассмеялись. Азизхан, пообещав приехать завтра поутру, попрощался с Джурой-палваном. Дома он застал Арзихон-ая одну за приготовлением ужина. Лютфинисы еще не было. Азизхан призадумался, не зная, как объяснить Арзихон-ая, этой доброй и милой старушке, причину переезда в Лугумбек. Он и Лютфиниса к ней привыкли, полюбили ее, как родную.

Глядя на немолодые морщинистые руки старушки, готовившие еду, он вдруг вспомнил мать.

К приходу мужа мать Азизхана всегда принаслала какой-нибудь «сюрприз». За едой, и после, и даже ночью, когда, погасив свет, ложились спать, они подолгу спорили и ругались. И причиной всех этих ссор были шалости и проделки их сына, озорника и заводилы Азизхана.

Один из самых крупных скандалов произошел прошлым летом. Их сосед агроном Тухтавой откуда-то привез привой яблони и привил его к старой яблоне в саду. Дичок уже на следующий год дал первый урожай мелких кислых яблок. Азизхан на спор с друзьями вырвал с корнем эту яблоню в обхват с самовар. Тухтавой закатил такой скандал, что Азизхан и сам был не рад, что ввязался в этот спор. Вырванное с корнем дерево сосед отволок в контору правления колхоза и написал заявление председателю. Раимберди-ака, вызвав к себе Умматали, отца Азизхана, долго с ним беседовал.

— Так это же эксперимент, опыт, понимаешь? Тухтавой специально в Пржевальск ездил за привоем. А тут такое безобразие. Ты хоть немного приструни сына, а то он у тебя совсем от рук отбился.

Умматали от председателя вернулся сердитым. Азизхан никогда не видел его таким — лицо свирепое, глаза горят, тугими складками сошлись на лбу морщины. Отец всю жизнь честно трудился в колхозе, был бригадиром, кетменщиком и землекопом; ни от кого дурного слова не слышал. А теперь, на старости лет, за сына приходится краснеть. А что поделаешь? Один он у него единственный. Отшлепает его, а у самого душа изноется. А не накажет сына, так тот пуще прежнего расходится. Придет с работы Умматали и все на жену с угрозами:

— Где твой негодник? Ох уж и задам я ему!

По сердитому тону мужа жена понимает, что сын что-то натворил.

— Был только что здесь, отец. Корову в хлев загоняет. Только не бейте его, отец, не бейте, очень прошу!..

— Сына нельзя бить, жена. Мальчик — это дар бога. В одной из арабских стран в день рождения мальчика, по специальному указу короля, до утра салютуют, палат пушки. А в Индии в каком-то из княжеств женщина, родившая мальчика, целый день кормит его грудью, восседая на княжеском троне. А где-то есть такая страна, где женщину, родившую мальчика, навещает с подарками королева и катает ее вместе с ребенком в своей карете по всему городу. Поняла, что значит иметь мальчика?!

Азизхан, глядя на Арзихон-ая, хлопчущую у очага, вспомнил мать, и настроение у него омрачилось.

Что я наделал? С какими глазами вернусь теперь в кишлак... Ведь мог же я, как и все мои сверстники, сыграть нормальную свадьбу, исполнив мечту родителей дать пир на весь мир? Бедняжки, как они теперь? Бедная, больная моя мама сидит на айване, подперев ладонями подбородок, и небось все глаза проглядела, посмат-

ривая на казитку. А отец, вероятно, от обиды и горя совсем похудел. Лежит, читает. Да и сил-то у него, наверное, нет читать газеты. Газеты в чайхане. А он, бедняжка, не то что дойти, выглянуть на улицу от стыда перед людьми не может. Сидит взаперти. Читал бы газеты, узнал бы о нем, о том, какие подвиги совершает его сын на стройке. Если бы Азизхан тогда не выкрал Лютфинису, все было бы спокойно и не мучил бы он родителей. Расстроил такую богатую свадьбу. Вероятно, брат Лютфинисы ходил к ним, угрожая расправой, если они не возместят убытки. Азизхан почему-то об этом подумал впервые. Как же они оплатят столь большие расходы? Если бы были деньги, не бежали бы они с Лютфинисой из кишлака, а сыграли бы такую свадьбу! Азизхан вскочил с места и заходил из угла в угол. Как же он, единственный сын, мог поступить так низко и подло по отношению к своим родителям, оставив их одних страдать и мучиться за совершенный им поступок? Нет, он поступил не по-мужски, не по-сыновьи.

Азизхан быстро вошел в комнату, открыл сундучок, в котором лежал узелок с деньгами, заработанными на состязании борцов. Взяв деньги, он вышел во двор. Бросил их на палас, опустился на колени и поспешно стал пересчитывать их. Арзихон-ая с удивлением смотрела на него:

— Что ты делаешь, сынок?

— Подождите, не мешайте. — чтобы не сбиться со счета, не поднимая головы, ответил он.

Пересчитав, он сложил деньги в одну стопку и тогда улыбнулся растерянной старушке.

— Восемьсот тридцать два рубля, — радостно сообщил Азизхан.

— Что ты с ними собираешься делать?

— Нужно, нужно, ая. Я сейчас.

Снова завернув деньги в узел, выбежал на улицу.

Азизхан отправился напрямик на почту. Все помещение почты и даже коридоры и лестница были завалены газетами, письмами, бандеролями. Перешагнув через вороха газет, он просунул голову в окошко:

— Апа, могу я отправить в Зирилляму деньги?

Женщина в очках протянула ему в окошко бланк почтового перевода:

— Заполните это. Адрес пишите разборчиво.

Азизхан от быстрой ходьбы тяжело дышал и никак не мог отдышаться.

— Апа, дорогая. Заполните, пожалуйста... я вам продиктую.

Женщина взяла у него бланк, посмотрела на него поверх очков и стала ровным, красивым почерком писать под диктовку Азизхана.

— Вай-вай, такую большую сумму? Семьсот рублей?

— Пишите, пишите... У меня хватит денег и на отиравку.

Женщина пересчитала их несколько раз, шлепнула на бланк штамп, заполнила квитанцию и, оторвав ее, протянула Азизхану.

— Апа, — умоляюще попросил Азизхан, — можно туда два слова добавить?

— Говорите, — все тем же официальным тоном сказала женщина.

— Папочка, простите меня. У меня все хорошо. Лютфи здорова. Деньги эти передайте Акбарали за свадебные расходы. Не хватает, еще подошлю.

С почты Азизхан летел как на крыльях. Словно этими деньгами он избавил своих родителей от волнений и забот.

— Лютфи, Лютфи! Все! Все! — закричал он с порога.

— Что все? — удивилась Лютфиниса, умывавшаяся в арыке.

— Брату твоему деньги отправил. Расходы за свадьбу.

Лютфиниса промолчала. За ужином Азизхан рассказал о разговоре с Джурой-палваном и о том, что им необходимо завтра утром переехать в Лугумбек.

Арзихон-ая тут же всплакнула:

— Как же я теперь без вас-то? Мы так привыкли друг к другу. Могли бы и здесь работать. Кто будет вам готовить еду там, помогать по хозяйству?

— Ну что делать, аяджан! И жильем и едой нас обещали обеспечить. Да и работа в Лугумбеке мне по душе. Нельзя не ехать. До окончания строительства канала осталось тридцать четыре дня. Надо успеть хорошо потрудиться, чтобы потом не жалеть. Конечно, мы вас не забудем, тетушка, будем вас навещать. А Лютфи, так и быть, пока останется с вами.

Арзихон-ая встала и, вытирая мокрое от слез лицо, ушла на кухню. Принесла в миске муки и немного дрожжей.

— Сейчас тесто поставлю, оно быстро подойдет. Нехорошо уезжать без хлеба. Испеку-ка я тебе лепешек на дорогу.

Стемнело. Лютфиниса запалила керосиновую лампу и поставила на полку. Со стороны Зеленого моста донеслась песня.

— Халимахон поет, — сказала, прислушиваясь к нежному голосу певицы, Лютфиниса.

— В Найман театр приехал, «Бай и батрак» привезли. Может, сходим? — спросил Азизхан.

Их перебила месившая тесто Арзихон-ая:

— Утром рано в путь, сынок. Спи, отдохай.

Лютфиниса с Азизханом все еще спали поврозь. Азизхан, ложась в приготовленную ему на айване постель, пробасил:

— Рассчитался же с твоим братом. Пора и нам породниться.

Лютфиниса поднесла сложенные ладони к лицу, намекая на обряд бракосочетания, и, улыбнувшись, сказала ласково: «Спокойной ночи!»

Азизхан, обиженный, с головой накрылся одеялом.

Голос Халимахон доносился с противоположного берега реки из Зеленого театра и, проносясь над кишлаком, летел далеко-далеко.

Арзихон-ая, закончив печь лепешки, загасила огонь в тандыре

и тоже легла спать. Азизхан долго не мог заснуть. Ему вспомнилась родной кишлак Зириллама, мать, отец, дружки, с которыми бежал по пыльным улицам.

Часть вторая

I

Участок Лугумбек считался самым трудным на трассе. Канал в том месте должен был пройти по возвышенности, и, естественно, стекавшую по крутому откосу воду нельзя было повернуть в сторону или запрудить небольшими плотинами.

При разработке проекта учитывались эти сложные природные условия. Чтобы уменьшить спадавшую с откоса силу потока, участок разделили на девять отрезков. Через каждые два-три километра вода сбрасывалась вниз с девятиметровой высоты. Строительство девяти таких ступенчатых перепадных водопадов требовало и большей затраты средств и людских сил. Раскопанную землю необходимо было вывозить вдоль трассы на несколько километров.

Составленные из андижанских силачей десятки бригад землекопов работали на этом трудном участке.

Азизхана взял в свою бригаду Джура-палван Гаипов.

Землекопам работалось трудно: отбрасываемая кетменями сухая земля поднимала тучи пыли, и ничего не было видно. Пыль садилась на потное лицо, шею, лезла в глаза. Сбросив чапан, Азизхан приглядывался к работающим, что-то прикидывая. Джура-палван работал в котловане. Он с такой силой выбрасывал вверх землю, что она, пролетев три-четыре метра, ложилась прямо на край котлована. Там двое парней из его бригады перебрасывали эту землю еще выше.

Азизхан не взялся ни за кетмень, ни за лопату. Постояв некоторое время в раздумье, он схватил большой канар¹ и крикнул Джура-палвану:

— Ну-ка, устоз², кидайте сюда!

Джура-палван удивленно пожал плечами, но, поняв, что задумал Азизхан, заулыбался. Он немного накидал земли в мешок, подставленный Азизханом.

— Достаточно! Пока столько унеси!

Но Азизхан велел насыпать еще. Джура-палван с трудом помог взвалить на плечи парню наполненный до краев тяжелый мешок с землей. Копавшие рядом землекопы с любопытством наблюдали за ними. Они приостановили работу и удивленно кача-

¹ Канар — мешок.

² Устоз — мастер, учитель.

ди головами, уверенные в том, что Азизхан с места не сдвинется с такой тяжестью.

— Эй, парень, не за дело взялся! Смотри надорвешься!

Азизхан крикнул, двинул плечом, подиравая мешок, и не спеша стал подниматься по доске, проложенной из котлована вверх. Все разинув рты глядели, как уверенно поднимается парень по наклонной доске. И когда он добрался до края, у кого-то вырвалось: «Вот это сила!» И никто из палванов не возразил.

Юлдаш Ахунбабаев примостился на стуле под тутовым деревом на вершине холма. Сверху хорошо проглядывался весь строительный участок. К стволу дерева прикреплен телефон для связи со штабом и другими участками. В руководстве работой стройки ему помогает председатель райисполкома Усманходжаев.

Ахунбабаев, заметив парня, несущего на плечах огромный канар, даже привстал со стула. Сквозь пыльное марево едва проглядывалась крепко сбитая фигура.

— Вы не знаете, кто это? — спросил Юлдаш-ота Усманходжаева.

Тот удивленно развел руками:

— Попросите-ка его сюда! Посмотрим, что там за батыр объявился!

Спустя некоторое время Азизхан с пустым мешком в руках стоял перед Ахунбабаевым.

— Так это ты? — удивился Ахунбабаев, узнав Азизхана. — Нисколько не бережешь себя. Прекрати!

Азизхан улыбнулся:

— Ата, не сегодня завтра построим канал. Надо поработать, пока есть такая возможность. Потом ведь жалеть будем.

— Сколько поднимаешь?

— Не знаю, не взвешивал. Сколько нагрузите, столько подшму.

Ахунбабаев с серьезным видом подошел к парню, пощупал мускулы на его руках, похлопал по плечу.

— Уж не железный ли ты человек? — сказал он с улыбкой. — А ведь мешок с землей очень тяжелая штука. Смотри не надорвись! Ты еще молодой!

Азизхан согласно кивнул Юлдашу-ота и снова спустился в котлован.

Сверху принесли еще два таких мешка. Пока Азизхан относил канар с землей наверх, двое парней наполняли другой. Азизхан не спешил, но и не медлил, работал в размеренном темпе.

Работавшие наверху землемеры с восхищением поглядывали на сильного парня, после каждой ходки которого росла гора земли. Пробыли на обед. Азизхан взваливал на плечи очередной мешок. Все побросали лопаты и кетмени, но, прежде чем подняться наверх, уступили дорогу Азизхану. Он ловко, как по канату, вабежал по прогнувшейся доске и, шмыгнув сквозь толпу спешащих в чайхану людей, небрежным движением сбросил с плеч мешок.

шок. Канар тяжело шлепнулся на землю, подняв тучи пыли, как взорвавшаяся бомба.

Азизхана тут же окружили люди и, приветствуя, зааплодировали. Из толпы навстречу ему вышла в красивом нарядном платье, украшенном сверкающими бусами и еще какими-то блестящими украшениями, известная певица Халима Насырова и протянула наполненную до краев пиалу с айраном:

— Выпейте, палван-ука!¹

Радостный Азизхан взял из рук прославленной артистки чашу и, залпом осушив ее, передал пиалу хозяйке. Он узнал Халиму Насырову, народную артистку СССР, удостоенную этого звания одной из первых среди узбекских актрис. В народе говорили, что ее голос пленяет самого соловья. Слышавшие песни в ее исполнении по радио или на пластинках мечтали хоть разок, пусть даже издали, взглянуть на нее. А Азизхан не только видел Халимахон, но и пил из ее рук айран. Честно признаться, перетаскав до обеда пятьдесят четыре мешка, он изрядно устал, и у него даже побаливала поясница, но от такого почета он совсем забыл про усталость. И он был готов работать с еще большей энергией, чтобы заслужить снова внимание известной певицы да принять из ее рук чашу, наполненную прохладным напитком.

Азизхан, провожаемый восторженными взглядами, направился к чайхане, а Халимахон вслед ему запела своим сильным и звонким голосом. Сняющий от счастья, Азизхан остановился посреди дороги, слушая певицу.

Песня была о легендарном Фархаде, который для своей возлюбленной Ширин свернул горы и прорыл канал, чтобы привести в пустыню воду. Азизхан стоял гордый и довольный собой.

День для Азизхана прошел как во сне. После обеда он перетаскал еще восемнадцать мешков.

В Лугумбеке протекала небольшая река. Вдоль ее берега, заросшего густой травой и обсаженного тополями, разместились чайханы, пекарня и столовая. Возвращаясь с работы, рабочие по пути в чайхану купались или просто умывались в этой речке.

Азизхан тоже решил искупаться. В воде несколько парней плескались, плавая наперегонки против течения. Азизхан не спеша разделся — вспотевшее тело было грязным от налипшей пыли. Прыгнул в воду и поплыл туда, где было поглубже. Вдруг на берегу он заметил Джуру-палвана.

— Эй, парень! Вот ты где! А я обыскался. Хватит, вылезай из воды! Тебя всюду разыскивают!

Первое, о чем подумал Азизхан, что приехали родители. Неужто разыскали его? Получили денежный перевод и сразу приехали. Нашли по обратному адресу.

Не вытираясь, он натянул штаны и рубаху на мокрое тело, и они с Джурой-палваном поспешили в чайхану.

¹ Ука — младший брат.

Возле пекарни двое молодых парней о чем-то оживленно беседовали. Один из них, тот, что в очках, при виде их пошел к ним навстречу. Достал из кармана папиросу, спички, закурил. Азизхану показалось, что этого человека он уже где-то встречал.

— Вот познакомься! Это наш известный поэт Гафур-ака Гулямов. Специально приехал сюда поговорить с тобой, — представил человека в очках Джура-палван.

Азизхан так опешил, что от растерянности протянул сразу обе руки. Он читал рассказы и стихи Гафура Гуляма. А в школе они изучали поэму Гуляма «Кукан-батрак». Особенно ему полюбились повести «Ядгар» и «Заменательство». Он с удовольствием перечитывал их по нескольку раз. В его представлении Гафур Гулям должен был быть каким-то необычным, не таким, как все люди. И разве мог Азизхан даже мечтать о встрече с таким именитым человеком. А Гафур Гулям сам разыскал его и хочет поговорить с ним.

Поэт оглядел парня с головы до ног, как бы прикидывая взглядом, действительно ли перед ним герой, о силе которого на стройке столько всяких слухов ходит.

— Джуравой-ака, вы меня обманываете! Обещали познакомиться с палваном, а привели какого-то мальчишку! — сказал он вдруг.

— Э, мулла Гафур, этот парень из тех, о которых говорят: неважно, что мал, зато удал.

Гафур Гулям снова недоверчиво осмотрел Азизхана.

— Вчерашнюю газету читали? — спросил он вдруг Джуру-палвана. — Там об одном палване из Учкургана очерк напечатан. Вот это герой так герой! Настоящий силач!

— Конечно, читал, — ответил Джура-палван. — Это об Эше. Он тоже нашего роду-племени. Но с тех пор как на стройке появился этот парень, слава Эша стала закатываться. Этот малец уже дважды клал Эша-палвана на лопатки. Тот теперь от стыда в наших краях и не показывается. Из Учкургана и не вылезает.

— Значит, Эша-палвана теперь только в Учкургане и надо искать? — улыбулся Гафур Гулям.

Все трое засмеялись.

— Вот что, парень, — сказал Гафур Гулям. — Руководители штаба просили написать о тебе хороший очерк. Так что тебе придется рассказать о себе все по порядку.

— А о чем мне говорить? Вот что устоз скажет, о том и пишите. Я, кроме своей работы, ничего не знаю.

— Это ты, брат, позволь мне выудить из тебя то, что мне интересно. С такими, как ты, героями я не раз беседовал. Джуравой-ака, проводи-ка нас в какое-нибудь укромное местечко, чтобы мы спокойно могли поговорить.

И Джура-палван отвел их в здание сельсовета.

Вечером строители отдыхают. На площади шум и хохот. Там

выступают знаменитые комики Юсуфджан-кызык и Ахуджан-кызык.

В чайхане человек десять слушают лектора, прибывшего из Ташкента. Кажется, тема лекции «Реалистические мотивы в опере «Пиковая дама» не волнует их душу: несколько человек дремлют, а те, что бодрствуют, прислушиваются к тому, что творится на открытой площадке. Они бы ушли, но рядом с лектором, в президиуме, сидит секретарь райкома. Правда, и он незаметно от всех, прикрыв рот рукой, беспрестанно зевает.

В небе ярко вспыхивают ракеты — красные, зеленые, желтые, освещая все вокруг разноцветным сиянием.

II

Дни стояли жаркие. Ни ветерка, ни дождичка. Чем глубже котлован, тем труднее работать. От духоты пот градом лил с землянок. Мальчишки едва успевали носиться вверх-вниз с холодным зеленым чаем в чайниках и ведрах. Азизхан не знал, куда себя деть от жары. Соленый пот медленными струйками стекал по лицу, щипал глаза, во рту пересыхало, и беспрестанно хотелось пить. Темп работы намного упал. Работавшие в котловане через каждые полчаса поднимались наверх подышать свежим воздухом.

К вечеру опускалась прохлада. К тому же выдались ясные лунные ночи, и можно было спокойно работать без факелов. Согласовав с начальником участка, Джура-палван поменял время работы своей бригады на ночное.

— Ночью меньше пыли и воздух свежей. Поработайте несколько дней. Завтра с утра отдохайте.

Азизхан, вернувшись вечером с работы, умылся и собрался было идти к Лютфинисе в Киргиз-аул, но, вспомнив, что он завтра днем свободен, передумал. После ужина он вошел в палатку и не раздеваясь лег спать, но заснуть никак не мог — огнем горели обгоревшие на солнице плечи и разболелась голова. Ворочаясь и вздыхая, наконец он заснул. Утром, когда его разбудили соседи по палатке братья-киргизы, Азизхан насилу встал с постели.

Постоял, потянулся несколько раз, набросил на плечи полотенце и отправился к арыку умываться. Проходя мимо медпункта, расположенного недалеко от их палатки, он поздоровался с медсестрой, которая из ведра поливала площадку перед входом в медпункт. Вазира, так звали медсестру, долго глядела ему вслед.

Вазира раньше работала санитаркой в Байтоксской районной больнице. И когда на Лугумбекском участке были открыты четыре медпункта, Вазире назначили медсестрой. Она помогала рабочим на стройке: кому мазь от солнечных ожогов даст, кому рану перевяжет, всех подряд пичкает таблетками акрихина. Больше всех возле нее крутились молодые девчата, выпрашивая у сестры разные кремы и мази от веснушек.

Вазира ставила стул перед входом в медпункт, прихорашива-

валась и сидела, привлекая внимание парней. Даже Гафур Гулям не смог спокойно пройти мимо этой красавицы. Глядя на ее белое и нежное лицо, на алые губы, на темные, как виноградинки «чарас», глаза он не удержался от того, чтобы не написать стихи:

Лицом луноликая, губки алые,
Ты прекрасна, как нежный рассвет.
Брови черные, глазки карие,
Ах, не будет покоя мне, нет!

Только один Азизхан до сих пор оставался равнодушным к ней. Его не пленили ни красивые миндалевидные глаза, ни ее нежный звонкий голосок. Вот и сейчас он равнодушно прошел мимо нее. Умывшись до пояса, на ходу вытирая полотенцем мокрое тело, Азизхан вернулся к себе в палатку. Достав из-под подушки рубашку, он заметил, что оторвана пуговица. Братья-киргизы имели все необходимое в своем хозяйстве, но они не смогли отыскать иголку с ниткой. Не дожидаясь, пока они найдут нитки и иглу, он надел рубашку и направился в медпункт.

— Сестричка, дайте мне, пожалуйста, иголку с ниткой, пришить пуговицу.

Вазира радостно улыбнулась:

— Вай, палван-ака. Вам, мужчинам, не к лицу держать иголку в руке. Давайте я сама пришью. Снимайте рубашку.

Азизхан повернулся к ней спиной, стянул с себя рубашку и протянул девушке. Вазира с восхищением смотрела на мускулистые сильные плечи парня, на его крепкую ладную фигуру, на налитые свинцом мускулы, потом взяла рубашку и ушла к себе в вагончик. Азизхан сел на стул, задумался.

Почему-то эта женщина неравнодушна к нему. Стоит Азизхану пройти мимо, обязательно окликнет его и первой поздоровается. Повстречав Азизхана, старается вовлечь в разговор. Да и глядит всегда на него как-то странно, кокетливо щури глаза. Обязательно найдет причину для встречи с ним. «Вам необходимо пройти медосмотр!» — скажет она. А потом подолгу слушает его сердце, прижавшись ухом к груди Азизхана. А у Азизхана кружится голова от ее прикосновений, приятного душистого запаха волос и сладко немеет тело. В такие минуты Азизхан не торопится уходить. Не спеша одевается, медленно застегивая пуговицы рубашки.

Азизхан вздрогнул от крика, который доносился из вагончика:

— Вай, вай, умираю, помогите!

Азизхан стремглав влетел в медпункт. Вазира посылась по комнате, тряся халатом.

— Ой, мамочка, что мне делать, оса влетела за шиворот.

Как бы не замечая, что рядом находится мужчина, она сорвала с себя халат и отбросила. Азизхан остолбенел. Белое, как атлас нежное тело Вазиры все трепетало. Азизхан впервые увидел женщину в одном нижнем белье. У него закружилась голова. Он сделал к ней несколько шагов. Вазира, испугавшись, растрепавшимися волосами прикрыла грудь.

— Не подходите ко мне! Не подходите! — зашептала она, но в ее голосе он не уловил протеста.

Азизхан потупился. Спросил:

— Куда она вас ужалила? — Голос его дрожал.

— В плечо ужалила, проклятая.

Азизхан, виноватый и смущенный, что стоит перед почти раздетой женщиной, повернулся и направился к выходу.

— Подайте мне халат, пожалуйста. — услышал он за спиной голос Вазирь.

Сгоряча она отшвырнула халат к самой двери. Азизхан поднял халат, и из него с жужжанием вылетела оса. Опустив глаза, он протянул женщине халат. Та крепко схватила его за руку. У Азизхана кровь прихлынула к лицу, и он сам не заметил, как стиснул ее в своих объятьях. Он неумело, но страстно целовал ее, гладил огромными ручищами ее плечи, спину. Она не в силах была сопротивляться ему.

С улицы донесся шум подъехавшей машины, и Азизхан бессильно опустил руки, испуганно отстранил Вазирь от себя, но женщина обвила руками его шею и не выпускала из своих объятий.

Что творилось в душе этой женщины, Азизхан не представлял себе. Он легко разомкнул руки и, схватив рубаху, выскочил из медпункта.

По дороге, напылив, проехала грузовая машина. Азизхан немного успокоился. Он сейчас не мог даже вспомнить, зачем приходил к Вазирь. — рубаху он так и держал в руке. Очнувшись, он поспешно надел ее.

Чайханщик, набравший воду из арыка, многозначительно подмигнул ему. Азизхан, покраснев, отвел взгляд.

Из медпункта вышла Вазирь. Волосы уже были туго стянуты косынкой. глаза ее радостно светились, и весь ее вид говорил: «Ну что, одолела-таки тебя, парень!»

Азизхан старался не глядеть на нее.

— А вы, оказывается, смелый, — насмешливо заметила Вазирь.

Азизхан не нашелся что ответить.

— Муж узнает, обоих нас прирежет. Он у меня страсть какой ревнивый.

Муж Вазирь был старше ее на восемнадцать лет. Он уже был раз женат. То ли он развелся с первой женой, то ли она ушла от него, — никто не знал. Человек замкнутый, немногословный. За целый день, что он бывал дома, из него и слова не вытянешь. Когда сердился на жену, ни слова не говоря, грозно стучал по столу кулаком. В последнее время он запил и вечерами пропадал в пристанционном буфете, возвращался домой далеко за полночь.

И вот такая цветущая молодая женщина, тоскующая по ласке и нежности, жила с пьяницей и забулдыгой. Она пошла работать в больницу в надежде, что за работой с людьми забудет о своем горе, старалась чаще дежурить в ночную смену. Когда женщины

рассказывали о семейной жизни — о мужьях, о детях, — она молча слушала, не вступая в разговор.

Узнав о начале строительства канала, Вазира с охотой согласилась работать в медпункте на одном из участков трассы. Азизхана она встретила на второй или третий день после приезда его на участок. Увидела — и тревожно забилось сердце. Она полюбила этого парня с первого взгляда. Но парень не отвечал ей взаимностью. Стараясь поправиться ему, стала еще больше следить за собой, купила новые наряды. Часто поджидала его на дороге. В общем, искала любой повод, чтобы лишний раз встретиться с ним. Через неделю она просто перешла к атаке. Кто-то из подруг сказал ей, что Азизхан приехал на стройку с невестой. Она так расстроилась, что несколько дней не выходила на улицу, потеряв всякую надежду завоевать сердце любимого. Но как Вазира ни старалась забыть, выбросить Азизхана из головы, не смогла этого сделать. И тогда решила любым способом завлечь его.

И кажется, она уже была близка к своей цели. Это был первый шаг на пути к осуществлению задуманного плана.

III

Умматали с женой кое-как добрались до правления колхоза и застали Раимберди садящимся в свою «эмку». Завидев стариков, председатель вылез из машины.

— Здравствуйте! На ловца и зверь бежит. Я как раз собирался вас навестить.

Муж с женой удивленно переглянулись. Вид у Умматали был озабоченный, встревоженный, а глаза его жены заплаканные.

— Э. Раимберди-тога, от стыда не знаем, куда себя деть. Тут мне кажется, совсем нехорошо получается. Понимаешь, вчера получили наконец весточку от сына. Деньги нам прислал. Много денег. Не знаю, откуда он их взял?.. Деньги немалые — семьсот рублей. Просит уплатить Акбарали за свадьбу. С утра с женой сходили к Акбарали, выложили деньги: вот, мол, получи за расходы на свадьбу. Что было между нами, то прошло. Пусть уж казан останется закрытым. Акбарали швырнул мне их в лицо. Отдай, говорит, эти деньги жениху, а я позор свой только кровью смою. Ну и потащились мы со старухой в Маргилан. Разыскали жениха, он там на базаре в лавке торгует. Он и говорит: «Денег ваших мне не надо. Лучше найдите мне мою жену, если хоть день с ней, как с женой, не проживу, можете не считать меня больше мужчиной. А с твоим трусливым сыном я сам рассчитаюсь...» Совсем голову потеряли мы. Как бы они что-нибудь не натворили.

Раимберди их успокоил:

— Скажу тебе, Уммат, ты не волнуйся. Сын твой в безопасном месте. Работает на строительстве канала и такие чудеса там творит, что Усман-ота сам лично обещал после завершения стройки молодым свадьбу сыграть. Смотрел сегодняшнюю газету «Кызыл

Узбекистон»? Там Гафур Гулям о нем очерк написал. На всю республику прославил.

— Да сбудутся ваши слова, — сказала жена Умматали.

— Я сейчас занят колхозными делами, строительством на нашем участке. А в те края не выберусь в ближайшее время. Сам знаешь, Уммат, в поле некому выходить. А не проследишь за хлопком, осенью как в глаза людям смотреть? Найдете нужным, поезжайте к сыну, поздравьте с успехом, дайте свое родительское благословение. Можете взять мою машину.

— Хорошо, — ответил Умматали. — Раз так считаете, поедем.

Весть, которую сообщил старикам председатель, успокоила их. Договорившись, что завтра утром шофер Раимберди свозит их проведать сына, они отправились домой.

С вечера старуха поставила тесто. Собрала сыну чистое белье. Умматали, взяв давно стоявшие в углу на айване сапоги с заткнутыми в них портянками, стал натирать их луковицей, обмакивая ее в сажу. Жена тем временем сходила на базар, купила сыну новую тубетейку.

Уже в полночь старуха напекла в тандыре лепешек.

Рано, еще не рассвело, у калитки засигналила «эмка». Муж с женой, нагруженные узлами, вышли из дома и сели в машину.

Мать есть мать. Сына она не видела дней пятнадцать — двадцать, но за этот короткий срок от тоски и переживаний похудела, лицо осунулось и пожелтело. Ей хотелось скорее увидеть свое дитя, прижать его к груди.

В районном центре шофер остановил машину долить в радиатор воды, и через минуту они опять мчались по шоссе. Умматали, сидевший рядом с шофером, любовался дорогой. Жена на заднем сиденье, держась обеими руками за узлы, думала о чем-то своем. Солнце припекало, и воздух и черная машина прогрелись так, что от духоты невозможно было дышать, не помогали даже открытые окна. Мать Азизхана, не спавшая всю ночь, задремала.

Когда, проехав Андижан, добрались до Кошарыка, двое конных преградили дорогу. Шофер, сигналив, пытался объехать их, но те не уступали пути. Наконец всадники, выругавшись, съехали на обочину. Умматали узнал одного из них — это был Акбарали, брат Лютфинисы. У него тревожно закололо сердце в предчувствии чего-то недоброго. Шофер кивнул на всадников — вероятно, и он узнал Акбарали. Но старик, чтобы не заметила жена, приложил палец к губам.

Только что ласкавший взгляд прекрасный пейзаж — бескрайние хлопковые поля, небольшие базарчики в тени карагачей — уже не радовал его.

Умматали все думал о брате Лютфинисы: «Что он тут делает? После свадьбы ведь так и не выходил из дому. Заперся, как отшельник, и никого не впускал. А может, он собрался исполнить свою угрозу?»

От этих мыслей у Умматали сильно защемило сердце. Шофер

прибавил газу, и машина понеслась по шоссе еще быстрее. Притормозив у Куйганярекого моста, они спросили какого-то старика, который за веревочку вел барана, как проехать на седьмой участок. Тот показал дорогу на Лугумбек.

Проехав до переезда, шофер заметил, что опущен шлагбаум. С товарных вагонов сгружали мешки с цементом и другие строительные материалы. Впереди стояли две машины и несколько телег, груженных мешками. Только пешие пролезали под вагонами на другую сторону, а конные и верхом на ишаках обходили состав с конца.

Уматали одолело беспокойство. По обе стороны переезда уже скопились вереницы арб, грузовых машин; беспрестанно сигналила, они пугали лошадей. Те испуганно шарахались, и арбакеши бранились. Машинист паровоза спокойно покуривал, поглядывая на кричавших и шумевших людей. В вагонах было много груза, и едва ли менее чем за час его разгрузят. Пока шофер ходил выяснять, есть ли другая дорога на Лугумбек, «эмку» со всех сторон обступили телеги. Ему посоветовали ехать через Майгир, но предупредили, что это немалый крюк.

— Сынок, поедем через Майгир. Только скорее. Недобрые мысли приходят мне в голову, — беспокойно ерзал Уматали.

Теперь оказалось, что машина не сможет тронуться с места — со всех сторон стояли арбы и машины.

— Сделай что-нибудь, сынок. Будь добр, попробуй выехать.

Шофер Раимберди бывалый водитель, но и он после тщетных попыток выбраться опустил руки.

Четверо здоровенных парней у переезда таскали большие мешки с арбузами, разгружая арбу. Шофер постоял, подумал, почесывая затылок, и все же решил подойти к ним.

— Братцы, помогите. Сделайте доброе дело. Давайте впятером развернем мою машину.

Один из парней, невысокого роста, головастый, с удивлением посмотрел на него, потом на «эмку» и, улыбнувшись, сказал: «Давайте попробуем!» Уматали с женой вылезли из машины. Парень, бросив пустой мешок, позвал своих дружков. Обошел машину сзади и взялся за бампер, поднатужился — «эмка» приподнялась сантиметров на двадцать.

— Пойдет. Впятером запросто справимся. Ну-ка, давайте, ребята!

Все разом взялись за машину. Она заскрипела, но оторвалась от земли. Развернув машину в обратную сторону, они оттащили ее на край дороги. Отряхивая пыль с халата, невысокий парень сказал дружкам с укором:

— А считаете себя палванами. С трудом впятером сдвинули с места. Был бы сейчас Азизхан-палван, он бы одной левой рукой ее вытащил.

Эти слова слышал и Уматали, и шофер. Многозначительно переглянулись.

Поблагодарив ребят, они снова сели в машину и поехали объездным путем в Лугумбек.

По пути им то и дело попадались палатки строителей, передвижные мастерские по ремонту кетменей и лопат, временные столовые. А при выезде из Куйганяра, увидев на столбе портрет сына, Умматали разволновался. Под портретом прибит лозунг: «Равняйтесь на передовика Азизхана-палвана!» У Умматали слезы навернулись на глаза от радости, он повернулся к жене, а та все еще смотрела на портрет через заднее стекло машины.

Разве думал Умматали, что его озорник, сорвиголова станет гордостью всего народа.

Машина, подпрыгивая на ухабах, доехала до Хаккулабада и свернула вправо. Отсюда до Майгира было всего полчаса езды. У кишлака Туячи «эмка» снова нагнала тех двух конных — Акбарали и жениха. Шофер поддал газу, и всадники скрылись в туче пыли, поднятой промчавшейся машиной.

Чем ближе подъезжали к Лугумбеку, тем больше людей попало на пути. Бесконечные вереницы арб, верховых двигались по дорогам. Десятки тысяч людей копали кетменями канал, таскали носилками землю. И целые горы земли протянулись вдоль строящейся трассы.

Шофер остановил машину в кишлаке Корягды-мазар. Дальше дорога была плохой, и было рискованно по ней ехать.

— Я буду здесь вас ждать. Можете не торопясь сходить. Это недалеко. Раимберди-ака отпустил меня на целый день. Лишь бы до вечера вернулись обратно. Я тоже немного погуляю, — сказал шофер.

Муж с женой с узлами в руках, неторопливо обходя кучи насыпанной земли, отправились искать сына.

Был полдень. В эти часы воздух в Лугумбеке такой горячий, что трудно дышать. К тому же от выбрасываемой из котлована земли в воздухе висело пыльное облако, и все тонуло в желтом тумане. Люди узнавали друг друга по голосам.

Кого бы Умматали ни спросил о сыне, каждый объяснял, куда идти. И особенно удивило его то, что никто из них не переспросил: а кто такой Азизхан? Нет ничего радостнее для отца, чем слава сына. Многие люди, приехавшие на стройку, совершенно незнакомые ему, как только Умматали спрашивал о сыне, радостно отвечали: «О, Азизхан — наш герой! Он в бригаде Джуры-палвана».

Старик со старухой с трудом передвигали ноги от усталости. В калоши старухи набился песок, мешая идти. Умматали весь взмок от жары.

— Вижу, устала, женушка. Ты посиди вот здесь, под ивой, а я найду и приведу сына.

Умматали больше тревожился, что те двое — Акбарали и магазинщик-жених — доберутся до Азизхана раньше его и что-нибудь сделают с ним.

— Почему вы думаете, что я устала? — заупрямилась жена и быстро засеменила за ним.

Умматали не говорил жене, что видел по пути Акбарали, узнает — ведь от страха сознание теряет.

Умматали остановил пробежавшего мимо мальчишку с почтовой сумкой на боку:

— Сынок, не покажешь, где Азиз-палван работает?

Мальчишка остановился. Посмотрел на Умматали и часто-часто заморгал глазами.

— Атахон, вы отец Азизхана-палвана?! Я сразу узнал вас. Поидемте, покажу.

Мальчишка шел быстро, увлекая их за собой, и взхлеб рассказывал об их сыне. Старик со старухой еле попевали за ним.

— Читали вчерашнюю газету? Гафур Гулям написал о нем. Так расхвалил. Легендарным Рустамом назвал. Сегодня, наверное, нет такого человека, который бы не слышал об Азизхане-ака. Многие хотят его увидеть. Вот и сейчас в Ишан-кишлаке его двое мужчин спрашивали. По виду не здешние.

У Умматали екнуло сердце. Ноги будто свинцом налились.

Выходит, Акбарали разыскивает его сына. Хочет отомстить ему.

— Скорей, сынок, скорей! — задыхаясь, прохрипел Умматали. — Веди нас к Азизхану. Быстрее шагай, сыночек.

— А вы же и так едва попеваете за мной, атахон!

— И побежишь, поспею, — говорил Умматали, хватаясь за сердце и поспешая за мальчишкой. Он уже не обращал внимания на отставшую жену. Тяжело дыша, почти бежал он за мальчиком-почтальоном.

IV

Мальчишка-почтальон повел Умматали к выросшей новой горе земли. Внизу землякопы копали траншею, и их вспотевшие плечи блестели на солнце, то исчезая в клубах пыли, то вновь появляясь.

— Вот здесь, атахон, подождите. Ваш сын поднимется сюда вот по этой доске. Видите гору земли, ее Азизхан-ака один перетаскал с утра.

Умматали только теперь заметил, что стоит на высокой земляной насыпи. Сквозь пыльную пелену он разглядел, как из глубины котлована с мешком земли за плечами не спеша поднимается по деревянной доске какой-то парень.

— Вот это и есть Азиз-палван! — гордо сказал мальчишка.

Умматали с опаской глянул вниз. Приставленная наискось к возвышению доска прогибалась под тяжестью, но Азизхан уверенно нес на себе груз, в два раза превышавший его по размерам.

Согнувшись под тяжестью мешка так, что не было видно лица, он поднимался все выше по доске. «Хорошо, что мать отстала. Увидела бы его сейчас, не знаю, что с ней было бы», — подумал Умматали.

— Азиз-палван таких насыпей, как эта, уже семь насыпал. Он один выполняет работу десяти человек.

Вслед за Азизом-палваном стали подниматься еще двое. Братья-киргизы — помощники Азиза-палвана. Они, пока Азизхан-ака снесет мешок, наполняют другой.

Азизхан уже поднялся наверх и шел по направлению к насыпи, на которой стоял Умматали. Он шел с грузом, низко опустив голову и глядя только перед собой. Умматали хотел окликнуть сына, но вовремя одумался — Азизхан мог оступиться и сорваться вниз. Азиз-палван, поднявшись на насыпь, легким движением сбросил с плеч канар, и тот тяжело шлепнулся на землю. Азизхан взялся за два конца мешка и стал вытряхивать землю.

Заметив отца, стоявшего на насыпи, он так опешил, что не мог сдвинуться с места. У Умматали от радости защипали глаза и сдавило сердце. Ему показалось, что сын здорово похудел, ввалились щеки и глаза.

— Отец, вы?..

— Я, сынок, я...

Умматали бросился к сыну с раскрытыми объятьями, но ноги его увязли в сыпучей земле, и он повалился на бок. Азизхан подбежал, поднял его за руку и все приговаривал: «Хорошо, что приехали, отец! Хорошо, что приехали! Как мама? Как там в кишлаке? Уж простите меня, отец. Ну созорничал я. Не обижайтесь на меня!»

Умматали, не в силах произнести ни слова, только крепче прижимал к груди сына и гладил его сильные, покрытые пылью плечи.

— Мама тоже здесь, сынок. Сейчас придет. Она отстала. Трудно ей подняться на такой высокий холм.

— Можете меня не ждать, обедайте сами... — крикнул он двум парням, поднявшимся вслед за ним, и побежал, пыля по дороге, к школе, где его ожидала мать.

— Ох ты, озорник мой, озорник! — бормотал Умматали, спускаясь с насыпи следом за сыном.

Жена Умматали, изнуренная бесконечным хождением под солнцем, сидела в тени дерева. Увидев бегущего сына, старуха вскочила с места и, побросав на землю узлы, которые так бережно везла всю дорогу, кинулась ему навстречу. Платок слетел с ее головы, редкие поседевшие волосы, заплетенные в одну косу, растрепались.

Она крепко обняла сына и целовала его грязное, потное лицо, и слезы радости катились по ее щекам.

— Ох, сынок, родной ты мой!

— Не плачьте, мамочка. Я ведь живой, невредимый. Ничего со мной не случилось.

Старуха все сильнее сжимала сына в объятьях, гладила его волосы, всматриваясь в знакомые черты лица.

— Как ты похудел, сынок. Ты только взгляни на себя. Да и одежда на тебе вся истрепалась. Чем ты тут питаешься, глупень-

кий ты мой? Бродишь где-то, заставляя материнское сердце обливаться горючими слезами.

Подошел Умматали:

— Довольно причитать, старуха. Дай отдохнуть человеку, ведь я его прямо с работы увел.

— Ну постой, дай мне наглядеться на тебя досыта, сынок.

Что-то вспомнив, старуха вдруг обиженно надула губы и нахмурилась:

— Послушай, негодник. Куда ты чужую невесту увел и бросил? Где она? Или ты ее не увозил? Пусть все нехорошие люди умрут от стыда, что наговаривают на тебя, будто ты выкрал невесту со свадьбы. И чем только не грозятся тебе! И чего нам только не пришлось выстрадать.

Азизхан виновато опустил голову.

Умматали, не желая тревожить более Азизхана, старался перевести разговор на другое.

— Деньги твои получили, сынок, — радостно заговорил он. — Пошли к председателю — машину нам дал. Сказал, чтобы съездили, проведали. Просил передать, что он на тебя не в обиде и чтоб ты, не беспокоясь, работал так же хорошо.

— Да, так и велел передать. Не переживай, сынок. А где же Лютфиниса?

— Здесь она... На стройке работает.

Старуха вдруг шлепнула себя ладонями по щекам:

— Ох, стыд-то какой! Без свадьбы, и без муллы, и без родительского благословения?

Азизхан, не поднимая головы, ответил:

— Ну что вы так переживаете, мама. Неужто вы могли подумать, что я женюсь без вашего благословения?

Умматали заметил, что сын повзрослел, набрался ума-разума, стал степенным, рассудительным за то время, что он его не видел.

— Мне надо поговорить с тобой, сынок. Отойдем куда-нибудь в сторонку. Мать, а ты ступай не спеша к машине, отдохни, пока мы с ним поговорим.

— Что же это у вас за секреты такие, что надо скрывать от матери? Говорите. Я тоже послушаю.

Умматали задумчиво почесал затылок.

— Ну, у нас тут сугубо мужской разговор. Ты иди, мать. Мы тебя догоним. Там в чайхане вместе и пообедаем.

Старуха в жизни никогда не перечила мужу, не спорила с ним. И сейчас, выслушав его, она встала, отряхнула поднятый с земли узел и протянула сыну:

— Свежее белье привезла тебе, сынок. И сапоги. Нашекла твоих любимых лепешек с луком. Угостишь дружков.

— Хорошо, мать. Да иди же ты! Ну что выводил меня из терпения, — вспылил Умматали.

— Хорошо, хорошо! — согласилась старуха, а сама подумала: «И что это он взбеленился?»

Ничего не ответив, пошла по дороге к чайхане, где остался их дожидаться шофер.

— Скажи ему, чтобы чего-нибудь поесть приготовил. Мы скоро придем! — крикнул Умматали вслед старушке, потом с укором посмотрел на сына: — Тебя, дурака, все никак уму-разуму не научишь. Свалив на нас все заботы, сам здесь в земле копаешься. Плохи дела, сынок. Надо тебе уходить отсюда. Сейчас же, немедленно собирай манатки и уезжай.

— Что случилось? — поднял удивленный взгляд на отца Азизхан. — Я сюда не затем приехал, чтобы трусливо бежать. Приехал работать на стройке, стать человеком. И дал себе слово трудиться здесь до победного конца.

— Беда тебя подстерегает, сынок. Акбарали поклялся отомстить за сестру. А с ним шутки плохи. Не дай бог, дело до ножа дойдет. Подстережет тебя в темноте, и не заметишь. Не стал я об этом при матери говорить, чтобы не волновалась. По пути сюда мы встретили Акбарали и маргиланского жениха. Они ехали в этом направлении. Мать твоя ничего не знает. Интересовались тобой у мальчика-почтальона. Напали все же на твой след. Акбарали не успокоится, пока не отомстит. Уходи отсюда, родной! Ты ведь один у нас с матерью. Что-нибудь случится, мы не вынесем!

Азизхан вскочил с места.

— Не могу я бежать, отец. Пусть Акбарали не думает, что я легко дамся ему. Если смелый, пусть померяется силой со мной в честной борьбе.

— Э-э, сынок. Если бы он был смелым, давно бы открыто вызвал тебя на разговор. Нельзя с ним шутить. Опасаться надо.

Но предостережения отца не убедили Азизхана.

— Успокойтесь, отец. Таких, как он, я уже успел повидать здесь, не спасую и перед Акбарали. Тут одному я показал, где раки зимуют.

— Значит, говоришь, здесь ты уже проявил себя... — задумчиво сказал Умматали. — Зачем же себе наживать врагов? Когда-нибудь они отомстят тебе.

Азизхан беспечно махнул рукой:

— Не надо волноваться, отец. Вы плохо меня знаете.

И этот равнодушный, беспечный тон, с каким разговаривал Азизхан, еще больше обеспокоил старика.

— Но ведь Акбарали с женихом разыскивают тебя. Могут подстеречь в безлюдном месте и ударить в спину. Почему ты не хочешь понять этого, дурень!

Азизхан, слушая отца, улыбался. Это злило Умматали еще больше. Но, так ничего и не придумав, чем бы сломить упрямство сына, Умматали сгоряча влепил тому пощечину. Отлично понимая, что этим ничего не добьется, а, наоборот, настроит сына против себя, он тем не менее не удержался от этого. Азизхан и глазом не моргнув, продолжал улыбаться как ни в чем не бывало.

Потом согнал улыбку с лица и спросил:

— Кончили? Или еще будете? Тогда заканчивайте, и я вам кое-что скажу.

— Если бы ты от этого умнел, я бы лупил тебя палкой.

Азизхан, не раз слышавший это от отца, засмеялся:

— Значит, не умнею. И впрямь, ведь никакой пользы от этого.

— Пойдем к матери, а то нам уже скоро ехать. У председателя и без нас забот хватает. Машина может понадобиться ему. И так, бедняга, между двух огней — то в Наймане, то в поле.

Азизхан с узлом шел впереди. Отец, стараясь не отстать, ускорял шаг.

— Пригласил бы вас, да негде принимать гостей. В палатке втроем живем.

— Оставь, мы не в гости приехали, а тебя повидать и Лютфинису. Пригласил бы ее к нам, хоть своими глазами увидим, что жива-здорова.

— Она далеко отсюда. Приходит только вечером. А сегодня еще и задержится. Собиралась у одной знакомой старушки голову вымыть, постирать белье.

Умматали, согласно кивая головой, шел за ним. Шагая следом, видел, с каким почтением встречные здороваются с сыном и перешептываются: «Это тот силач, что Эша-палвана на лопатки положил. И мешки в семь раз тяжелее себя поднимает». Умматали что-то шептал про себя, чтобы дурной глаз не сглазил сына. Но тревожные мысли не выходили из головы.

В десятках чайхан, расположенных вдоль арыка, было много народу — оттуда доносился веселый смех, аплодисменты. Завсегда чайхан оглядывались на проходившего мимо Азизхана и, толкая друг друга в бок, кивали в его сторону.

А парень, не обращая ни на кого внимания, гордо шагал впереди отца с узлом в руке.

V

Азизхан ворочался на кровати с боку на бок и никак не мог заснуть. Жившие с ним в одной палатке Тенгдик и Бейшенали давно уже спали богатырским сном. А он все лежал и думал о матери. За те дни, что он ее не видел, мать заметно похудела, как-то усохла вся и стала маленькой.

Слишком часто мучил он мать и отца, причиняя им страдания и горе. Родители его не корили, не наказывали — все же единственный сын. Вот так, избалованным и непослушным, вырос Азизхан. Наверное, никто из родителей не мог бы припомнить ни одного спокойного дня. Напроказничает он, а отвечать приходится матери с отцом.

«Напрасно отец волнуется, — думал Азизхан. — Я же лучше знаю свои силы. Не из тех, что дают себя в обиду. Хорошо, что мать не знает об этом, а то бы не уехала отсюда вовсе».

Спать не хотелось. Азизхан встал и вышел из палатки. Чуть

влажная от росы земля приятно холодила ступни. Он пошел туда, откуда слышались людские голоса. Вдоль всей трассы горели факелы. Работала ночная смена.

Азизхан присел на холме и, глядя на копошившихся, как муравьи, в котловане людей, снова задумался.

То ли оттого, что, приехав сюда, на строительство канала, стал известным человеком, к которому и стар и млад относятся с глубоким почтением, или потому, что сам Гафур Гулям написал о нем очерк в газету, прославив его на весь Узбекистан, Азизхан старался держаться солиднее, выглядеть степенным. И, вспоминая свою прежнюю беззаботную и праздную жизнь, он очень переживал, что раньше доставлял родителям столько хлопот. И в эту светлую ночь Азизхан дал себе клятву исправиться, искупить свою вину перед отцом с матерью. Он сделает все, чтобы они были довольны сыном. Он окружит их вниманием и заботой. Отец с матерью будут гордиться тем, что воспитали такого сына, и прохожие будут шептать им вслед: «Это мать и отец Азизхана-палвана!»

Из трубы пекарни поднимались языки пламени, летевшие вверх искры гасли на лету. Теплый, ароматный запах свежего хлеба щекотал ноздри. И Азизхан заглянул в пекарню. Семеро мужчин в белых фартуках и платках на головах подходили по очереди к тандыру. Ловко отлепив подрумянившуюся лепешку, побрызгав на нее водой, швыряли ее на стол, застланный скатертью.

У входа, сидя на табуретке в одних брюках, без майки и рубашки, пил чай Ишан-ака, раздувая щеки и громко прихлебывая. Взяв со стола лепешку, повертел ее в руках, придиричиво оглядывая со всех сторон. И тут заметил в дверях Азизхана.

— Ие, Азизхан-палван! Проходи, проходи! Что это тебе не снится?

— Бессонница одолела. Вышел подышать свежим воздухом.

Отогнув край скатерти, присел на деревянный помост.

— Тебе выспаться надо, сынок. Вечером было совещание в штабе. О тебе хорошие слова говорили. Послезавтра подводят итоги первой декады. Дунана-палвана премируют лошадей. Да и тебе подарок готовят. Не на коня, так на жеребенка сядешь. В строительной газете опубликуют обязательство Эша-палвана. Он вызывает тебя на соревнование. Ну как, справишься?

— Попробую, Ишан-ака. Эшу-палвану придется немного поднатужиться. Обойдет меня — только руку к груди приложу и низко поклонюсь ему.

— Верно говоришь, сынок, — Ишан-ака разломил горячую лепешку, разложил куски перед парнем. — Это слова мужчины.

Потом вытащил из кармана брюк часы на цепочке.

— Эх-ха, уже третий час. Выпей пиалу зеленого чая и ложись спать. Пойду разбужу мясников. — Ишан-ака посмотрел в тандыр и сказал старшему пекарю: — Теста побольше замешивайте, что это у вас такие тощие лепешки получились? Чтобы пышнее были, погорлице раскатывай.

Он взял со стола десяток уже остывших лепешек и, завернув в платок, вышел из пекарни.

— Удивительный человек Ишан-ака. Всегда развеселит, подбодрит. Тут недавно рассказал нам историю, как, влюбившись в цыганку из табора, тащился за ней от Риштана до Уратены. Так рассказывал, что чуть животы от смеха не надорвали.

Допив пиалу чая, Азизхан поблагодарил пекарей и встал.

— Пойду. Завтра, чувствую, предстоят большие дела. Раз Эш на соревнование вызывает, не ударить бы мне в грязь лицом.

Когда он вошел в палатку, Бейшенали сидел на кровати, почесывая обгоревшие плечи.

— Где вы ходите, Азизхан-ака? — пробурчал он.

— Прогулялся немного, ложись, спи! Завтра много работы.

Бейшенали что-то промычал в ответ и, натянув одеяло на голову, отвернулся к стене и захрапел. Азизхан разделся, и не успела его голова коснуться подушки, как и он заснул богатырским сном.

С наступлением рассвета все враз оживает вокруг. Воздух наполняется шумом и гамом стройки. До завтрака уже известно, кто на каком участке будет трудиться, — десятники, прорабы чуть свет распределяют работу.

А бригады комсомольцев успевают даже поработать до завтрака и выполнить часть нормы. Приходят в чайхану довольные, возбужденные и с аппетитом едят, пьют чай. Приехавшие из Ташкента студенты строительного техникума и института транспорта оказались народом веселым — до поздней ночи в их палатках не смолкают песни и смех, а утром они как ни в чем не бывало выходят со всеми на работу.

Проснувшись раньше братьев, Азизхан разбудил Тенгдика и Бейшенали. Развязал узел и выложил на стол материны гостинцы: лепешки, самсу, банку меда. Они сытно позавтракали. Братья с аппетитом уплетали самсу, похваливая мать Азизхана.

— Вот что, ребята, — сказал Азизхан. — Помните, сегодня придется хорошо потрудиться. Никто не ноет. Прибавим еще мешок. Пока я снесу один, два других уже должны стоять наполненными. А то вы не успеваете...

— Ты что, железный? Хватит и двух мешков.

— Нет, — настаивал на своем Азизхан. — Сказал — три, значит, три. Вы не будете копать. Джуравой-ака даст двух землекопов. Вам только наполнять мешки и взваливать мне на плечи. Ясно?

Когда они втроем подошли к трассе, там уже Джура-палван отмерял участок для работы.

— Пришли? Отсюда вон до той отметки вам отведено.

— Дайте нам еще двух людей, Джуравой-ака, и можете увеличивать участок вдвое.

— Ты что, парень, покалечить себя хочешь? Хватит и этого!

— Нет, не хватит, — сказал Азизхан. — Вот увидите, Тешавой-ака приедет посмотреть, как мы работаем. Эш-палван вызвал нас на соревнование. В сегодняшних газетах напечатали. Вчера Ишан-ака сказал мне об этом.

— Удивляюсь я Эшу. И верно говорят: побежденный борец не наборется. Ну хорошо, будь по-твоему. Но все равно береги себя, парень. Жизнь у тебя только начинается.

Отмерив еще точно такой же участок, Джура-палван вбил в землю колышек и, увидев парня, который, сидя на земле, заматывал портянки, сказал:

— Поможешь Азизхану. Найди себе напарника. Будете копать, а братья пусть наполняют мешки землей. Азизхану только бы успевать оттаскивать их.

— Хорошо, Джуравой-ака. С удовольствием поработаем с героем-передовиком. — может, и моя фотография вместе с ним в газету попадет.

В бригаде Джуры-палвана работали одни андижанцы — крепкие и сильные ребята, но ни один из них даже в подметки не годился Азизу-палвану.

Там, в Учкургане, не было равных Дунану Дусматову, выполнявшему дневную норму на семьсот процентов. Потерявший всякую надежду догнать Дунана, Эш-палван решил вызвать на соревнование Азизхана.

На всей двухсотсемидесятикилометровой трассе канала были известны имена трех героев — Дунана, Азиза и Эша. Газета ежедневно сообщала, на сколько процентов каждый из них выполняет норму. Агитаторы начинали свои беседы с цифр и фактов, показывающих работу этих троих.

Азизхан дважды побывал на участке Дунана-палвана и наблюдал за его работой. Трудился он так, что у Азизхана дух захватывало. Раньше, когда он слышал о нормах выработки Дунана Дусматова, ему казалось, что он все-таки обойдет его. Но теперь Азизхан убедился в том, что ему вряд ли сравниться в ловкости и быстроте с ним. Может быть, в схватке на ковре он бы и победил его, но здесь, на стройке, не было равных Дунану землекопов. Дусматов подходил к своей работе творчески — все учитывал: и как держать кетмень, и как расставить ноги, и в каком ритме работать, чтобы не сбить дыхание. Потому у него все получалось легко и просто. Ему пригодился опыт работы на строительстве Ляганского канала. А Азизхан впервые видит стройку такого размаха.

Каждый хорошо выполняет то, к чему больше лежит душа. Дунану-палвану нет равных среди землекопов, но никому не сравниться с Азизханом в поднятии тяжести. У каждого человека есть самолюбие, чувство гордости. А у таких людей, как Азизхан, это чувство еще обостреннее. Он дал себе слово не пропускать вперед себя ни одного палвана, кроме, конечно, Дунана Дусматова. Если кто сможет состязаться с ним, пусть попробует. Как только Азизхан чувствует за спиной «дыхание» соперника, то сразу увеличивает темп работы.

Деревянный мостик под ногами Азизхана ходил ходуном. Он работал, не зная ни секунды передышки, — взвалит на спину наполненный мешок и бежит к месту выгрузки. Азизхан заметил,

что наверху, у края котлована, собралась толпа любопытных. Это еще больше подзадоривало его, и он в азарте увеличивал тяжесть.

Подойдя к Тенгдику и Бейшенали, подмигнул:

— Наполняй и тот мешок. Оба понесу.

Тенгдик от удивления широко раскрыл глаза:

— Ты с ума сошел!

Но, взглянув на Азизхана, понял, что спорить с ним бесполезно.

— Ну хорошо, второй мешок наполни наполовину, — согласился Азизхан.

Братья, не споря с ним, помогли взвалить мешок на спину, а сверху поставили еще полмешка. Азизхан покачнулся, но удержался на ногах. Бейшенали побледнел от испуга и поддерживал его сзади, но Азизхан упрямо замотал головой. Строители оставили свои работы, наблюдая за Азизханом. Тот немного постоял, успокоил дрожь в коленках и медленно зашагал к деревянной лестнице. Остановился, подпрыгнув, поправил сбившийся набок верхний мешок и, широко ступая, стал подниматься вверх по доскам. Доска под его тяжестью прогнулась, закачалась.

Азизхан уже был у самого края, когда от качки верхний мешок завалился и сдвинул на глаза Азизхану тубетейку. Толпа ахнула. Сделай он неверный шаг — и полетит вниз с тяжелыми мешками и свернет себе шею. Азизхан осторожно наклонился, пытаясь скинуть со лба тубетейку, но она, как приклеенная, сидела на голове.

И вдруг он услышал голос Лютфинисы:

— Брось мешок! Слышишь! Бросай мешок!

Азизхан, глаза которого закрывала тубетейка, не видел Лютфинису. Пригнувшись, не в силах ступить ни вперед, ни назад, стоял посреди лестницы. Лютфиниса в отчаянии рванулась к нему, пробежала по доскам и резким движением сорвала с головы Азизхана тубетейку.

— Бросай мешок! — снова крикнула она.

Все с волнением глядели на молодых. Теперь Лютфиниса стояла на пути, не давая ему пройти вверх по доскам.

— Уйди с дороги! — сказал Азизхан и подумал: «Только бы не опозориться».

— Бросай!

— Бросай мешок! Ведь свалишься, парень!

Эти выкрики из толпы еще больше раззадорили его. Откуда только у него прибавилось силы — он выпрямился и, наступая на испуганную Лютфинису, поднялся на край котлована. На одном дыхании добрав до холма, швырнул оба мешка на землю. В стороне ни жива ни мертва стояла Лютфиниса, в дрожащей руке держа его тубетейку. Азизхан, радостно улыбаясь, подошел к ней.

— Ну здравствуй! Отец уже уехал. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Если бы никого не было, дала бы тебе пощечину!

Азизхан подставил щеку:

— Ну ударь меня!

Пробили на обед.

— Пойдем лучше вместе пообедаем.

Забыв о всех волнениях, они, как дети, наперегонки побежали к чайхане, провожаемые радостными взглядами прохожих.

Возле школы они заметили толпу женщин. Азизхан из озорства растолкал их и, ворвавшись в середину, увидел старика, который продавал платки, выкладывая их из большого фанерного чемодана. Азизхан узнал его. Это был Иноят-аксакал, занимающийся перепродажей товаров. Он часто бывал в их кишлаке. Привяжет своего ишака к дереву возле парикмахерской и с хурджуном, огромной переметной сумой, полной товаров — отрезков на платье, сережек, колец, браслетов, расчесок. — обходит все кварталы.

Вот и сейчас, разложив на крышке чемодана шелковые платки, зазывает покупательниц.

Азизхану захотелось подарить Лютфинисе такой платок. Пошарив в карманах, он выгреб из них все деньги и бросил старику.

— Мало, — ответил старик, быстро пересчитав бумажки. — Платок шестнадцать рублей стоит, а тут у тебя пятнадцать.

— Подумаешь, рубля не хватает. Может, сойдемся? — рассердился Азизхан, недовольный отказом.

— Иди заработай, тогда и приходи, — старик швырнул деньги обратно.

У Азизхана руки чесались поколотить старика. Но сдержался. Собрав брошенные на землю деньги, сунул в карман.

— У, спекулянт!

Он выбрался из толпы и, подойдя к Лютфинисе, виновато сказал: «Деньги в палатке оставил, ты не обижайся. Я тебе на базаре в тыщу раз лучше платок куплю!»

Проходя мимо чайханы, Азизхан увидел привязанного к старой орешине ишака Иноята-аксакала.

— Лютфи, ты иди. Займи пока место в столовой. Я сейчас...

Лютфиниса ушла, а Азизхан обошел орешину и посмотрел на толстый ствол...

Торговля у Иноята-аксакала шла хорошо. Женщины не торговались, покупая платок за назначенную цену.

И вдруг сквозь голоса и крики женщин до старика донесся крик его ишака. Аксакал прислушался, удивляясь, что раньше ишак его так странно не кричал. А может, это чужой осел орет? Оставить бойко шедшую торговлю он не решался.

Но тут до его слуха докатился веселый смех. Толпа людей, собравшаяся под орешинной, весело улюлюкала.

— Хей, — кликнул он пробежавшего мимо мальчишку. — Что там случилось?

— Ваш ишак зовет вас на обед! — засмеялся тот.

Схватив чемодан под мышку, Иноят-аксакал побежал к орешине. Каково же было его удивление, когда он увидел своего ишака

висевшим на толстом стволе. Кто-то повернул под брюхо седло, чтобы веревка не врезалась в тело животного, и подвесил осла на стволе. Вытянув шею, ишак беспрестанно кричал и уже охрип от крика, бедняга. Не зная, как помочь ишаку, Иноят-аксакал бегал вокруг дерева с чемоданом.

Да будь проклят тот, кто это сделал! — возмущался он. Толпа весело смеялась.

— Хорошо же вы обучили своего ишака. Забравшись на орешину, заывает вам покупателей! — кричали ему.

— Нет, это он стоит на страже, пока Иноят-аксакал распродает свой товар, и криком извещает о приближении милиции.

Старик, не обращая внимания ни на шутки, ни на смех, все бегал вокруг орешины и бранился на чем свет стоит, но чемодана не бросал.

В толпе зевак стоял и наблюдал за всем этим Азизхан.

Подошли ребята-операторы, возвращавшиеся со съемки фильма об Азизхане. Кто-то крикнул им:

— Ишака на дереве тоже снимите на пленку, редкий будет кадр.

Иноят-аксакал под смех и улюлюканье толпы полез на орешину.

VI

Юсупов въехал в Фергану под вечер. Машина мчалась по ровной и гладкой дороге, окаймленной могучими чинарами, кроны которых переплелись, образуя зеленый шатер. В домах, утопающих в зелени деревьев, уже зажигались огни. Сегодня Юсупов с утра объехал несколько участков и посмотрел, как идут работы на трассе. Дела шли намного лучше, чем он предполагал. Ташлакцы, закончив рытье траншеи, помогали на другом участке, багдадцы вернулись в свои колхозы и занялись подготовкой к уборке хлопка.

Шофер остановил машину у здания облисполкома, куда теперь переместился штаб строительства канала. Отпустив водителя отдохнуть — предстояло рано утром возвращаться в Ташкент, — Юсупов бодро взбежал по ступенькам. У входа в штаб его ожидали двое — известный русский писатель Петр Павленко и прославленный кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Поздоровавшись с каждым за руку, он пригласил их в кабинет.

— Не устали, Петр Андреевич?

— Ну что вы, Усман Юсупович. Товарищ Мирзаев нам здорово помогает. Дал самолет. Дважды от Учкургона до Канибадама облетали трассу. Какая захватывающая картина. В следующий раз возьмем с собой кинооператоров. Отснятую пленку документального фильма договорились смонтировать на Ташкентской киностудии. Заканчиваем подготовку материалов к художественному полотну о канале.

— Читал в «Правде Востока» отрывок из сценария, — сказал

Юсупов. — Мне думается, надо больше внимания уделить борьбе народа за воду в наши дни, показать трудовой энтузиазм людей. Что касается истории, то таких примеров предостаточно. В отрывке вы дали историю того, как живых людей, бедняков, баи и феодалы сгоняют в арык и укладывают на земле вместо плотины, чтобы сдерживать натиск воды.

Юсупов задумался, не зная, как сказать о том, что он думает, чтобы не обидеть советом гостей.

— Надо утверждать то, что поднимает дух народа и его веру в свои силы. Вы сами убедились, какие подвиги совершают люди на стройке. Народ у нас замечательный, он заслуживает того, чтобы о нем писали.

Павленко и Эйзенштейн многозначительно переглянулись.

— Вероятно, — сказал Юсупов с мягкостью в голосе, — событие, которое вы описали в отрывке, и имело место, но я в его достоверность не очень-то верю. Легенды все это. — Он достал из ящика стола большой конверт и протянул его им. — Недавно приезжал к нам один фотокорреспондент. Сказал, что хочет сделать фотоальбом об Узбекистане. Мы создали ему необходимые условия. Поглядите отснятый им материал.

Эйзенштейн открыл конверт и достал фотоснимки. На одном из них был запечатлен какой-то древний старик верхом на ишаке. На других — водонос в рваных лохмотьях; улочка старого города с покосившимися дувалами; уличный парикмахер, стригущий клиента.

Эйзенштейн, покачив головой, передал снимки Павленко.

— И это все, что он увидел в сегодняшнем Узбекистане?

— Я тоже удивлен. Неужели сегодняшний узбек таков! — Юсупов говорил страстно. — Я за то, чтобы наши художники и композиторы, писатели и кинематографисты показали счастливую судьбу узбекского народа, его светлое будущее, его трудовые победы, успехи в науке и технике, в искусстве и культуре. Возьмите, к примеру, землекопа Дунана Дусматова. Вы с ним встречались. Разве подвиг его не достоин романа? Хорошо бы показать рост самосознания людей. Я верю, что отснятые вами кадры станут достоянием истории, они донесут до наших потомков пафос этих героических дней. Прошу прощения, я немного увлекся. Но тому виной вот эти фотоснимки. — Юсупов улыбнулся. — Какие у вас есть вопросы? Пожелания? Чем могу помочь вам? Спрашивайте, не стесняйтесь!

Эйзенштейн, внимательно слушавший Юсупова, увидел, что тот повеселел, и сказал:

— Товарищ Юсупов, спасибо за все, что вы делаете для нас. Мы ни в чем не нуждаемся. Вот только с транспортом небольшие затруднения. Нужен грузовик: нам приходится возить с собой осветительную, звукозаписывающую аппаратуру и прочую технику. Порой застреваем в пути по нескольку часов. Особенно трудно вести ночные съемки — ведь их без должного освещения не провести.

И еще просили бы вас выделить на три дня самолет — снять всю трассу в разгар работы с птичьего полета. Упустил момент, ничего этого не вернешь.

Юсупов достал блокнот и что-то записал в нем.

— Еще какие будут пожелания?

— «Правда» прислала две телеграммы, — сказал Павленко. — Попросят срочно передать материалы по телефону. Предупредите товарищей в отделениях связи, чтобы оперативно соединяли нас с Москвой по первому требованию.

Юсупов, продолжая записывать в блокнот, сказал:

— Все, о чем вы просите, будет исполнено. И машина, и самолет, и связь с Москвой. Все? Или есть еще просьбы?

Поблагодарив Юсупова, Павленко и Эйзенштейн встали.

— Спасибо, товарищ Юсупов. Других просьб у нас нет. Мы и так у вас отняли много времени.

Юсупов проводил гостей до двери. Потом, шагая по кабинету из угла в угол, расслабившись, расстегнул пуговицу кителя, подошел к окну и широко распахнул его. В комнату ворвалась вечерняя прохлада.

На столе громко и настойчиво зазвонил телефон прямой связи. Юсупов поспешно снял трубку.

— Слушаю!..

— Товарищ Юсупов? С вами говорит помощник Сталина Поскребышев. Сейчас соединю вас с Иосифом Виссарионовичем.

Юсупов застегнул пуговицы кителя, подтянулся. Какие-то доли минуты трубка молчала. В приоткрытую дверь заглянул Мирзаев и, увидев Юсупова у прямого провода, плотно прикрыл дверь с другой стороны. В трубке послышался знакомый голос:

— Товарищ Юсупов?

— Юсупов слушает, товарищ Сталин!

— Как поживаете? Хочу узнать, как идет в республике подготовка к уборке хлопка.

— Спасибо, товарищ Сталин! В Зеравшанской долине и некоторых южных районах республики большинство колхозов хорошо подготовились к массовой уборке хлопчатника.

— Как в Ферганской долине?

— Здесь хлопок созревает намного позднее. Массовый сбор урожая начнется в середине сентября.

— Товарищ Юсупов, строительство канала не должно мешать сельскохозяйственным работам. Политбюро серьезно отнеслось к этому вопросу. Чтобы ускорить работы по строительству канала, мы выделили вам двадцать миллионов рублей. Кроме того, отправили двести грузовых машин, шестьдесят тракторов, двадцать движков и десять тысяч тонн цемента. Получили?

Юсупов широко заулыбался:

— Большое спасибо, Иосиф Виссарионович! Получили. Присланные вами трактора и машины все в работе. Двадцать движков мы поставили на трассе, где трудятся в ночные смены.

— Как настроение у народа?

— Хорошее. Народ, отцы, деды и прадеды которого всю жизнь мечтали о воде, трудится с большим энтузиазмом. Приезжают на строительство целыми семьями. В выходные дни помогают добровольцы из города. Получаем тысячи писем из разных городов страны — Киева, Харькова, Москвы. Желают работать на стройке.

— Это хорошо. Но лучше обходиться своими силами. Стоит обратить особое внимание на жилищно-бытовые условия, в которых живут строители.

— Хорошо, товарищ Сталин!

— Текстильная промышленность сейчас в прямой зависимости от хлопкосеющих республик. Прошу уделить должное внимание этой стороне вопроса. Доложите, как идут работы на строительстве!

Переложив трубку в левую руку, правой Юсупов стал шарить в нагрудном кармане кителя. Достав блокнот, положил на стол и, зажав плечом трубку, стал перелистывать страницы.

— За сегодня вынута восемьсот семьдесят восемь тысяч кубометров грунта. А с начала работ — тринадцать миллионов триста девяносто шесть тысяч кубометров, товарищ Сталин. Земляные работы выполнены на восемьдесят два процента.

— Сколько всего нужно вынуть грунта?

— Шестнадцать миллионов кубометров, товарищ Сталин.

— Сегодня в «Правде» читал о Дусматове. Расскажите мне о нем подробнее.

— Рядовой колхозник. Прославился ранее на строительстве Ляганского канала. Теперь здесь у нас творит большие дела. Сегодня выполнил земляные работы на семьсот шестьдесят процентов.

— Вчера наша страна отмечала четвертую годовщину стахановского движения. Оно играет важную роль в повышении производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Надо всячески поддерживать дусматовский почин.

— Так и есть, товарищ Сталин. Дусматовское движение уже рождает новых героев. Сейчас на стройке задают тон и старики, и молодежь — девяностолетний Хидиров и восемнадцатилетний Умматалиев, выполняющие план на семьсот процентов.

— Это очень хорошо. Таких людей надо ценить и беречь.

В трубке замолчали. Послышался кашель и скрип шагов по паркету.

— Вы слушаете, товарищ Юсупов?

— Да, Иосиф Виссарионович! Я весь внимание!

— Послезавтра, двадцать восьмого августа, открывается сессия Верховного Совета СССР. Вы получили повестку сессии?

— Да, товарищ Сталин!

— Свои замечания в письменной форме прошу прислать Михаилу Ивановичу. Вы можете не приезжать на эту сессию. Учитывая приближающуюся хлопковую страду и ускорение сроков

строительства канала. Политбюро пришло к такому решению. Желаю вам успеха. Передайте мой пламенный большевистский привет строителям канала. О делах на стройке прошу вас лично докладывать мне как можно чаще. До свиданья!

— До свиданья! Будьте здоровы, Иосиф Виссарионович!

Когда на другом конце провода раздались частые гудки, Юсупов положил трубку на рычаг. Он собирался переночевать в Ташкенте и назавтра лететь в Москву на сессию. Теперь отпала необходимость в этом. Юсупов надавил кнопку звонка. Вошел помощник.

— Где товарищ Ахунбабаев?

— На Маргиланском участке. Только что спрашивал вас.

— Соедините меня с ним.

Помощник ушел. Через несколько минут на столе замигала лампочка. Юсупов снял трубку.

— Это вы, Юлдаш-ака? Я не лечу на сессию. Москва велела оставаться на месте. Вы езжайте, не ждите меня. К вашему возвращению работы на стройке будут завершаться, так что из Москвы напрямиком в Фергану. Надо подумать о тех, кто со строительства уходит на колхозные поля. Вручим им почетные грамоты, памятные подарки. Лично будете вручать. До вашего прилета все подготовим. Счастливого пути.

Закончив разговор, он вышел в приемную, где Мирзаев просматривал оперативную сводку.

— Тешавой, понадоблюсь, найдете в Заркенте.

И зашагал по длинному коридору облизполкома к выходу. В приемной еще долго слышались его тяжелые шаги.

Мирзаев покачал головой:

— И когда только Усман-ота спит? Целый день сегодня ездил по участкам и опять в дорогу!

С улицы послышался гул отъезжающей машины, и, постепенно удаляясь, он растворился в тишине.

VII

Акбарали с женихом не думали задерживаться в Лугумбеке. Лишь бы, не привлекая к себе внимания, сделать свое «дело» и исчезнуть, как камень, брошенный в воду. Несколько дней не показывались на улице — отсиживались в доме знакомого. С наступлением темноты Акбарали уходил. Он потихоньку разузнал, где и с кем живет Азизхан. Когда ехали на розыски Азизхана, жених был охвачен таким яростным гневом, что, кажется, попадись ему сейчас Азизхан, загрыз бы на месте. А приехал и приуныл. То ли его смутил шум, поднятый вокруг имени Азиза, то ли его слава привела в замешательство. Словом, воды в рот набрал и только ходил по комнате взад-вперед, вздыхал.

— Что это вы поостыли, женишок? — издевался над ним Акбарали. — Разве не вы говорили: «Если не отомщу, можете не

звать меня больше Норматом»? Хорошо, возвращайтесь к себе домой, но с этого дня вы для меня не Нормат, а Номард!¹

Жениху не понравился тон, каким разговаривал с ним Акбарали. Он захохотился, сердито взглянул на него и вдруг сказал:

— Хорошо же, посмотрим, кто из нас трус!

Нормат вытащил из хурджуна, лежавшего в углу, что-то завернутое в платок и, развязав его, достал из кожаного, расшитого шелковой ниткой чехла нож. Попробовал о ноготь остроту лезвия и, засунув его за голенище, ни слова не говоря, вышел.

Акбарали проводил его до калитки.

— Будьте осторожны. Жду вас здесь.

Нормат даже не обернулся.

К вечеру на трассе наступало затишье. Это было время, когда дневная смена заканчивала работу, а ночная еще не заступала. В чайханах и столовых не смолкал шум и гомон: слышались веселые голоса строителей, крики поваров и чайханщиков. В арыке шумно плескались любители вечернего купания.

Нормат прямо направился к палатке Азизхана. У входа в палатку на расстеленном на земле паласе сидел, поджав под себя ноги, Тенгдик и наигрывал на комузе печальную мелодию. Несколько человек сидели вокруг него, слушали и любовались тем, с каким мастерством и виртуозностью играет парень. То к груди прижмет комуз, то на плечо положит, словно прислушиваясь к звукам, то заведет за голову. Азизхана среди них не было. Утопая по колено в рыхлой земле, Нормат спустился вниз к зданию школы. Настречу ему попадались незнакомые люди. Разве найдешь кого, когда кругом столько народу, будто их со всего света согнали сюда.

Нормат по мосту прошел к возвышающимся насыпным холмам. Посмотрев по сторонам, заметил вдалеке силуэты двух людей — это были мужчина и женщина. Они сидели спиной к нему, и Нормат не мог узнать, кто это. Он долго всматривался в даль и уж было, махнув рукой, собирался уйти, как услышал знакомый смех. Смеялась Лютфиниса. Ну да, это был ее голос. От неожиданности и волнения Нормат задрожал, глаза налились кровью. Его законная жена, на свадьбу с которой он потратил столько денег, сидит и весело хохочет с другим человеком.

Наклонившись, он пощупал голенище сапога.

Народу слишком много вокруг. Он осторожно, стараясь не шуметь, попятился назад и спрятался за толстой орешинной. Так было надежнее и легче наблюдать.

«Эти двое, что сидят обнявшись, разбили мое счастье, — рассуждал он. — Эта бесстыжая женщина — мой заклятый враг. Озорив меня перед родными и друзьями, в день свадьбы сбежала от меня в подвенечном платье. Может ли быть хуже оскорбление для мужчины, чем это?! Она должна была быть в моем доме, спать со

¹ Номард — трус, тут игра слов.

мною в одной постели. Костер моего очага погас, так и не разгоревшись. Свадебные песни остались недонетыми. Прибывшие за невестой арбы ушли пустыми. Гости разошлись со свадьбы, как с поминок. Дом, где до утра должна была звучать веселая музыка, притих, словно в него вселилось горе. Такое оскорбление смывают только кровью...»

Нормат притаился за деревом, сжавшись, как тигр, поджидающий добычу. Спустившись с насыпи, молодые беспечно зашагали в его сторону. Лютфиниса, играя веточкой ивы, щекотала ею Азизхана и весело смеялась. Тот пытался схватить ее за локоть, но она вырывалась, бросаясь то вправо, то влево, и, показывая язык, кричала: «Не догонишь, не догонишь!»

Нормат выхватил из-за голенища нож и шагнул вперед. Но вдруг почувствовал, что не в силах сдвинуться с места — дрожали руки и ноги. Нормат отступил назад. Его тело охватила дрожь, и перед глазами заплясал большой огненный круг, словно кто-то невидимый вращал перед глазами горящим факелом.

Нормат никогда в жизни не дрался; когда в доме резали барана, он, чтобы не видеть этого, уходил на улицу. А теперь и сам не понимал, как решился поднять руку на человека. Нет, не сможет он этого сделать.

Азизхан пробежал рядом, чуть не задев его, вдогонку за Лютфинисой. Поймал, повернул ее лицом к себе и, крепко прижав, поцеловал.

Нормат очнулся, когда парень с девушкой отошли уже далеко. Он наклонился, пошарив в траве, отыскал оброненный чехол и зашагал. Куда шел, зачем, он не знал. Перешел через мост и, дойдя до ярко освещенной чайханы, вспомнил, что в руке держит нож, — поспешно сунул его в чехол и спрятал за голенище.

Азизхан с Лютфинисой, весело смеясь, шли впереди. Нормат старался не отставать от них. Они остановились у калитки. Парень снова прижал девушку к груди и долго не выпускал из объятий. Они стояли, не обращая внимания на прохожих. Наконец Лютфиниса вырвалась из его цепких рук и бросилась в открытую калитку. Парень постоял, глядя ей вслед, потом повернулся и пошел обратно. Проходя мимо Нормата, чуть не столкнулся с ним, но от переполнявшего его счастья Азизхан сейчас не замечал ничего. Нормат, как привязанный, потащился следом. Азизхан шел быстро, и Нормат отстал.

Нормат без труда разыскал палатку Азизхана, так как днем он уже был здесь. Подойдя к палатке, в окошке которой светился огонек, он обошел ее со всех сторон. Вокруг никого. Многие строители ушли на концерт в Зеленый театр. В палатке заиграл патефон. Прислушиваясь к песне, Нормат поглядывал на вход, ожидая появления Азизхана.

Край палатки откинулся, и мелькнула чья-то тень. Нормат насторожился. Азизхан, напевая песню, с полотенцем через плечо спустился к речке. Иголка, дойдя до конца пластинки, зашипела.

Нормат словно очнулся ото сна. «Что я тут делаю? Этот парень кладет на лопатки настоящих палванов, ему ничего не стоит согнуть меня в бараний рог. Постой, Нормат! Опомнись! Разве Лютфинниса дала согласие выйти за тебя замуж? Ты собирался жениться на ней по настоянию ее брата и опозорился. И сейчас, поступив по его совету, угодишь за решетку! Подумай, Нормат! Предположим, подкравшись сзади, ты ударишь его ножом в спину. Ну и чего ты добьешься? Все лучшие свои молодые годы проведешь в тюрьме!»

Нормат разговаривал сам с собой так громко, что Азизхан невольно остановился возле него, продолжая обтираться полотенцем. У Нормата душа в пятки ушла, сердце замерло от страха.

— Кто вы? Что вы тут делаете?

Нормат словно язык проглотил.

— Что-нибудь хотели у меня спросить? Пожалуйста, входите!

Нормат понял, что Азизхан не узнал его. Ну конечно, он видел его всего раз, в день свадьбы, в жениховском наряде.

Азизхан же подумал, что это кто-либо из «представителей» Эша-палвана. Откинув край палатки, он попросил гостя войти.

Нормат не посмел отказать ему. Тускло светила керосиновая лампа. Патефон, завод которого кончился, умолк. На кроватях в беспорядке валялись одеяла. Гость присел на край кровати, закрыл лицо ладонями и оперся локтями о колени. Уж не пьян ли он? — подумал Азизхан. К нему все чаще приезжали молодые андижанцы за советом или просто из любопытства, посмотреть на прославленного силача, привозили с собой гостинцы и вино.

Нормат исподлобья взглянул на него. Азизхан и в самом деле был приятной наружности, во всем его облике было что-то притягательное, располагающее к себе. Нормат с завистью глядел на его крепкие, сильные руки, на могучие плечи и широкую грудь. Он впервые так близко видел Азизхана. Молод еще. Ребенок, у которого молоко на губах не обсохло. Как можно взять на себя грех, пролить кровь такого пышущего здоровьем и силой парня?

Нормат вынул нож и бросил его к ногам Азизхана.

Ни слова не говоря, встал и пошел к выходу. Но Азизхан, подбежав, крепко схватил его за локоть:

— В чем дело? Что случилось?

Нормат повернул к нему испуганное лицо:

— Я хотел убить тебя, но отказался от своего намерения. Бог тебе дал душу, бог и заберет ее у тебя, когда ему будет угодно. Раб божий не может противиться воле аллаха.

Азизхан отпустил его руку. Тот поспешно выскользнул из палатки.

VIII

От Кетменьтепы Нарын течет, петляя меж холмов, бурля, пенясь на крутых поворотах. И, только достигнув Учкургана и выйдя на широкий степной простор, река становится тихой и спокойной.

Главная плотина, питающая водой Большой Ферганский канал, строилась здесь, на Нарыне, в Учкургане, где река текла плавно и тихо. Новый отводной канал совпадал со старым руслом реки. Ни лопатой, ни кетменем углубить канал было невозможно. От ударов кетменя только искры летели в разные стороны, после получасовой работы ломался черенок и притуплялось лезвие. А два стареньких экскаватора день поработают, два отдыхают. Но как бы ни тяжела была работа, основным оружием на стройке были кетмень и лопата. Больше пятидесяти плотников занимались изготовлением черенков, двадцать кузнецов ковали и выделывали кетмени и лопаты. Учкурган напоминал сейчас огромную мастерскую медников, кузнецов, плотников. Строители привыкли к стуку и лязгу, доносившемуся и днем и ночью.

Сегодня с рассвета в Учкурган из Намангана и Андижана потянулись отряды конной милиции. Руководство штаба решило проложить взрывом этот труднопроходимый галечник. Строители и жители расположенного поблизости кишлака были выведены из опасной зоны. Милиция оцепила этот район и никого не пропускала туда. Приехавшие из Ташкента взрывники за ночь раскопали десятки ячеек и уложили в них динамит. Триста двадцать тонн взрывчатки было уложено в землю. По радио бесконечное число раз повторяли о соблюдении порядка и правил безопасности. И вот по сигналу командира отряда взрывников в небо взлетела ракета. Один за другим раздалось оглушительные взрывы. Вздрогнула земля. Вода в Нарыне забурилась, выплескиваясь из берегов. Вверх, на высоту многоэтажного дома, поднялось огромное пыльное облако и долго висело в безветренном небе. Грохот взрывов, содрогание земли, плеск вышедшей из берегов реки рождали у людей чувство страха. Командир отряда, наблюдавший за этой картиной из укрытия, обеспокоенно поглядывал на секундомер. Два из уложенных на трассе зарядов не сработали. Подходить к ним было опасно. И тут вдруг раздался мощный взрыв. Он был такой силы, что земля заходила под ногами ходуном, как при сильном землетрясении.

Из-за безветрия туча долго не рассеивалась. Как огромная рыжая лава, она медленно растекалась по земле, окутывая все вокруг. Люди, стоявшие вдоль берега реки, отошли дальше, спасаясь от надвигающейся лавины.

Минут через пять-шесть после взрыва все вокруг потонуло в желтом тумане. Ничего не было видно. Сквозь желтую мглу едва можно было разглядеть конных милиционеров, усердно стегавших своих лошадей.

Грохот взрывов долго еще эхом отдавался в горах.

Более часа рассеивался пыльный туман. На крышах домов, на деревянных помостах в чайханах толстым слоем лежала пыль.

Люди стали выходить из укрытий, смахивать пыль с палаток, выносить и трясти одеяла.

Поднятые взрывной волной щебенка и камни запрудили арки,

перегородили улицы, остановив движение на одной из оживленных дорог. Пострадали некоторые дома.

В тот день до обеда никто на трассу не вышел. Все занимались расчисткой территории вокруг штаба и Зеленого театра. Приводили в порядок жилые помещения, расчищали дороги.

И только после обеда строители вышли на работу. Теперь было легче сгрести щебень лопатами и грузить на носилки.

И снова слышались вдоль всей трассы удары кетменей о землю, бодрые и веселые голоса людей.

* * *

Инженер Белявский уже в который раз обходил свой участок.

Белявский еще в 1915 году разрабатывал проект Основного Ферганского канала, так и оставшийся тогда без внимания. Правда, об этом проекте узнают московские мануфактурщики и посылают к Белявскому своих представителей.

Мануфактурщики, покупавшие хлопок у ферганских баев по высоким ценам, решают освоить новые плантации. Они почти за бесценок скупают земли в учкурганских степях в надежде оросить их водами Нарына. Но эти их усилия пропадают даром.

Сооружение, обошедшееся им в миллионы рублей, оказывается слабым перед своенравной, дикой рекой. Тогда они пробуют ставить большие водяные насосы для перекачки воды, приводимые в действие электричеством. Но и эта затея не оправдывает себя.

Вложив миллионы рублей, но так и не добившись желаемого результата, они вынуждены бросить начатое дело.

Белявский, живой свидетель всех этих бесплодных попыток, мечтал о том дне, когда осуществится его идея. И когда в Центральном Комитете партии обсуждался проект строительства нового канала, он выступил на нем с подробным научным сообщением о природных условиях Учкургана, о скорости течения Нарына и других горных рек, о сезонной смене силы потока.

Штаб строительства канала назначил его, как человека хорошо сведущего в этих делах, начальником Учкурганского участка, где по проекту сооружалась головная плотина.

Спустившись к месту работы бригады Эша-палвана, Белявский остановил пробежавшего мимо мальчишку-почтальона и взял у него несколько свежих номеров газет. Раскрыв одну из них, пробежал глазами по странице — на первой полосе многотиражки был напечатан портрет Азизхана и очерк о нем. Просмотрев заголовки статей, набранные крупным шрифтом, Белявский полез в карман за очками. Не найдя их там, махнув рукой, сунул сложенные газеты в карман.

Белявский вспомнил свою первую встречу с Азизханом и как он уговаривал парня поехать на строительство. Видно, не ошибся в нем. Теперь Азизхан у всех на устах. Тысячи людей знают его,

гордятся его трудовыми успехами. А сегодня газета поместила большой очерк о нем.

О том, что Эш-палван вызвал на соревнование Азизхана, Белявский узнал из газет. Зная болезненное самолюбие Эша, он бы отсоветовал ему поступать так опрометчиво. Белявский слышал, что Азизхан дважды положил Эша на лопатки. Если Эш-палван снова проиграет парню — уйдет ведь со стройки. Это его единственная надежда реабилитировать себя в глазах земляков.

Белявский решил не показывать ему газет с портретом Азизхана. У Эша могут опуститься руки. В Учкургане тон в стахановском движении задавали Дунан и Эш. Равняясь на них, трудились на участке и остальные строители. Уход Эша может серьезно скажаться на показателях этого ответственного участка.

Белявский, осторожно ступая по камням, спустился вниз. Эш-палван, надев треуголку, сделанную из газеты, сидел на валуне, с удовольствием потягивая холодный зеленый чай. При виде Белявского он поставил пнялу на камень, встал и, вытерев руки о полы халата, шагнул инженеру навстречу:

— Салам, аксакал! Вы не волнуйтесь! Мы не отдадим своего первенства Азизу-палвану. Вот увидите! — сказал он, указав на большой фанерный щит, прислоненный к валуну. Углем было нацарапано: «Если во второй декаде я не обойду Азизхана-палвана по всем показателям, то не быть мне Эшем!»

Белявский улыбнулся.

— Что улыбаетесь? Не верите?

— На всякий случай припасите себе запасное имя, палван-ака, — вмешался в разговор стоявший рядом паренек.

Эш сердито взглянул на него.

— А что тарашите на меня глаза, палван-ака? Почитайте лучше газету, чем делать из нее шляпу. Азиз-палван давно обставил вас. Только за вчерашний день он перетаскал шестнадцать кубометров грунта. А вы с трудом до одиннадцати довели. Вам уже пора менять имя.

— Он землю таскает, а я галечник. Есть разница, невежа? Ты не знаешь еще Эша!

— А на весах все равно, что галечник, что песок.

Эш-палван зло сорвал с головы газету и, скомкав, выкинул.

— Еще посмотрим, чья лошадь придет первой. Хорошая лошадь сначала бежит в хвосте. До финиша еще далеко.

Белявский цыкнул на парня, расстроившего Эша:

— Иди работай. Кто тебе дал право пререкаться со старшими? — А обращаясь к Эшу, сказал: — Хорошо ответил. Я верю, что ты выиграешь. Я пригласил корреспондента. В газете и твою фотографию напечатают. Кстати, сегодня после работы ждем тебя в штабе. Передовикам, особо отличившимся в первой декаде, в торжественной обстановке будут вручаться почетные знаки строителей канала. Ты тоже награжден. Сам Ахунбабаев будет вручать.

Белявский, подбадривая, похлопал Эша по плечу:

— Не сдавайся, герой!

Возвращаясь к себе в контору, он думал: «Эш честолюбив. Он уверен, что победит Азизхана. Ради этого готов работать и днем и ночью. Правда, Азизхан работает легко, играючи. Норму, которую Эш выполняет за день, Азизхан за полдня делает. Этот парень не даст никому себя обойти. Только одного Душана Дусматова признает. Говорит, кроме него, никого вперед себя не пропущу. Сильный парень. В день перетаскать шестнадцать кубов земли и лошади не под силу». Много силачей и палванов перевидел Белявский на своем веку, но такого, как Азизхан, встречал впервые. Он вспомнил, что до революции по приглашению генерал-губернатора Ташкента в Романовском парке демонстрировал свою силу французский силач. Француз ложился на спину, и ему на живот клали тяжелые гири — триста пятьдесят килограммов. Азизхан бы не уступил тому силачу. В Куйганяре он клал на плечи рельсы, и на нем еще повисали по семь человек с каждой стороны. И еще он припомнил случай, когда старенький грузовичок, разгрузив бетон для плотины, никак не мог подняться в гору: заглох мотор, и машина покатила назад — отказали тормоза. Не будь Азизхана, машина могла бы свалиться в реку. Азизхан уперся плечом в задний борт и стоял так, пока шофер не завел двигатель.

Сможет ли Эш одолеть такого батыра? Хорошо бы ему выполнить хотя бы половину Азизхановой нормы.

В редакцию газеты «На Сталинской стройке» поступали тысячи писем, в которых читатели просили рассказать об Азизхане Уматалиеве. Интересовались, откуда он родом. И правда ли, что выполняет норму на семьсот — восемьсот процентов. Редакция направила к Азизхану своего корреспондента Адхама Хамдама. Но так как Азизхан ничего о себе не рассказал, корреспондент решил съездить в его родной кишлак и побеседовать с земляками героя. И вот в сегодняшнем выпуске газеты появился большой очерк о нем.

Адхам Хамдам рассказал читателям о жизни Азизхана с восьмилетнего возраста, не утаивая ничего о его проделках и шалостях. Там описывался такой случай: Азизхану было пятнадцать лет, когда он узнал, что в Ташкент приехал известный казахский палван Хаджимукан. О нем ходили легенды — рассказывали, что этот силач поднимает на животе грузовую машину, гнет на шею толстые железные рельсы.

Азизхан, чтобы самому лично убедиться в этом, тайком от родителей едет в Ташкент. Обеспокоенные долгим отсутствием сына, мать с отцом пускаются в поиски, но, кого из его друзей ни спросят, никто не знает, куда делся Азизхан.

Сын их исчез на два месяца. Где только не ищут его родители. Объявляют всесоюзный розыск через милицию, но и это не дает результата.

А Азизхан знакомится в Ташкенте с Хаджимуканом и, представившись сиротой, выросшим в детском доме, уговаривает палвана взять его к себе в ученики. Хаджимукан, удивленный недюжинной силой парня, соглашается обучить его тайнам своего мастерства. Они вместе выступают в Ташкенте, Самарканде и Бухаре.

К тому времени уже был объявлен всесоюзный розыск. Милиция находит Азизхана в Туркестане и препровождает его в родной кишлак.

Родители, от счастья, что нашелся сын, даже не наказывают Азизхана. А наоборот, окружают большим вниманием и заботой, боясь, как бы он опять не сбежал. Выполняют любые его прихоти. Теперь он с утра до вечера упражняется в саду, тренируясь по системе своего учителя.

И другие подробности были в очерке, удовлетворившие любопытство читателей.

Белявский заглянул в контору участка, взял со стола забытые им очки и, подойдя к окну, стал читать очерк. Читал он увлеченно, порою качая от удивления головой, и все приговаривал: «Вот шельмец! Вот проказник!» Дочитав, отложил газету в сторону и долго сидел, закрыв глаза, под впечатлением того, что узнал.

Сегодня он собирался выступить в Куйганяре с отчетом о проделанной за первую декаду работе. Белявский вновь проверил все звенья участка, записал в блокноте, где и как идет работа, какую помощь просить у руководства штаба.

В одном он твердо уверен: Учкурганский участок будет у всех на устах и причиной тому известный землекоп Дунав Дусматов, выполняющий норму на девятьсот процентов.

Вот уже четыре дня, как движение дусматовцев охватило почти всю стройку. А сам Дусматов, показывая чудеса трудового героизма, еще больше увеличивал дневную выработку, увлекая за собой последователей.

На Азизхана Умматалиева равнялись все лугумбековцы.

Эш-палван вел за собой нарынцев.

Эти трое, став передовиками на стройке, служили примером для всех остальных. Этим троих парней сделал героями Большой Ферганский канал. Не будь этого строительства, кто знает, как сложилась бы судьба каждого из них. «Народное движение рождает новых героев» — не зря так говорят в народе.

Открыв блокнот, Белявский снова просмотрел свои записи.

Из-за окна доносился гул стройки — крики строителей, лязг о каменистую почву лопат и кетменей, звон молотов о наковальню.

Этот убеленный сединами человек думал о проекте канала, двадцать пять лет работал над ним и теперь был безмерно рад тому, что наконец свершается его давняя мечта. Ночами он снова сидел над расчетами, делал пометки в копии основного проекта.

Сквозь шум, доносящийся снаружи, он явственно слышал звон воды, текущей по каналу, сотворенному руками человека, плеск волн о берег, гул падающей с плотины реки.

IX

Лютфиниса трудилась в женской бригаде в Киргиз-ауле. Женщины расчищали уже вырытые траншеи, таскали носилками землю. Когда рядом с именем Дусматова зазвучало имя Азизхана, Лютфиниса посчитала для себя зазорным плохо работать. В бригаде все знали историю молодых — считали их женихом и невестой. Вечерами, возвратившись с работы, собравшись всей бригадой, они любили слушать рассказ Лютфинисы о том, как Азизхан выкрал ее со свадьбы. Их бригадир, известная в Избаскенте колхозница, кавалер многих орденов и медалей, депутат Верховного Совета республики Хайриниса Бокибаева была большой шутницей.

— Послушай, как это ты умудрилась дважды замужем побывать и сохраниться такой молодой? Ну прямо девочка! — подтрунивала она.

— Ой, да что вы! — смущалась Лютфиниса, принимая ее слова всерьез. — Да я еще ни разу замужем не была!

— Хе, смотрите, девочки, как она быстро забыла своего маргиланского мужа?!

Лютфиниса краснела, оправдывалась и начинала все рассказывать сызнова. Женщины, слышавшие эту историю не один раз, все равно сидели тихо, не перебивая ее.

— Меня же не успели с ним обвенчать. Даже лица того жениха не видела.

— Ну хорошо... А когда вы, сбегав с Азизханом, прятались в тугаях, жили в юрте киргизов? Нас не проведешь! Так уж тебе и поверили, чтобы такой джигит, как Азизхан, который птицу на лету поймает, сидел, отвернувшись к стене, и перебирал четки, как мулла, когда рядом такая красавица. Ты нам сказки не рассказывай!

Лютфиниса клялась, а Хайриниса знай свое: «Не верю!» И тогда Лютфиниса от обиды начинала рыдать, а подружки принимались успокаивать ее: мол, бригадир пошутила ведь.

Прошло три или четыре дня, прежде чем Лютфиниса перестала серьезно реагировать на шутки бригадира. «Да, скоро рожу от него, а вам что за дело?!» — под веселый смех девчат отвечала она.

Лютфиниса, круглолицая, но с тонкими чертами лица, невысокого роста, была действительно красивой. Из Ташкента приезжал художник писать ее портрет, но Лютфиниса отказалась позировать. Сколько раз пытались сфотографировать ее для газеты, но она успевала прикрыть лицо платком. А во всем виноват был Азизхан. Это он, оказывается, пригрозил Лютфинисе, что, если

она фотографируется, да еще, не дай бог, снимок напечатают в газете, достанется и ей и фотографу.

Год назад Лютфиниса сфотографировалась в Магилане в фото-студии. Снимок получился очень удачным, и фотограф вывесил ее портрет в витрине. Азизхан, разбив стеклянную витрину, достал это фото и разорвал в клочья. На крики и шум фотографа собралась толпа, прибежал милиционер. Азизхану чудом удалось улизнуть.

Азизхан ревновал Лютфинису ко всем. Стоило девушке поздороваться с кем-нибудь из мужчин, Азизхан выходил из себя и грозился избить ее, если это повторится. С тех пор Лютфиниса перестала фотографироваться, а завидев фотографа, прикрывала лицо косынкой.

В газете «На Сталинской стройке» был напечатан очерк о ней. Назывался он «Девушка-батыр». Потом еще несколько раз писали о Лютфинисе, но ее снимка в газете так и не появилось.

Обычно Азизхан после смены спешил в Киргиз-аул. Завидев издали знакомую фигуру, девушки выкрикивали Лютфинису из шалаша:

— Вставайте, невестушка, зять наш пришел!

«Зять» — так прозвала его одна из девчат — был не из стеснительных. Он спокойно, не обращая внимания на визг и крики женщин, входил в шалаш, как в свой собственный дом. Стоял саратан — самый жаркий месяц лета. В такую жару хочется скинуть с себя все, даже кожу, если бы она снималась. Женщины раздетые лежали на своих койках. Азизхан бесцеремонно, не подавая даже сигнала кашлем, входил в шалаш, и тут поднимался такой визг — девчата бегали по шалашу, прикрываясь простынями и одеялами. После этого его прозвали «зять-невидимка». Стоило кому-нибудь из девчат завидеть его, в стане женщин поднимался шум и гвалт — они начинали поспешно одеваться.

— Скажи своему мужу, чтобы хоть кашлем предупредил, когда входит.

Лютфиниса шутила:

— Сколько вы надо мной издевались! Теперь я над вами посмеюсь. Он нарочно бесшумно входит, чтобы застать вас врасплох. Я сама его об этом просила.

Одна из подруг, озорница и балагурка, предупредила:

— Если не исправится, темную устроим и на всю ночь у себя оставим. Утром он еле ноги унесет и на тебя смотреть перестанет.

Подружки Лютфинисы покатались со смеху. Бокибаева прикрикнула на озорницу:

— У-у, бесстыжая. Хватит молоть чепуху. Придет твой муж, обязательно расскажу, как ты себя ведешь.

Толстушка не унималась:

— Муж меня боится. Я его в страхе держу. Ничего мне не сделает. От кого-то он слышал, что женщина в месяц саратан

становится бешеной. Так он от меня ночью уже на крышу прячется, а чтоб я не влезла к нему, лестницу наверх забирает.

Девчата весело смеялись, слушая ее болтовню. Работая целый день на стройке под палящим солнцем, усталые после тяжелого труда, от которого ноют руки и ноги, они еще находили в себе силы шутить и смеяться.

Утром толстушка-озорница, как только вскакивала с постели, сбрасывала с Лютфинисы одеяло. «Девчата, ревизия!» Лютфиниса от стыда сворачивалась клубком и прятала голову под подушку. Под смех и хохот просыпались и все остальные.

Но толстушка умела не только болтать, она хорошо и по-ударному трудилась в бригаде. Своей напарнице, с которой таскала носилки, она не давала ни минуты передышки. Если та шла впереди, толстушка подталкивала ее сзади, позади — тянула вперед, увлекая за собой. Со свекровью своей она, видно, жила в ладу: та повешивала на шею озорнице талисманов от дурного глаза, напришивала бусинки — и на воротник платья, и на жилет. Свекровь часто навещала невестку, привозя с собой гостинцы — испеченные в тандыре лепешки и самсу. Возжигала гармалу против сглаза, окуривая помещение, в котором жили девушки. И потом от них долго пахло душистой степной травой.

Порой поляна перед шалашом превращалась в место для застолья — когда приезжали родные и близкие. Посреди поляны расстилался большой дастархан и выставлялась на него вся привезенная из дома вкусная еда. Только к Лютфинисе никто никогда не приезжал. Она же, считая неудобным присоединиться к трапезе, незаметно исчезала из шалаша при появлении гостей. Бокибаева, чувствуя ее неловкость, сама приводила Лютфинису к дастархану и усаживала на самое почетное место. Лютфиниса как-то сказала Азизхану:

— Мне очень обидно. Ко всем приезжают родные, привозят разные гостинцы, а ко мне никто ни разу не наведалься. От стыда готова сквозь землю провалиться.

— Не переживай, — успокоил ее Азизхан. — Завтра рассчитаемся со всеми долгами.

Азизхан сдержал слово. В тот же вечер он отправился к тетушке Арзихон, к их прежней хозяйке. Та ему напекла сдобных лепешек, самсы. В Куйганяре в галантерейной лавке купил пятнадцать флаконов одеколона, столько же пачек туалетного мыла, несколько десятков носовых платков. У шашлычника наполнил большой эмалированный тазик шашлыком. Арзихон-ая завернула все это в скатерть, и Азизхан заявился в Киргиз-аул.

Поставил узел на сури, а флаконы с одеколоном и туалетное мыло высыпал на кровать. Женщины, толкаясь, стараясь опередить друг друга, набросились на подарки. Толстушка и тут нашлась. Положив демонстративно одеколон и мыло на тумбочку перед Азизханом, она присела на свою кровать и обиженно отвернулась к стенке.

— Что? — спросил Азизхан толстушку. — Подарок не понравился? Мыло-то душистое.

— Муж мой все равно запахов не чувствует. На следующий день после свадьбы, можете себе представить, принес мне в подарок два куска хозяйственного мыла! Как-то в темноте я вместо растительного масла в казан налил керосину — он так и не почувствовал. Выхлебал маставу и говорит: «Молодец, женушка! Очень вкусный суп приготовила. Никогда такого ароматного супа не едал». Откуда же ему знать разницу между туалетным и хозяйственным мылом, если он керосина от масла не отличает. Ну ладно, так и быть, приму ваш подарок, палван-бала¹, но с одним условием: из штаба пригласили мы фотографа — хотим всей бригадой на память сфотографироваться, ведь не сегодня завтра разведемся кто куда. Хоть будет что вспомнить. Если дадите согласие, чтобы Лютфиниса с нами сфотографировалась, приму ваше подношение.

Табельщиком в их бригаде был мужчина; может, потому Азизхан не решился сразу ответить. Толстушка поняла, в чем дело.

— Вай, да мы перед Латифджаном раздетые разгуливаем. Он такой робкий, стеснительный, как девушка. Был бы мужчиной, неужели бы работал в женской бригаде? Можете быть спокойны за него, он нашему бригадиру каждое утро косы заплетает.

Женщины весело смеялись.

Лютфиниса пошла провожать Азизхана. Он обнял ее за плечи и ласково посмотрел в глаза.

— Очень забавная твоя подружка.

— Чудесная женщина. Всегда что-нибудь рассказывает такое, что мы все животы надрываем. Она и вам придумала прозвище.

— Да ну? — удивился Азизхан. — Какое же?

— Жених-невидимка. Оказывается, когда она раздетой лежала на койке, вы незаметно вошли в шалаш. Говорит, перепугалась, подумала, что привидение явилось. До сих пор вспоминает.

За холмом полыхает зарево — светят факелы. Откуда-то доносятся звуки бубна. В ночной тишине слышно, как стрекочут кузнечики.

Х

Одежда у Лютфинисы истрепалась. Девушка, выросшая сиротой, как могла зашивала прорехи, штопала дыры, ставила заплаты и ходила в одном и том же платье, в каком Азизхан выкрал ее со свадьбы. Азизхану Лютфиниса и словом не заикнулась, что ей нечего надевать. Встречались они вечерами, после работы, когда в темноте и не различишь, как и во что одет человек.

А сегодня в Лугумбеке давала концерт сама Халима Насырова. Женщины раньше обычного возвратились с работы и, готовясь к праздничному концерту, мыли головы, заплетали косы, доста-

¹ П а л в а н - б а л а — парень-силач.

вали из своих узлов залежавшиеся наряды и гладили их большим чугунным утюгом.

Азизхан, прибежавший за Лютфинисой, чтоб вместе пойти на концерт, застал ее грустной.

— Ты что сидишь? Собирайся скорее, надо места занять.

Лютфиниса даже не подняла головы.

— Интересно, как это я в таком виде на концерт пойду? Посмотрите, на что стало похоже мое платье, — не то что на людях, дома носить стыдно.

Только теперь Азизхан обратил внимание на платье Лютфинисы. Удивившись, спросил:

— Почему ты ничего не говорила мне?

— Обязательно надо говорить? Глаза же есть у вас!

Азизхан виновато опустил голову. Ему стало стыдно оттого, что он оказался таким невнимательным к любимой. От посланных родителям денег у него осталось сто восемнадцать рублей. Лежат в палатке под подушкой.

— Прости меня, Лютфи! Любуясь твоим милым лицом, твоими черными, как виноградники, глазами, я ничего больше не замечал. Я исправлю свою ошибку. В Лугумбеке базары работают допоздна. Я мигом. Ты никуда ни шагу, сиди жди меня.

Азизхан стремглав помчался к себе. Лютфиниса в жизни никого не упрекнула. Дома донашивала то, что оставалось от жены брата. Акбарали ни разу не приласкал сестрицу. Даже в праздники, когда все — жена брата, племянники и племянницы — получали подарки, ее обделяли. И сейчас, сидя в шалаше в ожидании Азизхана, она жалела о том, что упрекнула его. Из глаз ее катились слезы. Тем временем во дворе девчата шутили, смеялись, перебранивались, отнимая друг у друга утюг. Не прошло и часа, как все стихло. Принарядившись, уложив колечками локоны, разбросав по спине мелкозаплетенные косички, подружки отправились на концерт. Перед уходом к ней забежала толстوشка, звала с собой, тянула за руки, пытаясь поднять с постели, но Лютфиниса, сославшись на усталость, отказалась идти.

— Небось ждешь жениха-невидимку? Ведь по глазам вижу, — сказала она. — Ну ладно, я пошла.

Повариха с фонарем в руке возилась у очага. Те, что не пошли на концерт, постелили себе во дворе и легли отдыхать.

Наконец снаружи послышались торопливые шаги. Лютфиниса радостная вскочила с постели. В проеме с узлом в руке показался Азизхан.

— Где ты, Лютфи? Что сидишь в темноте? Ну-ка, выходи!

Лютфиниса вышла. Азизхан при свете керосиновой лампы стал развязывать узел.

— Смотри, что я тебе принес.

Он вытащил сверкающие лакированные туфли на низком каблуке, ситцевое платье и шелковый платок.

— Иди переоденься, — сказал он, протягивая все это Лютфи-

нине. — Я подожду. В Байтоке в лавке платья еще красивее. Завтра обязательно съездим туда с тобой, а сейчас это надень. Оно хоть и простое, но тебе к лицу.

У Лютфинисы радостно заблестели глаза. Схватив подарки, она убежала в шалаш. И через две-три минуты появилась снова.

— Ну, что я говорил. Как идет тебе этот наряд! Мне продавец сказал, что туфли со скрипом. Ну-ка, пройдишь, не обманул ли?

Лютфиниса прошла перед Азизханом — туфли весело поскрипывали.

Лютфиниса была безмерно рада — у нее впервые после смерти матери была обнова. Правда, на свадьбе ее одели в новое атласное платье, но по сравнению с этим то казалось чужим и холодным. К тому же оно быстро изорвалось в клочья в первую же ночь, когда они с Азизханом прятались в тугаях. Азизхан, глядя на расцветшую в новом простеньком платьице Лютфинису, ликовал не меньше.

— Ты погоди, мы еще лучше платье купим. У меня будет много денег! Завалю тебя платьями!

Азизхан вынул из кармана брюк целую горсть мятых денег.

— Вот, возьми. Купи себе, что хочешь!

— А вы себе?

— Чудная какая-то! Мне несколько чапанов и новых халатов подарили. Только вот еще сапоги со скрипом я бы купил себе. Деньги есть...

Слушая их разговор, повариха качала головой. Женщины ворочались с боку на бок, пытаясь заснуть. Наконец одна из них не выдержала и прикрикнула:

— Эй, хватит щебетать. Дадите вы людям спать или нет? Нашли место объясняться!

Лютфиниса приложила палец к губам. Тсс! Взяв Азизхана за руку, она повела его в сторону от шалаша.

Кругом темно. Луна еще не поднялась из-за холмов. Чуть серебрятся вершины гор вдаль.

— Я хотела вам сказать... Арзихон-ая передала мне, что...

— Что она сказала?

— Говорит, в махалле неудобно ей перед соседями, что мы, не обвенчавшись, жили у нее. А то кривотолки ходят по кишлаку. Передай, говорит, Азизхану, чтоб принес все необходимое для плова, — соберем трех-четырех стариков из махалли на угощенье и обвенчаем.

Азизхан просиял.

— Верно говорит Арзихон-ая. Пока обвенчаемся, а свадьба от нас не убежит. Сыграем после того, как работу здесь закончим.

Взявшись за руки, они гуляли до поздней ночи. Азизхан делился с Лютфинисой планами на будущее:

— Ишан-ака уговаривает меня остаться здесь. В райводхозе будешь работать, говорит. И дом есть, говорит, и платить будем

хорошо, и для невесты место найдется — в яслях воспитательницей. А директор совхоза зовет к себе: хочешь, говорит, работай в стройбригаде, хочешь — в отделение совхоза пошлю. Словом, чувствую, стать нам избаскентцами. Если в совхозе останемся, директор двухмесячную зарплату авансом готов выплатить. Новые дома построили с несколькими комнатами и большой кухней.

— Может, согласиться с Усманходжаевым, Азизхан-ака? Ведь Ишан-ака к вам как родной отец относится. По его совету и поступайте.

— И верно! — согласился Азизхан. — А ты сумеешь в яслях работать?

— Думаете, не справлюсь? Старушки работают, а я разве хуже их?

Со стороны Киргиз-аула послышался людской гомон.

— Концерт закончился, — с сожалением сказала Лютфиниса. — А теперь уходите, а то мне покоя от подруг нет.

— Ну постой еще минуточку! — Азизхан, схватив за руку, притянул ее к себе. — Только разок поцелую.

Лютфиниса вырвалась.

— Хватит, — сказала она строго. — Не переходите границ дозволенного.

Азизхан в порыве нежных чувств обхватил ее тонкий стан крепкими руками и начал осыпать ее лицо, глаза, шею поцелуями.

Влюбленные перед свиданием обычно долго готовятся к нему, особенно девушки — прихоращиваются, пудрятя, душатся, мажут усьмой¹ брови, и от них всегда веет ароматом духов или душистого туалетного мыла. От волос Лютфинисы исходил какой-то особый горьковато-пряный запах степных трав, для Азизхана он казался самым чудесным запахом на свете.

Для Азизхана с Лютфинисой это были мгновения, сотканые из лучей света, всех цветов радуги, весенних дождей, распустившихся цветов, из стремительного полета над водой белогрудой ласточки, из нежного дыхания младенца.

Эти двое счастливых влюбленных не знали, что уготовила им судьба. Не думали о том, взойдет ли завтрашней ночью для них луна и будет ли, проплывая над вершинами гор, струить серебристый свет на волосы и плечи Лютфинисы.

XI

Штаб стройки специально для женских бригад учредил переходящее Красное знамя. Как ни старалась бригада Бокибаевой, но знамени завоевать не могла. Учитывая трудные природные условия, в которых приходилось трудиться бригаде из Учкургана, штаб вручил знамя учкурганцам. Бокибаева, недовольная этим, обрушилась на собрании на Тешавоя Мирзаева:

¹ У с ь м а — растение, которым красят брови, ресницы.

— Значит, глаза ваши дальше Учкургана не видят. Если и в следующей декаде нам не вручите знамени, обязательно Усманхота на эту несправедливость пожалуемся. Мы не хуже учкурганцев работаем!..

Бригада Бокибаевой действительно во второй декаде трудилась по-ударному. Как и было обещано, она по всем показателям вышла на первое место среди женских бригад. Норму по земляным работам бригада выполнила на четыреста сорок два процента. В газете «На Сталинской стройке» даже была помещена статья «Знаменосцы».

Сегодня в обед представители штаба: инженер Лебедев, главный инженер Азизов, председатель Избаскентского райисполкома Усманходжаев, собрав всех строителей в красном уголке, в торжественной обстановке вручили переходящее Красное знамя Бокибаевой. Приняв знамя из рук председателя райисполкома, бригадир попросила слова.

— Те, кто думает, что отнимет у нас это знамя, пусть не тешат себя надеждой. Мы пройдем с этим знаменем отсюда до тех мест, где Нарын сольется с Карадарьей. А слово свое мы держать умеем.

Подсев к Усманходжаеву, сидевшему в президиуме, она сказала:

— И это — вся ваша щедрость. Ишан-ака? Хоть бы нашим девочкам подарки преподнесли!

Усманходжаев решил отшутиться:

— У каждой из них есть муж, почему это я должен им что-то дарить?

Девчата рассмеялись. Ишан-ака вышел к столу с большой картонной коробкой.

— Вот наш самый дорогой подарок! — Достав из кармана листок бумаги, он стал читать: — «За самоотверженный труд на строительстве Большого Ферганского канала Президиум Верховного Совета республики наградил почетным знаком «Большой Ферганский канал» следующих товарищей...»

Усманходжаев зачитал двадцать фамилий женщин, удостоенных этого знака. Девчата подходили к нему, и Ишан-ака осторожно прикалывал каждой к груди значок. Когда очередь дошла до Хайринисы Бокибаевой, прежде чем приколоть значок, он демонстративно стал засучивать рукава рубашки.

— Вы что, собираетесь бороться с ней, Ишан-ака? — выкрикнула толстунка.

— Бокибаева привыкла к орденам, примет ли она какой-то значок? Вот я на всякий случай и приготовился защищаться...

Прикалывая к ее груди знак, он нечаянно уколол Бокибаеву.

— Ох и озорник же вы, Ишан-ака! — сказала она, отстраняя его руку. — Никак не бросите озорничать!

В толпе это вызвало смех и веселые шутки. Усманходжаев, улыбаясь, сказал:

— Старый ваш воздыхатель. Стоило до вас дотронуться, и рука задрожала... Уж вы простите...

И работа, и обед, и даже собрания и митинги в этой бригаде проходили всегда весело, с шутками и смехом. Эти шутки и смех снимали усталость. Особенно веселились, когда приезжал к девочкам Усманходжаев. Этого человека любили и уважали не только в бригаде Бокибаевой. Он многие годы работал председателем Избаскентского райисполкома и знал всех от мала до велика. Ни одна свадьба, ни одни поминки в районе не обходились без его участия. И в радости и в горе он был всегда с народом. Ко всем находил подход. Где бы он ни появлялся, там сразу становилось радостно и весело. Женщины в поле во время работы или на собраниях в правлении колхоза с ним на равных шутили и острили. Люди ходили к нему в контору за советом — делились горем или радостью и всегда находили поддержку.

И то, что на сегодняшнее торжество Усманходжаев приехал лично и сам вручал почетные награды, еще больше радовало женщин.

Хайриниса Бокибаева слыла в районе женщиной деловой и властной. К ее мнению прислушивались все, начиная от начальства районного и кончая руководителями республики. Несколько дней назад она ездила к председателю колхоза Тиллабаеву выяснять отношения.

— И не стыдно вам, аксакал. Женщины, оставив свои дома, малых детей и стариков, трудятся на стройке наравне с мужчинами. В других колхозах женщин на руках носят, а вы как кого премировать, так в первую очередь — мужчин. Велосипед ли, патефон ли — все им. Ничего, стройка скоро закончится, и забегаете за нами: «Эй, женщины! Где вы? Надо посмотреть за коконами, выйти в поле на чеканку хлопчатника. Женщины у нас в колхозе великая сила, пошевеливайтесь, родненькие!» Вот тогда мы с вами и поговорим.

Пока Тиллабаев собирался с мыслями, Бокибаева, хлопнув дверью, вышла из кабинета.

На сегодняшнее собрание Тиллабаев приехал с каким-то большим свертком. Стоял и ждал своей очереди. «Видно, мои слова задели за живое», — подумала Бокибаева.

После награждения значками Тиллабаев вышел на середину и каждому члену бригады подарил по отрезу хонатласа на платье. Толстушка и тут не удержалась:

— Раис-бува, как называется ваш атлас?

Тиллабаев не любил пререкаться и спорить с женщинами. Зная эту черту его характера, толстушка намеренно втягивала председателя в разговор. Тиллабаев покраснел, не находя слов, чтобы ей ответить. Вместо него сострил Ишан-ака:

— Разве ты не знаешь, курносая, что он называется «кычык-атлас» — кокетливый атлас? Очень тебе к лицу.

Смех в толпе не умолкал.

Ишан-ака перед отъездом отозвал Хайринису в сторону:

— Которая тут невеста нашего палвана? У меня к ней разговор.

Бокибаева из толпы девчат, которые никак не могли угодиться, выкликнула Лютфинису. Ишан-ака, очарованный ее красотой, закачал головой:

— Неплохой вкус у нашего героя. Такую девушку не грех выкрасть. — И, обращаясь к Лютфинисе, сказал: — Будь осторожна, доченька, андижанские парни озорные ребята, не заметишь, как поперек седла окажешься. Эй, Хайри, и такая красавица у тебя на земляных работах? Послушай, дочка, скажу тебе по секрету, сегодня бригадир тебя пораньше отпустит. Вечером в Куйганяре состоится митинг, посвященный итогам соревнования строителей. Сам Усман Юсупов премирует Азизхана ценным подарком. Из Самарканда специально карабаирских жеребцов привезли. Один — Дунанбаю, другой — Азизхану-палвану. Принаряжайся и приезжай туда, хорошо?!

Усманходжаев с Тиллабаевым тут же уехали.

Верно говорят: если хочешь, чтоб тайное стало явным, поделись секретом с женщиной. О предстоящем событии через минуту уже знали в бригаде все. Как всегда, не обошлось без советчиков. Советовали наперебой:

— Ты ленточки в косы не вплетай, лучше заплети мелкие косички!

— Кончики волос намочи и намотай на карандаш, они и завьются!

— Пробор сделай слева, так тебе больше идет!

— Наденешь туфли на высоком каблуке, будет здорово!

Бокибаева, чтобы Лютфиниса успела умыться и переодеться, отпустила ее пораньше. Лютфиниса собрала в дорогу небольшой узелок с вещами и направилась к Кошарыку. Оттуда до Куйганяра было всего полчаса ходу. К тому же от Кошарыка к Куйганяру шли бесконечные вереницы машин и арб. Лютфиниса решила по пути навестить тетушку Арзихон.

Женщины продолжали работать. Толстушка, не зная, над кем теперь шутить — Лютфинисы-то не было, — смешила подруг: она по-мужски толкала впереди себя тачку с землей и с криком «бомба!» опрокидывала ее набок, прикрывая лицо руками, — туча пыли поднималась вокруг нее.

Бокибаева укрепила Красное знамя на крыше шалаша. Погода стояла безветренная, и бархатное полотнище, обшитое по краям золотыми кистями, обвисло.

Бригадир, вызвав к себе табельщика Латифджана, сказала:

— Все равно сидите без дела. Чем этак мух ловить, машите лучше этим знаменем, чтобы оно трепетало.

Бокибаева сняла с крыши знамя и показала, как Латифджану следует махать им. И теперь табельщик стоял на холме, разма-

хивая знаменем. Бригадир кинет на носилки две лопаты земли и на знамя посмотрит, как оно трепещет.

Вечером Ишан-ака прислал в бригаду двух известных во всей Ферганской долине певцов — Бидонхон и Рахиму Эрматовых. Перед шалашом на поляне развели костер и устроили вокруг него пляски. Бидонхон удивительно нежным и звонким голосом исполняла народные песни, ей подпевала Рахима. Под восторженные крики и аплодисменты собравшихся вместе с артистами пускались в пляс и девчата.

Если бы Бокибаева не прекратила гулянку, кто знает, может быть, веселье продолжалось бы до утра.

Толстушка, ложась в постель, взглянула на соседнюю койку. Лютфинисы не было. Сквозь входное отверстие в шалаш пробивался утренний рассвет. Бокибаева стояла, прислонившись к столбу, подпиравшему шалаш, и задумчиво глядела на светлеющий горизонт.

— Лютфинисы еще нет! Пусть только придет, я ей такую «ревизию» устрою.— проворчала толстушка.

Бокибаева сердито взглянула на нее.

XII

Увидев Лютфинису, Арзихон-ая запричитала:

— Сладенькая ты моя, и куда это ты запропастилась? О славе твоей слышу, а самой не вижу. Об Азизхане я и не говорю, исчез, как в воду канул. Неужели трудно было за эти дни хоть разок навестить меня?

Лютфиниса всем сердцем полюбила эту милую, добрую старушку, чем-то похожую на ее ласковую мать. Арзихон-ая, прощая что-то приговаривать, забегала по двору, не зная, куда досадить гостью.

С тех пор как на стройке ускорился темп работы, у Лютфинисы не стало времени навещать старушку. Арзихон-ая, привыкшая к ней, как к дочери, каждый вечер глядела на дорогу.

— Истомила ты меня ожиданием, доченька. Неужто не могла хоть на минуту забежать? Я было собралась уже сама разыскивать тебя.

Арзихон-ая обняла, расцеловала Лютфинису и, отстранив ее от себя, оглядела с ног до головы.

— Похудела-то, бедненькая моя. Ну прямо тростиночка! Хочешь, я тебе воды согрею, голову вымоешь? Небось и мыться вам некогда там?

Она взяла из рук Лютфинисы узелок с вещами и кинула на айван.

— Спасибо, Арзихон-ая, голову мне не мешает помыть. Сегодня в Куйганяре большой митинг. Азизхану сам Усман-ата коня будет дарить. Меня пораньше отпустили, чтобы успела на это торжество попасть.

— Сейчас, доченька, сейчас! Я быстренько воды согрею. Разве я могу в чем-нибудь отказать тебе.— Арзихон-ая поспешила к очагу.— И волосы тебе в сорок косичек заплету. А ты, доченька, нарви усымы и брось на солнышко, чтобы немного увяла.

Наколов дров, она развела огонь под казаном и мелкими щепками растопила самовар.

— Вот закончится строительство, и разъедетесь, кто куда. Интересно, вспомните ли вы меня тогда: мол, была такая старуха-копошиха!

Лютфиниса нежно обняла ее за плечи и прижалась к ее лицу щекой.

— А мы, тетушка, никуда не уедем. Здесь останемся.

— Ах, как было бы славно, если бы остались здесь. Тогда две дочери и два зятя стало бы у меня.

Огонь в самоваре загудел — пламя било из трубы почти на полметра. Лютфиниса развязала узел и показала старушке отрез, которым премировали их сегодня. Арзихон-ая, ахая от восторга, покачала головой, проверила, как он переливается на свету, и почему-то сжала с изнаночной стороны несколько раз в кулак.

— Хороший атлас. И рисунок и выработка хорошие. Носи на здоровье, доченька.

— Сегодня подарили. Сам Тиллабаев вручал всей нашей бригаде. Никого не забыл.

— Носи на здоровье, доченька! В самые счастливые и радостные дни носи — на свадьбе своей и в праздники. Не приехала бы ты в наши края на строительство канала, откуда бы тебе видать такие почет и уважение. Сидела бы дома — волосы венником, руки ухватом. Спасибо нашему правительству. Это оно сделало равноправными людьми бесправных и униженных женщин, как мы с тобой. Долгих лет жизни тебе, доченька. Да чтоб я сама присуливала на твоей свадьбе!

Самовар закипел, переливаясь через край. Арзихон-ая налила в два ведра кипятку, разбавила холодной водой и, поставив ведра у ямы, вынесла Лютфинисе пиалу с кислым молоком.

— Я без молока буду мыть голову, тетушка. Завтра снова копать землю, а к жирным волосам пыль очень липнет.

— Ну, как знаешь, дочка! — сказала старушка и унесла молоко обратно в дом.

Лютфиниса распустила длинные волосы, расчесала их толстой гребенкой и принялась мыть в большом тазу, а старуха, сидя на айване, любуясь ею, улыбалась. Намокшее платье прилипло к телу Лютфинисы, и сквозь расстегнутый ворот рубахи виднелись упругие девичьи груди. От нее веяло молодостью и свежестью.

Лютфиниса была в том самом возрасте, когда все в ней — и глаза, и набухшие губы — жаждет поцелуя. И нежный голос дрожит от волнения и радости. Кто-то верно заметил, что и сама улица, по которой прошла восемнадцатилетняя девушка, пробуждает в сердцах любовь.

Но не об этом думала Арзихон-ая, глядя на Лютфинису. Для того чтобы почувствовать и оценить всю эту красоту и молодость, нужен был глаз джигита.

Лютфиниса расчесала волосы и, чтобы они не мешали убираться, скрутила их венком вокруг головы.

Было еще светло. Могучие тополя на главной улице Кошарыка отбрасывали длинные тени.

Тетушка усадила Лютфинису на айване, сама села позади и не спеша принялась заплетать косички. Дочь Арзихон-ая приезжала к матери каждую пятницу помыть голову, а главное, заплести косички. Тетушка Арзихон делала это с большим умением.

— Не обязательно сорок косичек, тетушка. Можно и двадцать. Ну чего вы себя мучаете. Все равно я их вокруг головы уложу, — сказала Лютфиниса.

Солнце скрылось за деревьями. Опускались вечерние сумерки. Со стороны Куйганяра уже слышались звуки карнаев, приглашающие людей на праздник. Лютфиниса носнешно встала и ушла в дом переодеваться. Когда вышла в новом нарядном платье и лакированных туфлях, Арзихон-ая всплеснула руками:

— Какая ты красивая! Ну прямо вся светишься! И вправду говорят, человека одежда красит.

Она побежала на кухню возжечь гармалы против сглаза, положила на совок горячих угольков, насыпала сверху щепотку травы.

— Сейчас, доченька, сейчас! Да уберезет тебя бог от дурного глаза!

Старушка подула на тлеющие угольки, раздувая пламя, пока не затрещала сухая трава и не повалил густой белый дым. Она несколько раз обошла с совком вокруг Лютфинисы, окуривая ее.

— Ну вот, теперь можешь идти. Любую дурную силу отталкивает от человека эта трава.

Кто-то робко постучался в калитку. Старушка с совком в руке пошла к уличному проходу. С улицы слышался конский топот и ржание. Лютфиниса, занятая собой, вертелась перед зеркалом. Услышав, как старушка кого-то любезно приглашает в дом, она с любопытством взглянула на дверь и обмерла. Во двор входил Акбарали. Старуха, увидев застывшую камнем Лютфинису, стала упрекать ее:

— Ну что стоишь, доченька? Брат твой приехал. Расстели курпачу, приготовь место для гостя!

Акбарали шел навстречу ей улыбаясь, его сияющее, радостное лицо не предвещало ничего плохого.

— Ну как ты, Лютфи? Жива-здорова? Один-единственный у тебя брат, и того ты забыла.

Лютфиниса, не в силах ничего сказать, робко шагнула к нему.

— Вот, решил навестить тебя.

Арзихон-ая поспешно расстелила одеяло на айване и пригласила гостя:

— Пожалуйте, дорогой. А то доченька как сиротка, одна уж истосковалась, испечалилась. Хорошо, что навестили ее.

Акбарали, откинув край одеяла, присел на айване. Лютфиниса, никак не решаясь заговорить, только испуганно глядела на брата.

— Садись, сестричка, — сказал Акбарали. — Мне с тобой необходимо поговорить.

Она опустила голову. Акбарали, не зная, с чего начать разговор, сидел, задумчиво опустив голову, потом поднял на нее глаза:

— Хватит скитаться, сестричка. Небось себя уж прокляла, что так нехорошо поступила. Поиграла, и баста. За тобой вот приехал.

— Не могу я поехать с вами, Акбарали-ака, — ответила Лютфиниса, не поднимая головы. — Зирилляма — проклятое для меня место.

— Зря ты так говоришь. У тебя там живут родные. Я ведь тебе — и за мать, и за отца. Жила со мной, забот никаких не знала. А ты, неблагодарная, опозорила меня перед всем кишлаком. Я ведь тебе ничего не сказал. Не погнался за тобой. Смолчал, схоронил все это в душе. Пора и тебе за ум взяться.

Лютфиниса исподлобья взглянула на брата:

— Не уговаривайте меня, Акбарали-ака. Я отсюда никуда не уеду. Через две недели пустят воду в канал, я должна быть здесь.

Акбарали насмешливо ответил:

— Ты думаешь, без тебя вода по каналу не пойдет? Не будь дурой!

— Доченька столько труда вложила в строительство этого канала, — вмешалась в разговор Арзихон-ая. — Обидно уходить, когда, как говорится, плов уже готов! Здесь такой той будет. Пусть уж погуляет. Ведь заслужила.

Акбарали сердито посмотрел на старуху:

— А вы, тетушка, не вмешивайтесь не в свои дела. Разве чужому человеку понять, что родные между собой не поделили. Вы говорите: пусть погуляет на торжествах. А ей не привыкать оставлять такие тои. Вы уж не встревайте. Сами разберемся.

Арзихон-ая, не ожидавшая грубости от брата Лютфинисы, сначала было расстроилась, а потом, рассудив, что и в самом деле некрасиво вмешиваться в чужую жизнь, ушла за дом поработать в саду. Проводив Арзихон-ая недобрым взглядом, Акбарали зло посмотрел на сестру:

— Значит, не поедешь?

— Нет! — решительно ответила Лютфиниса.

— В последний раз тебя спрашиваю, поедешь со мной?

— Не поеду!

— Тогда пеняй на себя!

Он резко встал с курпачи и спустился с айвана. Лютфиниса тоже поднялась.

Как ни хотела она, но не в силах была простить брату те унижения и оскорбления, что пришлось ей вынести по его вине, и потому она сейчас готова была постоять за свое счастье, чего бы это ни стоило. Лютфиниса, словно готовясь к бою, стояла сжав кулаки.

Акбарали наклонился, нащупал за голенищем правого сапога рукоятку ножа и ловким движением вытащил его из чехла.

— Ты опозорила меня, согнула мою голову, осквернила память матери, запятнала весь наш род. И за все это...

Схватив ее за руку, он так дернул, что Лютфиниса, потеряв равновесие, уткнулась лицом в его плечо. И Акбарали дважды с размаху вонзил нож в ее грудь. Лютфиниса медленно, как подрезанная камышинка, повалилась на землю.

Одним прыжком Акбарали оказался у калитки. Оглянувшись: Лютфиниса пыталась приподняться. А когда она, собрав последние силы, подняла голову и посмотрела в его сторону, Акбарали и след уже простыл. Руки ее подкосились, и она со стоном припала к земле. Кровь, медленной струйкой вытекавшая из-под нее, оставляла на земле длинный извилистый след.

XIII

В Куйганяре в Зеленом театре каждый день новое представление. Ташкентские театры поочередно показывают на его сцене свои спектакли. Вот и сегодня в театре большой праздник. В торжественной обстановке будут вручаться почетные нагрудные знаки двумстам передовикам, особо отличившимся на строительстве. Зал красиво убран — на сцене длинный стол для президиума, покрытый кумачовой скатертью, на нем цветы в вазах; кругом лозунги, плакаты; над сценой огромный транспарант: «Пламенный привет строителям Большого Ферганского канала!» По обе стороны сцены портреты двух самых прославленных строителей — Дунана Дусматова и Азизхана Умматалиева. Люди, заполнившие зал Зеленого театра, вытягивая шеи, смотрят по сторонам. За столом президиума руководители республики, народные комиссары, начальники участков стройки, инженеры. Председатель собрания начальник штаба строительства Тешавой Мирзаев осмотрел зал.

— Приглашаются в президиум Дунан Дусматов и Азизхан Умматалиев!

Дунан и Азизхан поднялись со своих мест и под восторженные крики и бурные аплодисменты собравшихся прошли в президиум. Усман Юсупов усадил их рядом с собой.

Азизхан смущался. Он чувствовал, что взгляды сидевших в зале прикованы к нему. Сквозь шум голосов и несмолкаемый гром аплодисментов до Азизхана долетали только отдельные фразы: «Да он еще молод! Не верится, что такой парень смог одолеть самого Эша-палвана! Бог, видно, наделил его незаурядной силой!..» —

«Э-э, тут дело не в силе, а в везении. Повезет — даже хлипкий окажется в рядах палванов...»

У Азизхана от этих похвал кружилась голова. Он не слушал, что говорил Тешавой Мирзаев. Азизхан стал искать глазами Лютфинису. Смотрит ли она, как чествуют ее Азизхана. Но ее в зале не было видно. Он заметил сидевшего в первом ряду Эша-палвана, тот сердито сверкал глазами, выражая недовольство тем, что не он, а какой-то мальчишка сидит в президиуме.

Азизхан думал, что после выступления Тешавоя Мирзаева им начнут вручать нагрудные знаки, но на трибуну пригласили главного инженера Лебедева. Инженер говорил о качестве строительства, отмечал успехи и недостатки в работе, о том, что выбивает их из графиков строительства. Азизхан был равнодушным ко всему, что говорилось с трибуны Лебедевым. Ему хотелось, чтобы поскорей к его груди прикрепили Почетный знак. Лебедев выступал долго и в конце своей речи покритиковал Белявского. Старик же бросал тому с места реплики. Юсупову, чтобы не возникло ссоры, пришлось даже призвать к порядку Белявского.

— Товарищ Лебедев прав. Учкурган не укладывается в график выполнения намеченных проектом работ. Ведь строительство участка должно вестись согласно утвержденному плану. Если есть у вас возражения, пожалуйста, выскажите.

Белявский сменил на трибуне Лебедева.

— Хорошо, скажу. Мы все вместе утверждали этот проект, товарищ Юсупов. Я тоже голосовал за него. Но жизнь внесла свои коррективы. Мы не могли всего предусмотреть. Проект делается на бумаге, а работаем мы на земле. На трудном каменистом участке. Щебень и песок, как фильтр, пропускают воду, и свыше двадцати процентов воды уходит в грунт. Поэтому дно канала следует утрамбовать. Нам нужны специалисты, которые могли бы дать свое заключение. Кроме того, вода в Карадарье илистая; оседая на каменистых участках, она сама укрепляет дно, а вода в Нарыне прозрачна и чиста, щебень с песком легко пропускают влагу. Мы об этом сообщили главному инженеру.

Сидевшие в президиуме в задних рядах специалисты согласно кивали головами.

Юсупов взглянул на Лебедева:

— Что вы на это скажете?

Лебедев, кажется, не был готов к ответу. Растерянно сказал:

— Это все надо проверить в процессе работы, товарищ Юсупов.

— А как вы думаете, аксакал? — обратился Юсупов снова к Белявскому.

— Хочу предложить такой вариант, — сказал Белявский. — Если нам дадут двадцать мощных насосов, с помощью которых мы сможем залить полутораклометровую каменистую трассу цементной смесью, то проблема будет решена. Цемент свяжет щебень и песок, и потом, когда по каналу пустят воду, он предотвратит всасывание влаги в грунт.

В президиуме разгорелся горячий спор. Решили заново изучить этот участок трассы канала и рассмотреть предложение Белявского. Когда страсти улеглись, на сцену вынесли большую картонную коробку и из нее на стол президиума стали выкладывать стопками небольшие красные коробочки. Ахунбабаев вышел из-за стола на середину сцены и первым приколот Почетный знак к груди Дунана Дусматова. Азизхан, уверенный, что сейчас вызовут его, сидел взволнованный, и сердце колотилось сильно, но Ахунбабаев вторым назвал Белявского. Очередь до Азизхана дошла через семь человек.

— Ученик Дунана Дусматова, рекордсмен по поднятию тяжестей, еще не уступивший никому первого места в своем деле, прославленный строитель канала Азизхан Умматалиев!

Взволнованный Азизхан встал и под аплодисменты собравшихся подошел к Ахунбабаеву. Председатель Президиума Верховного Совета приколот к его груди знак строителя Большого Ферганского канала, одобрительно похлопал парня по плечу и, поздравляя с наградой, обнял Азизхана. Опыяненный и счастливый шел Азизхан на свое место и очень жалел, что нет в зале отца с матерью. Зачем он отправил родителей обратно в кишлак? Надо было задержать их, пусть бы посмотрели на эти торжества и порадовались за сына.

Ахунбабаев поочередно вызвал на сцену свыше ста строителей. Он уже не прикалывал значок, а вручал красные коробочки и каждому жал руку. Председатель собрания объявил, что тем, кому не вручили почетные знаки, от имени Верховного Совета республики они будут вручены начальниками участков.

И тут в зал ввели двух покрытых бархатной попоной вороных. Все притихли. Усман Юсупов встал и, обращаясь к народу, сказал:

— Дорогие друзья! Наши доблестные строители! Сегодня мы собрались здесь, чтобы чествовать двух наших передовиков, показавших на стройке чудеса трудового героизма и положивших начало новому стахановскому движению. Вам известны их имена. Один из них — знаменитый землекоп Дунан Дусматов. Штаб строительства премирует его скакуном.

Под рукоплескания собравшихся Тешавой Мирзаев вывел вороного и остановился перед сценой.

— Ну-ка, Дунанбай, садись на коня!

Дусматов спустился со сцены, подошел к Мирзаеву. Двое парней поддержали его за локти, и Дунан, вставив ногу в стремя, легко вскочил на коня. Затем Юсупов назвал Азизхана Умматалиева.

Азизхан совсем растерялся. «Меня ли это называют или другого?» — подумал он и оглянулся по сторонам. Сидевший позади него в президиуме Джура-палван толкнул его в бок: «Ты что, глухой? Вставай же, олух!»

Азизхан с трудом, словно прирос к стулу, поднялся. Вразвалку,

не спеша спустился со сцены к Тешавою Мирзаеву. Рядом с ним как из-под земли выросли Тенгдик и Бейшенали. Они ловко подхватили его и усадили верхом на вороного. Конь забил копытами, затряс шеей с вплетенными в гриву шелковыми лентами. Азизхан покачнулся в седле, но тут же, крепко ухватившись за луку седла, выпрямился.

Под восторженные крики людей и гром аплодисментов Тешавой Мирзаев совершил с ними круг почета и, остановившись у сцены, поднялся бодро по ступенькам в президиум.

— Товарищи! — обратился он в зал. — На этом торжественное собрание считаем закрытым. После перерыва будет дан большой концерт.

Азизхана со всех сторон обступили люди. Он едва успевал пожимать им руки. Конь бил копытами, но с места не двигался, жатый толпой.

Джура-палван охрип, расталкивая перед ним людей и расчищая дорогу. И когда они вдвоем с трудом выбрались из помещения театра, Азизхан увидел одинокую фигуру Эша-палвана, который, понуриив голову, не обращая внимания на шум и крики, стоял в стороне. У Азизхана на душе заскребли кошки. Не окажись он здесь на стройке по воле случая, непременно этого коня оседлал бы Эш. Азизхан спрыгнул с коня и, сунув уздечку Джуре-палвану, подбежал к Эшу. Обнял и приподнял его за пояс.

— Не обижайтесь, Эш-ака. Хотите, я встану перед вами на колени? Вы мой учитель...

Азизхан не успел договорить. Эш-палван грубо оттолкнул его и сквозь зубы прошипел:

— Рано ты цыплят считаешь, выскочка! Высмеять меня хочешь?

И, тяжело ступая, зашагал к чайхане.

Азизхан в душе пожалел, что подошел к Эшу-палвану поделиться своей радостью и выразить свое доброе расположение к нему. Эш не понял его. Конечно, он поступил так в порыве гнева и обиды. Может быть, на его месте Азизхан и сам поступил бы так? Но настроение у него уже было испорчено.

В Зеленом театре начался концерт. Стоявший в сторонке Джура-палван подвел коня.

— Да оставь, не переживай! Что с него возьмешь? Пройдет время, и успокоится. Я пойду на концерт. А ты, если хочешь, поезжай к Лютфинисе.

Азизхан принял из рук друга уздечку. Конечно, надо найти Лютфинису. Почему ее не было на торжественном собрании? Вот бы она радовалась вместе с ним его успеху, если б видела, как сам Ахунбабаев приколот к его груди Почетный знак строителя, а потом Мирзаев усадил верхом на вороного. Она бы уж больше не жалела, что сюда приехали. Может быть, ее не отпустили в Куйганяр? Была бы здесь, обязательно сидела бы в первом ряду, радостная и счастливая.

Азизхан решительно вскочил на коня и поскакал в Кошарык. Видно, скакун был в хороших руках: шел рысью легко, размеренно отбивая копытами дробь. Переехав через мостик, Азизхан во весь рост приподнялся на стременах и на ходу обломил веточку ивы. Чуть в стороне под сенью деревьев пятеро парней, расположившись вокруг бурдюка с кумысом, попивали из пиал ценный ароматный напиток. Один из дружков окликнул Азизхана и, наполнив до краев касу, подойдя к нему, протянул руку с чашей:

— Поздравляем с достойным подарком. По всему видать, настоящий конь. Пусть будет хорошим другом тебе, братишка. Чтоб не подводил тебя на скачках. На вот, выпей-ка эту касу до дна.

Азизхан, приложив руку к груди, извинился:

— Спасибо, братцы.

— Э, братишка, тот почет и уважение, что увидел ты, не знал сам легендарный Рустамхон. Выпей же это. Разве можно кобыльим молоком брезговать?!

Азизхан, тронутый вниманием незнакомых ему людей, махнул рукой и, засунув обломанную ветвь в сапог, взял чашу в руки.

— Ну, будь по-вашему, братцы. Такой день бывает раз в жизни. За это стоит выпить.

Он залпом осушил касу и возвратил ее стоявшему рядом парню. Тот, принимая из рук Азизхана пустую чашу, с восхищением похлопал коня по загривку:

— Хороший конь! Удачи вам, брат!

Азизхан хлестнул коня, и тот легко взял с места галопом. Прохожие оглядывались на молодого джигита, скачущего на лихом коне, а те, что понимали толк в лошадях, одобрительно качали головами.

Поднявшись на холм, Азизхан посмотрел назад — оттуда все еще доносились восторженные голоса людей. Наклонившись, Азизхан нежно обнял коня за шею, погладил шелковую гриву. Он все никак не мог поверить в происшедшее. И чтобы убедиться в том, что это не сон, Азизхан ущипнул себя.

Потом с силой пришпорил коня, и его вороной как стрела помчался вперед — на безлюдных, тихих улочках только эхом отдавался топот его копыт.

Слегка захмелевший от кумыса, Азизхан словно летел на крыльях. Ветер развевал полы его халата, обвевал прохладой раскрасневшееся лицо. Сейчас в мире не существовало счастливее человека, чем он.

За гузаром Кошарык показался дом Арзихон-ая. Еще издали Азизхан заметил привязанную к дереву у калитки лошадь. Кто же приехал к ним? Может, зять Арзихон-ая. Азизхан не успел еще что-либо подумать, как из калитки выбежал какой-то мужчина, быстро отвязал лошадь и в спешке никак не мог попасть ногой в стремя. Наконец он кое-как вскочил на лошадь и захлестал ее так, что та встала на дыбы, а потом, подняв тучи пыли, скрылся

за поворотом. Азизхан, все еще ничего не понимая, подъехал к дому, спешился и вошел во двор. Из глубины двора слышался горестный плач тетушки Арзихон и ее причитания.

— Ой, доченька ты моя! Безвременно покинувшая нас, голубка моя!

Посреди двора лежала Лютфиниса. Побледневший Азизхан подбежал к ней и, взяв на руки, поднялся на айван. Лютфиниса еще дышала, глядя на Азизхана потускневшими глазами. Пытаясь что-то сказать, она беззвучно шевелила губами. Вдруг тело ее напряглось, Лютфиниса приподняла голову и тут же уронила ее набок.

Азизхан от отчаяния зарычал как лев:

— Кто? Кто этот негодяй?

Арзихон-ая, дрожа от волнения, не могла произнести и слова.

— Брат... брат ее приезжал. Оставила их одних. Пусть, думаю, брат с сестрой спокойно поговорят...

Азизхан уложил Лютфинису на одеяло. Арзихон-ая подложила ей под голову подушку. Азизхан решительно встал с места и стремительно направился на улицу. Одним махом вспрыгнул в седло и помчался вслед за всадником, скрывшимся за поворотом.

XIV

Как Акбарали ни старался, лошадь не слушалась его. Почувяв запах крови, она встревоженно шарахалась, то и дело вставала на дыбы, стараясь сбросить седока. Но крепко сидевший в седле Акбарали не давал воли лошади. Акбарали весь взмок, пока добрался до махалли Сай. Впереди показались ярко освещенные фонарями улицы городка. Со злости он резко рванул удила и почувствовал, как зачмокала слипшаяся на руках между пальцами кровь. Акбарали поднес ладонь к глазам: увидел и сам испугался, его всего передернуло — руки, одежда, тюбетейка на голове и та была вся в крови.

Ехать через город было опасно. Он поспешно свернул налево. Это была знакомая дорога на Харкоп. А дальше, в обход, он знал, она выведет его в Найман. Дорога тянулась мимо хлопковых полей. Кое-где еще в поле работали люди, хотя в темноте ничего нельзя было различить. Наверное, нет другой такой твари, как собака, которая бы так сильно чуюла запах крови. По пути его несколько раз с лаем преследовали собаки. От них лошадь шарахалась в сторону или начинала лягаться.

Акбарали немного успокоился, когда отъехал подальше от кишлаков. Поднявшаяся из-за холмов круглая, как медный поднос, луна высвечивала кроваво-красным светом его руки и одежду. Акбарали, ослабив поводья, чтобы лошадь почувствовала волю и успокоилась, огляделся по сторонам: нет ли воды, чтобы умыться, смыть с себя следы крови. Как назло, по пути не попадалось ни одного рыка. Убедившись, что за ним нет погони, он остановился,

сошел с лошади и, взяв ее под уздцы, зашагал вперед. Правда, он и сам не знал, куда держит путь. Шел Акбарали долго. Луна висела уже над самой головой. Только теперь осознал Акбарали весь ужас совершенного им поступка. С того самого дня, как Лютфиниса сбежала из дома, его не покидала мысль о запятнанной мужской чести. Он думал восстановить ее любым путем, пусть даже ценой смерти этой «бесстыдницы». Вот и добился своего! Но как он теперь будет смотреть людям в глаза? Ему придется расплачиваться за содеянное, горько расплачиваться. Акбарали остановился. Невольно руки его потянулись к шее лошади погладить гриву, но, учуяв запах крови, лошадь мотнула головой.

«Только бы ни о чем не думать! Забраться как можно дальше, чтобы никто не нашел! Спасись, как-нибудь спасись!» — пронеслось в голове. Одним махом Акбарали вскочил в седло и хлестнул коня. Лошадь рванулась вперед и ветром понеслась в поле. Акбарали закрыл глаза и слышал только равномерный конский топот. Очнулся, заслышав человеческие голоса. Впереди показалась ярко освещенная огнями дорога. Через Зеленый мост с грохотом проносился товарный состав. Акбарали замер как вкопанный. Это же Куйганяр! Как же он снова очутился здесь? Значит, сделав круг, он снова приехал туда, где пролил кровь своей сестры! Верно, видно, в народе говорят, что убийца обязательно возвращается на место совершенного преступления. Акбарали проворно развернул лошадь и поскакал обратно, но, как ни понукал ее, утомленная скачкой скотина едва передвигала ноги. Отъехав от Куйганяра на почтительное расстояние, Акбарали заметил скачущего навстречу всадника. Чтобы не выдать своего волнения, Акбарали взял себя в руки и успокоился. Всадник быстро приближался. Сзади, со стороны Зеленого моста, послышались выстрелы — в небо взлетели разноцветные ракеты — красные, зеленые огни ярко вспыхивали в небе и, падая, оставляли длинный белый шлейф дыма. При вспышке все вокруг озарялось ярким сиянием. Акбарали разглядел всадника. Это был Азизхан.

Акбарали с ожесточением стал хлестать лошадь, но та не двигалась с места. Азизхан приближался. Акбарали от бессилья вскипел злобой. Он согнулся и в голенище правого сапога нащупал нож. Выпачканный в крови, он слипся с чехлом, и Акбарали, зло выдернув его оттуда, отшвырнул чехол в сторону. Азизхан находился всего в нескольких шагах от него.

— Не подходи! Убью! Видишь? Жаждет твоей крови! — крикнул Акбарали, махая перед собой ножом.

Его лошадь, снова почуяв запах крови, шарахнулась в сторону. Акбарали не удержался в седле, тяжело грохнулся на землю и нехорошо выругался. Он сжался в комок, думая, что Азизхан затопчет его конем. Но Азизхан не спеша сошел с коня. Акбарали отполз в сторону, вскочил на ноги и пустился бежать через поле. Азизхан побежал следом, хорошо зная, куда выведет эта дорога. В те дни, когда он с Лютфинисой жил у Арзихон-ая,

они бегали через поле к реке и часами просиживали на берегу. Минут через пятнадцать Акбарали оказался у реки. Дальше бежать было некуда. Повернувшись к преследователю лицом, он, тяжело дыша, стал ожидать Азизхана.

— Не подходи! Убью! Если не надоело жить, не подходи!

Азизхан уверенно шел к нему навстречу. Акбарали с диким ревом бросился на него. Азизхан увернулся и Акбарали проскочил мимо. Азизхан ударом ноги свалил его на землю. Акбарали, корчась от боли, теперь лежал у его ног. Азизхан припер его к земле коленом в грудь. Глаза Акбарали в темноте сверкнули, как у кошки.

— Негодяй! Убийца! — гневно сказал Азизхан. — Как ты мог поднять руку на родную сестру! Мать завещала тебе беречь ее как зеницу ока! Нечестивец!

— Нет у меня сестры! Она проклята богом! — прохрипел Акбарали.

Руки Азизхана сильно сдавили шею Акбарали, но тут же расслабились. Схватив своего врага за ворот рубахи, он поднял его с земли.

— Нет, ты так легко не умрешь. Сначала ты посмотришь на то, что содеял... Вставай и иди за мной!

Акбарали продолжал сидеть на земле, опустив голову на колени. Азизхан с силой потянул его за рукав. Как тот ни упирался, но куда ему было противостоять Азизхану-палвану.

А над Зеленым мостом все взлетали ракеты, и их ярким сиянием было охвачено все небо.

Сделав несколько шагов, Акбарали вновь опустился на землю.

— Постой! — жалобно простонал он. — Послушай, парень! Не будь таким наивным. Лютфи была недостойна тебя. Могла ли девушка, поправшая честь брата, стать верной женой?! Я найду тебе таких девушек, невинных, целомудренных, которых даже мать родная не целовала. Давай лучше помиримся. Буду тебе настоящим братом. Такую свадьбу тебе сыграю. Лютфи получила по заслугам. Собаке собачья смерть. Хочешь, мы с тобой уедем в Кашгарию? Родственник у меня там живет. Племянничек. Зубным врачом работает. С твоею силой да способностями ты там в золоте купаться будешь. Давай уедем!

— Напрасно стараешься! Всех по своей мерке не меряй! Шкурник проклятый!

Азизхан сильным ударом свалил Акбарали. Акбарали поднялся на четвереньки и отполз в сторону, пытаясь убежать. Азизхан поймал его у самой кромки воды, ловко ухватил его за пояс и кинул через себя. Акбарали как мешок плюхнулся за его спиной, тут же вскочил на ноги и бросился в реку. Азизхан успел схватить его за ногу, но в руке остался только один сапог. Он отшвырнул его в сторону. При холодном сиянии луны волны, как льдинки, разбитые на мелкие кусочки, вспыхивали искорками и тут же гасли.

Акбарали поплыл к противоположному берегу. Обессилев после

тяжелой схватки с Азизханом, он с трудом шевелил руками. Быстрым течением его относило в сторону. Намокшая одежда тянула вниз, и он тяжело зашлепал по воде руками, стараясь удержаться на поверхности. Набежавшая волна накрыла его с головой.

Азизхан стоял и смотрел на волны. Потом резко повернулся и зашагал через поле. Выжженная солнцем сухая трава шуршала под ногами.

Луна скатилась к горизонту, и теневая сторона холмов казалась иссиня-черной. В безлюдном поле две лошади преспокойно щипали траву. Только теперь Азизхан почувствовал усталость: тело словно налилось свинцом и он с трудом волочил ноги. На трассе канала стояла мертвая тишина. Куйганяр спал, окутанный ночным безмолвием: погасли факелы, смолкли голоса людей, грохот работающих тракторов.

Со времени начала строительства канала Азизхан не мог припомнить такой тишины. Или он не замечал этого потому, что ему не приходилось бродить по кишлаку в столь поздний час?

Азизхан взял под уздцы своего коня и зашагал к дороге. Впереди показались огни Зеленого моста. Шел он с полчаса. Вот по мосту с грохотом промчался товарняк. Прожектор на паровозе светил ярким лучом, как ножом полосуя безлюдную степь.

Снова стало тихо. Тишина еще сильнее угнетала Азизхана, наводя чувство страха. Перед глазами стояла умирающая Лютфиниса, и слышался хрип тонущего Акбарали.

Азизхан еще толком не видал жизни, не знал, что такое смерть. А тут за одну ночь две смерти обрушились на его голову.

Азизхан шел, охваченный мрачными мыслями, в этой, казалось ему, беспросветной ночи. То Лютфиниса, глядя на него угасающими глазами, прощается с ним, то снова чудится сдавленный хрип Акбарали.

Азизхан сел верхом на коня. Скакун словно того и ждал — пустился вскачь, не ожидая понуканий хозяина. Конь, успевший отдохнуть и подкрепиться на поле, легко и играючи нес его вперед.

Когда Азизхан добрался до Кошарыка, рассвело. Вот уж за поворотом дом Арзихон-ая. Учащенно забились сердце. До его слуха донесся горестный плач женщины. Он узнал голос Арзихон-ая. Грудь сдавило от боли. Азизхан умерил бег иноходца. Подъехав к калитке, он неторопливо спешился, набросил уздечку на седло и вошел во двор с понурой головой. Тело Лютфинисы, покрытое белым саваном, лежало посреди айвана. Азизхан еле сдерживал себя, чтобы не разрыдаться: словно горячим пламенем обожгло ему грудь. Как ни силился крепиться Азизхан, не удержался, со стоном бросился на тело Лютфинисы. Кто-то пытался поднять его, но тетушка Арзихон сказала:

— Оставьте. Они ведь были как Лейли и Меджнун. Пусть выплачется. Пусть свои неисполненные надежды и желания выплачет.

На похороны из кишлака приехали земляки во главе с Раимберди. У калитки их встречал Азизхан, одетый в черный халат. Поздоровавшись с ним, они отошли в сторонку.

На Азизхана было жалко смотреть: кресткий, полный сил и энергии парень весь как-то обмяк и согнулся.

На скольких поминках и панихидах побывал Раимберди-тогда с тех пор, как руководит колхозом, он и не припомнит, и всегда находит доброе нужное слово, чтобы подбодрить людей. А сейчас он не мог сказать и двух слов, чтобы утешить Азизхана. Да и что он скажет? Чем помогут его слова бедному парню? Тогда положил руку на плечо Азизхану и только сказал: «Что поделаешь, сынок? Назад ее не воротишь. Крепись».

Стоявший во дворе гроб был покрыт атласным отрезом. Тем самым отрезом, которым Лютфиниса была впервые в жизни премирована за хорошую работу. Тиллабаев, набрасывая ей на плечи подарок, сказал тогда: «В счастливые и радостные дни носи, доченька. На свадьбах и праздниках!»

В ичкари, женской половине дома, девушки и женщины, прибывшие из Зирилламы, стояли притихшие и словно провинившиеся перед Лютфинисой. Мать Азизхана сидела на краю айвана, уставившись в одну точку. Озорная толстушка, которая нигде, ни в шалаше, ни на работе, не давала покоя Лютфинисе, беззвучно плакала в углу, зажав рот платком.

Из Куйганяра все шли и шли толпы людей. Работавшие на трассе направлялись сюда проститься с Лютфинисой.

В воздухе стояла духота. Крыши и стены домов так накалились, что от них несло жаром, как от печки.

Вся улица перед домом была занужжена пародом. Люди переговаривались шепотом, кивая на стоявшего у калитки Азизхана, сочувственно качали головами. Тишину нарушали только плач и причитания женщин, доносившиеся из глубины двора.

Только вчера все с восхищением и доброй завистью глядели на Азизхана, награжденного за трудовые подвиги Почетным знаком, а сегодня эти же люди с сочувствием смотрели на парня, согнутого большим горем.

Гроб подняли на плечи.

Траурная процессия, пройдя по мосту через Карадарью, направилась на кладбище. Трудившиеся на трассе люди прекращали свою работу, выходили на дорогу, чтобы проводить в последний путь Лютфинису. Землекопы и носильщики, рабочие и трактористы подходили к носилкам и несли на плечах гроб, сменяя друг друга. Пронеся немного, они уступали место другим. Сотни людей сменились в траурной вахте.

Когда гроб опустили в могилу и насыпали небольшой холмик, Азизхан с каким-то надсадным криком бросился на могилу и зарыдал. Раимберди-тогда поднял его с земли:

— Довольно, сынок! Возьми себя в руки. Будь мужчиной!

Азизхан тряс головой и, вырвавшись из его рук, снова бросился на землю. Умматали вовсе был растерян. Он следовал по пятам за сыном как тень, но ни слова не говорил, а только смотрел на него печальными глазами.

Выйдя за ворота кладбища, Раимберди подозвал Икрамджана.

— Сам видишь, друг, какие дела. Не хочется мне оставлять Азизхана одного. Ты с Туляном побудь рядом с ним. Поработаете, пока закончится строительство. Ты же знаешь, на днях начнем уборку хлопка. Народу в колхозе не хватает. Наши парни все на трассе помогают найманцам. Если Азизхана сейчас бросим одного, в кишлаке нас все осудят. Побудете с ним, успокоите. А то горе съест его. Хорошо? За семьи не беспокойтесь. Я с Ишаном-ага поговорил, он вас переведет в бригаду Джуры-палвана.

Икрамджан согласно кивнул.

Раимберди попрощался с Азизханом, и все сели в автобус. Умматали остался с сыном.

Не стало в этом мире одного человека. Но жизнь, как и прежде, продолжает свой бег. Сегодня так же, как и вчера, светит солнце. По-прежнему с шумом катит свои волны Карадарья.

Но похоронивший вместе с Лютфинисой свою первую любовь Азизхан стал совсем другим человеком. Жизнь казалась ему теперь мрачной и потерявшей всякий смысл. Солнце, как тусклое маслянистое пятно на бумаге, светило сверху, а скошенные желтые поля казались ему холодными и мертвенно-бледными.

Часть третья

I

Азизхана после смерти Лютфинисы словно подменили. Он стал неразговорчивым, нелюдимым. Утром, взяв свой мешок, уходил на трассу; вечером, возвратившись с работы, ни с кем не общаясь, заходил в палатку и не появлялся до следующего утра. Икрамджан, понимавший, что происходит с парнем, не приставал к нему с расспросами. Тенгдик садился у входа, брал в руки комуз и играл грустные мелодии. Икрамджан и Тулян молча слушали, погруженные каждый в свои мысли.

На душе у Икрамджана было беспокойно. Он очень тревожился за жену, которая осталась дома. Джаннат была на сносях, и оставаться ей одной было опасно. Уехать? Но ведь Тога попросил его задержаться. А как там Турсунбай? Не мучает ли он мать? Помогает ли ей по хозяйству?

У сломленного горем Азизхана пропала охота трудиться. На стройке в передовиках теперь числились Дунан Дусматов и Таджимурат Хидыров. Газеты ежедневно освещали ход соревнования

между этими двумя палванами, порой, правда, упоминая и имя Эша.

Стахановское движение рождало на стройке новых героев. Передовики сменяли один другого. Только Дунав Дусматов не давал никому обойти себя, продолжая работать в высоком темпе.

Икрамджан, не зная, как утешить Азизхана, старался отвлечь его чем-нибудь. Но, понимая, что ослабевшему Азизхану в таком состоянии не под силу сразу восстановить былую форму, он решил сам, засучив рукава, помогать ему в работе. Икрамджан вызвал Тулянбая из палатки, и они долго обсуждали, как им быть.

— Послушай, Тулян, так мы можем быстро растерять былую славу зирилляминцев. Азизхан, сам видишь, сейчас не в форме. Мы с тобой ни на что не способны, кроме как поддержать его боевой дух.

Тулянбай задумчиво почесал затылок, потом, откашлявшись, взглянул на Икрамджана.

— Когда мы приехали в Лугумбек, все, указывая на нас, говорили: вон земляки Азиза-палвана на подмогу к нему прибыли, теперь никто не обойдет его. А что на самом деле выходит?

Икрамджан молча кивнул.

— Нам ли ронять теперь авторитет нашего кишлака. До конца строительства остались считанные дни. Давай с тобой потрудимся, как раньше, бывало, работали.

— Тогда в первую очередь мы должны обойти Эша-палвана. Я согласен!

— Тогда по рукам!

Когда они возвратились в палатку, Тенгдик все еще брэнчал на комузе, напевая какую-то песню об орлах, парящих выше горных вершин, о быстрых горных реках, о бескрайних степях, где вольно пасутся стада.

Икрамджан заглянул в палатку — Азизхан лежал на кровати, подложив под голову руки и уставившись в потолок. Икрамджан осторожно присел на край постели.

— Послушай, палван. Так больше нельзя. Я понимаю, что нет ничего горше, чем потерять близкого человека. Смерть не щадит никого. Наступит день, и мы с тобой уйдем в иной мир. Один раньше, другой позже. Никто на этом свете вечно не живет. Но эту, отпущенную тебе жизнь надо прожить отдавая всего себя работе на пользу людям. Лютифиниса мечтала о том, чтобы по этому каналу пошла вода. Как она радовалась твоим успехам, тому, что ты идешь в ряду передовиков, радовалась твоей славе. И разве время сейчас лежать и набухать, как упавшая в воду булка? Если ты хочешь, чтобы радовалась ее душа, надо трудиться в поте лица, с удесятеренной энергией.

Азизхан молчал. Икрамджан видел, как задрожали у него веки и он часто заморгал, стараясь не выдать волнения. Икрамджан почувствовал, что попал в цель. И продолжал:

— А Эш-палван смеется над тобой. Мол, телок до кормушки бе-

гает. Зирилляминцы сразу забились в нору. Теперь не скоро они оттуда вылезут.

Азизхан вскочил с кровати:

— Кто забился в нору? Я? Нет, мне этого выскочку придется еще разок проучить. Решил воспользоваться свалившимся на меня горем? Зря старается. Азизхан еще покажет себя.

Возбужденный Азизхан заходил по палатке из угла в угол и, поддав ногой лежавшее у входа пустое ведро, выскочил на улицу.

Икрамджан не ожидал такого поворота. Видно, самолюбие парня больно ранили слова Эша-палвана. Икрамджан выбежал следом. Азизхан быстро направлялся к котловану.

— Что ты ему сказал? — спросил удивленный Тулянбай.

Икрамджан махнул рукой, подожди, мол. Тенгдик, не обращая ни на кого внимания, продолжал наслаждаться игрой, закрыв глаза, раскачиваясь из стороны в сторону и что-то мыча себе под нос.

— Да не бренчи ты! — раздраженно прикрикнул на него Тулянбай. — Так что случилось?

— Ничего особенного. Все в порядке... — ответил Икрамджан, глядя вслед удаляющемуся Азизхану.

Там, где проходила трасса канала, сияло небо — это горели сотни факелов, освещающих работу ночной смены. Слышались голоса перекликавшихся людей. Рабочие дневной смены, обожженные за день палящими лучами солнца, отдыхали в чайханах. В каждой чайхане были свои артисты и музыканты. И там каждый вечер для строителей устраивались вечера отдыха, где выступали певцы, танцоры и музыканты.

Бейшенали принес большую кастрюлю с лагманом. Застелили стол скатертью, принесли ужин. Ожидая Азизхана, никто не притрагивался к еде. Но Азизхан не появлялся. Тогда, отложив его долю в касу, они принялись за лагман, похваливая искусного повара.

Как договорились, Икрамджан с Тулянбаем с утра решили выходить на работу вместе с Азизханом. Спать легли пораньше. Тулянбай, любящий повеселиться, хотел сходить на концерт, но Икрамджан сердито прикрикнул:

— Какой тебе концерт?! Ложись спать. Завтра чуть свет вставать.

Тулянбай, ложась в постель, проворчал:

— Слышь, как Тамара Ханум заливается. Ну прямо как соловей. Вот это женщина!..

Икрамджан молча натянул на голову простыню. Он закрыл глаза, но сон к нему не шел. Его мысли снова унеслись в родной кишлак.

«Как там сейчас мой Турсунбай? Перед отъездом сюда так и не удалось забежать домой. Что там с Джаннат? Лишь бы ей благополучно разрешиться. Мне бы еще одного крепыша подарила, а Турсунбаю младшего брата. Лишь бы все хорошо обошлось!» — думал он.

Участок Лугумбек не знал покоя ни днем ни ночью — то и дело

раздавались гулкие удары ломов о землю, стук кетменей, ни на минуту не смолкали голоса людей.

Икрамджан спал беспокойно, то просыпаясь от храпа Тулянбая, то снова засыпая.

Он проснулся от какого-то странного шума и прислушался. Азизхан, стоя посреди палатки, в темноте доедал холодный ужин.

Икрамджан, завернувшись в простыню, сел на кровати.

— Где ты бродишь по ночам, глупец? Который час?

— Скоро светает, дядя.

— Так где ж ты бродишь, я тебя спрашиваю?

Азизхан, прежде чем ответить, прожевал лагман:

— Был на трассе. Эша-палвана самого зачихал в нору!

Икрамджан понял это буквально, даже привстал с койки.

— Ты избил его? Вот негодник, а!

В темноте послышалось фыркание Азизхана.

— Зачем же? Копал землю и таскал на насыпь. Двадцать четыре кубометра перетаскал наверх. Табельщики уже подсчитали.

Икрамджан подошел к Азизхану и обнял его:

— Вот молодец!.. Вот герой!..

Азизхан засыпал прямо стоя. Икрамджан зажег керосиновый фонарь и приготовил ему постель. Азизхан не раздеваясь плюхнулся на лежанку и сразу же заснул крепким сном. Икрамджан накрыл его чапаном, загасил фонарь и вышел из палатки.

Горизонт постепенно светлел. На небе гасли звезды, словно прохладный утренний ветерок сдувал их с небосвода. Луна опустилась на вершины гор. Затих шум голосов на трассе. Закончившие работу строители давно уже спали в своих палатках и шалашах. И только не выполнившие нормы землекопы в ночной прохладе докапывали последние кубометры.

Икрамджан теперь был спокоен за Азизхана. Слова Эша пробудили в нем дремавшее самолюбие, и он с ожесточением взялся за работу. За один только вечер накопал и перетаскал двадцать четыре кубометра земли. Это под силу не каждому палвану. Азизхан силен как лев. Бог даст, он снова выйдет в передовики. Молодой еще.

II

Икрамджан, Тулянбай и Бейшенали с трудом взвалили на спину Азизхану тяжелый мешок с землей, Икрамджан сказал:

— Кончай работу, ребята!

— Еще две ходки, и закончим. Тогда на два куба больше вчерашней выработки будет у меня, — не оборачиваясь ответил Азизхан.

Икрамджан не стал возражать, так как знал, что спорить с палваном бесполезно — все равно будет стоять на своем. Ни слова не говоря, начал наполнять другой мешок. Бейшенали проворно сыпал в канар, который держал Тулянбай, высохшую землю, которая, оседая на дно мешка, поднимала тучу пыли. Тулянбай чихал и кашлял.

— Наглотаюсь земли — из меня самого можно будет кирпичи лепить.

Икрамджан ответил шуткой:

— А я все думал, что это от тебя болотной тиной с утра несет! А ты, оказывается, вчера глины наглотался.

Многие, закончив работу, ушли обедать. На участке оставалась только бригада Азизхана. Мокрый от пота Тулянбай чуть не плакал.

— На черта мне нужен твой рекорд. Ты что, меня угробить хочешь? Тебе надо, ты и работай. Зачем же мне мучиться!

Швырнув мешок в сторону и вытерев грязное лицо рукой, Тулянбай стал подниматься по лестнице наверх.

— Тулян-ака, дорогой! Этот последний. Отнесу мешок, и пойдем обедать.

Тулянбай даже не обернулся. Махнув рукой, исчез за свежена-сыпанным холмом.

— Ладно, не переживай, — сказал Икрамджан. — Тулян устал. Нос бедняге пылью запылило — дышать не может. Ходит — сопит. Мы тебе сами поможем.

Когда Азизхан с мешком поднялся наверх, Тулянбай, надутый и обиженный, сидел на земле. Подошел Икрамджан и, подняв его за руку, обнял за плечи:

— Пойдем. Обижаешься, как мальчишка. Знаю, устал. На Азизхана не злись.

Тулянбай, чувствуя свою вину, шел за ним опустив голову. У Икрамджана, который радовался за Азиза-палвана, с утра было хорошее настроение. Он смеялся, шутил с друзьями.

— Вот сумасшедший, — улыбнулся Икрамджан. — Смотри, будешь в Зирилляме, не вздумай так сопеть и мурлыкать, а то жена подумает, что кот забрался в дом, и запустит в тебя скалкой.

Тулянбай снова засопел и, тяжело вздохнув, поднял глаза, не зная, то ли смеяться, то ли промолчать в ответ на шутку.

А Икрамджана нельзя было остановить.

— Завтра, Тулян, мы тебя на солнышко не пустим. Вся пыль, что ты наглотался, засохнет еще в кишках, ты и сгибаться не сможешь.

— Не переживайте, Икрам-ака, — сказал Азизхан. — Мы не дадим Тулянбаю-ака высохнуть. Каждые полчаса будем обливаться водой.

На реке никого не было. Закончившие раньше их работу строители давно умылись и обедали в чайханах. Тулянбай не раздеваясь прыгнул в реку. Вода там, откуда он вынырнул, стала желто-грязной.

— Да ты не меньше кубометра земли притащил на себе, Тулян. Смотри, как вода замутилась!

Отмывшийся от грязи Тулянбай чуть повеселел и выглядел теперь прежним добродушным парнем. Икрамджан, подмигнув ему, раздевшись, осторожно спустился в воду. Подбежал Тенгдик, который ушел с работы чуть раньше их.

— Вам письмо, агай! — крикнул он Икрамджану и, достав из-за пазухи свернутый листок бумаги, помахал им в воздухе.

Икрамджан поспешно умылся, вылез из воды и, вытеревшись поясным платком, взял из рук Тенгдика письмо.

«Икрам, возвращайся в Зирилляму. Джаннат отвезли в роддом. Уматали».

Икрамджан задумчиво сморщил лоб. По его подсчетам, до родов еще оставалось время. А может...

Восьмерых родила Джаннат, и только один из них выжил. Двое родились мертвыми. Пятеро умерли, не доживая до года — полтора лет от разных болезней. И рос у них один-единственный сын Турсунбай, которого они берегли и лелеяли как зеницу ока. Что же могло случиться? Лишь бы все было благополучно. Лишь бы сама Джаннат была жива-здорова.

До Зириллямы путь не близкий. Туда ни поездом, ни автобусом не добраться. Что делать? Может, удастся доехать на попутной машине? Подошел Азизхан, взял из рук задумавшегося Икрамджана письмо, пробежал глазами.

— Послушайте, Икрамджан-ака. Вам надо спешить. Дойдете до Кошарыка, а там, у Арзихон-ая, моя лошадь. Возьмите ее и немедленно скачите в кишлак. Коня можете оставить отцу.

Икрамджан повеселел, обнял Азизхана. Как это ему сразу в голову не пришло?

— Спасибо, сынок. Вот твой конь и мне пригодился. Ну, я тогда пошел, — он быстро направился к палатке.

...До Зириллямы Икрамджан добрался засветло. Кишлак жил своей обычной жизнью, своими повседневными заботами. Все от мала до велика были в поле. Молодежь трудилась на трассе канала в Наймане. Женщины собирали хлопок, ребятя пасла коров и овец. Пустовали, обычно оживленные в любое время года, чайханы.

Повернув на свою улицу, Икрамджан заметил одинокую супу Расула-бува, и сердце защемило. Расул-бува по утрам завтракал в тени деревьев на этой супе, а когда солнце начинало припекать, уходил на часок-другой к себе домой подремать. Площадка вокруг супы была всегда чисто подметена, заботливо ухожен цветник. Старуху после смерти мужа увез в другой кишлак средний сын. На калитке висел замок, а супа и земля вокруг нее заброшены, усыпаны опавшими листьями.

Икрамджан, мрачный, держа за уздечку коня, медленным шагом прошел мимо заброшенного дома. Улица, обычно шумная и оживленная, словно вымерла. А вот и его дом. Калитка распахнута настежь, и оттуда доносится непонятный стук. Потянув за уздечку, он пригнул голову коня, чтобы тот не ударился о притолоку, и они вошли во двор. Набросив поводья на седло, Икрамджан оставил коня у калитки. Возле кухни спиной к нему сидел Турсунбай и, сопя, накачивал шину перевернутого вверх колесами велосипеда.

— Турсун! — позвал он сына.

Турсунбай оглянулся, но дела своего не бросил. Икрамджан думал, что соскучившийся Турсунбай подбежит и крепко обнимет отца, но, почувствовав, что такого намерения у сына нет, сам подошел к нему. «Да ладно. — подумал он. — Характер у него такой...»

— Что ты делаешь?

— Камеру заклеил... Велосипед ремонтирую.

— Как себя мама чувствует?

— Хорошо, — ответил Турсунбай, не отвлекаясь от занятия.

Икрамджан посмотрел по сторонам. Двор, вероятно, уже несколько дней не подметался: кругом разбросан мусор, и весь он был какой-то неуютный. Икрамджан вошел в дом. Постель Джаннат не убрана. Немытая посуда с остатками еды лежит на хонтахте¹. Икрамджан снова вышел во двор. У забора возле казана, не прикрытого крышечкой, хлопают крыльями горлинки, склевывая со дна остатки засохшей пищи.

— Когда маму забрали в больницу?

— Дней пять или шесть назад.

— А что же ты ел все это время?

Закончив накачивать колесо, сын встал, отряхнул пыль со штанов и, переступив через арык, стал мыть грязные руки.

— Дядя Умматали приносит еду.

Икрамджан немного успокоился.

— Раз маму так давно взяли в больницу, почему мне сразу не сообщил, негодник?

— Дел у меня много, — не глядя на отца, ответил Турсунбай.

— Да что же это за дела такие у тебя? По улицам пылить, что ли?

Турсунбай промолчал.

— Иди вымой казан. Приготовим что-нибудь горячее и снесем маме! — сердито бросил ему Икрамджан.

— Сегодня она сама приедет.

У Икрамджана екнуло сердце.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего. Братика дядя Умматали с соседями похоронили.

Икрамджана словно по голове ударили. Он закачался и, чтобы не упасть, схватился за столбик, подпиравший айван. Что за вздор несет этот негодный мальчишка? Что он болтает? Неужели опять ребенок родился мертвым? Икрамджан, не в силах сдержать себя, закричал на сына:

— Да объясни ты толком, что случилось?

Турсунбай, заикаясь от испуга, что отец так рассердился, стал что-то рассказывать, но Икрамджан, не слушая его, выбежал на улицу. Постучался в калитку к Умматали. Дверь отворил сам хозяин — он был в одном сапоге, а другой держал в руках.

— Ие, ие, приехал?! Слава богу! А я волновался! Ты проходи,

¹ Х о н т а х т а — низкий стол.

проходи в дом! Прибивал к каблуку набойку. Извини, что так... Как там мой Азизхан? Такое вот случилось. Слышал уже, наверное.

Икрамджан, как оглушенный, не двигался с места. Только спросил: «Как все случилось?»

— Жена твоя попросила Турсуна принести с чердака немного неочищенного риса и натолочь в ступе. Турсун отказался. Вот Джаннат сама и поднялась по лестнице на чердак, и как спустилась с таким тяжелым мешком — ума не приложу. Потом в ступе рис толкла. Ну к вечеру у нее и начались схватки. Жена мне об этом сказала. Я мигом запряг арбу и отвез ее в больницу. Утром узнали — преждевременно родила. Я и еще соседи помогли, сходили и похоронили ребенка на кладбище. А что сам-то ты так припоздал? Отвезя Джаннат в больницу, я тут же передал Турсуну письмо, велел переслать тебе.

— Только вчера вечером получил твою записку. И сразу же сюда. Азизхан твой мне здорово помог. Одолжил своего коня.

Оба помолчали. Икрамджан очень переживал случившееся. Пальцы его нервно сжались в кулак. Не сказав больше ни слова соседу, он ушел.

У калитки Турсунбай, опершись на велосипед, закалывал булавкой штанину.

— Я поеду покатаюсь.

— Постой! — сказал Икрамджан. — Дядя Умматали передал тебе письмо, почему ты его мне сразу не отослал?

— У меня были дела.

— Дубина! Мать в таком состоянии, а он... — Икрамджан с трудом сдержал себя, чтобы не ударить сына. — Убирайся! Прочь с моих глаз!

Турсунбай, не понимая, чем провинился, пожав плечами, сел на велосипед и покатил по улице.

Икрамджан вошел в дом. Снял сапоги, повесил халат на веточку айвы и принялся подметать двор. Выгреб оставшуюся в очаге золу, вымыл дочиста казан и развел под ним огонь. Потом прибрался в доме. Полил двор и вычистил арык, пустил воду на клумбу, где росли райхон и цветы.

Двор словно заново ожил. Икрамджан пошарил на кухне — мяса не было. Сходив на приусадебный участок, поймал одну из кур, зарезал ее и, ободрав перья и пух, опалив на огне, бросил в казан вариться. Напоил водой корову с теленком. Накосил для них свежей травы. Закончив уборку, он взял за поводья коня, вывел на улицу, повесил на калитку замок и, по дороге передав коня Умматали, направился прямо в больницу.

Джаннат сидела на крыльчке с узелком в руке и с тоской смотрела на дорогу, словно давно ожидая его. Увидев мужа, она очень обрадовалась. Выглядела она бледной и худой, глаза и щеки ввалились.

Икрамджан не стал задавать ей лишних вопросов. Лишь поинте-

ресовался ее здоровьем и сказал, что только вчера узнал о случившемся и тут же прибыл в Зирилляму.

— Как сынок? Вы его видели? Как он там без меня, без горячей пищи, бедняжка, небось исхудал...

— Ты за него не волнуйся. Его сам черт не одолеет. Умматали носил ему еду...

Икрамджан взял из рук жены узелок, и они отправились домой. На шоссе он несколько раз голосовал проезжавшим машинам, но ни одна не остановилась. Как он не догадался зайти к Раимберди-тоге и попросить у него «эмку», чтобы забрать Джаннат из больницы. В крайнем случае Тога дал бы телегу.

К счастью, мимо проезжала арба, груженная несколькими вязанками клевера. Арбакеш согласился подвезти. Икрамджан посадил Джаннат на арбу, а сам пошел рядом.

Дорога, по которой они ехали, вела в Найман, туда, где проходила трасса канала и находился один из главных участков строительства. Без конца сновали машины, арбы, конные и пешие. Арбакеш, чтобы не растрясло Джаннат, ехал не спеша. Глядя на бледную исхудавшую жену, Икрамджан очень переживал за нее.

Джаннат по выражению лица мужа поняла: что-то произошло между отцом и сыном. Что же такое стряслось? Ведь ее Турсунбай еще мальчишка. Что его упрекать? Что на него обижаться? По-взрослеет — поумнеет. Так уж дети устроены. Даже не заметишь, как вырастет и станет настоящим джигитом.

Арба остановилась возле калитки. Поблагодарив арбакеша, Икрамджан помог жене слезть с арбы и отпер запертую на замок дверь. Джаннат была уверена, что дома царит беспорядок. Разве мужское дело заниматься уборкой? Увидев чисто подметенный двор, убранный дом, вымытую посуду, она с укоризной посмотрела на мужа:

— Зря вы обижаетесь на сына, отец дорогой. Видите, как он чисто прибрался в доме, какой порядок навел. Ведь его никто не просил об этом. Он передо мной да вами капризничает, а стоит его одного оставить в доме, видите, как все убрал.

Икрамджан решил не омрачать радость жены. Джаннат присела на айване, а он, не раздеваясь, сходил на приусадебный участок, надергал там моркови и, вымыв ее в арыке, стал чистить, устроившись на супе.

— Немного куриного бульона приготовил. Сейчас только огонь разведу в очаге.

Положив очищенную морковь в казан, он нарвал райхона, мяты и мелко порубил на доске.

Что бы сейчас ни делал, он старался ради жены, сломленной горем. А Джаннат жалела мужа и, чувствуя себя виноватой перед ним, сидела притихшая. Вот уже в который раз, пообещав мужу сына, она приносит в дом траур. И так каждый раз, похоронив очередного ребенка, они старались чем-то утешить друг друга, скрывая один от другого слезы, переживая тайком. Вот и сейчас их души го-

рели в огне этого пламени, и еще нежнее и жалостливее друг к другу становились Икрамджан и Джаннат.

Икрамджан, взяв касу в руку, направился к казану, Джаннат оставила его:

— Не надо, отец, отдохните! Я сама налью. Посидите, отдохните с дороги. Я уже лучше себя чувствую.

Икрамджан с касой в руке так и остался стоять посреди двора.

— Сыночку в касе надо оставить, отец дорогой!

— Хватит, всем хватит, золотце. Неужели ты думаешь, я забыл твоего любимца.

Джаннат, осторожно ступая, спустилась с террасы и подошла к мужу. С улицы послышался конский топот, стукнула калитка, и во двор вошел мокрый Умматали.

— Входи, входи, Умматали. Любит тебя твоя теща. Прямо к ужину подоспел.

Умывшись в арыке, Умматали развязал поясной платок и, тщательно вытерев руки и лицо, подошел к супе.

— Понимаешь, коня на реку водил купать. Скакун, видно, давно воды не видел, не хочет из реки вылезать.

Джаннат принесла по касе шурпы и пригласила мужчин к дастархану. Как хорошо, что Умматали заглянул к ним. Добрый и сердечный человек их сосед. Поговоришь с ним, и на душе становится легче. Вот и сейчас Умматали о чем-то оживленно рассказывал Икрамджану.

Поставив перед мужчинами еду, Джаннат присела с краю и, предположив, что Умматали купил коня, сказала:

— Поздравляю с покупкой! Сколько же вы за него отдали?

Умматали с Икрамджаном многозначительно переглянулись.

— Откуда у меня могут быть такие деньги, сестричка? Это Азизхану Усман-ота подарил. Хорош, красавец, правда? Перед народом, в присутствии больших людей подарил ему коня за хорошую работу.

Джаннат с укором посмотрела на мужа:

— Что я вам говорила! Мальчишки все такие — пошалят, позорничают, и не заметишь, как мужчинами становятся, взрослеют. Вы же помните, каким озорником был Азизхан. А теперь его имя у всех на устах, да и в газетах о нем каждый день пишут. Дай бог и моему Турсунбаю такое счастье.

— Да, — сказал Умматали. — Вы уж очень избаловали своего.

— Один он у нас, единственный, дорогой Умматали-ака.

— Послушай, сестричка! В тот день, когда я отвез тебя в больницу, я дал Турсунбаю записку, чтобы он немедля переправил ее отцу. Так он только на четвертый день вспомнил о ней.

Отец сидел понурив голову и перебирал кисти у скатерти. Все замолчали. Умматали продолжал:

— Икрам, не тот лекарь, кто лечит, а тот, кто сам переболел. Пора вам сына приструнить. Если сейчас этого не сделать, потом вам

же самым худо будет. Я чужой человек, но предупредить вас — мой долг. Все-таки как родные мы стали.

Доев шурпу, Уматали молитвенно провел ладонями по лицу, поблагодарил хозяев и встал:

— Ну, я пойду.

Прощавшись, он вышел на улицу, и спустя некоторое время послышался удаляющийся топот его коня.

Муж с женой сидели молча, не поднимая друг на друга взгляда. Никто не хотел заговаривать первым. Наконец тягостную тишину прервала Джаннат:

— Учить, как воспитывать чужого ребенка, легко. Вы разве забыли проделки его Азизхана? Все в кишлаке от него плакали...

Икрамджан промолчал.

III

На следующий день во время обеденного перерыва во всех чай-ханах, столовых и красных уголках агитаторы читали лекции о международном положении.

Шла осень тысяча девятьсот тридцать девятого года. СССР и Германия подписали договор о ненападении. С немецкой стороны договор подписал прибывший в Москву министр иностранных дел фон Риббентроп. 24 августа он отбыл из Москвы. Среди провожавших на аэродроме находились чрезвычайный и полномочный посол Германии в СССР граф фон дер Шуленбург и посол Италии в СССР господин Рассо.

Первого сентября в Берлине состоялось заседание рейхстага. Выступивший на заседании Гитлер объявил о ратификации советско-германского договора о ненападении.

Четвертого сентября Гитлер принял вновь назначенного советского посла в Германии Шкварцева и военного атташе Пуркаева и имел с ними беседу по интересующим обе стороны вопросам.

Выходящая в Анкаре газета «Вакт» сообщала, что подписание советско-германского договора обеспечивает Турции спокойствие на приграничных с СССР районах. Политический обозреватель американской «Нью-Йорк геральд трибюн» характеризует этот акт как залог мира и спокойствия в Европе. Официальный орган министерства иностранных дел Германии «Дойче дипломатише политише корреспондентс» пишет, что этот договор с большим удовлетворением воспринят немецким народом.

Но это спокойствие было относительным. Где-то на земле еще рвались бомбы, лилась кровь тысяч ни в чем не повинных людей. В восточных провинциях Китая народ давал отпор японским интервентам. Шли бои на германо-польской границе.

Советский народ был занят мирным созидательным трудом. В Донбассе Алексей Стаханов, устанавливая рекорд за рекордом, призывал к новым трудовым подвигам. Страна отмечала четвертую годовщину стахановского движения. Летчики гражданской авиа-

ции Шебанов, Матвеев и Байкулов на самолете «Сталь-7» установили мировой рекорд дальности полета, пролетев расстояние в пять тысяч шестьдесят восемь километров за двенадцать часов тридцать минут. В газетах был опубликован Указ народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова об увольнении в запас солдат, отслуживших действительный срок службы.

В Узбекистане стояла щедрая осень. На бахчах созрели арбузы и дыни, виноградные лозы сгибались до земли от тяжести кистей, наливался янтарным соком инжир. На всем протяжении трассы канала, от Канибадама до Учкурмана, не покладая рук трудился узбекский народ, сражаясь за большую воду.

И никому не приходило в голову, что где-то на земле полыхает огонь войны, уничтожая все живое; где-то отливаются снаряды для пушек. Советский народ проливал пот в сражении с засухой в надежде напоить водой безводные степи.

Азизхан трудился на стройке с удвоенной энергией — за себя и за Лютфинису, которая мечтала увидеть обновленным этот степной край.

Еще месяц назад вечерами, когда все вокруг погружалось в тишину и круглая луна взбиралась на вершину горы, оба они тихо сидели на дамбе, любясь Шушканскими горами. Как воздушный шар, вылетевший из ребячьих рук, луна медленно плыла над ними. Ее серебристый свет, проникая сквозь густую крону карагачей, словно высвечивал деревья изнутри. И Лютфиниса и Азизхан, каждый думал о своем. И думал не о далеком будущем, а о реальном завтрашнем дне. Застывшая в небе луна будто собралась передохнуть. Слышались приглушенные взрывы — где-то на строительстве канала прокладывали новую трассу. Гулкие удары эхом отдавались в тишине и долго не смолкали, перекатываясь по холмам.

— О чем ты думаешь? — спросил Азизхан, придвигаясь к Лютфинисе.

При лунном свете ее лицо и глаза как-то по-особому светились.

— А ты о чем? — ответила она вопросом на вопрос.

— Я... я сражался с Эшем-палваном, — сказал он первое, что пришло на ум.

Лютфиниса была уверена, что Азизхан, так же как и она, думает об их будущем, но, услышав такой ответ, обиженно махнула рукой.

— Нет, нет, постой! Выслушай меня до конца. Я, конечно, мечтал о другом. Будто прошел месяц со дня нашей свадьбы и мы стоим с тобой на вершине холма и решаем, где построить наш дом. Ты говоришь: «Вот здесь поставим наш домик с террасой», — он взял кусок сухой глины и бросил в нескольких шагах от себя. — Чуть подальше выложим тандыр. И ты будешь печь лепешки. Я уже чувствую, какие они вкусные, горячие и ароматные.

Лютфиниса громко рассмеялась...

С того дня, как похоронили Лютфинису, прошло немало времени, но Азизхан ни на миг не переставал думать и вспоминать о ней. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, Лютфиниса всегда перед его глазами: то улыбочивая и веселая, то грустная и сердитая, то ему слышится ее звонкий смех.

Пока Икрамджан был рядом, он своими разговорами отвлекал Азизхана от мрачных мыслей. А с тех пор как Икрамджан уехал в Зирилляму, Азизхан снова оказался во власти воспоминаний. И так было до его возвращения. Тулянбай хоть и любил поговорить, но ему сейчас было не до Азизхана. Придет с работы, поужинает, переоденется и уходит на концерт или на состязание острословов. Возвращаясь далеко за полночь, долго гроыхает, мешая спать остальным, пока не уляжется. Только заведи с ним разговор, часами может рассказывать о том, как кокандские острословы победили маргиланских. Утром как ни в чем не бывало встает вместе со всеми и идет на работу. Вот и сейчас, в обеденный перерыв, Тулянбай ушел поглядеть на съемки какого-то фильма.

Обед кончился, и все стали собираться на свои рабочие места. Азизхан, выпив целый чайник холодного зеленого чая, тоже собрался на участок. Икрамджан переодевался в палатке. Азизхан обратил внимание, что дядя Икрам после возвращения из Зириллямы стал задумчивым, молчаливым, но спросить у него, что случилось, не решался. Дядя Икрам человек не скрытный, придет час, и сам поведаст, что с ним стряслось.

— Отец с матерью передавали привет. Вот подарков да гостинцев тебе прислали — белье, новые сапоги. А вон в том узле — самса, мать напекла!

Достав из узла новые сапоги, Азизхан с радостью стал разглядывать их. Потрогал на ощупь голенища.

— Как твои успехи, сынок? — завязывая на бедре поясной плавок, спросил Икрамджан.

— Хорошо, Икрам-ака! В день вашего отъезда, если помните, я перетаскал девятнадцать кубометров. Вчера увеличил свою норму до двадцати.

— Молодец, сынок! Так держать! Говорят, земляные работы на строительстве выполнены на восемьдесят процентов. Не сегодня завтра завершится стройка. Так что подстегни сильнее своего коня.

— Мы не спасуем, будьте уверены, Икрам-ака. А что в кишлаке?

— Тихо, спокойно. Все, кто остался, работают на полях. Днем вообще в кишлаке никого не сыщешь, словно все вымерли. Вечером еще чуть оживают чайханы.

— Надо было Турсунбая с собой привезти. Я бы его тут научил кетменем работать.

Эти слова Азизхана разбередили незаживающую рану Икрамджана: словно солью посыпали на нее. Он весь как-то съежился, на лбу сошлись узлом брови, и у него было такое выражение лица, что Азизхан пожалел, что заговорил о его сыне.

Икрамджан повернул разговор в другую сторону:

— В Зирилляме только о тебе и говорят. Над входом в клуб повесили твой портрет. По рассказам Тоги, такие портреты висят на улицах Шахрихана, Коканда, Кувы. Да, кстати, отец твой был очень рад коню. С гордостью ездит на нем. Каждый день купает в реке. Бедняга, столько лет прожив, даже и не мечтал о таком скакуне. Не раз начинал откладывать деньги на покупку лошади, но деньги уходили на другие нужды. Спасибо тебе, уважил ты отца, обрадовал старика.

Так, беседуя о том о сем, они дошли до своего участка. Икрамджан вдруг сказал:

— Об Акбарали до сих пор никаких вестей. Не могут найти. Азизхан промолчал.

Их встретил Тулянбай, повязавший голову платком, чтобы не мешали волосы, спадавшие на лоб. Он стоял опершись грудью на лопату.

— Что так плететесь?! — крикнул он. — Поживее можно? Другие уже по два кубометра накопили, а вы только явились!

Икрамджан подмигнул Тулянбаю:

— Молодец, видно, и тебя захватила эта работа. Теперь по душе тебе трудиться в бригаде Азизхана? Быть тебе человеком, Тулян!

И вновь закипела работа. Летела отбрасываемая кетменями земля, друзья еле успевали наполнять мешки для Азизхана. Такая поднялась пыль, что ничего не было видно.словно орел, пробиравшийся сквозь густые тучи, выныривал из облака пыли Азизхан с мешком за плечами и, высыпав его, быстро спускался в котлован.

— Давай! А ну, давай, поторапливайтесь, джигиты! — подбадривал всех Икрамджан.

— Клади! Еще накладывай! Живее! — поторапливал Азизхан своих друзей.

Доска под ногами Азизхана ходила ходуном. Земля, сыпавшаяся из мешка через край, казалась стружкой воды, стекавшей через плотину.

IV

Юлдаш Ахунбабаев не знал, что Икрамджан уже несколько дней трудится в Лугумбеке. Неделю назад, когда он был в Заркенте, Икрамджан со своими земляками работал в Сувкесаке. Заркентцы, закончив земляные работы, вышли на поля. Ахунбабаев, уверенный, что Икрамджан занят сейчас организацией уборки хлопка в колхозе, увидев земляка, очень удивился:

— В чем дело? Как ты здесь оказался?

Вытерев платком со лба и шеи пот, Икрамджан кивнул на Азизхана:

— Решил не оставлять в одиночестве нашего батыра.

— Э-э, будь спокоен, этот не из тех, что останется один. Тебя ка-

кой джинн попутал? Хочешь чужой славой себе авторитет заработать?! Это не к лицу зирилляминцу, моему земляку.

Сказать о том, что его прислал сюда Тога, чтобы поддержать Азизхана, он при всех не решился. Хотя и не очень ему было по душе слушать выговор старика, он промолчал.

— Послушай, Икрам. Если ты действительно желаешь до окончания строительства трудиться здесь, я тебе найду подходящую работу. Славу и авторитет зирилляминцев Азизхан и сам не уронит. А тебе хорошо бы поработать на шестом участке. Ну как?

Икрамджану ничего не оставалось, как согласиться. Икрам слышал о шестом участке. Идущий от Нарына канал, дойдя до Красного моста, сливался с Карадарьей. В месте слияния канал из-за перепада высот приходилось пускать по ступенчатому водосбору-перекату. Строительство водосбора задерживалось по разным причинам. То и дело в строительной газете мелькали статьи: «Строительство водосбора под угрозой», «Отстающие», «На обещаниях далеко не уедешь».

Ахунбабаев, уходя, еще раз напомнил:

— После обеда сразу поезжай туда. Сам возглавишь бригаду. Икрамджан молча кивнул.

Когда Ахунбабаев, опираясь о колени руками, с трудом поднялся наверх, Тулянбай подошел к Икрамджану:

— Что сказал Юлдаш-ота?

— Кати отсюда, говорит! Хорошо, что тебя не заметил. А то и тебя отсюда погнал бы в шею.

Тулянбай удивленно пожал плечами.

— Придется расставаться. Ота говорит, надо ехать на шестой участок. Буду работать там. Правда, пока проживу с вами. Тут недалеко.

Наскоро пообедав, Икрамджан набросил на плечи халат и отправился к месту своей будущей работы.

Али-палван и Эш-палван о чем-то оживленно разговаривали, сидя в тени старого карагача. Увидев Икрамджана, замолчали. Поздоровавшись с ними, Икрамджан бросил на сури свой чапан и присел с краю.

— Что же вы без напарника, гость? — поинтересовался Али-палван.

— Ота велел ехать на шестой участок.

— А что же палван-бала?

— Остался в Лугумбеке. Там работы хватает.

Али-палван и Эш-палван многозначительно переглянулись.

— Что я тебе говорил, Эш? Можешь не волноваться.

Эш-палван сердито посмотрел на друга. А тот продолжал:

— Чего злишься? Только что ведь клялся, что, если Азизхан придет сюда, уйдешь со стройки.

Эш-палван, сверкнув глазами, вскочил с места, отряхнул полы халата:

С вами ничем поделиться нельзя. Не держится у вас язык за зубами, уста! — и ушел в чайхану.

— Тяжелый у него характер. Сам вначале болтает что взбредет в голову, потом отказывается. Вспыхнет, как керосиновая лампа, в которой масла чуть-чуть на дне осталось, и тут же погаснет.

К тому месту, где сидели Али-палван и Икрамджан, незаметно подкралось солнце. Али встал:

— Пошли, гость. Пока подойдут остальные, по чайнику чая выпьем.

И пошел к супе, что была еще в тени. Супа была на возвышении, и отсюда хорошо просматривался строительный участок. Пододвинув сбившийся палас к краю, они устроились поудобнее.

— Эй, Эш, будь другом, завари чайник крепкого чая! — крикнул Али-палван.

Эш-палван недовольным тоном сказал:

— Об-бо, еще и кетменем ни разу не махнул, а уже чай пить садится.

Они сидели, беседуя о том о сем. По словам Али-палвана, сооружение водосбора объявлено на стройке ударным участком и будто сам Ахунбабаев взялся руководить работами. Этой бригаде даже дали название «Юлдаш-мираб» по имени известного в прошлом мираба.

Икрамджан удивленно взглянул на Али-палвана:

— Кто же это Юлдаш-мираб? Впервые слышу его имя!

— Как?! Вы не знали Юлдаша-ака!

И Али-палван стал рассказывать Икрамджану о Юлдаше-мирабе.

— Юлдаш-ака сам родом из кишлака Найнаво. Во всей Ферганской долине не было равных ему мирабов. Хорошо знал русский. Окончив в Петербурге гимназию, получил свидетельство водного техника. Я не раз слушал его рассказы. Мудрый был старик. Не зря ему одному из первых присвоили почетное звание «Заслуженный водник Узбекской ССР». Он за год на реке ставил до двух тысяч запруд. Умелый был мираб. Юлдаш-ака мог на слух определить, подгнила ли запруда снизу, — стоило только ему приложить ухо к торчащему из воды столбу. «Хозяин воды» Белявский и тот ни на что не решался без совета Юлдаша-ака. Один аллах знает, когда родится на свет еще такой мираб.

Икрамджан, слушая рассказ Али-палвана, представлял себе крепкого богатыря, вступившего в борьбу с бушующим потоком воды.

Эш-палван поставил перед ними чайник с двумя пиалами и присел рядом. Теперь на лице его не осталось и тени озабоченности.

Одна за другой стали прибывать телеги и арбы со строителями и их скарбом. Это были прославленные палваны-строители из Шахрихана, Асаки, Алтынкуля. Глядя на этих крепких, здоровых парней и молодых мужчин, Икрамджан думал: смогу ли я на равных с ними работать?

А может, лучше бы сюда приехал Азизхан? Уж он бы не посрамил наших земляков!

Повар приготовил место на большой супе под карагачем — расстелил скатерть и разложил на ней арбузы, дыни, персики, виноград, сливы.

— Ну-ка, эй, братья палваны, перекусите-ка слегка с дороги, пока я вам плов подам. Подъедет Ахунбабаев, тогда я рис в котел положу. Утолите жажду арбузами.

Не успел он отойти к kazanу, как, подняв клубы пыли, у чайханы остановилась черная «эмка». Из нее вышли Юлдаш Ахунбабаев и Тешавой Мирзаев.

— Да тут все уже в сборе. — заулыбался Юлдаш-ота.

Поздоровавшись с каждым за руку, сел на подставленный поваром стул и снова оглядел вновь прибывших на ударную стройку палванов — один другого здоровее — и довольный сказал:

— Тешавой, теперь дела твои пойдут на лад. Каждый из этих молодцов может выполнять работу одного трактора.

Он залпом выпил пиалу остуженного зеленого чая, протянутую Али-палваном, и, вытерев ладонью усы, стал рассказывать о предстоящей работе.

— Друзья, вы уж извините, но мы вынуждены были вновь обратиться к вам за помощью. Оказалось, что прорыть двухсотсестидесятикилометровый канал легче, чем выкопать и соорудить шестой водосброс. Прораб, возглавлявший этот участок, обманывал нас. Он уже снят с работы. И бригадир тоже. Честно признаться, в этом просчете есть и моя вина, и вина Тешавоя Мирзаева. Доверив такой важный участок пьянице, ходили себе спокойно. Вы, вероятно, читали в газетах, как нам здорово помогает Москва. Только недавно она прислала десять тысяч тонн цемента, выделила на строительство двадцать миллионов рублей, двести грузовых машин и шестьдесят тракторов. Партия и правительство ни в чем нам не отказывают. Как только будут закончены земляные работы на водосбросе, начнется бетонирование. Все дело теперь за нами — справимся ли мы с этой работой в короткие сроки. Знаю, что устали, соскучились по родным и близким. Говорят, выдержавший сорок дней вытерпит и сорок первый. Ну как, джигиты?

Эш-палван заерзал на месте.

— Вы что-то хотите сказать, палван?

— А что я скажу? Мы приехали на канал работать. И как бы трудно ни было, мы должны выстоять. Кто испугался, тот трус. Не сегодня завтра завершится строительство канала, где мы тогда найдем такую работу, где палваны могут проявить себя?

— Вы говорите как истинный джигит. Я ждал от вас такого ответа. Баракалла, молодец!

Молодой парень, уйгур из Шахрихана, обратился к Ахунбабаеву:

— Ота, разрешите мне на один денечек съездить домой. Очень

по детишкам соскучился. Кроме того, у меня есть секретный разговор к матери моих детей.

Поднялся дружный хохот. Али-палван похлопал парня по плечу.

— Ты уж свои секретные разговоры побереги до поры. Когда уедешь, все сразу и расскажешь.

Ахунбабаев смеялся вместе со всеми, шлепая ладонями по коленям.

Парень сперва растерянно посмотрел по сторонам, потом заулыбался: «Ну, как я вас рассмешил!»

Собравшиеся строители, лучшие из передовиков, рекордсмены стройки, заверили Ахунбабаева, что сооружение водосброса будет закончено ранее назначенного срока.

Икрамджан многих из этих людей не знал. Он скромно сидел в углу, ничем не выдавая себя. Но Ахунбабаев заметил его.

— Друзья, среди вас находится мой друг и земляк. Вы уж его не обижайте. Он тоже из работающих. Можете испытать работой — тяжело будет, не пожалуется.

Икрамджан, приложив руки к груди, отвесил поклон. Юлдаш-ота, не дожидаясь плова, собрался в обратный путь.

— Тешавой, как только всех расселишь, распределишь участки работ. Каждый день будешь по барану резать. Пришлю вам артистов. Кинопередвижка приедет. По-моему, Али-палвана следует назначить руководителем работ на этом участке. Ты ведь, Тешавой, сам завтра в штаб сбежишь. Чтоб мы знали, с кого спрашивать. Вы согласны, джигиты, избрать Али-палвана своим начальником?

— Согласны! Согласны! — раздались дружные голоса.

Ахунбабаев, попрощавшись со всеми, направился к машине и услышал, как парень-уйгур сказал соседу: «Нам бы танцовщиц прислали».

Ахунбабаев усмехнулся.

Около машины Тешавой Мирзаев взял Ахунбабаева под руку и стал что-то горячо говорить ему. Юлдаш-ота решительно зашагал к трассе. Вслед ему доносилась песня, которую затянул уйгур:

На Кашгарском базаре, дорогая,
Я тобою купленный раб...

— Ох и веселый парень этот Ахун, — сказал Ахунбабаев. Не признающий шутку Тешавой Мирзаев проворчал:

— Парень он не плохой, только несерьезный.

Ахунбабаев, зная характер Мирзаева, ничего не ответил.

А вслед им все доносилось:

О, Гульайым!

Сердце мое горит в пламени любви.
Я тобою пленен,
Я твой цветок в саду.
На Кашгарском базаре, дорогая,
Я тобою купленный раб...

Через день или два у всех на устах была бригада имени Юлдаша Тухтаходжаева. Газета «На Сталинской стройке» чуть ли не в каждом номере помещала целые полосы о работе этой бригады.

Работая весь день на строительстве водосброса, Икрамджан под вечер отправлялся в Лугумбек, к своим землякам. При встречах Азизхана больше всего волновали успехи Эша-палвана. Он до мельчайших подробностей выспрашивал у Икрамджана, как работает его соперник: сколько земли накопал да какой тяжести мешки таскает?

Икрамджан как придет с участка, так только об Эше и рассказывает. Азизхана не интересовало ничто другое. Если он узнавал, что Эш-палван за одну ходку поднимает до трехсот килограммов грунта, то Азизхан увеличивал свою норму до трехсот пятидесяти.

На участке же Икрамджана «допрашивал» Эш-палван. Тому тоже хотелось знать все об Азизхане: и как работает, и сколько за смену ходок делает и так далее и тому подобное... «Я покажу этому выскочке, как надо работать», — ворчал Эш, шагая вверх с трехсоткилограммовым грузом. Поднявшись на пять-шесть метров по наклонной доске, он отсыпал через край часть земли и бодро бежал к насыпи. Али-палван подтрунивал над ним:

— Хей, Эш, говорят, у воробья ноги переломились, как только попробовал вороньей походкой ходить. Смотри и ты не надорвись. Занялся бы лучше делом, что под силу.

Но Эш-палван и не думал его слушать.

Икрамджан работал в паре с парнем-уйгуром. Настоящее имя парня было Рузи, но все почему-то звали его Ахун. Стоило ему на час или два задержаться, как все чувствовали его отсутствие. Работая или отдыхая, он все время приятным голосом негромко напевал одну и ту же песню. Несмотря на это, песня никому не надоедала. Если вдруг Ахун замолкал, кто-нибудь обязательно говорил:

— Эй, Ахун, что притих? Давай запевай «Гульайым»!

Ахун поднимает руку — мол, успокойтесь — и, откашлявшись, затягивает песню.

О, Гульайым!
Сердце мое горит в пламени любви.
Как мне быть, Гульайым?
На Кашгарском базаре
Я тобою купленный раб...

Икрамджан понял, что, если он и дальше будет работать с этим «артистом», далеко не уедет. Но ведь Икрама так здорово охарактеризовал Ахунбабаев и оставил в бригаде Али-палвана. Что тогда скажут люди? Скажут: этот Ахун песни распевает, а зирилляминский палван на бубне ему подыгрывает.

Икрамджан решил поговорить со своим распевшимся другом.

— Ахун, придется с тобой нам поврозь хозяйство вести. Я ведь сюда работать приехал.

Ахун так растерялся, что не нашелся что ответить. Слышавший Икрамджана Али-палван свел эти слова к шутке:

— Эй, Гульайым, что случилось? Снова овдовела?

Икрамджан перешел на другое место и работал в поте лица. Ему стало стыдно оттого, что, в то время как Азизхан прославляет их кишлак своим трудом, он тут только позорит земляков. Икрамджан теперь сам копал, накладывал в мешок и оттащивал его наверх. И когда вечером табельщик подвел итоги проделанной за день работы, оказалось, что он перевыполнил свою норму в полтора раза.

— Ай да молодец. Где ты был раньше, — сказал Али-палван. — Вот как надо работать, джигиты. Все твои силы Гульайым, видно, отбирала. Почти Эша догнал. Не посрамил Юлдаша-ота.

Эти слова еще больше окрылили Икрамджана. В тот вечер он остался на участке, в Лугумбек не поехал.

Воздух у реки свежий и приятный. Правда, целый день палит солнце. Но к вечеру духота сменяется прохладой, с реки дует легкий ветерок, и слышится плеск воды о берег. Из камышовых зарослей доносится криканье уток. Как только задует свежий ветерок, прогоняя комаров, строители откидывают марлевые пологи и лежат, вдыхая ночную прохладу. Нароботавшись за день под палящими лучами солнца до того, что вздувались вены на шее, они тут же засыпают крепким сном. Только негромкий голос Ахуна долго еще слышится в ночной тишине. Он поет всегда одну и ту же песню о кашгарской девушке Гульайым, которая ранила его сердце, тоскуя по которой он мечтает о встрече. Голос его дрожит от тоски и печали. Икрамджан лежит, прислушиваясь к доносящейся песне. Луна скрылась за большим карагачем. Слышен шорох в ветвях деревьев, а то вдруг встрепенется заснувшая в гнезде горlinka. Чуть слышно шумит река. Простучит колесами поезд, прогудит паровоз. Но Икрамджан не обращает ни на что внимания. Мысли уносят его далеко отсюда — от работы, от окружающих его людей. Он вспоминает дом, Джаннат, Турсунбая. Как они там? Мысли сменяют одна другую, прогоняя сон. Икрамджан теперь думает о завтрашней работе, о том, как бы не ударить в грязь лицом перед друзьями. Под конец и он засыпает.

Утром все просыпались как по команде и отправлялись на трассу. Штаб строительства особо следил за ходом работ на этом участке. Кто как работает, как выполняет норму — все известно руководителям. Али-палван стал расхваливать Икрамджана приехавшему к ним Ахунбабаеву:

— Хороший у вас земляк. Трудится не покладая рук и почти догнал Эша. Эш сейчас идет за Азизханом по нормам выработки. Ему трудно: чуть сбавит темп — отстанет и от Азизхана, и от Икрамджана. Словом, два ваших земляка зажали Эша в тиски.

Ахунбабаев радостно улыбнулся и, подойдя к сидевшему неподалеку Эшу, похлопал его по плечу:

— Молодец, Эшмухаммад. Мы тобой очень довольны.

Ахунбабаев достал из кармана небольшую коробочку и вынул из нее серебряные карманные часы.

— Специально из Ферганы привез. Это тебя именными часами штаб премирует. Твое соревнование с Азизханом подняло на новые трудовые подвиги сотни, тысячи людей на строительстве канала. Большое тебе спасибо, друг! Те, кто будет пить воду из этого канала, орошать свои поля и сады, вовек не забудут вашего труда.

Эш-палван, занятый только тем, как бы ему обойти Азизхана, ничего не замечал вокруг. Не слышавший ни от кого добрых и ободряющих слов, он сейчас был растроган тем вниманием, какое ему оказал сам Ахунбабаев, и на глазах его выступили слезы. Не в силах сказать ни слова, он всхлипнул.

Али-палван, глядя на него, покатывался со смеху:

— Вот невежа, вот невежа, а! Сказать «мальчишка» — не по-ж. Подумать, взрослый — плачет, как ребенок.

Ахунбабаев, тут же попрощавшись, уехал на головной участок. Через три дня на строительстве водосброса начинались бетонные работы. Теперь в палатки, в которых жили землекопы, должны были переехать бетонщики.

Али-палван тепло поздравил Эша с подарком. Он был взволнован и рад не меньше друга. Взяв из рук Эша часы, повертел их, с любопытством разглядывая надпись, потом, достав из кармана брुक свои часы на длинной цепочке, подвел у Эшевых часов стрелки и, приложив к уху, послушал — тикают.

— Носи на здоровье, друг. Это тебе и твоим детям память на всю жизнь.

Часы передавались из рук в руки. Всем хотелось посмотреть на подарок, врученный самим Ахунбабаевым. Эш сидел радостный и довольный.

Али-палван подмигнул Икрамджану:

— Теперь увидишь, будет работать как паровоз.

Действительно, после обеда Эша словно подменили. Работал он как машина. Его невозможно было остановить. Как муравей, поднимающий груз вдвое больше себя, он почти бежал по деревянной лестнице вверх с огромным мешком за плечами, уже не останавливаясь и не отсыпая землю, как раньше. Не ворчал и не просил помочь ему, а трудился, ни на что не обращая внимания.

Икрамджан, не зная, как работает Эш-палван, продолжал упорно трудиться.

Вечером, после смены, сидевшие под карагачем стали поздравлять Эша:

— Молодец, Эш! Так трудился, что, вероятно, обошел самого Азизхана.

Молодой парень-табельщик, записывающий в свою тетрадь ежедневную выработку, вмешался в разговор:

— Эш-ака сегодня выработал девятнадцать с половиной кубов, а дядя Икрамджан почти двадцать.

Это известие прозвучало как гром среди ясного неба.

Эш-палван онешил от неожиданности. Сидевший с гордым и важным видом, он как-то сразу сник, и лицо его стало кислым.

— Ие, — удивился Али-палван. — Так тебя уже обошел друг Азизхана?

Эш-палван посмотрел на Али-палвана так, словно хотел его проглотить.

— Это вы всё, Али-ака, напортили. Я ведь еще три мешка земли накопал, а вы сказали: кончай, нора отдохнуть. Если б я их перетаскал, вряд ли обошел меня этот пришелец!

— Ну что болтаешь, невежа, — рассердился Али-палван. — Что это за пришелец? Слово-то какое выискал! Думаешь, если язык без костей, что хочешь можно молотить?

Эш-палван, махнув обиженно рукой, вскочил с места. Али-палван, извиняясь за него, сказал Икрамджану:

— Не обижайтесь на Эша. Вы уж простите его. Такой у него несносный характер.

Икрамджан понимающе кивнул и улыбнулся.

VI

Усман Юсунов по просьбе корреспондентов проводил пресс-конференцию. На эту встречу с журналистами были приглашены и Азизхан с Икрамджаном. Ожидая попутную машину, они немного припоздали на эту встречу. Юсунов уже стоял за столом президиума, что-то увлеченно рассказывая собравшимся. Сидевший в последнем ряду какой-то русский старик пододвинулся, освободив место рядом с собой Икрамджану.

Азизхан остановился в нерешительности, не зная, где бы сесть. Белявский жестом пригласил его за стол президиума. Азизхан шел между рядами и слышал восторженные голоса журналистов: «Азиз-палван! Азиз-палван идет! Это и есть Азиз-палван?!» Поднявшись на сцену, он стал озираться по сторонам. Дунан-палван, подмигнув, указал ему на место рядом с собой. Юсунов, воспользовавшись непредвиденным перерывом, налил себе в пиалу холодного чая, залпом выпил и, взглянув на бумажку, продолжил:

— Итак, Суэцкий канал, построенный еще при фараонах в восьмом веке, был засыпан по приказу багдадского халифа Мансура. В 1856 году его решил заново восстановить король Сауд. Французы обязуются помочь ему быстро проложить канал, но с условием, что будут бесплатно пользоваться им в течение девяноста девяти лет. На строительстве канала работало сорок тысяч феллахов. За те десять лет, что канал строился, двадцать тысяч человек погибли от тяжелого непосильного труда.

Другой пример. Большую роль в истории сыграл небезызвестный вам Панамский канал, служащий, главным образом, как важ-

ный морской путь. Канал длиной всего восемьдесят один километр строился тридцать шесть лет. Только за четыре года девять тысяч восьмьсот строителей из пятнадцати тысяч умерли от желтой лихорадки и других болезней.

К чему я привожу эти примеры? Вас, работников прессы, больше могут убедить конкретные цифры, нежели громкие слова.

Большой Ферганский канал длиннее Панамского в три с половиной, Суэцкого в два раза. Суэцкий канал в общей сложности строился две с половиной тысячи лет. Панама — тридцать шесть лет, а наш Ферганский канал будет построен за сорок пять дней. Такого грандиозного размаха, такого всенародного подъема история еще не знала. Мы признаем это как одно из завоеваний нашего социалистического строя. Пожалуйста, у кого есть вопросы?

С места поднялся невысокого роста, средних лет мужчина и представился как корреспондент «Правды» Борис Агапов:

— Скажите, пожалуйста, товарищ Юсупов. Вы только что рассказали нам о строительстве известных в мире ирригационных сооружений, о трудностях, с которыми там сталкивались. Большой Ферганский канал — в этом мы сами наглядно убедились — своей масштабностью превосходит многие известные ранее человечеству сооружения подобного рода. Как вы на это решились? Ведь для того, чтобы начать такое строительство, нужен был какой-никакой опыт?

Ю с у п о в:

— Я ждал такого вопроса. Есть у узбекского народа хороший обычай — хашар. Это когда все скопом, всем кишлаком строят вместе кому-то дом. Для вдов, оставшихся без кормильца, для бедных семей вся махалля, собравшись, обрабатывала и засеивала поля. Даже выдача замуж дочек овдовевших женщин входила в обязанности всей махалли — помогали всем миром, кто чем мог. В Хорезме, например, чистку каналов и арыков от ила тоже проводили всем кишлаком.

Перед тем как начать такое большое дело, мы попробовали хашаром построить Ляганский канал. Он был прорыт в кратчайшие сроки. Так что народ уже получил опыт коллективной стройки, и мы решились на такое великое дело, опираясь на трудовой энтузиазм узбекского народа. Результаты, как видите, налицо. Поэтому мы и объявили канал всенародной стройкой.

Слова попросил светловолосый мужчина в очках в золотой оправе и отрекомендовался: «Петр Павленко, корреспондент «Правды». Этот известный русский писатель объездил всю Среднюю Азию и опубликовал немало рассказов и очерков из жизни советских среднеазиатских республик, а еще он был известен как автор сценария фильма «Александр Невский», который только что успешно прошел по экранам страны.

— Товарищ Юсупов, не могли бы вы рассказать о том, как поставлена медслужба на строительстве. Вы говорили, что на стройке Панамского канала от желтой лихорадки погибло более девяти

тысяч человек. Климатические условия в зоне строительства Наманганского канала были ужасными: трасса проходила через тропические болота, полные всякой мошки. Мы видим, что и трасса Большого Ферганского канала проходит через болотистые места, рисовые поля, где всегда в изобилии комаров. И здесь могла распространиться лихорадка или другая болезнь. Какие были приняты меры по борьбе с ними?

Юсунов:

— Мы мобилизовали на строительство свыше семисот лучших медицинских работников. На трассе работали пятьсот сорок два медпункта, не считая трехсот восьмидесяти передвижных амбулаторий. В ведении медпунктов находились двести шестьдесят машин «скорой помощи». Всем этим лично руководил народный комиссар здравоохранения республики. Были приняты профилактические меры по борьбе с лихорадкой. Всем без исключения строителям давались таблетки акрихина. Мы провели так называемую «акрихиновую операцию».

Невысокого роста, в очках, смуглый узбек поднял руку: «Можно мне?» Это был Сулейман Азимов, ответственный редактор газет «Кызыл Узбекистон» и «На Сталинской стройке».

— Что вы можете рассказать о культурпросветработе на стройке?

Юсунов достал из кармана блокнот, полистал его и не спеша продолжал:

— Своё искусство строителям канала показали около двух тысяч артистов Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Проводились шефские концерты коллективами художественной самодеятельности колхозов и совхозов — выступали певцы и танцоры, асканиячи и клоуны. На гастролях у строителей побывали драмтеатр имени Хамзы, показавший пьесы «Бай и батрак» и «Пробуждение», театр оперы и балета имени Свердлова, который привез оперы «Лейли и Меджнун», «Гульсара» и «Аршин Малалан», и другие музыкальные коллективы республики. Порадовали народ своим искусством народная артистка СССР Халима Насырова, народные артисты Узбекской ССР Тамара Ханум, Кары Якубов и Абрар Хидоятлов, заслуженная артистка Узбекистана Лютфиханум Сарымсакова. Четырнадцать тысяч пятьсот пятьдесят два человека смогли окончить курсы по ликвидации неграмотности за время строительства. Теперь о торговле и сфере обслуживания населения. Две тысячи пятьсот девять торговых точек каждые десять дней продают строителям товаров на сумму тридцать пять миллионов рублей. С начала строительства продано тысяча шестьсот пятьдесят вагонов разных товаров. — Юсунов, разомлевший от жары, то и дело вытирал платком лоб и шею и, отхлебывая из пилалы зеленого чая, продолжал пресс-конференцию. — В ответе у меня очень много цифр. Я умышленно приводил их для большей наглядности. К примеру, для удовлетворения запросов курильщиков были открыты на трассе шестьдесят два табачных киоска. Мы учли до мельчайших деталей запросы народа.

Как всегда, не удержался от того, чтобы не сострить, Гафур Гулям. Подмигнув Юсупову, он крикнул:

— Усман-ота, вы говорите, что заранее учли все запросы строителей. Мне кажется, кое о чем вы забыли.

Все оживились и весело заулыбались. Юсупов, поняв, о чем идет речь, тоже улыбнулся.

— Ну ты, шайтан! — мотнул Юсупов головой. — Это мы тоже предвидели. Всю водку и вино мы погрузили в вагоны и вывезли за пределы Ферганской области. В день открытия канала все эти вагоны будут здесь.

Смех и оживление снимали усталость, и даже не так ощущалась жара.

Попросил слова поэт Хамид Алимджан.

— Усман-ота, какую территорию, по предварительным подсчетам, оросит Большой Ферганский канал?

Юсупов ответил, даже не раскрывая своего блокнота:

— Река Нарын до слияния с Карадарьей оросит пятьдесят восемь тысяч гектаров учкурганских степей. От Карадарьи, поднявшись на плотину в Куйганяре, до Канибадама еще двести девять тысяч триста семьдесят три гектара. Это пока начальная прикидка использования Большого Ферганского канала. Через год с небольшим будут введены в строй мелкие оросительные системы, что увеличит площадь орошения на десятки тысяч гектаров. Мы надеемся, что это резко повысит валовой сбор хлопчатника в республике.

С места поднялся Сергей Эйзенштейн. Этого известного кинорежиссера знали не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами по фильмам «Октябрь» и «Броненосец «Потемкин», которые обошли почти все экраны мира. Сергей Михайлович приехал на стройку вместе с Петром Павленко для съемок фильма о Большом Ферганском канале. Фильм должен был быть художественным, и Сергей Михайлович пригласил артиста Николая Черкасова для исполнения главной роли землекопа Дунана Дусматова.

— Товарищ Юсупов, — обратился он к первому секретарю, — вы разрешите? У меня вопрос к Дунану Дусматову.

— Не возражаю! Пожалуйста!

— Товарищ Дусматов! Вот вы рядовой дехканин, колхозник. Объясните мне, что же вас побудило так перевыполнять нормы? Вы могли, как и все, спокойно трудиться, и вас никто бы не упрекнул...

Крепкого телосложения, немного неуклюжий, но приятной наружности, Дунан Дусматов покраснел от смущения и встал. Он вообще был по натуре молчаливым человеком. Из него близкие друзья, бывало, слова не могут вытянуть, а тут столько корреспондентов... Он встревоженно посмотрел на Юсупова. Хамид Алимджан перевел ему вопрос Эйзенштейна.

— Говори по-узбекски, Дунанбай, — подбодрил его Юсупов.

Дусматов растерянно поглядел по сторонам. Потом почему-то поплевал на ладони, словно собирался брать в руки кетмень.

Гафур Гулям и тут не удержался:

— Слово не кетмень, чтобы плевать на ладони. Говорите смелей, Дунан-ака!

Взрыв смеха прокатился по рядам. Дусматов растерялся еще больше. Юсупов, махнув рукой на Гафура Гуляма, строго сказал:

— Что ты ему мешаешь? Он и без тебя собьется. Помолчал бы лучше.

Только после этого Дусматов немного успокоился.

— Я не умею красиво говорить. Видно, мать родила меня для работы. Ничего, кроме работы, не знаю. Я даже не представляю, что ответить на такой вопрос. Говоря по-честному, я и сам не знаю, почему у меня так получается. Деды и отцы мои жили здесь, на берегах Нарына. Всю жизнь в поте лица трудились они от зари до поздней ночи и, чтобы оросить небольшой клочок земли, носили воду из реки ведрами. Живя на берегу реки, мы умирали от жажды. И когда наше правительство сказала, что надо строить канал, будет у тебя и у твоих детей вода, сбудется вековая мечта отцов и дедов, выходи со своим кетменем, — я вышел. Вот работаю. И если работаю больше других, то это от радости за спокойную и счастливую долю моих детей и внуков, оттого, что на наши иссохшие поля придет наконец долгожданная вода. И всю свою жизнь без остатка я отдам борьбе за счастье народа. И если бы у меня было десять жизней, я бы все равно их все отдал бы этому благородному делу. Вот мой ответ.

Хамид Алимджан переводил все это Эйзенштейну, а тот что-то говорил на ухо Черкасову, который в ответ кивал головой.

Юсупов оглядел сидящих перед ним журналистов:

— У кого еще будут вопросы?

Поднялся паренек, обвешанный несколькими фотоаппаратами.

— Георгий Зельман. Спецфотокорреспондент «Огонька». С вашего позволения я хотел задать вопрос Азизхану Умматалиеву.

Юсупов кивнул.

— Товарищ Умматалиев, вам вот восемнадцать лет. Вероятно, вас еще не тяготят семейные заботы, да и родом вы не из степного района, но ваше имя на строительстве канала среди самых известных передовиков. По своим показателям вы идете следом за Дунаном Дусматовым. Что же вас толкнуло на трудовой подвиг?

Азизхан бодро встал со стула, откашлялся в кулак и смело оглядел сидящих перед ним журналистов. Встречаясь часто с корреспондентами, он уже пообвыкся с такой ролью и потому живо начал:

— Вы правы. Я еще не видел жизни. Не испытал трудностей, какие выпадали на долю моих друзей. Рос я, не зная забот, под крылышком у родителей, да и пришел я на канал помериться силою с известными палванами. Это было для меня словно детской забавой. Но потом я подумал: можно попусту растратить свою силу, а можно всю ее до капли отдать на пользу людям. Видя, с каким энтузиазмом и подъемом трудится народ на строительстве канала,

я вдруг понял значение того, что происходит. И тогда я сказал себе: «Э, парень, ты, оказывается, пальмени сырыми считал. Что пользы от твоей силы людям, обществу?..» — и стал работать как умею. Этот канал сделал меня человеком. Заставил поверить в себя.

Усман Юсупов с восхищением смотрел на парня. Приехав на канал, этот мальчишка и двух слов связать не мог, а теперь смотри как рассуждает. Стал спокойным, уверенным и держится с достоинством.

Пресс-конференция продолжалась долго. Журналисты поочередно задавали вопросы инженерам, начальникам участков Белявскому, Аскоченскому, Азизову и другим. Поблагодарив журналистов от имени Центрального Комитета партии за активную работу, оперативное и верное отражение на страницах печати хода строительства, Юсупов закрыл пресс-конференцию.

Несмотря на то что после смерти Лютфинисы Азизхан повзрослел, стал серьезным, он по сути все еще оставался мальчишкой. Спустившись со сцены, Азизхан неотступно следовал за актером Николаем Черкасовым, сыгравшим роль Александра Невского в фильме, замороженно слушал его рассказы о себе. А когда Икрамджан, не выдержав, взял его за руку и потащил к автобусу, Азизхан все оглядывался на любимого актера.

VII

Наступило 25 сентября. Вечером местный радиоузел передавал сообщения о ходе строительства на всей трассе.

Многие строители возвратились в свои колхозы — начиналась хлопковая страда. Некоторые, перейдя на другие участки, помогали отстающим. Завершились работы на Учкурганском участке застольем для пяти тысяч человек. Закончив сооружение девяти перекатов на Лугумбекском участке, строители начали прокладку дороги до Учкургана вдоль трассы канала.

Победно и в сроки завершив работы на шестом водосбросе, бригада имени Юлдаша Тухтаходжаева перегнала передовые бригады и одной из первых рапортовала о сдаче объекта.

Наиболее отличившиеся строители были премированы за хорошую работу велосипедами, патефонами, именными часами. Теперь в ускоренном темпе продолжались бетонные работы на Куйганярской плотине и Лугумбекском участке.

Девушки из бригады Бокибаевой уже давно переоделись в свои нарядные атласные платья и, прихоращиваясь, вертелись перед зеркалами.

Только многодетные матери, попрощавшись с подругами, уехали в свои кишлаки к скучающим по ним детям.

Сто шестьдесят тысяч человек — участников грандиозной стройки — жили в волнующем ожидании необычного и радостного праздника. По докладам прорабов, техников, начальников участ-

ков, дня через два должны были завершиться все работы на строительстве.

Когда Азизхан вылез из палатки, было уже около девяти часов утра. Стояла необычная тишина. Азизхану, привыкшему просыпаться от шума машин и людских голосов, все это казалось теперь странным. Люди выглядели наряднее — на мужчинах, вместо старых, изъеденных солью и потом чапанов, надеты чистые халаты, на женщинах всеми цветами радуги переливаются атласные платья.

Тулянбай, сидя на сури, резал для плова морковь. Икрамджан возился у очага.

— Ну как, выспался, палван? — спросил Тулянбай Азизхана, продолжая резать морковь.

Азизхан в ответ промычал что-то невнятное, потянулся, зевнул и зашагал к арыку. Вода в арыке была чистая и прозрачная. На сури вдоль всего берега арыка в чайханах сидели с утра любители ароматного напитка и не спеша попивали из пиал зеленый чай. Когда Азизхан, нехотя умывшись в арыке холодной водой, возвратился к своим, Икрамджан уже обжаривал мясо и лук.

— Тулян! Плов я сам доделаю. Займись-ка лучше палваном — постриги и побрей его, чтоб на человека стал похож, а то его уже, наверное, кинооператоры и фотографы по всей стройке разыскивают.

Азизхан, отмахнувшись, ушел в палатку и лег. Он никак не мог свыкнуться с этой непривычной для слуха тишиной. Что он теперь будет делать? Чем займется? В кишлак он не собирается возвращаться. Здесь подходящей для него работы нет. А самое главное, нет с ним его любимой Лютфинисы. Не увидит он больше ее. Окажись Лютфиниса рядом, не задумываясь отправился бы с ней искать счастья. Азизхан жил ею, она была его настоящим и будущим. Теперь на душе стало пусто и холодно. А тишина вокруг еще больше угнетала.

Прискакал на коне Джура-палван. Узнав, что Азизхан в палатке, спешил, присел рядом с Тулянбаем. Услышав голос Джуры-палвана, Азизхан вышел из палатки.

— Хорманг¹, палван! Вот и канал, считай, закончили! Ты что какой-то нерадостный? — спросил Джура-палван, глядя в грустное лицо Азизхана.

Азизхан промолчал. Джура-палван, подойдя к нему, по-отечески похлопал по плечу, потом крепко обнял, прижав к груди. Икрамджан долил в казан воды и тоже подошел к ним.

— Ну, Джура-палван, скажи, только по-честному, кто первое место на стройке занял?

— Что тут неясного?! Конечно, первое место за Азизханом, — заключил Тулянбай.

Джура-палван улыбнулся:

¹ Х о р м а н г — не уставайте, бог в помощь.

— Не совсем так. Первое место все же за Дунаном Дусматовым. А второе поделили Таджима-ота и Азизхан.

— А как же Эш-палван? Как он? — вырвалось у Азизхана.

— Он тоже неплохое место занял. Семеро вышли на третье место. Среди них и Эш-палван. Последние дни он хорошо поработал. В надежде обойти тебя, Азизхан, он трудился не жалея себя, но, как видишь, не догнал.

— Вай-вай! Теперь начальство могло бы дать нам разрешение на это, — Тулянбай многозначительно пощелкал пальцем по горлу.

За три дня до начала строительства канала Усман Юсунов, собрав всех руководителей торговых организаций и заведующих магазинами, наказал им не продавать спиртные напитки и предупредил, что в случае нарушения этой установки виновные будут наказаны вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Джура-палван весело подмигнул Тулянбаю:

— Неужто вы так соскучились по этому делу? Но если хотите состязаться со мной, подождите еще денька два. В Куйганяре будет пир на весь мир. Вот тогда мы с вами повеселимся, дружище!

Такие застолья для строителей по случаю завершения строительства Большого Ферганского канала готовились в Учкургане, Лугумбеке, Куйганяре, Шахрихане, Асаке, Маргилане и еще четырнадцати населенных пунктах. Самые лучшие повара из Андижана, Маргилана, Коканда со своими учениками уже собрались на сходку — обговаривалось меню, повара делились опытом, советовались.

Джура-палван вытащил из бокового кармана свернутую вдвое ученическую тетрадь и стал листать ее.

— Сказать тебе, сколько земли ты перетаскал с начала работ? Сейчас посмотрю. За тридцать девять дней ты перенес две тысячи восемьсот тридцать четыре кубометра. Это, брат, не шуточное дело.

— А вы, оказывается, все подсчитывали, палван-ака? Зачем это вам? — поинтересовался Тулянбай.

— Усман-ота велел. Я табельщиков попросил — они и подсчитали. Уже передал эти сводки помощнику Юсупова. Послезавтра в докладе на митинге он приведет все эти цифры. Сам Усман-ота сейчас проводит совещание всех начальников участков, инженерных работников в Учкургане. Говорят, проедут по всей трассе, проверят готовность участков к пуску воды. Часа через два обещали быть здесь. Хотят за сегодняшний день успеть все осмотреть. Здорово досталось начальнику строительства Куйганярской плотины. Отряд комсомольцев пришлось бросить на помощь. Как муравьи, за дело взялись. Я ведь специально к тебе приехал, Азизхан. Садись-ка сюда!

Джура-палван, усадив Азизхана рядом с собой, достал из кармана карандаш и тетрадь.

— Ты мне лучше вот тут напиши свои биографические данные: когда и где родился, фамилию и имя точно называй, как в паспорте у тебя записано. Это для большого списка. Для Москвы.

Азизхан не спеша написал свои данные Джуре-палвану и передал ему тетрадь.

— Ну вот и все. Дело сделано! — сказал довольный Джурепалван, пряча тетрадь с карандашом в карман и направляясь к лошади.

— Зачем Москве это? — не унимался любопытный Тулянбай.

— Э-э, братец мой. Такой канал мы прокопали, что правительству грех не отметить строителей наградами. Самым отличившимся ордена дадут. Просили меня списки составить, — гордо ответил Джурепалван, трогая лошадь.

После отъезда Джурепалвана Азизхан загрустил. Он вспомнил вдруг кишлачные улицы, чудачества, которые он вытворял, собрав соседских ребят; драки до синяков, сердитое лицо отца; слова признания Лютфинисе на берегу тихой речки и ее веселый и звонкий смех. От того памятного дня, как он выкрал Лютфинису со свадьбы, до этого часа, словно в кино, пронеслась жизнь перед глазами. Была бы сейчас Лютфиниса рядом — радовалась бы вместе с ним его успехам... Сердце сдавило болью. Как только не стало у него Лютфинисы, все как-то сразу сделалось для него серым, бессмысленным. Он мечтал об этих счастливых днях вместе с ней. Лютфиниса была для него огромным миром — с нею рядом он ощущал шелест травы, замечал цветение роз, слышал журчание ручейка, и все это до глубины души трогало его. Теперь ее нет, и светлый, радостный мир померк, стал мрачным и скучным. Ведь он все эти дни жил и трудился ради нее. С кем он теперь поделится своей радостью?!

Икрамджан продолжал возиться с пловом у очага. Сидевшие в чайханах люди повскакали со своих мест и устремились к зданию школы. Азизхан посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум. Толпа людей о чем-то оживленно разговаривала — слышны были восторженные голоса, смех, радостные выкрики. Азизхан не сразу узнал окруженного плотным кольцом невысокого коренастого мужчину — оказывается, приехал первый секретарь ЦК партии республики Усман Юсупов. Он что-то говорил стоявшему рядом Юлдашу Ахунбабаеву.

Берега канала заровнены, чисто выметены и политы водой. Руководители республики с утра объезжали трассу, проверяя готовность канала перед пуском.

Юсупов после тщательного осмотра плотины подошел к Усманходжаеву:

— Ну, как поживаешь, Ишан? Здравствуй, здравствуй! — И, не дожидаясь ответа, спросил: — Не найдется у тебя глоточка холодного зеленого чая?

Чайханщик с полотенцем через плечо и с эмалированным ведром, полным холодного зеленого чая, устремился к нему. Юсупов, зачерпнув полную пиалу, протянул Ахунбабаеву:

— Пейте, Юлдаш-ака. Небось жажда замучила.

Ахунбабаев, приложив руки к груди, поблагодарил:

— Сначала сами попейте, Усман-ака. Вы же пить хотели. Усманходжаев не удержался от смеха, глядя, как два руководителя один перед другим изощряются в вежливости.

Тешавой Мирзаев, сверкнув глазами, сердито шеннул на ухо Усманходжаеву:

— Нашел над кем смеяться, невежа!

Юсупов усмехнулся:

— Что, Тешавой, не нравится? Ишан из тех, кто на всех смотрит одним глазом, одной меркой меряет.

Друзья Тешавоя за прищуренный глаз прозвали Мирзаева «Одноглазым». Если бы так пошутил кто-нибудь другой, Тешавой не преминул бы вызвать милиционера и стал бы доказывать, что этот человек его оскорбил. Он не любил шуток, и особенно если эти шутки касались его. А сейчас он стоял сердитый, красный от смущения, и прищуренный глаз его вовсе выглядел узкой щелью.

Толпа все росла. Люди старались втянуть в разговор известных аскиябозов Байтока, Пахтаабада, Хаккулабада. Начавший первым острословить, Усманходжаев сам оказался теперь объектом для шуток. Пытавшийся защитить Усманходжаева Ахунбабаев тут же был сражен метким словом. Старый, опытный аскиябоз по прозвищу Козел, долго прицеливаясь, взял на мушку Юлдаша-ота.

— Юлдашбай, держите покрепче Бузрук-Ишана. Он из тех, что пойдет за кем угодно, кто повесит на шею ему колокольчик.

Ахунбабаев хорошо знал этого человека. Это был старый и верный друг. В годы борьбы с басмачеством в одном из боев с бандой Азимходжи, наводившей ужас на окрестные кишлаки, он был тяжело ранен в ногу. Истекая кровью, провалился Козел в камышах, прячась от врагов, четырнадцать дней. Когда рана зажила, он стал прихрамывать на одну ногу и теперь ходил вприпрыжку, как козел. За ним и закрепилось это прозвище. Ахунбабаев, переждав, пока утихнет смех, ответил:

— Вы Бузрук-Ишана не трогайте. Говорят, если верблюда ураганым ветром унесет, то вас вообще под облаками придется разыскивать.

Смех в толпе не смолкал ни на минуту. Тешавой Мирзаев, опасаясь, как бы его снова не зацепили, спрятался в толпе.

Примерно через полчаса Юсупов, возбужденный и покрасневший от жары и смеха, направился к машине. И тут он заметил стоявшего в стороне Азизхана.

— Подойди ко мне, сынок! Как поживаешь?

Азизхан подошел к секретарю и, как подобает младшему, поздоровался с Юсуповым. В их первую встречу рядом с Азизханом была Лютфиниса. Он ведь тогда все рассказал Юсупову о себе — как сбежал из кишлака, выкрав со свадьбы невесту, и как скитался по кишлакам, пока не попал на строительство канала. Юсупов пообещал после завершения строительства сыграть молодым пышную свадьбу. Секретарь знал о гибели Лютфинисы и очень переживал безвременную трагическую смерть молодой девушки. А сейчас

неожиданная встреча с Азизханом поставила его в тупик: он сразу не нашелся что сказать парню — то ли утешить, то ли просто выразить соболезнование, но при людях не хотелось ему этого делать. Юсупов положил руку на плечо парню и тихо сказал:

— Спасибо, сынок! За все спасибо! Мы знаем обо всех твоих делах. Народ никогда не забудет твоего подвига. Много страданий выпадает человеку на его жизненном пути. Ты только вступаешь в жизнь. И самое главное — выстоять, не сломиться. Впереди тебя ожидает много испытаний, сынок.

Азизхан слушал его, низко наклонив голову.

— Посмотрите, Юлдаш-ота, — сказал Юсупов Ахунбабаеву. — Какие у нашего народа есть сыновья. Значит, мы с вами можем быть спокойны за наше будущее.

Юсупов еще раз хлопнул по плечу Азизхана, как бы ободряя, и быстро зашагал к машине.

Лицо его стало серьезным, от прежней улыбки не осталось и следа. Ахунбабаев сел рядом, хлопнула дверца, и машина помчалась по чистой тенистой улице.

VIII

Тогда, послав нарочного на стройку, отозвал в кишлак Тулянбая с Икрамджаном. Тенгдик и Бейшенали, тепло попрощавшись с Азизханом, тоже уехали к родителям.

Теперь в палатке Азизхан остался один. В чайханах днем и поздним вечером не смолкали смех и веселье.

Наконец приехала долгожданная кинопередвижка. Механик, как обещал, привез новый документальный фильм. Этот фильм был показан на других участках, и о нем все уже были наслышаны. Джура-палван говорил, что там показывают и Азизхана-палвана. «Здорово ты там получился, прямо как живой». С тех пор Азизхан мечтал посмотреть эту картину.

На стену школы натянули белую парусину, и механик-татариян, настроив киноаппарат, сидел рядом с передвижкой, ожидая наступления темноты. Народу собралось много — всем хотелось посмотреть на себя, как они выглядят на экране. Сидели кто на земле, кто на принесенном стуле. Многие стояли.

Когда пришел Азизхан, вся площадь перед школой была усыпана народом — негде было яблоку упасть. Из-за стоящих не было видно и экрана. Азизхан покрутился в поисках лазейки сквозь живую стену, но ничего не нашел. Тут его заметил Умурзак, который, видимо, взял на себя роль «распорядителя» зала.

— Эй, палван, иди-ка сюда!

Схватив Азизхана за руку, он стал пробиваться сквозь толпу, расчищая перед парнем дорогу. Согнал сидевшего на стуле молодого парня в белом фартуке:

— Эй, тебе не обязательно сидя смотреть этот фильм. Уступи место палвану.

Парень, всем своим видом выражая недовольство и что-то бормоча, примостился тут же у ног.

— Садись, палван!

Азизхан растерянно посмотрел на согнанного из-за него парня, но Умурзак решительным жестом усадил его на стул. А сам встал позади Азизхана, как бы охраняя его, и крикнул механику:

— Начинай! Давай начинай!

Киноаппарат застрекотал. Засветился экран, запрыгали какие-то цифры, звездочки, затрещал динамик, укрепленный на орешине. Но вот на экране появились арбы, поезда, машины; с них сходили люди, несущие за плечами свернутые одеяла, кетмени.

Вот взлетела в воздух взорванная земля. Пыль и щебень летели во все стороны. Извиваясь и пенясь, текла река. Мутные воды подмывали глинистый берег. На экране титры:

Мужественный народ идет на укрощение упрямой реки.

Люди работают кетменями. Сотни, тысячи людей. Идут с носилками, с тачками, с корзинами, наполненными землей. Голос диктора:

От Учкургана до Канибадама на трассе длиной 270 километров единой цепью протянулись строители Большого Ферганского канала. Они работают во имя большой воды, не зная усталости, и днем и ночью.

Вид сверху — съемки, как видно, велись с самолета: на экране проплывает трасса; как муравьи, копошатся люди.

Строительство канала родило новых героев.

На экране Дунан Дусматов. Лицо его во весь экран — улыбаются глаза, расплылся в улыбке рот, обнажая белые зубы. Крупными каплями стекает со лба пот. В зале захлопали. Азизхан тоже аплодировал. Теперь на экране Таджимат-ота Хидиров. На ветру развевается его борода. Он улыбается, показывая редкие зубы.

Голос диктора:

Дунан Дусматов и Таджимат-ота Хидиров выполнили дневные нормы на тысячу процентов. Этот замечательный трудовой подвиг вызвал всенародный подъем на всей стройке.

А вот и Азизхан. Послышались аплодисменты. Азизхан с удивлением смотрел на экран. Он даже вначале не узнал себя. Лицо серое, все в пыли, только сверкают глаза и зубы.

Голос диктора:

Ученик Дунана Дусматова — удивительный палван, богатырь Азизхан Умматалиев, выполняя дневную норму на девятьсот тридцать процентов, увлек за собой десятки и сотни молодых людей, показал чудеса трудового героизма.

И вот на плече у Азизхана огромный канар, доверху наполненный землей, а на нем еще и мешок, чуть поменьше. Вот палван поднимается по деревянной доске. Вокруг толпа любопытных. Слышите за кадром голос диктора:

Вы видите тот самый момент, когда Азизхан-палван установил абсолютный рекорд по поднятию тяжестей на стройке. Смотрите, с какой легкостью он устремляется вверх!

Азизхан поднимается не снеша, осторожно переставляя ноги. Доска под ним прогибается, ходит ходуном. Он вдруг спотыкается, зацепив ногой за ногу. В зале даже вскрикнули от испуга. Меньший мешок с землей, потеряв равновесие, накренился и потянул Азизхана в сторону. Азизхан остановился, легким движением плеча подправил мешки. Но при этом ему на глаза съехала тубетейка. Азизхану что-то кричат. Он ощупью идет вверх по доске. Вот он уже наверху. К нему подбегает Лютфиниса и, сорвав съехавшую на глаза тубетейку, надевает ему на голову, что-то говорит на ухо. Азизхан гордо несет мешки с землей к дамбе.

Что было дальше? Кого еще показывали? Азизхан не помнит. Как только увидел Лютфинису, захолонуло сердце, в глазах потемнело. Он ничего уже не слышал.

Лютфиниса была перед глазами, как живая. Рядом. Шла, принаравливаясь к его шагам, и поправляла на ходу его тубетейку. Что она ему тогда сказала? Он мучительно пытался вспомнить.

Когда фильм кончился и зажгли свет, все кинулись поздравлять Азизхана, но его на месте не оказалось. Азизхан в это время неподвижно сидел у входа в палатку, обхватив руками голову.

Сидел, не обращая внимания на одобрительные возгласы возвращавшихся после фильма людей: «Молодец парень! Вот это герой!» Азизхан думал о Лютфинисе, и слезы застилали ему глаза. И не было рядом ни Икрамджана, ни Тулянбая, кто мог бы утешить его в эти минуты.

Снова, как и прежде, шумно и весело в чайханах Лугумбека — поют певцы, играют музыканты, пляшут танцоры. Только и разговору теперь о показанном фильме, о предстоящем большом празднике. Казалось, один Азизхан не принимает участия в оживленных беседах, он сидит у входа в палатку в темноте, не зажигая лампы.

Перед глазами в который уже раз ожила Лютфиниса. Ведь было такое безоблачное небо! Они были счастливы друг с другом. Это короткое время, пока они были вместе, сотворило с Азизханом удивительное волшебство, превратив его из озорного, непослушного мальчишки в известного не только на стройке, но и во всей республике человека.

Из-за холмов выплывала кроваво-красная луна; медленно поднимаясь над кишлаком, она постепенно бледнела, сначала приняв оттенок бледно-желтый, а уже над самой головой повисла одиноким зеленым фонарем.

Опершись руками о колени, Азизхан с трудом поднялся с места и зашагал вниз, к чайхане, где давно погасли огни. В клетке, висевшей на дереве, встрепенулась перепелка, заслышав шаги.

Азизхан шел по темным улицам кишлака, и сам не зная, куда держит путь. За махаллей Туячи, за полуразвалившимся дувалом, начиналось кладбище. Азизхана остановил донесшийся оттуда крик совы. Он замер от неожиданности и почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

Тут покоится Лютфиниса. Азизхан решил перелезть через дувал и, разыскав могилу Лютфинисы, броситься на нее и дать волю душившимся его слезам.

Послышался гул машины. Сверкнув лучами фар, из-за поворота вынырнул легковой автомобиль. Азизхан, ослепленный светом, прикрыл лицо руками. Машина остановилась возле него. Дверца открылась, и из нее вылез высокого роста мужчина.

— Что ты тут делаешь в столь поздний час?

По голосу Азизхан узнал Усманходжаева. Он отнял от глаз руки и опустил голову.

— Садись в машину!

Ни слова не говоря, Азизхан повиновался. Машина тронулась. Усманходжаев что-то напевал себе под нос, не обращая внимания на сидевшего позади него Азизхана. Потом, как бы вспомнив о нем, оглянулся:

— Что бродишь по ночам, как бездомный бродяга?.. Я понимаю, трудно перенести такое горе... Но ведь не вернешь ее. Возьми себя в руки, парень...

Азизхан молчал.

Машина остановилась возле пекарни. Сошли оба. «Ты отдыхай!» — бросил Усманходжаев шоферу, а сам повел Азизхана за собой.

В пекарне было жарко и светло. Азизхан щурил глаза от яркого света. Несколько пекарей, стоя за большим длинным столом, раскатывали тесто, делили его на небольшие куски и делали из них лепешки. Один, с повязанным вокруг шеи платком и с длинной рукавицей на правой руке, отдирал от стенок тандыра готовые лепешки.

— Что это вы сегодня припоздали, Ишан-ака? — спросил тот, что стоял у тандыра и бросал на плетенный из ивовых прутьев поднос горячие лепешки.

Усманходжаев был чем-то недоволен.

— В моем полку прибыло! — угрюмо сообщил он.

— Ну поздравляем, поздравляем! Сын?

— Спасибо! Девчонка! Дай ей бог здоровья. Ездил в Байтоцкий роддом и задержался. Заварите-ка покрепче зеленого чая. Мы с палваном не отказались бы выпить по пиале ароматного напитка. А то, занятый матерью своих детей, я и забыл, когда ел и пил.

Пока пекарь заваривал чай, разламывал горячие лепешки и раскладывал на подносе перед ними, Усманходжаев сидя уснул.

— Э-э, Ишан-ака, проснитесь, чай остынет. Так кто же из вас рожал, вы или жена?

Азизхан прыснул в кулак. Услышав шутку пекаря, Усманходжаев проснулся.

— Налей-ка чаю, сынок!

Азизхан налил в пиалу чай и протянул Усманходжаеву. Пил он, быстро прихлебывая, словно торопился куда, а когда согнал сон, посмотрел на Азизхана:

— Ты, парень, и не представляешь себе, что творится сейчас на белом свете. Красная Армия перешла восточные границы Польши. Нашим дали приказ освободить из-под гнета панской Польши западные районы Украины и Белоруссии. Молотов по радио выступал.

Азизхан посерьезнел. Волнуясь спросил:

— Война началась?

— Можно сказать и так. Но польская армия, оставшаяся без командования, разве сможет оказать сопротивление нам? Какая же это армия без командира?

— А в армию не набирают людей?

— Вот чего не ведаю, того не ведаю. Кто знает, может, и объявят мобилизацию. Ты давай допивай свой чай и ложись-ка спать. Уже поздно. Завтра у нас много дел. На участках пройдут митинги. Наши поэты написали стихотворное письмо-обращение к ЦК ВКП (б). Гафур Гулям или Хамид Алимджан зачитают его. Побрейся, умойся, надень понарядней рубашку. Всех передовиков пригласят на трибуну.

Азизхан, допив чай, поставил на стол пиалу и, попрощавшись, вышел на улицу. Добравшись до своей палатки, он не раздеваясь плюхнулся на койку и заснул крепким сном.

Висевшая над кишлаком луна словно растворилась в бледнеющем небе. В палатку сквозь щели проникал рассвет.

IX

Азизхан целый день валялся в постели, чувствуя себя разбитым. У него было ощущение человека, попавшего в тупик и не знающего выхода. Через несколько дней пустят по каналу воду, и потечет она по водостокам, устремляясь к Карадарье. А у Куйганяра, остановившись перед плотиной и набрав силы, по головному каналу пройдет через всю долину. Люди, сотворившие это чудо, возвратятся в родные кишлаки к своим семьям, к своей работе. А Азизхан? Куда он подается? В Зирилляму он не может вернуться — как посмотрит в глаза своим односельчанам? Разве простят они ему то, что он оставил тут свою любимую? Да и что ему делать в Зирилляме без Лютфинисы — всякий смысл потеряла для него эта жизнь.

Он понимает, что время затягивает раны, притупляет боль утраты, но разве он сможет предать Лютфинису — оставить ее здесь,

в Куйганяре, одну? Разве он не клялся Лютфиннису в ту ночь, когда выкрал ее со свадьбы, навеки быть рядом с ней, любить всю жизнь. А теперь оставить здесь, вдали от родного кишлака? Ведь она ради него пожертвовала своей жизнью. Уйти отсюда будет равносильно предательству...

И он дал себе слово не уезжать из Лугумбека. Но вот чем ему здесь заняться? Была бы Лютфинниса — другое дело! Жили бы они себе счастливо вдвоем в светлом «дворце», как мечтали когда-то. Но этот «дворец» разрушен, сровнен с землей. Азизхан один не в силах восстановить его и в воображении. Разъехались по домам друзья — Тенгдик и Бейшенали, Икрамджан и Тулянбай. Они поехали к своим семьям, в родные края. Даже Джура-палван, в последние дни не оставлявший его одного ни на час, и тот уехал к своим в Булакбаша. Изредка заглядывает к нему лишь Ишан-ака, интересуясь его житьем-бытьем.

Азизхан с нетерпением ждал торжественного открытия канала. Задержка сейчас была за Куйганярской плотиной — завершались бетонные работы. Азизхан решил попросить Ишана-ака устроить его пока в один из здешних колхозов.

Так раздумывая о своей дальнейшей судьбе, Азизхан вышел из палатки. В эти минуты, когда его тревожили воспоминания о Лютфиннису и невыносимо жгло сердце, он искал утешения в разноголошице чайханы. Порой и ночами, не в силах заснуть, он выходил из палатки, шел в пекарню, что рядом с чайханой, и отводил душу за разговорами.

Теперь и чайхана опустела, и пекарня ночью не работает. Азизхан остался один со своей печалью.

Терзаемый грустными воспоминаниями, одинокий, возвращался он к себе поздно вечером. Возле палатки мелькнула чья-то тень. Кто же это может быть? Он решительно направился к своему жилищу. У входа в палатку на стуле, держа большой узел на коленях, сидела какая-то женщина. В темноте он не мог разглядеть лица.

— Кто тут?

— Это я, палван-ака!

Азизхан узнал голос Вазирь и замер в нескольких шагах от нее. От растерянности он не мог произнести и слова. Зачем эта женщина сидит здесь? Что ей тут нужно?

А вокруг тишина и темень. И даже свет луны не проникает сквозь густую крону высоких тополей.

— Что нужно? — спросил он, собравшись с духом.

Вазиря не ответила, только встала и положила на стул узел. Азизхан хотел уйти, но Вазиря быстро и страстно заговорила:

— Неужели вы такой бессердечный? Не видите, как страдает и мучается мое сердце?! Какой же вы мужчина, если не чувствуете... — она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Азизхан растерялся. С того самого вечера, когда Вазиря пришла к его рубашке пуговицу, он старался не встречаться с ней. Но, признаться, порой думал об этой женщине.

Он взял себя в руки и спокойно сказал:

— Послушайте, сестричка! Вы замужняя женщина. Не надо обманывать себя. На что вы надеетесь? Я совсем недавно потерял дорогого мне человека, пожертвовавшего своей жизнью ради меня. Неужели вы думаете, что не пройдет и месяца, как я ее забуду? Еще не зарос травой холмик на ее могиле, еще свежи раны в моем сердце... Возьмите себя в руки!.. Оставьте меня в покое!..

Вазира вытерла рукавом слезы.

— Милый Азизхан-ака, к сожалению, многое на свете предается забвению. И самое страшное в этом мире — оказаться в одиночестве. Ради вас я оставила семью, ушла от мужа. И ни за что не вернусь обратно. Пойду за вами, куда прикажете. Хоть на край света. Лишь бы быть рядом с вами...

— Я никуда не собираюсь уезжать, — грубо оборвал ее Азизхан. — Не могу я бросить Лютфинису одну. Я останусь здесь, в Лугумбеке, и буду работать в колхозе.

Вазира вдруг кинулась к нему на грудь, оплела руками его шею. В нос ему ударил запах гвоздичного одеколона. На какой-то миг он растерялся, почувствовав горячее дыхание у самого уха. Ее теплые нежные руки ласкали его шею, трепали волосы... Она была объята страстью и любовью к нему. Он взял ее за плечи. Перед глазами предстала Лютфиниса. Азизхан отстранил Вазиру, отступил на шаг.

— Возьмите себя в руки! — сдавленно сказал он.

Наперекор Азизхану Вазира положила руки ему на плечи, прижала голову к его груди. Ее растрепавшиеся волосы касались его щек, щекотали губы. Азизхан крепко схватил Вазиру и оттолкнул. Этот поступок Азизхана, кажется, задел ее самолюбие: она отпрянула взлохмаченная и злая, ее глаза злобно горели в темноте.

— Ради тебя я, дура, отказалась от всего. Ночами не спала. Ни днем, ни ночью ни на миг ты не выходил у меня из памяти. А ты готов растоптать мою любовь! Нет, куда бы ты ни спрятался, я буду следовать за тобой как тень. Ради тебя я отвергла столько молодых красивых парней. Зачем же ты гонишь палкой птицу счастья, что опустилась тебе на плечо. Зачем ты отталкиваешь от себя женщину, мечтающую быть тебе верной женой! Неужели тебе не жалко меня и моих слез?!

Азизхан был добрым парнем и от ласковых слов мог растаять как масло. Однако, хотя слова Вазирьы могли растопить и камень, Азизхан оставался холодным. Он не мог забыть Лютфинису.

— Послушайте, я, по-моему, ничего не обещал вам... Зачем же вы мучаете и себя и меня?

Луна поднялась из-за тополей, осветила поляну перед палаткой. Вазира тяжело дышала, и высоко вздымалась ее грудь.

Азизхан тихо сказал:

— Давайте разойдемся по-хорошему. Как друзья. Нам нельзя больше встречаться.

Как пьяный, шатаясь, побрел он в сторону от палатки. Оглянулся и бросил с дрожью в голосе:

— Уходите отсюда! Уходите!

Вазира со слезами на глазах смотрела ему вслед и с мольбой протягивала руки.

Азизхан вскоре исчез в темноте.

Вазира, закрыв лицо руками, разрыдалась, проклиная свою горькую судьбу.

Х

Шедшая из города грузовая машина остановилась у шлагбаума и погасила фары. Мимо, стуча на стыках рельсов, с грохотом проносился пассажирский поезд. Азизхан вышел на дорогу и попросил шофера подвести до Байтока. Водитель, видно, узнал его, улыбнулся, охотно открыл дверцу.

— Хорманг, палван-бала, я думал, вы уже уехали со стройки!

Азизхан ответил, что собирается уехать после пуска канала.

— Что-то я вас на состязании силачей в Учкургане не видел. Эш-палван там отличился. Двоих на лопатки положил. Многие жалели, что вас не было. Говорили, не мешало бы Эшу нервы пощекотать. А вам в Байток или дальше?

— Нет, в Лугумбек еду. Можете на развилке меня ссадить.

— Ие, интересный вы человек. Машине все равно, куда катить, лишь бы колеса крутились. Отвезу, куда пожелаете. А может, по пути ко мне заедем? Гостем будете. Поговорим о том о сем. Постелю вам на веранде. А на завтрак угощу свежим инжиром, он у нас в этом году здорово уродился. Янтарным соком налился. Так и капает с него. Прямо мед.

Азизхан, сославшись на занятость, поблагодарил шофера за приглашение. Когда доехали до развилки, водитель остановил машину и, высунувшись из кабины, крикнул в темноту:

— Эй, друг, приехали. Дальше в Лугумбек поеду.

Мужчина, сидевший в кузове закутавшись в чапан, сказал, что ему тоже — в Лугумбек. Шофер захлопнул дверцу и дал газу. Всю дорогу до Лугумбека он расспрашивал Азизхана о его жизни. Рассказывал и о себе. Добавил, что давно мечтал с ним познакомиться.

— Заодно узнаю, где вы живете. Как-нибудь приеду и заберу вас к себе. Вот обрадуются жена и дети. Барашка приберег. Зарежу для самого почетного гостя в моем доме. Только не отказывайтесь. Я ваш портрет сколько раз видел, в газете о вас читал и от людей столько слышал, но вот живого в первый раз вижу. Может, все-таки поедем ко мне? А?

Машина свернула с асфальтированного шоссе на проселочную дорогу. Азизхан попросил шофера остановиться.

— Дальше я пойду пешком, разомну ноги.

— Обещаете, что будете моим гостем? — упрашивал его шофер. — Где вас искать?

— Спросите в Белой школе, вам покажут, — ответил Азизхан и, попрощавшись, прыгнул с подножки. Дремавший в кузове мужчина проснулся и, поинтересовавшись у шофера, где они остановились, тоже сошел с машины. Подоснув по стене фарами, грузовик развернулся и помчался в обратную сторону — два красных огонька еще долго светились в темноте, пока не исчезли вовсе.

Азизхан шел не спеша. Незнакомец зашагал следом. Стараясь пропустить его вперед, Азизхан сбавил шаг. Незнакомец, поравнявшись с ним, пошел рядом.

— Не скажешь, друг, где мне найти Азизхана-налвана?

Азизхану голос показался знакомым. Где-то он его уже слышал. Но в темноте нельзя было разглядеть лица.

— А что вы хотели? — поинтересовался Азизхан.

— Мне обязательно надо с ним встретиться. Я из Маргилана приехал. Очень важное дело к нему...

Азизхан вспомнил, где он слышал этот голос. Это был жених Лютфинисы — Нормат. Азизхан насторожился. Зачем он приехал? Что ему надо? Но не раздумывая ответил:

— Я Азизхан, которого вы разыскиваете. Так о чем вы хотели поговорить?

От неожиданности Нормат отпрянул в сторону и испуганно посмотрел на Азизхана:

— Да нет, не может быть... Вы... вы Азизхан?

— Да, я тот самый Азизхан, которого вы разыскиваете.

Нормат, словно кто-то мог подслушать их разговор, воровато посмотрел по сторонам и тихо сказал:

— Здесь не могу говорить... Весьма важный разговор.

Азизхан вспомнил о приезде Нормата в Лугумбек. Тогда, бросив ему под ноги нож, он исчез из кишлака.

— Да, — сказал Азизхан с сожалением. — Сглунил тогда, что отпустил вас. И не сберег Лютфинису. Я тогда о себе пекся, о своей шкуре заботился, а о ней не подумал... Так что вам от меня теперь нужно? Ее уже не воскресить. Навечно осталась она здесь, в Лугумбеке.

Нормат робко подошел поближе к Азизхану и осторожно взял его за запястье:

— Э, братишка, вы еще много не знаете. Но, как говорится, то, что прошло, былшем поросло. Ведь тогда, отпустив меня, вы накликали на мою голову беду. Лучше бы вы убили меня в тот вечер...

Они продолжали идти рядом в темноте.

— Послушайте, — сказал Нормат, оглядываясь. — Дальше не пойду. Думаю, нам можно и тут поговорить. Откладывать больше нельзя. Давайте присядем на минуточку.

Они сошли с дороги и присели на обочине.

— Вот уже неделю меня без конца вызывают в милицию. Обвиняют в убийстве Лютфинисы. Я ничем не могу доказать, что к этому не причастен. Был под арестом, под расписку о невыезде выпустили, — угрюмо сказал Нормат.

Азизхан знал, что Лютфинису убил ее брат, Акбарали. «Зря парня мучают». — подумал он.

— Ты в милиции скажи, чтобы меня допросили. Я подтвержу, что ее убил Акбарали. Жаль, что он сам на тот свет отправился, не то я из него не знаю что б сделал.

Нормат испуганно вытаращил глаза:

— Что вы говорите? Вы ошибаетесь, он жив.

Азизхан недоверчиво, словно его разыгрывают, посмотрел на Нормата: «Уж не рехнулся ли?!»

— Как жив?

— Да так, жив. — вздохнув, сказал Нормат. — Теперь он вас выслеживает.

— Не может быть... Я собственными глазами видел, как он утонул.

Азизхан в темноте не видел выражения лица Нормата. Тот к тому же сидел обхватив руками голову и опершись о колени.

— Узнав о гибели Лютфинисы, я впал в отчаяние. Из дома никуда не выходил. На третий или четвертый день меня забрали в милицию. Допросили. Сказал, что никуда в последние дни из Маргилана не отлучался. В тот день, когда произошло это, я допоздна засиделся в чайхане. Вернулся домой часов в одиннадцать. Можете, говорю, спросить у чайханщика, у друзей, с которыми сидел, они подтвердят. Но меня и слушать не хотят, без конца таскают на допрос. Прошлой ночью снова стук в дверь. Сердце у меня в пятки ушло. Снова из милиции. думаю. Открыл — стоит брат жены Акбарали. Вошел, поспешно сунул мне в руку какую-то записку. Я зажег керосиновую лампу, прочитал: «Срочно приходи, жду!» Спрашиваю позднего гостя, куда мне идти. Одевайтесь, говорит, я вас провожу. Я и пошел за ним.

— От кого была записка? — прервал его Азизхан.

— Как от кого? От Акбарали, конечно.

— И куда же он тебя повел?

Нормат говорил торопливо, словно кто подгонял его.

— Вышли... На противоположной стороне улицы в тени карагача я заметил «эмку». Шофер за тридцатку довез нас до Алтынкуля. В темноте шли по узким улочкам незнакомого мне кишлака и задворками вышли к тугаям. Постепенно рассвело. Пройдя через камышовые заросли, мы очутились на небольшой полянке. Это была чья-то бахча. Акбарали сидел у шалаша, подогревая воду в кумгане. Увидев нас, он привстал, но тут же со стоном сел на место. Он был весь какой-то помятый, обросший, со следами синяков на лице; из-под рваного халата виднелось перебинтованное плечо. Вместе позавтракали... Родственник погрузил на арбу дыни, уложенные с вечера горкой, и повез на базар. Мы остались вдвоем. Поинтересовался, что слышно о нем в городе. Я ему все рассказал. Он сердито посмотрел на меня и зло бросил: «Ты не мужчина, а баба!» У меня аж поджилки затряслись — такие у него были страшные глаза. Он глядел на меня так, словно собирался стереть

в порошок. «Из-за тебя, подлеца, я прячусь здесь от людей. Из-за тебя, подлеца, я зарезал свою сестру. Как я теперь вернусь к своим детям, к своей семье, в родной кишлак? Ты своего слова не сдержал, а еще считаешь себя мужчиной! От страха нож выронил из рук. Баба! Запомни, мне теперь нечего терять. Знаю, что меня ожидает вышка. Одно убийство я уже совершил, какая теперь для меня разница, одного я убил или двоих. И пока я не прикончу этого негодяя Азиза, не успокоюсь. Если не убью его, пусть в могилу меня живым закопают», — поклялся он. Мне стало ясно, чего теперь он хочет, но зачем ему понадобился я, этого не мог понять. Акбарали положил руку мне на плечо и процедил сквозь зубы: «Ты тоже у меня не отвертишься. Азизхана уберешь сам. А не сделаешь этого, я вот этими руками задушю тебя». Сижу ни жив ни мертв. Вот, думаю, угораздило меня сюда приехать. Сердце от страха перестало биться. А он: «Я бы сам с удовольствием убрал этого щенка, дай бог мне только поправиться, набраться сил». Глаза у него так и сверкают. В нетерпении он вскочил на ноги, но тут же, вскрикнув, со стоном упал. Видно, раны беспокоили его. Кроме нас двоих, в шалаше никого не было. Только слышно, как на ветру шуршат камыши. И зачем только согласился приехать сюда, ругаю сам себя. Впутался в такое дело, что и вовек не выкарабкается. Достаточно, думаю, и позора перед родными и земляками за свадьбу. Теперь еще остается убийцей стать. О боже, за какие грехи ты ниспослал мне столько горя, мучений. Характер Акбарали мне знаком. Этот ни перед чем не остановится, мать родную не пожалеет ради собственного благополучия. Видно, боль успокоилась, и, перестав стонать, Акбарали сердито сказал: «Через несколько дней я встану на ноги. Не ожидая прихода моего человека, явишься сюда. Вместе разыщем Азизхана и порешим. Слово мужчины закон. Передумаешь или струсил, пеняй на себя». Услышав эти слова, я чуть не лишился чувств. Просить, умолять отпустить меня с богом — бесполезно. Не такой он человек. Я сказал, что согласен. В тот же день добрался домой. Два дня, запершись, никуда не выходил и все думал. Даже голова распухла от мыслей. И во сне мне снились всякие кошмары — будто ночью приходили за мной ангелы смерти. На третий день, не выдержав этих пыток, я решил разыскать вас и сообщить о намерении Акбарали. Ночью, чтобы никто не видел меня, отправился на поиски. И вот...

Азизхан весь кипел от негодования. Сердце как бешеное колотилось в груди. От гнева и возмущения он не мог вымолвить и слова. Азизхан встал, нервно зашагал взад-вперед по дороге. Потом, выругавшись, остановился, вероятно придумав что-то, и подбежал к Нормату:

— Я знаю, вам будет трудно, но будьте так добры. Отведите меня сейчас же к Акбарали.

Нормат от удивления раскрыл рот. Он вовсе не собирался показываться тому на глаза. Сославшись на усталость, Нормат сказал, что надо это отложить до следующего раза. Азизхан сначала уго-

варивал, но, так как Нормат не соглашался, он, разозлившись, схватил его за руки и потащил за собой.

— Прощу вас, оставьте меня в покое. Я очень устал. Ноги уже не слушаются, третью ночь не сплю!

Азизхан и слушать его не хотел. Охваченный гневным порывом, он волок за собой ушправшегося Нормата.

XI

На рассвете, снова нагрузив арбу дынями, родственник Акбарали отправился на базар. Акбарали целыми днями оставался один. Он никуда из шалаша не выходил, валяясь на старом ватном одеяле, постеленном на ворохе соломы. Безрадостные мысли угнетали его, и, чтобы забыться, он старался заснуть, но никак не мог, несмотря на несколько тревожных бессонных ночей. Акбарали уже потерял счет дням. Спроси его, и он не сказал бы — какой сегодня день. От одиночества и медленно тянувшегося времени Акбарали готов был выть волком. Правда, вечером с базара возвращался брат жены, привозил ему что-нибудь поесть. Поговорить снова некогда — надо рвать и складывать горкой созревшие дыни. Уставший за день родственник, наскоро поужинав, ложился спать, и через минуту уже слышался его громкий храп. Утром, чуть свет, на арбе, нагруженной так, что лошадь еле передвигала ноги, отправлялся на базар.

А этой ночью Акбарали приснилась покойная мать. В простеньком платье из домотканой материи стоит она с распущенными волосами у входа в шалаш и с укором глядит на сына. Потом поманила его рукой и говорит: «Мы ждем тебя, иди скорей, коль сестру свою ко мне прислал». Проснулся Акбарали весь в поту, руки и ноги трясутся. Душа матери не случайно явилась ему. Сильно сдавило сердце, и он выбежал из шалаша. Ему захотелось домой, к жене, к детям. Как они там без него? Когда брат жены хотел сообщить сестре о нем, чтобы она не беспокоилась, Акбарали предостерег того никому ничего не говорить. Женщина — существо слабое, возьмет и проболтается. А сейчас ему до слез захотелось домой, и эта тоска по дому крепла с каждой минутой. От ярости он готов был растерзать в клочья Азизхана, попадись он ему сейчас, виновника всех его страданий. Почему в ту ночь, когда Азизхан преследовал его, он не вонзил в него нож? Испугался?.. Вспомнил, как поколотил его Азизхан, и еще больше заскрежетал зубами. Азизхан выбил у него из рук нож... Что было потом, Акбарали не помнил. Когда очнулся — лежал на песчаной отмели. С трудом приподнялся. Ныло и болело все тело. Над горизонтом медленно вставало солнце, и камышинные метелки золотились в его утренних лучах. Акбарали кое-как, корчась от боли, встал на ноги. Рядом с шумом, оставляя на порогах пенный след, текла река. Как он здесь очутился?

Акбарали не знал, что река понесла его, потерявшего сознание, вниз по течению и прибила волной к берегу. Посмотрел по сторонам. Незнакомые места. Откуда-то доносилась музыка. Сделал шаг-другой к берегу, но ноги, распухшие в коленях, не сгибались, и он

рухнул на песок, правда успел схватиться руками за прибрежный куст.

— Эй, парень, осторожней. С этой рекой шутки плохи.

Акбарали испуганно поднял голову — откуда доносится голос? Никого вроде не видно.

Когда, уцепившись за куст, он вновь поднялся на ноги, то увидел старика с лопатой. Рядом стояла арба, доверху нагруженная речным песком.

— Что ты тут делаешь, парень? — поинтересовался старик, продолжая работать.

Так как Акбарали молчал, старик предположил, видно, что парень этот из рыбаков, и с иронией спросил:

— Ну что, попалось что-нибудь на крючок?

Акбарали, ничего не понимая, таращил на старика глаза. Откуда-то издалека опять донеслась до его слуха музыка. Теперь она ему показалась знакомой. Ну конечно, это траурный марш. Старик воткнул лопату в землю и, опершись на нее двумя руками, тоже прислушался. Потом провел ладонями по лицу, благословляя кого-то.

— Пусть земля ей будет пухом! В рай к гуриям вознесется! Так и не дождалась, бедняжка, того радостного дня, когда в канал пустят воду.

Акбарали, все еще ничего не понимая, как оглушенный мотал головой, стараясь удержаться на ногах.

— Девушку тут какой-то негодяй зарезал! — разъярил старик. — Весь народ вышел на похороны.

Акбарали покачнулся и, чтобы не упасть, прислонился к стволу джиды.

— Видать, самой судьбой была уготована ей такая короткая жизнь.

Только сейчас дошел до Акбарали весь ужас совершенного им злодеяния. Он сел на землю. Старик сокрушенно покачал головой:

— Ой, молодежь, молодежь! Эти пьянки вас до добра не доведут. И что вы нашли в них? Под предлогом поудить рыбу собираетесь с дружками выпить. Вот видишь, дружки тебя пьяного и бросили. А если бы волки тебя ночью растерзали? Знаешь, какие тут крупные степные волки, кобылу легко задирают. Тебя просто бог миловал. Скольких героев и палванов погубила эта злодейка — водка...

Старик, продолжая накладывать песок в арбу, не переставал говорить:

— Ты знаешь, сколько жизней уносит эта река в год? И не считать. Возьмут одну удочку на двоих-троих, несколько бутылок водки и немного закуски. После первой у всех появляется игривое настроение и желание совершить какой-нибудь героический поступок, например переплыть реку в самом широком месте. Вот река и уносит таких... Скольких она уже поглотила.

Траурный марш слышался все отчетливее. Старик поднял голову и посмотрел в сторону Зеленого моста.

— Какому же подлецу, чтоб он в огне сгорел, пришлось в голову поднять руку на такое юное существо? В милиции не дураки, все равно найдут. Таких подлецов, как он, не задумываясь надо ставить к стенке и расстреливать.

Акбарали опустил голову, и тут он заметил, что на левой ноге нет сапога. Старик, уже наполнив песком арбу, умывался на берегу. Стараясь скрыть дрожь в голосе, Акбарали спросил:

— А куда ведет эта дорога, папаша?

— Э-э, да ты, видать, здорово приложился, что и дороги не помнишь. Эта дорога на Куйганяр, а эта тропка вдоль берега — в Алтынкуль. Тут только пешему можно пройти. Ни машина, ни телега не пройдут. Верно в народе говорят: что пьяный, что слепой — один черт, а ведь слепой, заведи его куда, дорогу домой найдет... Чуу! — крикнул старик, взяв лошадь под уздцы.

Скрипя колесами, нагруженная до краев арба медленно покатила в гору. Акбарали долго смотрел вслед ей.

Значит, эта тропка выведет его в Алтынкуль. Акбарали прикинул, что идти по ней намного безопасней. Он вспомнил, что брат жены где-то в том районе получил участок земли и выращивает дыни. За два дня до приезда в Куйганяр он побывал у него на бахче и даже переночевал одну ночь в шалаше. Там можно будет спрятаться подалеже от человеческого глаза. Найдя наконец выход, обрадованный Акбарали, забыв снять единственный сапог, прихрамывая, побежал по тропинке. Заросли камыша были густые и высокие, почти в рост человека, и Акбарали не было видно за их стеной.

Вскоре тропинка вывела его на открытую поляну. Видно, тут и начинались бахчевые участки. Чуть левее раскинулось колхозное поле. Невдалеке три женщины собирали хлопок. Чтобы не попадаться им на глаза, Акбарали схоронился в зарослях камыша. Долго стоял в нерешительности, не зная, что предпринять. Откуда-то доносился гул проезжающих машин. Где-то поблизости, видно, проходит дорога. Придется переждать здесь до наступления темноты. Рисковать не стоит. Акбарали достал из бокового кармана часы — они стояли, в них попала вода, когда он оказался в реке. Порывшись в карманах, вытащил кожаный кошелек, он тоже промок от воды — лежавшие в нем восемьдесят рублей слиплись. «Авось пригодятся», — сказал себе Акбарали и разложил бумажки сушиться на солнце. Так просидел до вечера — ужасно хотелось есть, все тело ныло от малейшего движения. Одежда на нем пообсохла; но рваная рубашка, грязный вид могли выдать его.

Вечер опустился внезапно, словно большая черная птица махнула крылом, и все погрузилось в темноту. Акбарали поднялся и, с трудом волоча ноги, двинулся в ту сторону, откуда доносился гул машин и где, по всей вероятности, должна была быть дорога. Шоссе оказалось совсем рядом. Мимо пронеслись машины, катили арбы, запряженные ишаками, шли конные и пешие. Акбарали

узнал — это была оживленная трасса из Андижана в Чинабад. Не доходя нескольких десятков шагов до алтынкульского гузара, Акбарали свернул направо, к бахче своего родственника. Дорогу туда он помнил.

В шалаше горела лампа. Приятно пахло спелыми дынями. Над очагом, сложенным из сырца, струйкой вился сизый дым. Брат его жены, сидя на корточках, готовил ужин.

Почуяв чужого, из-за шалаша стремительно с лаем вылетела огромная собака-волкодав. Акбарали испуганно замер на месте, прикрывшись руками. Брат жены нехотя обернулся. «Али! Али!» — закричал от страха Акбарали, взывая о помощи. Узнав по голосу зятя, брат жены вскочил и с криком отогнал собаку от гостя. Глянув на растерзанного и грязного Акбарали, удивленно произнес:

— Ис, почча¹, что это с вами?

— Лошадь, испугавшись машины, сбросила в арык! — первое, что пришло на ум, сказал Акбарали.

Обо всем Али узнал на следующий день, побывав в кишлаке. Акбарали уже разыскивала милиция. «Никому ни слова о том, что я здесь. Смотри не проболтайся сестре. Она женщина слабая, нечаянно может выдать, а тогда нам всем крышка!» — припугнул он Али.

Акбарали за эти дни подлечился, набрался сил и теперь вынашивал план мести. Через день явится Нормат. Вдвоем уж они быстро решат, как убрать этого молокососа. Ох, как он отомстит этому выскочке за все свои страдания, а там исчезнет, как иголка в стогу сена, провалится сквозь землю. Но отомстить он должен, он поклялся своей честью. Так думал Акбарали, лежа на одеяле в шалаше. Собака на цепи беспокойно зарычала, царапая когтями землю. Акбарали приподнялся и посмотрел в ту сторону, откуда доносилось шуршание. Раздвигая камыши, по тропинке к нему приближался какой-то мужчина. Акбарали пригляделся и обомлел. Нет, не может этого быть! Сердце екнуло и учащенно забилося. Навстречу ему шагал Азизхан. Акбарали пошарил у себя за поясом и вскочил с земли. «Может, бежать?» — мелькнула мысль. Но тут же передумал. Что он испугался? Ведь он же собирался разыскать Азизхана, а тут жертва сама идет к нему в руки. Акбарали все равно терять нечего. Азизхан еще был метрах в пятидесяти. Собака рвала цепь, задыхаясь, хрипло лаяла, царапала когтями землю.

— Не подходи, коли дорога тебе жизнь! — громко крикнул он Азизхану.

Азизхан, не обращая внимания на его угрозы, уверенно и смело шагал к нему. Тогда Акбарали, подбежав к разъяренной собаке, спустил ее с цепи.

— Взять его, Каплан! Взять его!

Собака с рычанием бросилась на чужого. Одним прыжком она

¹ П о ч ч а — зять, муж сестры.

очутилась возле него. Заслонив левой рукой лицо, Азизхан ловко увернулся от собаки, и, когда она, развернувшись, прыгнула снова, крепкие пальцы его вытянутой руки сомкнулись у нее на шее. Азизхан наступил ей на шею, и та захрипела и задергала лапами. Акбарали, вытянув вперед руку с ножом, приближался к нему сзади. Услышав шаги, Азизхан резко обернулся. Капкан, скуля и визжа, отполз в сторону. Акбарали остановился и прошипел сквозь зубы:

— Не подходи ко мне! Худо будет, не подходи!

Азизхан словно и не слышал его. Чуть согнувшись, расставив руки в стороны, пошел на Акбарали. Тот, почувствовав опасность, стал пятиться, споткнулся о кумган, упал, тут же, чертыхаясь, вскочил на ноги.

— Тебе мало того, что ты сделал с нами? Чего ты еще доби- ваешься? — прохрипел он, тяжело дыша.

Припертый к шалашу, Акбарали огляделся по сторонам и, поняв, что отступать некуда, заскрежетал зубами. Акбарали так крепко держал нож, что посинели пальцы.

— Брось нож, убийца! — крикнул ему Азизхан.

Акбарали таращил полоумные глаза, но ножа не бросал.

— Один раз тебе удалось уйти от меня. На этот раз не удастся!

— Думаешь, испугался тебя, щенок! — сказал Акбарали, глядя Азизхану в глаза. — Меня мать родила мужчиной. Я не из тех, кто так легко дается в руки. И хотя на свет меня родила мать, вырастил отец, жизнь моя в моих собственных руках. Остаться или уйти из этого мира — решать мне.

Азизхан медленно приближался. И вдруг Акбарали, резко взмахнув рукой, всадил нож себе в грудь.

— Вот смотри! — прохрипел он, шатаясь.

Выдернув из груди окровавленный нож, он опять всадил его себе в живот, закачался, выронил нож, схватился обеими руками за живот и со стоном повалился на землю. Чтобы не видеть исте- кающего кровью Акбарали, Азизхан прикрыл руками глаза и от- вернулся.

— Благодарю аллаха за то, что не пал я от грязной руки врага, уберег себя от его презренного ножа... — прохрипел Акбарали.

У Азизхана закружилась голова, шатаясь как пьяный, он ото- шел в сторону, и его вырвало. Сколько он просидел так, на корточ- ках, закрыв глаза, Азизхан не помнил. Очнулся от ружейной паль- бы, звуки выстрелов эхом прокатились по безлюдным тугаям. Вспугнутая стая диких уток с громким криканьем пролетела над головой.

Азизхан повернулся и пошел по тропе. У дороги, за деревьями, он увидел Нормата. Тот стоял бледный и трясущимися руками ста- рался застегнуть пуговицу рубахи, но это у него не получалось.

Азизхан, даже не взглянув на него, пробежал мимо. Он бежал, спотыкаясь о пни, ломая кусты, не разбирая дороги, и глаза его застилала слезы.

Деревья, истосковавшиеся по дождю, стояли унылые. По земле закружились в хороводе пожелтевшие осенние листья. В воздухе летали серебряные нити паутины, цепляясь за ветви и высохшие листья тополей. Утренняя роса мелкими солнечными зайчиками отражалась в пожухлой траве и испарялась, когда солнце поднималось высоко в небо.

Из садов повеяло запахом спелой айвы. Ярким багровым пламенем светилась связка красного перца во дворе дехкана. Над крышами домов летали сороки-воровки с грецкими орехами в клювах.

Азизхан не спеша шел по улочке кишлака. Тихо кругом. Только ветви яблонь с налитыми соком плодами свисают над дувалами, словно облокотившись на них, чтобы полюбоваться кишлачной улицей. За низкими глинобитными заборами хорошеют осенние сады — склонились к земле от тяжести плодов тонкие ветви граната; на деревянных сури разложены тыквы, небольшие, с детскую головку, и огромные, с мельничным жернов, тут же между ними греют на солнце бока сорванные на бахче дыни. Вот старуха разводит огонь в тандыре — чиркнула спичкой, и из отверстия печи сначала валит сизый дымок, но сухой хворост вспыхивает, как порох, и вот уже полыхает ярким пламенем. Языки огня жадно лижут края тандыра. А там молодуха развешивает белье на веревке, натянутой между деревьями. Средних лет женщина с засученными рукавами, сидя на корточках, толчет рис в ступе.

Эти глинобитные домики, и люди, и переливающиеся радужными красками щедрые осенние сады напомнили Азизхану родной кишлак. Отец, бывало, даст ему ступу толочь рис, а сам сидит рядом, просеивает, отделяя зерна от шелухи. Мать разведет рано утром огонь в тандыре и, пока он раскалится, сидит на сури задумчивая, любясь своими мужчинами. О чем она думает в такие минуты, Азизхан не знает.

Глядя на женщину, толкущую в ступе рис, он улыбнулся. Вспомнил, как после долгих уговоров отца выносил большую деревянную ступу во двор и с такой силой колотил по ней, что отец невольно замечал:

— Хай-хай, потише, сынок, так ступу можно расколоть! Она еще пригодится!

Однажды так и случилось. Толок в ступе рис и так ударил по ней деревянным пестиком, что ступа, выдолбленная из тутового дерева, разломилась пополам. Отец не догнал его тогда — не то б досталось. Азизхан убежал к мальчишкам.

Задумавшись, Азизхан чуть не столкнулся со стариком с остроконечной палкой. Останавливаясь, он ворошил разбросанную у дувалов бумагу. Несмотря на согбенную фигуру и почтенный возраст, старик выглядел бодрым. Азизхан поздоровался с ним и спросил: «Не скажете ли, где дом Эша-ака?» Аксакал, не говоря ни сло-

ва, поманил его за собой, продолжая по пути ворошить палкой мусор. У поворота на другую улицу он подошел к двустворчатой калитке, ткнув палкой, раскрыл одну половину двери и крикнул:

— Эй, Эшмухаммед! Сынок, к тебе пришли, выходи!

И когда из глубины двора отозвался мужской голос, старик молча побрел своей дорогой. Насадив на кончик палки кусочек хлеба, оброненного кем-то из мальчишек, он положил его в щель в дувале.

— Вот чертенята, а! Вот ребята-чертенята! — укоризненно качал он головой.

Послышались шаги, и на пороге появился Эш-палван. Увидев Азизхана, он радостно воскликнул:

— Ие, ты только посмотри, ие! — и кинулся жать Азизхану руку. — Ну, здравствуй, здравствуй, брат! Как поживаешь? Молодец, что приехал! Ну, входи, входи!

Азизхан извинился за беспокойство, зайти в дом отказался. Сказал, что заглянул на минутку повидаться.

— Ты что, сдурел? Эш не такой, чтоб гостя от ворот провожать. Пока хоть глоток чая не отопьешь, не отпущу.

Азизхан не соглашался, ссылаясь на спешку.

— Давайте посидим здесь, Эш-ака, — сказал он, присаживаясь на супу у входа в калитку.

Эш-палван присел рядом. Здорово изменился Азизхан с тех пор, как они не виделись. Осунулся, глаза ввалились — это был не прежний веселый и беззаботный парень. Взгляд его стал задумчивым. Да и разговоривал он теперь спокойно, неторопливо, как человек, знающий цену жизни.

— Ну что? — сказал Эш-палван.

Азизхан задумчиво потер ладонями лоб и вдруг спросил:

— Эш-ака! Вы сможете простить своего взбалмошного младшего брата?..

Эш-палван хотел было что-то сказать, но Азизхан не дал ему и рта раскрыть.

— Нет, вы сначала скажите — простите меня или нет? Я опозорил вас перед народом, человека, который слов своих на ветер не бросает.

Эш-палван с улыбкой посмотрел на него:

— Глупый ты, оказывается, парень. Неужели до сих пор не понял ты моего характера? Характер у Эша чертовский — слишком вспыльчивый — раз-раз вспыхну и тут же погасну. Ты меня должен простить, а не я тебя. Нехорошо я по отношению к тебе поступал, а теперь раскаиваюсь. Как, думаю, перед парнем-то извиниться за свой несносный характер. Хорошо, что ты сам ко мне пришел. Вот, в глаза тебе-глядя, и говорю.

Азизхан думал, что Эш-палван держит в сердце обиду на него. И когда услышал от него такие слова, обрадовался.

— Эш-ака, — сказал он, и глаза его заблестели, — я уезжаю. Может, больше не свидимся. Не хочу, чтоб в вашей душе остава-

лась хоть капелька обиды на меня. Вот и пришел проститься и попросить прощения.

Эш-палван не стал спрашивать Азизхана, далеко ли он собрался. Положив руку ему на плечо, доверительно, по-отечески ласково сказал:

— Брат мой! Где бы ты ни был, будь счастлив и здоров. Будь стойким и крепким, как гранит. Мне на своем веку многое пришлось повидать. Скольких силачей я положил на лопатки. И самому тоже приходилось уходить с ковра побежденным. Состязание в силе и ловкости — это своего рода везение. Победил — ты король. Проиграл — обида гложет сердце. Ходишь сам не свой. И ждешь следующей схватки, когда удача вновь улыбнется тебе.

Азизхан прервал его:

— Могу попросить вас об одном одолжении? Завтра в Майгире проводится состязание палванов. Давайте в последний раз с вами поборемся. Умереть мне на этом месте, если я не сдамся вам. Уложите меня на лопатки, и все обиды забудутся. И я буду спокоен. Ну согласитесь, Эш-ака!

Эш-палван покачал головой:

— Да пусть себе шею свернет тот палван, который поборет тебя! Возьми свои слова обратно. Пусть твои плечи никогда не коснутся земли и чтоб не знал ты поражений. Я тысячу раз прощаю тебя.

Азизхан вскочил с супы, схватил сидящего рядом Эша-палвана и приподнял его. Потом опустил, но из объятий не выпускал. Потеря щекой о его шею, и Эш-палван почувствовал, как две горячие капли скатились ему на плечо.

Эш-палван тоже разволновался и все повторял:

— Ну, хватит, хватит, сумасшедший. Маленький ты, что ли? Выпустив Эша из объятий, Азизхан отвернулся и рукавом вытер мокрое лицо.

— Ну прощайте, ака!

Не оглядываясь, он быстро зашагал вниз по улочке. Эш-палван глядел ему вслед, пока Азизхан не исчез за поворотом.

Солнце высоко поднялось над головой, припекая все сильнее. Надетые утром дехканами чапаны были теперь перекинuty ими через плечи. Азизхан легко, как человек, сбросивший с себя давно лежавший на сердце камень, шел по дороге.

Навстречу беспрестанно тянулись грузовики, груженные хлопком. Азизхан зашагал к автобусной остановке. Его на большой скорости обогнала машина «скорой помощи» и вдруг резко затормозила. Азизхан встревоженно посмотрел в ту сторону — дверца открылась, и из машины в белом халате вышла Вазира.

Азизхан даже остановился от неожиданности. Он стоял, как человек, совершивший кражу и пойманный с поличным. Вазира, радостная, бежала ему навстречу.

— Где вы пропадаете? — улыбаясь спросила она, протягивая

руку. — Дважды ездила в Лугумбек и не могла найти. Разве так можно?!

Она укоризненно покачала головой.

Азизхан чувствовал себя виноватым, но холодно ответил:

— Держусь от людей подальше.

— Хотите, мы вас на машине подвезем?

Азизхан, поблагодарив за любезность, отказался.

Вазира обиженно надула губы и, развязав тесемки на рукаве халата, взглянула на часы.

— Подождите меня, я сейчас...

Она побежала к машине, оставляя на горячем асфальте следы от маленьких туфелек. Сняв халат, кинула его на сиденье и, что-то сказав шоферу, захлопнула дверцу. Машина уехала. Вазира, улыбаясь, вернулась к продолжавшему стоять на месте Азизхану.

— Пешком пойдем? Смена моя кончилась, могу хоть до утра гулять.

Азизхан не переставал удивляться, почему эта женщина ведет себя с ним так, будто он ей что-то пообещал.

Они шли молча по обочине дороги в тени больших развесистых карагачей.

Вазира была в розовом крепдешиновом платье с глубоким вырезом на груди и короткими рукавами, обнажавшими полные руки почти до плеч. Лицо ее покраснелось от жары, и она часто обмахивалась рукой. Азизхан продолжал молчать, и она стала рассказывать ему, как с подружками ездила к Арсланбоб, в горы. Но ее рассказ совершенно не интересовал Азизхана. Она это заметила и все же продолжала восторженно расхваливать те места, где недавно побывала.

Так они дошли до колхозного сада. Сад был большой, раскинувшийся на десяток с лишним гектаров. Теплый ветер гулял между стволами деревьев, шелестя сухими осенними листьями. Созревшие еще в июле плоды урюка были давно собраны, и оттого в саду было тихо и безлюдно. Земля вокруг деревьев вся поросла мохом. На полянке, лениво пощипывая траву, паслись козы и овцы.

— Может быть, погуляем немного по саду? — предложила Вазира, беря Азизхана под руку.

Рука ее была мягкая и теплая. Азизхан почувствовал, как напряглось ее тело. Вазира потянула парня за собой. В тени деревьев было прохладно. Они вышли к небольшому хаузу, затянутому зеленой тиной. На берегу хауза стояла сури, сплошь усыпанная пожелтевшими листьями. Азизхан сгреб сухие листья в охапку и сбросил их на землю.

— Садитесь, вы, кажется, устали, — сказал он равнодушно, присаживаясь на деревянный помост.

Бросив сумку на ворох листьев, Вазира присела рядом, распутала косы, уложенные венком на голове.

До него долетал едва уловимый приятный аромат духов и жен-

ского тела, будоражащий кровь и кружащий голову. Он поднял глаза. Его взгляд скользнул по открытой шее Вазиры.

Вазира ловила на себе его жадный взгляд и, уверенная в своей победе, ликовала в душе. Она давно мечтала о том, чтобы сломить своими чарами волю этого парня, которого она давно и безответно любила. Очарованный Азизхан смотрел на ее круглые белые плечи, пухлые руки, не в силах оторвать глаз.

Вазира, делая вид, что ничего не замечает, небрежно закинула ногу за ногу, оголив колени. «Ох, как ноженьки мои устали!» — пожаловалась она, растирая голень, и, как бы случайно бросив на него взгляд, испуганно одернула подол и сказала: «Ах, какой вы бесстыжий!» Это была всего лишь игра, рассчитанная даже на самое холодное мужское сердце. Она все это проделала с таким кокетством и очарованием, что Азизхан невольно придвинулся к ней. Вазира потянулась за сумкой и словно невзначай оперлась о его колени. Пьянящий нежный запах снова вскружил ему голову. Азизхан с трудом заставил себя отодвинуться.

Вазира вдруг вскочила, закрыла руками лицо. Азизхан испугался и, подойдя к ней, обхватил ее за плечи: «Что с вами, Вазира? Что случилось?» Она оторвала от заплаканного лица ладони — в ее глазах было столько ненависти, что он невольно отвел взгляд.

Невысоко над головой, громко стрекоча, пролетел самолет. Азизхан посмотрел вверх, но сквозь густую крону деревьев ничего не увидел. Гул исчез, но от дороги, со стороны кишлака, послышались восторженные голоса ребят. Они что-то кричали вслед удалявшемуся самолету. Азизхан снова тронул ее за плечи — сурьма от слез размазалась по ее лицу.

— Что с вами?

Вазира от его прикосновения вздрогнула и, глядя на него испуганными глазами, отшатнулась.

Отряхнула прилипшие к платью листья и прислонилась к дереву — плечи ее тряслись от рыданий.

— Вы не мужчина! Зачем надели на голову тибетейку и перепоясались кушаком, как джигит? О боже! И зачем ты меня так наказал, чем я перед тобой провинилась? Зачем заставил полюбить не человека, а бездушный камень, — сквозь слезы причитала она.

А со стороны кишлака все громче слышались ребячьи голоса. Азизхан еще раз взглянул на Вазиру и стремительно зашагал из сада.

Выйдя на шоссе, он увидел, что все глядят в небо, и когда поднял голову, то в ослепительно голубой выси в лучах солнца заметил белых голубей. Он не сразу сообразил, что это листовки, сброшенные с самолета. А «кукурузник» летел все дальше над долиной, оставляя за собой в небе белый порхающий след. Он вспомнил тот день в Язъяванской степи у киргизской юрты, как над ним пролетел самолет, сбросивший листовки и этим перевернувший всю его жизнь.

Ватага ребят с криками неслась вслед за летевшими к земле

«бумажными голубями». Они, порхая, падали на пыльную дорогу, на траву, и мальчишки, расталкивая друг друга, собирали их с земли.

Азизхан заметил, как маленький листочек, пролетев перед самым его носом, качнулся, как лодка в воде, и упал на обочину. Азизхан поднял его. Это был специальный выпуск газеты «На Сталинской стройке».

На одной стороне листовки был напечатан рапорт узбекского правительства Центральному Комитету партии. Руководители республики от имени десятков тысяч строителей докладывали партии и правительству об одержанной трудовой победе. Большой Ферганский канал, протяженностью более двухсот семидесяти километров, был построен в рекордно короткие сроки — за сорок пять дней.

На обратной стороне листка оказалось поэтическое письмо-обращение строителей к Центральному Комитету партии, написанное известными поэтами Гафуром Гулямом и Хамидом Алимджаном.

Азизхан повертел в руках газету и тут заметил наверху слева свое фото. Его портрет был напечатан рядом с фотографией Дунана Дусматова. А над ними крупно, на всю ширину страницы: «Слава нашим героям-строителям!»

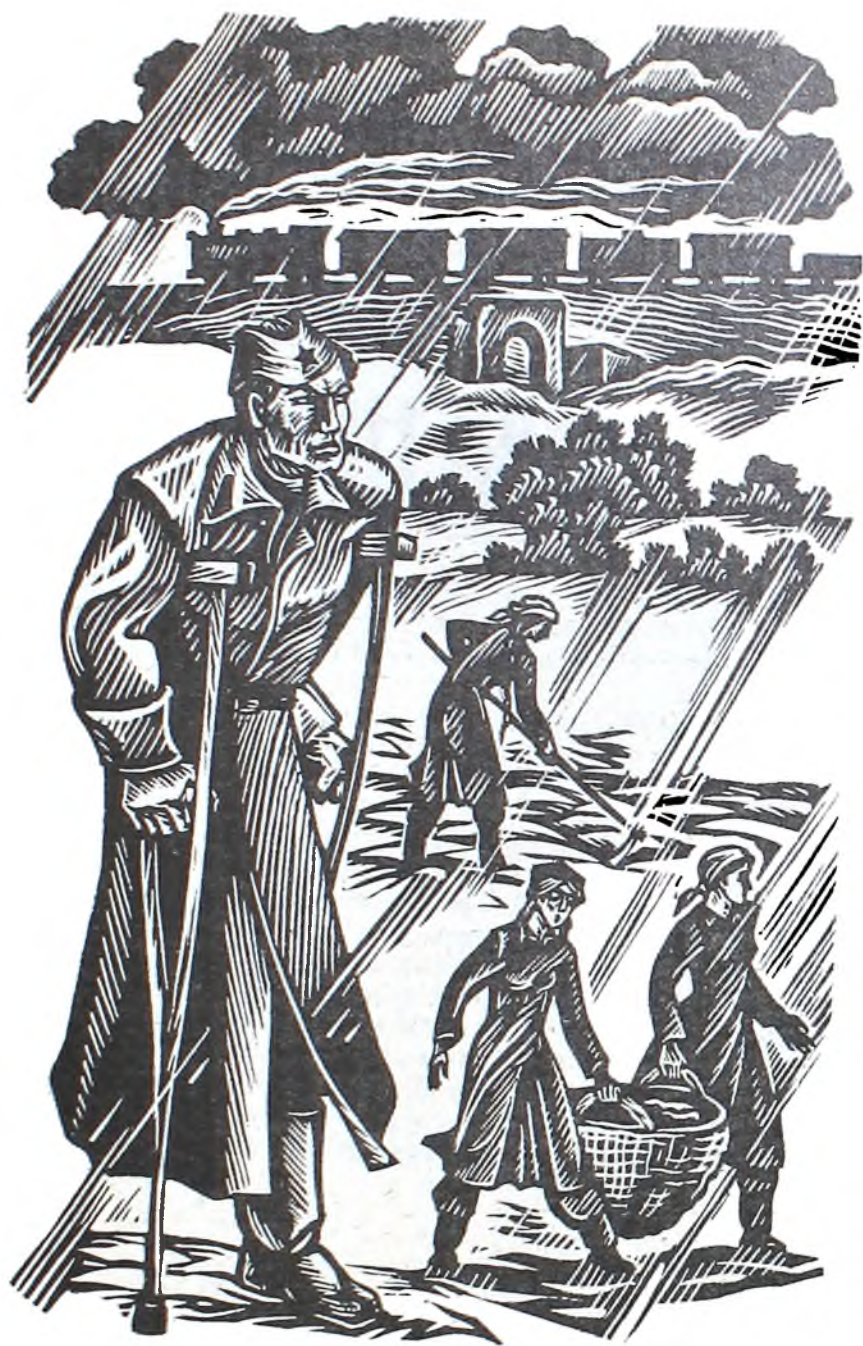
От радости на глаза навернулись слезы. Азизхан поднял голову и огляделся. У самого горизонта, там, где голубое небо сливалось с зелеными полями, все еще порхали белые голуби. Легкий ветерок уносил их все дальше, в поля.

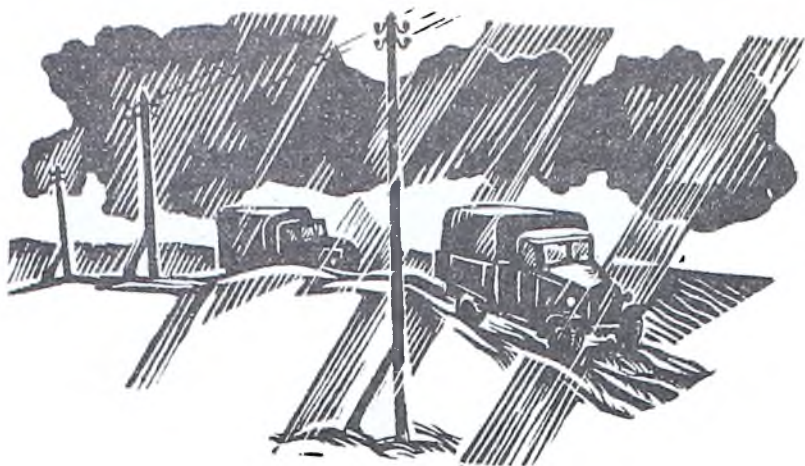
Азизхану казалось, что он летит над облаками, выше снежных горных вершин, над бескрайними степными просторами, над голубыми реками и прозрачными озерами. Он тяжело вздохнул, вспомнив ласковое лицо матери, как, подперев ладонями щеки, она долго смотрела на него и печально качала головой; ему слышался недовольный голос отца, и захотелось крикнуть: «Дорогие мои родные, дорогая мамочка, отец мой! Вот и я стал человеком. Я знаю, вы не будете бранить меня больше!..»

С радостными криками носились по земле мальчишки. А Азизхан, имя которого стало легендой для всех людей, для всей республики, шел по дороге с красными от слез глазами и не стеснясь плакал навзрыд.

книга
вторая

ГОДЫ
ЛИШЕНИЙ

Часть первая

I

По раскаленной летним солнцем сельской улице широко шагает парень, ведя одной рукой велосипед. Другая подвязана шелковым платком.

Вокруг звенящая тишина. Все раскалено так, что даже камни, кажется, вот-вот полыхнут пламенем. Птицы и те умолкли. Лишь одна горлинка, зарывшись в горячую пыль, расслабленно воркует.

Над глинобитными дувалами, поверх которых насыпаны для просушки семена дыни, жужжит рой пчел. Чья-то корова, изморошенная зноем, едва шевелит хвостом. В тени шалаша лежит собака. Она тяжело дышит, высунув язык. Ласточка, словно очумелая, пролетает так низко, что едва не касается взмокшей от жары головы парня.

Парень торопится к Анхору, к воде, но Анхор еще далеко.

Он вскакивает на велосипед и, схватившись здоровой рукой за руль, что есть силы нажимает на педали. Колеса завертелись и подняли клубы густой пыли. В грудь ему ударил горячий ветер.

Проезжая мимо старого карагача, он чуть не наехал на сидевшую в тени сонную курицу с выводком цыплят. С громким кудахтаньем она бросилась в сторону, за нею, как клочки ваты, покатались цыплята. Вот наконец и мост. Парень с облегчением спрыгнул с велосипеда.

С любовью он смотрел на Анхор, по берегам которого тянулись тополя и ивы. Вода с шумом билась о берег, увлекая за собою низко нависшие ветви деревьев, словно они могли оторваться, могли уплыть вместе с нею.

Юноша положил велосипед на траву и подошел к воде. С наслаждением он вымыл лицо и шею, тщательно вытерся носовым платком и снова залюбовался водой.

И тут его слух уловил какой-то шорох. Обернувшись, он увидел аккуратно сложенное на пне ситцевое платье. «Чье это?» Он повернул голову направо, затем налево, поблизости никого не было видно. Парень собрался было уже уходить, как вдруг шорох повторился под ветвями ивы. Он остановился и вгляделся... Перед ним стояла девушка. Ее наготу прикрывали только длинные, до пят, волосы. Она смотрела на него круглыми от испуга глазами. «Не гляди! Не смей глядеть, Низам!» — казалось, умоляли они его. Растерявшись, он шагнул к дереву.

— Низам! Низамджан! Я сейчас закричу... Бесстыдник! — донеслось до него.

Низам застыл на месте. Девушка выскочила из-за дерева и бросилась к воде. Он успел лишь заметить, как длинные черные волосы хлестнули ее по икрам.

«Дильдар...» — узнал парень девушку.

...Над водою показалась девичья головка. Все так же гневно горели ее глаза. Волосы разостлались по воде словно огромный черный зонт. И только теперь, глядя на эти волосы, Низамджан смутился и покраснел.

Низамджан влюбился в Дильдар еще в десятом классе. Но он был застенчив и старался скрывать свое чувство. Дильдар, конечно, догадывалась, что творится в его душе, но значения этому не придавала. Пожалуй, ей было приятно видеть, как при ее появлении Низам терялся и незаметно, исподлобья, посматривал на нее.

В классе его вообще прозвали «молчун», потому что он никогда не вступал в разговор первым.

Началась война. В первые же дни многие сверстники Низама ушли на фронт. Девочки их класса объединились в звено и все как одна вышли в поле. Возглавила звено властная, строгая Анвара. Дильдар была самой красивой девушкой в классе, и, может быть поэтому, ее чуточку баловали. Одна Анвара не желала замечать красоты хрупкой Дильдар, покрикивала на нее и, бывало, даже сердилась, когда та отставала от подруг.

Ушел на фронт и лучший друг Низамджана — Карим. Из всего класса остался один лишь Низам, его не взяли на фронт из-за искаленной руки. Низам тоже пошел работать в поле. Вскоре он зачастил в звено девушек. Завидев его, девушки подталкивали друг друга и шептали: «Жених идет».

Однажды Анвара не сдержалась и набросилась на парня:

— Чего ты здесь вьешься, как надоедливая муха?

— Он к нам в зятя набивается, — подмигнула Адолят.

— Ах так? В зятя, значит. Ну хорошо. Заберись-ка, зятек, в тот сад и нарви для нас персиков.

— Да что ты, Анвара, — не унималась Адолят, — куда ему слазить за персиками. У него ведь душа заячья.

Низамджан вспыхнул:

— Персики? Сейчас будут вам персики, — и побежал к саду.

— Что вы делаете? Там ведь садовник, — попыталась заступиться за парня Дильдар.

— Все равно он не решится, а если и огреет его разок палкой садовник, так только польза будет.

Вскоре со стороны сада послышался собачий лай. А еще через минуту Низамджан перепрыгнул через дувал и бросился к тополиной роще. За ним, яростно лая, гналась собака. Она проводила его до самой рощи и вернулась к хозяину, победоносно оглядываясь, только когда он скрылся в роще.

Анвара хохотала.

— Как тебе не стыдно? — возмутилась Дильдар.

— Ничего, храбрее будет. Я ведь сказала в шутку. Кто же знал, что он и вправду в сад полезет?

С того дня Низам в звене не показывался, а встречая Дильдар, низко опускал голову — ему было стыдно.

И вот сегодня, надо же, застал ее во время купания. «Что делать? Может, вернуться и извиниться?» — подумал Низамджан. Он в нерешительности потоптался на месте и медленно побрел обратно к берегу.

Дильдар, уже одетая, стояла на камне у самой воды и мыла ноги.

— Прости меня, я не нарочно, — проговорил Низам, не глядя на девушку.

— Бесстыдник, как я теперь буду смотреть тебе в глаза? — Она надела тапочки, резко повернулась и быстро пошла вдоль берега.

С тех пор Дильдар старалась не показываться на глаза Низаму. А он постоянно думал о ней — и в поле и дома. Не мог забыть ее длинные черные волосы и белые, как мрамор, обнаженные руки. Часто подолгу ждал ее на тропинке, по которой она возвращалась с работы домой, ждал на берегу Анхора. Он решил во что бы то ни стало увидеть ее, поговорить с нею.

Низам уже несколько раз ходил в военкомат, доказывал, что его место на фронте, а не здесь, в тылу. Но его не берут. А где-то горят города, умирают люди. В кишлаке остались лишь одни женщины и дети. Им тяжело справляться с заботами, навалившимися так внезапно. Разве можно сейчас думать о девушках, о своих чувствах? Но он думал. Думал о Дильдар! Прислушивался к птичьему гомону, журчанию воды в арыке, всматривался в звездное небо — не спал. И, стараясь отогнать неприятные воспоминания о том, как его в последний раз приняли в звене, он направился к полевому стану, где работали девушки. Был конец обеденного перерыва. Анвара и Адолят, взяв кетмени, шли к грядкам, а Дильдар еще сидела на глиняной супе — ощипывала кисточку винограда. Увидев Низама, она вскочила и хотела было уйти. Но он остановил ее, сказав, что у него к ней очень важное дело, и тут же смешался и

покраснел. Косы Дильдар короной лежали на голове, обнажив стройную нежную шею. Девушка строго посмотрела на Низама и холодно спросила:

— Какое важное дело?

Низамджан не ответил. Он смотрел на нее и думал, что, пожалуй, нет на свете девушки красивей.

— Что же ты молчишь? — повысила голос Дильдар. — Не могу же я стоять тут с тобой, и так уж девушки подшучивают.

— Я боюсь, что ты рассердишься.

— Чего же сердиться? Разве ты собираешься сказать мне что-то обидное?

— Я тебе после скажу. Приходи вечером к Анхору. Придешь? — Голос у него дрогнул.

— Говори сейчас, здесь.

— Не могу здесь. Мне многое надо тебе сказать.

Дильдар на минуту задумалась. Она чуть-чуть наклонила голову и стояла так, прикрыв глаза.

— Ладно, приду, — наконец проговорила она, глядя не в лицо Низама, а на его искаленную руку.

Ей вспомнилось, как все это случилось: он срубал ветки изъеденного червями тутовника и отсек топориком пальцы...

— Приду, — повторила Дильдар.

Целый день у Низама было хорошее настроение, как когда-то в детстве, когда мать дарила ему к празднику какую-нибудь игрушку.

Придя с поля, он умылся, побродил по двору. Вечер никак не хотел наступать. Низам пошел в чайхану, заказал чаю, но так и не притронулся к нему, снова отправился домой. У калитки его с нетерпением ждал отец. Пока Низам отсутствовал, почтальон принес письмо от брата. Агзамджан писал, что ранен, лежит в госпитале и скоро приедет на побывку домой. Не дочитав письмо, Низам протянул его обратно отцу и стрелой вылетел из дома — уже стемнело. Далеко на бахче Низамджан остановился и стал прислушиваться к шорохам. Но он так и не услышал, как подошла Дильдар, и заметил ее лишь тогда, когда их тени коснулись друг друга.

Неторопливо поднимался месяц; серебряное блюдце, едва скользнув по воде арыка, рассыпалось на мелкие осколки. Казалось, все замерло, притаилось. И вдруг в эту колдовскую тишину ворвался ослиный рев. Будто кто-то нарочно посмеялся над незадачливыми влюбленными.

Низамджан никак не мог начать разговор. Он вздыхал, переступал с ноги на ногу, к горлу невольно подступали слезы.

Проведя рукой по ветке ивы, Дильдар набрала полную пригоршню листьев, бросила их в лицо Низамджану и бесшумно исчезла в темноте. Вдруг Низаму стало легко на душе, он почувствовал себя смелым и побежал вслед за девушкой, раздвигая ивовые ветки. Остановив Дильдар, он решительным движением обхватил ее за плечи и стал целовать.

Это был удивительный вечер. Низам и сам не подозревал, что помнит столько стихов, что может прочесть наизусть столько газет-лей. В тот вечер они поклялись в верности до конца жизни. А на другой день тайком пошли в Алтыарык и сфотографировались там в обычной позе влюбленных: прижавшись друг к другу.

— Я никому тебя не отдам, — повторил он еще раз, когда они подходили к кишлаку.

— А я возьму и выйду за другого, — слукавила девушка.

— Я этого другого топором зарублю, — пригрозил Низам.

Всю дорогу они смеялись, шутили, и не было на свете людей счастливее их. Им казалось, что они вдвоем могут передвинуть горы, перенести на их вершину и Анхор, и тополиную рощу...

Отец Низама, старик Иноят, прекратил свое хождение по базарам и целыми днями готовился к встрече старшего сына. Он то и дело заглядывал в кладовку, выносил оттуда какие-то пакеты, навешивал тяжелый замок на дверь, но, подумав немного, снова открывал и подолгу просиживал в своем тайнике. У него появилось множество хлопот — нужно было сообщить знакомым о своей радости, получить деньги, отданные людям в долг. «Сын с фронта едет, — говорил он, — гостей много будет, надо же всех принять».

На станции встречать Агзамджана пришел почти весь кишлак. Дильдар стояла в толпе, на ней было алое кренделиновое платье и туфли на каблучках.

Агзамджан вышел из вагона, широко улыбнулся и начал здороваться со всеми подряд. Когда дошел черед до Низамджана, он легко приподнял его, покружил и опустил на землю.

— Да ты просто молодец у нас. Не женился?

И, не дождавшись ответа, повернулся к Дильдар:

— Ах ты курносая, совсем барышней стала. — Он заметил красиво округлившуюся линию груди и изящные девичьи руки.

Откуда было знать Низамджану, что все его несчастья начались именно с этой минуты? Он радовался возвращению брата, гостям, гордился тем, что брат был на фронте и вот приехал домой отдохнуть.

В эти дни Низам виделся с Дильдар лишь мельком, на улице, они перебросились вскользь несколькими словами. В их доме перебивал весь кишлак. Всем хотелось своими глазами увидеть воина, узнать у него, слышал он о ком или, может, даже встречал кого из их колхоза.

Агзамджана тянуло побродить по кишлаку, заглянуть в колхозные сады, побывать на поле, где он работал до начала войны. Но только на пятый день ему удалось вырваться из дома. Вернулся он поздно вечером со счастливым лицом.

А на следующий день Низам встретился с Дильдар. Они медленно шли по дорожке, огибавшей подножье холма. Низамджан спешил высказать ей все, о чем передумал за эти дни. Дильдар молча слушала его. Она заметно изменилась за это короткое время. Краснела и, встречаясь с ним глазами, все оглядывалась по сторо-

нам, словно торопилась уйти. Вдруг совсем рядом затарахтел мотоцикл. Оба одновременно обернулись и увидели Агзамджана. Он хмуро, почти с вызовом посмотрел на них и, не говоря ни слова, умчался. Дильдар долго смотрела ему вслед. Поднявшийся ветер рванул ее платье, и Низаму показалось, будто этим порывом он подхватит ее и унесет за Агзамджаном. Он взял ее за руку и пригнул к себе.

— Дильдар! —

Она повернулась в его сторону всем телом, но глаза продолжали смотреть туда, где еще не успела улечься пыль от мотоцикла.

— Пусти меня, ты с ума сошел, — опомнилась вдруг Дильдар. Она оттолкнула Низама и бросилась бежать. Он не стал догонять ее, но и не мог оторвать глаз от быстро удалявшейся фигурки.

Домой он вернулся ошеломленный. Брат уже сидел на айване и с трудом стягивал с ноги сапог.

— Иди-ка сюда, помоги снять, — позвал он Низама. — Ты чего это надулся?

— Да нет, я так.

— Хороша стала Дильдар, а?

Низамджан не ответил. Он посидел минуту рядом с братом, потом встал и пошел со двора.

Спускалась ночь. На летнем небе одна за другой зажигались крупные звезды. Неумолчно трещали кузнечики. Ветер шелестел в высушенной солнцем траве.

Медленным шагом Низамджан направился к берегу Анхора. «Что же это со мной? Вернулся брат с фронта. Я радуюсь, горжусь им. Но не понимаю его. Неужели он недоволен тем, что видел нас с Дильдар? Или... — Низамджану вдруг стало душно. — Неужели брат влюбился в нее? Нет, не может быть. — Низам испугался этой мысли. — Но почему же он так хмуро смотрел на нас там... И потом эти слова о том, что Дильдар стала так хороша... Что же делать? Надо немедленно что-то делать. Сказать брату, он ведь не знает, что я люблю ее. — Низам с трудом перевел дыхание. — А может, все это мне только кажется? Может, взять себя в руки, уехать из кишлака на несколько дней, так лучше будет».

...На следующее утро Низам отправился в поле к косарям. Здесь не хватало рабочих рук, и Низаму были рады. Он работал от зари до зари, обливаясь потом, а ночью лежал у шалаша, вглядывался в звезды и говорил с Дильдар. Теплый ночной ветер рассказывал ему волшебные сказки, и героиней каждой была Дильдар.

Низамджан вернулся домой лишь дней через двадцать. Он похудел, сильно загорел на солнце. Тревога его все еще не улеглась. Во дворе Низама встретил отца. И тут же напустился на него:

— Где тебя носит, балбеса? Завтра свадьба, а ты бродишь невесть где.

— Какая свадьба?

— Да ты что, с неба, что ли, свалился? Агзама женим. Вчера уже подарки невесте отвезли.

У Низама отлегло от сердца: «Значит, я все это придумал. Брат женится, и не пужна ему вовсе...»

— А на ком? — спросил он, почувствовав, как замерло сердце.

— А ты разве не знаешь? Берем в дом дочку Юнусали.

— Дильдар! — Низамджан вскочил с места.

— Ты что, очумел, парень?

Низам дрожал всем телом и не мог вымолвить ни слова.

Из комнаты в новом костюме, повязанном ярким поясным платком, вышел Агзамджан.

Увидев бледного как мел Низама, он тревожно спросил:

— Что с тобой, ты болен?

Агзам обнял брата за плечи и заглянул ему в глаза.

Низам зло сбросил с плеча руку брата, окинул его ненавидящим взглядом и выбежал на улицу...

Агзамджан так ничего и не понял. Вряд ли он поверил, если бы ему рассказали, как мучится Низамджан, как весть о свадьбе брата разрывает ему сердце.

Самого его переполняло счастье, и ему было не до переживаний брата. Он женится на лучшей девушке их кишлака. Правда, и Агзамджан был хорош собой, особенно в наряде жениха. Не одна девушка, должно быть, мечтала о нем.

Низаму казалось, что все, все пропало, надежд больше не оставалось. Он метался, он не знал, куда деться от этой боли, кому рассказать о беде, которая настигла его в те дни, когда он впервые почувствовал себя таким счастливым. Открыться брату, пусть оставит Дильдар в покое, или пойти к этой обманщице и, глядя ей прямо в лицо, сказать все, что он о ней думает, у нее на глазах разорвать на мелкие кусочки фотографию, где они сняты вдвоем.

Дойдя до дома Дильдар, Низам рывком распахнул калитку и замер. Двор был полон гостей.

— Эй, сват, входи! — крикнули ему.

Низамджан растерянно потоптался на месте и резко повернул обратно. Никто не поинтересовался, зачем он приходил, почему уходит так быстро, даже не заглянув в дом.

Низамджан направился к центру кишлака, в чайхану. Здесь было тихо. Люди с нахмуренными лицами слушали по радио грустную песню.

«Есть ли среди них, сидящих здесь, такой же несчастный, как я?..»

II

Анвара слушала Низамджана и не скрывала удивления:

— Вот негодница! Тихоня, а какой номер отколола.

Еще утром, когда Анвара была в правлении, Дильдар побывала на полевом стане — пригласила подружек на свадьбу. Девушки еще не успели сообщить Анваре эту новость, и теперь, узнав ее от Низамджана, Анвара возмутилась.

— Девочки. — крикнула она, натягивая безрукавку. — сейчас я сбегаю к ней, поговорю от имени всего звена.

Анвара помчалась в кишлак.

Первое, что бросилось в глаза Анваре на просторном дворе Дильдар. — это старик пекарь. Он старательно раскладывал угли. Какая-то незнакомая женщина разводила огонь под огромным котлом, ей помогал рослый парнишка — он колот дрова; и весь двор был похож на муравейник, каждый был занят — кто нес чашки, кто мыл и начищал пиалы. Анвара вдруг поняла, что уже ничего не изменить.

На айване сестра Низама, Рисолат, снимала мерку с Дильдар. Рядом, на столе, лежал отрез атласа. Дильдар заметила Анвару.

— Подружка, — крикнула она, — помогать пришла?

— Свадьбу расстроить, — пробурчала Анвара, поднимаясь на айван.

Рисолат рассмеялась:

— А мы давно ищем, кто бы расстроил свадьбу.

Анвара опустила на стул и замолчала. Рисолат еще долго возилась — прикладывала к Дильдар атлас то так, то этак, ей хотелось приладить материю поаккуратнее, чтобы сошлись узоры. Наконец она ушла.

— Что ты наделала? — тихо спросила Анвара.

— А что?

— Пойдем-ка со мной, я объясню тебе, раз сама не понимаешь. Они вышли на улицу и повернули к ореховой роще.

Анвара сняла безрукавку, бросила ее на траву.

— Садись.

Дильдар опустила рядом.

Анвару хорошо знали в кишлаке. Озорная девчонка, за словом в карман не полезет. При случае она могла отчитать так, что человек долго еще почесывал голову, не зная, что ответить. Не было случая, чтобы Анвара не выступила на собрании, не покритиковала кого-нибудь. Даже председатель ее побаивался. А в звене... Анвару любили за справедливость, но не дай бог опоздать на работу или не выполнить норму. Слушались ее девушки беспрекословно. И казалось, не было на свете дела, за которое с охотой не взялась бы Анвара.

«Эх, только одного стежка не хватило, а то бы мальчишкой родилась», — шутил председатель.

И действительно, с самого детства Анвару тянуло к мальчишечьим играм, а чуть подросла, пристрастилась к машинам. В испачканном мазутом платице она неотступно ходила за трактористом, приставала, чтобы он поучил ее. Стоило ему уйти обедать, она тут же вскакивала на сиденье и пыталась завести мотор. Так и научилась. Но тракторист был не единственной ее жертвой. Как-то она увязалась за председательским шофером и, когда его позвал председатель, успела вскочить в кабину. Она неслась по кишлачной улице, поднимая клубы пыли и распугивая кур, а потом лихо под-

рулила к конторе и с виноватым видом вышла из машины. Неловко было отпугивать взрослую девчонку, и шоферы только ругали ее и грозили пожаловаться. «Что получится из этой девчонки? — говорили люди. — Настоящий сорванец!»

Анвара училась в школе вместе с Дильдар и Низамом. Они дружили. А к Низаму Анвара относилась особенно тепло. И не случайно. Она влюбилась в лучшего друга Низама, Каримджана, слабохарактерного и наивного парня, которого даже в кишлаке звали деревенщиной. Анвара заставила его отрастить волосы, потребовала, чтобы он носил галстук. Вышила ему чуть не полдюжины носовых платков. А когда он, по своему обыкновению, приходил в класс в помятой рубашке, Анвара огорчалась, уводила его на перемене к себе домой и бралась за утюг.

Настал день, когда и Каримджан ушел на фронт. Анвара много работала в поле. Но никто никогда не видел ее грустной или мрачной. С тех пор она еще сильнее привязалась к Низамджану, с которым могла откровенно говорить о Кариме. Даже письма к ней Каримджан вкладывал в тот же конверт, что и Низаму, боялся, как бы об Анваре в кишлаке не стали говорить дурно. В колхозе уважали Анвару. И не только молодежь, но и старики. С мнением ее считались, и теперь, догадавшись, что разговор предстоит важный, Дильдар смутилась.

— Говори, — не выдержала Дильдар. — Что ты хочешь мне сказать? Что я наделала, по-твоему?

Анвара недобро посмотрела на подругу:

— За Агзамджана, значит, выходишь?

— Выхожу.

— С младшим целовалась, а за старшего замуж?

Дильдар отвернулась. Лицо ее пылало, а в глазах стояли слезы.

— Не знаю, ничего не знаю, — прошептала она.

— Что же ты собираешься делать дальше? Ведь вам в одном доме жить.

Дильдар упорно молчала.

— А ты не подумала, что из-за тебя братья чужими друг другу станут?

Дильдар вздрогнула.

— А если Агзамджан узнает, — продолжала Анвара, — что с тобой будет?

Дильдар заплакала. Она не находила нужных слов, которые могли бы хоть как-то все объяснить.

Анвара стояла возле нее, воинственно подбоченясь.

— Сейчас же прекрати все эти приготовления. Иначе я весь кишлак подниму на ноги.

Но у Дильдар было такое несчастное лицо, что Анвара встретилась:

— Говори, что ты еще наделала? А ну, говори!

— Нельзя отменять свадьбу, понимаешь, нельзя. Уже целую неделю... я жена Агзамджана.

— Дура...

Еще тогда, когда Низам работал в степи с косарями, Дильдар как-то возвращалась домой с поля кратчайшим путем — через тутовую рощу. Был душный полдень. На камне под деревом она заметила красное пятнышко, похожее на кровь. «Должно быть, кто-то из мальчишек подстрелил воробья», — подумала она. Вдруг Дильдар услышала кашель и невольно подняла голову. На самой верхушке тутового дерева примостился Агзамджан и лакомился шелковицей. Он протянул Дильдар красно-черную ягоду, одну, другую, потом тяжело спрыгнул на землю и, подойдя к Дильдар, нежно коснулся ее руки. Они медленно побрели по тропинке, которая вводила в чащу.

Из рощи они вышли, когда уже стемнело. У Дильдар были заплаканные, покрасневшие глаза.

Назавтра Агзамджан снова подстерег ее в тутовой роще. Он смущенно просил Дильдар простить его, уверял, что никто никогда не узнает их тайны, и наконец сказал: «Я женюсь на тебе...»

Анвара задумчиво слушала рассказ Дильдар, не прерывая ее. Обычно такая решительная, она всегда умела найти выход из любого трудного положения, а тут растерялась — оттого и молчала.

— Да, наделала ты дел. Ну что ж! Поступила, как тебе хотелось. А все-таки я права, ты разлучила братьев, и это хуже всего.

Дильдар встала, но не двинулась с места. Она так же умоляюще смотрела на свою строгую подругу.

— Что делать, ну что я могу сделать? Я люблю Агзамджана, — сквозь слезы твердила она, — люблю с того самого дня, как он приехал. Кроме него, я ни на кого глядеть не могу.

— А Низам? — Анвара задала этот вопрос, хотя знала, что ответа не будет. Да, нелегко разобраться в сердечных делах.

Разве можно осуждать Дильдар? Она полюбила, она уже его жена. Труднее всех придется Низаму. Не простившись с Дильдар, Анвара направилась в звено прямо через поле, безжалостно топчя траву.

Низам ждал на полевом стане. Завидев Анвару, он бросился к ней:

— Ну что? Видела? Говорила?

— Эх ты, — сказала Анвара, — размазня горемычная. Она любит его. И все.

Низамджан опустил голову.

— Ну, ну, не раскисать. Ты же мужчина. И потом...

Не дослушав, Низам медленно побрел неуверенным шагом.

— Ты куда? — крикнула Анвара.

— Уйду отсюда.

— Куда это ты уйдешь? Сбежишь?

— Не знаю. Не могу я здесь.

— В чем кишлак-то перед тобой провинился?

Низамджан будто и не слышал этих слов.

— По-моему, ты не прав. Легче тебе не будет. Не уходи. Другой знаешь что сделал бы на твоём месте? Запрягся бы в работу. Умные люди говорят, помогает.

В винном ларьке под старым карагачем не было ни души, кроме буфетчика — седоусого армянина. Увидев у стойки Низама, старик удивился:

— Чего тебе, сынок? Брат прислал? За вином для свадьбы?

Низамджан молча налил себе полный стакан.

— Так ты, оказывается, пить пришел? А деньги у тебя есть?

Низамджан молча налил себе полный стакан. Залпом выпил вино, положил на стол деньги и вышел.

Он пил впервые, его точно огнем обожгло. Ему захотелось поделиться с кем-то своим горем.

Он заметил знакомое лицо, чье, он так и не вспомнил, — приблизился, но прохожий, почувствовав запах вина, махнул рукой и прошел мимо.

Никому до него нет дела. Все только о своем думают. Все такие!

Он почувствовал, как подступает, душит его гнев, подраться с кем-нибудь, что ли. И побежал домой.

Вот сейчас он подойдет к брату и так потянет его за ворот, что тот сразу задохнется. Пошатываясь, он вошел во двор и упал на землю во весь рост, не дойдя до айвана.

Агзамджан взял брата на руки и отнес в комнату.

— Дурак! Кто тебе пить позволил? — И он накинудся на сестру: — Во что вы здесь его превратили? Никого слушать не желает. Распустился совсем.

Рисолат — руки у нее были вымазаны в тесте — подошла к ним.

— Мы и сами не знаем, что с ним стряслось!

Низамджан забормотал что-то, должно быть хотел объясниться с братом. А потом... Он уже не помнил, что было потом. Он пришел в себя, когда стояла глубокая ночь. Петухи вступили в переключку. В доме все спят. Низам налил себе холодного чаю из чайника, жадно выпил и присел на край айвана.

«Что делать? Что делать? Завтра Дильдар переедет в наш дом. И всю жизнь нам жить бок о бок. Жена брата!»

Низам тихо подошел к снящему Агзамджану. Разбудить и все-таки сказать ему? Он протянул было руку, но тут же отдернул ее и тяжело вздохнул: «Нет, он-то ведь ни в чем не виноват. Нужно уходить». Только одно это ему было ясно. В потемках он собрал свою одежду, открыл калитку и побежал к шоссе. Он бежал и бежал, а там, позади, оставалась его разбитая любовь, брат, отец.

Наступила зима сорок первого года.

Республиканская газета, печатавшаяся на одной стороне оберточной бумаги, приходила в Маргилан с опозданием на два дня. Новости узнавали по радио.

Каждое утро к восьми часам у ворот комбината, где висел репродуктор, собирались люди. Послушав, они молча расходились по цехам, каждый со своими мыслями.

Уже второй месяц Низамджан работал здесь, в шелкомотальном цехе. Еще и еще раз просился он на фронт, туда, где шли решающие битвы, и в который раз ему отказывали. Домой он не писал, друзья тоже молчали, даже Анвара. Казалось, жизнь обрвалась. Иногда он и сам удивлялся: неужели так вот и кончится молодость? Никого он уже так не полюбит, как Дильдар.

Начались длинные зимние ночи. Низамджан подбрасывал угольную осыпь, смешанную со смолой, под котел, где варились коконы. Все те же мысли неотступно преследовали его. Друзья далеко — в окопах, в многодневной разведке, где-нибудь в заснеженных подмосковных лесах. И Каримджан тоже. Оттого Низамджан чувствовал себя таким одиноким здесь, в тепле, у жаркого огня. Он посмотрел на свои искалеченные пальцы. А верно сказал про него Агзамджан: распустился, обмяк. Все больше о себе думает. А тут каждый день кто-нибудь из женщин приходит на работу в черном, молча глотая слезы, медленно приближается к станку, склоняется над ним, словно над могилой.

Горе сроднило всех. Сегодня утешают одну, а завтра та, что находила теплые, сердечные слова для подруг, сама получит страшную весть о муже, сыне, сама будет искать опору в сочувствии близких, скрывать от них свои безмолвные слезы.

Низамджан ночует здесь же, на стареньком диване начальника цеха. Ночью по несколько раз просыпается и раньше всех слушает последние известия.

Незаметно подошел Новый год. Люди собрались в цехе за скудной, но все-таки праздничной трапезой. Как все это было непохоже на мирные новогодние праздники с длинными речами. Сегодня говорили мало и только об одном — о своей вере в победу. Наделись, что сорок второй, еще скрытый в неизвестности, будет не таким тяжелым. «А как в кишлаке? — думал Низам. — Как справляют там, у них, праздник? Конечно, слушают новогоднюю передачу».

В прошлый выходной Низам ездил в Маргилан — купить сапоги — и встретил там Адолят. От нее он узнал, что полтора месяца назад Агзамджан снова ушел на фронт.

Торжественно звучит голос диктора:

«На Кавказском направлении наши войска после упорных боев освободили города Керчь и Феодосию. Калуга полностью очищена от немецких захватчиков».

Низам накинул пальто и выбежал во двор. Шла ночная смена. Люди поздравляли друг друга с Новым годом.

— Передача по радио! — закричал Низам. — Керчь, Феодосия освобождены. — На душе стало теплее, будто и в самом деле эта весть подоспела к празднику, чтобы порадовать людей.

У самых ворот его задержал вахтер:

— Кажется тебе... Шофер передал... — Он протянул Низаму листок бумаги.

Почерк Анвары. Низамджан впился глазами в письмо и вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног.

— Что с тобой? Плохие вести?

Низамджан не ответил. Он смял в руке страшный листок и неподвижно глядел на снежинки, тревожно метавшиеся вокруг фонаря на столбе.

— Брат... — прошептал он. Постоял так еще с минуту и вышел за ворота.

В письме Анвара кратко сообщала, что Агзамджан погиб.

Низам часто думал о женщинах в черном, жалел их, но ни разу ему не приходила мысль, что такое же горе может постичь и его. Низам сам не помнил, как дождался рассвета, как побежал к мастеру отпроситься и на попутной машине поехал в Алтыарык.

В Чортерак он прибыл в сумерки.

И здесь — снег...

Ивы у Анхора похожи на белых великанов.

На мосту — поникшие карагачи с заиндевелыми ветками словно стоят в карауле. Низамджан не замечал ни деревьев, ни пронизывающего ветра. Улицы кишлака пустыни. Редкие прохожие то ли не узнают Низама, то ли просто заняты своими мыслями. Он ускорил шаг. Вот и калитка. Не замечая бесчисленных следов на снегу у самого порога, он вбежал во двор. Под навесом, у летней кухни, стояла сестра.

— Погиб, — закричала она, увидев Низама, — нет больше нашего брата, нашего сокола!

Она зарыдала.

Из комнаты, ссутулившись, вышел отец. Он остановился у двери и, не глядя на Низама, произнес глухим голосом:

— Где ты пропадаешь, у нас горе какое, а ты в стороне. Убили сына, умер где-то на чужбине. Не похоронили своими руками. Запомни это. Помни всю жизнь, что не похоронили брата.

— Папа, — взмолилась Рисолат, — не надо. Нам всем тяжело. А он, — она кивнула на Низама, — еле на ногах стоит.

Отец молча повернулся и ушел в комнату.

Низам услышал чей-то незнакомый голос — в комнате звучали слова корана. Он прислушался.

Монотонное чтение навело мысли о тишине кладбища, где в такую пору летают лишь совы, о холоде могилы, засыпанной снегом.

Низамджан стоял посреди двора. Вот как пришлось вернуться в отчий дом. Не радость привела его сюда, а горе.

Он услышал легкие шаги и обернулся.

На пороге стояла Дильдар с расплетенными косами, подпоясанная шелковым платком. Значит, правда все это — гибель брата, осиротевшая семья. Женщины расплетают косы и подвязываются платком, когда в доме покойник.

Низам невольно отпрянул, давая дорогу Дильдар. Она наклонила голову точно так же, как те женщины в цехе, и прошла мимо. Лицо ее, опухшее от слез, казалось спокойным и строгим.

В комнате было полутемно — окна заиндевели, и Низам с трудом разглядел стариков, сидящих вокруг сандала¹. Он поздоровался.

Один из стариков, тот, что сидел рядом с его отцом, заговорил тихим голосом, скрывавшим глубокую печаль:

— Что же делать, Иноят. Видно, судьба. Он хоть немного погостил у тебя. Ты успел женить его, видел его свадьбу. Неужели мы так грешны перед богом, что он нас так карает? А я своего так и не повидал. Где могилы наших сыновей? Одному богу известно. Вот и поминаем их, глядя на клочок бумажки. Зайди в любой дом, сколько народу плачет так же, как мы. — Лицо старика сморщилось, он весь сжался, стал каким-то маленьким, беспомощным.

Низамджан не знал, что и у этого несчастного погиб сын. Он так ясно вспомнил сейчас веселого парня, шофера МТС. Стоило ему появиться в чайхане, как тут же молодежь окружала его. Каждый знал, что он обязательно сообщит последние новости или поддразнит кого-нибудь, не зло, а просто для смеха. Или на улице встретит знакомого, остановит машину и не тронется с места, пока не расскажет какую-нибудь забавную историю. И цел он здорово. Значит, и этого красавца, этого весельчака тоже убили.

Старики прочли короткую молитву и поднялись. Низамджан с отцом проводил их до калитки.

Когда они остались одни, отец учинил Низамджану настоящий допрос:

— Как ты посмел? Плохо тебе жилось, что ли, в родном доме? Кажется, не голодали. Ну, признавайся, из-за чего это ты, а? Говори, отец спрашивает. Много денег заработал по чужим людям? Вижу, обносился весь, чисто нищий. А я-то думал, буду на старости лет при сыне, сын возьмет в руки хозяйство. Выходит, зря я тебя кормил-поил. Твои сверстники деньги зарабатывают, семьями обзаводятся. Говори, что ты решил делать дальше, как жить думаешь?

Вошла сестра. Она сразу поняла, о чем шел разговор у отца с братом.

— Братец, голубчик, хватит нам и одного горя. Не знаю, на

¹ С а н д а л — углубление посредине комнаты, над которым стоит низкий квадратный столик, накрытый широким стеганым одеялом. В углубление насыпается жар, тепло от которого долго не выстывает.

кого ты обижен, кто из нас причинил тебе зло. Сам видишь, что с отцом делается, зачем ему причинять еще страдания? Подумай получше. Останься. А эти проклятые фашисты сколько народу загубили. Бог даст, отец еще поживет, но как знать, сколько кому отпущено. Тебе сейчас при нем надо быть. На поминки брата мы истратили последнее. Гора и та не выдержит таких расходов. А как же было не помянуть?.. Кому-то работать надо, Дильдар ведь беременна, а родит — тоже не сможет работать. Год-два придется нянчиться с маленьким. Да и на меня тоже надежда плоха. Спасибо, что я хоть своих ребят кормлю, вам в рот не заглядываю, так что, кроме доброго слова, я ничем помочь не могу.

Низамджан и сам не раз думал о том, что сейчас так горячо старалась втолковать ему сестра. И понимал: остаться надо. Старику не справиться одному. И про Рисолат все верно. И про Дильдар... Но как жить в этом доме? Да и сможет ли Дильдар жить с ним под одной крышей... Трудно будет.

— Хорошо, я останусь, сестра.

IV

Низамджан вернулся в Маргилан, но ненадолго, только чтобы уволиться с работы. Теперь он снова трудился в колхозе.

Старый Иноят принялся за свое: целыми днями не выпускает из рук клещи и проволоку — вяжет веники. Когда их наберется порядком, взвалит поклажу на осла, а сам идет рядом, месит грязь и снег до самого Маргилана.

Рисолат, следуя обычаю, уже который раз устраивает поминки. «Такой орел лежит в сырой земле. Тут денег не приходится жалеть. Главное — не осрамить себя перед людьми». И она день за днем без стеснения относит на рынок вещи Дильдар. Старик Иноят не препятствует ей. На нее можно положиться, с детства была смысленной. Ей можно доверить и хозяйство, такая не подведет.

Пришло письмо от Карима. Низамджан побежал к Анваре, и они долго читали его и вспоминали «счастливые минутки», как сказала Анвара.

— Какие на свете новости, сын? — спросил вечером отец.

— Освободили город Можайск. Это на Западном фронте, недалеко от Москвы. Теперь вся Московская область очищена.

— Значит, войне конец?

— Нет. Много еще фашистов на нашей земле.

Старик погрустнел. Больше он ничего не спросил. Он сидел, словно отдыхая после тяжелого труда, хотя только и дела у него было что выискивать на базаре покупателей.

Рисолат подала Низаму суп и сама пристроилась на айване. Она с удовольствием смотрела на брата, которому, видимо, нравилась ее стряпня, однако вид у нее был озабоченный: она выжидала минуту, когда можно будет начать разговор. Как только отец вышел на улицу, она подседа ближе к Низаму.

— Слушай, брат, скажи мне, могут ли родные желать друг другу зла?

Низамджан пожал плечами.

— Нет, ты скажи.

— Не знаю.

— Вот я, например, твоя родная сестра, могу ли я пожелать тебе плохого? Конечно, нет. И отец тебе добра желает. Мы с ним много говорили... и решили спросить тебя самого. Если не согласишься, никто тебя неволить не будет.

Низамджан вопросительно взглянул на сестру. Ему давно был известен нрав Рисолат, ее властный и коварный характер. Уж если она чего решила добиться, живым тебя не выпустит. Низамджан помнил мужа Рисолат, доброго и мягкого человека. Как он ни старался сохранить мир в семье, вздорная Рисолат находила тысячу предлогов для бесконечных споров, ссор, от которых страдали и муж и дети. После одной особенно бурной сцены, в которой многострадальный супруг был неповинен, Рисолат, схватив в охапку вещи и детей, с громким плачем несправедливо обиженной покинула дом. Муж ее понимал, что этот нелепый и злой каприз жены может только испортить жизнь детям, и вынужден был просить прощения. Только тогда Рисолат согласилась возвратиться под семейный кров. Она и Дильдар не жалела даже в такую тяжелую для той пору. Пользуясь правом старшей в семье, она взвалила на Дильдар тяжелую работу, попрекала ее да еще старалась доказать, что она заботится о самой Дильдар и действует в ее же интересах.

Низамджан невольно насторожился. Он понимал, что предстоящий разговор ничего доброго не сулит. Слишком уж издалека начала сестра. И к тому же помянула о родной крови.

Тут сестра даже всплакнула:

— Бедный, бедный Агзамджан. Какой был человек, недаром все его так любили. Вот я живу, а такой орел погиб. Ох, как тяжело. А что осталось от него?словно и не жил на этом свете. Конечно, Дильдар от нас уйдет. Соберет свое добро, и останется пустой дом — хоть шаром покати. Думаешь, долго будет она вдовой ходить? А ребенок? Что с ним будет? Страшно подумать — наша кровь, а в чьи-то чужие руки попадет.

Низамджан напряженно размышлял. Не слова его тронули, он знал цену притворному горю сестры, но он не мог не чувствовать всей безвыходности положения, в каком оказалась их семья...

— Мы с отцом рады бы оставить у себя Дильдар. Уж очень она красивая, страшно за нее.

Низамджан решил было, что сестра просит у него разрешения оставить в доме вдову брата.

— Это и ее дом, пусть живет.

— Да нет же, я о другом. Не надо, чтобы она уходила. Будь отцом ребенку, разве чужой его приласкает? Шарият это позволяет. Отец уже справлялся. Говорил со знающими людьми. И книги смотрели. Можно, оказывается.

Низамджана словно что-то кольнуло в сердце. Как так? Сестра предлагает ему жениться на Дильдар?.. И отец согласен... А сама Дильдар? Выходит, что они и ее тоже уговорили. Разве мало того, что он здесь отсиживается в тишине и мире, когда его сверстники на войне? И еще взять в жены вдову убитого брата. Ограбить его по смерти. Да я не посмею взглянуть людям в глаза. И она хороша. Вернутся ребята с войны, кто, конечно, останется жив, и обязательно спросят: «Что ты здесь делал?» — «Женился на жене брата». Карим первый спросит. Неужели сестра так полюбила Дильдар, о ней заботится... Нет, здесь другое. Дильдар — единственная дочь старого Юнусали. Ведь ей достанется большой дом под белой железной крышей.

Вот о чем думает Рисолат, а вовсе не о ребенке.

Молчание брата Рисолат истолковала по-своему.

— Я так и знала, что ты согласишься. — Она ласково прикоснулась к его плечу. — Постарайся-ка понравиться Дильдар да не называй ее теперь келиной!

Низамджан вскочил с места. Он дрожал всем телом. Старался заговорить, но не мог. В глазах сверкнула ярость. Громким голосом, почти крича, он спросил:

— За кого вы меня принимаете? Зачем ты мне все это говоришь? Кто дал тебе право считать меня негодяем?

Услышав этот крик, отец, только что вернувшийся с улицы, злобно взглянул на сына:

— В чем дело, ты чего это разорался?

Напуганная криком обычно молчаливого брата, Рисолат спряталась за спину отца.

— И вы называете себя правоверным мусульманином? А что вы делаете?

— Не ори, люди услышат.

— Пусть слышат. Если бы брат знал, что вы затеяли, он бы в могиле перевернулся. Хоть память его не топчите.

— Мы делаем это ради памяти о нем... И ради его чести. Чтобы дитя его по чужим людям не скиталось.

— У нас никто по чужим дворам не скитается.

Во двор вошла Дильдар, ведя за собой на веревке козу. Она поняла, что у Низамджана с отцом был крупный разговор. «Наверно, упрекает сына за то, что тот ушел из дому. Низамджан ведь долго был в отлучке», — подумала она.

Иноят неприязненно взглянул на невестку:

— Иди занимайся своим делом, у нас тут разговор, и тебя он не касается.

Дильдар привязала козу к айвовому дереву и направилась в сад.

— Ты что козу здесь привязала, ведь она веревкой всю кору обдерет, будто не понимаешь! — окликнул ее старик.

Дильдар молча вернулась и увела козу на улицу.

— Слушай, парень, запомни, сделай так, как я велю.

Низамджан смотрел отцу прямо в глаза, и взгляд этот удивил старого Иноята. Он всегда считал Низама простачком, послушным сыном. Агзамджан, тот был похитрее — никогда, бывало, не возразит отцу, но поступит по-своему. Иноят не баловал сыновей, держал их в строгости. И вот сейчас... это неповиновение, этот взгляд.

Рисолат, почуяв недоброе, стала между отцом и братом:

— Успокойтесь, после поговорите.

— Я тебя проучу, — не унимался отец, — не будь дураком, соглашайся по-хорошему.

— Никогда! — закричал Низам. — И как вам не стыдно, не боитесь греха? Еще вчера поминали брата...

— Как ты смеешь так отцу говорить, подлец?

Старик подскочил к сыну.

Низамджан вдруг почувствовал, что всей душой ненавидит этого горбленного, сухого старика. И сам испугался своего чувства.

— Отец... опомнитесь. Вы, видно, не понимаете, чего требуете. Лучше бы меня убили вместо брата. — добавил он в отчаянии.

— Что верно, то верно.

На глаза Низамджана навернулись слезы.

— Все равно не будет по-вашему, — твердил он.

И старик почувствовал, что сын не уступит.

— Вон из моего дома, нет у меня сына, — он даже задохнулся от бешенства, — проклиная!

Низамджан поднял голову и с минуту растерянно оглядывался по сторонам. Потом повернулся и медленно побрел к калитке. Но не открыл ее, остановился. Стало очень тихо. Он чувствовал спиной холодное молчание отца и сестры. Он сознавал не только несправедливость, но и бессмысленность отцовского проклятия, однако не мог сбросить с себя суеверный страх, который из поколения в поколение внушал людям это ужасное слово: проклят. Проклинали злодеев, изменников, оскорбителей — за что же его? Он ведь не себя защищал...

Все это пронеслось у него в мыслях.

У сарая загремел железной цепью Олапар и потянулся к хозяину, приветливо помахивая хвостом. Низамджан подошел и ласково погладил пса. словно что-то почуяв, Олапар замер под этой лаской. Низамджан снял с него ошейник, но пес не запрыгал, как обычно, а продолжал смирно лежать у конуры. Низамджан, не глядя на отца и сестру, быстро вошел в дом, снял со стены фотографию матери в деревянной рамке и спрятал у себя на груди.

Не успел он сделать еще и десяти шагов по дороге, как увидел у старого карагача Дильдар. Платье и безрукавка ее были в пыли, — видно, она вышла из сада через пролом в дувале.

— Что там у вас стряслось?

— Лучше бы я тебя никогда не встречал...

Он хотел что-то добавить, но передумал и, даже не взглянув на нее, свернул в сторону.

Выйдя на главную трассу, Низамджан замедлил шаг и вдруг

услышал позади себя шумное дыхание. Пригнув к земле голову, вприпрыжку поспея Олапар. Низамджан прижал к коленям теплую собачью голову и ласково попросил: «Ступай домой, тебя никто не гнал, никто не проклял». Собака не отставала. Тогда Низам быстро сделал несколько шагов в сторону, поднял небольшой камень и швырнул в Олапара. Пес не понял, за что, — впервые добрый хозяин так зло обошелся с ним. Он присел у дороги и, уже не решаясь больше бежать за Низамом, долго смотрел ему вслед.

Часть вторая

I

Снег сошел, но лужицы к утру еще затягивало тонкой, как луковая кожа, пленкой льда.

Наступила первая военная весна. Трудная весна. И все же люди почувствовали ее приход. Высокое синее небо, какого не бывает зимой, излучает тепло; и здесь, так далеко от войны, выпадали минуты, когда война вдруг ненадолго забывалась под ласкою лучей. Но достаточно было выйти на улицу, и война сразу напоминала о себе даже в этой мирной тишине. Кишлячные парни, те, что каждый выходной надевали нарядные полосатые халаты и, начистив до блеска сапоги, отправлялись погулять в Маргилан, — все ушли на фронт, и почти в каждом доме от них ждали бесценных треугольников. А дошедшие сюда с таким опозданием модные туфельки на высоком каблучке уже много месяцев лежали в сундуках. И если какая-нибудь девушка нарядится в атласное платье, при виде которого раньше разгорались глаза ее подружек, то теперь мимо нее пройдут равнодушно, не замечая ни яркой расцветки, ни легкого шелеста ткани.

У радиорупора, висящего на старом карагаче, в центре Зириллямы, четыре раза в день собираются люди. Они молчат, боясь упустить названия городов, объявляемых диктором, где, быть может, бьются, отстаивая каждую пядь земли, их сыновья, мужья и братья. А потом так же молча расходятся по домам.

Снова весна. Деревья еще голы, но птицы уже начали вить гнезда, и до самого вечера не смолкает их гомон. Да и сам кишлак тоже словно ожил. Весна гонит людей из домов, солнечные лучи, заглядывая в окна, прогревают отсыревшие за зиму стены.

В небольшом дворе, на залитом солнцем айване, старая женщина пришивает пуговицы к ветхому жакету. Тут же, на одеяле, примостилась кошка. Мурлыча, она следит за ловкими движениями руки хозяйки, выжидая, когда можно будет тронуть лапкой катушку.

— Это тебе не игрушка, — втолковывает ей женщина, — зака-тишь, а мне искать.

Кошка, словно поняв, закрывает глаза и мурлычет еще громче.
— Да разве ты поймешь? Тебе бы только играть.— Старуха с трудом поднялась и, став на цыпочки, выглянула на улицу. К дому, скрипя несмазанными колесами, подкатила арба. Погонщик, ссутулившись в седле, что-то напевал себе под нос.

Арба остановилась у самой калитки.

— Тетушка Джаннат, вы дома?

— Входите. Умматали.

Умматали тяжело спрыгнул с седла и вошел во двор.

— Председатель послал, — объявил он.

— Подгоните арбу поближе к дувалу. Вот, можете брать! — она указала на кучу навоза, над которым вился пар.

Умматали подогнал арбу и взялся за вилы.

Женщина горестно смотрела на него. Какой был раньше! В кишлаке его называли «Умматали-аккуратист». Вельветовую жилетку украшала цепочка от часов, свисающая из кармашка. А сейчас он выглядел усталым, совсем разбитым. И одет как попало. Проводил своего Азизхана на фронт и махнул на себя рукой.

— Письма от сына есть, дорогой? — спросила тетушка Джаннат.

Умматали оперся на вилы и тяжело вздохнул:

— Уже давно нет.

— И от моего нет.

— А от Икрамджана? — он задал этот вопрос, не поднимая головы.

— Получила недавно. Пишет, что здоров.

— Ну, слава богу.

Умматали взялся за вилы и больше не сказал ни слова. Так и уехал, забыв попрощаться. Тишина во дворе. Слышно, как мурлычет задремавшая кошка. Тетушка Джаннат снова ушла в свои мысли. Она похоронила восьмерых. На единственного целевшего, Турсунбая, она не могла надыхаться. Ночами не спала, вымаливая ему у бога долгой жизни. Где-то он теперь? Поглядеть бы на него хоть минутку, прижать к груди. Тогда и умереть можно. И в сердце у нее, и в мыслях только одно — дождаться бы, увидеть бы Турсуна.

Каждого, кто получал письмо, она обязательно спрашивала — не пишет ли чего про ее Турсуна. А что отцу отвечать? Он ведь в каждом письме спрашивает: как Турсун, призвали ли его в армию? Не болен ли, почему не пишет? Икрам не знает, что сын их тоже на фронте.

В тот день, когда сын уходил в армию, матери показалось, будто-у него на глазах блеснули слезы. Потом она старалась утешить себя: может быть, это просто капля пота скатилась по щеке? Все время она видела эту капельку да еще черные широкие брови и горящие глаза.

Целых двадцать лет она ветерку не давала коснуться сына, и

вот пришла война... в один миг отняла его, и кто скажет, вернется ли. И ничего не знает о нем — сыт ли, здоров ли?

Иногда она старалась убедить себя, что иначе нельзя — сын занят важным делом, выполняет свой святой долг перед Родиной.

У всех ведь дети, не у нее одной. В такой большой войне... господи, остался бы жив только.

Тетушка Джаннат подошла к калитке, открыла ее. С полей, сиявших под солнцем, пахнуло свежестью разогретой земли. Где-то стучат топором, — наверно, рубят палки для виноградника. По мощеной дороге прогрохотал грузовик. Его грохот напомнил ей вдруг довоенное время, уже такое далекое. На такой вот машине она когда-то ездила с Турсунбаем в Маргилан. Икрамджан должен был вернуться из Москвы, и они с сыном ездили его встречать. Тетушка Джаннат решила дойти до конторы, — может, новости какие есть. Сегодня здесь что-то необычно шумно. У конторы стояла красивая черная машина. Чуть поодаль к деревьям были привязаны лошади. Тетушка Джаннат присела на деревянный настил чайханы, где уже было немало людей.

— Похудел отец-то, — сказал кто-то.

— А как ты думаешь, легко ему, в такое время целая республика на плечах. Наверно, ночами не спит. Ты возьми нас: хозяйство маленькое, а забот сколько.

Тетушка Джаннат поняла, что они говорят о Юлдаше Ахунбабаеве. В республике любили его и уважительно называли председателя Верховного Совета «ота» — отец.

Значит, это он приехал. С Ахунбабаевым тетушка Джаннат была хорошо знакома. Он рос вместе с ее братом Сыддыкджаном. И с Икрамом Юлдаш-ота дружил. В каждый свой приезд он либо сам заглядывал к ним в Зирилляму, либо посылал за Икрамом — повидаться, поговорить, а потом уже отправлялся дальше — в Андижан или Коканд. В прошлом году умер Сыддыкджан. Знает ли об этом Юлдаш-ота?

Из конторы, громко разговаривая, вышла группа людей. Тетушка Джаннат сразу узнала Ахунбабаева, рядом с которым шел их председатель Раимберди. Взяв под руку председателя, Юлдаш-ота повернул к чайхане. И он тоже сразу увидел тетушку Джаннат.

— Жива-здорова, сестрица? Здравствуй! Слышали, Икрам на фронте. А баловник наш как?

Он задавал вопрос за вопросом, и тетушка Джаннат не знала, на какой из них отвечать.

— Турсунбай тоже там.

— Значит, ты одна-одинешенька осталась? И Сыддык умер...

Лицо его исказилось, словно от боли. Между бровями вспухла глубокая морщина. Он помолчал, неподвижно глядя перед собой. А потом решительно подошел к настилу и сел рядом с Джаннат.

— Хороший был человек, справедливый.

Больше он ничего не добавил и взял протянутую ему пиалу с чаем. Быть может, он вспомнил юность, проведенную вместе с

Сыддыкджаном. Тетушка Джаннат по-своему растолковала молчание Юлдаша-ота. У него, должно быть, сердце сейчас плачет, не забыл старой дружбы.

Юлдаш-ота глотнул остывшего чая и склонился к тетушке Джаннат:

— Плохо, что ты одна. Не забрать ли тебя в Ташкент, пока Икрам с сыном не вернутся? Поживешь у нас.

Тетушка Джаннат отрицательно покачала головой.

Ахунбабаев встал.

— Ну, смотри, как знаешь. Раим, я прошу тебя, присмотри за ней. Пойми, трудно ей одной. Вернется Икрам, как бы нам стыдно перед ним не было. А ты ничего не хочешь сказать мне, сестрица?

— Нет, я увидела вас, словно брата Сыддыкджана повидала.

Юлдаш-ота попрощался и пошел, но не к машине, а к полю. Тетушка Джаннат тоже поднялась с места. Она шла домой, и ей казалось, что теперь она не так одинока и, может быть, еще кому-то нужна. Сказал же Юлдаш-ота об Икраме...

Не сразу она привыкла к опустевшему дому. Двор стал как будто шире и больше, особенно в сумерки, когда она, по давней привычке, собирала на стол и, забывшись, все смотрела на дверь.

Тетушка Джаннат зажгла лампу и села, как всегда, на айване. Выплыла тусклая луна, еле осветившая дома и поле. Тучи быстро скользили по небу, и тени на лунном диске напоминали царापны: видно, луна с трудом прорвалась сквозь голые ветки деревьев и теперь, доплыв до верхушки тополя, зацепилась за нее и, усталая, замерла. На соседнем дворе прокричал петух. Где-то, захлебываясь, плакал ребенок. Вдруг под самой дверью раздался свирепый лай, с таким лаем собака бросается только на чужого. Тетушка Джаннат вздрогнула и прислушалась. Кто-то тихонько стучал дверным кольцом.

— Кто там? — взволнованно спросила она.

— Открой, Джаннат, это я.

Голос Икрамджана. Она сама не помнит, как очутилась у калитки. Джаннат шарила дрожащей рукой и не находила цепочку.

— Открой же!

— Сейчас, сейчас.

Она нетерпеливо рванула калитку и распахнула ее.

Луна осветила сначала голову и плечи, а уж потом деревяшку, на которой стоял Икрам.

II

Утром явился Раимберди. В колхозе его называли «Тога» — дядя. Он посмотрел на деревянную ногу Икрама, кашлянул и обнял его.

— Ну вот, довелось свидеться.

Пришли соседки — поздравить Джаннат, расспросить Икрама, не встречал ли там, на дорогах войны, их близких.

Тетушка Джаннат положила на глиняную супу камышовые циновки, а сверху постелила домотканый палас. Люди приходили и уходили, надо было всех встретить, угостить чаем.

На помощь тетушке Джаннат пришел старик чайханщик с огромным самоваром: на всех хватит. Он протянул председателю крошечный букетик ранних фиалок. Тот понюхал и передал Икраму: возьми, наверно, соскучился без цветов. Фиалки пошли по кругу, их передавали из рук в руки, и все разом заговорили о весне, посевах, о предстоящих работах.

— Тога, — сказал Умматали, разливая чай, — зачем Юлдаш-ота приезжал? Новости какие-нибудь?

— Мы с ним в Язъяван ездили. Нам земли в Наймане выделяют.

— Почему в Наймане, там же сплошь камыши, разве такую вспашешь? Да и хлопок там не вызреет. Болота — комариное царство.

Раимберди погладил густые седеющие усы и улыбнулся:

— Ота зря не скажет. Мы сейчас должны сами себя кормить. У государства и так забот хватает. Думаешь, сразу так и станем сеять хлопок?

Икрамджан, не вмешиваясь в разговор, внимательно слушал. Председатель допил чай, обтер рукавом край пиалы и продолжал:

— Шалу будем сеять. Для себя. А будет рис, — значит, и мы не пропадем. Продержимся. Поедут туда добровольцы. Поживут пока в шалашах, а к осени жилье выстроим. Если от каждой бригады наберется по две семьи, будет тридцать четыре двора — целый кишлак. Дадим по шестнадцать соток — пусть обрабатывают. А на трудодни получают, как все.

Тога еще долго говорил о Наймане, о том, что все окрестные колхозы разберут найманские земли, о тяжелой работе, которая ждет их там.

Несколько дней Икрам не мог выйти из дома — люди все шли и шли, каждого нужно было встретить, с каждым поговорить.

А ему хотелось пройтись по кишлаку, побывать в поле. С тоской смотрел он на деревья, на почти голые ветки, на которых только еще набухали почки. По-весеннему просторно было в полях, уходящих к самому горизонту.

Уже поздно вечером Икрам вышел на улицу. Тихо. Теплый весенний ветер ласково коснулся рук и лица. Икрамджан направился к Анхору. В сумерках вода казалась свинцово тяжелой. Анхор тоже был детством Икрамджана. Сколько раз он купался здесь — сосчитать нельзя. А Турсун? Если пропадет из дому — ищи на Анхоре. Скрытный был. Даже поиграть с мальчишками уходил, не спросившись. Часто отец отыскивал его здесь, на берегу Анхора, и силком уводил домой. А там уж мать не знала, что и думать. Эх, Турсун, Турсун! Перед отъездом Икрам не обнял его — попрощался сурово, по-мужски.

Неожиданно выкатилась луна, похожая на огромное медное

блюдо. И медленно наполнила все небо. Он вспомнил ту «фронтую» луну над окопами, точно такую же. Тогда он думал: видна ли она сейчас там, над родной Зириллямой? А когда он лежал тяжело раненный в притихшем поле? Луна стояла прямо над головой, будто ее нарочно подвесили к небу. Такой же багрово-рыжий, как сейчас, шар.

Он снова посмотрел на воду, почти черную у берега, а на середине искрившуюся, словно живое серебро.

В жаркие летние дни ребята носились по берегу, брызгали друг на друга водой. И если кто выскакивал слишком скоро — обмазывали грязью и стаскивали в воду: пусть искупается еще раз. По этим волнам уплыло детство Икрама, его как бы унесло течением, и сейчас это безжалостное течение все так же уносит чью-то молодость. А те ребята давно уже взрослые — как и он. Кто на войне, кто трудится в тылу. Турсунбай тоже на фронте. Икрам гордился сыном. В его представлении молчаливый, вечно нуждавшийся в родительской заботе Турсун превращался в отважного воина. Он всегда впереди, он храбрее всех, он бесстрашно бросается на врага. Отцам часто кажется, что их сыновья — самые сильные, самые красивые.

Турсунбай и сам знал, что он красив. Одежда сидела на нем ладно. Интересно, какой он сейчас, в шинели? Наверно, хо-рош...

Икрамджан шел по узким улочкам, где бегал еще мальчишкой, легкий, стремительный; шел и прислушивался к стуку своей девяшки.

Джаннат не спала, дождалась мужа. Они просидели за чаем далеко за полночь, как прежде; говорили и все не могли наговориться.

— Так, значит, сынок Умматали на фронте? Как согнуло-то самого... Да, вот еще хотел спросить, ведь сын Кучкара раньше меня ушел. Есть от него вести?

— Зимой была похоронная.

Икрам молчал.

— А Алим, — спросил он, — пишет?

— Его ранило. Приезжал на месяц домой.

Икрамджан отстегнул деревяшку и, притянув к себе костыли, заковылял к туговому дереву. Он скрутил сигарку из махорки. Тетушка Джаннат следила за мелькавшим в темноте огоньком. Муж прежде и не курил, на фронте научился. Тяжело ему: Турсунбай на войне, а теперь еще сам инвалид.

Как они с Икрамом мечтали женить сына! Господи, лишь бы вернулся. Проклятая эта война.

Икрамджан докурил и погасил сигарку. Искры посыпались на землю, и огонек потух.

Икрамджан молча вернулся на айван.

— Послушай, жена. Трудновато нам все-таки будет здесь, сама понимаешь. Придется что-нибудь придумать.

— Что придумывать-то? — Она широко открытыми глазами глядела на мужа.

— Ты слыхала, о чем говорил Тога?

Тетушка Джаннат не слыхала.

— Колхоз получает земли в Наймане. Тридцать четыре семьи решили переселяться. Давай и мы поедем? Там минуты свободной не будет, и не заметишь, как день пройдет. Работы много, и на сердце будет легче.

Тетушка Джаннат не отвечала. Как же так, бросить обжитой дом? А если вернется сын? Будет ходить, искать. Уехать из родного дома, который сами строили, где всю молодость прожили, и жить где-то в степи, в палатке...

— Надо хорошенько подумать, отец.

— Я знаю, о чем ты. Не время сейчас думать об удобствах. Я видел — горели и не такие дома, как наш, настоящие дворцы. А люди живут там в землянках, голодают. Лучше нам поехать. Конечно, в степи нет готового дома. Ну что ж. Проживем лето в палатке. А к осени построимся, будет крыша над головой. О доме не беспокойся, ничего с ним не станется. Цел будет.

Как не хотелось тетушке Джаннат огорчать мужа, но и согласиться она никак не могла. Здесь каждый угол родной. Отсюда ушел на войну Турсунбай. Здесь всюду его следы. Другие их не видят, но ей, матери, они дороги. Вот и здесь, на айване, он любил сидеть с книгой, а еще раньше влезет, бывало, на дерево и смотрит оттуда, что делается во дворе. Часто тетушка Джаннат открывает сундук, где сложены вещи сына. Прежде она обязательно просушивала их на солнце, а теперь ей как-то жалко стало выносить их во двор. Она легонько перетряхивала каждую вещичку сына, еще раз осматривала долгим взглядом и аккуратно укладывала на место; ей казалось, что так надежнее сохранится живое его тепло. Когда строили летнюю кухню, Турсунбай не желал помогать. Отец тогда даже накричал на сына, приказал обмазать глиной стену. И там, на глине, ясно виден отпечаток его ладони.

Тетушка Джаннат то и дело приходит сюда и нежно притрагивается к следу ладони сына.

Как же ей бросить этот дом? Да это значит снова расстаться с Турсунбаем.

— Все-таки подождем еще немножко, — обратилась она к мужу. Глаза ее умоляли. — Тога и здесь найдет нам подходящую работу.

— Не в том дело. И работа, конечно, здесь найдется. Пошлет ли еще нас Тога в Найман? Ладно. Давай спать. Завтра будем решать.

Тетушка Джаннат долго не могла уснуть. Она продолжала мысленно свой разговор с мужем, ей все казалось, что права она.

Луна была уже по ту сторону дома, и тень от тутового дерева переместилась к арыку. Под лучом света вода в арыке ожила. Курица закопошилась на насесте, устраиваясь поудобнее. Сегодня

все эти привычные шорохи почему-то мешали уснуть тетушке Джаннат.

Не раз люди говорили им, что уж очень они балуют Турсунбая — ни в чем ему нет отказа. Растет белоручкой, только о себе и думает. Легко сказать, балуют. Ведь скольких детей своих она уже похоронила. Она вспомнила, как отец нянчился с ними и как мучительно и горько было отдавать их земле. А Турсунбай рос здоровым. Родители не могли нарадоваться на него. Для отца не было большего удовольствия, чем взять с собой на прогулку сына и закупить ему сладостей. Мальчик радостный бежал домой, а отец шел за ним следом, весь сияя от счастья. Когда Турсун пошел в первый класс, они накануне целый вечер собирали его. Все сами делали. Даже тетрадки уложили.

Новенькая курточка была сшита заранее. Турсун впервые надел ее в тот день, когда отец повел его стричься в парикмахерскую, — и это тоже было целым событием. Конечно, приходилось иной раз и пожурить сына... Бывало и другое: мать или отец ждали детской ласки, не в благодарность за конфеты, а просто так, они видели, как другие дети ласкались к родителям, обнимали их. С Турсунбаем все было по-другому. Но сейчас об этом не хотелось думать. Сейчас, напротив, казалось, что они все еще мало пеклись о сыне, еще не нагляделись на него вдоволь.

Такие мысли и раньше приходили в голову тетушке Джаннат. Но сегодня она никак не могла от них отделаться, очень уж растрогал ее последний разговор, когда она почувствовала угрозу разлуки со всем, что ей было дорого.

Нет, не стоит уезжать. Страшно! Да еще будут ли доходить туда письма?

Тетушке Джаннат чаще всего Турсун представлялся маленьким мальчиком, которого они с отцом с волнением поджидали возле школы в тот уже далекий сентябрьский день, в его первый школьный день.

Икрам тоже ушел из дому здоровым, бодрым. Тетушка Джаннат вспомнила, с каким трудом она сдержала крик, когда увидела в лунном свете его деревянную ногу. Бог даст, Турсун вернется целым и невредимым. И она еще увидит его веселого и нарядного, рядом с невестой.

III

В один из трудных месяцев Отечественной войны в пустынную Найманскую степь направлялись двое всадников. Они то появлялись, то скрывались, словно уходили с головой под воду, и высокие камыши смыкались над ними. Ехали они молча. Казалось, ничто не в силах остановить эту скачку, продолжающуюся уже несколько часов, — ни волчий вой, ни рев диких кабанов, ни мутный, неподвижный, как у мертвеца, взгляд варанов, ни сухой блеск сброшенной змеиной кожи, при виде которой невольно настораживается

путник, ни гордые, величавые беркуты, застывшие, словно стражи, на холмах, чтобы предостеречь человека: нет тебе сюда пути, здесь мое царство.

Едущий впереди Раимберди с двустволкой в руках внимательно всматривается в степное море и временами оглядывается на своего спутника. Икрамджан глубоко ушел в невеселые мысли. И Раимберди не хочет мешать ему.

Кони с ходу ступают в болото и вздрагивают от брызг.

Раимберди уже давно собирается начать разговор с Икрамом, да все не решается: он понимает, что несколько его фраз прозвучат, как приговор, и неизбежно изменят судьбу Икрама. Трудно даже представить себе, как сложится отныне эта судьба.

Накануне в кишлак приезжал нарочный из райвоенкомата и сообщил, что из эшелона, направляющегося на фронт, сбежал Турсунбай. Дезертировал. Его уже разыскивают.

И вот на долю Раимберди выпало сообщить эту страшную весть отцу. А кто же, как не Раимберди, знает, что сын, ушедший воевать за Родину, — гордость Икрама. В Турсунбае все надежды, весь смысл его жизни.

Отец все равно узнает о своей беде, так пусть уж лучше это произойдет как можно позже.

Тога хлестнул коня и повернул к холму. Икрам молча следовал за ним. Под ногами коней теперь шелестел сухой камыш. Еще не доезжая до холма, они разглядели на вершине огромного беркута с распростертыми крыльями. Силуэт птицы напоминал всадника в широком чекмене. Чуть вытянув шею, беркут проследил за ними взглядом, взмыв в небо, описал круг над холмом и камнем упал в камыши. Отсюда, с холма, была видна вся степь. До самого неба свода степь казалась желтой: и песок, и камыши, и болотные лужицы. Скоро зацветут красные маки. Лишь пески как были, так и останутся желтыми.

Раимберди бывал здесь, в Наймане, еще мальчишкой. Он пас с ребятами скот, но так далеко они никогда не забредали — боялись волков. А после, когда организовали колхоз, ему и вовсе некогда было ездить сюда, да и незачем. Всею свое время. Сейчас Тога глядел на эту голую степь и думал о том, что вот дошла очередь и до нее и ему, Раимберди, предстоит решать сегодня, где расположится кишлак, где будут поля. Он обернулся к Икрамджану:

— Ты бывал здесь раньше?

Икрамджан неторопливо достал из кисета щепотку махорки, свернул сигарку, раскурил.

— Не раз бывал здесь. Вон там, налево, по-моему, Юлдаш-ота посадил когда-то два дерева — ивы. Если не погибли, то, должно быть, уже разрослись.

— Когда же это было?

— А еще когда здесь неподалеку канал рыли. Позвал меня однажды Юлдаш-ота с собою. Очень жаркие стояли дни, помню, даже маки посохли. Дня два мы ездили по степи. Найти бы сейчас

те деревья, если только они живы, — хорошее место, можно как раз там и располагаться, жилье строить. Если, конечно, мы не опоздали и другой колхоз не облюбовал те места. И от канала близко, воду подвести легко будет.

Взошло солнце и сразу же жарко пригрело спину. Мимо с криканьем пролетела стая диких уток.

Раимберди сбросил хурджун на траву, прыгнул с коня и оглянулся, отыскивая лужицу почище, чтобы помыть руки.

— Давай позавтракаем, Икрам, ты, наверно, тоже проголодался.

Он развязал хурджун, вытащил железный чайник и кружку. Икрамджан спешился.

Срезав несколько веток дикой джиды, они вдвоем сделали треногу, приладили к ней чайник и, наполнив его из баллона, который тоже оказался в хурджуне запасливого Раимберди, развели огонь.

— Поохотиться бы, — сказал Икрам, — уток полно.

— А рыбы, рыбы сколько, — мечтательно подхватил Тога.

— И рыбы, и зайцев, и диких кабанов. А туда дальше, в песках, киики.

— Вот устроимся здесь, в мясе недостатка не будет. Одно меня беспокоит — вода горьковатая. Первым делом подведу воду из канала, — сказал Тога.

Закипел чайник. Разламывая лепешку, Тога посмотрел на деревянную ногу Икрама:

— Страшно было?

— Не помню уже, — наверно, страшно, только я не думал об этом тогда. О сыне думал. Приведется ли его еще увидеть. А теперь вот я вернулся, а его нет, даже не проводил сына. Только бы жив остался. Не дай бог, что случится с ним, — голос Икрамджана дрогнул.

Тога почувствовал, как что-то сжало ему сердце.

— Смотри же, Тога, я только на тебя надеюсь. Если сын вернется, сам привезешь его в Найман. Не сидеть же ему одному в пустом доме. Да и нас он не найдет. Зачем ему ходить по кишлаку и спрашивать, где отец с матерью?

Раимберди нерешительно кивнул. «Лучше не поддерживать этот разговор», — решил он, встал и пошел к коням.

Теперь перед всадниками вновь расстилались камышовые заросли и болота. Вдруг они с волнением переглянулись. Вдали мелькнуло очертание деревьев.

— Ивы, те самые ивы, Раимберди! — закричал Икрам.

Растрепанные ветром тонкие, волокнистые ветки ив отсвечивали красным в лучах солнца.

Они подъехали вплотную к деревьям. На шесть-семь километров вокруг были лишь пески да камыши. А эти два дерева, крепкие, разросшиеся, стояли, как сказочные богатыри, поклявшиеся стойко охранять родные просторы.

Тога ударил рукоятью нагайки по шероховатой коре.

— Здесь будет кишлак, — провозгласил он.

Икрамджан улыбнулся.

— Ты не думай, — сказал Тога, — что я не понимаю, как трудно будет. Но ведь только год. Всего один год помучиться. Знаю, не все здесь приживутся, кое-кто захочет обратно в кишлак. Но через год все наладится, и уж никому не придет в голову уйти отсюда. А пока — строить палатки, добывать оборудование, спастись от комаров. Невесело, конечно!

«Строить, строить, — думал Тога, — а из чего строить, где взять материал? Черт возьми, как все было просто до войны. Вон заложили Дворец культуры в кишлаке. Стены возвели... Ничего, после войны закончим. Будет такой Дворец, какого ни у одного шаха не было».

— Слушай, Икрам, помнишь, как ты возил перед самой войной виноград и гранаты в Новосибирск? Целых три вагона.

— Помню, а что?

— Так ты ведь привез оттуда бревна и доски.

— Привез, а где они, ведь Дворец-то не стали достраивать.

— А что ты скажешь, если сейчас пустить этот лес на жилые дома, а? Как думаешь?

— Думаю, что можно, но ведь для всех не хватит.

— А мы сухие деревья добавим.

Правда, железа маловато, на одну крышу хватит. Но ведь можно пока крыши толем покрыть. Тога и Икрам еще долго и горячо обсуждали, как строить дома, где ставить контору. Они ходили по степи, размечали улицы, присмотрели место для чайханы, высчитывали, где удобнее прорыть арыки, где ставить колодец.

— Для фундамента обязательно нужен цемент, — беспокоился Икрам. — Где будем цемент брать, Тога, кирпичи ведь не выдержат, рассыплются.

— Да не волнуйся ты. Добудем в Кувасае. Машин пятнадцать с лихвой хватит. Завтра пошлю туда договориться Абдухалила. А мы им подбросим для рабочих дыни и виноград. Думаю, не откажут. Кирпич нам ни к чему. На цементный фундамент можно смело ставить глинобитные стены — крепче будут, получше кирпичных. Заготовим все, что требуется, и каждая семья возьмется за дело. Если еще женщины, да с ребятами, — скоро справимся. Ну ладно. С этим решено.

Солнце поднялось к самому куполу неба. От песков подул теплый ветер.

— Чувствуешь, Икрам, весна... Земля семян просит. Эх, самое время для дехканаина! Поехали.

Тога уже поставил ногу в стремя, но вдруг, словно что-то вспомнив, спрыгнул на землю.

— Постой, самое главное забыл. — Он достал блокнот из нагрудного кармана, положил его на колено и написал крупными четкими буквами: «ЗДЕСЬ ЗЕМЛЯ КОЛХОЗА «ЗАРҒЕНТ». УЧАСТОК НАЙМАН».

Он посмотрел на Икрама и снова улыбнулся.

— Годится? Сюда ведь не сегодня завтра явятся и другие колхозы. Штук сто, а? Со всех сторон — из Андижана, Намангана, Коканда, возьмем пустыню в кольцо. Так пусть знают, что этот участок уже наш.

Он прицепил листок к ветке и отошел немного, проверить — виден ли? И лишь тогда вскочил в седло.

Они не проехали и половины пути, как солнце стало клониться к западу. В разрыве между облаками проступали розовые отсветы. Но через мгновение они потускнели и погасли, — весь мир словно укрыло черным шатром.

— С дороги не собьемся? — спросил Тога.

— Лошади не собьются. Мы по той же тропе едем.

Не дав отстояться мраку, внезапно, словно брошенный сильной рукой обруч, выкатилась луна. Степь зажила своей ночной жизнью. Первыми подали голос кузнечики, будто железо пилили. Совсем близко начали подвывать волки, в камышах вспыхивали глаза шакалов.

— Запомни, друг, — сказал Тога, обращаясь к Икраму, — не долго им тут царствовать. Мы осушим болота, сожжем камыш. — В голосе его прозвучала вера и гордость. — Наши дети сражаются на фронте, но и мы не сидим сложа руки.

Ночью еще более одиноко змеится среди камышей тропа, по которой едут два всадника. Огней кишлака все еще не видно. И впереди и позади — волчий вой и упрямое стрекотание кузнечиков. Но Икрамджан не слышит волчьего воя, не замечает, как высокий камыш то и дело задевает его по лицу. В мыслях он разговаривает с сыном, то теряет его, то находит в самой гуще боя и прижимает к груди.

IV

На затуманенном небе луна уже потускнела, словно ее завесили кисеей. Тога и Икрамджан въехали на главную площадь Зириллямы, освещенную единственной электрической лампочкой, чуть подмигивавшей на столбе. Около правления Тога спешил, отдал поводья сторожу и, попрощавшись с Икрамом, направился по темной тропинке домой. Икрамджан решил согреться пиалой зеленого чая и повернул лошадь к чайхане.

Чайханщик в полном одиночестве мыл в тазу надтреснутые чайники и пиалы, поблескивавшие по щербатым краям небольшими жестяными заплатками. Икрамджан ступил на порог и уже хотел было войти, но остановился — прямо на деревянном настиле, съездившись, лежал ничком какой-то незнакомый человек. «Наверное, приезжий, заждался машины и уснул». Икрамджан вошел в чайхану.

— Поздненько что-то ты сегодня, — сказал старик чайханщик.

— Мне бы чаю покрепче.

— Сейчас принесу, я только что поставил на угли.

Он принес чайник, провел грязным полотенцем по доньшку и поставил перед Икрамджаном.

— Продрог, брат? Далеко ездил? В Маргилан?

— В Наймане были с председателем.

— Охотились? Сейчас самое время лысуху стрелять. — И, не дожидаясь ответа, старик завел бесконечный рассказ о том, как охотился когда-то в Наймане.

— В те времена мы не решались входить в камышовые заросли. Там полно было диких кабанов. Хороша была и охота на уток. Тогда в Маргилане только-только начали строить комбинат. Русские техники брали ружья и на велосипедах ездили в заросли — стреляли и уток и кабанов. Не знаю, как сейчас, а тогда, бывало, углубишься шагов на десять в камыши — и даже всадника не видно.

Икрамджан слушал рассказ старика вполуха, а сам думал почему-то о незнакомце, лежащем на настиле у чайханы. «Наверно, ему холодно. Кто он такой, интересно. Может, фронтовик домой возвращается, может, ослаб в дороге?»

Он поставил пиалу и вышел из чайханы. Незнакомец уже поднялся и сидел на настиле, обхватив колени руками.

— Откуда едете? — спросил Икрам, подходя ближе.

Незнакомец поднял голову, и Икрамджан увидел совсем еще юношу.

— Из Маргилана, — тихо ответил он. — Машину жду, может, кто в Андижан подбросит. — Голос его дрогнул.

«Замерз, наверно», — снова подумал Икрамджан.

— Пойдем в чайхану, выпьем по пиале чаю, — сказал он, — чего тебе ночью здесь одному сидеть.

Парень послушно встал, поднял узелок и поплелся за Икрамом.

При ярком свете Икрам увидел пожелтевшее и какое-то потухшее лицо. Руки парня тряслись.

— Слушай, да у тебя же малярия.

Икрам приложил руку к его лбу:

— Весь горишь. Ты пей, пей, — добавил он, наливая горячего чая. — А кто же у тебя в Андижане?

— Да никого, — парень выпил чай и протянул пиалу Икраму.

— Сам-то ты откуда?

— Из Чортерака. Из дому иду. Долгая это история, если рассказывать. Иду просто куда глаза глядят. Брат у меня погиб, — добавил он тихо.

Икрамджан ничего не понял из этого сбивчивого рассказа. Он думал о том, что этот юноша, почти мальчик, так напоминающий ему сына, болен и одинок.

— Да, невеселые у тебя дела, — сказал он. — А ну-ка, вставай, пойдем. Как бы с тобою не случилось чего.

Парень все так же послушно поднял свой узелок и побрел за Икрамом. Его лихорадило. Он шел в темноте за этим незнакомым

человеком, который так участливо отнесся к нему. Ему казалось, что уже очень давно он не слышал такого мягкого голоса, не ощущал такой заботы.

Они остановились у калитки, и Икрамджан громко постучал.

— Ну вот мы и дома. — сказал он, снимая с лошади хурджун.

— А я уж беспокоилась. — услышался в темноте женский голос.

— У нас гость, жена, веди-ка его в дом, я задам лошади сена.

На айване горела лампа, и парень разглядел лицо женщины. Все в морщинках, а глаза еще совсем молодые. «Наверное, ей и пятидесяти нет», — подумал он.

— Входи, пожалуйста.

В самом углу айвана, затянутого брезентом, он увидел сандал, покрытый пестрым одеялом. Женщина проворно постелила стеганый тюфяк и усадила гостя. Вошел Икрам, и только теперь юноша разглядел его деревянную ногу. «Значит, на фронте был».

— Сделай-ка нам горячего супу, старушка, — сказал Икрам, — да побольше перцу положи. У парня жар, видишь, как его трясет.

Женщина молча ушла на кухню, а Икрамджан, приподняв одеяло над сандалом, поворошил угли.

— Да ты не стесняйся, устраивайся поудобнее. И не огорчайся, сейчас многих малярня трясет. Вылечиться нетрудно. Поедим вот горячего супу с перцем, пропотеешь, сразу легче станет.

Тепло от сандала приятно расходилось по всему телу, и веки гостя стали смыкаться.

Пока варился суп, он заснул, привалившись к стене.

— Ладно, не буди, — сказал Икрам жене, — утром разогреешь. Видно, здорово он устал.

— А кто это, отец? — спросила тетушка Джаннат.

— Не знаю. Вижу, что человеку плохо.

— А откуда он?

— Около чайханы, на настиле сидел. Сжался весь, как сирота. У меня сердце перевернулось. Брата, говорит, убили. — Икрамджан нехотя похлебал супу и попросил: — Постели-ка мне, жена, устал я что-то.

Икрам заснул, а тетушка Джаннат подсунула подушку под голову гостя, накрыла его одеялом и села. Она глядела на парня, и ей казалось, будто это ее Турсунбай пришел домой и вот прилег отдохнуть у сандала.

Она опять, уже в который раз, не могла уснуть, все ворочалась в постели и поглядывала на луну, которая сейчас была похожа на тоненькую корочку льда и плыла по небу, словно по воде.

Она думала об этом чужом парне, который спал сейчас здесь, рядом, на айване, и думала о сыне. Когда Турсунбай заболел корью, она вот так же не спала ночами, боялась уснуть, чтобы не оставить его без присмотра. А как тревожились они с Икрамом, когда у мальчика бывал жар, и ссорились между собою из-за диеты, прописанной врачом. Турсунбай ни за что не хотел есть то, что

велел врач, Икрамджан сердился на сына, а мать жалела его и защищала.

Вообще-то Гурсун рос здоровеньким. Детские болезни переносил легко. С коклюшем ни дня не лежал — бегал по двору.

Очень любили они сына, баловали, конечно, ничего для него не жалели. Если бы не война... Наверно, женили бы его теперь. Но их мальчик, их баловень где-то далеко, на фронте, там, где беспрерывно свистят пули и на каждом шагу подкарауливает смерть.

Тетушка Джаннат все смотрела на спящего парня, а слезы текли и текли по ее лицу, ненадолго задерживаясь в морщинках.

Парень застонал: «Дильдар, Дильдар, — позвал он. — Какая ты красивая. Брат, скажи отцу. Скажи сестре. Смотри, что они хотят сделать. Пусть Дильдар не соглашается. Скажи ей, Дильдар, проклятая. Уйди, уйди, Олапар. Тебя никто не гнал из дома. Уйди с дороги, Дильдар».

Тетушка Джаннат ничего не поняла из этого бессвязного бормотания, а парень все звал и звал какую-то Дильдар, кого-то гнал, на кого-то сердился, стонал и плакал.

Она поднялась, смочила полотенце холодной водой и приложила ко лбу. Он снова застонал, и она почувствовала, как этот стон отозвался острой болью в ее сердце. Может быть, и ее мальчик лежит сейчас в чужом доме, больной, раненый, и незнакомая женщина осторожно перевязывает его рану. Все матери одинаковы. Разве существуют для них чужие дети? Какая мать даст в обиду ребенка — своего или чужого?

Уже и вырастет сын, сам станет отцом, но в любой беде он всегда зовет мать, знает, что мать первая прибежит облегчить его страдания. Парень стонал, метался и звал маму. И неожиданно для себя тетушка Джаннат наклонилась к нему, спросила: «Чего тебе, сынок?»

V

Когда Низамджан проснулся, было уже утро. Вокруг — ни души. Лишь за брезентовой занавеской, где-то в глубине двора, слышен стук топорика — колют дрова.

Ему показалось, что он лежит у себя дома на айване и что это его мать возится в летней кухне — ставит самовар или готовит еду. Зачем же она сама занялась дровами? Ведь всегда это делал он, Низамджан.

Низам огляделся. Нет, это не его дом. Он в незнакомом месте.

И тут ему вспомнилось то, что случилось за последние дни, отец, сестра, Дильдар.

На айван тяжело поднялась тетушка Джаннат с полным совком горящих углей.

— Проснулся, сынок? Я сейчас разогрею сандал. — Она подняла одеяло и стала быстро раскладывать угли, чуть-чуть присыпая их пеплом. — Жар у тебя был ночью. Напугал ты меня. У тебя,

конечно, малярия, я знаю, сама переболела. А дядя Икрам в аптеку пошел.

«Кто это дядя Икрам?» — подумал Низамджан. Он не помнил, как попал в Зирилляму, к чайхане, как ждал машину и как его, сиротливо прикорнувшего на деревянном настиле, поднял и привел сюда Икрам. Он вчера проделал путь от Маргилана до Зириллямы и очень устал. Всю дорогу его била малярия, и за весь день не было ни росинки во рту.

Сейчас он чувствовал только слабость, напрягал память, силясь вспомнить, как попал сюда, в этот дом.

— Вчера, пока я варила суп, ты уснул, — сказала тетушка Джаннат, — и не поел. Я сейчас его согрею, поешь горяченького, с перцем, сразу легче станет. Что же это дядя Икрам так долго, — продолжала она, протягивая руку к полке. — Наверно, пошел в дальнюю аптеку. — Она взяла фарфоровую касу и ушла.

Тетушка Джаннат вернулась очень скоро и поставила перед Низамом свой лечебный суп.

— Ешь, сынок, — сказала она, снова уходя на кухню, чтобы Низам поел не стесняясь.

Он взял дрожащей рукой ложку и с наслаждением начал глотать горячий, острый суп. Что-то хрустнуло у него на зубах. «Наверно, камешек в рисе», — подумал Низам. Откуда ему было знать, что это не обыкновенный рисовый суп — мастава — и что тетушка Джаннат не зря несколько раз упомянула о перце. Она пропекла на огне черного жучка, истолкла его в порошок, смешала с перцем и щедро приправила суп — испокон века так лечили малярию в их кишлаке.

Низамджан доел суп до последней капли и, разморенный, откинулся на подушку. Все его тело горело огнем.

«Какие славные люди. И сколько я хлопот им доставил», — подумал он, засыпая.

Тетушка Джаннат заботливо прикрыла его поверх одеяла стеганым халатом Икрама и поправила подушку. Вскоре лицо Низамджана покрылось крупными каплями пота.

Икрамджан так торопился утром, что не стал возиться с протезом, а ушел на костылях. Теперь он с трудом перепрыгнул арык, оставляя в отсыревшей земле глубокие вмятины от костылей.

— Что так долго? — прошептала тетушка Джаннат.

— Жар прошел?

Она посмотрела на озабоченное лицо мужа. Вот так же он пугался, когда болел сын.

— Ему сейчас лучше, — сказала она улыбаясь. — Я полечила его по-своему.

— Жалко парня. Может, тоже чей-то единственный ребенок. Как наш, — добавил он, помолчав минутку. — Раз ты говоришь, что полечила, подождем еще. Может, действительно ему станет лучше.

Они еще долго говорили шепотом.

— Я ведь знаю, о чем ты тревожишься, жена, — заметил

Икрам.— Что за парень да откуда. Не приведи бог, окажется плохим человеком.

Тетушка Джаннат не ответила.

— А если даже и плохое у него на уме, — продолжал Икрам, — поговори с таким по-людски, позаботься о нем, он и не станет ничего худого делать. На плохой путь становятся люди ожесточенные. Сколько я повидал за это время, жена. Просто не поверишь, какие женщины есть на свете. В тех городах, что под немцем... Спасают наших, прячут, кормят, лечат. И не спрашивают, что за человек, да откуда, да какой нации. Под страхом смертной казни спасают. Раненых в подвалах выхаживают. Вот так, жена. Человеку в беде надо руку протянуть, поддержать. Это я теперь точно знаю. Может, и этот парень в беду попал. После узнаем все. Захочет, расскажет.

Кто-то громко постучал в калитку. Тетушка Джаннат вздрогнула.

— Вечером в конторе собрание, в семь часов! — крикнул мужской голос. — Всем до единого членам колхоза явка обязательна.

— Что это еще? — тревожно спросила тетушка Джаннат. — Случилось что-нибудь?

— Что могло случиться? О переезде в Найман совещаться будем. С фронта в колхоз письмо пришло. Наверно, прочитают. Ладно, раз Тога велел, надо идти. Смотри, жена, если у него жар не пройдет, врача надо вызвать. На твое самодельное лекарство надежда плохая.

Икрамджан пристегнул протез и вышел на улицу.

А немного погода во двор, запыхавшись, вбежала соседка с треугольником в руке.

— Письмо от Азизхана! — закричала она.

Тетушка Джаннат кивнула на айван, где спал Низам, и приложила палец к губам.

— Письмо, родненькая, письмо от сына, — зашептала соседка, глотая слезы.

— Давайте почитаем, Тутихон. Что он пишет, сокол наш? Здоров? Не ранен, упаси бог?

— Сохрани их господь от пули и дурного глаза, наших мальчиков. Бедный Умматали, тоскует о сыне, ждет не дождется. Худой стал, как спичка. А раньше такой всегда веселый был.

— Читайте, дорогая, читайте.

Тутихон нацепила на нос очки и развернула письмо.

Азизхан писал, что его часть попала в окружение и что сейчас, после сильных боев, они прорвались к своим.

Тутихон читала долгожданное послание сына и обливалась слезами. Вот этот треугольничек проделал далекий путь и принес ей, матери, дыхание и голос сына. Из этого пожелтевшего, смятого листка на нее смотрели глаза Азизхана. Тутихон поцеловала листок и приложила его к глазам.

Тетушка Джаннат тоже плакала, и Тутихон, стыдясь своего счастья, утешала ее:

— Не горюйте, милая, и Турсунбай напишет. Вот вспомните мои слова.

— Господи, хоть бы написал хоть словечко. Я уж думаю, лишь бы увидеть его свадьбу, а тогда и помереть можно. Дождусь ли?

— Дождетесь, непременно дождетесь, еще и внуков и правнуков понянчите.

Они сидели молча, думая каждая о своем сыне.

— Слыхали, дорогая? — вдруг заговорила Тутихон. — Чей-то парень из нашего района сбежал из армии. Дер... дев... дезертировал.

— Ничего не слыхала. Чей же это?

— Не знаю. Не сказали чей. Сохрани господи от такой беды. Позор ведь отцу-матери. Вчера Умматали принес эту весть. Он говорит, что дезертиров расстреливают. Экий парень малодушный, не подумал о матери, загубил несчастную.

VI

До войны Тога строго следил за тем, чтобы колхозники приходили в клуб чисто выбритые и не в рабочей одежде. А если кто и проникал в клуб в таком виде, он громко стыдил его перед всеми и отсылал переодеться и побриться. А теперь он сам уже забыл, когда брился, и сидел в потертом, выдавшем вида пальто. Люди заходили в клуб прямо с поля, в сапогах, облепленных грязью, никто даже не снимал старых потертых ушанок и трюхов.

В зале тишина. Тога все еще не открывает собрания, поминутно поглядывает на часы, — видно, кого-то ждет.

Вот в зал вошел молодой человек в форме лейтенанта, все обернулись в его сторону. Он прошел прямо к сцене, сел рядом с председателем и что-то сказал ему, очевидно извиняясь.

Тога встал и обратился к залу:

— Если Умматали здесь, пусть поднимается на сцену. Икрамджан, и ты тоже.

Икрамджан обогнул передние ряды и тяжело поднялся на сцену. Умматали в зале не было, и кто-то побежал за ним. Вскоре он появился и взволнованно направился к столу президиума.

Тога снова встал:

— Товарищи! Прежде чем начать собрание, разрешите представить слово представителю военного комиссариата лейтенанту товарищу Исмаилову. Попросим его рассказать о положении на фронте.

Лейтенант встал, снял шинель, бережно повесил ее на спинку стула и подошел к трибуне с бумажным пакетом в руках. Он начал с того, что войска Северо-Западного фронта окружили 16-ю армию противника в районе Старой Руссы. Его напряженно слушали.

Лейтенант рассказывал о героизме, проявленном советскими бойцами в боях за освобождение городов Смоленской области,

и каждый, затаив дыхание, боялся пропустить хоть слово. Лейтенант заговорил о Ленинградском фронте. Он говорил о людях, оставшихся в Ленинграде, о том, как в эти страшные дни они отстаивают свой родной город.

— Сейчас привезли детей из осажденного города. Привезли в Узбекистан. Узбекский народ отправил эшелон с продуктами для героических ленинградцев.

Лейтенант сообщил и о положении на других участках фронта.

— На Керченском полуострове идут напряженные бои. В этих боях узбекские воины проявляют, как и представители других народов, высокий героизм. — Лейтенант назвал несколько имен героев. — Среди этих бойцов, — продолжал он, и голос его зазвенел, — есть и ребята из вашего колхоза. Один из них — Азизхан Умматалиев.

Все как по команде посмотрели на Умматали. А он от неожиданности вскочил со стула и стоял перед залом худой, сгорбленный, растерянный. Раздались аплодисменты.

Лейтенант поднял руку.

— За отвагу и мужество, проявленные в боях за освобождение Калуги, Азизхану Умматалиеву присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Он награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Лейтенант сошел с трибуны, медленно приблизился к Умматали.

— Спасибо, что воспитали такого сына, — торжественно заключил он и обнял растерявшегося старика.

Многие в зале плакали. Кое-кто бросился на сцену обнимать и поздравлять Умматали. Тога махнул рукой, как бы отсылая их на место.

Лейтенант снова подошел к трибуне:

— Товарищи, старейший член вашего колхоза, участник Великой Отечественной войны Икрамджан Усманов за мужество, проявленное в боях под Москвой, награжден орденом Красного Знамени. Но он был ранен, и ему не успели вручить награду. Разрешите мне вручить этот орден товарищу Икрамджану Усманову.

Икрамджан ничего не знал о награждении. Он удивленно поднялся с места. Лейтенант достал из красной коробочки орден и направился к нему. А Икрамджан, все еще не веря своим ушам, стоял посреди сцены и тревожно думал: «На самом ли деле это мне, а может, вышла ошибка?» Лейтенант приколот орден к его груди.

В зале опять поднялся шум, раздались аплодисменты. На глазах Икрамджана выступили слезы. В эти короткие мгновения перед ним промелькнула вся его жизнь. И вдруг по всему его телу разлилась сила, даже деревянная нога и та словно стала живой. А друзья, с которыми он вместе вырос в этом кишлаке, трудился бок о бок в поле, стоя приветствовали его.

Тога поздравил Умматали и Икрамджана и, когда зал утих, стал говорить о весенних работах.

— Друзья, до начала пахоты у нас есть еще немало дел. Мы

получили земли в Наймане. Туда должны переселиться тридцать семей. По собственному желанию записались пятьдесят четыре двора. В этом году мы не можем перевезти всех желающих. Нельзя, чтобы работа в колхозе пострадала. Если мы не начнем вовремя весеннего сева, не сможем выполнить свои планы. Мы посоветовались здесь в правлении и вычеркнули пока двадцать четыре семьи. Послезавтра начнем переезд в Найман. Сразу перевозить семьи не советую. Пока пусть поедут мужчины. Соорудим сначала жилье и тогда перевезем женщин и ребят. Если есть вопросы, задавайте.

Мужчина средних лет, сидевший в заднем ряду, поднял руку:

— Говорили, что в этом году в найманских камышах будем сеять рис. Если так, то я хотел спросить, есть ли в колхозе семена? И где возьмут колхозники семена для своих участков? Объясника, Тога?

— Вопрос совершенно правильный,— ответил Тога.— В камышовых зарослях и болотах хлопок пока сеять нельзя. И товарищ Ахунбабаев говорил об этом. Каждому члену колхоза выделяем сорок соток. Семена дадим в долг до урожая. Кроме того, на трудодни тоже будет выдаваться рис. Мы произвели предварительный подсчет. То, что будет выдано на трудодни, с лихвой покроет долг за семена. А на урожай со своих участков никаких налогов не будет. Еще вопросы есть?

Какая-то женщина спросила:

— А что будет с домами тех, кто переедет в Найман?

— Останутся за ними. Никто их не тронет. Если кто хочет, может продать. Колхоз заплатит стоимость. Если нет других вопросов, объявляю собрание закрытым.

Стоявший у выхода смуглый бородатый мужчина громко сказал:

— Не все объяснил ты нам, Тога. Уже несколько дней ходят слухи, что кто-то из нашего района дезертировал из армии. Сейчас здесь представитель военкомата. Пусть назовет нам имя этого мерзавца.

Брови председателя сошлись к переносице. Он не ждал такого вопроса. И, не зная, что ответить, молчал. Весь зал глядел на него.

— Ничего я не слышал,— громко сказал Тога и опустил голову.

* * *

Счастливому кажется, что все вокруг тоже счастливые. Икрамджан шел из конторы и видел кругом лишь сияющие лица. Он награжден. Ему приколоты к груди орден, он среди друзей, с которыми прожил всю жизнь, с которыми делил горе и радости. Как хорошо в их кишлаке. Скоро весна. Расцветут деревья. «Что это говорили на собрании, о каком-то парне...— Икрамджан си-

дился вспомнить. — Дезертировал из армии. Опозорил родителей...» Но об этом как-то не хотелось думать, он-то здесь ни при чем. Он был счастлив, — будто унесло с собой все тревоги это неожиданное вручение ордена.

Мужчины выходили из клуба и собирались группками у столба, где висел репродуктор. Но не для того, чтобы послушать радио, а поговорить. Женщины давно разошлись по домам.

Тога тихо беседовал с лейтенантом у черной «эмки».

Икрамджан быстро прошел мимо них, не желая мешать разговору. Сейчас он зайдет в чайхану: ему очень пить хочется — в клубе было слишком душно. Он уже прошел мимо непокрытого деревянного настила, где несколько человек пили чай, когда вдруг до его слуха долетела странная фраза, и он остановился как вкопанный. Мужчина, сидевший к нему спиной, говорил что-то, что касалось его, Икрамджана. Старик, заметивший Икрамджана, делал говорившему знаки, но тот ничего не понимал.

— ...Странные дела творятся, но Тога молодец, выдержал, промолчал. Если бы сказал, Икрамджану — хана. Ведь единственный сын — и таким подлецом оказался. Да сделай мой такое, своими руками задушил бы гада.

— Да замолчи ты! — крикнул его собеседник. — Что за бестолковый... — Старик поднялся. И тогда тот, что произнес страшные, ударившие Икрамджана в самое сердце слова, обернулся и вздрогнул. Он покраснел и, словно совершивший тяжкий грех, потупил голову.

Икрамджан не шевелился. Потом, тяжело ступая, будто неся на плечах тяжелый мешок, подошел к настилу.

— Что ты сказал? Повтори.

Мужчина растерянно смотрел на него.

— Я тебе говорю, — вдруг закричал Икрамджан, — повтори!

Не понимая, что делает, Икрамджан схватил его за воротник и стал душить. В мгновение ока собрался народ. Подбежал Тога и едва вызволил несчастного из рук Икрамджана. Икрамджан дрожал всем телом.

— Правда? Раим?

И Тога ответил сдавленным голосом:

— Правда, друг.

Икрамджан зашатался. Тога гневно посмотрел на людей, окруживших Икрамджана, и они стали медленно расходиться.

— Хватит, друг, — голос председателя дрожал. — Лучше было бы тебе не знать. А теперь... придется выдержать и это.

Тога замолчал, не зная, что еще сказать.

Икрамджан закивал головой и вдруг с силой ударил себя в грудь. Руке стало больно — он опустил глаза и увидел орден, о котором успел забыть. Еле сдерживая слезы, Икрамджан сорвал орден, выдернув его вместе с кусочком рубашки:

— Возьми, Тога, я не имею права.

— Не сходи с ума! — строго крикнул Тога.

— Нет, нет! Не имею права в глаза людям смотреть. Я не человек теперь.

— Пойдем, пойдем отсюда, Икрам.

Тога обнял его за плечи и, как больного, осторожно повел к дому.

— Оставь меня, я сам дойду.— Икрамджан теперь плакал навзрыд. По темной улице подошел он к своей калитке и остановился. «Как я ей скажу?» Он одернул гимнастерку и постарался расправить плечи.

На айване мирно беседовали тетушка Джаннат и Низамджан. Джаннат показывала парню фотографию сына, рассказывала, какой он был озорной, и слезы лились из ее глаз.

Икрамджан присел на край айвана и стал отстегивать деревянную ногу. Красную коробочку он положил с собой рядом. Низамджан сразу понял, что это такое. Он видел орден у брата, точно в такой коробочке.

Тетушка Джаннат, заметив, что муж ее утомлен, спросила:

— Что это так долго шло собрание? Устали? А наш гость выздоровел. Я же говорила, что мое лекарство самое верное. Я показывала ему фотографию Турсунбая.

Икрамджан прятал от жены глаза.

— Он такой был капризный, до самой школы отец его на плечах таскал. И в магазин, и в чайхану.

Икрамджан стремительно поднялся, забыв о ноге. И невольно схватился за столб айвана.

— Замолчи, сейчас же прекрати.

Тетушка Джаннат испуганно замолчала. За тридцать лет она впервые услышала от мужа такие слова.

— Нет у меня сына, нет...— закричал Икрамджан.

— О аллах, грех-то какой. Аллах, помилуй нас. Что с вами, что с вами?

Тетушка Джаннат, дрожа, прислонилась к стене.

Не удержавшись на одной ноге, Икрамджан грузно упал прямо на кирпичи у айвана.

Низамджан с трудом поднял его и уложил на тюфяк. Икрамджан был без сознания.

А тетушка Джаннат все еще стояла у стены, и лицо ее было мертвенно-бледным.

VII

Кишлак проснулся на рассвете с тремя новостями: Азизхан — Герой Советского Союза, Турсунбай — дезертир, тридцать семей переезжают в Найман. Все только об этом и говорили. Кто радовался за Умматали, кто печалился об Икрамджане.

Направляясь в поле, почти все заходили по дороге во двор Умматали — поздравить. Тога уже давно был здесь. Мясник свеживал барана, а в очаге горело пламя. Тутихон забегала то в комнату,

то в кухню. Она от волнения не помнила себя, а тут еще чуть ли не каждую минуту надо было отвечать на поздравления: «Спасибо, милая, спасибо, родная» — и тут же снова мчаться по хозяйским делам. На супе сидел корреспондент ферганской газеты с блокнотом на коленях. Он буквально допрашивал Умматали. И что-то быстро писал в своей книжечке.

Подъехала машина. Все бросились к воротам. Там стояла обкомовская «эмка». Из машины вышел с фотоаппаратом на груди прославленный фотокорреспондент Пенсон и певцы с тамбурами в чехлах.

Тогда встретил их у входа. Гостей усадили, и тут же появился почтальон. Отыскав председателя, он протянул ему телеграмму. Все взглянули на Раимберди.

— Умматали, тебя поздравляет товарищ Ахунбабаев. На, прочти.

Дрожащими руками Умматали взял бумажку. А прославленный Пенсон щелкал своим фотоаппаратом.

Раздалась песня. Это певцы уже успели освободить от чехлов свои тамбуры. Люди умолкли и лишь тихонько покачивали головой в такт мелодии. Певцы пели хором, только наиболее выразительные места Мамурджан выводил один:

Из боя лишь трус бежит,
Герой остается на поле...

Умматали беззвучно плакал. Ему представился Икрамджан, одиноко сидящий в своем опустевшем дворе. И песня эта была о них — об их сыновьях. Герой не покинул поля боя, а трус бежал. Это Азизхан и Турсунбай.

Голоса певцов были слышны и в доме Икрамджана. Ведь они соседи, только два двора разделяют их. Икрамджан сидел, по обыкновению, на айване. Костыль покоился на колене, будто весло, и он равнодушно смотрел на кошку, которая терлась о его деревянную ногу и жалобно мяукала.

Низамджан стоял около супы. Вот наберется он сил и, поблагодарив этих милых людей за заботу, снова отправится куда глаза глядят. Когда он думал об этом, ему представлялась ГЭС. Там нужны люди. Его там примут. И ему там будет хорошо. Но как бросить этих двух жалких стариков, подавленных своей бедой? Им нужна поддержка. Они его приютили, позаботились о нем, а теперь, в трудную минуту, вдруг бросить их и уйти?

Певцы запели еще громче. Они пели теперь о любви, о верности. С улицы были слышны голоса людей, спешивших к Умматали, тонот ног. Икрамджану казалось, что все они, проходя мимо его двора, понижали голос и даже шли чуть ли не на цыпочках. Все его мечты, те, что он лелеял двадцать один год, погибли сегодня ночью. За одну эту ночь он постарел ровно на двадцать один год. Он не сомкнул глаз. Мучительно вспоминал былое с того самого дня, когда родился Турсунбай, и до той минуты, когда, уходя на

фронт, махнул сыну рукой. Он растил его здоровым и храбрым... Кто бы мог подумать, что сын опозорит отца. Теперь он не может глядеть в глаза друзьям, знакомым. Не может выйти на улицу. Все из-за него, любимого сына. Не лучше было бы, если бы он умер еще ребенком, как его братья? Не лучше бы самому Икрамджану умереть, не дожить до такого позора? Что делать? Как же теперь жить? Ради его благополучия он работал всю жизнь, ушел на войну, вернулся с култей. С самого его рождения он трясся над ним, мечтал сделать из него человека. Каждую каплю пота, пролитую на поле, он пролил ради его счастья. И вот она, награда.

Икрамджан плакал, стараясь скрыть слезы. Он плакал и все искал выхода. Выхода не было.

Чем смыть с себя позор? Были бы целы ноги, ушел бы сейчас на фронт, уничтожал бы фашистов, рвал бы их на куски. Но этого он сделать не может. Сын похоронил отца заживо. Эх, судьба, сколько камней швырнула ты в одну голову!

Он бессмысленно смотрел вокруг. И вдруг взгляд его остановился на стене их летней кухни. Как раз на ней остался отпечаток ладони Турсунбая. Тетушка Джаннат по сто раз на день подходила сюда, гладила эту вмятину, как руку сына. Икрамджан стремительно вскочил с места и подошел к стене. Долго, слишком долго смотрел он на эту ладонь, так четко отпечатавшуюся на глине. Затем он резко повернулся, схватил кетмень, прислоненный к тандыру, поднял его и начал с ожесточением вырубать эту ладонь. Тетушка Джаннат бросилась к мужу и впиалась в его руку.

— Что вы делаете? Что же вы делаете? — кричала она.

— Не трогай меня. В этом доме нет места даже для его тени. Я уничтожу все, что напоминает о нем. Сотру, вымету.

Он оттолкнул жену, и она, хрупкая и легкая, отлетела почти на метр и тихо села. В стене зияла дыра, и через нее была теперь видна вся кухня. Икрамджан отбросил кетмень и вернулся на айван.

Низамджан, который не понял всей этой суеты, молча сидел на суге.

Икрамджан никак не мог успокоиться. Не зная, что делать, он оглядывал полки айвана. И вдруг заметил фотографию сына. Взял ее в руки. Через стекло он увидел красиво изогнутые брови, улыбающееся лицо Турсунбая.

Икрамджан прижал фотографию к лицу и зарыдал. Слезы каналы на стекло, задерживались на мгновение у изгиба рамки, а потом стекали на его одежду. Турсунбай все улыбался с портрета, словно посмеиваясь над отцом. Икрамджан ударил портретом по своему протезу. Вдребезги разлетелось стекло. Тетушка Джаннат громко закричала, бросилась к мужу и выдернула из его рук фотографию. Осколком стекла ему порезало ладонь. Тетушка Джаннат дрожала. Икрамджан ослаб и без сил присел к сандалу.

Тетушка Джаннат, тихонько плача, разглядывала фотографию Турсунбая. Кровь, кашувиная с пальца Икрама, пятнышком за-

стыла на лице сына. Он по-прежнему широко улыбался сквозь уцелевшие осколки стекла. И казалось, будто он заглядывает в разбитое окно их разрушенного дома. Но мать всегда остается матерью. Сколько мук примет она, пока вырастит сына. Мать может забыть все на свете, но забыть своего ребенка, вычеркнуть его из жизни она не может. Еще не было на свете матери, которая радовалась бы горю или смерти своего ребенка.

Вдруг громко хлопнула калитка, и во двор вбежала молоденькая девушка. Лицо ее горело, волосы были растрепаны, и безрукавка, впопыхах сброшенная, косо висела на одном плече. Очевидно, она бежала изо всех сил, а теперь никак не могла отдышаться. Она перепрыгнула через арык и остановилась. Обвела взглядом двор, Икрамджана, сидевшего у сандала и сжимавшего ладонями лицо, поглядела на безмолвно стоявшего в стороне Низамджана, на тетушку Джаннат, прижимавшую к груди фотографию. Потом, словно боясь разбудить спящих, на цыпочках подошла к тетушке Джаннат.

Это была Зебихон — невеста Турсунбая.

Еще вчера вечером она услышала страшную весть и до самого рассвета ходила по двору, не зная, верить ли. Утром она достала письмо Турсунбая, полученное полтора месяца назад, ушла в поле и там перечитывала его снова и снова, обливаясь слезами. В этом письме Турсунбай писал ей о своей любви. И письмо это живо напомнило ей вечера, проведенные вместе с ним на берегу Анхора, где таинственно шептались о чем-то ветви деревьев.

Как-то знойным днем, когда они шли с Турсунбаем по берегу Анхора, он впервые обнял ее. «Я люблю только тебя, и никто на свете мне больше не нужен», — сказал он. А перед тем как он ушел в армию, они снова встретились здесь, у Анхора, в зарослях камыша. И теперь ей казалось, будто уже тогда, в тот последний вечер, глаза Турсунбая были какие-то погасшие, что уже тогда он задумал что-то недоброе. И говорил он с нею как-то холодно. А когда пожал ей руку, она почувствовала, что и руки у него холодные как лед. Она вспомнила, что он сказал ей тогда: «Я вернусь, я обязательно вернусь. Жди меня, Зеби. Ведь я не могу не вернуться к тебе». Наверно, она не поняла тогда смысла этих слов. Она решила, что он обещает ей вернуться победителем, она не догадалась тогда, что ему не хочется идти в армию. А сейчас ей казалось, будто она все поняла. Он просто хотел спрятать свою трусость за словами любви. Трус! Разве может трус любить? Разве может человек, который не любит родину, не любит мать и отца, любить ее?

Она прибежала сюда, чтобы высказать матери, родившей труса, отцу, вырастившему предателя, свое презрение. И увидела подавленных горем стариков. Не сказав ни слова, она повернулась и тихо пошла к калитке. Здесь остановилась, вытащила из кармана сложенное письмо и разорвала его на мелкие клочки. Ветер подхватил их и разнес по всему двору.

Раимберди сидел в доме Умматали и, склонив голову на грудь, слушал певцов. И уже не видел вокруг ни односельчан, ни радостных улыбок. Он видел перед собой пламя, пожирающее дома, людей, замученных фашистами. А где-то там, далеко, на заднем плане, мелькали мирные, довоенные картины.

Почти в начале войны Тога проводил на фронт сына. Сын учился в Ташкенте на втором курсе университета. В самом начале ноября Тога получил письмо от сына, тот сообщал, что оставил университет, а через два месяца еще одно письмо — сын шел в бой. Потом было письмо зимой — сына ранило, и он лежал в госпитале. Это была последняя весточка. Следующее письмо пришло уже не от него. Коротенькая бумажка сообщала о том, что сын Раимберди геройски погиб. Тога никому не сказал ни слова об этом. Только сразу как-то состарился, похудел и все время боялся, чтобы жена ничего не узнала. Когда она начинала беспокоиться о том, что давно нет известий о сыне, Тога брал грех на душу, под его диктовку знакомый парнишка писал письмо, потом он сам вкладывал его в старый конверт, приносил домой и вслух читал жене. С самой зимы он обманывал жену. А сейчас, сидя во дворе Умматали, Тога слушал грустные голоса певцов и думал о сыне и о том, что, быть может, поступал правильно. Легко ли матери узнать, что могила ее сына где-то далеко, так далеко, что никто и не знает, где именно.

Подошел принарядившийся Умматали в шевитовом костюме, сшитом еще до войны, еще в те времена, когда он был «аккуратистом», и зашептал в ухо председателя:

— Позвони в обком первому секретарю.

Тога поднялся. Приложив руку к груди, он извинился перед певцами и, ни на кого не глядя, вышел. Проходя мимо дома Икрамджана, он остановился на минутку у калитки. Тишина. Вдруг у него стало тревожно на сердце, и, открыв калитку, Тога вошел.

Низамджан колот дрова в кухне, подкладывал их в огонь под котлом. Варил немудреную еду. Икрамджан примостился прямо на столике сандала, уткнув лицо в ладони, а тетушка Джаннат сидела на корточках у стены и не отрываясь смотрела, как горлинки бесстрашно расхаживают по двору, отыскивая зерна. Она заметила председателя, не спеша поднялась и одернула платье.

Вот уже одиннадцать лет Тога председательствует в колхозе. И он не просто председатель, начальник, он — друг. Ни одна свадьба в колхозе не обходилась без него. Не было случая, чтобы он не зашел в дом, куда заглянула смерть, не сказал бы родным усопшего доброго слова. А сколько сирот он поддержал, скольких направил на верный путь.

Но сейчас впервые он был бессилен. Чем можно утешить Икрамджана? Разве есть на свете такие слова, которые вернули бы его к жизни? Сын был единственной надеждой этих людей. Теперь его нет. Если бы он умер, легче было бы отцу и матери, легче было

бы и Раимберди утешать осиротевших стариков. А сын жив, но он умер для всех, и не просто умер, а покрыл позором родителей, и это пятно ничем не смоешь. Да, никогда не смыть Икрамджану и тетушке Джаннат это позорное пятно. Тога молчал.

— Отец, — тихонько окликнула мужа тетушка Джаннат, — Тога пришел.

Икрамджан поднял голову и с трудом встал. От усталости, от бессонной ночи он ослабел, но старался еще держаться. Сойдя с айвана, он подошел к Раимберди.

Взглянув на него, Тога сразу понял, что Икрам с той самой минуты, когда дошла до него страшная весть, не прилег, не отдохнул, а сидел вот так, страдая, не зная, как перенести это так внезапно свалившееся горе.

— Пойдем, мне надо поговорить с тобой, — сказал Тога, направляясь к калитке. Но он и сам еще не знал, куда поведет Икрамджана, что ему скажет.

Икрам быстро ополоснул в арыке лицо, вытер его поясным платком и заковылял вслед за председателем.

Они вышли на улицу. На небе не было ни единого облачка. Под глинобитной стеной заквакала лягушка. Они шли молча — Тога впереди, Икрамджан за ним.

— Завтра сам повезешь людей в Найман, — глухо проговорил Тога.

Икрамджан не ответил. Он думал: как ему ехать, как везти людей. Ведь придется уйти из кишлака, перебраться туда, где его не знают. Но куда? Куда бы он ни пошел, горе будет тут же, рядом. Пожалуй, и впрямь надо уехать в Найман — подальше от собственного дома.

— Ладно, Тога, ты, наверно, лучше меня знаешь, что мне сейчас делать. И надеюсь, не желаешь мне худого.

Они вдвоем вошли в контору. Тога достал из ящика стола список отъезжающих.

— Вот, — сказал он, — посмотри.

И тут же взял телефонную трубку. Пока его соединяли с Ферганой, Тога объяснял Икрамджану, с чего начинать там, в Наймане.

— Прежде всего пекарню строить. Возить хлеб из кишлака трудно. Нет ни машин свободных, ни арбы, сам знаешь. Сперва повезешь пятнадцать человек из строителей. Значит, так — пекарня, столовая, чайхана. Это первое. Есть тридцать палаток. Их тоже повезете и установите. Женщины пока останутся здесь. Я выделил пять человек: будут вязать берданы — циновки из камыша. Пять стариков. С едой вопрос тоже решен. Увезете...

Зазвонил телефон, и Тога поспешно схватил трубку.

— Да, я, здравствуйте. Спасибо. Хорошо, конечно, рады. Герой из нашего колхоза. Обязательно. Когда? Ага, сам будет проводить? Ладно. Приеду. Конечно, приеду. Кто, вы говорите? Сегодня? Хорошо. Встретим. Я буду в конторе. Сделаем, не беспокойтесь.

Тога положил трубку и посмотрел на Икрамджана:

— Прочел список? Подходящий? Вот их и повезешь. Или, может, кого заменить?

Икрамджану было не до списков. «Кого, кроме меня, можно вычеркнуть?» — думал он.

— Если ты согласен, вечером сходи к Абдухалилу. Ему поручено все приготовить. Арбы завтра будут ждать здесь, у конторы. Отъезжающие сейчас в поле. Когда вернутся, оповести их, что завтра с утра трогаетесь в путь. Пусть возьмут с собою самое необходимое: миски, ложки, смену белья. — Тога задумался. И, словно вспоминая что-то, негромко побарабанил пальцами по столу. — Я занес в список и тех, у кого есть двустволки. Можно будет поохотиться. И свою берданку не забудь. А ничего, если я попрошу тебя сейчас заглянуть ко мне? Когда поговоришь с отъезжающими, зайди ко мне.

Икрам вышел из конторы и отправился к дому Раимберди. Столько вдруг на него навалилось дел, что он не знал, с чего и начать. Мыслями он уже был в Наймане. «Начать жечь камыши или рыть дренажную канаву? Ну хорошо, поставим палатки. Но разве можно спать на сырой земле? Да, Тога обещал, что пять стариков сплетут толстые циновки из камыша. Все предусмотрел этот Тога, обо всем подумал. Далеко видит!»

Икрамджан позвал жену председателя, передал ей поручение мужа и пошел прямо на колхозный склад. Завскладом Абдухалил отлучился куда-то, и Икрамджан, поджидая его, бродил по двору. Он вспомнил, что дня три назад, когда они ездили с председателем в Найман, тот говорил о досках и бревнах, которые еще до войны привезли из Сибири. Говорил, что все они целы. Икрамджан прошел на площадку, заполненную железным ломом. Да, действительно, вот они, бревна, — аккуратно сложенные одно к одному. Икрамджан прикинул, сколько можно напилить из них досок. Хватит на постройку тридцати домов, даже останется. «Да что я говорю! Разве доски бывают лишними? А мостик, а конюшня, а загон для скота? Отдаст ли еще Тога все бревна? Отдаст, наверно. Надо убедить его, что в Наймане все пригодится. А как быть с кормом для скота? Тога ничего об этом не говорил. Надо ему напомнить. Пока добудем осоку да траву, надо же что-то скоту жевать».

Подошедший Абдухалил открыл амбар. Икрамджан вошел, и Абдухалил тут же показал ему все, что приготовлено для Наймана.

— Тандыра нет. Сами где-нибудь найдете. Бухгалтерия оплатит. Котел есть, самовар есть. Чая хорошего нет. Дам яблочный. Остальное все есть. Не беспокойтесь. Завтра все погрузим на арбу. И с богом.

Когда Икрамджан вышел со склада, на сердце у него стало спокойнее. Теперь нужно еще оповестить отъезжающих. Чтобы были готовы.

Уже темнело, и Икрамджан поежился от налетевшего холодного ветра. Он зашел в чайхану, быстро выпил чай и, сверяясь со списком, отправился по домам отъезжающих. Пока он обошел всех,

стало совсем темно. Ехать никто не отказался: многие и сами хотели, а некоторые не могли огорчить председателя отказом. В колхозе Раимберди любили и уважали. Икрамджан отправился к Раимберди. Незнакомый человек сидел у стола и показывал что-то на карте, а Раимберди внимательно следил за движениями его руки. Икрамджан постеснялся войти и постучать в окно. Тогда сам открыл ему дверь.

— Заходи.

— Да нет, мне домой пора.

— Ты что, с ума сошел, входи.

Тогда буквально втащил Икрама в дом. Гость обернулся. Икрамджан поздоровался с ним и присел в сторонке. Гость продолжал прерванный разговор. Так Икрамджан узнал, что Ахунбабаев сейчас находится в Фергане, что дня через два будет собрание, где решат язъяванские дела. Тогда протянул Икрамджану пиалу чая и вышел.

— Вы тоже из этого колхоза? — спросил гость.

— Да.

— Молодцы вы здесь. Героя вырастили. Вся республика теперь вас знает. Завтрашняя газета посвящена вам. Странно все-таки! В одном и том же колхозе и герой и дезертир.

У Икрамджана больно сжалось сердце. Казалось, электрический ток пронзил все его тело. Он что-то пробормотал, и сам не заметил, как очутился у двери. Чуть не сбив с ног председателя, вносившего блюдо с пловом, Икрамджан пулей вылетел прочь.

Темь. На небе ни луны, ни звезд.

Казалось, что никогда не кончится эта проклятая ночь. И никогда не наступит рассвет.

IX

Как ни тяжело было Икрамджану переносить свое страшное горе, но в присутствии жены он старался казаться спокойным, прятал слезы, сдерживался, старался не раздражаться. Тяжело. Но что поделаешь?

Он вошел в дом почти спокойный.

Тетушка Джаннат убирала комнату. Со вчерашнего дня она не бралась за веник, а все сидела в сторонке, думала и пыталась уговорить себя, что все это страшная, непонятная ошибка, что скоро все прояснится. Увидев спокойное лицо мужа, она тоже сразу как-то успокоилась и медленно отошла в сторону — вытрясти подстилку.

— Зачем ты возишься на ночь глядя? — сказал Икрамджан, пряча глаза. — Оставь веник. Иди сюда, поговорим. Ты готова ехать завтра? — спросил он, помолчав немного.

Тетушка Джаннат села напротив мужа, задумчиво отозвалась:

— Да стоит ли ехать? Может, еще подумаем.

— По-моему, стоит. Поверь мне. Я все взвесил. Не сердись, жена, но я хочу тебе все объяснить.

Икрамджан снова замолчал, подбирая слова, и взглянул прямо в глаза жене.

— В войну всякое может случиться, на то и война — убивают, ранят, калечат. Помнишь моего приятеля из Тортсерека, Ганиджана. Так вот, он получил похоронную о сыне. Они плакали о нем, как о покойнике, и траур носили. А недавно получили письмо от него самого — жив, мол, здоров. Бывает разная путаница. Кто знает, может, и с Турсунбаем что-нибудь напутали.

Из глаз тетушки Джаннат закапали слезы, и она с надеждой посмотрела на мужа.

— О аллах, хоть бы так оно и было, хоть бы напутали.

— Слушай, напутали или нет, а пока что нам трудно глядеть людям в глаза. В Наймане будет легче — все-таки дальше от кишлака.

— Ладно, — согласилась тетушка Джаннат, — поедем, если так лучше.

Икрамджан оглянулся на сиротливо сидевшего Низама:

— Поди сюда, сынок. Прости, мы так заняты своим горем, что о тебе совсем позабыли. А что ты собираешься делать?

Низамджан встал, подошел к Икрамджану и потупил голову:

— Вы отнеслись ко мне, как родные, кормили, лечили.

— Не надо об этом. Что ты собираешься делать, скажи мне.

Голос Низамджана дрогнул, он пытался что-то сказать, но от волнения не мог начать и переминался с ноги на ногу.

— Сядь, сынок, сядь и расскажи.

Низамджан сел.

— Я расскажу вам о себе все, а то уйду, и вы не будете знать, кто я и как сюда попал. У меня, конечно, не такое горе, как у вас, но я тоже немало пережил. Я убежал из дому...

И он рассказал все: и о том, как любил Дильдар, и о женитьбе брата, и о том, как ушел из дому в день свадьбы, и о том, как вернулся, получив известие о смерти Агзамджана.

Старики слушали его с интересом, с сочувствием. И хотя Икраму было больно слушать печальный рассказ этого юноши, он сидел спокойно, ничем не выдавая своего волнения. Но когда Низамджан рассказал о том, как отец и сестра хотели насильно женить его на Дильдар, Икрамджан хлопнул себя по колену и встал.

— Он проклял тебя, выгнал? Господи, глупость какая. Какая глупость, — повторил он. — Значит, он не захотел отпустить невестку из дома потому, что она хорошая хозяйка?

— Не в этом дело. Они хотят присвоить ее добро.

— Вот как?! Ну и что же ты теперь решил?

Низам потер лоб, помолчал и неуверенно ответил:

— Пойду на строительство ГЭС. Говорят, там люди нужны.

— Верно, нужны. Из нашей Зириллямы двадцать человек туда направили. Можно поехать. Примут. Надо все обдумать. Слушай,

сын, а не поехать ли тебе с нами в Найман? Ты славный парень, будешь с нами жить. А может, и найдешь там свое счастье?

— Поедем, — подхватила тетушка Джаннат, — все же вместе будем, а то пока еще познакомишься с новыми людьми. И позаботиться о тебе в Наймане будет кому. Соглашайся, сынок.

«И впрямь, — подумал Низамджан, — наверно, это самое разумное решение. Я уже привык к ним. Они стали мне словно родные. Зачем ехать в незнакомые места, к незнакомым людям? Да и не годится бросать стариков в горе».

— Ладно, дядя, я останусь. Может, с вашей помощью найду и свою дорогу в жизни. Вы не беспокойтесь, я вас не подведу.

Икрамджан улыбнулся:

— Не крои халат загодя, мальчик. В семье всякое бывает. Может, и поссоримся, и поругаемся, и снова помиримся. Там, где много работы, много и споров. А люди сейчас нервные стали. Скажешь два слова — много, скажешь одно — мало. Надо сдерживать себя. Вот тебе мой совет.

Икрамджан искоса посмотрел на жену:

— А кормить ты нас сегодня будешь, мать? Мы ведь с голоду совсем умираем.

Тетушка Джаннат пошла в кухню. Она зажгла свет и развела огонь. Потом высунула голову в проем двери:

— Я шавлю сварила. Сейчас подогрею. Потерпите минутку.

Икрамджан вымыл в арыке руки и сел к сандалу, грея свою единственную ногу. Низамджан разжег заглохший самовар. Через несколько минут самоварная труба громко загудела, словно завела грустную свою песню. Тетушка Джаннат внесла шавлю.

Они впервые собрались вместе за столом. Усталость и волнения последних дней дали себя знать. Икрамджан отогрелся у сандала, и глаза его невольно слипались. После шавли он выпил две пиалы чая и задремал. Тетушка Джаннат постелила Низамджану, погасила лампу и ушла в комнату.

Сон долго не шел к Низамджану. Он думал об отце, брате, Дильдар, о своей жизни. «Если буду жив-здоров, непременно сделаю для этих людей что-нибудь, чтобы они забыли о своей беде, о позоре, свалившемся на них на старости лет. Стану им сыном. И никто не назовет Икрамджана отцом предателя. Буду защищать его от всех нападков. И пусть он почувствует, что есть у него настоящий сын».

Эти мысли окончательно прогнали сон юноши. Он тихонько поднял голову с подушки и посмотрел на Икрамджана. Было темно, он ничего не разглядел и лишь услышал тяжелое дыхание.

Низамджан снова лег и снова задумался. Перед ним возник его родной кишлак, дом, отец, сестра. Что они сейчас делают? Вспоминают ли его? Ушла ли Дильдар? Он видел своих друзей, вместе с которыми вырос, учился в школе. Вспомнил школу, последний экзамен, горе в глазах людей в первые дни войны. Вспомнил, как отец торопился привезти из магазина два мешка сахара, много

муки, хлопкового масла, как сестра стремглав бросилась в сберкассе — снять деньги с книжки.

А когда к Низамджану на минуту зашел Карим и Низам хотел угостить его чаем с лепешками, отец рассвиришел, отозвал Низама в сторонку, больно ударил его и сдернул лепешки с подноса. Разве можно забыть такое?

«Голод будет, — сказал тогда отец, — если каждого проходимца кормить, сами подохнем как собаки. В кухне полно сухарей, угощай ими своего приятеля, я не запрещаю».

Низамджан горько заплакал от обиды, а Карим успокаивающе улыбнулся ему. Теперь Карим на фронте. Низам вместе с Анварой провожал его до самого военкомата. Он помнит, как Карим уехал на грузовой машине и все улыбался ему и Анваре и махал рукой. Низам получал от друга письма, — значит, понял все, не обиделся на Низама за ту глупую, постыдную выходку отца. Все-все, кто учился с ним вместе, сейчас на войне, и только он, Низам, бродит здесь со своими неудачами. Но хватит. Он не станет больше раздумывать, метаться. Его не берут на фронт, что ж, это еще ничего не значит. Он будет воевать здесь. В тылу. В пустыне. И когда вернутся друзья, он сможет открыто смотреть им в глаза. Он будет работать не жалея сил. Работать, работать...

Низамджан уснул. Ему снилась мать, она улыбалась ему и ласково говорила, что он на верном пути. Потом мать ушла и появилась Дильдар. Она насмешливо глядела на Низама. Он подошел к ней и с удивлением обнаружил, что это не Дильдар, а другая девушка, та, что сегодня стремительно влетела к ним во двор и, не сказав ни слова, тихо ушла.

Низамджан проснулся от шума. У арыка, вытянув шею, стоял петух. Он шумно захлопал крыльями и прокукарекал. Низамджан поднял голову и увидел тетушку Джанинат, она уже хлопотала по хозяйству. Он подумал о том, что его мать вставала вот так же на рассвете и весь день, до самого вечера, копошилась во дворе.

Низам тихо поднялся, вошел в комнату и достал из своего узелка фотографию матери.

Их семья жила бедно. Отец считал каждую копейку. Правда, Низамджан старался не замечать этого. Он озорничал, и порою отец, выйдя из себя, упрекал мать:

— Уж очень ты его распустила.

Мать никогда не выходила из-под его воли, никогда не перечила отцу. Боялась. Была она бледная, ходила ссутулясь, лицо ее прежде времени покрыла сеть морщин. Зная крутой нрав мужа, она соглашалась с ним во всем и всегда. И пока муж не приходил домой, не открывал кладовку и не выдавал ей собственноручно продукты для обеда, она молча возилась во дворе или тихонько сидела на айване. Без разрешения отца она даже огонь в очаге не разжигала. А он, оседлав осла, ездил по кишлакам — торговал. Но на ночь нигде никогда не задерживался, всегда приезжал домой. А когда поспевали ранняя черешня и урюк во дворе, он никуда не отлучался.

Словно сидел и ждал. А потом собирал урожай, складывал аккуратно по ягодке в корзину, оставляя домашним лишь попорченные или червивые, а все остальное увозил на базар. Делал он это с удовольствием, словно выполнял важную работу. И всегда, даже в самые тяжелые времена, семья не сидела без горячего. В кладовке постоянно хранились запасы месяца на два. Отец любил повторять: «Сытая лошадь усталости не знает. Кто умеет сдерживать аппетит, может проделать большой путь. По капельке, по капельке — глядишь, и озеро образуется. Сэкономил сегодня кусок — завтра будешь иметь два». И так он повторял каждый раз, отмеривая жене для обеда банку мана или гороха. Но однажды мать не выдержала: «Будь она проклята, эта экономия. Разве вы собираетесь двести лет прожить? Что это за жизнь такая — пугаюсь, когда кто-нибудь ненароком к нам заглянет. Не могу даже чаем с лепешкой угостить. Смотрите, как другие живут. А у нас обед — чудотворец, хлеб — ангел-хранитель».

Отец даже зашелся от гнева.

— Дура, — кричал он, — не смей поминать святых! Смотри, подохнешь, неблагодарная.

Если в махалле бывала свадьба или поминки, в доме Иноята обеда не варили. Старик первым бежал туда и присылал домой две чашки еды. А возвращаясь, доставал из поясного платка припеченные куски хлеба. Низамджан вырос в семье, где вечно тряслись над крошкой хлеба. Сейчас он думал о матери, о ее жизни. Мать редко улыбалась. Иногда она брала Низамджана и уходила в гости к своим братьям. И Низамджану не хотелось возвращаться домой.

Он смотрел сейчас на фотографию матери, и ему казалось, будто все ее морщинки, такие знакомые ему с детства, ее вечно поджатые губы, полные горя глаза говорят ему: «Что-то с тобой станет, сынок, не успела я тебя вывести на широкий путь. Ну хоть будь здоров, избегай плохих людей».

Небо белело, словно только что покрытая известью стена. Верхушки голых деревьев вдруг зажглись, как раскаленная проволока. На улице уже слышались первые шаги. Засверкавшее, будто атлас, всеми цветами радуги небо, прозрачный воздух разогнали тяжелые мысли Низамджана.

Х

Никто бы не назвал Зебихон красавицей. Но глаза... Просто необыкновенные глаза. Они невольно приковывали к себе внимание. Многие парни в Зирилляме, проходя мимо двора Зебихон, не могли удержаться, чтобы не пропеть, кто громко, а кто чуть слышно:

И без сурьмы черны твои глаза,
Опасней молнии твои глаза,
И близких и чужих пленяет взор,
Но полон тайн и для друзей твой взор.

— До каких пор ты будешь выбирать? — говорила сестра, заботливо поправляя Зебихон растрепавшиеся волосы. — Ты же знаешь своего зятя, ему эти песни не по душе.

Зебихон действительно хорошо знала своего зятя. Вот уж не упрямец, скорее мягкий, покладистый человек. У них с сестрой было двое детей, и за все годы Зебихон ни разу не слышала, чтобы они ссорились. Даже в минуты гнева или досады он умел сдерживаться и шутить. А главное, умел вернуть в разговор подходящую к случаю поговорку. Однажды сестра ушла на свадьбу своей подружки и явилась только в полночь. А Зебихон как раз в тот вечер тоже поздно вернулась с собрания. Зять ходил по двору, укачивая на руках маленького сынишку, который капризничал и никак не хотел засыпать, а четырехлетний Аманджан плелся за отцом и тихонько хныкал. Зебихон рассмеялась, услышав, как зять поет колыбельную.

— Что случилось? — Зебихон подбежала к зятю.

Он промолчал. А потом изрек:

— «Старшая сестра отправилась на охоту и прихватила с собой о доме заботу». Ушла и даже детям поесть не приготовила. Хотел сам приготовить, так вот этот богатырь с рук не слезает. Совсем замучился.

Зебихон быстро разожгла огонь, приготовила суп и накормила детей. Ребятишки тут же успокоились и уснули. Сестра вернулась, лишь когда дважды пропели петухи.

— Ты чего так поздно, замучила ведь мужа.

Снимая серьги, кольца, бусы, сестра засмеялась:

— Ничего, пусть учится нянчить.

Зять что-то проворчал сквозь сон и не очень удачно пошутил:

— Женился мудрец на маленькой, худенькой женщине. Когда его спросили, почему он женился на такой худышке, он ответил: шуму от нее меньше.

Сестры удивленно переглянулись. Сестра Зебихон не была ни маленькой, ни худенькой.

— Что это еще за сказка? — со смехом спросила она.

Зять закрыл глаза и притворился спящим.

Туляйбай-усач — муж сестры — любил читать старые книги. И крепко запоминал прочитанное, поэтому он то и дело вставлял в разговор либо старую поговорку, либо присказку. Когда умер отец Зеби, зять не возражал, чтобы девочка жила в их доме. Зебихон хорошо помнит, как зять заботился о ней, словно о родной. Она училась, ее одевали, обували, баловали. Когда девочка подросла, муж с женою часто заводили разговор о том, что ее надо выдать замуж за хорошего человека. «Зебихон у нас хорошая, умная, — говорили они, — и если найдется ей пара, устроим свадьбу как полагается». Сестра Зебихон даже всплакнула как-то, когда муж сказал, что свадьбу Зебихон они такую сыграют, что девушка и не почувствует, что круглая сирота.

— Да разве пынешним девушкам что-либо посоветуешь? Они сами находят себе мужей.

Но Зебихон никто не нравился из тех, на кого обращала ее внимание сестра. Уже давно она заметила Турсунбая — гордого красавца, который и не замечал ее даже. Такой уж, видно, женский нрав. Им по душе не тот, кто любит, а тот, кто пренебрегает ими.

Турсунбай и впрямь был красавец — хорошо сложенный, сильный. Никто никогда не видел его небритым или неряшливо одетым. На девушек он смотрел с пренебрежением. Иногда, поспорив с друзьями, он назначал свидание какой-нибудь из них, но на свидание не приходил, и принарядившаяся, взволнованная девушка напрасно ждала его. Вместо него являлся кто-нибудь из друзей Турсунбая и, полюбовавшись на его жертву, уходил прочь. А Турсунбай выигрывал пари.

Вот в него-то и влюбилась Зебихон. А он ее не замечал. Но женщина всегда добьется своего, если она чего-нибудь захочет. Так и наш Турсунбай попался, словно перепелка в силки. В один из праздничных дней в самом центре Зириллямы стоял шум и гам. Приехали артисты областного театра, в клубе шел спектакль. Нарядные девушки в шелковых платочках, разодетые молодухи с завитушками около ушей — знак того, что они замужем, — собрались около фотоателье. У фанерной будки парни и молодые мужчины пили пиво, озабоченно сдувая пену. Около лотка с мороженым толкалась детвора. Зебихон возвращалась из Яккатута, с вечеринки, которую устроила ее подружка. Она увидела около будки Турсунбая. Он был в вышитой рубашке с распахнутым воротом, в красных сапогах в гармошку, в щегольском галифе, подпоясанном широким кожаным ремнем, а на пряжке изображено сердце. Он пил пиво, тоже сдувая пену. Зебихон заметила его и поспешно перешла на другую сторону улицы. Товарищи Турсунбая, кивнув на Зебихон, что-то сказали ему. А потом заспорили. Турсунбай засунул два пальца в рот и свистнул. Зебихон испуганно оглянулась, и Турсунбай помахал ей рукой — подойди, мол. Девушка не остановилась. Рассерженный Турсунбай снова свистнул. «Я же тебя зову», — крикнул он.

Зеби остановилась:

— Чего тебе?

— Иди-ка сюда.

— Я что, щенок, чтобы меня свистом подзывать? Подойди сам, если у тебя есть дело ко мне.

Пришлось Турсунбаю подойти. Кто-то из парней хихикнул. Лицо Турсунбая вспыхнуло от досады.

— Из-за тебя надо мной смеются, — сказал он, — подойти не могла, подумаешь, ноги, что ли, отвалятся?

Зебихон с гневом взглянула на него. Он едва держался на ногах, тужурка то и дело соскальзывала с плеча, и, нагибаясь за ней, Турсунбай чуть не падал на землю.

— Ты меня перед товарищами опозорила.

— Вечно думаешь только о себе, — отрезала Зебихон. — Как ты смел свистеть мне вслед, что это за шуточки такие? Я ведь знаю. Ты поспорил с ними, что я подойду. И тебе не стыдно, скажи, не стыдно?

Кто-то из парней крикнул:

— Молодец, девочка, наподдай ему, сбей-ка с него спесь!

Турсунбай обернулся к товарищу, а Зебихон, окинув его презрительным взглядом, пошла дальше. Постояв с минуту, Турсунбай махнул рукою и поплелся за ней. Зебихон совсем рассердилась. Из глаз ее хлынули слезы, ей стыдно было идти в таком виде по улице, и она присела у придорожного дерева. Если сейчас Турсунбай посмеет подойти к ней, она ему все лицо исцарапает, без утайки выскажет все, что о нем думает. Она вытерла заплаканные глаза и хотела уже идти, но увидела подходившего Турсунбая.

— А ну, стой, бесстыдник, не то возьму и все твоему отцу расскажу.

Турсунбай испугался, ему не улыбалось, чтобы отец знал о его похождениях.

— Ты что, с ума сошла? Шуток не понимаешь? Я ведь пошутил.

— Хорошенькая шутка. Хотел посмеяться надо мной и выиграть пол-литра? На, возьми рубль. Купи себе водки.

Зебихон развязала носовой платочек и достала деньги.

— Бери, бесстыдник.

— Смотри, пожалеешь, я ведь могу и ударить.

— Ударь, если ты такой храбрый.

Но Турсунбай не ударил, он даже не подошел ближе, а застыл на месте, покраснев от злости.

Зебихон поднялась, отряхнула платье, презрительно взглянула на своего незадачливого кавалера и ушла.

С того самого дня Турсунбай стал ее избегать. А если встречал, то краснел как свекла и переходил на другую сторону улицы. До сих пор ему никто никогда не перечил, а тем более не отчитывал, как эта девчонка. Впервые его посмели так отчитать. Турсунбай все никак не мог опомниться. Надо бы отомстить ей, этой дурочке. А может, лучше просто извиниться перед ней? Но он не решался ни мстить, ни извиняться. Он влюбился. Он и сам не отдавал себе отчета, как и когда это случилось. Возможно, еще тогда, когда он смотрел на карточку Зебихон в маргиланском фотоателье, где она была снята в скромной позе с часиками на запястье, а может быть, тогда, когда драмкружок ставил отрывок из «Тахира и Зухры» и Зеби играла Зухру?

Он вспомнил, что ему тогда очень понравилась ее фотография. «Батюшки, да ведь это же наша чернушка Зеби. Как это я не разглядел ее раньше?»

А в тот день, когда ставили «Тахира и Зухру», Турсунбай отправился в клуб. И Зебихон оказалась такой чудесной Зухрой, что у него даже дух захватило. А когда она спела «Не наступай, рас-

свет», Турсунбай сам слышал, как Тога прошептал: «Ай да курносая, до чего хорошо поет...» Ей много и долго аплодировали, прося повторить арию. Занавес опустился, вышел Тулянбай и объяснил:

— Товарищи, в спектакле повторять арии не полагается, прошу соблюдать правила.

Тут Азизхан крикнул с места:

— Может, в настоящих театрах и есть такое правило, а тут наш театр. Сколько хотим, столько и будем петь. Тоже мне еще режиссер!

Когда спектакль окончился, разыгрался настоящий скандал.

— А дальше, почему дальше не показываете?

Тулянбай снова вышел на сцену:

— Продолжение будет через два месяца. А сегодня давали только отрывок.

Молодежь шумно протестовала:

— Чего же ты тогда сразу не объявил, что вы четверть пьесы покажете?

Все были восхищены и голосом и игрой Зебихон и нехотя расходились по домам. И тогда Тулянбай приналег на репетиции, чтобы показать своим односельчанам всю пьесу. Чуть ли не каждый день собирался драмкружок. Но тут началась война. Многие ушли на фронт. И Тахир, и Корабатыр теперь бок о бок сражались с врагом.

А в ушах Турсунбая до сих пор стоял голос Зебихон — Зухры, умолявшей рассвет задержаться, не наступать так скоро. И перед глазами все время стоял образ Зебихон — в наряде тоскующей принцессы. Так и ходил Турсунбай словно ошалелый, пока не подкараулил Зебихон и не признался ей, заикаясь, что любит ее.

А та сорвала цветок повилики, прицепила его к платью венчиком вниз и лукаво взглянула на Турсунбая:

— Понял?

И хотя говорят, что женское сердце — камень, но есть в нем все-таки какая-то точка, мягкая, словно хлопковая долька. И если ваши слова достигнут этой точки, они запомнятся надолго. И Зебихон простила Турсунбая. Постаралась забыть о той встрече, когда и плакала, и ругала, и ненавидела его.

Ведь на самом-то деле Турсунбай добрый, нежный и, видимо, любит ее. Она посмотрела на его бледное лицо и положила ладонь на его дрожащие руки. Турсунбай прижал ее ладошку к своему лицу.

Но и Турсунбая тоже призывали в армию, и в последний раз они встретились в поле. Все небо было усеяно звездами. Турсунбай поднял голову. Звезды словно подмигивали им с высоты. Зебихон не заметила слез, мелькнувших в глазах юноши.

— Интересно, видны ли эти звезды там, на войне? — прошептала Зебихон.

— Конечно, видны. Они отовсюду видны.— Голос Турсунбая дрогнул.

Зебихон обняла его. Турсунбай плакал.

Долго Зебихон не спала в эту ночь. Она лежала на сунце, рядом с малышами-племянниками, и все вспоминала, вспоминала, словно переживала заново каждую минуту. Вот она, нацепив на себя драгоценности сестры, чуть-чуть подкрасив губы, вся благоухая, словно впрямь искупалась в духах, идет мимо Турсунбая, а он и не видит ее вовсе. Но вот Турсунбай долго и грустно глядит ей вслед, хотя нет на ней ни сережек, ни бус и она даже не притронулась сегодня к флакончику с духами.

«Он уехал туда, где свистят пули, где рвутся бомбы.— думала Зебихон.— И вдруг он ударял. Даже не доехал до фронта, где люди, забывая о себе, смело бросаются в атаку».

Эта весть перевернула душу Зебихон. Нет, никогда она не поверит... Но вчера, когда она вошла в его дом, когда увидела отца, мать...

И одновременно пришла весть о том, что Азизхан стал Героем. Два парня из одного кишлака в один и тот же день. Герой и дезертир. Зебихон плакала. Она решила вырвать из сердца этого недостойного труса. Но не так-то легко это сделать. Слишком долго, слишком сильно она любила его. И уж очень многое вокруг напоминало о нем. Вот эти деревья, звезды. А холмы, где они встречались? Нельзя же их вырубить, уничтожить, стереть с лица земли. И не сорвешь ведь звезды с неба и не выбросишь их прочь.

Надо уехать отсюда, только бы не видеть этих улиц, которые напоминают о нем, не видеть берега сая, где они любили сидеть вдвоем.

Если только Тога согласится, она поедет в Найман. Зеби тихонько встала, вытащила листок бумаги и, покусывая карандаш, задумалась.

XI

Икрамджан проснулся от завывания ветра. Он быстро оделся и вышел во двор. Ветер носил по двору клочки бумаги, сердито теребил ветки деревьев. С востока шла огромная черная туча. Икрамджан встревожился. Ведь сегодня ехать. И без того трудно одолеть камышовые заросли и болота, а если еще и ливень? Пройдут ли лошади? А как ставить палатки под дождем в открытом поле? Если тучи не уйдут, лучше сегодня не рисковать.

Низамджан понял, что тревожит Икрамджана, и молча пошел разжигать самовар.

— Слушай, племянник,— позвал его Икрамджан.— На всякий случай готовьте скарб, я пойду в контору. Если не вернусь, пришлю арбу. Поедете к правлению. Я там буду ждать.

Тога вчера сказал, что семьи перевезут попозже, а сейчас поедут одни мужчины. Но Икрамджану не хотелось оставлять жену в оди-

почестве. Он решил увезти ее с собой. Разве может он оставить ее сейчас в их осиротевшем доме? Да и ему там, в Наймане, будет не по себе. Икрамджан взглянул на небо и вышел на улицу.

Тетушка Джаннат привязала корову в дальнем конце сада и внесла ведро молока.

— А где дядя? — спросила она.

— Ушел в контору и велел нам собраться.

— Что же, запрем дом на замок и поедем?

— Об этом он ничего не сказал.

Когда тетушка Джаннат согласилась ехать в Найман, она не думала, что ей будет так горько покидать обжитой дом. И только теперь она поняла, как тяжела будет разлука с родным углом. В этот дом она вошла под свадебные обрядовые песни, в этом доме родились ее дети и здесь умерли. Этот дом был свидетелем самых ее радостных и самых тяжелых дней. Сколько лет жизни прошло в этих стенах. Здесь она смеялась, здесь плакала... А теперь надо бросить все и ехать куда-то в степь. Она вдруг почувствовала слабость и села. Сердце беспокойно забилося. Ведь она не только жена и мать, но и хозяйка. Ведь она еще не женила сына, лишь мечтала женить и уже припасла много всякой всячины к свадьбе. Она не говорила об этом мужу, но, увидев в магазине новую красивую материю, покупала ее и складывала в сундук — невестке пойдет. У нее накопилось много всякого добра, о котором Икрамджан и не знал. Она решила устроить богатую свадьбу и припасла много посуды, чтобы не брать у соседей. Даже несколько пар красивых туфель на каблучках купила тетушка Джаннат, хотя и не знала, какой размер обуви будет носить ее будущая невестка. Да еще целый сундук с вещами Турсунбая. Ну что же, она — мать. Наверно, все матери такие. Пока не женят сына или не выдадут дочь, все припасают, все кажется необходимым, все кажется нужным.

Снова поднялся ветер. Он-то и подгонял тучу — хлынул ливень. Тетушка Джаннат подхватила ведро с молоком и заторопилась на айван. Самовар уже закипел. Низамджан снял трубу и внес самовар.

— Слушай, сынок, — сказала тетушка Джаннат, грустно глядя на Низамджана. — Неужели вы поедете в такой дождь?

— А разве вы не поедете? — удивился Низамджан.

— Нет. Сначала возведи там какую-нибудь крышу, а потом меня увезете. Садись-ка сюда. Я вот что хочу тебе сказать. Запомни хорошенько, — она вздохнула. — Ты ведь знаешь, как ему плохо. Не оставляй его одного, присмотри за ним.

Икрамджан старался скрыть от жены свою боль, терзавшую его постоянно, каждую минуту. Он боялся выдать себя лишним словом, движением. Держался с нарочитым спокойствием.

А тетушка Джаннат? Она тоже скрывала от мужа, что не спит ночами, старалась не заплакать при нем.

Так они обманывали друг друга. Словно ничего не произошло

в их семье. Словно не разрушил всю их жизнь, все их надежды Турсунбай.

И Икрамджану не хотелось оставлять жену в одиночестве, и она боялась отпустить его одного.

Новый порыв ветра прогнал тучу. Края ее вспыхнули, как зажженная бумага. И среди этого пламени вдруг показался кусок голубого неба. На дымовых трубах громко заворковали горлинки. Повеял теплый, чистый ветер. Он принес свежий запах зеленых степных трав. Из многочисленных трещин намокших дувалов поднимался парок. В одно мгновение вокруг стало светло.

Тетушка Джаннат торопливо выпила пиалу чая и начала собирать вещи. Сняла с сундука новенький домотканый палас и завернула в него одеяла, дорожку, подушки, все для двоих — для Икрама и Низамджана, и попросила юношу связать вещи. Из кухни притащила кумган и небольшой чугунный котел. Постояла немного, что-то вспомнила и снова пошла в кухню. Вынесла оттуда корзинку и уложила в нее лепешки, соль, ложки, чай.

— Теперь все. Если что и забыла, так ведь будет кто-нибудь приезжать в кишлак, передадите с ним. А я пошлю.

В калитку, свесившись с седла, заглянул Икрамджан. Он тяжело спрыгнул с коня и вошел во двор.

— Готовы? Ну-ка, племянник, тащи вещи на арбу.

— Я не поеду, отец.

Икрамджан повернулся к жене:

— Что это ты вдруг? Я уже сказал председателю. Он согласен.

— Я потом приеду. Какая сейчас от меня польза, только мешать буду. Поезжайте, а обо мне не беспокойтесь. У меня все будет в порядке.

Икрамджан почесал голову и с минуту растерянно смотрел на жену.

Лучше бы уж им вместе ехать. Что она здесь будет делать одна? Совсем ведь измучает себя, думая об одном и том же.

— Слушай, жена, поедем, не сходи с ума.

Но тетушка Джаннат твердо стояла на своем:

— Поезжайте, отец. И не думайте, что я здесь буду плакать и мучиться. Поезжайте спокойно. Постройте там жилье, а я договорюсь, чтобы присматривали за домом, приведу здесь все потихоньку в порядок и приеду.

— Экая ты глупая женщина, о порядке думает, никто здесь ничего не тронет. Будем здоровы, купим все, что тебе надо.

Они еще некоторое время препирались, но тетушка Джаннат не сдавалась.

Когда вещи уложили на арбу, когда Икрамджан уже вдел ногу в стремя, тетушка Джаннат вдруг решительно вышла на улицу, повесила на калитку замок и приблизилась к мужу:

— Я немножко вас провожу.

Икрамджан не сел в седло, а взял лошадь за повод, и они пошли

рядом — муж и жена. Низамджан шел вслед за арбой и грустно поглядывал на обоих. Они остановились у конторы, где уже стояли арбы, груженные домашним добром. Тога вносил в список отъезжающих. Икрамджан и не предполагал, что в кишлаке так много народу. Ему казалось, будто все ушли на фронт. И он изумился, увидев целую толпу, заполнившую улицу и двор чайханы. Проводить отъезжающих вышел весь кишлак.

Тога подождал, пока подъехала последняя арба, и вошел в контору. Потом появился оттуда вместе с тем самым областным корреспондентом, которого Икрамджан видел вчера в доме председателя. Подошел Умматали, все в том же шевиотовом костюме, и поискал кого-то взглядом в толпе. Потом, видно, нашел того, кого искал, и помахал рукой. К нему подошла Тутихон. Икрамджан смотрел на них, следя за каждым движением Умматали.

Кто-то толкнул его в бок. Он обернулся и увидел мальчишку. — Вас председатель зовет, — сказал тот.

Икрамджан неотрывно наблюдал за Умматали и даже не слышал, как его окликнул Тога. Он быстро пошел к конторе.

— Ну, все готово? Сейчас поедете. Становись здесь.

Тога поднял руку.

— Дорогие товарищи, — голос его звенел. — Сегодня мы, первые в области, начинаем поход на Найман. Сами знаете, идет война. На нас лежит забота накормить народ, одеть, обеспечить наших сыновей на фронте всем необходимым. Поэтому мы откликнулись на призыв нашей партии освоить новые земли, и мы заставим их давать нам высокие урожаи, чем приблизим победу. Сегодня мы отправляемся в путь. Первый наш урожай мы целиком отдадим фронту, нашим детям. Согласны?

Толпа одобрительно загудела. Тога снова поднял руку.

— На правлении мы решили послать письмо от передовых колхозников кишлака нашему Герою Советского Союза Азизхану Умматалиеву. Разрешите прочитать.

Тога осторожно вынул из красной картонной папки два листка, сделал шаг вперед и неторопливо начал:

— «Дорогой наш сын, родной Азизхан!

Мы узнали о том, что ты свято выполняешь свой долг в борьбе с проклятыми фашистами. Наши сердца полны радости. Мы гордимся тем, что ты в первых рядах героев — защитников Родины. Будь всегда таким же храбрым! Мы, твои земляки, хотим, чтобы ты гнал врага до самого Берлина и там прикончил его в его же логове. Не отступай! Дерись с врагом как лев. Уничтожай его. Мсти за разрушенные города, за сирот. Помни о слезах матерей. Помни о сожженных городах и селах. Помни о повешенных и замученных. Отомсти за них, наш храбрый сокол».

Тога достал платочек и незаметно утер глаза. Стало так тихо, словно на улице еще стояла ночь. Икрамджан склонил голову, он не смел смотреть на людей.

— «В эту самую минуту, когда мы посылаем тебе это письмо, —

продолжал Тога, — мы все, весь кишлак, собрались вместе. Мы поклялись освоить новые земли, расширить посевные площади, собрать обильный урожай, чтобы помочь фронту. Мы вступим в борьбу с пустыней, с камышовыми зарослями.

Весь наш кишлак желает тебе много здоровья и сил, победы в бою».

Тога снова достал платочек и утер лоб.

— Кто одобряет письмо, идите подписываться.

Первыми подошли Уматали и Тутихон, а за ними стали подходить колхозники. Кое-кто оглядывался на Икрамджана. Икрамджан медленно подошел вслед за другими и, низко склонившись над листком бумаги, поставил свою подпись. Потом, ни на кого не глядя, подошел к арбе и ловко вскочил в седло.

Караван тронулся.

— Счастливого пути, будьте здоровы! — кричали колхозники.

Икрамджан ехал впереди. Тетушка Джаннат быстро шла рядом с арбой и все что-то говорила мужу. Но из-за шума и стука колес голоса ее не было слышно. Караван выехал на большую дорогу, оставив позади себя провожающих. Низамджан сидел на узлах и махал рукой, прощаясь с незнакомым кишлаком, с незнакомыми людьми.

Зебихон шла рядом с четвертой арбой. Она что-то говорила зятю, погонявшему лошадь. Арба гремела на каменной дороге, и Низамджан не слышал ее голоса, только видел, как шевелятся губы.

Тетушка Джаннат дошла до старого карагача, задыхнулась от быстрой ходьбы, остановилась и тоже помахала на прощанье рукой.

Еще долго Низамджан видел ее худенькую, сгорбленную фигурку, прижавшуюся к дереву. Икрамджан ехал хмурый и даже не обернулся. Казалось, он глубоко задумался. И Низамджан знал, о чем думает этот сильный, так состарившийся в последние дни человек.

Часть третья

I

Горели найманские камыши. Огонь лизал высохшие стебли, проглатывал их и шел дальше. Ветер далеко уносил клубы дыма, смешанные с копотью. Воздух был наполнен громким рычанием кабанов и криканьем уток.

Стоя на высоком холме, Икрамджан провожал взглядом пламя, вторгавшееся в самую гущу камыша. Холодно. Ледяной ветер проникает даже сквозь одежду. Но тот же ветер доносит тепло огня до холма, на котором стоит Икрамджан. Порою угольно-черный дым смешивается с облаками, и тогда становится темно как ночью;

видны лишь очертания облаков и клубы дыма, похожие на огромную скалу.

Распряженные лошади, задыхаясь от дыма, время от времени трясли головой.

Никогда в жизни Низамджан не видел такого огромного пожара... Он тоже смотрел на эти клубы дыма, откуда только что выскочил огромный, худой, с обвислой шерстью волк и бросился в пески. Но, отбежав немного, он вернулся и снова нырнул в дым. Низамджан удивился: как же это снова в огонь? Но Икрамджан, вскидывая свою видавшую виды берданку, объяснил — пошел за самкой. И действительно, через минуту появилась уже пара волков. Раздался выстрел. Раненый волк запрыгал на трех ногах и скрылся за холмом. Самка бросилась вслед за ним, но, не добежав до холма, упала, проползла немного и застыла на месте.

Ветер крепчал, и языки пламени подымались еще выше. С быстротой молнии оно, словно обжора, поглощало камыши. Ветер поминутно менял направление — дул то в лицо, то в спину, и Низамджан подумал, что при таком ветре огонь будет бушевать целую неделю, но ветер снова изменил направление — задул в лицо, отгоняя клубы дыма назад, и огонь стал затухать.

Подбоченившись, Тулянбай крикнул Икрамджану:

— Дайте ружье парню, пусть добьет волка, он же ранен, далеко не уйдет.

Икрамджан протянул ружье Низамджану:

— Зря не трать заряд, осторожнее.

Низамджан схватил ружье и побежал к пескам. Он остановился у самого холма, тронул ружьем волчицу — она была мертва. Вся обожженная, она напоминала голодную собаку с оскаленной пастью и желтыми мертвыми глазами. Низамджан взбежал на холм. Тулянбай был прав. Волк далеко не ушел. Он стоял под самым холмом, поджав раненую ногу, и скалился на Низамджана. Низамджан впервые встретился вот так, один на один, с волком. На минуту он оробел. Волк пошел на него, прыгая на трех ногах. Низамджан не знал, что делать. Бежать? Он вспомнил о ружье. Прицелившись прямо в голову зверя, Низамджан нажал курок. Когда дым рассеялся, Низамджан увидел разлетевшуюся в стороны кучу тростников и волка, еще вздрагивающего, распростертого на песке. Он дернулся несколько раз и затих.

Низамджан постоял немного. Волк больше не шевелился. Он подошел и тронул волка ногой.

Когда Низамджан приволок обоих волков, у палатки сидели лишь старики — плели циновки. Он бросил свою добычу у их ног, взял кетмень и пошел рыть очаг. Никто ему не сказал ни слова. Люди лишь переглянулись.

За один день безлюдная степь наполнилась шумом и гомоном. Под двумя ивами вбивали кольца — строили деревянный настил. Белый жестяной бак вмазывали в очаг. Наполняли фонари керосином из бочки с помощью резиновой кишки.

Низамджан сразу же приобрел себе друзей, его трудолюбие пришлось всем по душе. Никто не спрашивал, откуда и почему он появился здесь. Может быть, это и впрямь племянник Икрамджана. Неважно! Видать, хороший парень, настоящий трудяга.

Целый день жгли камыш, строили очаг. А когда стемнело, все собрались в палатке, пили чай при свете фонаря и делились первыми впечатлениями. У всех на сердце была своя беда. Но о войне не говорили. Начать разговор о войне — значило начать разговор о сыновьях. Никому не хотелось причинять Икрамджану боль. И поэтому беседовали на посторонние темы.

— Молодец, парень! — сказал Тулянбай. — Ловко с волками покончил. Хорошо, что самку укокошили, а то принесла бы волчат, волчата бы выросли. Вообще скажем председателю, чтобы наградили тебя подарком.

Низамджан промолчал.

— Если завтра арба не вернется из Зириллямы, у нас работа станет. — сказал Тулянбай. — Тога хотел прислать четыре плуга.

— А трактор? — спросил Низамджан.

— Ишь ты какой быстрый, трактор ему подавай, да трактор в этих болотах утонет, — знаешь, сколько тонн он весит? — Тулянбай повернулся к Икрамджану: — Если сегодня арбы доедут, завтра могут еще успеть вернуться. Лишь бы не провалились где-нибудь в болото.

— Да нет, они ведь поехали по той же дороге. Мы-то ведь не провалились, ничего, доедут! Не такая уж плохая дорога. А нам к седьмому мая нужно отсеяться, а до этого еще вспахать, подготовить землю. Успеем?

— Постараемся, старина, — ответил Тулянбай. — Будь у нас трактор, тогда точно успели бы, а вот с плугами... Но что ж поделаешь! Попробуем плугами. Тога обещал прислать людей рыть арьки от канала. Без них нам худо будет. На грунтовые воды надежды мало.

— Раз Тога обещал, значит, пришлет. А о воде не беспокойся. Вот подсохнет немного, и трактор придет. Нам ведь пахать и пахать. Еще дыни сажать будем.

Сама пора была советоваться о делах на завтра. Кто с чего начнет, кто что строить будет. Сейчас решено построить только самое необходимое — столовую — да установить тандыр для хлеба. Большая стройка начнется позже. Подвозить воду из канала предложили Низамджану.

— Возьмешь осла, есть у нас два бидона — на ферме дали. Будешь возить сразу по два.

Низамджан запротестовал:

— Нет, прошу вас, дайте настоящую работу. Потяжелее. Не думайте, что я слабосильный. Я ведь в кишлаке рос.

Икрамджан и Тулянбай переглянулись.

— Вы не подумайте, что я хочу заработать побольше, — вспых-

нул Низамджан, — ничего мне не надо. Крыша над головой есть, сыт, одет. Мне и трудовни не нужны.

Низамджану хотелось еще многое сказать этим людям, но он так волновался, что никак не мог объяснить толком, чтобы его правильно поняли.

— На войну меня не взяли из-за руки. Дома жить я не мог. Вернутся друзья с фронта и спросят: где был, что делал? Что я им скажу? Возил, мол, воду на осле. Да я со стыда сгорю. Сжигал камыши, осваивал целину, помогал добывать еду для детей — вот как я хочу им ответить. Очень прошу вас, дайте мне какое-нибудь настоящее дело.

— Ну что ж, — протянул Икрамджан, — дадим настоящее.

Кое-кто уже дремал, кое-кто зевал, прикрывая ладонью рот. Пора было укладываться.

Низамджан с Икрамом вышли из палатки. Со стороны песков дул теплый ветер. Икрамджан с волнением смотрел на луну, которая плыла по небу, то прячась за перистыми облаками, то снова выныривая. Потом вздохнул и направился к палатке. Низамджан молча шел за ним.

Икрам постелил одеяло на лежавшие на земле камыши и обратился к Низаму:

— Стели, сынок, спать пора. — Голос его дрогнул.

— Вы ложитесь, а мне еще не хочется. Я похожу немного при луне.

— Ну, как знаешь, завтра ведь трудный день предстоит, ложился бы.

Он освободил ремешок протеза, лег и тяжело вздохнул. Низамджан вкрутил фитиль фонаря и вышел.

У Икрамджана было тяжело на душе. Сын... Мысль о сыне, которого он старался вытеснить из сердца, из памяти, не давала покоя. Но каким бы страшным ни был поступок сына, как бы сурово ни осуждал его отец, у отцовского сердца — свои надежды. Икрамджан вспомнил, каким счастливым представлялось ему будущее... Вспомнил и тут же постарался выжечь эти мечты из сердца, и то тепло, которое еще оставалось в сердце, превратилось в пепел, прежнее отцовское чувство сгорело.

По мере того как он осознал эту пустоту в сердце, его стал мучить вопрос: как это могло случиться с ним, с их сыном, в котором и отец и мать души не чаяли. И он понял, что слепота родительского чувства была началом конца.

Началось это, быть может, в тот день, когда они не позволили сыну искупаться в речке, боясь, что он обязательно простудится. Когда мать, преодолевая болезнь, вставала, чтобы напоить его молоком. Конечно, у них и в мыслях не было, что эти, такие понятные родительские слабости могут так изменить сына и вместо веселого, избалованного, капризного мальчика вдруг откуда-то вынырнет малодушный, бесчестный человек, заслуживший страшное клеймо — трус.

Они потеряли сына. Тот, кто где-то бродит сейчас, скрываясь от людей,— это не их сын, это чужой.

Икрамджан застонал. Нет выхода! Нет! До конца дней жить с клеймом, с болью, кровоточащей раной. Искать, постоянно искать забвения и никогда не находить его.

А тем временем Низамджан бродил по выжженной степи, и все мысли его были с Икрамджаном. Сердце этого человека точно-точно как эта выжженная степь. Пустая степь, словно мертвая при лунном свете. Но ведь они приехали сюда оживить эту пустыню. А можно ли оживить душу Икрамджана, дать ей новые мечты, надежды? Низамджан все, все для этого сделает. Сделает так, чтобы Икрамджан не страдал, чтобы с надеждой смотрел на мир, чтобы мог открыто глядеть в глаза людям. Низамджан все время будет с ним рядом.

Была уже глубокая ночь, а Низамджан бродил и бродил, глядел на небо, на звезды и думал, думал.

Издали слышались странные звуки, словно ветер трепал занавеску на окне. Низамджан прислушался. Ему показалось, будто где-то вытряхивают шуршащее атласное платье. Низамджан посмотрел на горизонт: летела стая уток.

Над палаткой стая закружила и закричала. Низамджан смотрел на эту суматоху и не мог понять, что так встревожило этих диких птиц. Они искали свои старые гнезда, покинутые осенью, и не находили их. Да и во всей пустыне не было знакомого куска, к которому они привыкли, куда прилетали ежегодно. Еще долго кружили они, удивленно и беспокойно крикая, стараясь понять, в чем дело, но, так ничего и не поняв, отлетели к пескам и с шумом опустились в шуршащие камыши.

Когда Низамджан вошел в палатку, Икрам все еще лежал, не сомкнув глаз, и напряженно следил за лунным лучом, пробивающимся сквозь щель. Низамджан хотел выкрутить фитиль фонаря, но, увидев слезы, катившиеся по щекам Икрама, глубоко вкрутил фитиль. Дважды мигнув, он погас. Низамджан разделся и юркнул под одеяло. Он хотел что-то сказать Икрамджану, поднял было голову, но тут же снова опустил ее. Что сказать? Вернее, что скажешь? Чем утетишь? Низамджан долго молчал, чувствуя, что Икрам еще не спит.

— Хотите, я буду вам сыном? — тихо спросил он.

II

В зале заседаний областного партийного комитета шло совещание с участием председателей колхозов, осваивающих земли в пустыне. Председатель Верховного Совета республики говорил о будущем Язъяванской пустыни. Говорил о том, что в ближайшие годы пустыня сказочно преобразится. Средняя Азия станет крупнейшей хлопковой базой, на землях, которые сейчас лишь начали осваивать, вырастут гигантские колхозы и совхозы, а после победы

Ферганский канал пройдет по всей пустыне. Он сам был старым дехканином, этот старейший ота, как называли его все, и говорил он со знанием дела.

— Один канал нас не напоит. Мы выроем больше тысячи артезианских колодцев. И каждого такого колодца хватит на две мельницы. В каждом звене будет свой колодец. Сейчас геологи ведут разведку в пустыне. Язъяван нужно сделать центром Ферганской долины. Уже начался поход на пустыню со стороны Намангана, Коканда, Шахрихана, Чимена, Ташлака. И первый урожай, который мы вырвем у этой веками бесплодной земли, мы отправим на фронт. Это будет наш подарок фронтовикам. Мы не будем ждать, когда наши союзники откроют второй фронт. Мы откроем его в Язъяване. Теперь все зависит от вас самих. Начинайте, ребята.

С фронта сейчас приходят хорошие вести. Немцы отступают. Постараемся, чтобы ко Дню Победы плов можно было бы сварить из язъяванского риса. И тот, кто хочет стрелять отсюда по фашистам, кто хочет освободить от врагов наши города, — пусть идет в Язъяван.

Говорил он просто и неторопливо, словно не стоял на трибуне, а сидел среди друзей за пиалой чая.

Он поглядел на людей, сидящих в зале. И казалось, что он ищет кого-то среди них.

— Где же богатырь Дусмат, тот, что отличился на рытье канала?

— Убит на фронте, — тихо ответил кто-то.

Ахунбабаев замолчал, и слышно было, как шелестит бумага под его рукой.

— Аман-палван здесь? — спросил он, поднимая голову.

Широкоплечий мужчина с черными усами поднялся из среднего ряда:

— Я здесь, ота.

— Здоров, палван? Что же это ты на собрание небритый явился? Сколько раз говорил тебе — брейся, как все люди.

В зале раздался смех. Аман-палван с трудом протиснулся вперед. Он тоже смеялся.

— Не до того сейчас, ота, не ругайте.

— А ты и до войны был такой. — Ахунбабаев встал и обратился к залу: — Мы с ним одноклассники. Он и в детстве был нерадивым.

Палван, положив руку на грудь, взмолился:

— Ты уж хоть дальше-то не рассказывай, очень прошу тебя.

— Нет, расскажу. Когда Аман женился, мы с Раимом поймали его и чуть не силком побрили у самой занавески, за которой сидела невеста. Так и вошел к невесте с порезанной щекой, верно, Раим-берди?

Тот засмеялся.

— Туппонча-палван, ты здесь?

— Здесь.

С места поднялся низенький, энергичный, голубоглазый человек.

— Иди-ка сюда, — позвал Ахунбабаев.

Туппонча подошел. Юлдаш-ота обнял его.

— В Язъяван поедете командирами — ты и Аман. Будете маршалами пустыни. Согласны?

— Согласны. Раз посылаешь, значит, нужно.

— Ну, вот что, покоряйте пустыню.

Туппонча улыбнулся:

— Не обидетесь, если скажу...

— Говори, Туппонча.

— Вы совсем не похожи на начальство. Говорите с нами, как с друзьями. А наш председатель райисполкома по неделе волеинит, пока попадешь к нему на прием, заявления по почте посылаем.

Ахунбабаев нахмурился:

— Разве?

Он снова поднялся на сцену. Раимберди рассказал о том, что его колхоз уже начал наступление. Юлдаш-ота внимательно слушал. Когда Раимберди кончил и уже сходил с трибуны, Ахунбабаев остановил его:

— Мы же договорились с тобой, что, пока не наступят теплые дни, женщины в Найман не поедут. Почему ты повез семьи?

— А что поделаешь, если они сами едут?

— Постой, раз уж так получилось, то ускорь строительство жилья. Через месяц проверю. Если хотя бы двадцать домов не будет готово, смотри не обижайся.

Секретарь областного комитета пообещал всяческую помощь колхозам и колхозникам, переселяющимся в степь. И совещание закончилось.

Выходя из зала, Ахунбабаев взял под руку Раимберди. Они шли по улице, и Юлдаш-ота расспрашивал о Зирилляме, о своих друзьях.

— Я слышал, Икрам вернулся. Как он?

— В порядке, — голос Раимберди дрогнул.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет.

— Ты говори, ничего не скрывай.

— Икрам вернулся без ноги. Но это бы еще ничего. Его сын...

— Убит?

— Если бы убит. Дезертировал из армии. С Икрамом страшное что-то творится. Не смеет людям в глаза глядеть. Я его в Найман послал, — может, там ему полегче будет.

Ахунбабаев остановился.

— Плохие дела. А Джаннат, как она?

— С ума сходит.

— С фронта бежал?

— По-моему, не доехал до фронта. Отстал от поезда.

Тога тяжело вздохнул и наклонил голову.

— Ты пойми, я не стал бы говорить сейчас с тобой, если бы речь шла о моем сыне. Мой-то в земле. Я ведь об Икраме. Он сам потерял на войне ногу, он старый большевик и наш друг. Может, простят сына. Может, разрешат кровью смыть позор.

Ахунбабаев помолчал.

— Трудно, друг. Его народ судить будет. Но Икраму-то как вынести это... Пусть приедет ко мне. Вот горе-то какое!

Тога попрощался с ним и поспешил в Зирилляму. Он хотел успеть сегодня же попасть в Найман, поговорить с Икрамом. По дороге он думал и думал. Правильно ли он поступил, обратившись с просьбой к Юлдаш-ота. Наверно, правильно.

Тога приехал в Найман поздно вечером, весь промокший. Он еле держался на ногах. Они вошли с Икрамом в палатку, и Икрам сразу понял, что предстоит серьезный и трудный разговор.

— Что случилось? — тревожно спросил он.

— Хочу обрадовать тебя, Икрам. Я говорил с Ахунбабаевым. Он постарается помочь. Может, простят, разрешат Турсуну пойти на фронт. Утром поедешь в Фергану, Юлдаш-ота будет ждать тебя.

Икрам опустил голову.

— Почему ты молчишь? — испуганно вскрикнул Тога.

— Я никуда не поеду. Понимаешь, не поеду. И прости. Не будем больше об этом. У меня нет сына.

— Подумай, Икрам, — дрожащим от волнения голосом заговорил Тога, — сто раз подумай. Если только ему разрешат быть на фронте, он смеет, смеет позор с себя. И с тебя, — добавил Тога. — Я ведь вижу, как ты страдаешь.

— На фронте не нужны трусы.

Тога молчал. Он понимал, как тяжело Икраму сейчас. Икраму, который никогда в жизни никого и ни о чем не просил. Он старался все сделать сам, своими руками. И всегда думал о том, чтобы ненароком не унизить, не оскорбить другого.

— Как знаешь, — тихо сказал Тога, — но я прошу тебя, подумай хорошенько. Юлдаш-ота будет пока в Фергане. А потом уедет в Ташкент.

На деревянном настиле под ивами о чем-то громко спорили колхозники.

Тога и Икрамджан подошли к ним.

До самого утра Раимберди ждал, что Икрам подойдет к нему, заговорит. Но на рассвете, напившись чаю и коротко простившись с председателем, Икрам ушел в поле. И только тогда понял Тога, что Икрам не передумал, что решение его твердо. Тога уехал в Зирилляму.

В полдень из кишлака прибыло девять арб. Тога прислал обещанные плуги, тандыр, тыкву и свеклу.

С вещами прибыли жена Тулянбая и Зебихон.

Низамджан работал кетменем. Услышав шум, он выпрямился, — у палатки Тулянбай разгружал арбу. А на арбе стояла де-

вушка, он узнал ее. Это она махала рукой в тот день, когда они ехали сюда, когда их провожали всем колхозом. Сейчас она стояла на арбе и подавала Туляйбаю вещи. Низамджан, опершись о кетмень, наблюдал за ней. Зебихон протянула зятю узел, и, пока он ходил, она, сложив ладони козырьком, смотрела вдаль. Степной ветер играл ее волосами, и она с досадой отбрасывала их на спину. Низамджан засмотрелся на нее и даже не заметил подошедшего к нему человека. Низамджан обернулся. Незнакомая женщина лет сорока в стареньких калошах на босу ногу несла ведро воды. «Наверно, видела, как я смотрел туда», — подумал Низамджан и поздоровался. Ответила ему знакомка или нет, Низамджан не расслышал. Он снова схватил кетмень и начал выворачивать почерневшие корни.

Напоенная талыми водами земля была мягкая, как тесто. Но Низамджан, видно, отвык от кетменя, устал. То и дело вытирал пот со лба, но работу не прекращал. Через полчаса он ощутил такую слабость, что еле держался на ногах; с трудом выпрямился и почувствовал, что не может повернуться. Он тихонько присел на землю.

У палатки раздался звон: били железом в медный таз, — значит, обед. Люди один за другим потянулись к палатке, а Низамджан все еще не мог подняться с земли. Подошел Икрамджан в чапане, накинутом на плечи. Низам хотел встать ему навстречу, но не смог. Казалось, поясницу стянуло проволокой. Он поморщился.

— Что это с тобой? Устал? — Икрамджан посмотрел на участок, вскопанный Низамом. — Это ты один?

Юноша с трудом поднялся, опираясь на кетмень, и, стараясь преодолеть боль в пояснице, медленно побрел за Икрамджаном.

Все уже сидели за столом, наскоро сколоченным из досок. Сели и они.

С того самого дня, как Низамджан ушел из дому, он ел у людей, его угощали как гостя. Сегодня он сидел за столом и ждал своего, заработанного собственными руками обеда. Сегодня можно есть с аппетитом. Повар подал шурпу в глиняных чашках и буркнул: «А ну, ребята, ешьте не торопясь. Сегодня у нас и первое и второе. На второе нам плов привезли». Низамджан опустил ложку в чашку и посмотрел туда, куда ушел повар. Там Зебихон осторожно разворачивала завернутую в скатерть большую миску. Поглощенная своим делом, она ни на кого не смотрела. За обедом говорили о сегодняшней работе.

Туляйбай, по обычаю, начал свои шутки:

— Знаете сказку? Шалы сказали дехканину: ты девяносто дней помеси грязь, а на девяносто первый сядешь есть плов. Сегодня мы начали месить грязь, до плова еще восемьдесят девять дней. Я сегодня три с половиной сотки вскопал.

— Если ты до обеда вскопал три с половиной, после еды будешь только землю царапать, — заметил Икрамджан.

— Нет, после обеда столько не сделаю, поясница совсем за-

дубела. Теперь потише конать буду. Может, поясница и поверит, что я не конаю, а просто так, балуюсь. Мы ведь всю зиму у саидала провалялись, обделились, дружок.

С такой могучей фигурой да хвастасшь своими тремя с половиной сотками, а вот этот парень четыре с половиной вскопал.

Все повернулись к Низамджану и с уважением посмотрели на него. Низамджан покраснел и украдкой взглянул на Зебихон. Она сидела, ни на кого не глядя, подперев голову руками, и о чем-то думала.

Тулянбай начал шутливо оправдываться:

— Куда же мне равняться с таким молодцом, я ведь старик. Теперь пришел их черед ставить рекорды. Что ж, уступим.

— Что жена рассказывает? — перебил Икрамджан. — Какие новости в колхозе?

— Новое здание школы спешно переоборудуют под госпиталь. Завтра привезут раненых. Приехало восемь семей эвакуированных. Тога их устраивает.

«Какую-нибудь из этих семей можно поселить и в нашем доме, — подумал Икрамджан. — Да и Джаннат спокойно могла бы уехать».

— А есть куда устроить, нашли подходящее помещение? — спросил он у Тулянбая. Тот пожал плечами.

После обеда все снова отправились на работу. Икрамджан остановил Низамджана:

— Постой, сынок, зайди-ка в палатку, отдохни немного. Сегодняшнюю норму ты выполнил, остальное завтра доделаешь.

Низамджану очень хотелось лечь. Все тело, даже кости ломило. Да еще, наверно, застудил бок, так как вспотел во время работы и сбросил куртку. Но он ни за что не хотел прилечь.

— Нет, нет, — ответил он, — я так быстро не устаю.

Низамджан работал теперь не так споро. До вечера едва вскопал полторы сотки. И все же с поля не ушел. Он положил кетмень и прилег на кучку камыша. Хотелось вздремнуть, но тело ныло так, что даже сон бежал от него. Низамджан лежал, смотрел на небо и снова думал о своей жизни. Небо — чистое, синее. Лишь кое-где по краям проплывают небольшие белые облачка, подсвеченные лучами заходящего солнца. Внезапно ветер донес до него чей-то голос, кто-то пел. Низамджан приподнял голову и огляделся. Никого нет. Кроме Зебихон и ее сестры, женщин здесь нет. А пел явно женский голос. Наверно, Зебихон. Какой же у нее чудесный голос!

Низамджан встал, скинул кетмень на плечо и прислушался. Песня доносилась из камышей. Он направился туда, дошел до черты, где кончалось освобожденное от камыша поле. Дальше начинались тростниковые заросли. «До чего же густые!» — подумал Низамджан. Еще в детстве, когда он запускал змея, маль-

чишки вместо камышинок пользовались тростниковыми прутьями. Видно, они отсюда их и привозили.

Он наклонился и срезал ножом два прутика. Песня умолкла. Что-то зашуршало. Отряхивая платье, на него шла Зебихон. Они посмотрели друг на друга. В глазах девушки Низамджан прочел печаль. Она прошла мимо. Низамджан торопливо заговорил:

— Вы, оказывается, прекрасно поете. Вы сегодня приехали?

Девушка кивнула, а Низамджан не знал, что сказать еще.

— Здесь у меня никого знакомых нет, — с трудом выдавил он.

Девушка остановилась и оглядела Низамджана.

— Почему никого?

— Я после вам расскажу.

— Но ведь вы же племянник дяди Икрама. Так мне сказали.

«Значит, она интересовалась мной, раз спрашивала». Низамджан почувствовал, что ему это приятно.

— Нет, я не племянник. Я ему стал сыном.

— Значит, вы сирота? — печально спросила Зебихон.

Низамджан вздохнул. Он не знал, как ответить.

— Да нет! У меня есть отец, есть сестра. Но... в общем-то, долго рассказывать. Вы очень хорошо поете, — добавил он.

Зебихон снова посмотрела на него и пошла, огибая тростниковые заросли. Низамджан залюбовался ее легкой походкой, плавным движением, каким она отстраняла тростник, прокладывая себе дорогу.

«Отчего она так грустна? — думал он. — Такие печальные глаза, и в голосе слышны слезы».

До захода солнца Низамджан думал о девушке. Он копал землю кетменем и, странно, уже не чувствовал боли ни в пояснице, ни в руках. Он и не заметил, как вскопал до захода солнца целую сотку. Низам вернулся в палатку, когда уже зажгли фонари. Икрамджан лежал на новой камышовой циновке.

— Вернулся, сынок? — спросил он, не поднимая головы.

Низамджан понял, что Икрам сильно устал. Легко ли работать кетменем, да еще если вместо ноги — протез? И впрямь, у него стальное сердце. Разве пришло бы кому-нибудь в голову упрекнуть Икрама, если бы после обеда он не пошел в поле?

Низамджан взял полотенце и вышел. Навстречу ему снова попала Зебихон.

— Ужинать зовут, — сказала она.

Икрамджан встал, вышел из палатки и подождал Низама. Они пошли рядом.

Под двумя ивами горел факел. Светло как днем. Тени людей кажутся особенно длинными, теряются где-то далеко в песках.

С приехавшими сегодня людьми Тога прислал газеты. Зебихон протянула газету Низамджану:

— Почитайте вслух.

На первой странице был помещен большой портрет Азизхана и дальше рассказывалось о геройских подвигах советского воина

на фронте. Дальше — письмо колхозников Зириллямы Азизу. Низамджан читал громко. Лица людей при свете факела были задумчивые, тревожные. Газеты начали передавать из рук в руки. На односельчан смотрели знакомые, веселые глаза Азизхана.

— Поджег три танка, взял в плен шесть немцев. Вот это парень! — воскликнул Туляйбай. — Сердце у него, видно, с лошадиную голову, — добавил он.

— Какие там сообщения? Читай, — попросил старик, дую на остывший чай. — Читай дальше.

Низамджан снова взял газету. Он начал читать сводку Совинформбюро. Газета принесла сюда, этим людям, сражающимся с пустыней, не только вести с фронта, но и луч надежды на то, что близится час, когда отцы и матери встретятся с сыновьями, сражающимися там, где свистят пули и рвутся снаряды.

Уставшие люди уже не сидели, как вчера, до полуночи. Факел догорел, и люди разошлись по палаткам. Укутываясь в одеяло, Икрамджан тихо сказал Низаму:

— Завтра напишем письмо в кишлак. Передадим с теми, кто поедет. Дома у меня приемничек батарейный есть, с фронта привез. Напишем, чтобы Джаннат прислала. Нужная здесь вещь.

Низамджан не ответил. Он уже спал.

III

Весна выдалась дождливая. До конца месяца раз шесть обрушивался с неба такой ливень, что невозможно было высунуть носа.

Полевые работы прекратились. Новоселы, накинув на голову чапан, пробегали к соседям в палатку. Всем хотелось послушать приемник, который прислала из кишлака тетушка Джаннат. Икрамджан разрешал слушать лишь вести с фронта, а как только начиналась музыка, он выключал приемник: батарейки к нему не найти. Надо беречь. Однажды Икрам рассказал, как к нему попал этот приемник:

— Подбили мы несколько танков и оставили их гореть позади. Прогнали фашистов, как вон до того холма, и расположились там. Вечером я относил письмо в штаб. На обратном пути прохожу мимо тех самых танков и вдруг слышу голос. Говорят по-немецки. «Ага, сволочь, значит, не сдох, вылезть хочет», — подумал я. Снял автомат и тихонько подхожу. Прислушался. Действительно, немец орет что-то на своем языке. Наверно, пьяный, решил я, какой же это дурак станет так орать. Подождал. Раз он разговаривает, значит, не один. Была не была. Я влез на танк и открыл люк. Просунул туда автомат и как закричу: «Хальт!» А немец все говорит. Я выстрелил. А он все равно болтает. Выругал я его по-узбекски и прыгнул внутрь. Шелкнул зажигалкой, смотрю — двое немцев уже застыли. А голос не замолкает. Тут я и увидел этот самый приемник. Взял его, а выключить не могу, не знаю как. Завернул я его в шинель и побежал к своим. А он орет из-под шинели, проклятый.

Забегал я в блиндаж к связисту, он выключил, осмотрел приемничек и говорит: «Никуда он не годится, твой приемничек, батарея кончится, и три копейки ему цена. Ты погляди, где брал, немцы народ запасливый, — может, и батарейки там имеются». Я снова пошел к танку. И нашел в сумке четыре круглые коробочки. Наверно, это, думаю, и есть батарейки. И не ошибся. Одна батарейка в госпитале закончилась. Осталось всего три, потому берегу. Каждой хватает на три месяца.

Сегодня снова лил дождь, и на работу никто не вышел. Собрались в большой палатке слушать радио. Здесь, в пустыне, за много тысяч километров от фронта, люди под ровный стук дождя словно слышали голоса тех, кто шел в бой за пылающие города, кого они ждут здесь, о ком тревожатся каждый день, каждый час.

Радио передавало сообщения из Ташкента. Колхоз Карасуйского района из своего неделимого фонда отправил в Государственный комитет обороны деньги на строительство самолета. Детьки искусства отдавали свои премии, рабочие — месячную зарплату и облигации государственного займа. Самаркандские пионеры объявили месяц сбора железного лома.

Низамджан слушал радио и думал: дети, даже дети помогают фронту. Даже кто не способен взять в руки оружие, и те боются.

Значит, надо работать. Много работать. Он тоже хочет помогать фронту. Надо научиться преодолевать усталость. Не суетиться зря, рассчитывать силы по минутам. Низамджан дал себе клятву, как молодой боец в строю: теперь он тоже станет верным бойцом армии труда.

...Икрамджан приехал в Зирилляму. Он так торопился, что чуть не загнал лошадь. Оставив лошадь у чайханы и поручив чайханщику накормить ее, он зашел прямо в контору. Тога говорил с кем-то по телефону. Увидев Икрамджана, он кивнул ему и поспешил закончить разговор.

— Псылаем в Ленинград подарки, — сказал он. — Проводишь эшелон до Ташкента.

Тога вздохнул и посмотрел не в лицо Икрамджану, а на порванную костьюлем подмышку чапана.

— Иди домой, оденься. Вечером эшелон отправится от Горчакова. Там еще люди есть. Не опаздывай.

Икрамджан не ответил. Молча вышел и побрел домой. Предупрежденная председателем, тетушка Джаннат приготовила уже одежду и поджидала мужа. Пока он одевался, она принесла касу рисового супа — маставы, который подогревала уже несколько раз. Икрамджан стоя проглотил несколько ложек.

— Я уезжаю, жена, — сказал он. — Не тревожься за меня. Приеду, заберу тебя в Найман. Ну, будь здорова.

Он грустно посмотрел на ее осунувшееся лицо и пошел со двора. Тетушка Джаннат все еще не решалась оставить свой дом. Но ей не хотелось расстраивать мужа перед дальней поездкой.

— Вернетесь, решим,— негромко произнесла она.

У конторы стояла грузовая машина. Тога подал из кузова руку Икраму. Тетушка Джаннат смотрела, с каким трудом он взбирается в кузов. Если бы Тога не помог, ни за что не смог бы влезть — правое колено совсем не сгибается.

Машина тронулась. Икрамджан помахал жене рукой, а она стояла не шевелясь, словно застыла, и смотрела, смотрела вслед уходящей машине. Вот так же она провожала на фронт сначала его, а потом сына. Муж вернулся калекой. А сын? Она даже не знает, жив ли он. И если жив, то где находится. Может, бродит где-то бездомный, голодный, скрываясь от людей.

Она думала о сыне, думала теперь о нем постоянно.

Икрам снова уехал, не побыв дома и часа. Опять она одна, и тревога ни на минуту не покидает ее.

«Смешной Тога. Привязался к Икраму — вздохнуть ему не дает. Назначил бригадиром в Наймане, посылает сопровождать эшелон. Будто на Икраме свет клином сошелся».

Тетушка Джаннат все еще стояла, глядя в ту сторону, где только что скрылась машина. Она услышала голос Абдухалила:

— Сначала научись своего воспитывать, а потом будешь меня учить патриотизму,— говорил он кому-то.

Тетушка Джаннат вздрогнула и ждалась. «Что это я стою на дороге, на глазах у людей, словно потерявшая рассудок». Она заторопилась домой. Тихо. Теперь тишина, должно быть, навечно поселилась в ее доме и гложет ее.

Дождь кончился, но с веток еще падали тяжелые капли. В арыке журчала мутная вода. Ветер разогнал тучи, унес их куда-то. Выглянуло солнце. Оно словно окрасило золотом голые ветки деревьев. От крыш и сырых дувалов шел пар. Она посмотрела на солнце, и ей стало чуточку легче.

IV

Выплыла луна. Облачное небо было похоже на синее платье, заляпанное чернилами.

Тетушка Джаннат устала за день. Она теперь быстро уставала, хотя, кажется, ничего особенного и не делала. Она присела на свое любимое место — на айване. Кто-то осторожно поскреб калитку.

— Кто там?

Снова стук.

Тетушка Джаннат подошла к калитке:

— Кто там?

Никто не ответил.

— Кто, я спрашиваю?

— Откройте, откройте, это я.

Тетушка Джаннат задрожала всем телом.

Она не помнила, как открыла калитку и бросилась на шею сыну.

— Сынок, сынок, ты живой? Где ты был? Чего только о тебе не наговорили! Ты жив.— не умолкая шептала она.— Здоров?

Не отвечая на вопросы матери, Турсунбай расцепил ее руки на своей шее, закрыл калитку и прижался к ней спиной.

— Тише, тише, мама, слышат.

— Пусть слышат. Пусть все слышат. Что только не наговорили о тебе. Завтра всех сюда соберу. Отец, несчастный твой отец, не мог глаза поднять на людей.

— Хватит, хватит!

Турсунбай торопливо защелкнул замок и бегом пересек двор. Тетушка Джаннат растерянно трусила за ним. Войдя в дом, она дрожащими руками выкрутила фитиль в лампе. Турсунбай неподвижно стоял посреди комнаты. Мать посмотрела на него. Неужели это ее сын, ее Турсунбай?

Перед нею стоял мужчина, весь заросший грязной щетиной, черный, давно не мывшийся. Видно было, что он голоден. У матери больно сжалось сердце. И это ее сын. Единственный. Что с ним стряслось, неужели это ее сынок, которого она растила, не давая дунуть на него ветерку!

— Что с тобой, сынок? Откуда ты?

— Не спрашивай, ничего не спрашивай. Дай мне поесть. Я голоден.

— Сейчас, сейчас,— тетушка Джаннат засуетилась, но никак не могла отойти от сына.

— Я же просил есть, неси скорее.

Она выскочила во двор. Постояла минутку у двери кухни, забыв, зачем пришла сюда. Потом, не зажигая огня, нащупала котел. Он был еще теплый. Она налила суп и медленно понесла через двор. Слезы падали прямо в касу.

— Поешь пока, сынок, я сейчас свежий сварю.

Турсунбай присел на подоконник и с жадностью начал пить из чашки, отбросив ложку. Мать стояла, не отрывая от него взгляда.

Турсунбай поднял голову и сурово приказал:

— Никто не должен знать, что я здесь!

— Значит, правда? Ты убежал?

Турсунбай не ответил. Он облизал губы и лишь потом посмотрел на мать:

— Я отстал от поезда.

— Значит, убежал,— повторила мать.

— Да. Кончим этот разговор.

Мать затряслась всем телом. Ноги ее подкосились, и она опустилась на пол. Веки дрожали. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Она не верила, не хотела верить, услышав страшную весть, что ее Турсунбай — дезертир. Мать все ждала, до этой самой минуты ждала, что все выяснится, что вышла какая-то ошибка. Теперь она услышала страшные слова из уст сына. И только

теперь тетушка Джаннат поняла, что жизнь кончилась, что ветер развеял все ее надежды, что она стоит одна в черной пустыне и помощи ждать ей неоткуда. Она взглянула на сына глазами, полными слез:

— Твой старый отец взял в руки винтовку и пошел на фронт. Потерял там ногу. А ты, такой сильный, ты убежал? Ты убил отца, похоронил его заживо, меня убил. Как мы можем жить теперь? Как отец выйдет из дома, к людям? Ты подумал об этом?

Турсунбай не знал, что отец вернулся. «Пересижу где-нибудь в подвале, пока война кончится», — думал он, пробираясь домой. Он согласен был жить под землей, никогда не видеть солнечных лучей. Теперь, узнав, что отец вернулся, он понял: оставаться здесь нельзя. Он слишком хорошо знал своего отца. Отец сам отведет его за руку и сдаст властям. Он не обратил внимания на слова матери «вернулся без ноги», не пожалел отца. Он понял только одно, что отец здесь и оставаться ему нельзя. Лучше бы отец был там. Тогда Турсун мог бы пересидеть здесь войну — в погребе, в яме, на огороде — все равно где. А теперь все кончено. Надо уходить. Но куда?

— А где отец? — со страхом спросил Турсунбай. — Я уйду, пока он еще не пришел.

— Не смей говорить «отец»!

— Ладно. Дай переодеться. Пора идти.

— Куда? Никуда ты не пойдешь, пока не вернется отец.

— Ага, вместе хотите меня выдать?

— Что ты говоришь, сынок? Что ты такое говоришь? Какая мать сделает худое своему ребенку? Мы посоветуемся, найдем какой-нибудь выход. Ведь твой отец — человек умный. Что-нибудь придумаем.

Турсунбай махнул рукой: знаю я, мол, его.

— Конечно, знаешь, сынок. Послушайся меня. Повинную голову меч не сечет. Еще не поздно. Ты еще можешь пойти на фронт, оправдаться. — Слезы снова хлынули из ее глаз. — Отец пойдет, уприсит, умолит, чтобы тебе позволили вернуться на фронт. Его слушают, он заслуженный человек. Ему поверят.

Турсунбай сверкнул глазами.

— Что? Что? — Он поднял палец к виску. — Ты хочешь, чтобы меня расстреляли. Этого хочешь, да?

Тетушка Джаннат испуганно отшатнулась:

— Никто тебя пальцем не тронет. Ты ведь не фашист. Попросишь прощения. Попросишь, чтобы тебя послали на фронт. Поклянешься, что оправдаешь доверие.

Турсунбай снова махнул рукой и отвернулся.

— Я уйду.

— Куда, куда ты уйдешь?

Он и сам не знал куда. Не знал, что ответить матери, и смотрел на пустую чашку, из которой хлебал суп.

— Кто тебя приютит? Кто накормит? Ты что, воровать

решил? Живым мертвецом ходить будешь? Послушай меня. Отец и Тога вместе пойдут, упроят. Тога влиятельный человек, Депутат. Ему не откажут. Сынок, я уговорю его, умолю. Не уходи, дождись отца, сынок.

Тетушка Джаннат поднялась и выбежала во двор. Внесла на айван огромный самовар, наполнила его водой и разожгла. Принесла мыло и повесила чистое полотенце на ветку айвового дерева. Потом бросилась в комнату, открыла сундук и достала чистое белье Турсунбая.

— Помойся, приведи себя в порядок. Переоденься. Очень уж ты грязный.

С полочки она достала бритву Икрамджана и положила около лампы у зеркала.

— Вот, сынок.

Турсунбай присел на корточки и посмотрел в зеркало. Он не узнал себя. От прежнего красавца остались лишь сверкающие глаза. Он опустил кисточку в теплую воду, намылил ее и провел по щеке. Мать неподвижно сидела и смотрела на сына. Что будет? Захочет ли Тога им помочь? Ах, если бы согласился. Если бы позволили ему пойти на фронт. А вдруг не позволят? Вдруг не согласятся, не послушают? Господи, что же это такое? Турсунбай побрился, вымылся и переоделся. Мать смотрела на него, забыв о всех своих тревогах. Таким красивым показался он ей, серьезным и спокойным. Сердце ее разрывали на части горе, гнев, любовь к сыну. Что делать? Что же делать?

Турсунбай задремал. Мать принесла подушку и положила ему под голову. Он чуть сдвинул ее, устроился поудобнее и заснул. Мать укрыла сына одеялом и села возле него. Турсунбай спал, точно в детстве, а мать сидела около и, как когда-то, давным-давно, караулила сон своего ребенка.

Край черного неба чуть приметно посветлел. Где-то далеко запели петухи. А мать все сидела, не смыкая глаз, боясь пошевелиться.

«Что делать, что делать?» — думала она в отчаянии.

V

На станции Ташкент полным-полно народу. На платформах — танки, грузовые машины, покрытые брезентом. Из открытых дверей красных вагонов видны фигуры бойцов. Иногда проходят раненые — на костылях, кто с забинтованной головой или рукой.

Икрамджан пытался выбраться из толпы, ему во что бы то ни стало нужно было найти начальника станции, сдать четыре вагона подарков, которые ферганцы шлют фронтовикам. Радио захрипело и объявило: «Представитель Ферганы, вас просят пройти к помощнику коменданта. Повторяю...»

Икрамджан отправился искать помощника коменданта. У передних вагонов стояло несколько бойцов и дежурный по станции в красной фуражке. Икрамджан подошел и назвал себя. Дежурный взял протянутую бумажку:

— Двадцать мешков сушеного урюка, тридцать мешков кишмиша, сорок мешков орехов, тысяча банок айвового варенья, триста банок клубничного. Это все? — спросил дежурный. Он посмотрел на вторую бумагу: — Ага, еще шестьсот ватных безрукавок, восемьсот малахаев, пятьсот кирзовых сапог. Это другое дело. Сопровождающий есть? — спросил дежурный.

Икрамджан не растерялся:

— Я и есть сопровождающий.

— Хорошо. Пройдите к военному комиссару, оформите документы. И помните, проводите груз до самой линии фронта.

— Понятно.

Помощник коменданта оглядел Икрамджана и покачал головой:

— Мы не можем вас послать. У нас уже есть сопровождающие.

— Из-за ноги? — глухо спросил Икрамджан.

— Да.

— Так я на фронте...

— Все равно.

Икрамджан понял, что никакие просьбы не помогут. У него стало горько на душе.

Дежурный вместе с ним подошел к вагонам, снова оглядел груз и повернулся к Икрамджану:

— Можете ехать утром. Отметьте командировочное удостоверение и узнайте, каким именно поездом вам возвращаться.

Икрамджан проковылял по перрону и медленно выбрался на площадь.

Рядом с трамвайной остановкой толпа народу, шум. Икрамджан подошел ближе. Окруженный молодыми призывниками, стоял раненый офицер. На его груди сверкала Золотая Звезда. Шла оживленная беседа. Парни то и дело задавали вопросы, а офицер отвечал хоть и простуженным голосом, но весело. На скамейке поодаль сидели пожилая женщина и старик. Между ними — юноша в военной форме. Мать не сводила глаз с сына — провожают на фронт, а еще чуть поодаль мужчина средних лет держал на коленях мальчика лет четырех-пяти. Рядом с ним сидела беременная женщина. Мальчишка нацепил отцовскую фуражку со звездой и что-то щебетал.

Около будки с газированной водой стояли юноша и девушка. На девушке наглаженное крепдешиновое платье. Губы чуть подкрашены. Они не отрываясь смотрят друг на друга.

Икрамджан окинул взглядом всю эту картину и вспомнил, как жена с сыном провожали его на фронт. И они так же неподвижно сидели, ожидая машину. Кажется, будто это было лишь вчера. А сколько уже прошло с тех пор. Он успел новоевать, лежал

в госпитале, вернулся в кишлак, поехал в степь. Жизнь не любит мешкать.

Загудел паровоз, оповещая об отбытии. Люди побежали к перрону. Икрамджан подождал, пока схлынет толпа, и неторопливо побрел к общежитию. Он устал за день и теперь больше, чем обычно, припадал на деревянную ногу.

У входа в общежитие стоял Тога.

— А я тебя ищу всюду, даже на станции был, — сказал он.

— Ты когда приехал, Тога? — удивился Икрам.

— Вчера. На пленум вызвали. Только кончился. Вот решил найти тебя. Поедем домой вместе. С делами справился?

— Справился.

Они вошли в общежитие. Икрамджан тут же лег, чувствуя, что его знобит. Тога, боясь обеспокоить друга, хотел было выключить радио.

— Не надо, — попросил Икрам.

Передавали сообщение Народного комиссариата иностранных дел о зверствах немецких захватчиков на временно оккупированной ими территории. Икрамджан сел, позабыв о боли в костях, об ознобе. У Раимберди дрожали губы. Сжав кулаки, он смотрел в одну точку.

— Еще ответит эта сволочь за все, — проговорил он. — Сколько городов сожгли, сколько народу в крови утопили, сколько детей осиротили.

Икрамджан стукнул кулаком по столу:

— Ответит, за все ответит. Проклятье! Если бы не нога. Куда я с ней?

— Ты свое отвоевал, — возразил Тога, — тебе обижаться нечего. Твой фронт теперь в Язъяванс, в Наймане.

— Но мне надо туда, в настоящей бой, пойми меня, надо!

— Брось! — оборвал его Тога.

— Вот сегодня, — продолжал Икрам, не обращая внимания на реплику Раимберди, — я все ходил кругом и спрашивал себя: «Для чего ты живешь, Икрам?» И представь, не мог найти ответа. Я ничего еще не сделал, пойми ты, ничего. Так и умру, будто не жил.

— Нет, ты сделал много, — задумчиво произнес Тога. — Помог организовать колхоз в Зирилляме. Вспомни-ка. Ведь ты не боялся ни угроз, ни басмаческих ножей. А как ты работал на Ферганском канале! Тот, кто пьет сейчас ферганскую воду, поливает свой огород, думаешь, не вспоминает о тебе с благодарностью? А где ты потерял ногу? Сколько фашистских голов слетело с плеч? И, по-твоему, это ничто? Странно ты рассуждаешь, Икрам. Эх, ты! Да если ты умрешь, как вот сейчас сказал, сколько людей будут идти впереди твоего гроба, как и положено самым близким. Я первый пойду. Не говори глупости. Мы обязаны жить. Нам еще много, очень много надо сделать. Мы должны увидеть конец войны. Отстроить разрушенные дома. Так что рано говорить

о смерти. А кто за тебя начатое доделывать будет? Нельзя же умереть, не докончив начатого... Ну ладно, ты отдохни, а я пойду по делам. Завтра выедем пораньше.

Тогда постоял еще минутку и вышел. И тут же без стука в комнату вошел усатый мужчина. Он пожал руку Икраму и многозначительно улыбнулся. Икрамджан узнал его. Не любил он этого человека, который когда-то был кассиром в Заркентском сельпо. Они не встречались уже несколько лет. Только вернувшись после фронта, он узнал, что этот усач работает в ткацкой артели экспедитором.

— Я привез товар, — объяснил усач, — да встретил Раимберди. Он мне сказал, что вы здесь. Вот и решил с вами повидаться.

Икрамджан промолчал в ответ. Он не знал, о чем говорить с этим неприятным типом, и лишь из вежливости спросил о семье, о детях.

— Все в порядке. Все здоровы. В любой войне умирают лишь те, кому это суждено. Мой удел — не война, а тыл. Пасемся потихоньку в Маргилане. Да, а у вас, говорят, радость? Турсунбай вернулся. Слава богу, живой, здоровый.

«Что он такое говорит? Должно быть, пьян». Икрамджан удивленно взглянул на усача.

— Да, три дня назад, да, да, именно три дня прошло, как я его видел, вашего Турсунбая. Стою в Горчакове, пью пиво. Смотрю, идет. Я его окликнул. Но он то ли не услышал, то ли не захотел здороваться. Я пошел было за ним, да он сразу куда-то исчез. Я же знаю нрав Турсунбая — гордец, не любит с простыми людьми якшаться. И фронт его не исправил.

Икрамджану казалось, будто этот тип с черными усами и противными масляными глазками вонзает ему нож прямо в сердце.

А усач все говорил, говорил, ковыряя в зубах гусиным перышком, все улыбался:

— Женить его самое теперь время. Ну, слава тебе господи. Будете гулять на свадьбе сына. Даст аллах, приеду, помогу, самовар вскипячу или там еще что по хозяйству.

— До каких пор ты будешь болтаться здесь? — не выдержал Икрам. — Кругом война, а ты черт знает что мелешь. Свою драгоценную жизнь бережешь, пользуешься чужим несчастьем? А?

Усач озабоченно сдвинул брови:

— Копошимся помаленьку, да ведь на глазах у людей, братец, сохрани аллах, от людей не прячемся, не бежим...

Икрамджан вскочил и тут же бессильно упал на кровать. Усач окинул его презрительным взглядом и, довольный собою, вышел.

Икрамджан схватился за сердце.

Значит, Турсунбай где-то здесь, вблизи Маргилана. Бойтся появиться в Зирилляме. Куда он денется? От кого хочет скрыться? До каких пор будет бродить около родных мест?

До самого кишлака Икрам ни словом не обмолвился с председателем. Тога тоже молчал. Он видел, что Икраму тяжело, и решил его не трогать.

Светало. У самой чайханы Тога протянул руку Икраму:

— Отдохни да зайди в контору. Ну, пока!

Икрамджан, сгорбившись, медленно повернул на свою улицу. Уж если несчастье привяжется к человеку, то не отстанет. Много пережил Икрам на своем веку, но такое... такое и в самом страшном сне не привидится. Он подошел к дому, и тут его ждал новый удар. Кто-то недрогнувшей рукой вывел мелом на дувале: «Дом предателя родины».

Икрамджан остановился. Ему казалось, что и рассвело сегодня раньше обычного, чтобы все смогли прочесть эту надпись. Он стоял у своего дома и плакал, не вытирая слез.

В кишлаке еще тихо. Люди спят. Лишь изредка лениво пропоет петух. Взойдет солнце, лучи его обогреют сырые дувалы, стены домов, души людей — все живое. Теплый весенний ветер обласкает деревья, траву, каждую букашку. И лишь один человек не почувствует ни солнечного тепла, ни свежести весеннего ветра. Сердце у него заледенело.

— За что?

Где же его сын, накликавший на них такую беду?

Где этот жалкий трус, которого так лелеял Икрам? Где он, превративший в ежеминутную муку жизнь отца? Кого он растил, кого любил? Поднялось солнце. Икрам все так же неподвижно стоял у своего дома... В эту минуту отец приговорил своего сына к смерти.

VI

В Найманскую пустыню пришла настоящая весна. В камышовых зарослях, в болотах неумолчно квакали лягушки. По чистому синему небу уже дважды пролетел караван журавлей. Две ивы, всю зиму грудью защищавшие себя от метелей, горделиво вздымались теперь свои пышные, густые ветви, на которых уже завялились светло-зеленые почки. Со стороны песков веял теплый ветер.

Вместе с весной оживала и Зебихон. На ее печальном, осунувшемся личике появился румянец. Вставала она на рассвете, когда все еще спали, выбегала из палатки и шла навстречу первым лучам солнца, туда, к светлеющему розовому горизонту. Было тихо. Степные птицы, просыпаясь, чуть слышно переговаривались. Ветер ласково стряхивал росу с осоки. И Зебихон в этой голой пустыне была похожа на одинокий цветок. Она понимала, что юность прошла так же, как и первая любовь, оставившая в ее сердце глубокую рану. Рана теперь уже не жгла, не ныла, а лишь напоминала о себе всякий раз, когда Зебихон видела рассвет, любовалась первыми солнечными лучами, красотой пробуждения природы. Сердце ее искало и утешения и добрых слов. Порой она молчаливо присаживалась на землю и подолгу следила за

белоснежными облаками, неторопливо плывущими по небу. И ей казалось, что эти беззаботные облака рассказывают ей длинную волшебную сказку о незнакомом юноше, о храбрце и красавце. Она думала о Турсунбае, о своей трудной любви, и каждый раз, когда вспоминала о нем, лицо ее вспыхивало гневом, в глазах загорался недобрый огонь. «Как могла я не заметить за этой красивой оболочкой трусость и подлость?» — думала Зебихон. Он отравил ее первые мечты, первое чувство. Ей хотелось поскорее выгнать из памяти все, что напоминало о нем. Но время от времени рана начинала болеть, и тогда, не совладав с горечью и отчаянием, Зебихон уходила подальше от людей. Ей хотелось освободиться от печальных мыслей, и она широко распахивала сердце навстречу свежему ветру. И этот степной ветер убаюкивал ее тревоги. А сердце, словно горlinka весной, начинало ворковать, томиться по любви. Уже не раз замечала она нежные взгляды Низамджана и всякий раз отворачивалась. В его взгляде чувствовалась не только нежность, но и дальняя тень горя. Она разговаривала с ним и все время боялась, что он откроет перед нею свои беды, разбудит и ее боль. А этого она не хотела. Сегодня Зебихон, как обычно, встала на рассвете и вышла из палатки. Обхватив колени руками, на деревянном настиле неподвижно сидел Низамджан. Он обернулся, услышав шаги, и удивился, увидев перед собою девушку. Ветер развеивал на ней свободное платье. Низамджан встал. Зебихон была в легком летнем платье, и он впервые увидел, как она стройна, словно этот весенний ветер сказочно изменил ее.

Тайком ото всех Низамджан вставал в полночь, брал кетмень и шел в тугай, где до рассвета успевал вскопать две сотки. Сейчас он, закончив свое задание, вернулся и присел отдохнуть. И вдруг увидел восход солнца. Красивое зрелище так захватило Низамджана, что он не мог уйти. Он смотрел, как первые лучи освещают небо, как вокруг разливается серебристо-розовый свет. Говорят, что рассвет прогоняет прочь дурные мысли, снимает с сердца тяжесть. И впрямь это так.

Зебихон только сейчас заметила, что сапоги у Низамджана в грязи.

— Куда это вы ходите так рано? — спросила она.

— Да просто не спится.

— Неправда, я уже несколько раз видела, как вы сидите здесь чуть свет. У вас что-нибудь болит, и вы не можете заснуть?

— Да нет, нет. Я здоров. Просто мне хочется поработать побольше. Дядя Икрам для меня столько сделал, вот я и хочу порадовать его. Ведь это он привез меня сюда. Я встаю в полночь и успеваю вскопать немного, пока еще все спят.

Зебихон нахмурилась:

— Разве можно так? Да вы и без того больше всех делаете. Посмотрите-ка на себя. У вас даже глаза ввалились. Еще заболете!

— От работы пока никто не болел, — возразил Низамджан. — Наоборот, от нее как-то спокойнее становится. Все мои друзья на фронте. Им труднее. В меня ведь здесь никто не стреляет. Вот кончится война, они вернутся. И я смогу сказать им, что трудился. Только вы не думайте, что я намерен засеять для себя огород и разбогатеть. Мне ничего не нужно. Все, что мне выдадут, отвезу в госпиталь, в Зирилляму. Я решил хоть так драться с врагом, раз уж на фронт не берут.

Зебихон и не подозревала, что в этом ничем не примечательном на вид, молчаливом парне столько гордости, столько человеческого достоинства. Она слушала, с каким жаром он говорит о том, что хочет помочь фронту, друзьям. Этот парень, накрепко зажавший котенка искалеченной рукой, — настоящий боец. Он трудился не только для того, чтобы забыть свое горе, свою тяжесть, а чтобы порадовать несчастного Икрамджана, накормить раненых, детей.

Ей вспомнилась Турсунбай. Он бросил оружие, которое доверил ему народ.

— Простите, — сказал Низамджан. — я, кажется, наговорил лишнего.

— Нет, что вы. Послушайте, а почему вы держитесь как-то в стороне от всех? Вечно ходите один. Здесь же хорошие люди. Все хорошие. Вы не стесняйтесь их.

Она вдруг лукаво улыбнулась:

— Пойдемте в степь. Пока проснутся, мы успеем дойти до того холма и вернемся. Я каждый день хожу туда. Вчера даже видела двух оленей. Бегут себе мимо и не обращают на тебя никакого внимания. А глаза у них огромные, черные-черные.

— Не знаю... — растерялся Низамджан. — А вдруг кто-нибудь нас увидит, ваш зять, например. Подумают...

— Глупости. Никто ничего не подумает. Пошли. Расскажите мне свою «длинную историю», помните, вы ведь обещали рассказать.

Зебихон дотронулась до локтя юноши, и они пошли рядом.

«Какие у нее мягкие и горячие руки», — думал Низамджан. Оба молчали, проходя по полю, освобожденному от камыша. Вскоре поравнялись с тростником. Низамджан свернул из газеты самокрутку и зацелкал зажигалкой, сделанной из гильзы. Наконец она загорелась, и Зебихон взяла ее и подогла тростниковые прутья. Они вспыхнули, и пламя охватило целую полосу. Тростник сгорел мгновенно, а кисточки на самом конце еще долго тлели, словно фитилек свечи. Этот огонь, внезапно вспыхнувший в первых лучах солнца, казался им каким-то призрачным. Зебихон перебежала от тростника к тростнику, подносила зажигалку, и то там, то тут к небу взвивалось пламя. Низамджан хотел отнять у нее зажигалку, но она, крепко зажав ее в руке, помчалась в степь. Низамджан бросился за ней. У самого песчаного холма он догнал девушку. Зебихон раскраснелась и тяжело дышала. Низамджан на

минуту забылся, поднял руки, словно собираясь обнять ее, но тут же опустил и притих.

Зебихон села на омытый дождем песок.

— Ну, теперь рассказывайте.

Низамджан стоял около нее. О чем она просит рассказать?

— Что рассказывать? — спросил он, опускаясь рядом с нею на песок.

— Помните, я вас спросила, не племянник ли вы дяди Икрама. Вы сказали, что нет, что это, мол, долгая история, после расскажу. Помните? Ну, вот теперь и рассказывайте.

Низамджан молча смотрел на песок, похожий на желтый бархат. Эта девушка напомнила ему о том, о чем не хотелось вспоминать. Рассказать ей все? Но кто она для него? Почему он должен рассказывать ей о своей жизни? Ведь он уже говорил ей однажды: там, у деревьев, о своих мечтах, о самом своем заветном. О своей жизни он рассказал лишь Икраму и тетушке Джаннат. Им он должен был открыть все. Они приютили его, совсем незнакомого, заботились о нем, отнеслись, как к родному.

Он взглянул на Зебихон. Ее глаза требовательно смотрели на него. И он сдался. Эти горячие глаза смотрели сочувственно, завораживающе.

Он заговорил. Не отрываясь смотрела на него Зебихон, и в глазах ее попеременно вспыхивало то удивление, то тревога. «Сколько же пережил этот с виду неприметный парень», — думала она.

— Ну вот и все! — закончил Низамджан. — Судьба привела меня сюда. Теперь мой дом здесь.

— А Дильдар знала, что вас хотят женить на ней? — в волнении спросила Зебихон.

Низамджан вздрогнул. Никогда он не думал об этом. В самом деле, а вдруг Дильдар ничего не знала о затее отца и сестры. Почему он не поговорил с ней? Когда он уходил из дома, она преградила ему путь. Что он сказал ей? Сейчас он не мог вспомнить. Ах, да! Сказал: «Лучше бы я тебя никогда не встречал».

Низамджан взволнованно встал с земли.

— Господи, какой же я дурак. Ведь ей тоже было не легче моего. Какое право я имел не спросить ее, знает ли она об этой бесчестной затее. Может, ей ничего не было известно. Разве бы она смолчала?

Зебихон тоже поднялась.

— Теперь уже трудно исправить дело, — сказала она. — Если Дильдар не знала, то узнает со временем.

Зебихон сняла калошу, вытряхнула из нее песок и вдруг заметила чьи-то следы, ведущие из камышей. Кто-то выходил сюда и снова вернулся в камышовую чащу. Кто бы это мог быть? Низамджан тоже посмотрел в ту сторону, куда глядела она.

— Кто-то вышел из камышей и снова туда вернулся. Следы совсем свежие. Будь это вчера, их успело бы замести песком.

— Ну, это кто-нибудь из наших, — спокойно ответил Низамджан.

— И правда, из Маргиланского шелкового комбината сюда приезжают на велосипедах охотиться. Диких кабанов стреляют. Наверно, это охотники. Постреляли и пошли обратно.

Теперь Зебихон думала о Низамджане, о его любви, о несчастной Дильдар.

Солнце взошло, и тень от двух деревьев легла на стену столовой и на палатки.

Дедушка Шадман никак не мог разжечь дрова под большим баком. Он дул изо всех сил, и глаза его слезились от дыма.

— Огня нет, — сказал он, — а сколько было спичек в сельно до войны. Горы.

Низамджан поднес зажигалку. Вспыхнул огонек. Из палаток начали выходить люди с полотенцами на плечах.

Степь ожила.

VII

В начале апреля тетушка Джаннат переехала в Найман. Она привезла кое-какие вещи, постель, узлы. Все это было уложено на арбе, к которой была привязана корова. Выглядела Джаннат немного получше, хотя по-прежнему была молчаливой и задумчивой.

Зато Икрамджан похудел еще больше, а степной ветер словно задубил его и без того окаменевшее лицо, покрытое морщинами, точно саксаул. Он по-прежнему мало говорил с людьми, а если говорил, то лишь о работе, вскидывал кетмень на плечо и шел в поле, а возвращаясь, тут же забирался в палатку. Низамджан трудился за двоих от зари до зари. Теперь его уже все знали и относились как к своему. Старики хвалили его и желали долгой жизни. Только Икрамджан молчал — он и не хвалил, и не ругал его, постоит, бывало, посмотрит и пойдет дальше.

Когда приехала тетушка Джаннат, Низамджан построил себе шалаш вблизи от своего участка и перенес туда свою постель. Втроем им стало тесно в палатке. Тетушка Джаннат привезла разную утварь, весь день копошилась по хозяйству, и было приятно смотреть на ее по-домашнему спокойные движения. Вскоре приехали и другие семьи с детишками, домашним скарбом, и степь огласилась женскими голосами и ребячьим смехом. Теперь в безлюдной степи вырос настоящий городок.

Осмотрев шалаш Низама, Икрамджан покачал головой:

— Плохо, сынок, что ты на отшибе. Лучше перебирайся поближе к палаткам.

Низамджан не стал возражать, — действительно, здесь было тоскливо, а ночью даже страшновато. Но шалаш все же не перенес, а снова молча отправился в поле. Работал он почти не отдыхая. Он вскопал уже три с половиной гектара.

Был полдень. Со стороны палаточного городка доносилось мычание коров, блеяние овец. Это напоминало Низамджану родной кишлак. Он выпрямился, обернулся и увидел зятя Зебихон. Тот нес на плечах сына. Вчера Низамджан сделал мальчугану змея, и они долго вдвоем запускали его. Сегодня, когда Низамджан пил чай, он увидел, что их змей зацепился за ветки дерева, и подумал, что придется делать новый. Туляйбай подошел и поставил сына на землю.

— Слушай, племянник, — обратился он к Низамджану, — надевал ты мне хлопот. Змей у него зацепился, так он вопит и работать не дает. Хотел я ему змея достать, да разорвал. Помоги, друг, а то от него покоя не будет.

Мальчишка крепко держался за отцовскую руку и сердито поглядывал из-под насупленных бровей.

— Из-за этого ты и расшумелся? — спросил Низамджан. — Чего же ты ко мне не пришел? Вот кончу работу, я тебе новый сделаю. Будем запускать. Идет?

— Мне сейчас надо. Сейчас, хочу сейчас!

— Видишь? Ты слыхал сказку о падишахе? Падишах спросил: есть ли на свете человек сильнее меня? Ему сунули в руки младенца — вот он сильнее. Ишь ты, падишах, — обратился Туляйбай к сыну, — сильнее всех в мире.

Он посмотрел на вскопанную Низамом землю и покачал головой:

— Слушай, парень, хватит. Ты что, трактор? Ну, вскопал, думаешь, это все? Тут еще полно дел. Разбивай участок на чеки.

Низамджан оглядел вскопанное поле и подумал, что действительно хватит. Нужно еще ровнять, подправлять, делать разбивку на чеки. А сынок Туляйбая тянул его за рукав и хныкал. Низамджан положил кетмень на межу и пошел к палаткам.

Зебихон с сестрой месили тесто для лепешек. Увидев Низама, Зебихон встала, одернув подоткнутое платье.

— Я же сказала вам, — обратилась она к зятю, — это и есть главный мастер по змеям. — Она засмеялась. — Сделайте ему змея, пожалуйста. — насмешливо посмотрела она на Низамджана.

— Хорошо.

Низам достал нож и начал обстругивать камышину. Мальчишка, суетясь, помогал ему — приносил бумагу, нитки. Туляйбай стоял и смотрел на Низама, который с таким удовольствием возился со змеем, словно был чуть старше его сына. Мальчишка радостно щебетал что-то.

— Я хотел свою кошку привезти, а мама не разрешила, по руке меня ударила. А у Исмаила родилась сестричка. В доме тети Джаннат теперь русская тетя живет. Сын ее так здорово по-русски говорит.

Туляйбай слушал эту болтовню сына и улыбался.

Вдруг мальчик доверчиво шепнул Низамджану:

— А сын тети Джаннат дезертир, да?

Тулянбай схватил сына за ухо и потянул так, что ухо сразу побагровело. Мальчик сквозь слезы взглянул на отца:

— За что?

— Сейчас же замолчи, паршивец.

Шмыгая носом и держась за ухо, мальчик встал.

— Если ты еще раз посмеешь повторить эту глупость, так и знай, уши оборву тебе. Понял?

— Понял. Не буду больше.

Тулянбай резко повернулся и ушел. Низамджану стало жалко мальчишку...

— Зачем ты говоришь глупости? Никогда больше этого не говори.

— Так он же и взаправду дезертир. Все мальчики говорят. Азизхан-ота герой, а Турсунбай дезертир.

— Хватит, — проговорил Низамджан. — Отец сказал тебе, что уши оборвет, а я тебе никогда больше змея делать не буду. Поклянись, что никогда больше не скажешь этого, тогда будем друзьями.

— Клянусь.

Змей был готов. Мальчик достал палочку с нитками из кармана и стал прилаживать к змею.

— Я только тебе еще один секрет скажу, самый, самый последний. Тетя Зеби теперь не выйдет за Турсунбая. Я сам слышал, она маме говорила. А почему, а?

И, схватив змея, мальчуган забыл о секрете и побежал к дереву.

«Значит, Зеби была невестой Турсунбая?» — подумал Низамджан.

Икрам стоял у палатки, глядя, как змей бьется на ветру, поднимаясь все выше и выше. И Низамджан смотрел на старика и думал, какой он несчастный. Даже мальчишка может сделать ему больно. А Зебихон? Она должна была стать его невесткой. Теперь у него нет ни сына, ни невестки. И не будет. Кто знает, о чем он думает сейчас, глядя на этого змея, трепещущего в небе.

Тетушка Джаннат привела корову. Низамджан ощутил знакомый с детства запах — запах горячего хлеба. Он обернулся. Зебихон, снова подоткнув платье, вытаскивала из тандыра лепешки и бросала в плетенку. От огня лицо ее покраснело и слегка припухло. Засучив рукава и натянув толстый нарукавник, чтобы не обжечься, она встряхнула головой, пытаясь отбросить назад косичку, потом беспомощно оглянулась, увидела Низамджана и улыбнулась.

— Пожалуйста, не считите за труд, помогите мне, а то волосы сожгу.

Низамджан быстро подошел и, словно выполняя приказ, отвел рукой косичку. Отвел так осторожно, точно это была не косичка, а змея, которая вот-вот ужалит. Низамджан подержал в руках эту змею и осторожно опустил ее на спину девушки. И тут он снова почувствовал какой-то необыкновенный запах. Неужели волосы мо-

гут так пахнуть? Он постоял с минуту и только тогда отошел. Что же это за запах? Как странно могут пахнуть волосы. Очень странно!

Зебихон вынула лепешки, заложила в тандыр ветки и снова улыбнулась Низамджану:

— Ну, пробуйте.

— Что? — не понял Низамджан.

— Лепешки пробуйте.

Низамджан отыскал в плетенке подгоревшую лепешку, отломил кусочек и положил в рот.

— Вы замечательный пекарь. Очень вкусно.

Тулянбай принес кумган и сунул его в тандыр. На них он не обратил внимания. Низам постоял еще немного и решил идти в свой кишлак. Тетушка Джаннат гнала корову к камышам.

Интересно, зачем это она на ночь глядя гонит туда корову?

Сначала Низам хотел пойти за ней, но услышал гул мотора, остановился. Впервые за все время, пока они жили здесь, он услышал этот гул. Все смотрели на дорогу. Показалась грузовая машина. Гремя, она подкатила к деревьям и остановилась. В кузове были дети, женщины, было даже три коровы. Наконец появился Тога.

Низамджан долго смотрел на прибывших. Кроме председателя, все были незнакомые.

Икрамджан поздоровался с председателем и повел его к деревянному настилу.

— Ну, как дела? — спросил Тога, садясь. — Вот мы и автомобильную трассу открыли. Через недельку пришлю трактор. Госпиталь решил здесь поблизости открыть подсобное хозяйство. Каждую неделю будут ездить на своих машинах работать. Хотят посеять дыни и арбузы.

Икрамджан начал было рассказывать о работах, но Тога встал и попросил показать поля.

— Чего рассказывать, когда посмотреть можно, — сказал он.

Они пошли вдвоем к полям, и Тога заметил Низамджана.

— Ну как, парень, тебя здесь не обижают?

Низамджан молчал, не зная, что ответить.

— Парень молодец, — ответил за него Икрамджан. — Здорово работает. Ну-ка пошли, покажи свой участок председателю.

Низамджан пошел за ними. Тога осмотрел все поля, и видно было, что он доволен.

— А вот это поле Низамджан вскопал.

— Да не может быть!

— Точно. Он и ночью вставал потихоньку и бежал сюда.

Тога похлопал Низамджана по плечу:

— Спасибо, племянник. Работаешь по-фронтному.

Низамджан улыбнулся. Вот эти-то слова он и хотел услышать. В первый же день, как приехал сюда, в пустыню, он поклялся себе работать по-фронтному. И теперь он услышал от председателя подтверждение, признание своего труда.

— Молодчина! Будет из тебя толк. Так держать, парень.

Из камышовых зарослей вышла тетушка Джаннат, погоняя корову. Низамджан подошел к ней, взял из рук веревку. Глаза у тетушки Джаннат были красные, заплаканные, на лице написана печаль. Шла она сгорбившись и, казалось, не видела ничего вокруг.

«Наверно, ходит сюда плакать, чтобы люди не заметили», — подумал Низамджан.

Назавтра он увидел ее уже после обеда. Она снова шла в туган, словно прячась от людей. В руках у нее был узелок.

Куда она ходит? Что там делает? Низамджан ничего не мог понять.

VIII

Тога остался на ночь в Наймане.

Вечером включили приемничек Икрамджана и слушали допоздна. Икрамджан, как обычно, хотел было выключить приемник, но Тога запротестовал:

— Чего ты экономишь, давайте послушаем концерт, а о батарейках не беспокойся, у раненых в нашем госпитале полно разных батареек. Достану сколько хочешь.

Икрамджан не возражал. Впервые со дня приезда в пустыне люди слушали музыку.

Обычно Низамджан вставал на рассвете. И ложился рано. Но сейчас он не ушел, ему тоже хотелось послушать концерт.

Передавали песни на слова Навои. Люди сидели не шевелясь. Однако Низамджан не досидел до конца. Он вышел из палатки, взял один из фонарей, что стояли в ряд под деревом, зажег его. Около палатки Тулянбая Зебихон с сестрой о чем-то шептались.

— Спать идете? — спросила сестра Зебихон. — Ведь еще рано. А вам не страшно в своем шалаше далеко от людей?

Низамджан остановился. «Наверно, Зебихон ей все рассказала», — подумал он. Он стоял молча, не зная, что ответить этой женщине, а та тем временем протянула ему пиалу чая.

— Присаживайтесь, Тулянбай-ака еще долго пробудет там с председателем, а мы здесь одни скучаем.

Низамджан сел поодаль.

— Зеби мне все рассказала о вас. Что же вы теперь думаете делать?

Низамджан укоризненно взглянул на Зебихон. Глаза ее словно говорили: от сестры у меня секретов нет.

— Вы не вернетесь к отцу? — продолжала жена Тулянбая.

— Я еще не думал об этом. Наверно, нет. Не хочется. Вы спрашиваете, как я дальше собираюсь жить? Сами видите. Останусь здесь. Как вы все, так и я. Нет, не собираюсь я уходить отсюда.

Низамджан вернул ей пустую пиалу и встал. В палатке заплакал ребенок, и женщина поспешно ушла.

— Подождите, — сказала Зебихон, — я провожу вас.

Они медленно пошли. В темноте показался шалаш Низамджана. Луна еще не поднялась, и степь была совершенно черной. Свет фонаря освещал лишь небольшое расстояние.

— Вот что я хотела у вас спросить, — голос Зебихон дрогнул. Низамджан с тревогой повернулся к ней. — Тетя Джаннат вам ничего не говорила?

Юноша удивленно пожал плечами:

— А что она должна сказать мне?

— Сама не знаю. Мне показалось, она вам говорила обо мне.

Они снова пошли молча. Вдруг Низамджан вспомнил, что племянник Зеби сегодня днем, когда они мастерили змея, сказал про «еще самый последний секрет».

Подошли к шалашу. Низамджан смотрел на девушку, на ее красивые черные брови, стройненькую фигурку и невольно любовался ею. Свет фонаря тускло освещал ее. В темной степи она казалась прекрасной феей, лишь на мгновение явившейся сюда, чтобы снова исчезнуть.

— Вы хотите знать, о чем говорила тетя Джаннат? Ничего она не говорила. Я сам знаю, что вы любили Турсунбая.

— Откуда вы знаете?

— Да ведь об этом все знают, даже дети. Ведь я вам все рассказал о себе. А вы? Вы не стали рассказывать. Я сам узнал.

— А вам обязательно нужно было узнавать? — Зебихон пристально посмотрела на него.

Низамджан снова пожал плечами:

— Я никогда в жизни не интересовался чужими делами. Честное слово, я и сам не знаю, почему заинтересовался вашей жизнью. — Он задумался и замолчал. — Простите меня. Больше я не стану интересоваться. И постараюсь не попадаться вам на глаза. Такой уж я невезучий. Да, не везет мне, — повторил он. — Вы не сердитесь, но нам нужно держаться подальше друг от друга. Ведь между нами ничего нет, а люди подумают... будут о вас судачить...

Зебихон подняла на него удивленный взгляд:

— Что с вами? О чем это вы? Ничего не понимаю.

Но Низамджан никак не мог объяснить ей того, что чувствовал. «Еще рассердится, — думал он. — Но ведь и в самом деле между нами ничего нет». Он ни словом не обмолвился о том, что чувствовал.

— Не обидитесь? Икрамджан-ака и тетя Джаннат приютили меня, относятся ко мне, как к родному сыну. Я не хочу, не могу их огорчить.

— Чем же вы можете их огорчить?

— Пока еще ничем. Ну, так и быть, все скажу. Я только сегодня узнал, что вы — невеста Турсунбая. Если до тети Джаннат или Икрамджана-ака дойдет слух, что мы с вами бываем вместе, им будет неприятно. Ведь вы для них почти дочь.

— Ах, вот в чем дело! Мы бываем вместе? Ничего в этом особенного нет! Просто я хорошо к вам отношусь.

Но по глазам Зеби было видно, что она говорит неправду. Низамджан набрался смелости:

— Вот и чудесно. Я тоже к вам хорошо отношусь. Спасибо.

Зебихон сама поняла, что сказала что-то не то. Она нахмурила брови и сморщила лоб.

— Кто боится воробьев, не сеет просо. Слыхали такую поговорку? — спросила она.

— Слыхал, но Икрамджан-ака не воробей.

— Конечно. Икрамджан-ака не воробей. А вот Турсунбай... Воробей и тот, наверное, храбрее его.

— Когда обожжешься на молоке, дуешь и на воду, — подхватил Низамджан.

Он хотел сказать, что вот любил Дильдар и чувство это обернулось против него. Но Зебихон поняла его слова по-своему. Она насмешливо взглянула на Низамджана:

— Значит, ваша Дильдар молоко, а я простокваша?

— Нет, нет, — Низамджан поморщился. — Я совсем другое имел в виду. Я о себе говорю.

Но Зебихон холодно посмотрела на него. Никогда женщины не признают себя побежденными. Они всегда победительницы. Ее задела слова Низамджана. Ведь всегда получается так: чем сильнее показываешь свое расположение к женщине, тем холоднее она к тебе относится.

Зебихон хотелось, чтобы Низамджан ходил за нею как тень. И она сама сделала первый шаг.

Ветер зашевелил камыши, растрепал волосы девушки, и они закрыли все ее лицо. Она повернулась и тихо пошла прочь.

«Какая красивая», — думал Низамджан.

Поднялась луна, круглая, как кашгарское глиняное блюдо. Издали казалось, что луна приютилась на плече Зебихон. Удаляющаяся фигурка девушки была теперь залита белым светом. Она неторопливо шла к палаткам, и Низамджан видел ее всю — и волосы, рассыпавшиеся по плечам, и безрукавку, подчеркивающую тонкую талию. Он смотрел ей вслед, и ему чудилось, будто все это сон. Он вошел в шалаш, лег и погасил фонарь.

Ветер шуршал в камышах. Где-то завыл волк. Из палаток глухо доносились голоса людей. В степи безраздельно царствовали сейчас лягушки.

Низамджан поворачивался с боку на бок и все не мог заснуть. Он думал о Зебихон, клял себя, заставлял себя не думать о ней. Уснуть ему так и не удалось. Он встал, оделся, взял кетмень и вышел. Внимательно оглядел свое поле, увидел бугорки и ямы и решил разровнять его.

Было прохладно. Низамджан не спал, и движения его поэтому были медленные, неловкие. Но уже через полчаса он разогрелся, снял теплую фуфайку, положил ее на межу, и дело пошло попро-

ворнее. Он старался ни о чем не думать — ни об Икрамджане, ни о Зебихон, ни об их разговоре. Близился рассвет, а Низамджан уже разровнял большую часть поля. Светлел горизонт. Поставив кетмень, парень присел отдохнуть. Он смотрел на легкие облачка, медленно плывущие по небу. Неподалеку что-то зашелестело. Он обернулся и увидел тетушку Джаннат, быстро направлявшуюся к камышам.

Что она делает здесь так рано, когда еще все спят?

— Тетя, — окликнул Низамджан.

Она обернулась, но не разглядела его и бросилась бежать. Через минуту она уже скрылась в камышах.

Удивленный Низамджан хотел было пойти за ней, да передумал. «Подожду ее здесь», — решил он. Он подошел к своему шалашу, положил на землю свои камыши и прилег. Он смотрел, как наступает рассвет.

Низамджан задремал, но вдруг сквозь сон ясно услышал голос Икрамджана:

— Ты чего здесь лежишь? Почему не в шалаше?

Низамджан встал, протер глаза.

— А я в кишлак еду. Вечером партсобрание. На машине с председателем поеду. Слушай, ты мою бритву не брал? Хочу побриться, смотри, как оброс.

Низамджан сказал, что не брал.

— Кто же мог ее взять? Все утро ищу. Нигде нет.

Солнце уже взошло. Низамджан вместе с Икрамом пошел к палаткам завтракать. Тетушка Джаннат сидела у очага и мелко рубила ветки. Низамджан подошел к ней.

— Зачем вы так рано ходили в тугай? — спросил он.

Тетушка Джаннат испуганно посмотрела по сторонам, не слышал ли кто его слов. И ответила глухо:

— Дровишки собирала. Там много сухих корней. Корни хорошо горят, сынок, лучше, чем саксаул. Иди пей чай, все уже позавтракали.

Действительно, она рубила корни и складывала их около очага.

Тога уже сидел в машине и ждал Икрама, а тот все еще шарил в палатке — искал бритву.

Тога посигналил.

— Что ты там замешкался? — закричал он. — Я ведь не собираю тебя женить в кишлаке. В парикмахерской побреешься.

Икрамджан вышел из палатки и остановился около жены:

— Ты тоже хотела съездить в кишлак.

— Нечего мне там делать сейчас, поезжайте.

Она не смотрела в глаза мужу.

Со стороны песков показались два всадника. Тога приложил ко лбу руку козырьком и прыгнул с машины.

— Маршалы едут, — сказал он.

Икрамджан тоже посмотрел туда, и они вдвоем направились навстречу всадникам.

Низамджан слышал их разговор.

«Какже еще маршалы сюда едут?» — удивился он. И не отрывал взгляда от всадников, пока они не подъехали.

Один из них, мужчина лет под шестьдесят, был в киргизском малахае и распахнутом у ворота яхтаке, второй — небольшого роста, голубоглазый. Они спешили и поздоровались с председателем и Икрамджаном. У них начался какой-то длинный разговор. Тога посмотрел на часы и подозвал Тулянбая, стоявшего у палатки. Тулянбай подошел, взял лошадей за поводья и увел их за деревья. Тога пригласил гостей к настилу. Увидев замешкавшегося Низамджана, сказал:

— Да вот и он сам.

Гости дружно взглянули на парня. Подошел Тулянбай.

— Тулян, — сказал Тога, — мне надо ехать. Прими уж гостей сам. А утром я вернусь, тогда и продолжим разговор. Пошли, Икрам.

Он прижал руку к сердцу, извиняясь перед гостями, и улыбнулся.

Низамджан не понял, зачем Тога показал на него гостям, почему назвал их маршалами. Подошла Зебихон и поставила перед гостями поднос с сушеными фруктами. Сестра ее разжигала очаг.

Тога и Икрамджан уехали. Гости весь день бродили по степи. Вернулись они лишь под вечер. Видно было, что они сильно устали. Один из них, тот, что с усами, прилег на настил и тут же захрапел. Его разбудил Тулянбай, приглашая на ужин. Низамджан ушел в свой шалаш. Лег и тут же уснул. Утром, когда Низамджан проснулся, Тога, Икрамджан с гостями ходили по его участку. Тот, что был в киргизском малахае, воткнул свою палку в землю. Низенький взял горсть земли, помял ее и что-то сказал председателю, показывая на камыши и пески. Они подошли к самому шалашу Низамджана, и Тога положил листок бумаги прямо на землю, расправил его. Это была карта Язъявана.

Над картой снова начался длинный разговор.

— Ладно, маршал, так и сделаем! — сказал Тога.

Низенький раскинул руки, словно хотел обнять всю степь.

— Мы уже шесть дней ездим. Почти все земли разделили. С того края — Алтыарык, Кува, Ташлак, с этого — Бувайда, Риштак — уже тысяча гектаров освоено. Через месяц ваша очередь подойдет — приедут из Нефтепрома, выроют вам артезианские колодцы. На семумском заводе лежит ваш шифер. Поезжайте, возьмите наряд в штабе. Если что нужно, занесите в список. Постараемся сделать все, что в наших силах.

Он замолчал и взглянул на Низамджана.

— Как-то нехорошо получается, — сказал он. — Что-то, Тога, на тебя непохоже. Смотри, как одет твой передовик, непременно впиши в список сапоги. Выдадим.

Низамджану стало неловко, что он попался маршалам на глаза и председателя из-за него упрекнули в нерадивости. Тога свернул

карту, и они пошли. Низенький, проходя мимо Низамджана, улыбнулся:

— Молодец, братец. Спасибо!

Низамджан не ответил. Он стоял и смотрел им вслед, — вот они поравнялись с ивами. Маршалы оседлали лошадей и отправились в обратный путь.

Тогда тоже смотрел им вслед, а когда они скрылись из глаз, сел в грузовую машину, привезшую керосин, и укатил в кишлак.

Икрамджан присел на настил и начал отстегивать протез. Низамджан подошел к нему.

— Кто же они все-таки? — спросил он.

— Стенные маршалы, — серьезно ответил Икрамджан. — Ахунбабасв их так назвал. Один — начальник штаба освоения земель в Язьяване, второй — ведает всем строительством в пустыне. Понял? Заслуженные и опытные люди. Еще на Ферганском канале отличились. Вот так-то, сынок. Слышал когда-нибудь об Амане-палване? А о Туппонче-палване?

Низамджан промолчал.

— Кони у них хорошие, — сказал он. — Прямо как в цирке.

Икрамджан с улыбкой посмотрел на него.

IX

Тетушка Джаннат упорно отказывалась теперь ехать в кишлак. Сердце ее было здесь, в степи. Конечно, она не зря ходила в тугай с узелком. Там скрывался Турсунбай. Никто, кроме нее, не знал об этом.

Вчера ей бросилось в глаза, что сын оброс, давно не стрижен, грязный. И она понесла в тугай бритву мужа.

Икрамджан уехал в кишлак. Теперь она может отлучиться и в обеденное время, отнести сыну еду. Все ушли в поле. У палаток — никого. Тетушка Джаннат быстро взбила яйца, добавила муку, соль, поджарила омлет, завернула в узелок и, взяв в руки небольшой топорик, отправилась в тугай.

Турсунбай сидел у камышового шалаша в глухом месте, в самой чаще, обхватив руками колени. Он стал похож на нищего. Он давно ни с кем не говорил, не знал, что делается на свете, давно не мылся, и его истрепавшееся грязное пальто заменяло ему и матрац и одеяло.

Его красивые когда-то глаза, которые так нравились девушкам, смотрели теперь уныло, равнодушно.

Вчера на рассвете над камышами пролетали журавли. Турсунбай не спал. Журавли напомнили ему о многом. Они принесли на крыльях весну, но даже весна не растопит лед в его сердце, не разогреет кровь. К нему весна не придет. Каждый день он издали, из своего укрытия, видит работающих людей. Почти всех он знает. Только один парень чужой. Кто это?

Уже второй день Турсунбай видел Зебихон с этим незнакомым

парнем. Она долго говорила с ним на песчаном холме. Турсунбай даже слышал ее голос. Слышал, а окликнуть не мог. Может быть, если бы она была одна, он бы подошел к ней, попросил принести еду. Но она никогда не приходила сюда одна.

Когда-то Турсунбай слышал рассказы о прокаженных. Туда, где они живут, запрещено ходить людям, и их не выпускают из-за ограды. Он тоже живет сейчас как прокаженный. Над его шалашом пролетают утки, неподалеку бродят дикие кабаны. Он должен жить здесь, не видя людей, один. И сколько еще придется жить так? Кто знает. Возможно, этот вопрос и возникал у него, но он гнал его прочь. Он чего-то ждал. И сам не знал чего.

А ждал он не рассвета, не судьбы, прежде всего он ждал еды, которую приносила мать. Пожалуй, у него и не осталось иных желаний.

Когда тетушка Джаннат подошла к камышовому шалашу, Турсунбай не шевельнулся. Потом торопливо взял у нее из рук узелок, развязал его и, глядя в одну точку, не произнес ни единого слова, стал есть. Казалось, он давным-давно не видел еды, так жадно он глотал, почти не разжевывая, пищу. И облизал замасленные руки. Мать смотрела на него, и слезы текли по сморщенным щекам. Наконец Турсунбай вытер руки о полу все того же многострадального пальто и посмотрел на мать.

— Отец ничего не знает? — спросил он. — Смотри не проговоришься. Он меня тут же выдаст.

— Отец без ноги... — начала было тетушка Джаннат.

— Знаю, знаю, — перебил Турсунбай, облизывая губы.

— На сына Раимберди похоронная пришла, он от жены скрывает.

Турсунбай сидел, потупив голову. С сыном председателя они были когда-то друзьями. Учились в одном классе.

— Азизхан стал Героем, — продолжала тетушка Джаннат.

Турсунбай махнул рукой и отвернулся. Он снова потупился и умолк.

— Вот такие дела, сынок. А мы-то думали, что ты тоже героем будешь.

Турсунбай молчал. Потом жалобно проговорил:

— До чего хочется крепкого зеленого чая.

— Но как же я могу принести? Кто-нибудь увидит. Хотела принести тебе кумган, но ведь все равно ты вскипятить не сможешь. Не дай господь, еще увидят дым.

Турсунбай встал и потянулся, рубашка распахнулась, и мать увидела его грязное тело.

— У тебя и рубашка-то грязная.

Она почувствовала запах застоялого пота и снова залилась слезами.

— А ты мне чистую принеси.

— Боюсь. Если отец заметит, то... А мне, как на грех, нездоровится последние дни. Малярия мучит. Если он меня ушлет в киш-

дак, пропадешь ведь здесь. Ночью боюсь застонать и почти не сплю. Господи, горя-то, горя сколько!

Турсунбая не тронули ее слова. Он думал о чем-то своем.

— Заболела я, сынок, — повторила тетушка Джаннат. — Хоть бы не умереть, а то...

— Кто вон тот парень? — перебил ее Турсунбай.

— Твой отец привел его к нам. Он хорошо работает... Ноги у меня совсем ослабли.

— Завтра побольше еды принеси.

— Ладно. Лишь бы отец не заметил, что я больна, не дай бог отправит в кишлак.

— И сапоги принеси, а то я все ноги ободрал.

— Где же я сапоги возьму? Отец заказывает только один сапог. У него ведь одна нога. Сегодня он искал бритву, а я ее тебе приносила. Ах да, я ножницы принесла, сынок, давай подстригу тебя.

— Не надо, лучше сапоги принеси.

Говорили они недолго. Тетушка Джаннат брела домой, а на сердце у нее была такая тяжесть, точно она своего ребенка похорила.

Турсунбай остался один. Снова холодное, размеренное шуршание камышей, снова невыносимо однообразное кваканье лягушек.

Над головой — синее небо, вокруг — высушенный желтый камыш. Турсунбай пошел по той тропинке, по которой ушла мать, и приблизился к полю. Оглядевшись, он осторожно высунул голову из камышей.

Тот незнакомый парень возится на поле. От пота его обнаженное до пояса тело блестит, как только что вычищенный самовар. На меже, подбоченившись, стоит Зеби. Парень не смотрит на нее, а она громко смеется. Смех этот, словно выстрел, отдался в ушах Турсунбая. Ветер сорвал косынку с ее головы, и она, сползая, обвилась вокруг ее плеч. Турсунбай обнимал эти плечи, целовал эти смеющиеся губы. Когда это было? Где-то в другой жизни. Их разделяют сейчас двести метров. Если он побежит, через минуту будет рядом. Но нельзя ни крикнуть, ни добежать. Их разделяют тысячи километров, их не преодолешь, не долетишь, даже если будешь лететь всю жизнь. Зеби налила из кумгана в глиняную чашку чай и подала парню. Тот отложил кетмень и стал пить, глядя на нее.

Турсунбай сглотнул слюну. Он пил из луж соленую, противную воду и уже забыл вкус чая. Сейчас кумган в руках Зеби стал ему дорожке самой Зеби.

Тетушка Джаннат вышла из тугаев с охапкой корней. Согнувшись под тяжестью ноши, она еле волочила ноги. Парень подбежал к ней и взял из ее рук дрова. Она беспомощно опустила на землю. Турсунбай все видел. Этот незнакомый парень показался ему сейчас на редкость уродливым и злым; казалось, именно он посягает на любовь его матери. Это он крадет у него мать.

Парень взвалил на плечо вязанку дров и быстро пошел к палаткам. На поле остались тетушка Джаннат и Зеби.

Турсунбай шагнул было из своего укрытия, но что-то удержало его, он снова юркнул в камыши. В сердце его кипели гнев и досада на Зеби. А она, бережно поддерживая тетушку Джаннат, осторожно повела ее к шалашу Низамджана, усадила на сноп камыша, пода-ла ей чай. Мать поднесла пиалу к губам, но не стала пить, а жалобно посмотрела в сторону камышей.

Ей хотелось отнести чай сыну. Турсунбай снова сглотнул слюну. Как хорошо знал он свою мать. Конечно, она отдала бы ему чай. Она всегда все отдавала ему, а он брал, он привык брать, ни о чем не думая.

Вернулся парень. Он что-то сказал тетушке Джаннат, она покачала головой, тяжело поднялась и, сгорбившись, пошла к палаткам. Зеби и парень остались одни. Зеби подняла с земли фуфайку, встряхнула и накинула ему на плечи. Турсунбай задрожал. Руки его сжались в кулаки. Кто-то застучал камнем о железку. Громкий звон разлился по всей степи. Повар сзывал людей на ужин. Эти двое тоже направились туда. Зеби шла рядом с незнакомым парнем, а он держал ее за руку. Турсунбай видел все. Он забыл и о голоде, и о жажде. Он был как помешанный, не разбирая дороги, увязая в болоте, брел в свой холодный шалаш, напоминающий волчью конуру. Он отказался от всего на свете, но от Зеби отказаться не мог. В нем все еще жила надежда на встречу с ней — смутная, неясная, но он не в силах был расстаться с этой надеждой. А теперь он лишился и ее. Последнего, что еще связывало его с той, прошлой жизнью. Он постоянно думал о ней, о своей Зеби, видел ее — сказочную, прекрасную, мысленно целовал ее.

Все кончено! Нет теперь ничего, что было бы дорого. Ничего! Что ж, проживем и без этих чувств. Он предал родину, предал мать, обрек себя на существование зверя, — значит, можно прожить и без любви...

Х

Пожалуй, нигде не бывает такой весны, как в степи. Ясное голубое небо вдруг окутывают свинцовые тучи. Льет дождь. Гремит гром. Молнии словно мечом рассекают небо и освещают степь до самого небосвода.

Люди бегут под крышу. Но, еще не добежав, видят, как на небо выкатывается сверкающее солнце. Уже веет теплый ветерок. Он несет с собою аромат трав, только еще пробившихся из-под земли. Полнеба опоясывает лучистая арка-радуга. Ее пестрые краски, напоминающие оперение бекаса, еще долго видны над степью. Порою солнце светит, а дождь льет. Старики говорят, что это волчий дождь, — выводятся волчата. В Наймане как раз выдалась такая весна. Люди жили здесь уже два с половиной месяца. И уже вскопали много земли, очищенной от камышей. Низамджан, трудившийся так же рьяно, как в первые дни, уже начал боронить свой участок. Корни камыша, цепляющиеся к бороне, он собирал и складывал в

кучу. Работая, он думал о Зибихон. Неделю назад она уехала в кишлак помочь шелководам. Тетушка Джаннат еле двигается. Временами ей бывает совсем плохо. Икрамджан от зари до зари в поле.

Тетушке Джаннат не ложится. Часто она приходит сюда в поле, хотя еле передвигает ноги, — приносит чай. И сколько бы Икрамджан ни упрашивал ее полежать, сколько бы ни сердился, она встает и тащится сюда. Полежит день-два и снова берет кумган и идет. Потом заходит в заросли — набрать корней.

— Ну зачем тебе эти корни? — возмущается Икрамджан. — Они ведь полые, от них огня нет, один дым.

Уговаривает ее и Тулянбай. Но тетушка Джаннат никого не слушает и упрямо собирает корни.

Она боится окончательно слечь. Что станет тогда с Турсунбаем, тревожится она. Вот уже неделю она не виделась с ним. В последнюю их встречу она сказала, что будет оставлять еду за рвом, — боится, что кто-нибудь пойдет за нею — ведь она едва ходит и все за нее беспокоятся. Уже два раза носила она за ров еду.

Сегодня все в поле. Пришла пора разбивать землю на чеки. Если в три дня справятся, начнут рыть арык от канала. Тетушка Джаннат не помнила себя от радости. И как только все ушли, она с трудом поднялась и разожгла огонь. Сварила плов, хотя дома не было ни кусочка мяса, и быстро, чтобы ее не застал за этим занятием муж, сложила еду в миску, налила кипяток в грелку, прихватила с собою щепотку чая и побрела обходным путем к камышам. Грелка, привязанная платком к пояснице, жгла ее, но она терпела и едва плелась, с трудом переставляя ноги.

«Господи, господи, за что же такая мука?» — шептала она. Не о себе думала она, не о том, что больна и немощна, а о сыне, о его жизни. Она вошла в камыши, постояла немного, огляделась и развязала грелку. Затем расстегнула жакет, и теплый ветерок тут же ласково обдал ее.

Все время тетушка Джаннат думала о сыне, о муже, о страшной своей участи. «Нельзя так больше, — твердила она, — нужно убедить сына. Повинную голову меч не сечет. Пусть идет на фронт. Я скажу ему, что, если он не согласится, приведу отца, пусть решает отец». Она пошла на этот шаг, желая спасти сына.

Тетушка Джаннат приблизилась к шалашу Турсунбая и испуганно вздрогнула. Он всегда ждал ее здесь. А сейчас тут никого нет. Она заглянула в шалаш. Турсунбай лежал с закрытыми глазами. Трепеща, она бросилась к сыну. Он открыл глаза и зло посмотрел на мать.

— Что с тобой, сынок?

Турсунбай резко сел и тут же снова лег, сразу ослабев.

— Что с тобой, ты болен?

— Я целую неделю не ел.

— Но я же два раза еду приносила и оставляла там, за ямой.

— Там только пустые миски.

Забирая пустые миски, тетушка Джаннат удивлялась, что они

вывалены в песке. Но, зная привычки сына, она думала, что Турсунбай, поев, швырял их в песок. И не обращала на это внимания. Значит, то, что она готовила украдкой, прячась от мужа, доставляла сюда с таким трудом, поедали звери. Тетушка Джаннат торопливо развязала узелок. Турсунбай сунул в миску грязные дрожащие пальцы. Он глотал целые куски, не разжевывая, давился и в мгновение опорожнил миску. Она налила ему в глиняную чашку горячего чая из грелки. Турсунбай выронил из рук протянутую матерью пиалу. Глаза его помутнели, и он опустил голову на колени матери. От него пахло давно не мытым телом, грязной одеждой, но мать прижала к сердцу голову сына и тихо гладила его слипшиеся волосы.

— У тебя тоже малярия, сынок. Пойдем отсюда, я пришла за тобой.

Турсунбай застонал.

У тетушки Джаннат потемнело в глазах. Она стянула платок с головы, с трудом поднялась и вышла из шалаша. Окунув платок в лужицу, она вернулась и положила его на голову сына. Он, не открывая глаз, продолжал стонать. А она гладила его лицо и плакала.

Вот и развеялись по ветру все ее мечты. А сколько их было, светлых, разных. Она плакала и вспоминала всю жизнь сына: сколько радости было, когда он делал первые неуверенные шаги. А какое счастье охватило ее, когда он сказал первое свое слово — мама. Как сильно колотилось у нее сердце, когда она стояла у калитки, а муж, посадив сына на плечи, отправлялся с ним погулять в центр кишлака. Какое же это было счастье, ни с чем не сравнимое счастье. Она вспомнила, как сын пошел в первый класс. Отец заказал ему сапожки со скрипом, и она неумело подкрахмалила сыну белую рубашку — кто же в кишлаке крахмалит! До сих пор помнит она то утро, когда он, надев эту хрустящую рубашку, побежал в школу, поскрипывая сапожками. Никогда в жизни не будет у нее больше такого счастливого утра.

Турсунбай бредил: «Где мое пальто, мама, новое пальто. Зеби, Зеби, кто это стучит, не открывай. Вот и яблоки спели. Вон идет. Не трогай мой велосипед. Помоги снять сапоги. Я не буду это есть. Где Зеби?»

Мать плакала. Она чувствовала, как сердце ее медленно рывается на части. Что делать, что же делать? Как спасти сына? Неужели все кончено? Неужели ничего нельзя сделать? Ее сын изгнанник. Все двери перед ним закрыты. Его приютили лишь эти заросли, этот шалаш. Но и сюда придут люди. Мать плакала. «Аллах, — шептала она, — неужели и ты отказываешься помочь, неужели я так грешна перед тобою?» Она не помнила, сколько времени просидела так.

Уже стемнело, поднялся ветер, и камыши гудели вокруг. Тетушка Джаннат услышала, что ее зовут. Голос доносился издалека: «Джанна-а-ат». Она прислушалась. Голос все звал ее. Тетушка

Джаннат поднялась. В темноте она не видела лица сына. Она нащупала его голову, приложила руку ко лбу — чисто огонь.

Что же делать? Оставить больного Турсунбая? Что с ним будет? Остаться? Ее найдут. Она так и сидела, прижав руку ко лбу сына. Голос, зовущий ее, приближался. Она быстро вышла из шалаша и увидела невдалеке несколько светящихся точек — фонари. Ее искали. О ней тревожились, ведь она еле ходит. Тетушка Джаннат из последних сил бросилась навстречу людям. И наткнулась на Низамджана. Он встревоженно подхватил ее под руки.

— Где вы были? Мы решили, что случилась беда.

Она не ответила.

— Идите сюда! — закричал Низамджан. — Тетя Джаннат здесь.

Фонари начали приближаться. Подошел Икрамджан.

— Что с тобой? — взволнованно спросил он.

Она не ответила. Теперь у нее не было сил не только сделать хотя бы шаг, но и говорить. Она медленно опустилась на землю. И только руки ее были протянуты туда, где она оставила в шалаше своего больного ребенка. Низамджан поднял ее и отнес в свой шалаш. Она не шевелилась. Икрамджан поднес к губам жены пиалу горячего чая. Она не стала пить. Натянула одеяло на голову, закрыла глаза и больше уже не открыла их.

Утром Низамджан на лошади поспешил в кишлак — сообщить Раимберди.

Уже краснел горизонт, когда приехавшие колхозники понесли гроб. Низамджан, как положено сыну, шел впереди с палкой в руках и плакал. А единственный сын тетушки Джаннат бродил в камышах. Он видел, как несут гроб, но, лишь разглядев отца, подпоясанного траурным платком, все понял. Весь день он ждал мать. Она должна была принести ему еду. Неужели она умерла? Что же ему теперь делать? Кто принесет ему поесть?

Он не осознавал, что матери больше нет. Думал лишь о себе. Как же он будет жить? Что с ним теперь станет? Он не думал о том, что стоит в камышах и смотрит, как мимо несут в гробу тело матери. Не он хоронит ее, не он стоит у ее могилы. Он, как волк, выглядывает из зарослей.

Разве думала когда-нибудь мать, что сын не заплачет над ее гробом, не бросит в могилу горсть земли? Чужие люди несли ее гроб, а он стоял здесь и не имел права сделать хоть один шаг, чтобы приблизиться к могиле.

Садилось солнце. Весь горизонт был залит последними лучами. Люди возвращались с похорон с поникшими головами, с расстроенными лицами. Икрамджан шел, опираясь на руку председателя. Низамджан остался у могилы. Он сидел не шевелясь, не поднимая головы.

Солнце погасло. По небу теперь плыли огненные облака. Степь умолкла. Низамджан встал и медленно побрел к палаткам. Люди,

приехавшие на похороны, уже сидели в машине. Тога ждал Низамджана.

— Переходи сюда, не ночуй у себя в шалаше. Перенеси постель. И не оставляй Икрама одного.

Икрамджан сидел в палатке, не зажигая фонаря. Низам молча начал стелить постель. Икрам даже не обернулся. Юноша лег и сразу же уснул — уж очень намаялся за день. Проснулся он на расвете — Икрамджан все так же неподвижно сидел на том же месте. Что сказать ему? Как утешить? Никогда в жизни Низаму не приходилось никого утешать. Он подошел к Икрамджану, опустился рядом с ним и осторожно обнял за плечи. Икрамджан повернулся. На его обросших седой щетиной щеках сверкали капли слез. Низамджан тоже заплакал. В щель палатки пробивался первый солнечный луч.

Часть четвертая

I

В Чортераке поспел ранний урюк. Каждый день старый Иноят отправлялся на базар в Маргилан. В кишлаке уже поговаривали: урюк созрел, теперь Иноят-Джиноят не угомонится, пока все не продаст.

И действительно, не было у Иноята ни минутки отдыха. Во дворах колхозников все деревья усыпаны урюком. Продавать некому, везти далеко. А все мужчины на войне. Те, кто остался, заняты окучиванием хлопка. Женщины выходят в поле на рассвете и возвращаются в сумерки. Старухи возятся с шелковичными червями.

На весь кишлак лишь один свободный человек — Иноят. Он скупает у колхозников урожай прямо на дереве. Чуть не в полночь начинает снимать плоды и уже на рассвете, нагрузив осла, спешит на базар в Маргилан. А вечером подсчитывает прибыль. Помятые рубли проводит по боку горячего самовара — разглаживает и ровнехонько складывает в стопку. Но и убрав деньги, он не ложится. Надо пойти проверить, не воруют ли хозяева с дерева проданный ему урюк. И он ходит из одного двора в другой в мягких ичигах, чтобы не греметь галошами.

Сегодня он вернулся с базара поздно, усталый. Два раза прошел весь путь — от кишлака до Маргилана, подгоняя осла. Теперь он сидел и аккуратно склеивал разорванную тридцатку, отдыхал. Кто-то постучал в калитку. Иноят быстро прикрыл деньги чапаном и пошел открывать.

Почтальон протянул ему письмо и, ни слова не сказав, скрылся. Иноят читать не умел. Он не знал, от кого письмо, повертел его в руках и зачем-то поднес к лампе. Потом положил его рядом с собой и снова принялся считать деньги.

«А не извещение ли это о налоге?» — вдруг испугался Иноят и вновь взял письмо в руки. Базарком в последнее время как-то хмуро поглядывает на него. Много, ох много кляузников нынче развелось на белом свете.

С тех пор как Дильдар ушла к отцу, Иноят не оставлял вечером дом надолго. А уж в чайхану и вовсе не ходил. Он замотал деньги в тряпку, подвязал к пояснице и вышел на улицу. Ребята играли в прятки. Он посмотрел на них — кого бы позвать? — и крикнул крайнего:

— Слушай, ты сын Хаджакбара, да? Завтра тебе целую тубейку урюка дам, прочти-ка мне вот это. От кого?

Мальчишка взял письмо и прочел адрес на конверте.

— Это не вам, а тете Дильдар.

— А от кого?

— От дяди Низамджана.

Иноят вырвал конверт из рук мальчика и быстро пошел к дому.

«Дурак! Наконец-то опомнился, — думал он о сыне. — Надоело бродяжничать, решил за ум взяться. Все отец плох, а отец знает, что делает».

И снова перед глазами возник дом Дильдар с белой железной крышей, просторный двор и огромный кашгарский ковер, во весь пол, в той, большой комнате.

Иноят поглаживал бороду. «Пожалуй, лучше не вмешиваться. Пусть сами договорятся, как бы не вспугнуть. Отнесу письмо Дильдар, словно ничего и не знаю. Пусть огонечек сам разгорается, а я подую, когда время придет».

Старик вошел во двор и, проходя мимо урючины, с силой потряс дерево. Посыпался урюк. Старик принес с айвана чашку и собрал все до последней ягоды. Затем повесил на дверь замок и отправился к свату.

Калитка была открыта, и Иноят, не постучав, вошел как к себе домой. Дильдар сидела на айване, около люльки, в которой спал ребенок, и читала книгу. Увидев свекра, поднялась ему навстречу. Она не встречалась с ним с того самого дня, как ушла из их дома. И старик не приходил поглядеть на внука. И дочь его, которая по сто раз в день пробегала мимо дома Дильдар, тоже не зашла ни разу проведать ее. Дильдар встретила свекра холодно. А он сел на краешек айвана, прочел коротенькую молитву и, проведя руками по лицу, начал расспрашивать Дильдар о ее здоровье, о ребенке.

— Пришел на внука поглядеть. Это ведь все, что осталось от моего любимого сына. Да, я хотел спросить, урюк у тебя поспел? Хотя, наверно, нет, у вас ведь поздний. Вот поешь, — сказал он, протягивая ей чашку. — А где сват?

— Позавчера отвезли в больницу, — печально ответила Дильдар, — приболел немного.

— Ай-яй-яй, а я ничего не знал, а как ты живешь, дочка?

— Живу потихоньку.

— Если тебе нужно чего, приходи прямо ко мне, не стесняйся.

Он потянулся к поясному платку. Рука его коснулась измятого конверта, он вынул его и поднес к глазам.

— О господи, память совсем отшибло. Почтальон сейчас принес, а я ведь читать не умею. Прочти-ка.

Дильдар нехотя взяла конверт. Прочла адрес и побледнела.

— Письмо мне.

— А от кого? — спросил Иноят безразличным голосом.

— От одного человека.

Иноят прошелся по двору, осмотрел тутовые деревья, клонившиеся к белой железной крыше. «Если чуть подремонтировать, так тысяч пятьдесят дадут», — подумал он.

— Ну ладно, дочка, я уйду. Если что, заглядывай.

Высыпав урюк на железный поднос, он взял чашку и пошел. Дильдар даже не проводила его до калитки.

Старик сказал, что внук — это единственное, что осталось у него от любимого сына. А сам и не взглянул на внука. Да и вообще не видел его. Дильдар прожила в доме Иноята почти год и за это время хорошо изучила его нрав. Единственным порядочным человеком в их семье был Низамджан. Поэтому он и ушел. Только ли поэтом? Даже самой себе она не задавала такого вопроса. Чувствовала, что главной причиной его ухода была она, Дильдар. И старалась отогнать эти мысли. Старик вышел на улицу и снова оглянулся. При лунном свете белая крыша отливала серебром. Он повернул не к себе, а к дому дочери. И встретил ее у дома.

— Где вы пропадаете, папа? Я два раза посылала за вами сына, говорит, дверь закрыта. Я уже беспокоиться начала.

— К Дильдар ходил. Тут такое творится. Пойдем расскажу. Ты, Рисол, завтра сходи проведай Дильдар и ребенка, — сказал он, входя во двор.

Рисолат даже вздрогнула. «Наверно, Дильдар нажаловалась», — подумала она. И ей вспомнилось, как Дильдар, узнав о том, что они уговаривают Низамджана жениться на ней, созвала своих друзей, плакала и просила у них защиты. Только тогда Дильдар поняла, что означали слова Низамджана о несчастье, которое она принесла в их дом. Поняла тогда, что нужно было Инояту и Рисолат, оставила все вещи, которые принесла с собою в их дом, и ушла в одном платье. А старик сложил все ее вещи в сундук и навесил на него большой замок.

Рисолат думала сейчас как раз об этих вещах. «Наверно, Дильдар жалуется и требует их обратно. А отец хочет, чтобы я пошла к ней, успокоила, уговорила». Отец и дочь вошли в дом. Дети уже лежали в постели, но не спали. Увидев деда, они нырнули под одеяло. Потом старший, высунув голову, похвастался:

— А мы от папы письмо получили. У него уже два ордена.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — ответил дед, — говорят, если у кого есть орден, тот может в поезде бесплатно ездить. Вот вернет-

ся, повезем в Сибирь яблоки. Принеси мне чего-нибудь поесть, дочка.

Рисолат принесла тарелку с шавлей и поставила перед отцом. Старик начал было есть, но тут же удивленно повернулся к дочери:

— Если ты так будешь готовить, то и золотой горы тебе на неделю не хватит. Разве можно столько мяса класть? А масла? Просто залито все маслом. Масла нужно класть всего одну каплю. Я договорился с шашлычником, он обещал кости давать. Из них можно суп варить. Учю, учю, и никак ты не научишься. Знаешь ведь, какое сейчас время.

Он облизал пальцы и вытер их об ичиги.

— Ну вот. Теперь слушай. От нашего бродяги пришло письмо.

— Где он?

— Нам не пишет, а Дильдар.

— Вот бесстыдник, — протянула Рисолат, — значит, она ему дороже нас.

— Постой, постой, это еще не все. Я попросил мальчишку мне прочитать, но на конверте написано: для Дильдар. Я решил не открывать. Наверно, поумнел наш дурачок, сам написал ей. Нам постеснялся написать, что взялся за ум. Ничего! Даже лучше, если они сами, без нас, договорятся. Я отнес Дильдар письмо. Наверно, она и раньше получала от него письма, не раскрыла при мне. Вот я и пришел с тобою посоветоваться... Вмешиваться, конечно, не будем, но и в стороне стоять нечего. Надо заходить к ней, напоминать, что, мол, родственники. Если у них дело наладится, съездишь к нему.

— А где он?

— Вот этого я не знаю. Наверно, в письме-то написано где.

Старик пошарил в кармане и протянул дочери четыре десятки:

— Купи подарок ребенку. Да сходи поздравь. Узнаешь у нее, где он, а потом уж съездишь. Я бы сам поехал, но ведь семнадцать деревьев купил на корню. Надо вовремя собрать урюк да сvezти на базар.

— Так я же за шелкопрядами ухаживаю.

Старик поморщился:

— Так тебе твой колхоз миллионы даст или спасибо скажет. Не болтай глупости. Сват в больнице лежит, думаю, не вытянет. За дом дадут тысяч пятьдесят. Ты скажи ей, чтобы не смела ничего продавать из хозяйства. Если чего надо, пусть к нам идет.

Рисолат внимательно слушала отца. Она все понимала с полуслова. Значит, он намерен все расходы по похоронам взять на себя. Он надеется, что сват умрет. И уже давно ждет этбо.

Иноят погладил бороду:

— Думаешь, дешево обойдется похоронить? Одних дармоедов сколько набегит. Надо все с умом сделать, экономно.

Старик посмотрел на дочь:

— Старшенький твой завтра со мною на базар пойдет. Один не управлюсь.

— Так ему же в школу надо.

— Велика беда, на день позже муллой станет. Он у тебя способный. Ничего не случится.

Бормоча молитву, старик провел руками по лицу и встал. Уже идя к калитке, он остановился у тутового дерева.

— Если придут срезать — гони. Пусть заплатят за дерево.

Он ушел. И в темноте еще долго слышалось шарканье его ичигов и громкие вздохи.

II

Как только старик ушел, Дильдар распечатала конверт и с волнением посмотрела на листок бумаги. Потом встала, поплотнее укутала сына и развернула письмо. Оно было написано карандашом, и Дильдар подошла ближе к лампочке.

«Здравствуй, Дильдар!

Не знаю, правильно ли я поступаю, что пишу тебе. Но мне необходимо сказать тебе все. Я уже давно хотел извиниться перед тобою за те слова, которые я сказал, уходя из дома. Я был неправ, и это меня мучает. Не знаю, кто перед кем виноват, я перед тобою, а может быть, и ты. Мне кажется, что мы оба стали жертвой какого-то недоразумения. Помнишь, сколько у нас было общих желаний? Как мы сидели с тобою у Анхора, почти до полуночи, и все мечтали и мечтали? Мне тогда чудилось, будто я самый счастливый человек на всем свете. Стоило, казалось, только руку протянуть, и я мог достать самую дальнюю звезду».

Дильдар оторвала взгляд от письма и посмотрела в темноту. Ей тоже казалось, что она прожила уже долгую жизнь и что все, о чем пишет Низамджан, было когда-то давно, давным-давно.

Отливавшие белым светом листья вдруг зашевелились, будто по глади речки прошел ветер. По воде плывут румяные яблоки. Наверно, осыпались в чьем-то саду, и их подхватило течением. Зацепившись одной рукой за ветку, Низамджан наклоняется к воде, протягивает руку, хочет поймать яблоко, но набежавшие волны уносят его дальше. Низамджан повисает над рекой, ухватившись за ветку.

Заплакал ребенок. Она подошла к нему, покачала люльку.

«Конечно, я не мог тогда и подумать о том, какие муки меня ожидают. Детство мое кончилось в ту самую минуту, когда я увидел тебя у реки. Ты собиралась купаться, а потом, рассердившись на меня за то, что я так внезапно появился, побежала к воде. Помню, как ты старалась прикрыться косами и была похожа на фею.

А помнишь, однажды мы взобрались на гору и смотрели оттуда, как мчитса внизу поезд. Нам тогда хотелось уехать далеко-далеко. Я очень любил тебя. А тот день, когда лил дождь? И была радуга. Мы бегали с тобой босиком по лужам. Потом приехал брат,

и мы с тобой стали чужими. Мне было очень тяжело тогда. Не хотелось жить. Когда ты стала женой брата, я оказался лишним в доме...»

Стук движка начал затихать, лампочка помигала и погасла. Спичек в доме не было. Дильдар постояла с письмом в руках. Письмо напомнило ей беззаботные дни детства. Если бы можно было их вернуть. Она мечтала тогда совсем о другой жизни и, конечно, никогда не думала, что вся тяжесть забот о семье, о больном отце, ребенке ляжет на ее плечи. Жаль, что жизнь человеку дается всего лишь один раз. И если уж ты оступился, не так-то легко найти выход. Это как в пустыне: кажется, вода рядом, подходишь — и снова все тот же песок, и нечем утолить жажду. И все-таки выход, наверно, есть. Если тропинка ведет тебя к пропасти, разве нельзя свернуть? У Дильдар впереди еще целая жизнь. И она должна жить, должна думать не о прошлом, а о будущем. С улицы донесся гомон девичьих голосов. Сквозь дверную щель пробился тоненький луч света. Дильдар подбежала к калитке, широко распахнула ее. Во двор вошли подружки. Адолят несла в руке фонарь. С разрешения отца Дильдар у него в комнатах держали ящики с шелкопрядом. Когда электричество выключили, девушки сразу решили, что Дильдар будет трудно в темноте кормить червей, и поэтому принесли фонарь.

— Ставь самовар, мы у тебя заночуем.

Дильдар вынесла лампу, зажгла ее от фонаря и поставила на полочку айвана. Девушки покормили шелкопрядов и вышли на айван.

— Не беспокойся, Дильдар, мы пошутили, не останемся мы ночевать.

— Я ведь одна в доме, оставайтесь.

Анвар села и кликнула:

— Адолят, помоги снять сапог.

— Ты что, муж мне, ишь раскричалась.

— Ты бы радовалась, если бы тебя в жены хоть кто-нибудь взял. Нос-то у тебя какой.

— Какой?

— Давно в зеркало не смотрелась? Это же не нос, а просто калоша. А ну, давай тяни сапог.

— Это на тебе никто не женится, — отрезала Адолят. — За тебя замуж пойдут. Ты ведь привыкла командовать. А голос-то, голос, будто кто из глубокой ямы бубнит. Да и имя у тебя мужское — Анвара, и лицо, как у эфиопа, черное, а ходишь вразвалку, как медведь. Усов только не хватает. Если бы усы, девчонки вечерами боялись бы с тобою рядом ходить, люди бы думали б'г знает что.

Девушки громко расхохотались.

— А ну, Адол, не давай ей спуску.

— Хватит, помоги снять сапог. Я остаюсь у Дильдар. А вы зайдите по дороге к маме, предупредите ее.

Адолят, смеясь, стянула саног:

— Все, папочка? Может, еще чего прикажете? Может, постелить?

Дильдар рассмеялась, и на сердце у нее стало легче. Она взяла фонарь и проводила до калитки Адолят. Когда она вернулась, Анвара уже спала, уткнувшись носом в подушку. Дильдар укрыла ее одеялом. «Устала, бедная, — подумала Дильдар, — она и впрямь почернела на солнце, а голос просто мужской. И походка неуклюжая, Адолят права. А какой она была до войны! Тоненькая, хрупкая. В поле всегда бралась за самую тяжелую работу. Все время она в поле, на солнце, на ветру. Мать у нее старая, весь дом на Анваре. Стирает на младших, корову доит, хлеб печет, в огороде копается. Сколько же у нее забот, о аллах. Она ведь любит Каримджана. Только и живет мыслями о нем. Да еще охотница попеть, потанцевать. Шутит всегда. Она ведь некрасивая. Но никто ее в этом не упрекнет. И верно: глаза у нее лучистые, сразу видно, что добрая. Спит. Как она славно спит, даже завидно смотреть. — Дильдар залюбовалась подругой. — Господи, хоть бы Каримджан живой вернулся. Они должны быть счастливы». Она вспомнила о письме, достала его и подошла к лампе.

«Я понял, что не могу жить в этом доме, каждый день видеть тебя. И я решил уйти. Но забыть тебя был не в силах. Брат погиб. Отец и сестра хотели, чтобы я женился на тебе. Я не мог согласиться с ними. И с тех пор мне стало мучительно трудно думать о тебе. Жениться на жене погибшего брата! Ведь он тоже любил тебя. До сих пор меня мучает один вопрос: знала ли ты о затее отца? Когда я оскорбил тебя, мне казалось, что ты все знаешь. Мне, конечно, не следовало говорить тебе те слова, даже если ты и знала. Когда я уходил из дома, ты была в черном платье. И я понял, как тебе тяжело. Но не посчитался с этим. Сейчас я пишу тебе, и мне как-то легче на душе, что я все тебе сказал. Теперь мы с тобой чужие. И единственное, что нас связывает, — это ребенок брата. У меня к тебе просьба — пусть Анвара пришлет мне адрес Каримджана, я забыл его дома. Домой я не вернусь и писать нашим не буду. С отцом мы разошлись навсегда. Я работаю здесь. Живу среди хороших людей. И стараюсь забыть обо всем. Ты знаешь, что все мои друзья на фронте. И только я один здесь. Я уже засеял двадцать соток рисом. Урожай сдам в фонд обороны.

До свидания. Больше писать не буду. Н и з а м».

Дильдар все еще смотрела на освещенный лампой листок бумаги. Потом заметила зачеркнутые строки и поднесла письмо ближе к фонарю: «Ту фотографию, где мы с тобой вместе, по-рви».

По лицу Дильдар потекли слезы, несколько капель упало на строчки, чернила расплзлись кляксами.

Анваре спала. Дильдар снова посмотрела на нее. Какая она счастливая, сколько же у нее надежд впереди. И пусть все они сбудутся.

Ближе к полудню явилась улыбающаяся Рисолат с узлом в руках. Она говорила, говорила, шутливо упрекая Дильдар за то, что та совсем о них забыла — грех родню забывать.

— Ох, милая, родила и даже не сообщила. Я бы хоть помогла, поухаживала бы за маленьким. Много ли у вас, кроме меня, родных-то? А я для вас все обязана сделать. Ведь вы жена моего любимого брата. А в последнее время вы мне каждую ночь снитесь. Я только вчера узнала, что вы благополучно родили.

Рисолат протянула Дильдар узелок:

— Развяжите, развяжите, я всю ночь шила. Это ребеночку, единственному ребеночку брата.

Она сама развязала узел и достала рубашечку из старого атласа.

— А вот тубетеечка, вот фартучек, а это простынка. Ночью шила.

Дильдар отлично знала хитрую Рисолат. Лучше с нею не связываться. Она десяток болтунов переговорит.

Значит, вы только узнали? — спросила Дильдар тихо.

— Вчера вечером, милая, папа пришел и сказал. Узнала я, и просто сердце зашлось.

Дильдар промолчала о том, что видела ее из окна родильного дома. Рисолат торговала во дворе больницы молодыми огурцами и простоквашей. Она тоже заметила Дильдар и отвернулась. А сейчас щебечет здесь, словно ничего этого и не было.

А чего только она не наговорила Дильдар, когда та уходила из их дома! При одном воспоминании об этом Дильдар побледнела. Но почему старик и Рисолат со вчерашнего дня засуетились?

Рисолат вынула из люльки ребенка.

— Да это же мальчик.

Дильдар рассмеялась. Рисолат поцеловала ребенка в щечку и положила его снова в люльку.

— Да, папа говорил, что вы получили письмо от Низама. Он здоров?

— Здоров.

— А вы и раньше получали от него письма?

Дильдар промолчала.

«Ага,— подумала Рисолат,— значит, и впрямь между ними что-то есть. Обязательно надо выведать».

— Славный он парень,— вздохнула она,— только уж очень упрямый. Если попадет в хорошие руки, из него человека сделать не трудно. Любой по душе такой тихий, смирный. Я уж думаю, как бы там какая-нибудь его не окрутила. Сейчас ведь полно перестарок. Да что говорить, богатые, и дом собственный, и приданое есть, и золотые украшения, и те выходят за стариков. Конечно, Низама подхватят. А жаль, если он женится не в родном кишлаке, на чужанке.

Рисолат исподлобья взглянула на Дильдар. Та сморщила лоб и слушала золовку просто из вежливости.

— Что же вы молчите, что он вам написал?

Дильдар не хотелось показывать письмо Рисолат.

— Пишет, что все хорошо, — сказала она.

— Хоть адрес его дайте!

Дильдар вошла в комнату, на клочке бумаги нацарапала адрес Низама и вынесла Рисолат. Протянув ей адрес, она не села, а осталась стоять около нее. Рисолат поняла и поднялась.

— Ну, я пошла. Не волнуйтесь, я буду забегать, вас проводить. Все-таки вы после родов, вам нельзя тяжелую работу делать. Если надо, забегу постираю.

С того самого дня, как вышла замуж, Рисолат ни разу не стирала даже на свою семью. Связав белье в большой узел, она тащила его к матери. А сама предпочитала веселиться, усердно занималась собою. Бывало, соберет подружек и целый день крутит пластинки. В доме у нее был вечный беспорядок, готовить она не любила. Муж возвращался с работы и сразу брался за варку обеда, уборку дома.

Станет Рисолат заниматься стиркой для Дильдар!

Дильдар проводила Рисолат до калитки и протянула ей узел.

— Что это вы?

— У мальчика все есть. Я приговорила. Мне не хочется надевать на ребенка ношеное.

— Какое же это ношеное, я только примерила на дочку.

Но Дильдар не согласилась взять подарки. Впрочем, Рисолат и не настаивала. «Продам, — подумала она. — Наверное, не нужно, раз не берет, сейчас много желающих купить старенькие вещи, оно понятно, дешевле обойдется».

Дильдар захлопнула калитку и расплакалась. Что им от нее надо? До сих пор она не раскусила этих людей. Чего они снова засуетились вокруг нее?

День был пасмурный, настроение скверное, и Дильдар решила пойти в поле, к подругам, в звено. Она занесла охапку листьев, положила их в ящики шелкопрядов и, запеленав сына, вышла из дома.

Давно не выходила Дильдар на улицу, и ее удивила яркая зелень. Весна! Снова весна! Она так плохо чувствовала себя перед родами, так тревожилась, что как-то не обращала внимания ни на деревья, ни на траву, не заметила пробуждения природы. И, словно впервые увидев все это, Дильдар радостно улыбнулась. Каждое деревце, пригорок, холмик она знала с детства и смотрела сейчас на них, как на давних добрых друзей.

Когда Дильдар жила еще в доме Иноята, ей некогда было оглянуться, все вокруг стало ей каким-то чужим, и теперь, словно после долгой разлуки, она встретилась с этим привычным, дорогим ее сердцу миром.

Небо хмурилось. Низко над головой пролетали ласточки. Говорят, к дождю.

Дильдар с радостью смотрела вокруг. Вдруг навстречу ей пошел парень, мчавшийся во весь опор. Он чуть не натолкнулся на Дильдар, и она успела заметить, что лицо у него было вымазано черной краской. Так он и пробежал мимо, в красных сапогах и чесучовом кителе. Так это же колхозный секретарь! Чего это он мчится как ошпаренный? И что у него с лицом?

Поблизости Дильдар услышала голоса. За тузовыми деревьями стояли ее подружки по звену и громко смеялись. Дильдар подошла к ним.

У арыка, подбоченившись, стояла Анвара. Адолят сидела тут же на траве и плакала. Дильдар удивленно посмотрела на девушек.

— Видала нового родственника? — спросила Анвара.

— Какого родственника? — не поняла Дильдар.

— Агзамходжу!

— С чего это он стал моим родственником?

Анвара подошла к Адолят:

— Хватит, вставай, смотри, в арыке воды прибавилось. Бери кетмень.

Адолят отмахнулась и продолжала сидеть, опустив голову.

Взяв на руки сынишку Дильдар, Анвара поцеловала его и прижала к груди.

— Неужели у меня никогда не будет такого?

Адолят захихикала:

— Дурочка ты. Услышат, засмеют. Как же ты без мужа родишь, а?

— Если господь бог захочет, то и без мужа рожу, родила же Айшахон из Бешкапы без всякого мужа.

Девушки, смеясь, пошли к полевому стану. Анвара с ребенком на руках присела к столу и пророкотала басом:

— Эй, подавайте плов.

Обед начался. Пловом сегодня оказался суп из толченой кукурузы. За едой Анвара посвятила Дильдар в их тайну. Привязался тот красавчик к Адолят. Ходит за ней как тень. Конечно, Адолят тоже виновата.

— Я же сама тебе все рассказала, в чем моя вина?

— Рассказала, рассказала, успокойся, придержи язык, молчи, когда взрослые беседуют. Я говорю Адолят, назначай свидание. Она и назначила. Пришел и принес золотые часы жены. В подарок, понимаешь ли. Мы как схватим, как наподадим, да еще вымазали все лицо автолом.

Уже давно Дильдар так не смеялась.

После обеда завели патефон. Анвара подпоясалась косынкой и пошла танцевать за парня, а Адолят надела платочек на голову и кружилась вокруг нее, кокетливо поводя плечами.

— Эй, Тамара-ханум! — кричали девушки.

По дороге проехал на осле старик Иноят. «Экое безобразие», —

недовольно проворчал он. Анвара еще пуще затрясла плечами и подмигнула старику. Иноят с отвращением отвернулся.

— Не задевай старого человека, — посоветовала Адолят.

— Человека? Какой он человек, этот Иноят-Джиноят. Грешник он старый. Пока кого-нибудь не обманет, не заснет спокойно. Нашла кого жалеть.

Обеденный перерыв кончился, и девушки разбрелись по участку.

— А я получила письмо от Низама, — шепнула Дильдар Анваре. — Просит сообщить адрес Каримджана.

— А где он сам-то?

— В Наймане работает. Вот его адрес.

Лицо Анвары сразу помрачнело.

— Писем от Карима давно нет.

Встряхнув головой, Анвара сунула бумажку с адресом в кармашек безрукавки и пошла было за девушками.

— Послезавтра комсомольское собрание, — крикнула она Дильдар. — Не забудь.

— Слушай, Анвара, возьми меня в звено. Не могу я дома. Хочу здесь с вами.

Анвара положила кетмень и приблизилась к Дильдар:

— Ладно. Только отдохни еще немножко. Наберись сил. А потом к нам. За сыном присмотрим.

Широко шагая, она пошла к полю, а Дильдар еще долго смотрела ей вслед.

«Если бы не война, — думалось ей, — осталась бы Анвара все той же хрупкой, тоненькой девушкой?»

Дильдар вернулась домой повеселевшей. Ее одиночество кончилось.

IV

Рисолат отлично понимала, что отношения между Дильдар и Низамом вряд ли можно наладить, но отца в этом убедить ей не удавалось.

Впрочем, старик целиком поглощен своей коммерцией. Он настоял на том, чтобы старший сын Рисолат пособил ему собрать урюк, — ведь у хозяев дети, непременно съедят, — и помог ему свезти плоды на базар. Солнце еще не поднялось над горизонтом, а Иноят, нагрузив на осла ведра и прихватив две плетенки — одну он сунул внуку, другую тащил сам, — отправился в Маргилан. Рисолат ждала их у дороги.

— А ты чего не собираешься? Пора.

Рисолат не слишком улыбалась перспектива ехать в Найман, куда посылал ее отец.

— Он ведь рис посеял, целых двадцать соток, — бубнил старик, — да и денег, наверно, кучу заработал. Куда ему столько? Поезжай, уговори его. Он обязан жениться на Дильдар. Парень

он не промах, просто теперь стесняется. Ведь отказался, когда мы настаивали. Неужто ты воображаешь, что Дильдар против? Сейчас женщины хитрые стали, как лисицы. Конечно, она прямо не скажет тебе — согласна, мол. А чего бы ей не выйти за Низама, мужчины сейчас на вес золота, девки за стариков выходят, а Низам парень из себя видный. И между ними что-то есть, видишь, пишут друг другу. А ну, поезжай. Да прихвати пару ведер урюка, продашь в степи подороже.

Рисолат и сама знала, что не продешевит. Она решила прихватить с собою еще и огурцов. «В степи ведь овощей нет», — думала она.

И отец и дочь умели выколачивать деньги. По утрам Рисолат продавала простоквашу во дворе родильного дома. Днем шла к чайхане с кукурузными лепешками, а вечером у летнего кинотеатра бойко торговала жареными семечками. Старик контролер ругался — все заплывывали шелухой, но Рисолат предложила подметать после сеансов зал, и дед успокоился.

Да и старик Иноят ни минуты не сидел сложа руки. Что бы ни попало ему на глаза, он тащил на базар. А если продавать было нечего, все равно слонялся по базару, наблюдал, как продают другие.

Полтора года назад у него даже вышли неприятности с милицией. В доме сделали обыск, изъяли несколько отрезков шелка и целый ворох лакированных ичигов, но, приняв во внимание почтенный его возраст, отпустили, сделав предупреждение.

И пришлось Инояту без толку сидеть у калитки дома и наблюдать, как добрые люди идут или едут на базар. Как раз в те дни и случилась с ним история, о которой еще до сих пор рассказывали в кишлаке.

Какой-то парень продал на базаре корову и на обратном пути присел отдохнуть у дома Иноята — решил посчитать выручку. Иноят увидел деньги и подошел к парню:

— Давай, сынок, я тебе посчитаю.

— Я и сам умею, — отрезал парень.

Но Иноят упросил его и стал аккуратно раскладывать по кучкам тридцатирублевки, десятки, рубли. Каждую бумажку он брал в руки осторожно, словно драгоценность, рассматривал ее на свет и так же осторожно складывал в кучку.

— Все деньги — деньги! — твердил он. — И серебро деньги, и медь деньги.

Когда попадалась бумажка с пятном, он пытался скрести его кончиком ногтя и поносил нерадивых людей, которые не умеют обращаться с таким сокровищем. Пересчитав выручку парня, Иноят сложил их в отдельные пачки, потом положил пачку на пачку, словно кирпичики, прищурил глаз, оглядел свою работу и вдруг сунул деньги во внутренний карман.

Парень обомлел. А вдруг старик возьмет и не отдаст деньги, ведь свидетелей нет, пойдешь разберись, чьи они.

— Что вы делаете? — закричал он в отчаянии. — Отдайте сейчас же.

— Отдам, отдам, не беспокойся. Пусть полежат минутку в кармане.

И действительно, старик через минуту дрожащими руками достал деньги и вернул их хозяину.

— Спасибо, порадовал старика, — добавил он.

Об этой истории стало известно в кишлаке, кто возмущался, а кто хохотал над алчным Иноятom.

А Иноят отсиделся дома недели две и снова принялся за старое. Покупал за бесценок поношенные тюбетейки, красил их и продавал по двойной, а то и по тройной цене, торговал дынями, разрезав их на ломтики. Но и этого ему казалось мало. Додумался до того, что стал брать в больнице старые, негодные простыни, стирал их, выкраивал из них носовые платки и относил на рынок. Он никак не мог забыть, что милиция отобрала у него вещи, которые он надеялся выгодно продать. «Сколько убытков, сколько убытков!..» — причитал он, хотя заработал за это время вдвое больше того, что потерял.

Сейчас Иноят все время торчал на базаре. Уже давно он всем надоел, и все же никто не решался занять облюбованное им место.

— Мой сын погиб за родину, — важно заявлял он. — Я отец фронтовика, и меня обязаны уважать.

А главное, Иноят умел всегда добиться своего.

— Ведь из-за нужды продаю, — говорил он, — внукам-сироткам на хлеб. Не спекулянт я, как вон те, мои вещи честным трудом нажиты.

И люди жалели несчастного старика, хоть он запрашивал втридорога. Он знал, с кем и как говорить. Если на рынке появлялся контролер проверять талоны, Иноят тут же вспоминал Агзамджана.

— Я отец героя, — говорил он. — Для вас, конечно, ордена ничего не значат. Вы здесь в тепле и холе, а мой сын за вас кровь пролил, молодую жизнь отдал.

И как-то не хватало духа у людей прогнать Иноята. Впрочем, никто не желал с ним связываться. Но Иноят, помимо своих коммерческих подвигов, умел, как никто, разыгрывать комедии. Любил прикинуться добрым, богобоязненным человеком. Если ему попадался нищий, он тут же начинал копаться в карманах. Но как только люди проходили, старик, убедившись, что свидетелей его щедрости нет, преспокойно доставал пузырек с насом, бросал под язык щепотку и продолжал свой путь. А многие думали, что Иноят, при всей своей скарденности, не пройдет мимо нищего равнодушно. Даже к своему несчастному ослу он относился плохо — почти не кормил его. Кинет вечером клочок сена — и вся еда. «Если кормить его досыта, разжиреет и обленится», — говаривал он. А на базаре норовил привязать осла поближе к тому

месту, где стоял скот и валялось сено. О нем говорили, что он и ветки для осла с чужого дерева ломает. В общем-то Иноята в кишлаке знали, и когда Низамджан ушел из дома, никто не пожалел старика. «Очень хорошо сделал, что ушел, — говорили люди. — Отец замучил бы его».

Иноят знал, что о нем судачат. Знал, но не огорчался: «Язык без костей, просто завидуют мне».

Сегодня он отправился на базар с внуком. Внук переживал, что приходится пропускать уроки, но молчал. Мать наказала помочь деду. Не любил он деда. Хоть бы раз в жизни Иноят купил внуку тетрадку или карандаш. «Зачем тратить деньги на книги? Возьми у товарищей да почитай».

На базаре много всяких сладостей. Но деду и в голову не приходило купить что-нибудь мальчику. В полдень он приносил чайник чая, разворачивал принесенную из дома кукурузную лепешку.

До сих пор мальчик никак не мог забыть одной обиды. Как-то, возвращаясь с базара, дед надумал обшарить карманы внука. Не утаил ли тот деньги?

— Может, ты нечаянно сунул в карман мелочь?

И, обнаружив две монетки по двадцать копеек, дед ударил его по щеке:

— Воровать научился?

Хотя мальчик и клялся, что деньги дала ему мать, дед не поверил и всю дорогу ругал его.

Вечером Рисолат подтвердила, что дала сыну сорок копеек. Иноят снова вышел из себя.

— Дура ты, дура! — заорал он. — Разве можно давать деньги ребенку? Копеечка к копеечке, глядишь, и рубль наберется.

Он прочел ей целую лекцию о том, что за деньги все на свете достать можно, что денежный человек у всех всегда в почете. «Деньги — лучшее лекарство, — твердил он. — Если болит поясница, привяжи две сторублевки, как рукой снимет. Бедняки, они и стареют быстрее. А николаевские деньги ты видела? Вот это были деньги — шелк. И хоть Николай был тиран, разве можно сравнить нынешние деньги с теми! Сейчас чуть возьмешься, рвутся. А тогда, бывало, бросишь целковый о камень — звенит. Когда умер мой отец, упокой, аллах, его душу, оставил он мне красненькую. Хранил я ее долго. А после революции сказали, что она недействительна, и все тут. До сих пор жалко».

Рисолат часто слышала от старика такие рассказы и сочувствовала ему всей душой, недаром пошла она в отца.

Иноят шел впереди, а мальчик с тяжелой плетенкой в руках все время отставал, разглядывал прохожих, а то уставится на ребят, торопящихся в школу, и вовсе остановится. Вон у того дома подрались петухи. Здоровый, красный, с большим гребешком, пригибаясь почти до земли, налетает на противника. Мальчик идет и все время оборачивается — чем-то закончится битва, кто побе-

дит. Плетенку он держал на голове и вдруг задел ручкой за ветку дерева. Плетенка слетела прямо в лужу. Урюк рассыпался. Старый Иноят побледнел от злости. Он подбежал к внуку, больно ударил его и заорал:

— Убью, поганец, собери все до одной!

Испуганно мигая, мальчик подобрал рассыпавшийся урюк.

— Какой убыток, — жалобно причитал Иноят, — семьдесят рублей заработать мог, а теперь придется продать ни за грош.

V

Когда при Рисолат заходил разговор о пустыне, ей представлялись бескрайние пески, а над ними парящие огромные хищные орлы. Вокруг воют волки и шакалы, и страшные звери набрасываются на людей. При всей своей хитрости и ловкости, Рисолат многого не знала и не понимала. Никогда ей не приходилось ездить в поезде, а о самолете и говорить нечего. Весь мир был сосредоточен для нее в Чортераке и в Маргилане. Муж Рисолат был на фронте. И ей казалось, что этот фронт где-то рядом, за Найманской пустыней.

Она доехала до Наймана на грузовой машине и удивилась: вовсе это не так уж далеко от Чортерака. Пожалуй, если крикнуть погромче в Чортераке, то голос долетит до Наймана. И не похож Найман вовсе на пустыню. Какая же это пустыня, если всюду кирпичи, цемент. Какие-то пожилые люди с карандашами за ухом вымеряют и строгают доски. Девушки в клеенчатых фартуках кладут кирпичи. Под деревьями, на деревянном настиле, люди пьют чай. Не умолкая играет патефон «Среди роз». Его заглушает грохот щебня, который вываливают из машины. Везде полно народу.

Военному госпиталю отвели в пустыне землю для подсобного хозяйства. Легкораненые и выздоравливающие, собираясь кучками, рассказывали о фронте, о своих родных городах. Для них здесь еды не готовят, а привозят из Заркента три раза в день. Теперь от Зириллямы до Наймана — рукой подать.

Шалу посеяли. Весенние воды залили чеки, и первые зеленые ростки уже вылезли из земли. Рабочие руки освободились, и колхозники занялись строительством. Уже шесть раз Тога присылал из Зириллямы бревна и доски на грузовике. Низамджан тоже пошел в строители. Он уже поставил дувал и поднял стены. Комната и айван. С айвана будут видны как на ладони камышовые заросли. Он уже приготовил перекладыны, ветки для крыши. Но ему не досталось бревен из тех, что прислал Тога.

— Ты подожди, сынок, — утешал его Икрамджан, — пусть построятся сначала семейные. У них половина хозяйства в кишлаке, половина здесь, пусть устраиваются. А потом уж и тебе дадим.

Низамджан не обиделся. Правильно. Он теперь помогал другим — месил глину, крыл крыши.

Рисолат сошла с машины и тут же, вблизи дороги, поставила ведра с урюком, разложила на платке огурцы, и торговля началась. Никто не спрашивал у нее, кто она, откуда; наоборот, люди были благодарны, что она привезла сюда, в степь, овощи и фрукты.

— Подходите, парочка огурцов три рубля, кило урюка шесть рублей. Не лишайте себя удовольствия попробовать белого чертеракского урюка.

Низамджан работал за палаткой — смешивал цемент.

И вдруг в шуме и гуле до него донесся знакомый с детства голос. Ох, до чего же знаком ему этот голос. Он поставил носилки. У дороги толпились люди. Что там такое? Низам подошел ближе и застыл на месте. Сестра! Засучив рукава так, что были видны ее двойные браслеты на обеих руках, она ловко отвешивала урюк. На дне ведра оставался еще мятый, она высыпала его и, крикнув: «Тут кило, а может, больше», высыпала в фартук старика плотника.

Низамджан соскучился по своему кишлаку и дому, всякий раз вспоминал их урючину во дворе, прикидывал, когда урюк зацветет, когда появятся плоды. Вот они желтеют, чуть розовеют. А сейчас уже, наверно, сыплются с дерева.

Рисолат получила деньги за последний килограмм, сунула их за лифчик и вдруг увидела Низамджана.

— О, аллах! — закричала она. — Где же ты бродишь, брат? Разве можно иметь такое каменное сердце, забыть родных?

Она бросилась к Низамджану и повисла у него на шее. От слез Рисолат рубашка Низамджана даже намочила.

Люди удивленно смотрели на эту сцену, но постепенно разошлись.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Низамджан.

Она взглянула на него с упреком:

— Всегда ты был таким. Лед ты, а не человек. Кто у меня есть, кроме тебя? Отец постарел, еле ходит. А ты мне каждую ночь снишься, и так захотелось повидаться с тобой. Урюк у нас поспел, думаю, пусть хоть попробует. И поехала. А тут искала-искала тебя, да не нашла, ну и... продала. Хоть дорогу оправдала.

Низамджану очень хотелось урюка, да и Зебихон бы не отказалась попробовать. Но ведра были уже пустые.

— Как ты тут живешь? — снова начала свои расспросы Рисолат, оглядывая ветхую одежку брата.

— Хорошо.

— Хм, вижу, как хорошо.

Низамджан тоже посмотрел на свою одежду и улыбнулся:

— Разве в одежде дело? Купить можно.

— Что же ты тогда не купишь?

— Я человеком стал, сестра.

Рисолат не поняла, уставилась на брата, широко открыв глаза.

Они долго сидели молча. Говорить им было не о чем.

— Ты Дильдар письмо прислал, — прервала наконец молчание Рисолат.

Низамджан поежился. «Ага, — подумала Рисолат, — попался!»

— Ты читала письмо?

— Она не дала. Да и не стала бы я читать любовные письма. Слушай, зачем таиться от родной сестры? Ведь рано или поздно все узнаю. Зачем тебе писать ей да еще выдумывать всякие любовные стишки? Скажи мне, и я все сама сделаю. Она согласна?

Низамджан никак не ожидал такого нападения, он хотел что-то сказать, но сестра не дала ему и рта раскрыть.

— И отец этого хочет. Сам наглупил тогда, и теперь тебе стыдно вернуться. Но ничего. Собери урожай на своем огороде и приезжай. Справим свадьбу.

Низамджан громко рассмеялся. И об огороде уже узнали.

— Слушай, сестра, — проговорил он. — Выкинь из головы эти бредни. Не собираюсь я жениться на Дильдар. Просто я у нее попросил адрес Карима. А если хочешь знать всю правду, я просил у нее прощения за отца, за то, что он обидел ее тогда. В кишлак я не вернусь. Решение мое бесповоротно. А если надумаю жениться, то женюсь здесь. И здесь останусь. Если говорить откровенно, то у меня уже есть девушка.

Низамджан повернулся и показал сестре Зебихон, которая подавала кирпичи на лесах. На ней было выцветшее от солнца ситцевое платье. Косы короной лежали на голове. На ногах брезентовые сапоги, заляпанные глиной. Но и в этом убогом наряде она казалась красивой. Когда девушка нагибалась, платье четко обрисовывало ее тоненькую гибкую талию. Рисолат она понравилась, да и не могла не понравиться, но она даже вида не подала.

— Несимпатичная какая-то. Ну и вкус у тебя. Тоже нашел. Разве можно сравнить с Дильдар?

Дильдар и на самом деле была красивее.

Рисолат не умолкала ни на минуту.

— Наверно, все третишь на нее. Стоила бы!

— Постой, сестра, посмотри еще раз. Она очень красивая. И умница, — добавил он.

— А на что женщине ум? Знала бы дом, хозяйство, угождала бы мужу — вот и весь ум.

— Ну знаешь, ты уже и отца обскакала. Отстала ты, сестра, лет на тридцать.

— А я и отсталая прокормлю и одену детей, пока их отец на фронте. Что еще нужно? Что же мне, стричься прикажешь и надеть платье до колен, как ваши передовые щеголяют?

Низамджан молчал. Он знал: продолжать разговор с сестрой бесполезно. Да, у нее существует единственная оценка людей — по костюму, по деньгам.

Низамджан поднялся.

— Ты зачем все-таки приезжала?

— С тобой повидаться.

— Да брось ты. Урюк продать приехала? Ну, вот что, если тебе нечего больше сказать мне, поезжай домой. И не являйся сюда больше.

— Гонишь меня?— Глаза Рисолат наполнились слезами.— Родную сестру гонишь, которая за тридевять земель притащилась повидаться с тобой? Где же это видано, люди добрые, что же это такое происходит?— почти закричала она.

— Тише, услышат.

— Пусть слышат, пусть узнают, какой ты.

Низамджан понял, что сестра так легко не сдастся, и снова присел рядом с нею.

— Ну что тебе надо, говори начистоту.

Рисолат перевернула пустое ведро и спокойно устроилась подле брата.

— Отец у нас старый. Ничего не может заработать. Сидит без копейки. Вот мне приходится продавать фрукты, помогать ему. Ты пойми, я женщина, у меня дети. Иметь такого сына, как ты, и сидеть голодным. О аллах, он ведь один в доме, воды подать некому.

На этот раз Низамджан поверил сестре.

— У меня есть немного денег, скопил на одежду, на сапоги. Ладно, позже куплю.

Он достал из кармана триста рублей и протянул сестре.

— Бедный наш отец, даже на Первое мая нечего ему было надеть, рубашки белой и то нету. Да разве это деньги?— сказала она, поспешно вырывая из рук Низамджана триста рублей.

— У меня больше нет. Позже я еще дам.

Рисолат поднялась.

— Ну ладно. Пора домой. Вон та машина, что щецень привезла, поедет обратно. Не опоздать бы.

Она направилась к машине и, проходя мимо лесов, снова исподлобья посмотрела на Зебихон. Зебихон встретилась с нею взглядом, и так удивил ее злобный блеск в глазах Рисолат, что она чуть не упала с лесов.

Низамджан проводил сестру до машины. Все же сестра. Когда машина уехала, Низамджан долго смотрел вслед, и сердце его сжимала тоска.

К нему подошла Зебихон.

— Урюком сегодня лакоимся?— спросила она улыбаясь.— Сестра вам урюк привезла?

Низамджан засмеялся:

— Полакоимся через год, когда следующий поспеет. Мне достались только косточки.

И он рассказал Зебихон, зачем приезжала сестра. Они медленно шли мимо палаток, мимо новых строящихся домов. Вдруг до них донесся голос.

— Ничего нет на свете вкуснее чортеракского урюка,— говорил старый плотник.— Даже косточка и та сладкая. Надо бы нам здесь посадить.

Глаза Зебихон заблестели. Низамджан понял, что и ей ужасно хочется урюка. «Бессовестная эта Рисолат, ни одной штучки не оставила», — подумал он.

VI

От Анвары пришло письмо. В конверт был вложен адрес Каримджана.

«Сейчас в нашем звене праздник, — писала она. — Каждый член звена получил благодарность за отправленные в прошлом году в фонд обороны двести пятьдесят килограммов коконов. И тебе тоже прислали благодарность. Поздравляю тебя. Если выберешь время, приезжай повидаться с нами; кстати, свою грамоту возьмешь. С комсомольским приветом — А н в а р а».

Низамджан от души обрадовался письму. Его потянуло в родной кишлак увидеть девушек, с которыми он учился, а потом работал вместе. До сих пор он вспоминал, как они все вместе ухаживали за шелкопрядами. Здорово он тогда потрудился — набирал листья, разносил целые охапки по домам, где были шелкопряды. Вставал рано, еще до восхода солнца, и до работы успевал справляться с этим делом. Однажды он встал совсем рано, сунул топорик за пояс и пошел рубить ветки. А накануне лег поздно и не выпался. Как раз в тот день и случилась с ним беда: вместо ветки он рубанул по руке. Двух пальцев как не бывало. Из-за увечья его и в армию не взяли. Если бы не тот роковой день, был бы он сейчас на фронте, может быть, рядом с Каримджаном.

О многом напомнило Низаму письмо Анвары. Он и не думал, что получит благодарность за те коконы. Благодарность Комитета обороны. Какая это радость, настоящая, большая! Весь день Низамджан ходил сияющий. Он то и дело доставал письмо Анвары и потихоньку перечитывал его. Икрамджан заметил радость, светящуюся в глазах Низама.

— Что это с тобой? — спросил он.

«Зачем скрывать правду?» — подумал Низам и рассказал Икрамджану о письме.

— Молодец, сынок. Поздравляю. Настоящий труд всегда оценят.

— Мне очень хочется хоть на денек съездить в кишлак, — признался Низам.

— Поезжай. Да не на денек, а на два. Наверно, соскучился. Поезжай, сынок.

К вечеру налетел ливень, и всю ночь грохотала гроза. Палатка промокла насквозь, дождь залил даже постели. Икрамджан с Низамом, накинув пальто на плечи, просидели до рассвета. Утром небо хмурилось, но повеял ветер и угнал тучи. Выглянуло солнце, в делянках риса весело блестела вода.

— Завтра поедешь, — сказал Икрам, — сегодня нужно поработать на рисовом поле.

Как известно, чем больше болтать воду на рисовом поле, тем скорее рис растет. Поэтому рисоводы из воды не вылезают. Икрамджану трудно было на одной ноге все время находиться в воде. Он прибил к деревяшке старую подметку, чтобы взбалтывать воду двумя ногами.

Низамджан смотрел, как Икрам, засучив брюки, влез в воду.

«Сильный человек, — думал он, — не хочет отставать от других. Ведь у него никого нет. И он целый день в поле, весь день трудится. Все строят себе жилье, а Икрам даже не позаботился о комнате».

Низамджан узнал, что отведенный Икраму участок он отдал ему, Низаму. Старик старался весь день что-то делать, лишь бы не оставаться наедине со своими горькими мыслями.

А вечером у своей палатки, еле двигая от усталости руками, он пил чай. К деревянному настилу, где по вечерам собирались все, он не подходил. У всех были на фронте сыновья, отцы, братья, и, конечно, люди говорили о них, читали письма. А Икрамджан не мог принимать участие в таких разговорах. Когда он подходил, люди из жалости и сочувствия уже не говорили о фронте, а старались побыстрее переменить тему разговора. И когда он все-таки решался и шел к людям, то обычно возвращался к своей палатке подавленный, жалкий и сидел до полуночи один, разглядывая черное небо, сидел и молчал. Потом ложился, но еще долго ворочался с боку на бок.

«Сердце у него крепче стали, — думал Низамджан. — Жена умерла, сына потерял, но даже это его не согнуло. Действительно крепче стали...»

Низамджан тоже засучил брюки и полез в воду. Теперь они шагали рядом по воде.

— Вот дождь так дождь! — говорил Икрамджан. — Просто не дождь, а сама мука, сам хлеб с неба высыпал. Благодатный дождь! Вдруг он остановился, вспомнив о чем-то.

— Корову забыл привязать, — сказал он. — Сходи, пожалуйста, вбей колышек.

Низамджан направился к тому месту, куда Икрам утром выгнал корову.

С тех пор как умерла тетушка Джаннат, Икрам не слишком заботливо присматривал за коровой. А она уже дней десять не давала молока, словно кто-то ночью выдаивал ее до последней капли. Икрамджан и прежде никогда не пил молока один, он нес полное ведро, ставил его на настил, и женщины брали себе сколько кому надо — для ребят. Низамджан прошел через тростниковые заросли на поляну. Корова стояла на том же месте, где оставил ее хозяин, но по беспокойным движениям ее головы чувствовалось, что происходит что-то неладное. Низамджан подошел ближе и испуганно отшатнулся. Большущий варан впился в ее вымя и сосал молоко. На траву вместе с капельками молока стекала кровь. Варан, учуяв шаги, огляделся и поскакал в заросли, задевая длинным хвостом камыши.

Бледный и расстроенный, Низамджан подошел к корове. Корова грустно смотрела на Низама. Он схватил веревку и повел ее к рисовому полю.

— Варан на нее напал! — закричал он еще издали.

Икрамджан вышел из воды. Он осмотрел вымя, покачал головой и погладил корову:

— Бедняжка ты моя, бедняга!

— Теперь понятно, почему у нее молоко пропало.

— Нет, сынок, варан только поранил ее. Не в том дело. Как же она, бедная, теленка кормить будет? Только этого и не хватало.

Икрамджан повел корову к палатке.

— Поработай пока один, — крикнул он Низаму. — Может, есть машина, я ее в кишлак отправлю. Пусть там попасется, ранка, глядишь, и подживет.

— Ведите скорее, — ответил Низамджан. — Машина там.

Низамджан снова полез в воду. И снова стал думать об Икраме.

За последние четыре месяца он хорошо узнал его. И восхищался его волей. «А я смог бы так?» — думал он. Однажды даже сказал Икрамджану, что хотел бы стать похожим на него.

— Не надо, сынок, надеюсь, ты таким не будешь. Я ведь очень несчастный человек. — Сказав это, он отвернулся. Низамджан обнял его и с силой повернул к себе. Икрам молча утирал катившиеся по лицу слезы.

Он так привык к Низамджану, что не мог даже есть без него. Однажды Низамджан обнаружил в кармане своего пиджака кусок сахара. Конечно, это сунул незаметно Икрам.

Низамджан ходил по полю, взбалтывая воду.

Где-то загудела машина. Он поднял голову и увидел Зебихон с кульком в руках.

— Чего это вы по грязи шлепаете? — спросила она.

Низамджан вышел из воды.

— Вот вы не угостили меня урюком, — улыбнулась она, — ну раз вы такой жадный, то я решила показать вам пример.

Она развернула кулек и разложила на газете урюк.

— Откуда это?

— «Ешьте виноград и не спрашивайте, из чьего сада».

Они оба сели.

— Берите, — предложила Зебихон.

— Сначала вы.

— Я уже ела. Это вам.

— Все равно вам начинать.

— Нет, вам.

Низамджан взял в руки большущий, как яйцо, урюк и начал его разглядывать.

Зебихон тоже взяла.

— До чего же сладкий!

— Так вы ведь сказали, что уже ели.

— Тот, что я ела, был не такой сладкий.

— Скажите правду, где вы его взяли? Уж очень похож на наш чортерацкий. Только в Чортераке так рано поспекает урюк.

Зебихон рассказала, что какой-то старик привез на машине два ящика урюка.

— Странный какой-то старик,— добавила она.— Обо всем спрашивает. С дядей Икрамджаном долго разговаривал, осматривал дувал того дома, что вы строите. А на меня так зло посмотрел, что я даже испугалась.

Низамджан не придал значения словам девушки. По дороге он рассказал Зебихон, что собирается завтра ехать в кишлак.

Зебихон вздрогнула.

— А зачем вам в кишлак? О Дильдар соскучились?

Низамджан достал письмо и протянул ей.

— Я чужих писем не читаю, лучше сами расскажите. Я поверю.

Низамджан рассказал ей все. Зеби повеселела. И радостно засмеялась.

— А что вы мне привезете?

— Вам? Вам...— Он не мог сразу придумать, что привезти Зеби.— Ну что бы такое привезти? Себя привезу,— пошутил он.— Насовсем.

Уже два месяца он собирался поговорить с Зебихон, но все робел, не решался.

— А я думала, атлас привезете,— протянула Зеби.

— Откуда сейчас атлас? Для верховых нет, не то что для пеших.

— А кто вам сказал, что вы пеший? Я пошутила, кому нужен сейчас атлас.

Низамджан взял ее за руку. Она потянула руку, но не отняла. Они прошли еще шагов двадцать, и Зебихон все-таки отняла руку.

— Хватит, а то еще на самом деле влюбитесь!

Вдруг Низамджан почувствовал себя сильным, могучим. Каза-лось, в эту минуту ему ничего не стоило перевернуть всю степь. И небо, и желтая степь лежали кругом, как цветущий сад. Куда делась его былая нерешительность, следовавшая за ним по пятам с той минуты, как он ушел из отчего дома.

Ему захотелось схватить Зеби на руки и так нести по степи.

Они подошли к деревьям. Низамджан решил, что все сразу же прочтут его мысли, поймут, что с ним происходит. Но люди были заняты своими делами. А он думал, что все будут смотреть на него, как на человека, поднявшего в темноте зажженный фонарь. Но никто на него не смотрел. Лишь Икрамджан, сидевший у палатки, поднял голову:

— Твой отец приезжал.

Низамджан умылся и, еще не успев взять полотенце, застыл на месте. Он вспомнил, что говорила ему Зеби о каком-то чудном старике. Значит, это отец привозил урюк на продажу? Значит, это он говорил с Икрамджаном и осматривал дувал? Что же он такого наболтал? Не обидел ли Икрамджана?

— Вытри лицо, — мягко сказал Икрам и, вытащив из кармана деньги, протянул их Низамджану. Наверно, он приготовил их еще днем и, подавая Низаму, проговорил: — Отцу тяжело живется, а у тебя нет небось денег. Отвези ему.

Низамджан взял деньги и положил на колено Икрама.

— Не возьму. Вчера приезжала сестра. Я дал ей триста рублей.

— Может, тебе помириться с отцом? — посоветовал Икрам, не поднимая головы.

— Нет! Не вернусь я домой. Я твердо решил остаться здесь.

— Как знаешь, — протянул Икрам.

Старик Иноят обругал Икрама при людях. Назвал его предателем и отцом предателя. «Ты и моего сына учишь предательству, — кричал он. — Хочешь на нем заработать, присвоить себе всю выручку за продажу риса. Я его родной отец. Все, что он зарабатывает, мое. Попробуй взять хоть зернышко риса, поговорим с тобою где надо. Старший отдал жизнь за родину, а младшего ты сманиваешь».

Икрамджан молча слушал Иноята. Он не смел поднять глаза на людей. Иноят уехал, а он так и просидел здесь до прихода Низама.

Низамджан сразу догадался, что между отцом и Икрамом произошла тяжелая сцена.

— Отец вас обидел?

— Нет, нет, что ты. Просто сказал, что ему тяжело живется.

— Скажите мне правду, мне нужно знать.

— Ты в таком виде не ездь в кишлак. Вон там есть новая одежда. Я ведь все равно сапоги не могу носить. Носи ты. Моя гимнастерка тебе широковата, да не беда. Надень. А то подумают, что ты в нужде живешь.

Зазвонили к ужину. Оба поднялись. Около кипящего бака стоял один из маршалов — Туппонча-палван — и возился со своим мотоциклом. Низамджан поздоровался с ним.

— Ну, как дела, богатырь?

— Спасибо, хорошо. А где же ваша лошадь?

Туппонча-палван почесал голову:

— Лошадь? Лошадь на фронте. Ушла! А нас вот с тобою не берут. А ну-ка, подсоби.

Низамджан приладил насос и с силой нажал на него. Мимо прошел Тулянбай с младшим сынишкой.

— А, свояк, — крикнул он, — дело в шляпе? — И тихонько завел свадебную «Ер-ёр».

VII

В Чортерак Низамджан приехал утром. Он шел к дому и с радостью смотрел на знакомые с детства деревья, заборы, дома. Вчерашний дождь до блеска вымыл листья на деревьях, и они сияли свежестью. Трава арыков тоже была ярко-зеленая. Даже горлинки были словно умытые, с еще не просохшими перьями. Яблони в саду дяди Нияза клонились от обилия плодов к самому

дувалу. Яблоки были уже крупные, но еще зеленые. Низамджан помнит, какие они бывают красные, когда поспеют. Вон по тропинке идут друг за дружкой старики. Вместо чалмы головы их обмотаны поясными платками. Так они ходят на свадьбу и на поминки — тихо, друг за дружкой. За срубленной туговой рощей видна белая крыша дома Дильдар. Низамджан на минуту остановился и снова решительно зашагал. На дороге — следы от проехавшей недавно арбы. Боясь измазать сапоги, Низам осторожно обходит лужи. Вот и контора. Слева, там, где открыто окно, — комитет комсомола. Интересно, Анвара там? Или в поле? Конечно, она напустится на него сейчас. Но ничего. Пусть ругает. Она и Карима частенько отчитывала. Такой уж у нее характер. Зато справедливее и добрее ее трудно сыскать. Он вспомнил, как Анвара отучила Каримджана курить. И бросил. Уговорила, убедила. Ей нравилось, когда Карим был аккуратно причесан, чисто одет. Не дай бог, если Карим забывал постричь ногти. Мать Карима восхищалась ею.

«Ты его человеком сделала», — говорила она. Низамджан вспомнил эти слова и улыбнулся.

У самой конторы стояла Адолят. Она заметила Низамджана и смешно подняла брови.

— Эй, беглец, откуда явился? — Она осмотрела его с ног до головы. — Да ты просто франтом стал.

Низамджан улыбнулся. Адолят протянула ему руку:

— Здравствуй, пойдем Анвару проведем. Постой, давай-ка на минутку зайдем в комитет.

Комната комитета была точно такой, как прежде. Все на своих местах. Только на стене, в красной рамке, — грамота. Он подошел поближе. Это была Почетная грамота Центрального Комитета комсомола за перевыполнение плана по сдаче хлопка. Адолят достала из ящика стола пакетик, завернутый в газету.

— Пошли.

— Куда? — спросил Низам.

— Я же сказала, провести Анвару.

— А где она?

— Разве ты не знаешь? В больнице.

— Что с ней? — встревожился Низамджан.

Адолят посмотрела на него, видимо не зная, как начать рассказ.

— Пошли, дорогой объясню.

И она рассказала ему, как они уже закончили прорезивать хлопок на своем участке, уже отправили коконы, когда председатель заметил, что на другом берегу реки хлопок еще не окучен, и попросил Анвару с ее звеном помочь женщинам, работающим на этом участке. Они беспокоятся о детишках и часто бегают в ясли, проводят их. В этом седьмом звене работали жены фронтовиков, а неподалеку, в туговой роще, прямо к деревьям были подвешены веревочные люльки — походные ясли, и за младенцами присматривала старенькая тетя Айша. Анвара с девушками пришла

помочь седьмому звену. Погода хмурилась. Из-за горной вершины выползали тяжелые тучи. Адолят приложила руку козырьком ко лбу — ой-ой-ой, в Наймане, видать, ливень. Все с тревогой посмотрели на тучи. Поднялся ветер, сначала небольшой, а потом вдруг налетел буран. Он ломал ветки деревьев, унес косынку с головы Адолят. Она побежала за косынкой к самому саю и вдруг остановилась. Вода в сае поднялась до самого верха и бурлила, неся грязь и сломанные ветки.

Действительно, в Наймане прошел ливень, и горные воды потекли в сай. Женщины подняли крик. Нечего и думать перейти сай, а на том берегу дети под охраной испуганной тети Айши, которая бегаёт, машет руками и жестами показывает на приближающуюся черную тяжелую тучу. Что делать? Там же дети, и нет никакого укрытия.

Анвара побежала к колхозной мастерской. Там стояла грузовая машина. Шофера шесть дней назад призвали в армию. Надо проехать через сай на грузовике. Анвара умела водить трактор. Она побежала к мастерской. Старый мастер торопливо собирал рамы, которые сушились на солнце, боясь, что они промокнут под дождем.

— Где ключ от машины? — крикнула Анвара.

— У меня, а зачем тебе?

— Давайте скорее. Там дети, на том берегу.

Мастер бегом принес ключ.

Анвара открыла кабину, вцепилась в руль, но машину завести не сумела. Мотор отказал. Она выскочила из машины и подняла капот. Шофер отключил ток, чтобы не сел аккумулятор. Анвара подключила его и снова взобралась в кабину. Мотор несколько раз чихнул и завелся. Анвара включила двигатель, и машина, подпрыгивая, полетела к саю. Люди не видели, кто сидит в кабине, и, думая, что шофер пьян, тревожно оглядывались.

Женщины все еще кричали на берегу. Хлынул дождь. Казалось, что с неба беспрерывно льются целые ведра воды. Анвара подъехала к берегу и остановилась. Потом высунулась из кабины и посмотрела на воду. Адолят повисла на дверце.

— Не смей, тебя унесет! — кричала она.

Но Анвара, казалось, ничего не слыхала. Она присматривалась, выбирая, где лучше проехать, где пересечь взбесившийся сай. Оттолкнув Адолят, она ринулась вперед. Женщины умолкли и не отрывали глаз от машины. Вода хлынула в кабину, но грузовик, словно рыба, рассекая воду, шел вперед. Вот он уже на середине сая. И вдруг вода накрыла кабину, через секунду все увидели, как грузовик перевернулся.

Поднялся крик. Но потом все увидели, что Анвара подплывает к противоположному берегу. Вода то уносила ее в сторону, то снова швыряла вперед. Вышла! Вышла на берег и бросилась бежать. Она вынимала ребят из люлек и тащила их под деревья. Растерянная тетя Айша пыталась помочь ей. Дети орали, матери на

этом берегу стояли затаив дыхание. Потом с фермы прискакали четверо верховых и забрали детей, а Анвара сильно простудилась.

— Я всю ночь была около нее, — добавила Адолят. — Она бредила.

Они подошли к больнице. Но Низама не пропустили. Адолят надела халат.

— Подойди вон к тому окну.

Низамджан подошел и вдруг тут же, во дворе больницы, под орешинной увидел сестру. Рисолат продавала простоквашу. Низамджан покраснел. Как ей не стыдно! Анвара жертвовала жизнью, а эта и здесь торговлю развела.

На окне поднялась занавеска, показалась Адолят.

— Спит! — прошептала она. — Ей лучше. Жара нет. Ты иди. А вечером приходи в правление.

Низамджан обогнул орешину, боясь встретиться с сестрой, и вышел на улицу. Он не знал, куда идти, и побрел к центру, к чайхане. Там было не много народу. Низамджан попросил чаю и присел на деревянный настил. В чайхане тоже говорили об Анваре.

— Дай ей бог здоровья. Спасла ребят. Ведь старуха растерялась, залило бы их в люльках.

— Ее покойный отец горевал, что у него нет сыновей. Был бы жив, увидел бы, что дочка десяти парней стоит.

Низамджан молча слушал эти разговоры.

— Приедет сегодня начальство из области? — спросил кто-то.

— Из облвоенкомата. Будут вручать грамоту шелководам. Грамота из Москвы.

— Раньше на такое торжество артистов привозили.

— Заменяли наши девушки парней, дай им бог счастья.

Низамджан выпил горячий чай и поднялся. «Похожу до вечера по полям», — решил он. Он повернул к урюковой роще и тут встретил отца. Старый Иноят палкой подгонял осла. Он остановился, помигал глазами и, сунув палку за пояс, нахмурил брови.

— Дурак, — заорал он. — Идем!

Низам не двинулся с места.

— Идем, тебе говорю.

Низамджан поднял голову и посмотрел на отца:

— Куда?

— Домой.

— Не пойду.

Старик слез с осла, подошел к сыну и сильно толкнул его:

— Сейчас же иди домой. Где бы ты ни скрывался, все равно я найду тебя. Так просто ты от меня не отделаешься.

Низамджан побрел за отцом. До самого дома они не сказали друг другу ни слова. Старик отцепил от пояса ключ и открыл огромный замок на двери.

— Ты где бродишь? — снова крикнул он.

— Вы же знаете, сами туда ездили.

— Останешься здесь.

- Нет, уеду.
- Никуда ты не уедешь.
- Вы же меня выгнали, прокляли.
- Тогда я рассердился.

Низамджан подошел к отцу совсем близко:

— Вы и мать замучили. Не останусь я здесь, в этой тюрьме.

Старик повернулся и звонко ударил Низама по щеке.

— Я? Я замучил мать, поганец? Все знают, что она умерла своей смертью.

— Вы и Дильдар сделали несчастной, из-за вас я вынужден скитаться. Вы оплевали память брата. Что вам еще нужно?

Старик, словно сразу ослабев, присел на край супы. Низамджан видел, как у него дрожат ноги.

Для Иноята это было полной неожиданностью. Никогда еще сын не смел говорить с ним так. Что же случилось? Светопреставление? Родной сын осмеливается дерзить отцу.

Старик встал и распахнул дверь кладовки. Схватив Низама за руку, он с силой потащил его за собой. Дрожащими руками зажег лампу. Низамджан от удивления застыл на месте. А старик швырял какие-то вещи.

— Для кого, для кого я это собирал?— вопил он, открывая сундук, доверху набитый шелком и бархатом. С полок сыпались горы спичечных коробков. Старик открыл какой-то ящик, похожий на чемодан, и, с трудом подняв его, бросил к ногам Низама. На пол посыпались золотые браслеты, жемчуг. Старик хватал вещи и кидал их в сына — серебряные подсвечники, каракулевые шкурки, мыло, целые рулоны полотна.— Для кого это, для кого, для кого?— кричал он. Он нагнулся, развязал огромный узел, обернутый клеенкой, и, хватая оттуда пригоршни сторублевок, рассыпал их по полу.— Для кого? Слепни, проклятый сын. Господи, сделай его слепым до конца дней.

Люди, стараясь уберечь от голода детей, продавали самое дорогое. Каждый верил: вот кончится война, и тогда снова можно будет приобрести вещи. А старик в это время копил добро, скупал за бесценок что ни попадя у жен и матерей фронтовиков. Вот в этом тулупе, который висит сейчас на гвозде в кладовке, щеголял зимой отец Карима. Значит, Иноят и его раздел. А сколько пачек соли, мешков с мукой! И он еще посмел сказать Икраму, что голодает. Передал с сестрой, что умирает с голоду, просит денег, и Низам отдал ему последние, отложенные на сапоги.

А деньги вот они, здесь! Старик собрал их со всего мира.

— Для кого я это копил, для кого, я спрашиваю, проклятый!

— Не знаю,— ответил Низам.

— Не знаешь? Вот возьму и сожгу сейчас все.

— Жгите! И правильно сделаете, что сожжете!

— А ты хоть знаешь, с каким трудом я все это скопил?

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Не знаешь, как я унижался. Я хотел, чтобы

ты жил как человек, я сам жевал сухую корку, запивал холодной водой, ночей не спал.

У Низамджана гудело в голове.

— Не нужно мне ничего, ведь все это вы вырвали изо рта у матери. Мама носила платье в заплатах. Не нужен мне ваш атлас. Плевал я на ваше добро. Сам заработаю. И не так, как вы, а честным трудом.

Отец опустил на овчину и понурил голову. Низамджан смотрел на него. Что правда, то правда. Старый он человек. На руках — синие взбухшие вены. Из рваных ичигов торчат грязные портянки.

«Был бы он таким, как другие отцы, да разве я ушел бы от него? Но он и сейчас не обо мне думает. Бойтся, как бы его богатство не досталось чужим».

Низамджан повернулся и пошел к двери.

— Чтоб ты сдох! Чтоб тебе ни на этом, ни на том свете не видать куска хлеба! — услышал он вслед голос отца.

Низамджан посмотрел на свой дом.

Здесь он родился, по этому двору ходила его мать, здесь она страдала, стараясь скрыть слезы. Низамджан вышел на улицу. Лучи заходящего солнца ярко освещали листья деревьев. Юноша вздохнул полной грудью и зашагал к клубу.

...В тот день, когда он вернулся в Найман, случилась беда.

Низамджана попросили отнести чай работникам, занятым на рытье арыка. Тут он увидел Зеби. Она шла к пескам. Он помахал ей рукой, что, мол, вернусь сейчас, отнес чай и, возвращаясь, услышал чей-то негромкий плач. Неужели Зебихон? Низамджан бросился бежать. Девушка сидела на ворохе камыша, держалась за ногу и стонала.

— Что случилось? — испуганно спросил Низам.

— Скорпион... укусил.

Низам схватил носовой платок, разорвал его и туго перетянул посиневший большой палец. Зебихон пыталась вырвать ногу, но Низамджан так крепко держал ее, что она не могла пошевелиться. Очевидно, ей стало легче, слезы уже не текли по ее лицу. Он смотрел на ее наморщенный лоб, дрожащий подбородок.

— Больно?

У нее не было сил ответить.

— Хотя бы капельку одеколона, — горевал Низам.

Они еще долго сидели, глядя друг на друга. Наконец Низамджан поднялся.

— Сможете идти?

Зебихон попыталась подняться, но снова со стоном опустилась на землю. Нога ее распухла. Низамджан легко поднял девушку и понес к палаткам. Она хотела было вырваться, но он крепко прижал ее к груди.

Сидевший на деревянном настиле старик догадался о происшествии, вскочил и сразу же приложил к пальцу Зеби рукоятку

ножа. И на второй день Зебихон не смогла подняться с постели. Только к вечеру она с трудом выбралась из палатки. Сильной боли в ноге она уже не ощущала, но палец все еще ныл.

Теперь с заходом солнца появлялись полчища комаров. Они набрасывались на людей словно одержимые, и приходилось всю ночь жечь кизяки — иначе не заснешь.

Однажды вечером Низамджан застал Икрама, набивающего дробь в гильзы.

— На охоту собрались? — спросил он.

Икрамджан промолчал.

— А ты мне до сих пор еще не показал грамоту Комитета обороны, — сказал он.

Низамджан достал из деревянного сундучка тетушки Джаннат грамоту. Икрам долго ее рассматривал.

— Молодец, сынок! — проговорил он, бережно свертывая бумагу.

Присев рядом, Низамджан начал помогать Икраму набивать гильзы.

Икрам по-прежнему говорил мало и теперь вечерами не сидел у палатки — комары донимали.

— Что же ты не рассказываешь мне о своем кишлаке? — спросил он. — Был дома, виделся с отцом, помирились?

Низам давно ждал этих вопросов. И без колебаний рассказал ему все.

Услышав об Анваре, Икрамджан даже привстал.

— Вот это девушка — настоящий джигит.

Он помолчал.

— Значит, окончательно поссорился с отцом?

— А что же было делать? Не могу жить, как он хочет.

— Дело твое, сынок. Все-таки он отец. Ты еще молод и не знаешь, что значит для отца сын. Вот будешь сам отцом... Ну да ладно, давай спать.

Низамджан лег, но еще долго не мог заснуть. «Неужели я когда-нибудь пожалею о том, что так обошелся с отцом? — думалось ему. В своем сердце он не находил сожаления. — Нет, я поступил правильно», — решил он и заснул.

VIII

Утром, когда Икрамджан вышел из палатки с берданкой на плече, первым он увидел Тулянбая. Тот сидел под деревом и о чем-то тихо беседовал с женой.

— На охоту? — спросил Тулянбай, удивленно глядя на Икрама. — Трудно в тугаях с костылями.

— Колено разболелось от деревяшки. Пусть нога отдохнет хоть немного.

— А ты не очень торопишься? Я хотел бы поговорить с тобой. Зайдем в палатку.

В палатке на низком столике были разложены лепешки,

сушенный урюк, сахар. Жена Тулянбая внесла чайник и тоже села за стол. Тулянбай поглаживал усы, видимо не зная, с чего начать разговор, потом посмотрел прямо в глаза Икрама:

— Слушай, друг. В жизни каждой девушки наступает время, когда ее пора выдавать замуж. Я заменил Зебихон отца и считаю, что должен до конца исполнить свой долг. Сестра ее тоже согласна.

Икрамджан кашлянул.

— Не сердись на нас, друг. Ведь Зебихон была невестой Турсунбая.

Икрамджан вздрогнул. Он уже давно все знал, но старательно отгонял тяжелые мысли. В свое время он мечтал сыграть пышную свадьбу и считал, что лучшей жены для Турсунбая, чем Зеби, не сыскать.

— Судьба, — тихо проговорила жена Тулянбая.

— Так вот мы, — перебил ее муж, — хотим получить твое согласие.

Икрамджан молчал. Потом поднял голову:

— А кто жених? Из нашего кишлака?

— Да пожалуй что из нашего. Они любят друг друга, Зеби и Низамджан. Что же здесь можно сказать? Думаю, надо их поженить, а то еще люди начнут злословить, — они ведь все время вместе. Если не возражаешь, ведь он тебе как сын, то можно объявить, а ближе к осени и свадьбу сыграем.

— Низамджан хороший парень, — произнес Икрам. — Сначала я беспокоился, как-то он приживется здесь, в степи. Но он молодчина. Такие парни от дела не бегают. Вот и из своего кишлака грамоту привез. Слыхали? А вы знаете, как он сюда попал?

Тулянбай кивнул:

— Зебихон нам все рассказала.

— Наверно, вы еще не все знаете. Он ведь окончательно порвал с отцом. Я-то его поступок не слишком одобряю. Все же родной отец, разве от отца откажешься?

Тулянбай задумался.

— Трудно решать такие вопросы наспех. Что мы, в сущности, знаем? Может, его отец действительно человек скверный. Низамджану это лучше, чем нам, известно. Раз они любят друг друга, я возражать не стану. Низамджан толковый парень. Правда, ничего у него нет. Гол как сокол. И не захотел воспользоваться богатством отца. Это, конечно, хорошо, что он хочет себе на жизнь сам зарабатывать.

Икрамджан встал, поблагодарил хозяев и вышел из палатки.

День выдался ясный, лучи солнца заливали всю степь. Высоко в синем небе висят жаворонки. Впервые Икрамджан за последнее время слушал их щебет. И почему-то думал о том, что Низам и Зебихон тоже как два жаворонка. Летают не рядом, а соблюдают расстояние и переговариваются. «Наверно, боятся меня огорчить. Ведь Зеби была невестой Турсунбая. Что же делать? Значит, не суждено. У меня теперь никого — ни жены, ни сына. Тридцать лет

прожил с Джаннат, а словно бы и не было этих тридцати лет. Двадцать один год радовался, глядя, как растет сын. А вот оно как обернулось, словно и не было сына. Только рана в сердце осталась. Зачем же я живу? Кому я нужен? Какой от меня толк, от калеки?»

Икрамджан даже испугался своих мыслей. Он оглянулся на рисовые поля. «Нет, у меня есть еще силы и сердце еще не перестало биться. Я буду жить. Я должен дожить до конца войны. Увидеть своими глазами нашу победу. Ведь это война принесла мне столько горя. Не хочу я быть трусом, не хочу смерти».

Он шел и теперь не смотрел по сторонам. Грузовая машина, вылетевшая на дорогу, чуть не задела его крылом. Шофер резко затормозил.

— Что это с вами, я сигналию, сигналию, а вы не слышите.

Шофер протянул Икраму бумагу. Записка. Тога просил доставить людей в кишлак к трем часам. Приезжает Азизхан. Будет митинг.

— Собирайте людей, я свезу, — сказал шофер.

Пришлось Икрамджану вернуться. Взяв кетмень, он стал бить им по железной пластинке на дереве. Люди начали медленно сходиться, удивляясь столь раннему звонку, но, узнав, в чем дело, сажались в машину. Низамджан положил кетмень у палатки и вымыл руки. Зебихон поливала ему из кружки.

Икрамджан смотрел на них со смешанным чувством симпатии и неприязни.

Забежав в свою палатку, Зебихон вышла оттуда в чуть полинявшем сатиновом платье.

Низамджан помог ей взобраться в кузов машины, а сам оглядывался по сторонам, словно искал кого-то. Увидев Икрамджана, подошел к нему:

— Что же вы не садитесь в машину?

— Поезжай, поезжай, сынок, я после.

— Без вас я не поеду.

— Поезжай, говорю тебе, поезжай со всеми.

У Икрамджана дрожали губы. Юноша с удивлением поглядел на него — неужели сердится?

Ему не хотелось оставлять Икрама одного. Все уже сидели в машине, и только они двое стояли у палатки. Тулянбай помахал им рукой, — что, мол, людей задерживаете? Мы ждем.

Икрамджан увидел, что Низам все еще стоит в нерешительности, и вдруг закричал на него:

— Оставь ты меня в покое! Поезжай, говорю. Уйди с глаз.

Низамджан растерялся. Никогда он еще не видел Икрама в таком состоянии. Он повернулся и нерешительно залез в машину. Тулянбай постучал по кабине — поехали. Мотор загудел, и машина двинулась. Долго еще Низамджан оглядывался назад. Икрам все так же стоял один у палаток.

«Что с ним такое? Кто его обидел?» Низамджан и не подумал о том, что Икраму нелегко будет встретиться с Азизом. А вдруг он

ничего не знает и спросит о Турсунбае? Ведь они были друзьями. Наверное, спросит.

До сих пор Икрамджан помнит, как все смотрели на него, когда он весной подписывал коллективное письмо Азизу. Если он поедет, если встретится с Азизом, снова люди будут смотреть на него с любопытством. Отец предателя жмет руку Герою. Не дрогнет ли у него рука, не спрячет ли он глаза?

Позор! Этот позор жжет его постоянно, ежечасно.

В степи тишина. Никого нет. Только негромко шелестят камыши. Он один во всей степи. Уже давно ему хотелось остаться вот так, без людей, в полном одиночестве. А они, как нарочно, все время не отходили от него, ни на минуту не оставляли. А он жаждал одиночества, но и боялся его. Счастливые люди не замечают одиночества. Рядом с ними постоянно их радостные мысли, надежды. А что ему делать одному сейчас в степи. «Лучше бы поехал», — подумал он.

Икрамджан снова вскинул на плечо ружье, постоял немного и, тяжело опираясь на костыль, побрел к камышам. «Может, убью волка или лису, хоть легче станет». Вот так, без мысли, без цели, он вошел в заросли.

IX

Он шел и шел, а вокруг шумели камыши. Икрамджан понял, что забрел очень далеко, но он не убил ни зайца, ни даже утки. Пока он прицеливался, утка улетала, заяц улепетывал. На поляне лежал, греясь на солнышке, варан, но, услышав шаги, вскочил и тут же исчез.

Икрамджан устал. Он положил винтовку на землю и прилег. Лежал он не шевелясь, глядя в синее небо. Должно быть, он незаметно задремал. Разбудило его какое-то шуршание. Наверно, зверь. Икрамджан вскочил и огляделся.

Шагах в пятнадцати от него стоял человек и смотрел на небо, на стаю летящих уток. Незнакомец стоял к Икраму спиной. Икрам вскинул винтовку. Незнакомец так и не заметил Икрама: скрылся в зарослях. Опираясь на костыль, Икрам последовал за ним. Под ногами хрустнула сухая камышинка. Незнакомец оглянулся и застыл на месте, с ужасом глядя на Икрама. Икрамджан не узнал его. Длинные, почти до плечей, волосы, рваная одежда, вспухшее от укусов комаров лицо, худой, черный, он едва волочил ноги. С годами люди меняются, стареют. Не меняются лишь глаза, они могут потускнеть, но остаются прежними.

Икрамджан до боли напряг зрение. Глаза!

— Турсун! — крикнул он.

Турсунбай не пошевелился. Опираясь на костыль, Икрам шел к нему. Турсун молча отступил на несколько шагов. Движения его напоминали движения дикого зверя.

И на самом деле Турсунбай одичал. Уже давно он не слышал человеческого голоса, не пробовал человеческой еды.

— Турсун. Турсунбай, сын, — прошептал Икрам.

Турсунбай остановился. Отец подошел к нему и, забыв все на свете, прижал его к груди. Костыль упал на землю. Он стоял на одной ноге, он гладил плечи сына, целовал его лоб. Потом почувствовал отвратительный запах грязи, пота и невольно отстранился. Не удержав равновесия, Икрамджан упал. Сын не помог ему подняться. Опираясь на локоть, Икрам встал сам и растерянно посмотрел на сына. От неожиданности он не знал, что делать, что сказать. И за это короткое мгновение он вспомнил многое. Вдруг понял, почему жена так часто ходила в заросли за дровами. И внезапно почувствовал отвращение к этому получеловеку-полузверю.

— Сядь, — приказал он.

Турсунбай покорно опустил на землю.

— Когда ты пришел сюда?

Турсунбай не мог выговорить ни слова. Язык тяжело ворочался во рту. Наконец, сделав над собой усилие, он невнятно ответил:

— Четыре месяца уже. — Он поднял хворостинку и закусил зубами.

— Мать умерла, — тихо проговорил Икрам.

— Знаю. Видел, как несли хоронить.

Икрамджан почувствовал, как рванулось его сердце. Он с силой ударил сына единственной ногой. Турсунбай опрокинулся на спину. Он еще не успел встать, как Икрамджан подполз к нему и стал бить по лицу, по голове. У Турсунбая не было сил защищаться. Слишком долго он голодал. Икрамджан бил его, бил и кричал:

— Какая у тебя была мать, знаешь? Какая она была, проклятый! Ты видел, как ее хоронили, и смотрел издали, зверь. Ты не бросил горстки земли в ее могилу. А она из-за тебя умерла, из-за тебя. Ты убил ее. Убил и не похоронил, подлец!

Икрамджан вдруг весь как-то ослабел, голос его сорвался. Он схватил костыль и толкнул Турсунбая. Турсунбай со стоном пытался отползти подальше.

— Ты смотрел, как люди несут ее, несчастную. Она все глаза из-за тебя выплакала, согнулась, сморщилась, и все из-за тебя. Ты украл у нее жизнь, украл дневной свет. Как она тебя любила! Лучше бы мы собаку вырастили, она хоть умела бы быть благодарной. Я тебя на плечах таскал. Лучше бы я умер, не дожил до такого позора. Ты предал всех. Предатель, подлец, встань сейчас же.

Турсунбай встал. Икрам выпрямился и взял костыль. Он почувствовал, что в него вселилась какая-то сила.

— Идем.

С ужасом смотрел Турсунбай на отца и вдруг начал отступать. Икрамджан хотел было схватить его за руку, но, сделав слишком резкое движение, упал. Когда он поднялся, Турсунбай был уже метрах в тридцати. Икрам сорвал с плеча винтовку. Дрожащими руками направил ее на сына и прицелился. «Господи, хоть бы не попасть!» Выстрел, словно крик хищного зверя, огласил степь и еще долго висел в воздухе. Икрамджан открыл глаза и увидел,

как Турсунбай бежит, раздвигая руками камыши. Не попал! Он снова вскинул ружье, но на сей раз выстрелил не целясь. Второй выстрел всугнул птиц, и они, взлетев в небо, наполнили степь тревожным гомоном.

Х

Наступили жаркие дни. В Найман привезли кубанские дыни-скороспелки, алтыарыкские огурцы.

Днем от песков дул горячий ветер. От него перехватывало дыхание. К вечеру ветер становился холодным, как осенью, и грозно шуршал в камышах.

Для найманцев наступила горячая пора. Шалы подросли, днем и ночью шла прополка. Камыш упорно лез из-под земли, и приходилось осторожно вытаскивать его, чтобы не повредить шалы.

День и ночь Низамджан не уходил с участка, его снова мучила малярия. Всю ночь он дрожал под одеялом, пожелтел, ослаб, но работы не оставлял. Икрам совсем перестал разговаривать с людьми. Он сторонился их. Не сидел вечерами у палатки. Приходил с поля, забивался в свою палатку и сидел так один, обняв колено и уставившись в одну точку.

Окончив работу, Низамджан уже собирался домой, как вдруг его окликнул сын Туляндар:

— Вас какая-то тетя спрашивает!

— Какая тетя?

— С ребенком.

Низамджан удивился. Что это еще за тетя с ребенком? Он пошел к палаткам и сразу же узнал Дильдар.

Что она ему скажет? Зачем приехала? Может, сестра что-нибудь наговорила?

Дильдар опустила сынишку на траву, и он пополз, хватаясь за землю. Оба долго молчали.

— Ты здоров? — наконец спросила Дильдар. — Что-то ты плохо выглядишь.

Низамджан пожал плечами. Из палатки вышла Зебихон и от удивления застыла на месте. Она внимательно оглядела Дильдар и пошла прочь. Дильдар посмотрела ей вслед.

— Это она?

Низамджан кивнул.

— Хорошенькая...

— Ну, что у нас в кишлаке? — спросил Низам.

— Да все так же. Ты, видно, удивился, что я пришла. А я ведь обрадовать тебя пришла и поблагодарить хочу.

Она достала из кармана безрукавки треугольничек и протянула Низамджану:

— Возьми.

Низамджан решил, что это письмо от Карима. И вдруг он узнал почерк брата. У него закружилась голова, и он не заметил, как опустился на землю.

— Что это, неужели жив? Жив?

Дильдар рассказала, что недавно получила от Агзамджана письмо, он писал, что был в окружении, участвовал в боях, и просил поскорее ему ответить.

— Я все написала ему, что было, как я ушла к отцу, ничего не утаила. И о том, что ты ушел, что твой отец с сестрой затевали. И вот ответ. Вчера получила. Для тебя тоже написал, прочти.

Низамджан развернул письмо.

«Низамджан! Я жив. Я все узнал из письма Дильдар. До сих пор считал тебя мальчишкой. Прости меня, брат. Теперь я многое понял. Был в бою, был ранен, снова был в бою и сейчас снова ранен. Лежу в госпитале, и здесь у меня наконец-то нашлось время, чтобы все обдумать и понять то, что раньше казалось непонятным. Не сердись на меня. Ведь я не знал, что причиняю тебе такие страдания. Теперь я все понял: и как мы жили, и как нас воспитывали. Никогда на нашей айване ласточки не вили гнезда, на что уж доверчивы горлинки, и те не садились на нашем дворе. Только отец чувствовал себя полным хозяином. Ты ушел из дома, потом ушла Дильдар. Так и должно было случиться. Дильдар написала мне, что затевали отец и сестра. Если бы ты послушался их, не знаю, что было бы со мной. Мы стали бы навсегда чужими. Но ты оказался настоящим человеком. Спасибо тебе, брат. Дильдар пишет, что ты теперь в Наймане. Где бы ты ни был, будь здоров и счастлив. Сейчас я в госпитале. Отсюда — снова на фронт. Желаю тебе всего хорошего. Никогда не забуду того, что ты сделал».

Низамджан читал, и из глаз его катились крупные слезы. Он положил письмо на колени и посмотрел в стену. Ребенок подполз к его ноге и потянул за штанину. Низамджан вздрогнул. Потом нагнулся, взял на руки племянника и поцеловал.

— Отец и сестра звали меня вернуться, — сказала Дильдар. — Но я не пошла.

Низамджан поднял на нее глаза. Дильдар была красива по-прежнему. Даже еще красивее стала.

— Как ты, как вы... живете. Не надо ли помочь чем-нибудь?

— Да нет, живем как все. Я уже на работу вышла. А его, — она кивнула на сына, — папа нянчит. Анвара уезжала с делегацией, подарки на фронт возила. Вместо нее я оставалась звеньевой. Папа выздоровел. Твои ждали его смерти. Рисолат считала, что у папы несметные богатства, а на самом деле у нас ничего нет.

«Какая молодчина! — думал Низам. — Если ее оставили вместо Анвары, значит, ей доверяют. Конечно, ей было бы тяжело в нашем доме, с отцом. Хорошо сделала, что ушла. А главное — брат жив».

Мимо них снова прошла Зебихон. В большой плетенке она несла дыни-скороспелки и огурцы.

Низамджан остановил ее:

— Познакомьтесь с Дильдар.

Зебихон поставила плетенку на деревянный настил и протянула руку.

Дильдар смущенно посмотрела на нее и улыбнулась. Зебихон тоже смущилась.

— А я представляла вас совсем другой, — проговорила Дильдар.

— Какой же?

— Ну, мне говорили, что вы другая.

— Если говорила сестра, — вмешался Низамджан, — то представляю себе, какой ведьмой она изобразила Зеби.

Дильдар рассмеялась:

— Ну не совсем ведьмой, но что-то в этом роде.

Они снова засмеялись, и этот смех прогнал смущение.

Подошел Туляйбай с кетменем на плече. Увидев Низамджана, нахмурился:

— Экий ты беспечный. Икрам еще на рассвете ушел в туган, и до сих пор его нет. Может, устал где. Надо бы пойти поискать.

Низамджан действительно не видел Икрама с самого утра. Лег он поздно, а когда проснулся, Икрама уже не было.

Низам забеспокоился.

— Зебихон, побудьте здесь с Дильдар, покажите наш поселок.

С того самого дня, как Икрамджан встретил сына, он окончательно потерял покой. «Что я наделал, что я наделал? — твердил про себя Икрам. — Как же быть?»

Каждый день Икрамджан выходил на поиски сына. Он еще надеялся убедить Турсуна пойти на фронт, еще верил, что все можно исправить.

И сегодня с самого рассвета Икрам бродил в камышах. На этот раз берданку он оставил дома.

Икрамджан углубился в камыши. Он звал сына, никто не отзывался, и Икрам шел все дальше и дальше, пока случайно не набрел на шалаш. Он осторожно заглянул внутрь. Турсунбай лежал не шевелясь, укутав голову рваным пальто. Икрамджан вошел и склонился над сыном.

— Турсун, Турсун! — тот не ответил.

Турсун был уже далеко и от этой пустыни, и от всех тех, кто прежде были его друзьями, и от этого голоса, который с надеждой звал его. Икрамджан прижал к себе холодное тело, гладил застывшие плечи. Отцовские слезы падали на оледеневшее лицо сына. Икрам плакал так, словно хотел оставить здесь вместе со слезами все свое отчаяние, свое горе. Все, что сделал Турсун, кончилось, ушло вместе с его жизнью. Осталось лишь его тело, и это было тело сына, которого так любил Икрам. Ему почудилось, будто сын спит, как бывало в детстве. И лицо у него было спокойное, как у ребенка.

Чувствуя, что ему не хватает воздуха, Икрам вышел из шалаша. Все вокруг было залито солнечным светом. Свежие кисточки камыша тянулись к солнцу. Стая журавлей, похожая на раскрытые ножницы, степенно пролетала по небу. Какое бесконечное небо! Что там, за ним? Куда ведет эта голубая дорога? Куда так деловито

летят журавли? Икрамджан долго провожал их взглядом. Внезапно он вздрогнул и снова торопливо влез в шалаш. Сняв пальто, он накрыл тело сына. Потом вышел и начал медленно копать землю костью. Копать могилу сыну.

Прибитая дождем земля поддавалась с трудом. Канан цота выступили на лбу Икрама. Солнце еще стояло высоко в небе, когда он выкопал неглубокую яму. Он выпрямился и снова взглянул на небо. Оно спокойно висело над головой. И не было на нем ни птицы, ни облачка. Он посмотрел на тело, накрытое пальто, и снова принялся копать.

Наконец солнце село. На горизонте зажглось красное зарево. Кисточки камыша были похожи теперь на потухшие свечи. Икрамджан снял с себя яхтак, завернул тело Турсуна и подтащил его к могиле. Над степью уже стояла глубокая ночь, когда отец засыпал могилу сына. Выплыл месяц, похожий на осколок разбитого блюда. Не торопясь, он поднялся немного и вдруг застыл, словно повис в пространстве. Одна за другой загорались звезды. Будто пыль за арбой, выклубился Млечный Путь.

Икрамджан сидел у могилы. Уже не раз он пытался встать и уйти, но снова бессильно опускался на землю.

Вдруг кто-то тронул его за плечо:

— Отец, встаньте, уйдем отсюда.

Низамджан бережно поднял старика за плечи.

— Уйдем. Все кончено. Пора идти.

Икрамджан поднял голову, посмотрел на Низама и, не говоря ни слова, поднялся. Он взял костью и медленно побрел впереди Низама. Они не обмолвились ни словом. О чем мог спросить Низамджан? И что мог ответить ему Икрам?

Низамджан понимал, что горе отца больше и шире этой бескрайней степи, залитой лунным светом...

Низамджан проснулся поздно. Солнечный зайчик проник в палатку и весело кувыркался на камышовой подстилке. Икрамджан спал. Обычно он подымался на рассвете и сидел не шевелясь.

«Устал. Совсем сил лишился. Пусть спит».

Низамджан тихонько оделся и вышел из палатки. На небе ни облачка. Тишина. Дым от огня под кипящим баком не рассеивался, а медленно поднимался в небо, точно синий столб. На деревянном настиле Тулянбай болтал с сынишкой. Мальчик тер глаза и хныкал. Сидевшие под ивой Зебихон и Дильдар смеялись.

— Что случилось, почему он плачет?— спросил Низам.

— Лучше не спрашивай, свояк. Я взял было на руки твоего племяша, так он ревнует.

Низамджан улыбнулся:

— Не плачь, сынок, вот кончится война, дядя Низам добудет тебе полную тюбетейку халвы.

У мальчика радостно заблестели глаза.

— А война когда кончится?

— Скоро. Все вернутся и привезут халву. И печенье. Помнишь, я когда-то принес тебе две штучки? Вместе съедим, и ты и я.

— А ему не дадим. — сказал мальчик, кивая на сына Дильдар.

— Нет, почему же? Дадим и ему немножко.

Низамджан подошел к дереву и взял ребенка из рук Дильдар. Жена Туляйбая расстелила дастархан и принесла чай.

— А где Икрам? Уже в поле? — спросил Туляйбай.

— Спит.

— Скоро Тога приедет. Разбуди.

Низамджан поднялся, но ему не хотелось идти будить Икрама. Он взял на руки племянника и не спеша пошел к палатке. Икрамджан по-прежнему спал. Низам посадил ребенка у подушки. Мальчик застыл на мгновение, глядя, как от дыхания шевелятся усы старика, потом схватил их ручонкой и потянул. Икрамджан открыл глаза. Мальчик обрадованно засмеялся. Икрамджан встал, взял костыль и поднял ребенка на руки.

Низам смотрел на эту сцену. Прижав мальчика к груди, Икрам вышел из палатки. За эти два дня, пока Дильдар гостила здесь, все полюбили ее мальчугана. Только сын Туляйбая хмуро поглядывал на него, словно этот неизвестно откуда явившийся малыш отбирал то, что до сих пор принадлежало только ему. Икрамджан сел на настил, завернул ребенка плотнее в свой хаат.

— Даже кусочка сахара для тебя нет, — грустно сказал он.

Сын Туляйбая подскочил к настилу, схватил костыль и побежал.

— Вот вам, вот вам! — кричал он. Добежав до палатки, он оседлал нового «коня» и помчался дальше. — Но-о, но-о, вперед!

Жена Туляйбая погрозила сыну.

— Смотрите-ка как своевольничает, совсем разбаловался.

— Ну чего ты сердиться, я ведь точно такой был, — заметил Туляйбай. — Помню, когда брат женился, так я вцепился в него и не пускал к жене. А потом пробрался за занавеску, и сел рядом с ними и сижу. Потом, когда заснул, меня оттуда унесли. А позавтра снова бросился в комнату брата, так отец меня нашлапал. Целый месяц потом я ненавидел невестку.

— Вот выдумщик! — засмеялась жена Туляйбая.

— Ей-богу, правда. Даже в чайхане у меня спрашивали, сколько раз, мол, твой брат поцеловал жену. А я давал точный отчет. Совсем дурачок был.

— Дурачок не дурачок, а озорной был, — подхватил Икрам. — Помню, как ты насыпал перец в кувшин для омовения в мечети. Перед вечерней молитвой там началось настоящее светопреставление. Все кричат, вопят, бегают. Даже о молитве забыли.

Туляйбай захохотал:

— А ты молодец, Икрам, не выдал меня тогда.

— Сынок твой действительно в тебя, — проговорил Икрам.

— А как же иначе.

Они позавтракали. Низамджан поймал за палаткой сына Туляйбая и отобрал у него костыль.

Все ушли в поле. Лишь Икрам сидел и играл с ребенком.
— Дайте его мне. — подошла Дильдар. — Вы устали от него. Он ведь привык к деду. А теперь, как увидит бороду, сразу думает — это дед.

Дильдар уносила ребенка, а тот все тянулся к Икраму.

Икрамджан вдруг почувствовал давно забытый милый запах. Запах ребенка, материнского молока. И был в нем аромат рассвета, весеннего ветра, распускающихся почек, водяных брызг, солнечных лучей после дождя. Икрамджан закрыл глаза и вздохнул полной грудью. Встал и одернул халат.

Из палатки послышался плач ребенка. Икрамджан направился туда. Навстречу ему вышла Дильдар. Мальчик перестал плакать и потянулся к Икраму. В глазах Икрамджана вспыхнула улыбка.

П о с л е с л о в и е

Не только радости дано узнать человеку, вереницей тянутся трудные дни, выпадающие ему на долю.

Если бы мы каждый раз погружались в свое горе и не снимали бы траура, мир давно перестал бы существовать. Однако же только слабых и малодушных выбрасывает на берег волнами жизни. Тот, кто умеет плыть против течения, кому под силу справиться с волной, тот выйдет на просторы будущего.

Не сосчитать спящих вечным сном в земле, их больше, чем живых, обрабатывающих эту землю.

Если собрать все человеческие слезы, образовался бы океан, в котором мир потонул бы.

И все-таки человек не мог бы жить, помня только прах и горе. Он идет; он меряет взором дороги, уходящие к горизонту; жизнь манит, манит завтрашний день, борьба, созидание.

Не слезами вспоены нивы, а потом людским. Настоящий человек верит в силы жизни, и не зря говорят, что только плут живет, не имея цели.

Не так просто понять, что же помогает отчаявшемуся подняться на ноги, вдохновляет его, возрождает к жизни.

Для Икрама опорой жизни, гранитной скалой стали обыкновенные будни, в которых радость перемежалась с бедами.

Низамджан... Он стал Икраму сыном, крыльями его, легко и мощно несущими к прозрачному горизонту.

Ясный день. Низамджан и Зебихон провожают Дильдар. Они идут рядом, глядя на следы, которые оставила на пыльной дороге арба. Следы — движение.

Опираясь на костыль, Икрам провожает их долгим взглядом.

На горизонте еще долго видны три темные точки.

Лучи заходящего солнца уже коснулись кромки белых, легких, как пар, облаков. Они вспыхнули и, уплывая навсегда, ослепили на мгновение Икрамджана. И тут же, словно в ответ, вспыхнул и стал разгораться весь горизонт от края и до края.

книга
третья

ГОРИЗОНТ

Часть первая

I

На станцию Горчаково с самого утра начали стекаться толпы людей. Площадь перед вокзалом уже забита грузовыми машинами, а со всех сторон — из Ферганы, из Маргилана, из окрестных кишлаков — все едут и едут видавшие виды полуторки, ищут место, куда бы приткнуться. С шутками-прибаутками и веселым смехом с них спрыгивают молодые женщины и девушки, ловко, с мужской сноровкою, открывают борта машин, помогают сойти на землю седобородым старикам и согбенным старухам. Переливаются на солнце пестрые атласные платья, бархатные безрукавки облегают талии, как бы подчеркивая изящные фигуры женщин; в толпе мелькают голубые, синие, фиолетовые косынки и платки, выкрашенные чернилами к этому праздничному дню. К нарядам, пролежавшим четыре года в сундуках, пристал устойчивый запах нафталина, с которым смешались сейчас запахи дешевых духов и доморощенных благовоний. На огрубевших, натруженных руках, четыре года не знавших отдыха, было как-то непривычно видеть кольца, браслеты. Сегодня многие даже надели туфли на высоких каблуках, забыв, что за четыре года они разучились в них ходить. Каблуки перекашивались то в одну, то в другую сторону, и обладательницам модных туфель приходилось ступать осторожно, подобно канатоходцу нацеливаясь кончиками носков в нужную точку...

Вдруг из громкоговорителя, установленного над зданием вокзала, послышался треск, хрипы. Толпа напряженно замерла, при-

тихла. Люди обратили взоры к громкоговорителю, похожему на огромную черную трубу граммофона.

С него не сводила глаз и Дильдар, приехавшая ни свет ни заря, не дождавшись остальных чортеракцев, которым еще с вечера председатель обещала дать машину. Она затаила дыхание. Ей казалось, будто она слышит удары собственного сердца, которое встрепенулось, желая обернуться птицей, чтобы вырваться из груди и полететь навстречу тому, кого она ждала. Она сильнее прижала к себе сына, стараясь этим унять боль в груди. Мальчик был тяжел, и у нее затекли руки. Новые сапожки жали Азимджану ноги, и он не хотел слезать с рук матери.

— Внимание, граждане встречающие! — раздалось наконец из громкоговорителя. — Через несколько минут поезд с нашими доблестными воинами прибудет на станцию. Просим соблюдать порядок.

Толпа заволновалась, заколыхалась. Над ней прокатился гул. Появились алые стяги, транспаранты. На мгновение взору Дильдар открылась беседка, сооруженная на краю площади из циновки, и она заметила в ней своего свекра Иноята и золовку Рисолат, усаждающих себя чаем, сидя на сури — широком деревянном помосте. Но тут толпа снова сомкнулась, и Дильдар потеряла их из виду. «Может, подойти?.. — подумала она. — Ведь сегодня такой праздник. Можно ли на кого-нибудь таить в такой день обиду?..»

В этот момент кто-то, подкравшись сзади, закрыл ей ладонями глаза.

— Низам! Низамджан это! — смеясь, воскликнула Дильдар. — Отпусти же наконец, у меня устали глаза!..

— Ах, чтоб тебя!.. — раздался за спиной звонкий голосок. — Все никак не забудешь своего Низамджана! Кажется, и теперь стоит тебе вспомнить о нем, как сердечко твое тает, как ягодка тутовника!

Дильдар вспыхнула от смущения и обернулась. Перед ней стояла ее подружка Анвара. Она громко захохотала и, обняв Дильдар вместе с сыном, закужила их, словно в вальсе.

Дильдар тоже была очень рада Анваре. Уже почти неделю она ее не видела. А сейчас, если бы встретила в толпе неожиданно, может, и не узнала бы. Анвара яркой помадой неумело нарисовала губы, густо подвела усьмой брови, соединив их в сплошную широкую линию. А пудра, видно, не приставала к ней, и ее почерневшее от солнца, обветренное лицо казалось присыпанным мукой.

— И кто же так пудрится? Ну и ну! — сказала Дильдар, смеясь.

— Ничего. Пахать научились, а как прихорашиваться, забыли! Теперь опять переучиваться будем, подружка! А что ты здесь стоишь? Твой вон там. — Анвара кивнула в сторону беседки. — Идем туда, там прохладнее...

Дильдар зашагала было за Анварой, но вдруг остановилась.

В мгновение ока пронеслось перед ее взором все, что было с ней, что произошло за то время, пока муж отсутствовал. Вспомнилось «черное письмо», известившее о гибели Агзама, принесшее траур в их семью. С того самого момента и начались все горести Дильдар. Словно ей мало было горя оттого, что потеряла мужа, — свекор и золовка стали плести вокруг нее сеть, обеспокоенные, что птица без пары улетит из их гнезда в чужое и лишатся они тогда ее проворных рук. Ведь большинство хлопот по дому лежало на ней, на Дильдар. Вначале ей только намекал пройдоха свекор о старом обычае, когда жену покойного выдавали за его младшего брата. А потом вознамерился насильно выдать Дильдар за Низамджана. Спасибо ему самому, Низамджану: не втоптал он в землю ее женской чести и памяти брата. Хотя знала Дильдар, как горячо он любил ее. Раньше любил — до того, как стала она женою его старшего брата. Несуразно все как-то получилось. Видно, судьба сыграла с ними такую шутку. Ведь и она не была холодна к Низамджану. Но приехал на побывку с фронта Агзам, пропахший пороховым дымом, возмужалый. В глазах у него, казалось, полыхает зарево пожарищ, которые ему, наверное, довелось увидеть. И так к лицу ему была военная форма, что глядела на него Дильдар украдкой и любовалась. Спрятавшись за спины гостей, заполнивших дом, слушала затаив дыхание, какие подвиги Агзам совершал на фронте, какое несметное число врагов он сразил. И в ее девичьем воображении он тогда предстал сказочным батыром. А Низамджан рядом с братом казался каким-то взъерошенным, худым и нескладным. Дильдар даже показалось странным, что он нравился ей...

Спустя два дня судьба свела Агзама и Дильдар на безлюдной тропинке. В его глазах она снова увидела те же всполохи. Он обнял ее — она и потеряла рассудок, пошла за ним, когда повлек ее в густые заросли пьянице пахнувшей джиды... Потом жалела. Ой как жалела, да поздно было. Сыграли свадьбу...

А Низамджан, объятый безутешным горем, сбегал из дому. И долго никто не знал, где он обитает. Прислал весточку, лишь когда у нее родился сын, — поздравил.

Низамджан был по-прежнему мил ее сердцу, что и говорить. Но не верила она в гибель мужа, и все тут. Даже не взглянула на то «черное письмо». Сердце подсказывало: «Жив он, жив!..» А свекор и золовка что ни день, то терзают подозрениями, мол, кого-то завела себе, на стороне чужими ласками пользуется, коль не пошла за мужнина родного брата. И так ей стало горько и тягостно в их доме, что ушла от них. К отцу вернулась. Стала сына растить одна.

Тут и вовсе взбеленились Рисолат и Иноят-аксакал. Чего только они не болтали о ней людям. Некоторые сельчане на Дильдар даже недобро коситься стали. Никто не знал, что горючими слезами она обливается по ночам, а сердце говорит ей: «Жив он, жив!..»

Оказалось, что и вправду жив. На краю могилы был, но выжил — врачи выходили в госпитале, дай им аллах здоровья. Вот остались считанные минуты — и Дильдар обнимет своего единственного, прижмется к нему изболевшимся сердцем...

Анвара, не заметившая, что подруга отстала, вернулась и в сердцах дернула ее за рукав:

— Ну, что ты стоишь как статуя?! Идем же!

Дильдар покачала головой. Нет, не могла она так сразу простить все Инояту и Рисолат. Оскорбления простила бы. Но они писали о ней всякие гадости Агзаму — этого не могла простить.

Анвара насупилась, помолчала. Она знала, почему Дильдар не желает подходить к свекру и золовке.

— Дело твое. — сказала она и пожала худенькими плечами. — Что же ты будешь тут одна? Сейчас разыщу Низамджана. Он, кажется, здесь, аж из Наймана приехал.

Анвара резко повернулась и тут же смешалась с толпой. Дильдар поглядела ей вслед, улыбнулась. В груди шевельнулось что-то похожее на зависть. Они же ровесницы, а Анвара еще девушка-резвушка, вольна как птица. Хоть и прикипела сердцем к Каримджану, которого ждет со дня на день. Анвара нынче от радости не ходит, а летает — словно навсегда канули в прошлое все заботы и тяготы. В последние дни она по несколько раз в день меняет платья. Даже отправляясь в поле, не забывает подвести брови, ресницы, которые у нее и без того чернее ночи. Еще бы, ведь Каримджан может приехать неожиданно и явиться прямо на поле. Не проходит и дня, чтобы из какого-нибудь окрестного кишлака не поступала радостная весть о том, что кто-то вернулся. Анвара тоже ждала своего суженого со дня на день, без устали щебетала, что та ласточка, рассказывая что-нибудь впопад и невпопад, смешивая девчонок своей рассеянностью. И как бы она за день ни уставала на работе, в глазах ее постоянно искрились смешинки.

Отчего же Дильдар сейчас не так уж и весело? Отчего сердце сжимает тревога? Наверное, оттого, что не ведает, по-прежнему ли любит ее муж или поверил наветам...

С того дня, как получила телеграмму от Агзама, стала готовиться к встрече. Выбелила комнату, все выстирала и вычистила. На окна повесила чистые занавески. А ночью, уложив Азимджана спать, принималась шить. Жаль, при ней не было вещей Агзама: прикоснись к ним Дильдар руками, они бы тоже сделались словно новехонькие. Но Рисолат ей не позволила взять ничего из мужниной одежды. Что же он паденет, когда вернется? Военная форма ох как надоела небось. Знает Дильдар, с какой радостью приехавшие домой солдаты надевают другую одежду, особенно старую, ту, что еще до войны носили. Как бы то ни было, Дильдар спроворила мужу новый чапан и заказала у местного сапожника сапоги.

А сегодня еще потемну, перед тем как отправиться на вокзал, она устлала ковром супу — небольшой глиняный помост под шелковицей, единственным деревом в их дворе. Поверх ковра

поставила низенький столик, накрытый новым дастарханом, и выставила все яства, какие смогла сберечь к этому дню. Самовар, что стоит на летней кухне, наполнила водой и приготовила древесного угля, чтобы не долго возиться, если муж попросит чаю. Белое шелковое сюзане — расшитый пестрыми ковер — она тщательно выстирала и подвесила на гвоздь на веранде — застелет им порог, когда муж будет входить в дом.

Мальчи заерзал у нее на руках и, протянув ручки в сторону перрона, залочотал:

— Пап-па!.. Пап-па плпехал!..

И тут только, опомнившись, Дильдар заметила шум и суматоху на станции. Все устремились на перрон. Дильдар, покрепче прижимая к себе сына, стала протискиваться сквозь толпу. Где-то впереди раздался пронзительный свисток паровоза и грохот стальных колес. Толпа отхлынула назад, и Дильдар отдалась воле этой живой волны. Ее почти оторвали от земли и понесли. Наступали на ноги. На руках заплакал сын. «Осторожнее же, разве не видите, у меня ребенок!» — хотелось крикнуть ей, но она понимала, что это бессмысленно, и лишь закусила губы да старалась только, чтобы не раздавили малыша.

Однако причиной волнения, оказывается, явился товарный поезд. Он проскочил станцию, не останавливаясь.

Люди постепенно успокоились. Дильдар наконец удалось выбраться на более просторное место. Она издали увидела разыскивающих ее Анвару и Низамджана и помахала им рукой. Как только они подошли, Дильдар сразу же заметила, что подругу словно подменили. Она была бледна. От радости, только что пережившей ее, которой, наверное, хватило бы на всех собравшихся на привокзальной площади, не осталось и следа. Ресницы были мокры от слез.

— Что с тобой, подружка? — вырвалось у Дильдар.

Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Низамджан поздоровался, взял из рук Дильдар племянника.

— Ого, ты уже стал настоящим джигитом! — сказал он, щекоча Азимджана за ухом губами.

Дильдар обняла Анвару за плечи и почувствовала, как та трясется, не давая рыданиям вырваться наружу.

— Говори же, что случилось?!

Анвара, не в силах вымолвить ни слова, протянула ей помятую телеграмму. От Каримджана с Дальнего Востока. «Не удивляйтесь, что нахожусь в другой части света. Приезд откладывается на неопределенный срок. До встречи. Каримджан».

— Что он потерял там? Ведь война кончилась! — проговорила Дильдар с недоумением.

Анвара еще ниже наклонила голову, ее плечи затряслись сильнее. Дильдар собиралась сказать подруге что-нибудь теплое, ободряющее, но не успела. Опять толпа всколыхнулась. Послышался шум приближающегося поезда. Опять люди, словно поток,

опрокинувший плотину, хлынули на перрон. Над станцией разнесся протяжный и торжественный гудок паровоза. Низамджан, держа в одной руке племянника, другой крепко стиснул заястье Дильдар, боясь потерять ее в толпе.

В конце платформы показался медленно приближающийся поезд. Паровоз был украшен гирляндами цветов. На черном фоне цветы пестрели особенно ярко. На крышах зеленых вагонов сидели и даже стояли люди. Они цели. Некоторые сняли гимнастерки. А один солдат сидел, свесив ноги, и залихватски играл на гармонии. Из окон высовывались джигиты в расстегнутых гимнастерках, махали руками, что-то кричали. Им бросали цветы. Маки, васильки, ромашки, тюльпаны сыпались разноцветным дождем, цеплялись за кромку крыши, за окна, падали на рельсы, будто люди устилали ковром из живых цветов дорогу поезду, привезшему их отцов, сыновей, мужей и братьев.

Поезд плавно остановился у перрона. Встречающие замечались от вагона к вагону. Иноят, грубо расталкивая людей выставленным перед собой посохом, устремился к хвосту состава. И тут на подножке последнего вагона показался Агзам. На одной руке у него шинель, в другой чемодан. Еще поезд не остановился, он спрыгнул на платформу и сразу понал в объятия сестры. Отец бросил наземь посох, взял сына за плечи, несколько мгновений разглядывая его, потом крепко поцеловал в лоб, в щеки. Старик беззвучно плакал и утирал глаза шершавым рукавом чекменя.

Агзам, привстав на цыпочки и вытягивая шею, стал поверх людских голов оглядываться по сторонам. Увидел пробирающихся сквозь толпу Дильдар и Низамджана. Быстро поставил чемодан и, бросив на него шинель, направился им навстречу. Увидев его, Дильдар остановилась, резко вырвала свою руку у Низамджана. Братья обнялись. Агзам схватил сына, стал целовать его. А Дильдар глядела на них во все глаза и не могла шевельнуться, будто ноги приросли к месту. Агзам шагнул к ней. И тогда словно бы кто-то невидимый изо всей силы толкнул Дильдар ему навстречу.

Иноят, увидев это, насунул брови, обдал невестку холодом, повеявшим из глаз, отвернулся. И Дильдар в последнюю секунду удержалась, не повисла на шее у мужа, как того хотела, о чем мечтала все последние дни. Лишь слегка припала лицом к мужниной груди, скользнув ладонями по его плечам. Не поднимая головы, справилась о здоровье.

— Ну, как ты поживаешь, Дильдар? — спросил Агзам, обняв жену одной рукой, прикоснувшись к ее виску губами.

А сынишка обвил его шею ручонками и замер, будто боялся, что его могут забрать из рук отца.

В Горчакове сошло с поезда более сотни бойцов. Андижанские и наманганские джигиты, стоя у окон и на площадках вагонов, с восторгом глядели на своих товарищей, наконец-то свидевшихся с родными. Еще большее нетерпение и волнение охватывало их

при мысли, что спустя час-другой они тоже увидят своих близких и будет столько же слез и объятий.

Иноят, опять вооружившись посохом, направился к выходу с перрона. Остальные последовали за ним. Оказавшись на привокзальной площади, Дильдар вспомнила про Анвару. Подруги нигде не было видно. Дильдар сделала не по себе, стыдно стало, что оставила девушку одну. Так, кажется, и осталась Анвара стоять на площади, закрыв лицо руками, содрогаясь от плача, а мимо нее сносили, толкаясь, люди...

На краю площади их дожидалась машина, прибывшая из Чортерака. В кузове уже было полно народу. Они махали руками, звали. Иноят сел в кабину. Агзам передал сына младшему брату, взобравшемуся в кузов, посадил Рисолат, потом Дильдар.

Вдоль дороги, почти до самого Маргилана, толпами стояли люди. Они громко приветствовали проезжающих, поздравляли. На деревьях, на столбах, над калитками развевались флаги. А иногда у того или другого дома можно было увидеть неподвижно сидящих старика или старуху, облаченных в темные одежды. Горячим взглядом провожали они проезжающие мимо машины и утирали глаза платками. Видно, сердца этих людей уже испечены «черными письмами»...

Около маргиланского базара машина резко тормознула и остановилась. Иноят проворно выбрался из кабины. Он устремился в ворота и затерялся в толчее. Через некоторое время появился, неся что-то в своей старой домотканой суме, которую обычно брал с собой.

С того момента, как отъехали от станции Горчаково, Рисолат так и подмывало чем-то уколоть Дильдар: вот, дескать, как ни еренилась, а все одно тянешь руку к нашему пирогу. Когда остановились и ненадолго прекратилась тряска, при которой, если разговаривать, не долго и язык прикусить, она решила, что наступил удобный момент.

— Удивляюсь я некоторым людям, — невучим голосом произнесла она. — В родной дом целый год и носа не кажут, а перед мужем-то чистенькой хотят казаться...

Дильдар вздрогнула, будто ее и в самом деле кольнули, устремила на нее настороженный взгляд:

— Вы меня имете в виду?

— Умный и сам догадается, а с дурака и спросу нет.

Дильдар побледила, но превозмогла себя и спокойно сказала:

— Не надо, ана¹, очень прошу вас. Не омрачайте такой день.

Машина тронулась с места.

Рисолат криво усмехнулась. Агзам вопросительно посмотрел на нее:

— В чем дело, ана?

— Ты не вмешивайся, а только слушай. Тебе еще не все

¹ Ана — обращение к старшей сестре.

ведомо о наших делах. Настало время сказать несколько слов этой вертихвостке...

Но тут пассажиров так встряхнуло в кузове, что из головы Рисолат, видно, вылетело все, что она собиралась сказать.

Дильдар хотела заставить себя забыть причиненную ей обиду, лишь бы сегодня войти в дом мужа на правах близкого человека и, безропотно перенося укоры со стороны его родных, прислуживать ему до самого вечера, встречать и потчевать односельчан, которые придут с поздравлениями. Но вот еще не успели доехать и до кишлака, а уже пытаются ее унижить, втоптать в грязь на глазах у мужа. Что же они сделают с ней, если она переступит их порог? Уж лучше не ехать к ним. Она от них ушла, не от мужа, — и лучше никогда больше не возвращаться в тот дом. А муж, если любит, если истосковался по ней так же сильно, как она по нему, придет.

Машина приближалась к Чортераку. Вдали показались розовые глинобитные дома кишлака, утопающие в зелени. Серая лента дороги раздваивалась, обтекая кишлак с обеих сторон, а потом, уже где-то там, за виноградниками, снова сливалась в одну и убегала дальше, к Фергане. У развилки Дильдар захлопала по крыше кабины. Машина резко остановилась. Шофер приоткрыл дверцу и высунулся:

— Что там стряслось?

Дильдар, держась за борт, ступила на колесо и спрыгнула на землю. Поправив локон, упавший на лоб, несмело посмотрела на мужа:

— Пойдемте, Агзамджан, наш дом теперь там. Нам ближе по этой дороге, — сказала она, через силу улыбаясь.

Рисолат взвилась:

— Что ты за жена? Нахально влезла в нашу семью! А теперь хочешь всех нас чужими сделать?

Агзам растерялся. Он недоуменно глядел то на жену, то на сестру.

Из кабины выглянул Иноят.

— Что за базар вы подняли? — спросил он.

— Вай, она собирается ноготь отделить от тела, сына разлучить с отцом! — пронзительно заверещала Рисолат. — Как была нам чужой, так и осталась!

Старик крикнул и насупился, но заговорил вежливо, обращаясь к Дильдар. Как видно, считал неуместным кричать на нее при муже. Этим он унизил бы Агзама.

— Знаешь, детка... сколько у тебя накопилось обид на сердце, еще успеешь высказать. Оставь это на другой раз. Сегодня не надо, грех перед аллахом. Пусть Агзамджан вступит под родной кров, откуда мы и проводили его. А завтра или послезавтра со своим скарбом переедешь к нам и ты. Он все-таки муж тебе. А муж, как известно, переднее колесо телеги, жена — заднее.

Дильдар хотелось крикнуть свекру: мол, мягко стелете, да жестко спите, не верю больше вам. Но промолчала, опустила голову.

— Не дури, Дильдар, полезай в кузов, — сказал Агзам и протянул ей руку. — Что было, то прошло, забудется...

Дильдар отступила на шаг, взглянула в упор на мужа:

— Агзамджан, я ушла из вашего дома. Навсегда ушла... Сейчас вы и сами видите, из-за чего я это сделала. Мне больше невозможно жить, как прежде. Если вам дорог сын, если... если вы любите жену, то пойдёмте. У нас теперь есть свой дом...

— Хочешь, чтобы он отца на твою юбку променял, да? — жёлко бросила Рисолат.

Иноят сквозь прищур поглядел на сына. Заметил, что Агзам колеблется. Видно, тянет его все же к жене. А она красотой своей заманить старается. Эх, солдат, солдат, где же воля твоя и честь мужская?..

— Мой сын не станет жить в доме тестя, — резко сказал Иноят, не отводя взгляда от сына, и медленно обернулся к Дильдар: — Вот так-то. Не такой он мужчина, чтобы из него сделать ичкиева¹. Стоит ему только свистнуть, как к нему сразу же полный двор женщин набьют. Молоденькие девчонки нынче за стариков выходят. И... не порченые. Не набивай себе цену, милая, не торгуй собой...

Дильдар, словно бы не слушая тестя, не отрывала глаз, наполнившихся слезами, от Агзама. И он не выдержал — привстал, нерешительно взялся за борт кузова.

— Не смей. Сиди на месте, — раздался жесткий голос отца.

— Какая она тебе жена, если водилась с твоим родным братцем! — выпалила Рисолат, ставшая пунцовой от гнева.

Низамджан, сидевший до сих пор молчаливо, как чужой, вскочил, будто внутри у него распрямилась пружина. Сжав кулаки, подступил к сестре. Неизвестно, ударил бы он ее в гневе, но люди не дали, схватили его, начали успокаивать. Кто-то стал строго выговаривать Рисолат, стыдить ее.

Слезы обиды душили Низамджана.

— Дура! Дура ты! — закричал он сдавленным голосом.

Низамджан неожиданно выхватил из рук старшего брата племянника и спрыгнул на землю. Мальчик заплакал, отыскивая взглядом отца. Дильдар взяла сынишку на руки, крепко прижала его к груди.

Иноят с силой захлопнул дверцу.

— Гони! — приказал он шоферу.

Дорога была неровной, вся в выбоинах. Машину подбрасывало, швыряло из стороны в сторону. Позади нее клубилась бурая пыль. Сквозь нее Агзам вдалеке увидел Дильдар, торопливо шагавшую к своему дому. Обеими руками она крепко прижимала к себе сына.

Низамджан все еще стоял посредине дороги, широко расставив ноги, и смотрел вслед удаляющейся машине.

¹ Ичкиев — неимущий человек, переехавший в дом тестя, батрак.

По краям дороги возникли белоствольные, густо посаженные тополя и заслонили своей зеленью и Дильдар, и Низамджана. Да, совсем не так представлял Агзам встречу с ними. Ведь столько времени не виделись. Считал месяцы, дни...

II

Юнусали ота в протекавшем через двор арыке мыл кетмень. Вдруг ему почудилось, что слышит плач внука. Он положил кетмень в воду, прислушался. Да, он не ошибся, плакал Азимджан. Юнусали-ота заторопился к калитке, открыл ее. В просеме появилась Дильдар с сыном на руках. Мальчик плакал в голос и изо всех сил старался вырваться из ее рук. Он растрепал матери волосы, царапал ей лицо. «Па-па-а-а!.. Па-па-а-а!..» — приговаривал он, захлебываясь.

Старик взял внука из рук дочери. «В чем дело?» — вопрошал его взгляд. Дильдар ничего не сказала. Закусив губы, чтобы и самой не разрыдаться, она быстро прошла на веранду, села на разостланный у стены матрац и уткнулась лицом в колени.

Юнусали-ота не стал досаждать дочери вопросами. И так понятно, что произошло. Уж лучше было не говорить внуку, что у него есть отец. Не увидел бы его — спокойнее бы жилось. А то сами твердили и твердили малышу: «Скоро папа придет. У него на плечах погоны, на фуражке звезда. Паган тебе привезет...» Приехал. Не подарок, а горе привез ребенку.

Юнусали-ота ходил с внуком по двору, гладил его по спине, тихо приговаривая:

— Успокойся, мой верблюжонок... Угмонись, радость моих глаз...

Мальчик начал понемногу успокаиваться и вскоре уснул.

Юнусали-ота подошел к дочери, постоял возле нее. Тихо сказал:

— Возьми себя в руки, дочь. Пусть черный день уходит вслед за ночью...

Дильдар не шевельнулась.

— Ладно уж, доченька, будь снисходительна к нему. Человек с такой страшной войны вернулся, где каждую секунду жизнью рисковал. Небось ждал дня, когда наконец сына увидит...

— Нету у него ни сына, ни жены! — крикнула Дильдар, не в силах более сдерживать слезы.

— Не говори так, дочка, — мягко заметил Юнусали-ота. — Мальчонка-то при чем? Вон как переживает. Ведь сколько, бедняжка, ждал его. Все глаза проглядел. Надо сводить его к отцу...

Дильдар вскочила, отняла у отца сына. Лицо ее было мокрое, глаза недобро сверкали.

— Нет!.. Не пойду, не поведу к нему сына! Пусть лучше он ослепнет, чем еще раз увидит сына!.. Ой, сердце мое, почему ты не разорвалось, чтоб не дожить мне до этого дня!.. — причитала

она, прижимая к себе ребенка и покрывая его лицо поцелуями. Мальчик проснулся и опять завлакал.

Юнусали-ота нахмурился, сурово еказал:

— Не говори так. Пожалей ребенка.

— К-pane хочу,— пролепетал мальчик, потирая глаза кулачками.

Юнусали-ота многозначительно посмотрел на дочь:

— Вот видишь... Сейчас сам отнесу. Пусть хоть денек побудет с отцом. Не мучай ребенка, грех...

Дильдар опустила сына на землю. Мальчик тотчас побежал к калитке, приотворил ее и выскользнул на улицу.

— Ничего не поделаешь, дочка, если на роду так написано,— проговорил, вздохнув, Юнусали-ота и, сутулясь, словно его придавило свалившееся горе, медленно последовал за внуком.

Дильдар осталась одна. Ей казалось, что она в целом свете одна. Несколько минут она сидела, отрешенно уставясь в одну точку. Потом вздрогнула, будто вспомнив о чем-то, огляделась.

Утром, когда Дильдар отправилась на станцию, отец, как видно, полил палисадник, где цвела, распространяя терпкий запах, базилика. И двор подметен так чисто, что, если прольешь масло, можно до капельки собрать обратно. Кругом побрызгано водой, чтоб не было пыли. На супе стоит поднос с горкой риса, а рядом на клочке бумаги горсточка сора. Там же лежат очки отца с привязанной веревочкой вместо дужки. Изрядно натрудившись, отец сел перебирать рис для плова — чтобы ни соринки не попало в угощение.

Да, сегодня отец тоже готовился встретить зятя.

Все три года, которые Дильдар провела в разлуке с мужем, ей ныне припоминались как сплошной кошмар. Легко ли было спустя всего четыре дня после свадьбы оторвать Агзама от сердца и проводить на фронт? Когда от него не было писем, она ночи напролет кропила подушку слезами, от горя царапала себе лицо... Потом у нее родился сын. И она не была уверенной, что младенец увидит когда-нибудь своего отца. Ведь что ни день в Чортерак или в какой-нибудь другой соседний кишлак приходили «черные письма»...

Несчастье не обошло и их дома. Пришло известие о гибели Агзама. Дильдар занемогла от горя. А сердце подсказывало: «Нет, неправда это. Агзам не может не вернуться к своему ребенку, которого ни разу не видел. Ведь это было бы так несправедливо. А отец всегда твердит, что аллах все видит, что аллах справедлив!..» А ведь Дильдар ни в чем не виновата, чтобы аллах мог покарать ее. Разве только за то?.. При этой мысли Дильдар будто кипятком обдали. Она без благословения отца поддалась Агзаму. Он говорил ей такие слова, от которых у нее закружилась голова, померк разум. Она не отдавала себе отчета в том, что делает, покорно, как замороженная, последовала за Агзамом, когда он, крепко держа за руку, повлек ее в сторону от тропинки.

«О аллах, если ты есть, прости меня! Ведь я и так страдаю! Я за это уже поплатилась тем, что навеки потеряла Низамджана. Мы с ним дружили со школьных лет и думали, что не расстанемся. Клялись друг другу в верности. Прости меня, аллах, что я обманула надежды Низамджана, стала женою его брата. Ведь он простил, и ты прости!..»

Дильдар уткнулась лицом в колени и, прижимая к глазам подол платья, дала волю слезам.

«Ты же видишь, аллах, я осталась верна мужу. Может, это моя верность воскресила его из мертвых?.. Когда тесть и золовка хотели заставить меня выйти замуж за Низамджана, я ушла из их дома. Потому что не верила, что Агзам мертв, а не для того, чтобы удобнее было встречаться с Низамджаном, как это считают Иноят и Рисолат. Аллах, почему ты не обратишь свой гнев против них за то, что они возвели на нас такую напраслину?! Ты же всевидящий, ты знаешь правду! За что же посылаешь на мою голову новые испытания? Неужели я все еще не искупила перед тобой свой грех?!»

Дильдар, когда она жила в доме у Иноята, всегда казалось, что она уподобилась птице, свившей гнездо в стволе пушки. Грянет выстрел — и гнездо развеется по ветру. И выстрел грянул. С превеликим трудом Дильдар удалось свить гнездо в другом месте. Ждала, что ее сокол прилетит к ней. И вот ее мечты развеялись...

У Дильдар уже не хватало слез. Она впивалась ногтями себе в щеки, и лишь из груди ее вырывались глухие, постепенно затихающие стоны. Она чувствовала себя опустошенной, обессиленной, как после долгой болезни. Ей казалось, пожелай она сейчас подняться, не смогла бы. Обхватила колени, положила на них подбородок и сидела, устремив невидящий взгляд в одну точку. По ее телу пробежала дрожь — не то нервная, не то от вечерней прохлады.

Быстро сгущались сумерки. Издалека, с той стороны Чортерака, где находится дом Иноята, доносились рассыпчатые удары бубна и визг зурны. Слышались выкрики танцующих джигитов. Там, поди, собрались люди со всего кишлака. Большое празднество сегодня в их доме. В доме, ставшем для Дильдар чужим. Прошла радость мимо ее порога. Дождалась Дильдар этого дня, а счастья-то и не удержала... О аллах, если бы ты был справедлив, сегодняшний той должен был происходить вот здесь, в этом дворе, и Дильдар должна была сидеть рядом с Агзамом. Ведь она это заслужила. С того самого дня, когда Дильдар впервые оказалась в объятиях Агзама и, стиснув зубы, чтобы не заплакать от стыда и боли, глядела в бирюзовое небо, по которому медленно плыли редкие облака, похожие на рваные клочки ваты, она желала Агзаму только счастья. В те минуты, думая о том, сколько мук он испытал на войне, она и сама была счастлива оттого, что смогла подарить ему несколько мгновений радости...

Вдруг Дильдар передернуло от промелькнувшей мысли, будто ток пронизал ее плоть. В грудь проник холодок.

Конечно, как Дильдар ни возражала Низамджану, он, кажется, был прав, когда упрекал ее, что она принесла себя Агзаму в жертву. Наверно, это так. Она была ошеломлена его подвигами на войне, о которых он так живо рассказывал собравшимся гостям. И ей вдруг попросту захотелось сделать счастливым этого человека, передать ему свое тепло, которое сможет греть его в тех краях, где идет война и где, говорят, бывает очень холодно... Хотела сделать добро, а совершила непоправимое зло. Вместо желаемого счастья она принесла в дом свекра одно злополучие. Низамджан возненавидел своего старшего брата, ставшего мужем его любимой. Старик Иноят не мог не заметить этого. Вот и невзлюбил невестку. И когда в дом пришло известие о гибели Агзама, он решил исправить положение, выдав Дильдар за Низамджана. Не мог он никак взять в толк, что не смеет она так быстро нарушить верность мужу, которого не видела своими глазами на смертном одре... К тому же Низамджан не раз ей рассказывал, что у него есть девушка, которую он, кажется, любит. Не хотелось Дильдар мстить их счастью. И правильно сделала: Зехихон теперь ему стала хорошей женой. С ней ему живетя славно. А ведь он на ней женился лишь после того, как Дильдар намеренно стала обходиться с ним холодно. Низамджан уверился, что ее любовь к нему прошла окончательно, что они могут быть только братом и сестрой — не более...

Но Агзам... Агзам не оценил этого. Как видно, внял наговорам. Небось сейчас на тое по одну его сторону сидит Иноят, по другую — Рисолат. И оба на все лады склоняют ее имя. А Агзам слушает. Верит. Если б не верил, не слушал бы, к ней пришел бы, к своей Дильдар.

Двор был залит голубоватым светом луны. Шелковица, кустики базилики в палисаднике казались присыпанными серебряным пшесем. Но углам веранды пряталась густая пугающая тень.

Дильдар не заметила, как в калитку вошел отец. Она вздрогнула, тихо вскрикнув, когда около нее неожиданно легла четкая тень.

— Что ты до сих пор сидишь, дочка? Легла бы спать, — сказал отец.

Он подошел к супе, на которую черными расплывчатыми пятнами падала тень от кроны шелковицы, развернул скатанную постель, осторожно уложил мальчика. Сел на краю супы и, облокотившись о колени, обхватил голову руками.

Издали все еще время от времени доносились лихие и частые удары бубна. Кричали, танцуя, пьяные джигиты. Дильдар взяла себя в руки. Неслышно подошла к отцу, стала возле него, потупив голову, и тихо сказала:

— Простите меня, папа... Виновата я... Столько бед из-за

меня на вашу голову... Не принимайте близко к сердцу, переживем как-нибудь...

Юнусали-ота поднял голову, посмотрел на дочь. Ей показалось, что он не видит ее — как-то мимо нее смотрит.

— Ложитесь, пана. За день устали, наверное, — ласково сказала Дильдар.

— Верно, дочка. Утро вечера мудренее, — проговорил старик. — Крестьянин должен рано ложиться и рано вставать.

И Юнусали-ота медленно направился в дом.

За последние месяцы отец заметно постарел, ссутулился. Здоровье у него неважное. Вышел было на пенсию, а с возвращением дочери домой опять вынужден пойти работать. Правда, в колхозе его жалеют, стараются посылать туда, где полегче. Зато на Дильдар все подруги разобиделись. Как родился Азимджан, она день на работе, а неделю дома. То сын болеет, то самой нездоровится. Девушки на поле за нее отработывают, а потом и домой к ней приходят помогать нянчить сына, постирать то-се. Вот и выходит, что висит она на шее у отца да у подруг. А ведь прежде в ударницах числилась. «Эх, Азимджан, Азимджан, и радость ты моя, и горе...» Анвара настаивает отдать Азимджана в ясли и выйти в поле на прополку: дескать, будешь весь день среди подруг, и печаль вся развеется. У самой-то нет ребенка, вот и не поймет никак, что не так-то просто отдать родное дитя в чужие руки. Когда родит, тогда узнает... И на иждивении престарелого отца сидеть, конечно, стыдно.

Дильдар подошла к калитке, набросила на петлю цепочку. Вернулась к супе и раздела спящего сына. У него в кармане она обнаружила четыре винтовочные гильзы. К рубашке на груди мальчика была приколота звезда. Дильдар, держа теплые гильзы на ладони, долго смотрела на них. Они тускло поблескивали. Наверно, это последние патроны, которые Агзам разрядил во врагов. Ей вдруг показалось, что все четыре пули глубоко засели в ее собственном сердце — так оно заныло.

В этот вечер в доме у женщины, муж которой вернулся с войны с победой, вопреки обычаю, не зажигали света. Тишина царила в нем, будто он опустел. Дильдар лежала на супе рядом с сыном и глядела в небо. В вышине мерцали звезды, словно по фиолетовому бархату кто-то рассыпал крупный жемчуг. В кишлаке, должно быть, уже все уснули. С той стороны, где дом Иноята, давно перестали доноситься восторженные крики. Лишь мерно шумит, порой вздыхая, Анхор — горная река, что протекает по ту сторону сада, темнеющего за домом. Грозно ропщет Анхор, мча свою воду по каменистому дну, и манит чем-то к себе, манит. Не будь рядом с Дильдар сынишки, может, пошла бы... Кинулась бы в объятия Анхору, впервые нарушив клятву верности.

Анхор рассержен на нее, она знает. А прежде, когда Дильдар была еще малышкой, он всегда был к ней приветлив, как добрый дедушка. Она с раннего утра убегала резвиться на берег, отыски-

вала там самые красивые камешки и, наигравшись, по одному возвращала их реке. В ответ Анхор ей нашептывал дивные сказки. Дильдар, прячась от солнышка, забиралась под куст или усаживалась в тени широколобого валуна и, притихнув, слушала. Часто там и засыпала. И видела сказки во сне, как наяву...

Потом, когда уже повзрослела, вместе с ней стал приходиться к Анхору Низамджан.

Помнится, когда она, взяв парня за руку, впервые привела его на берег, Анхор вознегодовал — забурлил, запенился, начал в ярости перекачивать камни, нес вниз по течению деревья, вырванные с корнем. Кто знает, может, в горах прошел сильный ливень. Но Дильдар была уверена, что Анхор рассердился на нее, что пришла с парнем. Она высоко подняла руку Низамджана и, засмеявшись, крикнула, перекрывая шум воды, вытирая с лица брызги:

— Анхор!.. Не сердчай! Ведь это же Низамджан. Мы с ним поклялись никогда не расставаться!..

И Анхор поверил. Уже на второй день он встретил их приветливо. В его волнах плескалось солнце, и волны были теплыми и ласковыми. Дильдар и Низамджан выбирали самые укромные места и там купались, грелись на золотистом песке...

Выходит, Дильдар обманула реку. Да, Анхор теперь на нее, пожалуй, рассержен. Ведь обманывать старика — кощунство. А Анхор самый старый из всех, кого Дильдар знает. Он не даст ей утешения, выбросит на берег. Что же делать бедной Дильдар?..

Дильдар лежала неподвижно и, тихо всхлипывая, глядела на звезды. А по щекам пробегали, обжигая, слезы. Подушка под головой взмокла.

Вдруг кто-то толкнул калитку. Дильдар приподняла голову и прислушалась. Или показалось? Но опять кто-то снаружи задергал калитку. Потом в сердцах ударил по ней кулаком. Дильдар вздрогнула.

— Кто там? — трясаясь от страха, спросила она.

— Это я, Агзам. Открой, моя радость...

Дильдар метнулась было к калитке, но внезапно замерла посреди двора. Сердце в груди так запрыгало, что больно стало.

— Дильдар, не томи, открой же скорее. Я по тебе соскучился... — доносился с улицы голос Агзама.

Дильдар молчала. У нее кружилась голова. Ей показалось, что она вот-вот упадет. Она медленно направилась к супе, чтобы сесть. Но калитка в это время так затряслась, будто ее хотели выломать, и она вынуждена была подойти.

— Зачем пришли? — спросила Дильдар и сама удивилась тому, как спокойно прозвучал ее голос:

— Открой, открой, моя Дильдар! Дай мне наглядеться на тебя...

Язык Агзама заплетался, будто не умещался во рту. Агзам был изрядно пьян. Однако, по-видимому, на свете нет существа более отходчивого, всепрощающего, чем женщина. Нежные слова Агзама бальзамом пролились на изнывающее сердце Дильдар. Она потянулась к цепочке, но тут же, как от змеи, отдернула руку. С той стороны калитки слышалось тяжелое дыхание, невнятное бормотание, несло винным перегаром.

— Уходите! — с трудом произнесла Дильдар.

— Что?.. Что ты сказала? — спросил Агзам упавшим голосом, в котором теперь слышалось не столько наигранной бравады пьяного молодца, сколько удивления и растерянности. — Послушай-ка, образумься, — посоветовал он.

Дильдар не отозвалась.

— Пожалеешь. Ведь у нас ребенок.

Дильдар закусила задрожавшие губы, прислонилась спиной к калитке. Ей почудилось, что Агзам всхлипнул. В самом деле он плакал. Она явственно слышала его тихое подвывание. Время от времени Агзам шумно сморкался. Кого-то ругал. Дильдар зажала уши, чтобы не слышать этих подвываний, похожих на плач щенка. Ей стоило огромных усилий подавить в себе жалость к мужу. Может, она и не справилась бы с собой. Но вдруг калитка сотряслась от сильного удара. Агзам грязно выругался. Дильдар отпрянула от калитки и громко, вкладывая в голос весь гнев, скопившийся в ней, крикнула:

— Вы пренебрегли этим домом! Вы сделали посмешищем свою жену и ребенка! Уходите! Уходите-е!..

И затряслась в безудержном плаче.

Агзам со злостью бросил:

— Уч талак тебе! Троекратный развод! Изгоняю!..

Послышались тяжелые шаркающие шаги Агзама и, постепенно отдалившись, стихли. Дильдар сжалась вся. Будто увесистые булыжники, больно ранили ее слова мужа. Она знала, что после этого заклинания, по мусульманскому закону, мужчина не смеет вступать в связь с женщиной, пока та не побывает замужем за другим человеком.

Окна в доме открыты настежь. В комнате послышался кашель отца, проснувшегося от их перебранки. Дильдар заспешила к ребенку. В темном проеме окна показался отец в исподней белой рубахе.

— Ты правильно поступила, дочка, — сказал он. — По правде говоря, я не думал, что у тебя на это хватит мужества.

Дильдар не в силах была говорить — спазмы сдавили горло. Попробуй вымолвить словечко — из груди вырвется крик отчаяния. Дильдар легла рядом с сыном, обняла его и накрылась с головой одеялом.

Машина умчалась, взметнув густое облако пыли. Потом пыль рассеялась. А Низамджан все еще стоял на развилке и смотрел в сторону Чортерака. Вдалеке виднелись среди зелени приземистые глинобитные дома родного кишлака. У кого-то во дворе промышчал теленок. Кто-то ругался с соседями за то, что те не приглядывают за своими курами, которые то и дело забредают в чужой огород и обклеивают помидоры.

По дороге, огибающей кишлак слева, удалялась Дильдар. Вот она перескочила арык и вступила в тенистый урюковый сад. Ее оранжевое платье минуту мелькало, будто огонек, среди черных стволов урючин и исчезло. Одновременно что-то угасло в душе Низамджана.

Вот и исчерпана без остатка радость, которую Низамджан испытал, узнав, что сегодня приедет брат. Он думал, с сегодняшнего дня забудутся обиды. Ведь если бы его отец и сестра ради такого дня были с Дильдар приветливы, она бы, наверно, даже не пожаловалась на них мужу — ведь у нее такое отходчивое и доброе сердце.

Когда вечером ему сообщили о приезде брата, он решил, что на отца, старого человека, грех долго сердиться. Думал, отец и сестра обрадуются ему, как и старшему брату. Ведь и его, Низамджана, они не видели почти целый год. Низамджан всю ночь не спал, думая про то, как они встретятся, соберутся наконец опять все вместе. Чуть свет выехал из Наймана в Горчаково... Но не успел и перешагнуть родного порога, как на него снова вылили ушат помоев. При Агзаме ляпнуть такое! Про Дильдар. И про Низамджана, почитавшего ее сестрой с тех пор, как она стала женою брата.

Можно ли считать после этого, что Рисолат ему желает добра?.. Конечно! Ничего заветного не осталось для Низамджана в этом доме. Он больше никогда не вернется в Чортерака.

Так думал Низамджан. А не мог двинуться с места. Стоял и смотрел издали на родной кишлак. Ему казалось, что кто-нибудь, может, выйдет сейчас из ворот, поманит его рукой и станет уговаривать вернуться домой, к отцу, сестре, брату. Может, Агзам спохватится и придет за ним... Но нет, пустынна улица. Лишь чья-то пегая собака лежит в тени дувала и, временами клацая зубами, отгоняет мух.

Низамджан медленно побрел по дороге, по которой только что ушла Дильдар. Он не спешил. Все еще надеялся, что про него вспомнят и прибегут, чтобы позвать. А если он уйдет далеко, его не найдут. Он шел и то и дело оглядывался. Потом в сердцах махнул рукой и ускориł шаги. Вначале он даже не знал, куда идет. Уже потом осознал, что машинально выбрал дорогу в сторону Зириллямы. Там правление колхоза, того самого, где он сейчас работает и живет. Оттуда часто ходят машины в Найман. Может,

удастся и Икрамджана-ота увидеть, заменившего ему отца. Правда, его сейчас дома застать непросто. Неведомо на сколько времени слег в больницу Раимберди-тога, председатель колхоза, и все колхозные дела легли на плечи его заместителя, на плечи Икрамджана-ота...

Низамджану не хотелось идти через Чортерака. Он выбрал тропу, которая наискосок пересекала сад и вывела его на окраинную безлюдную улочку. Низамджан направился по ней размашистым шагом, чтобы поскорее выйти на большую дорогу. За спиной услышал торопливые легкие шаги и оглянулся. К нему, улыбаясь, приближалась Адолят. Удивленно выгнув дужки бровей, она спросила:

— Что с тобой? На тебе лица нет.

Низамджан пошевелил губами, но ничего не смог вымолвить. Забеспокоившись, что не выдержит и заплачет при Адолят, он отвернулся.

— Ладно, не говори. Не надо, — проговорила Адолят, не сводя с него настороженных глаз. — Ты к Анваре шел? Я тоже к ней. Идем.

У молодежи Чортерака давно вошло в правило приходить к Анваре, своему комсомольскому вожаку, по любому поводу. Неполомки на работе — идут к ней. Если у тебя какие-либо неприятности — только у Анвары можно получить дельный совет. Радость пришла в чей-то дом — опять бегут за Анварой.

Низамджан последовал за Адолят, хотя минуту назад вовсе и не собирался идти жалобиться к Анваре. У калитки Адолят обернулась и, приложив указательный палец к губам, предупредила:

— О Кариме ни слова...

— Почему? — машинально спросил Низамджан и вдруг вспомнил, что его собственные неприятности заслонили собой чужую беду. Занятый одним собой, он позабыл о горе Анвары и родителей Карима. Ведь сам же и принес ей лихую весть. Правда, не думал и не гадал, что в телеграмме, переданной ему в районе, горестное для Анвары известие.

— Ты же еще не знаешь... — с грустью проговорила Адолят. — От Карима пришла телеграмма. То писал, что скоро приедет, и Анвара его ждала со дня на день. А сейчас вдруг оказался на Дальнем Востоке, на границе с Маньчжурией. И неизвестно, когда его демобилизуют... В кишлаке все переполошились. О том только и говорят, что неспроста солдат, отвоевавших с немцами, теперь на Дальний Восток перебрасывают. Быть, говорят, еще одной войне...

Низамджану сделалось не по себе, что там, на станции, не отыскалось у него ни единого доброго слова для Анвары. Сейчас только вспомнил, как она побледнела, прочитав телеграмму. А он, даже не поинтересовавшись, что в той бумаге, твердил ей о своей радости, о том, что сегодня приедет брат. И лишь тогда узнал о ее

печали, когда она поделилась с Дильдар. А потом даже не заметил, куда Анвара пропала. Заспешил навстречу Агзаму, а про нее забыл.

— Хочу поговорить с подружкой, успокоить ее,— продолжала Адолят.— Если от близкого человека услышишь доброе словечко, горе не таким тяжким кажется. Тебя тоже, хотя ты и улепетнул из Чортерака, Анвара своим другом считает...

— Вот что, Адолятхон, ступай к ней одна. Я не пойду,— сказал Низамджан.— Я в другой раз...

И торопливо зашагал по улице.

До Зириллямы Низамджан добрался к вечеру. На столбе около чайханы уже горела лампочка, рассеивая желтоватый свет. На сури, покрытом паласом, сидели несколько человек. Они, тихо беседуя, пили чай. Низамджан поприветствовал их и прошел мимо. Но сзади донесся знакомый голос:

— Отца видел?

Голос принадлежал Умматали-ака, которого Низамджан не узнал в сумерках. Или не заметил — старик, нагнувшись, усердно массировал икры ног поверх голенищ.

— Хм, повидались...— обронил Низамджан сквозь зубы.

— Недавно твой отец прошел домой. Поспеши, может, застанешь. А то он собирался в Найман,— сказал Умматали-ака, сжимая корявыми пальцами голенища сапог.

Оказывается, сосед имел в виду Икрамджана, у которого Низамджан жил, когда перебрался в Зирилляму. Люди привыкли их считать отцом и сыном. Низамджан кивнул и ускорил шаги. С тех пор как у Икрамджана умерла жена, старик еще больше привязался к парню. Низамджан тоже был всегда внимательным к нему и называл его ота.

Еще издали Низамджан увидел свет на веранде. Значит, ота дома. Они не виделись уже больше двух недель. По-видимому, пока Раимберди-тога не выпишется из больницы, ота не часто сможет навещать Низамджана в Наймане. Из-за уймы всяких дел он чаще ночует в правлении колхоза, чем дома. Иногда и поест бывает некогда старику, довольствуется в чайхане одним чаем.

Калитка оказалась открытой. Икрамджан сидел перед очагом и смотрел на слабо мерцающие, угасающие уголья. Погруженный в думы, он не заметил появления Низамджана. Малиновый жар подернулся пеплом, а он не отрывал от него задумчивого взгляда. Вид у ота был очень усталый. Он здорово похудел за эти дни. А на голове, кажется, еще больше прибавилось седых волос.

Низамджан тихо кашлянул. Икрамджан обернулся. Минуту вглядывался, щурясь, потом сказал:

— Пришел, сынок? Где же ты пропадал так долго?

Он потянулся за костылем. Чтобы дать ноге отдохнуть, он сидел, отстегнув протез. Низамджан присел с ним рядом, обнял за плечи:

— Не беспокойтесь, ота, сидите. Если надо что-нибудь сделать, сам справлюсь.

— Оббо, милый ты мой. — засмеялся старик, будто тихо закашлял, и взъерошил волосы на затылке Низамджана. — Сидеть буду — ходить разучусь и руки от работы отвыкнут, сердце обленится, покроется жиром, а там, глядишь, и жизнь несладкой окажется. Не-ет, не привык я свои дела на других переключивать... Давеча я у соседа справлялся о тебе. Он сказал, что ты в Чортерак подался. Ну, приехал брат-то?

Низамджан кивнул. Поковырял хворостинной жар в очаге. Она вспыхнула, и он придавил ее сапогом.

— А я сижу и о тебе думаю: вернется или нет?.. Если бы ты и остался там, в Чортераке, все равно бы для меня был что сын родной...

Низамджан молчал. Только покрепче обнял старика. А тот ни о чем не допытывался. Сам понимал, что Низамджан, надо думать, не от избытка радости вернулся сегодня в Зирилляму, когда в родном доме играют той в честь благополучного возвращения с войны брата.

Чем дольше молчишь, тем больше безотрадных мыслей лезет в голову. Старик вздохнул и сказал, спеша нарушить тишину:

— Вынеси-ка, сынок, из дому блюдо. В нем плов. Я его завернул, чтобы не остыл. Горсточку какую-то приготовил, да и та в горло не лезет — не привык есть один. Как хорошо, что ты пришел...

Икрамджан, опираясь на костыль и палку, подошел к супе, развернул лежавший там узелок. В нем оказалась каза с шакаропом — наперченным салатом из помидоров, лука и огурцов, — накрытая сверху румяной лепешкой.

Низамджан вынес плов.

Ели не спеша, молча. Низамджан глотал с трудом. Он не отказался от ужина, чтобы только не обидеть старика.

Потом Низамджан заварил крепкий чай в фарфоровом чайнике. Икрамджан, держа пиалушку за донышко, подул в нее и стал шумно прихлебывать. Опять его начала угнетать тишина. С тех пор как в доме нет его старухи, он, кажется, начал бояться тишины. Все-таки хорошо, что Низамджан вернулся.

— Ты молчишь, сынок, а я вижу: произошло у тебя что-то неладное, — заметил Икрамджан. — Но не отчаивайся, сынок. Если судьба дарит человеку один черный день, то на смену ему приходят десять светлых...

Низамджану больше некому было излить душу. Она у него изболелась за день. И он рассказал Икрамджану все, как было.

Старик поставил пиалу с недопитым чаем на дастархан и сокрушенно покачал головой:

— Да, не повезло Дильдар, бедняжке... Ты-то на земле стоишь крепко. В отцовской поддержке не нуждаешься. Свое уж гнездо свил. Зебихон у тебя — славная жена... А Дильдар труднее.

Женщина все-таки, и ребенок на руках. Куда податься ей? Правда, она совсем не глупа и пойдет свою дорогу. Но пока соберется с духом, придется, сердечной, помыкаться...

— Они сегодня такое плели про его жену, а он словно в рот воды набрал... Дильдар пошляла, что он не стоит ее.

— Э-э, сынок, не знаешь ты женского сердца, чтобы такое понять... Эх, что там говорить!.. Ладно, поздно уже. А завтра рано вставать. Постели нам обоим рядышком на этой суне. При луне сон крепче бывает. До чего же я рад, сынок, что ты пришел. А я себе места не находил. Жутко одному в пустом доме. Пришел еще засветло, подмел во дворе, в комнатах прибрал, чтобы занять себя чем-нибудь. А все равно успокоиться не могу. С тех пор как ты переехал в Найман, домой не хочется приходить. Вот частенько и остаюсь ночевать в правлении. Кстати, как идут дела в Наймане? Много целины освоили?

— Дела неплохо идут, ота. Вы давно у нас не были. Соберитесь как-нибудь. А то найманцы обижаются. Говорят, заместитель Тоги к нам интереса никакого не имеет.

Икрамджан улыбнулся:

— Если найманцы председателя называют Тогой, дела наши пойдут на лад. Люди из уважения стали Раимберди называть Тогой — дядей, значит.

— В Наймане уважают Тогу, хотя у нас и большинство приезжих...

— На целину приезжают только те, кто по-настоящему любит землю. Вот выздоровеет Тога, и я переберусь в Найман.

— Мы с Зибихон давно вас ждем, ота.

— Встретил на днях Туляnbая. Ну, брат ты мой, и расхвастался же он: мы и то сделали, и это!..

— Он всегда больше говорит, чем делает, — смеясь заметил Низамджан.

Икрамджан, видать, очень устал за день — как только положил голову на подушку, тут же уснул. А к Низамджану сон не шел. Ему вспомнилась тетушка Джаннат. Бывало, он и Икрамджан так же вот улягутся на суне спать, а она все хлопочет и хлопочет по хозяйству. Перемоет всю посуду в летней кухне, а потом еще и шить садится. Низамджан ни разу не видел ее отдыхающей. Как только она, старая женщина, могла столько работать?.. Вдруг Низамджану привиделось, что тетушка Джаннат вышла из дому с чайником, присела на краешек веранды, где любила обычно сидеть, и налила в пиалушку чаю. Она заметила, что Низамджан смотрит на нее, и приветливо сказала: «Ты тут, сынок, присмотри за своим ота. Ему тяжело без меня. Но он всю жизнь был терпеливым — какую бы боль ни испытывал, никому не пожалуется. Ты уж позаботься о нем...»

...Проснулся Низамджан, когда краешек солнца выглянул из-за дувала и пригрел ему голову. Икрама рядом не оказалось. На деревьях чирикали воробьи. Из сада послышался кашель.

Низамджан быстро оделся и поспешил туда. Икрамджан пускал из арыка воду под айвовые деревья, листья на которых раньше времени пожелтели и увяли. Опираясь на костыль, он держал кетмень одной рукой и, ловко орудуя им, подправлял канавку для воды, не давая ей убежать в сторону.

— Ота, дайте я сам! — сказал Низамджан, взявшись за кетмень.

— Ты, сынок, лучше подбрось несколько щепок в самовар, — сказал ота, не прерывая работы.

Древесные угли, разоженные Икрамджаном в самоваре, давно обратились в пепел. Самовар чуть слышно шумел, будто в него залетела муха. Низамджан выгреб золу, набросал поверх угольков щепок и пошел к арыку умываться. К его возвращению самовар уже весело наигрывал на сурнае, а в следующее мгновение бурно заклокотал.

Низамджан убрал постель и, расстелив на супе дастархан, стал дожидаться Икрама.

Что ни говори, а мужчина есть мужчина. Как бы он ни старался, а такого порядка, какой могут привести женские руки, он создать не может. Любо-дорого было поглядеть на этот двор при жизни Джаннат. В нем царили чистота и уют. А теперь? Дувал начал крошиться и обваливаться. Деревянный желобок, по которому с крыши стекает дождевая вода, смывает ливнем. Струи бежали по стене, разрушив карниз и оставив потеки. У хозяина, видно, не доходили до всего руки, а может, попросту отсутствовало желание заниматься чем-либо по дому: мол, один на земле, как-нибудь и так доживу до смертного часа...

В палисаднике перед верандой, где некогда пестрели яркие цветы и распространяли по двору нежный аромат, ныне торчали засохшие стебли базилики и целлозии, пучки сорной травы, загнувшей клумбу еще в прошлом году. И сама трава уже пожелтела, пожухла без воды.

Два окна дома выходят на южную сторону. Эта комната самая солнечная и светлая. Строя дом, Икрамджан предполагал отдать эту комнату сыну, когда тот приведет к нему невесту и попросит родительского благословения. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Не суждено, стало быть, Турсуну пожить в своей комнате. Ее заменила ему тесная могила, вырытая Икрамджаном среди болотных густых тугаев...

С веранды двустворчатая, украшенная резьбой дверь ведет в коридор. Справа две небольшие комнаты. В первой из них Икрамджан любил сживать длинными зимними вечерами, грея ноги в сандале, коротая время с друзьями-сверстниками, которые частенько, бывало, заходили к нему. А тетушка Джааннат приносила им свежесваренный душистый чай. Не успевал остыть предыдущий чайник, она приносила другой...

А ныне тишина царит в доме, глядящем во двор пустыми глазницами окон. Икрамджан раз или два в неделю заглянет

сюда, а то и вовсе не приходит. И приходит-то, наверно, лишь затем, чтобы посидеть в одиночестве да вспомнить жену, сына. Заходит то в одну комнату, то в другую. Кровать, стол, тумбочка, сундук в нише, поверх которого сложена постель. — все на прежнем месте. Ничто не изменилось. Будто он, Икрамджан, вовсе и не остался один как перст в целом свете...

Как все-таки обманчива судьба! Ведь здесь, в этом самом доме, Джаннат дарила ему счастье, с которым не может сравниться ни одна радость в мире. Икрамджан, держа в руках новорожденного младенца, перешагивал этот порог, сияя подобно солнцу. И семь раз он заворачивал свое счастье в савац, переносил через этот же порог и возвращался, предав новорожденного сырой земле.

А нынче и жена, поровну делившая с ним и радости и горести, лежит в могиле. И единственный сын, ставший когда-то радостью его жизни, надеждой, остался навеки среди болот, где вокруг, насколько охватывает взгляд, лишь колышутся и шелестят камыши...

Что-то шумно плюхнулось в арык, прервав раздумья Низамджана. Икрамджан, вернувшись из сада, бросил в воду кегмень, чтобы отмокала налившая грязь. Вытирая мокрые руки о поясной платок, он подошел к суну и сел. Низамджан налил ему чаю.

— Ота, видимо, пора намазать крышу. Осень на носу, скоро начнут дожди, — заметил как бы между прочим Низамджан.

Икрамджан взглядел на обвалившийся карниз и промолвил:

— Незачем...

— Почему же?.. — удивился Низамджан. — Позову друзей, и за час-два покончим с этим делом.

— В этом нет нужды, сынок. У тебя и своих дел невпроворот. А этим пусть займется колхоз... Я надумал вот что. Давно в голове вертелась такая мысль, да все колебался, жалко как-то было. А вчера решил. Как только Раимберди-тогу выпишут из больницы, скажу ему — пусть мой дом забирает под детский сад. Он собирался новый строить. Незачем деньги выбрасывать, когда готовый имеется. А для меня найдется в колхозе жилье по-проще...

— Вай, ота, ведь мой дом — ваш дом.

Старик минуту молчал. От волнения он то потирал лоб, то запуская пальцы в бороду. Вдохнул так глубоко, что в груди послышалась хрип, и проговорил:

— Своим детям не суждено, стало быть, резвиться в этом доме. Так пусть хотя бы резвятся дети других.

В голосе Икрамджана послышалась боль и такая горечь от невосполнимых утрат, что понять его мог лишь человек, знающий о его прошлом. Низамджан настолько проникся переживаниями старика, что у самого заняло сердце. Ему захотелось обнять Икрама, прижаться виском к его лицу. Но мужская честь не позволяла обнажать свои чувства. Трудности должны делать муж-

чину суровым. Человек чем больше испытал в жизни, тем он мужественнее.

Как только выпили чай, Икрамджан тотчас поднялся.

— Ты поедешь в Найман? — спросил он.

— Да. У вас будут поручения?

— Нет. Поезжай с богом. Завтра или послезавтра сам на-ведаюсь.

Они вышли на улицу и на калитку повесили замок. Около арыка под шелковицей сидел на низенькой скамеечке сосед Умматали. Он, закатав брюки выше колен, массирует себе ноги.

— Все грешь, братец, донимает? — спросил с сочувствием Икрамджан.

— Еще как донимает, дружище. Всю ночь не сомкнул глаз. Мой сын Азизхан на рассвете привез из Ташлака доктора. Вот это вонючее растирание дал доктор. Говорит, в Чартак надо ехать, в санаторий. Видно, придется согласиться, мочи нет больше терпеть. Опять обременю сына заботами. А ему и без меня хлопот хватает.

— Ничего, на то и дети, чтобы на старости лет заботились, — заметил Икрамджан и вздохнул: — У меня вот нога деревянная, и то иной раз кажется, что болит...

— Как там Тога наш?

— Я вчера навестил его. Выздоровливает. Через денек-другой выпишут.

— Да-а... С тех пор как получил известие о гибели единственного сына, в себя прийти не может, бедняга.

— Еще бы, горе человека не красит...

Икрамджан и Низамджан пришли на гузар. Около правления колхоза былолюдно. Отсюда отправлялись машины в Найман. Икрамджан похлопал парня по плечу и, пожелав доброго пути, направился к правлению. У входа оглянулся, еще раз кивнул ему и отворил дверь.

Если спешишь, то чаще всего не везет. Низамджан это давно заметил. Вот и сейчас, как назло, машин в Найман не было. Низамджан уже четверть часа расхаживал взад-вперед по тенистой аллее и нервничал. Наконец-то из-за угла, погромыхая, выехала полторка, груженная железными бочками. Втиснувшись между бочками и кабиной, стоял Тулянбай. Он озирался, кого-то высматривая. Одежда на нем была неизвестно какого цвета и лоснилась, будто его только что вываляли в масле.

Низамджан заметил жену Тулянбая, сидевшую около клуба на скамейке, держа на коленях большой узел. Увидев мужа, она выбежала на дорогу и замахала ему рукой. Тулянбай спрыгнул с машины, взял у нее узел.

Низамджан приблизился к ним.

— Э-э, здорово, свояк! Что ты тут делаешь? — удивился Тулянбай. — В своем кишлаке побывал, в Чортерাকে-то? Ведь сегодня там вся ваша родня!

— Был, — буркнул Низамджан и пасунился.

Во сколько же ты встал, что успел оттуда прийти?.. В Найман едень? Вот сейчас умоюсь, и отправимся вместе. Зебихон здорова?..

Не дожидаясь ответа, Тулянбай сунул в руки Низамджана узел и, закатывая на ходу рукава, заспешил к арыку, густо обсаженному шелковицей.

Жена Тулянбая, в отличие от мужа, была принаряжена, будто собиралась на той или возвращалась с той. На пальцах позолоченные кольца сверкают, в ушах — серьги-полумесяцы. Из обернутого дастарханом тазика, веученного Низамджану, приятно пахло самсой.

А я была в Чортераке в гостях. Вот с той гостинцы детям везу, — сказала сестра Зебихон, и в ее взгляде Низамджан прочитал упрек. Не иначе, наслышалась о нем разговоров.

Жена Тулянбая была значительно старше Зебихон, но следила за собой, любила наряжаться. Хоть ей было и за сорок, на лице ни морщинки. Даже в годы войны, когда жилось трудно, Низамджан ни разу не видел старшую сестру своей жены с не подведенными усьмой бровями. Тем не менее она наравне с мужчинами работала на рисовом поле, на окучке хлопка, на прополке бахчей. И кто работал рядом с этой женщиной, обычно не замечал усталости. Остроумной шуткой, удачно ввернутым словом она вызывала у окружающих смех. Болтала без умолку, будто ее язык состязался в работе с ее проворными руками. Глядя на нее, и девушки красили усьмой брови и пудрились. Когда собирались вместе, забывали о горе, о грусти... И никто не догадывался, каких усилий стоило этой немолодой женщине развеивать тоску у девушек.

Впрочем, и сам Тулянбай не замарашка. Кто знает, может, это он благодаря жене всегда одевается опрятно. Одежда на нем неизменно отутюжена. Но что касается бороды, тут уж можно не сомневаться, ее-то он холит сам. Она всегда у него аккуратно подстрижена, расчесана.

Когда Тулянбаю случается в базарный день поехать в Маргилан, он непременно обойдет все торговые точки, подбирая для жены наряды. Потом уже отправляется в тот именно магазин, в котором увидел наиболее понравившееся ему платье. Поэтому, когда жена собиралась на той или какое-нибудь другое празднество, он набирался смелости советовать ей, какое из платьев надеть... Видно, поэтому сейчас при встрече он так внимательно оглядел ее с головы до ног и только потом удовлетворенно улынулся.

Тулянбай прибежал от арыка рысцей, утираясь носовым платком. Жену посадил в кабину. Низамджану жестом показал на кузов и, вскарабкавшись раньше его, крикнул шоферу:

— Поехали!

Дильдар чуть свет ушла в поле. Азимджан, как только открыл глаза, начал плакать и просить дедушку отвести его к папе. Юнусали старался отвлечь внука — рассказывал ему сказки, дал поиграть своей тыквенной табакеркой из-под наса. Мальчик заслушивался и забывался всего на минутку, а потом снова начинал хныкать. Тогда Юнусали решил прогуляться с внуком по улице, повести его в колхозный сад и показать, как зреет вишня. Он накормил внука простоквашей с крошками хлеба, быстренько одел и, взяв за руку, направился к калитке. Калитка неожиданно распахнулась, едва не сбив Азимджана с ног. В проеме возникла Анвара.

Одного взгляда было достаточно Юнусали, чтобы определить, что у этой девушки тоже на сердце камень. Анвара улыбалась и старалась держаться молодцом, а веки у самой припухли и были красны. Видно, всю ночь проплакала.

— Я к Дильдар. Она дома? — спросила Анвара.

— Она ушла на заре в поле, — сказал Юнусали.

— Да? Ну ладно, — проговорила Анвара и быстренько ушла.

«Куда же это Дильдар могла отправиться спозаранок? — встревожился Юнусали. — Если бы она была на работе, Анвара бы видела ее...»

Старик взял внука на руки и неторопливо зашагал по улице. Увидел едущего навстречу верхом на осле Иноята, который в сердцах тыкал животное в круп халачой — заостренной палкой. Не хотелось Юнусали с глазу на глаз встречаться со своим сватом. Не лежало к нему сердце. Однажды слышал, как Иноят в чайхане среди почтенных стариков говорил: «Мой сын вначале соблазнил Дильдар, а потом уже женился — из жалости. Простыня осталась чистой в брачную ночь, аллах свидетель. Хотел я ее сразу и прогнать, да сын вступился — выложил всю правду...»

Свет померк перед глазами Юнусали в ту минуту. Хотел подойти, схватить бессовестного старика за грудки, но земля качнулась под ногами. Прислонился к дверному косяку, чтобы не упасть. Прошла минута, другая — и остыл. Отходчив он. За всю жизнь не причинил никому зла, словом никого не обидел. Решил и на этот раз не унижать себя перебранкой с наглым человеком, не поганить рта сквернословием. Аллах все слышал, пусть рассудит. Повернулся — и пошел вой из чайханы.

И сейчас хотел пройти мимо свата, сделав вид, что его не заметил. Но не тут-то было. Иноят натянул поводья и придержал осла.

— Что же это вы, сват, накручиваете хвост своей дочери?... — желчно спросил он. — Мой сын вернулся, вырвавшись из когтей самой смерти. Вместо того чтобы радоваться вместе с нами, вы настраиваете дочку против мужа. Не приличествует это почтенному

человеку. Не приличествует. Стыдно... Пойдемте лучше домой, сядем друг против друга да обговорим все толком...

Азимджан приник к деду, обхватив ручонками его шею, и исподлобья наблюдал за Инояттом, боясь, что тот может забрать его и посадить в хурджуи — двойную суму из грубой шерсти, висящую по бокам осла.

— Давайте сведем молодых. И пусть такой славный мальчик не лишится отца, — закончил Иноят и молитвенно провел по бороде руками.

— Пусть будет так. — согласился Юнусали, подавляя в себе прилив негодования. — Однако лучше, если молодые сами договорятся между собой. Сейчас время такое, что не родители определяют судьбу детей...

Сказав так, Юнусали проследовал дальше, приговаривая внуку на ухо что-то ласковое. Иноят усмехнулся, глядя ему вслед, затем огрел осла халачой и погнал его по дороге.

Юнусали свернул на неширокую улицу, которая вела к колхозному саду. Мимо проехала полуторка. Она неожиданно остановилась, и ее накрыло взметнувшейся позади нее пылью. Шофер выпрыгнул из кабины и, широко улыбаясь, подошел к Юнусали. Вынув из кармана два красных яблока, дал мальчику.

— Каким ты молодецом стал! — сказал он, ласково ущипнув ребенка за пухлую щеку. — Папа твой во-о какой герой! А что он тебе привез с фронта, а?

Азимджан горделиво выпятил грудь и показал на звезду, приколотую к рубашонке. Вручив яблоки деду, полез в карман и вытащил две гильзы.

— Во!

— И-и, вот это да! — восхитился шофер и зацокал языком. — Эх, был бы у меня такой папа-герой, хвастался бы я перед дружками.

Шофер, погладив мальчика по голове, побежал к машине и сел в кабину. Полуторка с грохотом понеслась дальше.

Азимджан взбрыкнул ножками и попросил опустить его на землю. Он забежал вперед и крикнул деду:

— Посмотрите, как ходит мой папа!

Мальчик зашагал ему навстречу, жестко ударяя каблукми о землю и размахивая руками. Приблизившись, остановился и по-солдатски отдал честь. Дед засмеялся, хотел обнять внука, но тот не дался, вирипрыжку побежал по краю дороги.

Старик с нежностью смотрел вслед убегающему ребенку — в эту минуту он ради него, как и в тот вечер, когда Агзам вернулся, готов был пойти в дом к Инояту и просить быть снисходительным к его дочери. Лишь бы Дильдар не разлучалась с мужем. Ради сына. Ведь ребенок, едва научился произносить первые слова, без конца говорил об отце, ожидал его приезда.

Юнусали решил этим же вечером непременно зайти к Инояту. В конце концов, он же его пригласил...

Дедушка и внук, взявшись за руки, миновали бревенчатый мостик, за которым по обе стороны дороги раскинулся обширный колхозный сад. Они свернули на узкую, еле приметную в высокой траве тропинку, и их со всех сторон обступили развесистые деревья. Густые кроны переплетались высоко над головой, и лишь кое-где между ними проглядывало небо.

Вдруг под одной из урючин Юнусали увидел стоявших, потупясь, друг перед другом Дильдар и какого-то мужчину, облаченного в полосатый чанан и защитную фуражку. Он не сразу узнал Агзам, поменявшего военную форму на обиходную одежду. Юнусали собрался было повернуться и потихоньку уйти, чтобы не помешать им поговорить с глазу на глаз, честь по чести, но в этот момент Азимджан тоже заметил стоявших в отдалении отца и мать. Он радостно вскрикнул:

— Па-па-а-а! — и, путаясь в высокой траве, побежал к ним.
— Азимджан, куда ты? Азимджан! — позвал дед.

Мальчик не обернулся. Он с разбегу кинулся на шею отцу. И, оказавшись на руках у него, тут же завладел его фуражкой и водрузил на себя.

Агзам, прижав сына к груди, сел на поваленное дерево. Дильдар радостно глядела на них и улыбалась.

— Ну, вот и хорошо... Вот и хорошо... Отец и сын должны быть вместе... Кхе-кхе... — тихо приговаривал Юнусали и медленно шел в обратную сторону. Он старался идти на цыпочках, чтобы случайным шорохом или хрустом переломившейся под ногой ветки не потревожить утренней тишины, не помешать объяснению двух близких людей. — Сам аллах подсказал мне привести сюда внука...

Выйдя из сада, Юнусали вновь повстречал Иноята-аксакала на мосту.

— Шел гулять с внуком, а возвращаешься один?.. — заинтересовался Иноят.

— Перепоручил родителям, — ответил Юнусали, не в силах сдержать улыбки.

— Которому из них, матери или отцу?

— Обоим сразу. Гуляют там в саду, абрикосы-то уже начали зреть. Агзамджан соскучился, должно быть, по нашим абрикосам...

— Ишь ты-ы!.. — проговорил Иноят, меняясь в лице. — Абрикосов, значит, отведать захотелось...

Он свернул ослика с дороги и направился в сад.

Агзаму хотелось убедить Дильдар, что она не права. Специально для этого он вышел затемно на дорогу, подкараулил ее, когда она шла на работу. И вот уже целых два часа уговаривает жену вернуться домой, а она твердит свое: «Нет, не вернусь...»

— Ты подумай, Дильдар, — говорил Агзам. — Мой отец составил, неизвестно, сколько ему осталось жить. Как же я оставлю его одного?

— Довольно, — поморщилась Дильдар. — Я это уже слышала.

— Странная ты... Что плохого тебе сделали отец и моя сестра?.. Ведь я имею свой дом, а ты предлагаешь перебраться к тебе. Не пойдю! Иснокои веков заведено, что жена приходит в мужнин дом...

— Да. Если дом для нее становится родным.

Агзам долго молчал, собираясь с мыслями. Он задумчиво уставился в одну точку, прижав голову сына к щеке. Потом произнес сдавленным голосом, с трудом выговаривая слова:

— В конце концов, существует и мужская честь. Ты собираешься унижить меня перед моими друзьями и знакомыми. Кто назовет меня мужчиной, если я свяжу свои вени в узелок и, как баба, перекочую к тебе?.. Нет, хочешь жить со мной, возвращайся в мой дом, а нет — как знаешь... Это последнее мое слово.

Дильдар в упор посмотрела на Агзама. Она чуть прищурилась, и глаза ее сделались колючими.

— Что ж, если вы сказали все... тогда выслушайте меня. — Она задумалась на минуту, подбирая слова, чтобы не слишком больно ранить мужа, и опять заговорила, решительно, резко: — Вы так много говорили о мужской чести. А останется ли она незапятнанной, если будет попрана честь вашей жены? Или, по-вашему, вернуться в дом, где меня силой хотели выдать за вашего младшего брата, а когда я не согласилась, назвали меня потаскухой, — это не бесчестье? Жить в доме, владелец которого проклял своего сына, единственного человека, вступившегося за меня. — благородно ли это?.. Мы с Низамджаном остались добрыми друзьями. Видно, правду говорят, что друг всегда бывает братом, а брат не всегда бывает другом. Вы в последний раз отнеслись к нему не как брат, а подло! Вы, как чужого, ссадили его с машины на полпути, оставили на дороге! Ни вы, ни сестра, ни ваш отец не позвали его домой, родного вам человека! А почему? Потому что в самый тяжелый момент, когда я готова была руки наложить на себя, он помог мне. Низамджан защитил вашу жену и этим навлек на себя гнев отца и его проклятье, наговоры вашей сестры и слетни обывателей. И вы тоже оттолкнули его, как чужого!.. Нет, в доме, где родной человек оказался чужим, я никогда не стану своею...

— Дильдар...

— Не перебивайте. Выслушайте до конца. Вы сетуете, что ваш отец состарился и неизвестно, сколько он еще проживет. Мой отец тоже не молод. Однако я живу, думая о будущем своего ребенка, а не о смерти отца. Смысл моей жизни — Азимджан. А вы?.. Ради чего вы воевали? Отстаивали хужру отца, полную баракла? Другие защищали жизнь своих детей, а вы лежали в окопе и, наверно, думали, как бы не пошло прахом накопленное вашим отцом наследство?..

— Замолчи! — гневно процедил сквозь зубы Агзам: его лицо перекосилось, как от боли. Слова Дильдар, словно пули, вшивались в его сердце. У него на коленях сидел сын, и это в какой-то

мере успокаивало. А не то та самая «мужская честь», о которой он говорил, может, давно сжала бы его пальцы в кулак. Он скрипнул зубами, его глаза засверкали. Но Дильдар не испугалась. Ей хотелось высказать ему свою боль, накопившуюся в душе за это долгое время.

— Я проклинаю тот день, когда встретила вас! — крикнула она, и из ее глаз хлынули слезы. Она не вытирала их, а может, и не замечала. — Вы встали между мной и Низамджаном и сделали нас чужими. Зачем? Скажите! Зачем все это было, если, кроме мук, вы мне ничего не дали?

Азимджан увидел бабочку на лиловом цветке. Он срыгнул с колен отца и погнался за бабочкой. Насекомое, мелькая пестрыми крылышками, перелетало с цветка на цветок. Мальчик осторожно подкрадывался, но, едва протягивал руку, бабочка взлетала.

Агзам сидел понурив голову, будто побитый. Слова Дильдар были справедливы, поэтому они словно бы хлестали его по лицу. «Я действительно ей не дал еще ничего хорошего. Война была. Неужели она не понимает, что я просто не успел?..»

— Я понимаю, что было тяжелое время. И не вы в этом виноваты... — проговорила Дильдар, как бы прочитав мысли Агзама. — Но для меня самой большой радостью в те черные дни могли быть ваши письма. А вы... Вы поверили тому, что вам написала ваша сестра. И, перестав писать, лишили меня единственной утехи. А я ждала. Писем ждала. Потом вас ждала. Даже когда сказали, что вас нету в живых, все равно ждала...

Дильдар прислонилась к корявому стволу дерева и прижала к глазам кончик косынки, сползшей на плечи. Потом повязала косынку на голову. Она была бледна, губы сжаты.

Агзам сидел в той же позе, будто нежданная беда пригнула его к земле и не дает выпрямиться. И вдруг Дильдар стало его жаль. Ведь у него действительно трудное положение: не так-то просто сделать выбор между отцом и женой с ребенком. Все равно что сердце разрезать надвое.

Глубокий вздох вырвался из груди Дильдар. Не вздох — пламя. От этого пламени ее бросило в жар. И вдруг такая нежность переполнила ее, что не выдержала: порывисто нагнулась, заключила в объятия голову мужа, прижала к груди и зарыдала, горько-горько.

Поблизости загорланил осел, будто икая. Дильдар обернулась и увидела Иноята. Он замахнулся на животное халачой, прервав его крик, и поддал в бока ему каблуками. Ослик мотнул головой и быстрее засеменял по тропинке.

Дильдар машинально отстранилась от мужа и утерла концом косынки слезы. Поглядев по сторонам, позвала сына:

— Азимджан, где ты? Иди сюда скорее!..

Иноят приблизился. Придержав ослика, закричал:

— Как это называется?.. Вы муж и жена или она тебе любовница? Почему в дом не ведешь, а в кустах с ней прячешься? Сты-

даться надо, стыдиться!.. — Его дрожащий голос свидетельствовал, что он крайне разгневан.

Агзам резко встал. Появление отца было столь неожиданным, что он растерялся. Инойт неприязненно оглядел с ног до головы Дильдар, перевел осуждающий взгляд на сына. Его жидкая борода мелко-мелко подрагивала.

— Порядочная женщина не прилипает где попало к мужчине. В девках, виляя хвостом, заманила парня! И теперь?.. Ласк захотелось? Коль невтерпёж — ступай домой, перетачи свой скарб! Тогда сочту, что ты жена моего сына. Ух, бесстыдница!..

Азимджан, с опаской оглядываясь на Инойта, приблизился к матери и уткнулся в подол платья, будто понимая, что ее хотят обидеть.

— Отец, попридержите язык! — сказал Агзам.

— Что-о? Что ты сказал, глупец! — возмутился старик. — И это отцу? Ступай домой, пока я не проломил тебе башку вот этой халачой!

Агзам втянул голову в плечи, будто в самом деле над ним занесли палку.

— Отправляйся, говорю!

Агзам покорно сделал несколько шагов. Выйдя на тропинку, обернулся к Дильдар, хотел что-то сказать. Но опять раздался гневный окрик отца:

— Долго я буду ждать? Шагай!

Агзам тихо сказал ему, потупясь:

— Вы поезжайте, отец, а я приду следом.

— Нет. Ты будешь идти впереди меня! Чтобы я мог видеть, если эта... поманит тебя пальчиком!

— Я не пойду, отец. Поезжайте.

На отца не приличествует повышать голос. Агзам изо всех сил старался говорить спокойно. Его лицо побелело, как мел. Казалось, полосни по нему ножом — и капля крови не выступит.

— Ты отцу смеешь возражать? Чья-то юбка тебе дорожке? — закричал Инойт, округлив холодные вылинявшие глаза.

— Отец, прекратите! Я прошу вас, — сквозь зубы процедил Агзам.

Старик с неприсущей ему ловкостью спрыгнул с осла и, сжимая в руках халачу, угрожающе двинулся на сына.

— Лучше остаться в целом мире одиноким, чем иметь такого сына, который смеет дерзить отцу!

Старик замахнулся, но Агзам вырвал у него палку и отбросил ее далеко в сторону.

— Я вам не Низам, отец! Поостерегитесь!.. — предупредил Агзам, сверкая белками глаз, и слегка оттолкнул от себя Инойта.

Ноги старика запутались в траве, и он чуть не упал.

— Чтоб ты едох! — прохрипел он. Его душили спазмы. — Разве этого я ожидал от тебя, когда растил?.. Со дня твоего возвращения с фронта в нашем доме не переводятся гости: все тебе

желают здоровья, счастья, а деньги-то расходую я! Ты, голодранец, ешь мой хлеб и на меня же руку заносишь?! Вайдод, мусульмане! Помогите-е! Мой сын меня ударил! Мусульмане, поглядите на отцеубийцу! Как только земля не разверзнется под ним?

Дильдар не выдержала и дерзко бросила:

— Не орите так громко! Постеснялись бы, ребенка напугали.

— Ты, вертихвостка, не вмешивайся! Ты для нас -- тьфу, вот кто ты. Ты, тварь, годишься только в подстилки, а не в жены!..

Агзам, не помня себя, рванулся к отцу. Но в последний момент опомнился. В бессилье занес над головой руки и, издав что-то нечленораздельное, похожее на стон или вскрик, на мгновение замер. Потом быстро подошел к Дильдар. Взял ее за руку, подхватил сына и решительно зашагал прочь.

— Стой! Стой-о-ой!.. — завопил Иноят, в истерике тоная ногами. — Вернись, бесчестный сын! Ведь прокляну! Вот увидишь, прокляну-у!..

Агзам не обернулся.

Иноят, собираясь приступить к проклятью, молитвенно простер перед собой руки, обратив их тыльной стороной к лицу.

— Прокляну же, страшно прокляну!..

Агзам ускорил шаги, увлекая жену и прижимая к себе при молкшего от страха сына. На них золотистыми пятнами вспыхивали солнечные лучи, пробивающиеся сквозь кроны деревьев.

V

Агзам вернулся домой поздно ночью. Осторожно, стараясь не скрипеть, открыл калитку.

В комнате горел свет. Иноят сидел на курпаче, посланной около стены поверх паласа, и услаждал себя чаем. При появлении сына он насупился и даже не взглянул в его сторону. Агзам опустился на другом конце курпачи. Ждал, что отец начнет дознаваться, где он был. Но старик неторопливо прихлебывал чай и помалкивал.

На летней кухне гремела посудой Рисолат. Через некоторое время она принесла брату чайник свежезаваренного чая и пиалу.

— О аллах, — вздохнула она, присаживаясь с ним рядом. — Что ты наделал, мальчишка?

— Что именно? — спросил Агзам, отхлебнув чай. Обжегшись, поморщился, стал дуть в пиалу.

Рисолат замялась, не зная, с чего начать, принялась разглаживать на коленях сборки платья.

— Туда ходил?

— Да.

— И не постыдился пойти к этой... к этой... как ее... срамной женщине? Которая отвратила от тебя лик и попраала твою честь?

К лицу Агзама прилила кровь. Он резко поставил пиалу.

— Довольно! С одного фронта я на другой попал, что ли? Рисолат усмехнулась и пожала плечами:

— Мне-то все равно. Тебе жить, не мне. У меня свой дом, свое хозяйство.

— Если так, то не вмешивайтесь, — сказал Агзам и протянул пшалу, чтобы сестра налила чаю.

— У нас старший отец, — продолжала Рисолат. — Его младший сын оказался непутевым, покинул родной очаг. Выходит, и старший не лучше?.. Что люди про нас станут говорить, если и ты уйдешь из дому?..

Агзам молчал, задумавшись. Слушал. Рисолат торжествовала в душе, что ее слова, кажется, возымели действие. Желая окончательно разжалобить брата, она всхлинула и утерла слезы платком.

— Ты посмотри, на кого стал отец похож. Покоя не имеет, все для дома старается. Если мы его не будем жалеть, душа нашей мамы не найдет успокоения на том свете. Если бы она была жива, и без нас было бы кому присматривать за ним. А сейчас...

— Про маму лучше не говорите! — перебил ее Агзам. — Это вы — ты и отец — загноили ее в могилу. Экономили копейку, чтобы накопить, а мама день-деньской работала и ходила в лохмотьях, полуголодная. Из-за вас она получила чахотку...

Рисолат в эту минуту ожидала от него чего угодно, но не этих слов. Ее губы задрожали и сделались бесцветными.

Иноят, опрокинув чайник, вскочил с места. Гулко ударяя посохом об пол, приблизился. Наклонясь над Агзамом, впился в него взглядом:

— Вот каким наглецом ты вернулся с войны? Видно, приберет нули, чтобы послать их в сердце отцу и сестре, да? В этом доме все будет так, как я хочу! Вот весь мой сказ.

— А я, может, хочу жить иначе?

— После моей смерти будешь жить как хочешь!

— Вот почему сбежал от вас Низамджан! Вот почему ушла Дильдар! Я же знаю: вы хотели ее выдать замуж за другого сына, чтобы из дому не уплыло ее имущество. Вас не столько согнули годы, отец, сколько скарედность...

— Заткнись, проклятый, услышит кто-нибудь.

— Пусть слышат! Если вы скажете еще что-нибудь плохое про мою жену, я поступлю, как Низамджан!

Иноят выпрямился. Он дышал шумно, раздувая ноздри. Борода его тряслась.

— Ладно, покинь меня и ты. Покинь меня, жестокий сын! — сказал он и ударил посохом об пол. — Все люди, узнав, что ты на ядреные бедра женщины променял отца, стоящего одной погой в могиле, отвернутся от тебя, будут презирать тебя, станут плевать тебе в след!.. Вот увидишь!..

Иноят бросился во двор. Отшвырнув посох, он опустился на землю и, ударяя руками по коленям, пронзительно заголосил:

— Вайдо-о-од! Мусульмане, где же вы? Оказывается, не сына

я вырастил, а чудовище! Думал, цыплят высиживаю, а вывелось утят, ой, мусульмане!..

— Перестаньте позориться! — вскричал Агзам.

— Куда ни пойдешь, все равно найду. На небо взлезешь — за ноги стащу, под землю спрячешься — за уши вытяну-у! — голосил с подвываниями Иноят, не переставая колотить себя по коленям.

Агзаму стало невмочь выносить это. Он швырнул на курпачу чапан, надетый на него сестрой в день торжественной встречи, сорвал с гвоздя гимнастерку. На ходу напяливая ее, зашагал к калитке. За ним увязалась Рисолат, стараясь удержать за рукав.

— Братик, братик, опомнись, — приговаривала она, всхлипывая.

— Пусть вам останется ваш дом. Подавитесь им, — огрызнулся Агзам и со злостью захлопнул калитку.

Его тотчас окутала густая темень. Луна еще не взошла. Она не греет землю, но при ее свете всегда кажется теплее. Агзам зябко передернул плечами. В первое мгновение он еще знал, куда идти. Хотел напрямик податься к Дильдар, но вспомнил, как в прошлый раз, неожиданно-негаданно явившись к ней ночью, скребся в калитку, скулил, как жалкий пес, просил впустить да так и ушел, словно оплеванный.

Агзам медленно побрел по улице.

Сегодня он весь день пробыл с Дильдар на поле. Отнес Азимджана к дедушке и прямехонько зашагал на хлопковое поле. Пришел и диву дался: там одни женщины работают, будто никто из джигитов еще не вернулся в кишлак. Нашелся кетмень и для него. Но отвыкли руки от такой работы. На фронте все четыре года баранку крутил... Что ж, согласился поорудовать кетменем, чтобы рядом с Дильдар побывать.

Долго они толковали с Дильдар, но так и не пришли к согласию. Слишком велика была у нее обида на его отца и сестру... Как поразительно она изменилась. Прежде была стоворчивая и покорная. А ныне — кремень. Неужели время так может влиять на людей? Все эти годы женщины обходились без мужчин, ловко справлялись с хозяйством. Может, зазнались? Может, возомнили, что и впредь смогут обходиться сами?..

Агзам вспомнил сына. В тот вечер отец Дильдар принес Азимджана к нему и сказал: «Чтобы твой сегодняшний праздник был настоящим, подержи на руках своего сына». Добрый старик Юнусали. Он и правда будто рукой снял с сердца Агзама тяжелый камень. А то не успел даже хорошенько разглядеть ребенка, запомнить, какие у него глаза, брови, определить, похож ли на него, — их неожиданно разлучили. И праздник ему стал не в праздник. И вот благодаря Юнусали Азимджан вновь сидел у отца на коленях, визжал от восторга, трогал его погоны, пытался оторвать значки от гимнастерки и примерял на себя фуражку с блестя-

щим козырьком. Агзам целовал сына, вдыхал исходящий от него аромат.

Но вскоре Азимджан начал проситься к бабушке. Он, хныча, отталкивал отца, упираясь ручонками ему в грудь. Агзам догадался, что сыну противен запах водки. К тому же, наверно, захотел спать. Юнусали посадил внука на спину и тихо удалился. Никто не заметил его ухода, кроме Агзама. У него опять упало настроение. Он свернул солдатскую самокрутку и глубоко затянулся.

Ему и сейчас захотелось курить. Он пошарил в карманах и вспомнил, что кисет с махоркой оставил в шинели.

Агзам не заметил, как оказался перед знакомой калиткой. Ноги сами опять привели его к дому Дильдар. Как видно, он немало бродил по кишлаку, прежде чем оказался здесь: высоко на небе уже ярко светила луна. На одной из створок калитки Агзам увидел отчетливый отпечаток подошвы — след пинка. И снова до мельчайших подробностей в памяти всплыл тот недавний вечер...

Помедлив, Агзам толкнул калитку. Она отворилась. Двор был залит голубоватым лунным светом. Листья на деревьях и цветы в палисаднике серебрились. Дильдар, тоже носеребрянная луной, снимала с веревки просушенные рубашонки сына. Ее белое платье, казалось, излучало свет. Услышав шаги, она обернулась да так и застыла. Агзам остановился. Ждал, что скажет Дильдар. Она и не гнала, и не звала. Глядела на него, не отводя глаз. Гадала, зачем пришел, что привело его сюда — любовь ли, хмельная ли опять похоть?

Веранда была освещена неяркой лампочкой. Юнусали сидел на курпаче и забавлялся с внуком — щекотал его бородой, а тот смеялся, заливаясь колокольчиком. Этот детский смех словно бы разбудил Агзама. Он решительно направился к веранде. Взял на руки сына. Азимджан обхватил шею отца ручонками, прильнул к нему. А Дильдар все еще стояла на том же месте и, улыбаясь, глядела на них. Давно так не улыбалась Дильдар. Разве только в первые дни замужества.

Агзам поздоровался с тестем за руку.

— Вот я и пришел, ота, — сказал он. — Хочу быть отцом своего сына. Если в чем виноват, простите...

Теперь лишь Дильдар поняла все. А что только не пронеслось у нее в голове за эти несколько минут. Она поднялась на веранду, сняла с гвоздя белое шелковое сюзане и накрыла им порог. Агзам, ступая по нему, зашел в дом. Теперь это был их дом, его и Дильдар.

— Я просил бабушку быть моим папой. А он сказал, что ты мой папа. — слегка картавя, сообщил Азимджан, притрагиваясь к густым широким бровям отца, к его векам, носу, будто хотел убедиться, что перед ним действительно его настоящий отец.

Агзам и Дильдар переглянулись. И улыбнулись друг другу. Однако в сердце Дильдар холодной эмсией вползла тревога. Она

хотела бы изгнать от себя ее, но не могла. Была уверена, что Иноят не простит ее, не оставит в покое и Агзама.

Она подошла к мужу и прижалась виском к его плечу.

VI

Лето было на исходе. Уже налились грозди винограда, и в каждой ягодке стали просвечиваться зернышки. В садах зрели персики. Кишлячные ребятишки удивительным образом раньше всех узнавали, на каком дереве фрукты спелее и слаще. Они уже отказывались от еды, что готовили им матери, и, чуть свет убежав из дому, до отвала наедались ароматного винограда чарос, персиков и абрикосов. Теперь в их руках чаще можно было увидеть сорванные невесть на чьей бахче небольшие желтые дыни-хандаляки, источающие сладкий запах. Они выхваливались друг перед дружкой и спорили, чья пожива спелее. Когда препирание достигало предела, ребятишки отыскивали укромное место и усаживались в кружок. Счастливый обладатель самой лучшей дыни разламывал ее о колени и, разделив на ломти, угощал товарищей. Затем доходила очередь и до остальных хандаляков.

Радостная пора для ребятишек — конец лета и начало осени.

Нынче у взрослых тоже что ни день, то радость. К кому-то вернулся наконец муж, пролежавший долгое время в госпитале. Кто-то получил письмо от сына. А в чей-то дом возвратились сразу два джигита, провославшие от начала до конца и не получившие ни парашины. Вот радости-то!..

Особое удовольствие испытывают старики. На дню в двух-трех домах надо побывать, поздравить с радостным событием — и всюду угощения, да какие! Ради такого дня родные фронтовиков не скупятся выставлять на дастархан все, что сберегли для этого счастливого тоя. Посидят старики, пожелают хозяевам добра, отведают того-сего — и направляются в следующий дом. Ко всем уснуть надо. Не успеешь — обидятся. А на место ушедших приходят новые гости...

Скорбно притихли, понурились те дома, которые не обошла беда. Их хозяева, получившие «черные письма», чтобы не испепелить сердца переживаниями и не оставить детей своих круглыми сиротами, стараются находиться почаще среди людей. Ведь радость соседей и их радость. Как огонь можно загасить водой, так и горе заглушается радостью. Да, взрослые научились побеждать скорбь. А дети еще этого не умеют. С грустью смотрят они на веселящихся сверстников, чьи отцы вернулись с войны. Они тоже играют вместе со счастливыми, резвятся, смеются, но в их глазах навсегда останется непреходящая грусть. Увязываются за детьми, которые понацениляли на себя медали отцов, надели фуражки со звездами, и просят дать им потрогать эти диковинные вещи рукой.

В одном доме играют той, в другом — расправила черные крылья печаль.

В доме Иноята той отпраздновали давно. Теперь Иноят день и ночь в хлопотах. Едва забрезжит рассвет, он отправляется верхом на ослике в Маргилац, везет фрукты продавать. А вечером возвращается с приобретенным в городе товаром. Ему хорошо ведомо, в чем более всего нуждаются сельчане. Привозит мыло, сахар, махорку, а иной раз и по несколько отрезков на платья. Люди берут. Хоть и с переплатой, но покупают. Какую цену заломит, такую и дают. Еще и спасибо говорят. Самим-то им недосуг по базарам да магазинам шастать — страда наступила. В садах и на хлопковых полях дел невыворот. Самое что ни на есть подходящее время, когда Инояту можно подзашибить копейку. Если бы еще не отвлекала от дела дума о сыне, выгодные сделки радивали бы его куда больше. Как вспомнит, что Агзама перетянула к себе эта чертова баба, так самый солнечный день для него становится ночью, даже самая богатая выручка не тешит.

Иноят с молодости научился дорожить минутой. «Одна минута — это одна копейка» — говаривал он. Теперь тоже ему было жаль понапрасну растрачивать время. Тем не менее он считал необходимым когда-никогда, проезжая мимо, на несколько минут навесываться к свату и, не ступая далее калитки, осыпать его бранью. Он чувствовал, как после этого на сердце легчало, и направлял ослика по дороге, ведущей в Наманган...

Третьего дня вернулся домой зять, муж Рисолат. Дочь то встречает, то провожает гостей. Будто ни до чего другого ей дела нет. А с деревьев в саду опадают перезревшие персики, воробьи клюют черешню. Гостям конца не будет, а семье убыток. Вон сколько добра даром пропадает, место которому на базаре. А ему, старику, разве под силу и собирать фрукты, и продавать. «Эх, Агзам, Агзам, ведь я на тебя рассчитывал!..»

А давеча повстречалась Инояту Раис-апа, председатель колхоза. Он, бывало, издали ее увидит — на другую улочку сворачивает. Потому как во встречах с ней приятного мало. А сейчас не успел. Едва поздоровались, она о том же, что всегда:

— Иноят-ота, не справляемся с работой-то. Хлопчатник сорняки глушат. Вышли бы на поле, подсобили дочери и невестке...

Иноят придержал осла и с кислой миной на лице схватился за поясницу:

— Ой, ападжан! Один аллах знает, как я жоку. Еле ноги передвигаю. Иной раз поясница так болит, что без чьей-то помощи разогнуться не могу. И сам с досадой думаю о том, что люди без конца играют той, веселятся, а про главное-то дело свое позабыли — хлопчатник без присмотра оставили. Мне, старому человеку, и то совестно за них. Хочется самому взять кетмень да пойти на работу — чтоб молодым совестно сделалось. Но боюсь, выйду в поле — там и останусь. Здоровье у меня, ападжан, уже не то, что было прежде...

— И прежде, помнится, вы не особенно жаловали работу в поле, — с усмешкой заметила Раис-апа и прошла мимо.

Циоят заторопил осла, желая поскорее скрыться из виду.

В правлении Раис-апу дожидалась Анвара. Вид у нее был усталый. Она заметно похудела за последнее время. На ее бледном, осунувшемся лице стали резче выдаваться скулы. Веки красные — наверно, не высыпается. Достается бедняжке. Чтобы заставить молодежь работать, когда вокруг праздника, нужно подавать личный пример. Анвара чуть свет отправляется со своей бригадой на поле и возвращается с заходом солнца. Видно, что устала. Впрочем, сейчас все устают. Лишь бы не подорвала себе здоровья...

Раис-апа отперла кабинет и жестом пригласила Анвару войти. Садясь за стол, она уловила на себе раздумчивый взгляд девушки, полный сочувствия. Люди за эти годы научились не высказывать вслух участливых слов, но то, что отражают глаза, скрыть невозможно.

Что и говорить, и сама Раис-апа выглядит не менее усталой. Ведь председатель живет заботами о всех людях колхоза, а о себе подумать некогда. К тому же жизнь ее не щадила, волосы на голове выбелила все до единого. Ей еще и пятидесяти нет, а выглядит старухой. На второй год войны ей принесли извещение о гибели мужа. Стала троим детям и матерью и отцом. В работе забывала о горе.

Раис-апе до слез было жалко молодежь, на плечи которой легла вся тяжесть. И вот нет войны, даже трудно поверить. С каким нетерпением люди ожидали этих светлых дней! Вот и гуляют теперь. В кишлаке что ни день, так той, где собираются почти все сельчане. Нелегко Раис-апе нынче напоминать людям о работе, а надо. Все думала: «Пусть поликуют да отдохнут день-другой, а потом наверстаем упущенное...» А для хлопчатника не день, а час дорог. Вот и послала за Анварой, чтобы поговорить с ней о колхозных делах, поделиться задумкой.

Анвар сидела напротив, по-детски положив ладони на колени. Ждала, что скажет Раис-апа.

— От Каримджана есть что-нибудь? — спросила председатель.

Анвар, не поднимая глаз, отрицательно покачала головой:

— Телеграмма была. И больше ничего...

— Сама-то как?

— Ничего.

— А девчата твои?

— Держатся. Не жалуются.

— Сколько человек в твоей молодежной бригаде?

— Двенадцать девушек и четыре парня.

— Вы молодцы, стараетесь. Но все равно одна твоя бригада

в колхозе всей работы не переделает. Как ты думаешь, что бы нам предпринять, чтоб не приходилось больше ходить из дома в дом, собирая людей на работу?..

— Надо поговорить с фронтовиками. Без их помощи нам не обойтись. Ведь их ждали, на них надеялись...

— Вот что, милая... Ты свою бригаду сегодня в поле не веди. Ступайте сейчас в сад. Там все поросло травой. Окопайте деревья и пустите воду. А еще — это поручи парням — надо очистить там площадку и подмести. Словом, наведите порядок. До вечера справитесь?

— Думаю, что да. Должны гости приехать? — поинтересовалась Анвара.

— Устроим вечером застолье в саду. Будем чествовать наших фронтовиков. Всех сразу. А потом — за дело...

В дверь заглянул заведующий складом с кинной бумагой, принесенных на поднос. Увидев, что председатель и комсорг колхоза о чем-то серьезно беседуют, решил не мешать. Но Раис-ана громко позвала его:

— Входи, входи! Как раз ты мне и нужен. Пошли машину на пастбище, пусть привезут пару баранов. Покрупнее да пожирнее. А наваю — пекарю — отошли мешок муки. Скажи, пусть к вечеру напечет лепешек. Побольше, сотни полторы.

— Ладно, ана, все сделаю, как велите, — закивал завскладом.

— Ну, тогда не теряйте времени.

Завскладом оставил на столе бумаги и удалился.

— А ты, Анвара, подожди, — остановила девушку Раис-ана, едва та направилась к двери. — Поручи девушкам собрать скороспелого винограда и персиков к вечеру. И надо из клуба привезти в сад столы и стулья...

— Хорошо, — сказала Анвара.

— После обеда наведаюсь к вам.

Анвара ушла.

Раис-ана позвала сторожа. Она дала ему список с фамилиями и поручила к шести часам вечера собрать всех этих людей в саду. Сказала, той будет.

Сегодняшнее торжество, как предполагала Раис-ана, должно быть не совсем обычное. Вчера она присутствовала в райкоме на совещании председателей колхозов. Большинство руководителей крупных хозяйств сетовало, что из-за непрекращающихся гулянок остановились полевые работы. Но ни один председатель не решается запретить людям отмечать по всем правилам возвращение близких с войны. Раис-ана про себя отметила, что, оказываясь, не она одна столкнулась с этой проблемой.

Секретарь райкома подал хороший совет: собрать фронтовиков и их родственников в одно место и устроить большой той для всех сразу. А заодно попросить вернувшихся домой мужчин оказать содействие колхозу...

Председателям такая идея пришла по душе.

...Девушки расчистили обширную площадку между деревьями. Подмели, побрызгали водой. С таким старанием они, пожалуй, убираются только дома, когда ожидают гостей.

Парни расставили столы, стулья, провели электричество. Лампочки висят прямо на деревьях, будто дикие груши. Девчата принесли из дому самую красивую посуду. Столы накрыли белыми скатертями, которые вышивали своими руками, расставили красиво разрисованные блюда и вазы с фруктами.

Гости только еще начали собираться, а шашлычник уже усердствовал вовсю. От его жаровни поднимался сизый дымок и, сляясь, растекался между деревьями. Запах поджаренного мяса напоминал колхозные тои, устраиваемые еще до войны. Колхозники радовались, про себя отмечая, что, кажется, вновь возвращаются добрые старые времена.

По дороге шли и сворачивали в сад джигиты, нацепившие по случаю сегодняшнего торжества ордена и медали. Многие из них несли на руках своих детей, а рядом с ними шли жены, надевшие нарядные платья, повязавшие на голову шелковые платки с кистями.

Сегодня и Раис-апа приделась, прихорошилась. Черный открытый костюм, надетый на белую блузку, придавал ей строгость и как бы подчеркивал торжественность сегодняшнего вечера. На ее груди сияли два ордена Ленина.

Девушки молодежной бригады расселись у стола все рядышком. Давно им не было так весело. Они щебетали без умолку, смеялись и незаметно приглядывались к джигитам в гимнастерках. Подмечали, лукавые, у кого сколько наград. По количеству орденов и медалей хотели определить, кто настоящий батыр, а кто так себе.

Впрочем, и самим им есть чем похвастаться перед джигитами. Многие из девчат были удостоены правительственных наград. Анвару в прошлом году наградили «Знаком Почета» и медалью.

— Подружка, что же ты не надела своих наград? — спросила у нее Дильдар.

— Чтобы рядом со мной не померкли знаки отличия фронтовиков! — отшутилась Анвара.

Девушки засмеялись. Стояло появиться в поле их зрения новому гостю, они тотчас начинали таинственно перешептываться.

— Если бы у меня была хоть одна медаль, сегодня надела бы на грудь... — проговорила Дильдар с грустью.

Дильдар, конечно, понимала, что не заслужила никакой награды. Кто заслужил, тех отметили. А она последние два года была с головой погружена в свои личные дела, не могла сполна отдавать себя работе. А когда ушла от свекра, то сын болел, то сама, исстрадавшись, чувствовала себя вконец обессиленной, боялась упасть на грядке и по целым дням лежала в постели с мокрой тряпкой на голове. Пенсии отца стало не хватать, и он пошел опять работать. Помогал как мог...

Девушки, которых правительство отметило наградами, в большинстве сборщицы. Вон вертлявая Хамро. Ни минуты не сидит спокойно. Что-то говорит, жестикулирует, не таясь на парней взгляды бросает. Глаза блестят ярче ее медали.

А вот и Адолят. Принесла две бутылки лимонаду. Пусть мужчины нюют свою горькую. Можно только удивляться, как это им горькая, обжигающая рот водка может нравиться больше, чем фруктовая вода. Девушкам конечно же это непонятно. Они подсластили бойкую на язык Адолят к парням, выменять у них побольше лимонада на бутылку вина. Но те не расщедрились — больше двух бутылок не дали.

Адолят села рядом с Анварой. Адолят тоже трактористка. Ее научил еще Холмат, ставший после окончания школы лучшим трактористом в колхозе. Адолят вначале была у него подручной. А потом, когда Холмат ушел на войну, села на его трактор.

Интересно, где сейчас Холмат? Жив ли?.. У него теперь никого не осталось в Чортераке. Была единственная бабушка, и та умерла. Может, он проведал об этом и решил не возвращаться в родной кишлак? Многие ведь прямехонько направляются на всякие там стройки...

Славный парень был Холмат. Он школу окончил на два года раньше Дильдар... Однажды, помнится, Анвара после занятий проводила в их классе комсомольское собрание. Она и тогда была комсоргом у них. Дильдар в школе задержалась больше чем на час. Уже совсем стемнело. Она заторопилась домой. О чем-то задумалась. Вдруг кто-то появился из-за дерева. От неожиданности Дильдар страшно испугалась. Но тут же узнала Холмата. «А я тебя уже больше часа поджидаю», — сказал он, заикаясь от волнения. «А зачем?» — удивилась Дильдар. «Хочешь, я тебя на тракторе научу ездить?» — «Фи, я артисткой хочу стать, а не трактористкой. Наш преподаватель по физкультуре так и сказал, что с моей внешностью можно сниматься в кино...» Холмат пожал плечами и опустил голову. Кажется, обиделся. «Глупый, стоило ли столько ожидать, чтобы предложить такое?» — подумала Дильдар и звонко засмеялась.

Холмат в упор взглянул на нее. Так взглянул, что она тут же оборвала смех и смутилась.

«Ну и не надо! — в сердцах сказал Холмат. — И без тебя найдутся, кто захочет стать трактористками!.. Подумаешь, артистка!» Он круто повернулся и зашагал прочь. А Дильдар, размахивая портфелем, вибрирующую побежала домой.

После этого Холмат научил ездить на тракторе Адолят.

Дильдар училась во вторую смену и с утра была свободной. Она тоже несколько раз ходила с Адолят помогать Холмату. Адолят уверяла, что ей неудобно быть на поле с парнем одной, и тащила ее с собой. Дильдар бегала по воду, когда перегревался двигатель или самому трактористу хотелось пить. В первое время Холмат дулся на нее и делал вид, будто не замечает. А потом его обида

прошла. Он и Дильдар научил держать руль, переключать скорость, включать мотор. Объяснил, какая деталь как называется, и очень, прямо как настоящий учитель, сердился, если она никак не могла запомнить. Но однажды из-за какого-то пустяка — сейчас Дильдар уже не помнит, из-за чего, — они рассорились. Дильдар перестала подружке составлять компанию. А Адолят оказалась способной ученицей. Она все же стала трактористкой...

«Ах, как давно это было», — подумала Дильдар и вздохнула. Поискала глазами мужа. Агзам сидел на сури в окружении приятелей и о чем-то увлеченно рассказывал. Видимо, опять о фронте. В какие только переплеты он не попадал и всякий раз обманывал смерть. Сколько раз оказывался один среди множества врагов — и всегда побеждал. Он говорит, что лишь из-за какой-то случайности ему не присвоили звания Героя Советского Союза...

Наконец-то, кажется, все собрались. Некоторые еще были заняты хлопотами: возились у очага, ставили на стол угощения. Раис-апа пригласила всех садиться к столу. Она постучала вилкой о бутылку. Люди притихли. Председатель внимательно оглядела собравшихся. И негромко, сдавленным от волнения голосом начала говорить:

— Дорогие товарищи!.. Вечер, устроенный в честь наших героев-фронтовиков, разрешите считать открытым. — Она дождала, пока стихнут аплодисменты, и продолжила: — Дорогие наши братья! Воины, благополучно вернувшиеся домой! Я приветствую вас от имени всех жителей нашего кишлака и всех членов колхоза. Вы сражались как герои. Мы гордимся вами. Это вы загнали заклятого врага в его логово и разложили ему голову. Рахмат, большое спасибо... Там, на поле битвы, пали геройской смертью сорок три наших односельчанина... — Заметно было, что Раис-апе трудно говорить. Она отпила из пиалы воды. Неподалеку от нее всхлипнула женщина. Раис-апа постояла в задумчивости, потом сказала: — Мы никогда не забудем их имен. Образы их вечным огнем будут гореть в нашем сердце. Пусть же дети этих героев среди нас не почувствуют себя сиротами. Не откажем им в отцовской и материнской ласке и внимании.

Глаза Раис-апы наполнились слезами. Голос ее дрогнул. Она, опустив голову, приумолкла. Но тут же овладела собой. Выпрямилась. Так распрямляет крону дерево, согнутое ветром.

— Да... Конечно... Мы привыкли к выражению, что война не бывает без жертв. Главное — мы победили. Но миллионы матерей, жен в сегодняшней великий праздник носят траур. Сотни городов наших обращены в руины... Война кончилась там! — Раис-апа, вскинув руку, показала куда-то в темноту. — А здесь она еще продолжается. Мы должны бороться с разрухой! А эта борьба несколько не легче той, что была там, на фронте! Чтобы скорее зарубцевались раны в сердцах у вдов, чтобы на местах развалин выросли новые прекрасные города, мы должны трудиться не покладая рук.

В саду терраса тишина. Только еле слышно перецементывалась земля.

Стоявшие неподалеку от стога шашлычник учуял по запаху дыма, что пригорел шашлык, и вразвалку побежал к жаровне.

Ране-ана целую минуту стояла молча, устремив взгляд куда-то вдаль. Потом глубоко вздохнула и, улыбувшись, сказала:

Братцы! Родные мои! В то время, когда вы находились на фронте, жены ваши, сестры и дочери заступили на ваши места. Они трудились, не жалея себя. Одну половинку лепешки съедали, а другую отбавали фронту. Взгляните, дорогие, на их руки. Вы помните, какие они были когда-то нежные и белые. А теперь эти руки огрубели и покрылись мозолями. Взгляните в жен своих и невест, которым вы писали с фронта «моя луноликая». Их лица иссушены ветром и пылью, опалены солнцем и стали черными. А их глаза, которые вы сравнивали с звездами, потускнели — оттого что все это время были устремлены на дорогу и проливали много слез... Вот вы и вернулись наконец. Те черные дни скоро забудутся. Чтобы приблизить великий праздник Победы и справиться нам сегодняшней той, вы сражались на том фронте, мы — на этом.

Ране-ана не была мастерицей красиво говорить. А сегодня — от радости ли, от волнения ли — слова так и лились из ее уст сами собой. Люди ее слушали, не смея щелохнуться.

— Со счастливым прибытием в родной кишлак! — провозгласила Ране-ана. — С возвращением к родному порогу вас, родные мои! Пусть дом ваш отныне будет полной чашей! Пожалуйте-ка к дастархану, угощайтесь.

Собравшиеся смотрели на Ране-ану, ждали, когда она сама отломит кусочек лепешки и положит себе в рот. Лишь после этого и все остальные приступили к трапезе. Шашлычник обошел стол, разнося горячий шашлык. Мужчины начали откупоривать бутылки.

В сторовке в огромном котле пред, выпариваясь, плов. Ошпаз — мастер по приготовлению этого блюда, требующего особого искусства, — загасил в очаге огонь, оставив тлеть всего несколько головешек, и тоже подошел к столу.

Неподалеку от очага стоял сури — настил из досок, застланный паласом. На нем, взобравшись с ногами, удобно устроились местные музыканты. И вот двое джигитов ударили одновременно в бубны. Нежно задела, влетаясь в темпераментный ритм, зурна.

Свесив с сури ноги, сидел пожилой человек в гимнастерке. Он, видно, отвык сидеть поджав под себя ноги. Его руки нервно сжимали гриф рубаба. Человек был бледен. Он волновался, как школьник, вышедший в первый раз на сцену. Наверно, вернувшись с фронта, он после стольких лет впервые притронулся к своему рубабу. И вот, наконец решившись, ударил пальцами по струнам. Рубаб звонко и радостно откликнулся. Похоже, и инструменту было не в радость столько времени молчать, дожидаясь

хозяина. Рубаб пел. Морщины на лбу музыканта постепенно разгладились, бледность сошла с лица. И вот он широко улыбнулся. Рубаб звенел ликующе и радостно.

На расчищенную и побрызганную водой площадку, приготовленную для танцев, вышла Адолят. Остановилась. Медленно подняла руки, следя за ними взглядом, покачивалась — так колышутся на дугу лилии от легкого ветерка — и начала танцевать. Ее движения были плавны. Белые руки мелькали на темном фоне неба, вышивая невидимые узоры. Поначалу девушка смущалась. А потом раззадорилась, пустилась в стремительный пляс. Люди обступили площадку, били в ладоши в такт ее движениям.

Раис-апа тоже встала с места. Она пригласила в круг Агзана, некогда считавшегося одним из лучших танцоров в кишлаке. Он не заставил себя просить.

Раис-апа, расставив руки в стороны, танцевала медленно, время от времени поправляя на голове платок. А Агзам вокруг нее носился как вихрь. На его гимнастерке, поблескивая, звякали медали. Вдруг он пустился вирисядку. Вскочив, хлопнул в ладоши, звучно ударил себя по груди, по каблuku. Этому он научился у ребят, которые закатывали пляски под баян в часы затишья между боями. Вот так Агзам! Раис-апа знала, кого пригласить. Он такие кренделя выделывал, каких здесь еще не видели. Можно подумать, не воевал на фронте, а только тем и занимался, что плясал. Собравшиеся аплодировали, кричали: «До-ост!.. Bravo-о!.. Спасибо твоему отцу!..»

Дильдар с восхищением глядела на мужа и улыбалась.

Глядя на танцующих, не удержались и другие джигиты. Слегка хмельные, они осмелели, стали приглашать девушек. И вот уже замелькали на площадке пестрые яркие платья, защитные гимнастерки, полосатые халаты, замельтешили, утапывая землю, туфельки с узорами и начищенные до блеска сапоги.

Луна, похожая на только что вынутую из тандыра лепешку, поднялась над садом, слегка затмила своим светом электрические лампочки.

С площадки уходил один танцор, на его место вступал другой. Музыканты устали, а танцующие не уставали. Но звуки бубнов сделались глуше. Чтобы отдышаться самим и дать отдохнуть инструментам, музыканты перестали играть, направились к очагу разогревать на бубнах кожу, чтобы они снова зазвучали празднично.

Человек, игравший на рубаве, сидел, посасывая палец, — знать, отвык, натер мозоль.

Ошпаз разложил на блюдах островерхой горкой плов, отнес на стол. Люди, потирая ладони, вдыхая ароматный запах, стали рассаживаться. Теперь джигиты и девушки сидели попеременно. Раис-апа это сразу заметила. По-матерински оглядела их, загадочно улыбнулась. Скованность, поначалу мешавшая молодежи, прошла. Теперь все весело разговаривали.

Пожилые фронтовики, раскуривая самокрутки, друг у друга расспрашивали, кто на каком фронте воевал, за что получил награду, когда был ранен, где лечился.

«Кто сказал, что во время тоя не говорят о делах? Наоборот, самый подходящий момент поговорить об этом!..» — решила Раис-апа. Она встала и громко обратилась:

— Братья! У меня еще имеется слово к вам. А может, это даже просьба. Большая просьба...

Люди притихли, обернулись к председателю.

— Вы столько времени провели вдальеке от нас. Кому не понять, как вы истосковались по семье, по дому. Кому не понять, как вы устали, родимые мои! Вы заслужили отдых. Нужно немало времени, пока вы восстановите силы. Отдыхайте, так и быть. Своим временем вы вправе распоряжаться сами. Можете ходить в гости, можете принимать гостей. Но огромная просьба к вам — привечайте друг друга сами, не отрывайте своих жен, сестер от работы в колхозе. Хлопок погибнет без них. Поля поросли сорняками. Вы уж отдохайте, а женщины потрудятся за вас. За годы войны они ко всяким трудностям привыкли...

За столом послышался шум — словно ветерок пробежал. Раис-апа обвела сидящих взглядом. Кажется, ее слова попали в самую точку, в которую метила. Мужчины о чем-то вполголоса переговаривались, заспорили. А некоторые сразу же уловили хитрость председателя, плутовато улыбаясь поглядывали на нее.

Один из молодых джигитов вскочил с места, одернул гимнастерку. От волнения он, очевидно, забыл, что хотел сказать. Покашливая, озирался по сторонам, будто искал поддержки. Потом выпалил с обидой в голосе:

— Зачем так говорите, апа? Насколько мы истосковались по дому, настолько вот эти руки истосковались по кетменю и земле. Вы уж не лукавьте, апа, выкладывайте начистоту. Куда завтра нас пошлете? Теперь пусть женщины отдыхают. Сами будем работать. Я все сказал.

Парень сел.

— На войне дыму наглотались, теперь вольным ветром надо легкие провентилировать! А где ветер самый чистый и целительный? В поле! — поддержал кто-то своего товарища.

Раис-апа, довольная оборотом дела, засмеялась:

— Приятно это слышать. Как говорится, я к сыну обратилась, а невестка уразумела...

— Ай-яй-яй, апа, значит, нас за невесток сочла? Решила нас в баб обратить, а наших жен в мужиков, что ли? Невысокого, оказывается, председатель о нас мнения...

Раис-апа подняла обе руки:

— Каюсь, пошутила...

Поднялся смех. Были и такие, что и в самом деле обиделись. Ворчали, хмуро поглядывая на председателя.

Раис-апа поправила выбившуюся из-под платка седую прядь, светло улыбнулась и сказала:

— Рахмат, братья, большое вам спасибо. Честно говоря, я полагала, что вы именно так и отнесетесь к тому, что я сказала. Давайте веселиться! Танцуйте! Эй, музыканты, дайте мне бубен, сама сыграю!..

Ей тут же подали бубен. Ее длинные худые пальцы выбили робкую дробь. Но вот кисти ее рук затрепетали, как крылья летящей птицы, извлекая из туго натянутой кожи гулкие звуки, захватывающие душу чудодейственным ритмом, повелевающие пуститься в пляс.

Дильдар вдруг заметила уходившую по тропке Анвару. Догнала ее, схватила за руку:

— Идем танцевать, подружка!

Та отрицательно покачала головой. На ее ресницах заблестели слезы.

— Знаю, отчего ты сегодня печальная. Скоро и Каримджан твой вернется! Вот увидишь, вернется.— приговаривала Дильдар, увлекая ее к веселящимся. Их обеих тут же вытолкнули на площадку и начали в лад хлопать в ладоши.

Подзадоривая подругу, Дильдар лукаво подмигнула ей, плавно занесла руки над головой и вступила в танец, играя подведенными усьмой бровями, кокетливо поводя плечами. Ее рукава соскользнули вниз, оголившиеся руки изгибались, как крылья лебедя. Ноги легко и плавно несли ее стройное тело, будто не по земле она передвигалась, а плыла по воздуху.

Анвара тоже танцевала. Но вяло. Танцевала, чтобы только не подумали, что она ломается. А по ее щекам катились слезы. Их не замечал никто, кроме ее подруги. Только одна Дильдар знала, что сейчас творится на сердце у нее. Девушка танцевала, а сердце ее болело и кровоточило.

Агзам, стоя в тени дерева, где темнота была погуще, курил и тайком любовался женой. Она была изящна, как девушка. Глаза блестящие, будто в них уместились звезды со всего неба. Ее грациозные движения, таинственная улыбка приковывают к себе взгляды мужчин.

Всего-то третьего дня Дильдар была совсем другой. Казалось, горе и заботы навсегда лишили ее красоты. Даже ходила она как-то сутулясь, не поднимая головы. Взгляд был грустным, невыразительным. Редко доводилось подругам слышать ее смех.

А сегодня... С возвращением мужа счастье вернулось к ней. Она так же прекрасна, как в девичестве, когда Агзам случайно встретил ее. А встретив, понял, что не видать ему покоя, если не женится на ней... Несколько дней после свадьбы промелькнули, как мгновение. Не успел он тогда вволю насладиться красотой Дильдар — время отпуска истекло. И теперь, возвратившись домой, увидев пожелтевшую, увядшую, как сломанный цветок,

женщину, он со страхом подумал, что, видно, не суждено ему было полюбоваться ее пригожестью, насладиться ее молодостью.

А сегодня Дильдар вдруг вновь обрела утерянную красоту свою. И нет среди собравшихся женщин по красоте ей равных.

Агзам держался за ствол урючины. Он чувствовал, как от выпитого тихо кружится голова и слабеют ноги, делаясь ватными. Чтобы никто не подумал, что он хлебнул лишнего, Агзам вышел из своего укрытия и присоединился к танцующим.

Анвара и не заметила, как печаль ее прошла. Но плясать она устала. Она с трудом протиснулась сквозь толпу, окружающую площадку, и, махая перед лицом платочком, стала смотреть на танцующих. К Дильдар подошел Агзам. Очарованная подругой, Анвара не сводила с нее глаз, принялась хлопать в ладоши и кричать: «До-ост!.. Bravo-o!..»

Веселье длилось до полуночи. Звуки музыки, задорные крики джигитов и девушек, веселые песни разносились далеко-далеко вокруг Чортерака, над притихшими и ждущими трудолюбивых рук полями.

Давно Чортерак дожидается этих праздничных дней. Кто очень ждет, непременно дождетя.

VII

В тот самый вечер, когда в Чортераке играли общий той, на станции Горчаково с поезда сошли несколько джигитов в военной форме. Их окружили встречающие. Перрон наполнился гомоном, радостными вскриками, смехом, плачем. Джигиты едва успели попрощаться друг с другом, как их усадили в машины и помчали в разные стороны Ферганской долины. На привокзальной площади остался только один из них. Он опустил вещевой мешок на землю и огляделся по сторонам. Площадь была ярко освещена электричеством. Наверно, никто не радуется так свету в окнах, у подъездов, на столбах, как солдат, вернувшийся с войны. Ведь свет ночью — это первый признак мирной жизни. Вокруг площади были наскоро сколочены из фанеры чайханы и небольшие закусочные. От больших котлов, под которыми полыхает огонь, распространяется щекочущий запах плова. Чайханщики проворно, как говорится, не задевая одной рукой другую, обслуживают посетителей, число которых не убывает, несмотря на позднюю ночь. Тут же на сури люди обычно пристраиваются подремать — иногда целыми семьями. Некоторые пребывают здесь уже по нескольку суток, дожидаясь того заветного поезда, который наконец им привезет их сокола. Едва донесется издали гудок паровоза и послышится постукивание стальных колес, люди, прервав еду, оборвав на полуслове разговор, устремляются к перрону. Затем, по отбытии поезда, большинство из них возвращаются на прежнее место и беззаботно принимают допивать остывший чай.

Прежде на станцию Горчаково из Ташкента прибывал всего один пассажирский поезд — в половине четвертого утра. А ныне

за сутки здесь проходит три-четыре состава, причем вне всяких расписаний. Поезда битком набиты фронтовиками и женщинами с детьми, которые, пережив здесь эвакуацию, теперь возвращаются в родные края.

Даже начальник станции точно не мог ответить на надоевший ему и вызывающий тоску, равную зубной боли, вопрос: «Когда будет следующий поезд из Ташкента?» Вот и приходится родным и близким тех, кто известил о своем прибытии телеграммой, дневать и ночевать на станции. А в здании вокзала в специально отведенной комнате постоянно дежурят представители военного комиссариата, райкома партии и райисполкома.

Солдат, стоя все на том же месте посреди площади, свернул из клочка газеты сигарку, спокойно выкурил. Еще раз внимательно поглядел по сторонам. За ним уже несколько минут наблюдал из окна представитель военного комиссариата. Он понял: человек, видно, рассчитывает, что если здесь кто-нибудь присутствует из его кишлака, то его непременно заметит на этом месте, где народу не столь густо. Впрочем, дежурный офицер, может, и не обратил бы внимания на этого парня, но у него вся грудь была увешана орденами и медалями. А их, как известно, просто так не дают. Такие награды только кровью добываются...

Джигит повесил вещмешок на плечо и не спеша зашагал к перекрестку, где люди обычно поджидали попутную машину.

Дежурный офицер, знаком подзвав к себе двух солдат, направился ему навстречу.

— Саяям алейкум, товарищ сержант! — поприветствовал он.

Сержант, щелкнув каблуками, отдал честь.

Офицер поздоровался с ним за руку.

— Куда путь держите?

— В Чортераке, товарищ капитан!

Капитан приветливо улыбнулся. Взяв из его рук вещевой мешок, сказал:

— Следуйте за мной.

На обочине дороги стояла потрепанная «эмка». Капитан распахнул дверцу, бросил на заднее сиденье солдатский вещмешок и громко, почти приказным тоном сказал:

— Садитесь, сержант! Через полчаса будете в Чортераке.

Сержант замешкался. Думал, никто не встречает, а получилось вон как.

— Садитесь, садитесь, — улыбнулся капитан и отдал честь.

Машина помчалась по блестящему от света фар шоссе в сторону Маргилана. А там и до Чортерака рукой подать. Яркий луч неожиданно выхватил из темноты идущую навстречу старушку. Она, чуть горбясь, опиралась на палку. Спешила, поди, на станцию.

Сержант порывисто схватил шофера за плечо:

— Останови, пожалуйста! Останови!

Едва машина тормознула, он выскочил из нее и, расставив руки, подбежал к старушке:

— Буви, бувиджан!¹

Старуха остановилась. Щуря подслеповатые глаза, всмотрелась. Сержант смутился, начал извиняться.

— Что, сынок, принял за свою бабушку? — растрогалась старушка.

Тот молчал, будто язык отнялся, еле заметно кивнул головой.

— Ничего, бывает, детка. Может, я и похожа на твою бабушку. Старость всех делает похожими друг на друга. Дай аллах тебе здоровья, приезжай ко мне в Язъяван, буду рада тебе, как родному. — сказала старушка и, постукивая палкой о мостовую, последовала дальше.

Сержант вернулся к машине.

— Я послал телеграмму бабушке. Она бы меня встретила... Не знаю, здорова ли, — проговорил он извиняющимся тоном. — Всего месяц назад от нее письмо получил. Сообщала, что живет потихоньку... Сама-то писать не умеет, девушкам диктует...

Шофер промолчал. Вдохнул только и протянул пачку с сигаретами. Сжимая баранку, он сосредоточенно глядел на дорогу. Шоссе давно не ремонтировалось, было порядком разбито, и ему приходилось быть предельно внимательным. Но все же машину то и дело подбрасывало на ухабах, швыряло из стороны в сторону. За обочиной виднелись темные очертания деревьев, за которыми угадывался простор хлопковых полей. Когда едешь подряд несколько суток, стоит тебе увидеть из окна вагона хлопчатник — и сразу же чувствуешь, что ты уже дома. Вдалеке от отчего края скучаешь по нему так же, как по близким людям. Так русский тоскует по березкам, степной житель — по джувшану — польни, сибиряк — по кедром. А узбек — по хлопчатнику...

Наконец въехали в Маргилан. Вдоль улиц городка тянулись гирлянды огней. Ярко светились витрины магазинов. И парикмахерская еще работала. Сержант подумал, не зайти ли побриться. Но решил, что шофер будет недоволен, если попросить подождать. Да и сам спешит. Бабушка небось все глаза проглядела в ожидании его. Пусть лучше придет к ней радость на несколько минут раньше.

Машина пересекла Маргилан, снова выскочила на приволье и помчалась, рассекая темноту светом фар.

Наконец свернули на проселочную дорогу, и впереди вскоре замелькали огоньки родного кишлака.

У крайнего дома сержант попросил остановиться. Поблагодарил шофера и вышел из машины. Автомобиль круто развернулся и укатил назад.

На обочине дороги среди прижаренной солнцем травы звенели цикады. Где-то вдалеке, в противоположном конце кишлака, рьяно играла музыка, кричали парни. «Должно быть, у кого-то свадьба, — подумал сержант. — Женихи вернулись к заждавшимся невестам, теперь в тоях недостатка не будет». Была и у него девуш-

¹ Буви, бувиджан — бабушка, бабуленька.

ка на примете. Кажется, даже любил ее. Но год назад узнал, что она вышла замуж...

Сержант вздохнул и зашагал по узкой улочке. Сердце начало взволнованно колотиться. Он все ускорял шаги. Когда до родного дома осталось совсем немного, он побежал.

Прежде чем постучать в калитку, приподнялся на цыпочки и заглянул поверх дувала во двор. На айване горит лампа, подвешенная к потолку на длинной проволоке. Значит, бабушка еще не ложилась. Двор чисто подметен, побрызган водой. Около арыка в палисаднике цветут ночная красавица и райхон.

Сержант тихонько постучал. В соседском дворе залаяла собака. Подождал минуту. Ответа не последовало. Постучал сильнее. Опять в доме тишина. Бабушка была немножко глуховата. Может, сидит в дальней комнате. А если и вздремнула... Сержант решил перелезть через дугал, как, бывало, в детстве. Уперся о верх дувала, подтянулся.

В это время отворилась соседская калитка. Кто-то вышел.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Это я, Холмат, — отозвался сержант.

Женщина кинулась к нему, обняла, похлопывая его по спине и плечам.

— Вай, вай, тополек наш стройненький! Быть мне жертвой за тебя, приехал наконец живехонький и здоровый...

— А где же бабушка? Неужели спит?

Мехри-хола умолкла. Выпустила Холмата из объятий. Опустив глаза, тяжело вздохнула, вселив в сердце сержанта тревогу.

— Что-нибудь случилось? Она больна? — сдавленным голосом спросил он, снова порываясь открыть калитку.

— Ах, родной ты наш, — проговорила горестно качая головой. Мехри-хола. — Много всякого горя довелось тебе увидеть на войне. Здесь тебя ожидает еще одно. Уже три года, как твоя бабушка покинула этот мир.

Холмат как-то сжался весь, прикрыл лицо руками. Вещмешок сполз с его плеча и упал на землю. В нем лежали отрез черного плюша, пуховый вязаный платок, калоши, предназначенные в подарок бабушке, единственному близкому человеку, который был у него в целом свете. Теперь и ее не стало.

— Как же так?.. Ведь совсем недавно я получил от нее письмо, — произнес Холмат, недоверчиво поглядев на соседку.

— Ах, сынок, пойдем к нам. Ты посидишь, а я скоренько сбегаю за Анварой. Она тебе все объяснит...

— Разве вы сами не можете рассказать, в чем дело?

— Анвара, пусть аллах ниспошлет ей добра, вместе с подругами следят за твоим домом. Каждый день девушки подметают, чистоту наводят. А Анвара приходит по вечерам и зажигает лампу. Чтобы, если ты воротиться ночью, твой дом не встретил тебя черными окнами, неприятной тьмотой. К тому же у нас есть поверье: если в доме по вечерам зажигают свет, то хозяин непременно вернется...

— Значит, ключ у нее?

— Да, милый. Посиди у нас, попей чаю, а я мигом сбегаю.

— Как она сама-то?..

— Ничего. Крепитесь. Жениха своего ждала со дня на день, а его опять куда-то послали. Не повезло ему, бедняжке.

— Да. Я получил от Каримджана письмо. Он на Дальнем Востоке.

— Говорят, сынок, что там. И будто бы с японцами теперь война будет. Ну, заходи, я схожу за Анварой.

— Спасибо, тетушка, не утруждайте себя. Я сам схожу за ключом.

— Тогда ступай в большой абрикосовый сад. Анвара там. В саду сегодня Раис-апа устроила той в честь фронтовиков. Ступай и ты, сынок, вот уж все обрадуются. Все твои друзья там.

Холмат подобрал вещмешок, минуту разглядывал его, как ненужную ему теперь вещь, и медленно, тяжело ступая, зашагал в сторону сада. А Мехри-хола все еще стояла у своей калитки, скорбно качая головой, и глядела ему вслед, пока его угловатая фигура не скрылась вдалеке.

Ярко светила луна. Холодные лучи пронизывали кроны деревьев, рассыпались по земле, будто горсть серебряных монеток. Заслышав шаги человека, в гнезде завозилась птичка, — видно, все теснее становится выводку. В арыке бежит, тускло мерцая, вода, с хрустальным звоном вливается в цементные трубы, проложенные под дувалами. Каждый хозяин отводит воду к себе во двор, используя такие трубы. На гибких ветвях вишен, перевесившихся через дувалы — будто во дворе саду уже не уместиться, — поблескивают лаком гроздья налившись ягод. В траве у обочины зеленоватыми искорками вспыхивают светлячки. Поблизости заплакал проснувшийся в колыбели ребенок, сонная мать что-то ласковое заприговаривала ему. А из следующего двора ветер донес вкусный запах пережариваемого льняного масла. За дувалом взметнулись узкие языки пламени, осветили на мгновение стены домов по другую сторону улицы, сонные деревья: это кто-то подбросил в печь сноп гузапаи — сухих стеблей хлопчатника. Холмат успел заметить крадущуюся по краю крыши кошку...

Какое-то волнующее сладостное ощущение наполнило Холмата. Так, помнится, в детстве происходило с ним. Иногда не раз виденная лужайка, где то и дело устраивались шумные игры, вдруг представляла его глазам как-то по-новому: все время была лужайка как лужайка, зеленая — и все, а сейчас вон пасется на ней белая лошадь с жеребенком — и неожиданно все изменилось. От лошади и жеребенка пролегли длинные, прыгающие с бугорка на бугорок тени. Холмату чудилось, что солнце, уходя на покой, пристально глядит в эту минуту на красивую лужайку и на них, резвящихся на травке. Он замирал во время игры и подолгу засматривался на заход...

А однажды с ним случилось такое даже во время боя. Брали не-

большой польский городок. Вышибали фашистов из полуразрушенного бомбежкой квартала. Холмат с группой бойцов ворвался на второй этаж какого-то большого старинного особняка. На паркетном полу валялись разбитая мебель, фарфоровые статуэтки, посуда, штукатурка. Вдруг он увидел на стене огромную картину. На лоне экзотической природы у притихшего пруда сидела на камне прекрасная обнаженная женщина. Ее тело было столь нежно, что, казалось, светилось. И озаряло не только вековые дубы, серые развалины замка, изображенного на картине, но и эту комнату, и самого Холмата. А тело женщины наискосок было рассечено автоматной очередью. Холмат несколько минут не в силах был отвести взгляд от густого ряда черных отверстий...

Очнулся — стоит один. Стрельба доносится поодаль. В тот день он мстил и за эту расстрелянную женщину, спокойно глядевшую на него с картины.

А вот эти видения родного кишлака, с детства знакомые звуки и запахи не покидали Холмата ни на мгновение. Ему казалось, что, как только он вновь обретет все это, тут же забудутся пожары, кровь и смерть, которые он видел ежедневно, ежечасно. Сейчас все это напоминает, как кошмарный сон.

Холмат шел и прислушивался к музыке, которая становилась все громче по мере того, как он приближался к саду. Но вспомнил покойную бабушку, и снова появилась щемящая тоска в груди. Музыка стала раздражать. Припомнилось все самое тяжелое, что было в жизни. Едва появился на свет — лишился матери. И отцовского лица тоже не помнит. Учился в первом классе, когда умер отец. Бабушка заменила ему и отца и мать. Сама недоедала, а его кормила. Вырастила. Но едва стал взрослым, пришлось уйти из дому: чтобы отстоять от врагов родную землю. Одна-одинешенька осталась дома бабушка. Холмат часто писал ей письма, обещал, что, когда вернется, наконец-то заживут они по-человечески. И бабушка до самого последнего времени аккуратно отвечала: просила о ней не беспокоиться, а крепче бить врагов ненавистных. Для Холмата просьбы бабушки были святы. Крепко бил проклятых фашистов. Собирался по приезду домой рассказать бабушке, как ему помогали на войне ее письма. А оказалось.... Не она писала те письма. Ее давным-давно уже не было у него, а он и не знал.

Нелепо сложилось все у Холмата. Самому ему не довелось схранить ни мать, ни отца, ни бабушку. Даже этот непрременный сыновний долг не смог воздать им.

Холмат миновал крайний дом и остановился у моста. От высоких берегов, поросших камышом, падала тень, и от этого вода казалась черной. В ней отсвечивали звезды, будто дно усыпано бриллиантами. Будь даже они настоящие, Холмат не подумал бы их доставать. Все равно не восполнить ничем всего того, что им утрачено.

Дорога светлой лентой тянется вдаль и теряется в сумраке. Справа от нее раскинулись хлопковые поля. Бывало, Холмат прибе-

гал сюда помогать бабушке собирать хлопок. А она все никак парадовать не могла, что внук подрос, что становится помощником.

Холмат свернул на тропку, ведущую в сад. Деревья неподвижны, ни единый листок не шелохнется. В глубине сада горит электричество. Там мелькают силуэты людей, промеж урючин мечутся тени. Доносится смех, озорные крики. Умолкшая было музыка вдруг начала звучать с новой силой.

Неподалеку от тропинки Холмат увидел поваленное сухое дерево. Сел на него и закурил. Не хотелось ему сейчас показываться на глаза людям. У него траур, а он направляется на празднество. И орденами себя украсил... Уже подъезжая к Горчакову, Холмат навесил на себя все ордена и медали: думал, на станции его встретит бабушка. Даже приготовил слова, которые скажет ей при встрече: «Милая бувиджан, это твои письма мне помогли в бою. Каждое из твоих писем обращалось в орден на груди твоего внука...»

Холмат не торопясь отстегнул с гимнастерки все награды и сложил их в вещевой мешок.

Вблизи от него, громко переговариваясь, прошли женщины. Чуть приотстав от них, о чем-то задумавшись, шла Дильдар. Тех, что прошествовали впереди, Холмат не узнал. А Дильдар узнал. Может, это оттого, что часто вспоминал о ней: черты ее лица не успели сгладиться в памяти. Странно, в кишлаке столько девушек, а он думал о ней одной.

В тот день, когда Холмата призвали в армию, он, сам не отдавая себе отчета, несколько раз проходил мимо калитки, где жила Дильдар. Потом сел у арыка под ивой и целых полчаса болтал в воде руками, делая вид, что умывается. Ждал, когда выйдет Дильдар... И все-таки она появилась неожиданно. Калитка распахнулась, и Дильдар, погромыхивая ведром, подбежала к арыку. Зачерпнула воды и, снова вернувшись во двор, захлопнула калитку. Она и не заметила Холмата, не успевшего даже окликнуть ее. На пыльной дороге остались темные пятна от воды, пролитой из ее ведра... В тот день так и не смог Холмат сказать ей ни слова. А она, видно, не знала, что он уходит на войну.

Позже, находясь уже в окопах, Холмат не раз вспоминал этот случай и клял себя за нерешительность. Не спасуй он тогда, сейчас бы, может, все было иначе...

О том, что Дильдар вышла замуж за Агзана, Холмат узнал в госпитале. В Саратове. Дело шло на поправку. Холмат, правда еще с трудом, опираясь на костыли, выходил прогуливаться. В тот день тоже решил пройтись по аллею сквера. Около полуторки, стоявшей у ворот, собрались несколько выздоравливающих бойцов. Оттуда то и дело доносился громкий хохот. «Ребята анекдоты травят», — решил Холмат. Чем еще можно поразвлечься в госпитале? Как соберутся несколько человек — давай выкладывать, кто что помнит. Были мастаки и сами придумывать анекдоты. Так умели рассказать что-либо про знакомых ребят — ну чистый анекдот... А многие любили еще говорить про женщин. Истосковались бойцы

по женской ласке, вот и тешили себя воспоминаниями о былых счастливых временах. О невестах говорили, и о женах, и о случайно повстречавшихся красотках, даривших недолгую радость.

Подойдя поближе, Холмат вдруг увидел Агзам. Он сидел на подножке полуторки и что-то оживленно рассказывал. Из его отрывочно донесшихся фраз Холмат понял, что Агзам ездил в отпуск и за каких-нибудь два дня соблазнил девушку...

Всякому известно, что значит вдалеке от родного края встретить земляка: словно с родным братом свиделся. И Холмат собирался кинуться к односельчанину, расставив руки для объятий, но то, что услышал, остановило его.

— Приехал-то я в кишлак на восемнадцать дней. Ну, думаю, надо провести деньки эти как следует. Чтобы было потом что вспомнить... А в нашем кишлаке живет одна красотка. Заметил я, что поглядывает в мою сторону. Еле вспомнил, что ее Дильдар зовут. Я помнил ее, когда она совсем девчонкой была, а нынче, гляжу, в самую пору. Вот и начал меня путать шайтан: погляди, мол, какая у нее талия — ни дать ни взять муравьиная. А груди — спелые груши из-под жилетки выпирают, да и только. А бедра — м-м-м, вах-вах-вах, глаз не оторвешь. Эх, была не была, думаю про себя, еще неизвестно, вернусь ли с войны живой. А хоть разок надо испробовать самую сладость жизни. Ну и подкараулил ее однажды в садике...

Агзам медленно свернул сигарку, затянулся, испытывая терпение заинтригованных слушателей.

— А дальше? Что дальше-то было? — не выдержал молодой боец, потирая ладони.

— Хм, — усмехнулся Агзам. — Известно что. Не отказала... А потом, как водится, в слезы. Решил успокоить ее, пообещал жениться. Через два дня справил той. А в загс, говорю, пойдем, когда с войны вернусь... Сам думаю: дай-то аллах живым остаться, а там еще видно будет...

— Пойдешь в загс-то? — опять поинтересовался молодой боец.

— Вряд ли. Не нужна мне такая, которая как курица перед петухом: где застал, там и... Может, она и с другими так, откуда я знаю.

— Как же ты можешь о ней так думать, коль женою назвал, — упрекнул его пожилой старшина.

— Раньше не думал. Теперь умнее стал. Спасибо сестре, она помогла прозреть. Недавно от нее письмо получил. Пишет, Дильдар, дескать, с твоим младшим братцем спуталась...

Первым желанием Холмата было подойти к Агзаму и ударить его костылем по голове. Но у него так закололо сердце, что хотелось крикнуть. Он подождал минуту, пока рассеется пелена, заставшая глаза, и медленно пошел по аллее, неловко переставляя костыли...

Люди постепенно расходились. Веселье угасало. Музыканты перестали играть. Очевидно, устали.

Холмат побрел из сада. Он не спешил. Зачем спешить, если дома

никто не ждет. Завтра увидит Анвару и возьмет у нее ключ. А сегодня переспит и на айване. Солдату не привыкать. Солдату земля — лучшая перина, а небо — одеяло. На айване к тому же, кажется, и подстилка из рогожи лежит...

Холмат, задумавшись, подошел к калитке и удивился, обнаружив ее отпертой. Едва ступил во двор, на айване погасла лампочка. Но лунный свет не дал дому погрузиться в темень. С айвана сбежала по ступенькам девушка. Увидев идущего навстречу человека, замерла. Холмат узнал девушку.

— Здравствуй, Анвара, — сказал он.

— Вай, ты ли это? Вай, Холматджан! Когда приехал? Только что?..

Анвару метнулась на айван и включила свет.

— Знать, правду говорят, что если в доме каждый день зажигают свет, то хозяин непременно вернется! — смеясь, воскликнула Анвара.

Холмат поднялся на веранду. Заключив в ладони маленькую руку Анвары, он пристально взгляделся в глаза девушки. В памяти пронеслись письма, написанные ею от имени его бабушки. И убиралась в его опустевшем доме она. И каждый вечер зажигала свет — чтобы он вернулся. Много теплых слов хотелось сказать ему этой девушке. Но, разволновавшись, он отыскал только одно.

— Рахмат, — сказал. — Большое спасибо.

Не прошло и получаса — двор заполнили люди, прослышавшие о возвращении еще одного односельчанина. Оказывается, пока Холмат прошелся до сада, Мехри-хола оповестила всех о его прибытии и на скорую руку состряпала плов. Анвара вынесла из комнаты палас, постелила на айване и, когда гости расселись, развернула дастархан. И тут при всех, как полагалось по обычаю, Мехри-хола надела на голову Холмату новую тюбетейку, помогла ему облачиться в полосатый халат из бекасама и повязала поясной платок.

— Это чтобы тебе не пришлось больше менять обычную одежду на военную! — сказала она, отступив на несколько шагов и разглядывая его со стороны.

— Рахмат, рахмат, — приговаривал Холмат, радуясь тому, что он в этот вечер не одинок.

— Эх, дожили-таки до счастливых времен, — сказал Юнусали, сидевший среди стариков. — Что ни день, то праздник. Днем ли, в полночь ли, на рассвете ли то в одном конце кишлака той, то в другом. Дай-то аллах, чтобы радость не уходила более от нас...

Сидевший рядом с ним седобородый старец, держа перед лицом ладони, будто книгу держит, стал читать заупокойную молитву по бабушке Холмата. Все приумолкли, понуро опустили головы. Когда молитва кончилась, провели ладонями по лицу...

На рассвете следующего дня Холмат отправился на кладбище. Сторож помог ему отыскать могилу бабушки. Холмат пробыл около нее до вечера. Здесь его никто не видел — можно было не стесняться слез. Он сидел на земле и, неотрывно глядя на жухлую траву,

покрывшую могилу, вспоминал свое детство. Явственно доносился до него голос бабушки, не давшей ему почувствовать сиротской доли.

Когда сумерки сгустились и на макушке одиноко возвышающегося среди кладбища тополя, распростершего полужасохшие ветви, прокричала сова. Холмат поднялся. Сидевшему у ворот кладбища сторожу дал денег и, миновав небольшую тутовую плантацию, вышел на большую дорогу. Однако он не пошел в Чортерак, а повернул в сторону Маргилана. Решение пришло внезапно. В родном кишлаке у него не осталось ни одного близкого человека. И Дильдар теперь чужая. Про нее лучше не думать. Надо забыть. А это возможно, если он ее никогда более не увидит. Нет, счастье Холмата не в Чортереке...

VIII

Иноят за последнее время заметно сдал. Он осунулся. Глаза ввалились. Даже борода имела неухоженный вид, будто он больше не расчесывал ее по нескольку раз в день густым гребешком. Не до этого. Нынче день год кормит. Впрочем, каждый год в эту пору лета дел у него невпроворот. А ему ведь уже не тридцать и даже не пятьдесят лет, а целых семьдесят. Трудновато стало ездить в Маргилан по два раза на день. Прежде, бывало, ему и пешком ничего не стоило отмахать туда и обратно двадцать километров. А нынче и на осле твое тело так растрясет, что всю ночь поясницу ломит, будто изрезана вся да солью присыпана.

Да и базар уже не тот. Простаков поубавилось. В войну-то, бывало, многие, особенно эвакуированные, выносили что-нибудь продать, а настоящей-то цены своей вещи не знали. Сколько сам предложишь, за столько и отдавали. А теперь люди сделались хитрющие. Того и гляди, самого надуют. Видят, что стар, — так норовят выманить товар за бесценок. Нет, Иноят хоть и стар, а разума не лишился. Пусть ценные вещи пока у него полежат. Наступит подходящее время — их можно будет и за настоящую цену сбыть. А сейчас, слава аллаху, есть и без них что продавать. Только вот милиция совсем обнаглела. Как ни старайся, никуда не спрячешься. Принесешь продать всего ведерко персиков, а им непременно справку представь, что имеешь разрешение торговать в страдную пору. А эта Раис-апа, председательша, разве даст такую справку? Ни за что не даст. Однажды как-то Иноят попросил у нее такой документ. Она взглянула на него в упор и спрашивает с откровенной неприязнью: «Что, по-вашему, делать колхозу: хлопок выращивать или торговашеством заниматься?» Пришлось уйти от нее несолоно хлебавши.

Вот и приходится прятаться, словно ворованное продаешь. А попадешься на глаза — выкручиваешься и так и этак. Хорошо, если милиционер добрый попадется и уважит тебя, старика. А иной... ух, не приведи аллах с таким встретиться.

А служители рынка тоже не лучше. Едва сунешься в ворота —

они уже тут как тут. Требуют плату за место, которое ты займешь за стойкой, отрывают квитанцию. «Я нет... Я того... не за стойкой. Я в стороночке», — пробуешь заверить их. Ничего не помогает. Приходится раскошелиться на несколько копеек. А кило персиков или винограду тоже стоит копейки. А их воп из какой дали почти на себе приходится тащить. Едешь-то на осле, но осел сам на себя не погрузит, с себя не снимет вьюка. Самому надо корячиться. Если же фрукты чуть помнутся или подпреют, санинспекция не разрешит продать. Едва выложишь товар на прилавок, а представитель санинспекции уже тут как тут...

Словом, торговлю считают легким делом только те, кто в ней несведущ и не разбирается.

Вот если бы Агзам при всех своих медалях хоть разок прошелся с отцом по базару да постоял с ним рядышком часок за прилавком, то администрация рынка непременно прониклась бы к Инояту уважением. Отношение ее стало бы иным. Может быть, даже за место у прилавка не всегда бы взимали плату. Эх, а непутевый сын не понимает этого. Мало того, не почитает его седин в бороде. Это она, та вертихвостка, настропалаила его против отца!

А из-за кого пришлось ухлопать столько денег? С первого же дня прибытия Агзама каждый день гости да гости. Рисолат только и знала, что лепешки пекла да плов готовила. А той закончился — он к этой финтифлюшке ушел. Ах, глупец!.. Ах, неблагодарный сын!.. Небось и не собирается возвращать отцу израсходованные денежки.

Иноят привык, чтобы запасы в его доме не убывали, а день ото дня прибывали. Поэтому, желая восполнить убыток, он задумал солидное дельце. Можно сказать, сам аллах ему вчера послал удачу. Распродал фрукты и собрался было уже отшпариться домой, а тут подходит какой-то молодой человек в заношенном, латаном чапане и, оглянувшись по сторонам, спрашивает: «Отец, не хотите ли приобрести красный бархат по дешевке?» Нынче бархат — редкость. Тем более красный. Может ли быть что-нибудь лучшее для сельских модниц? Инояту известно, как женщины любят такой бархат. Но, поразмыслив, он напустил на себя равнодушие и как бы нехотя проговорил: «Мне не нужен бархат, сынок. Нет у меня ни жены, ни дочери на выданье. А сколько ты просишь за него? И много ли у тебя того бархата?..»

Парень оказался обладателем целых трех отрезов по десять метров. И просил недорого. «Нет, мне бархат не нужен, — сказал Иноят, делая вид, что собирается уйти. И как бы между прочим спросил: — Может, уступишь подешевле?..» Парень поколебался, но уступил совсем за бесценок. Они узенькими переулками, закоулками пришли к какому-то дому, и Иноят забрал товар. На такую поживу давно не везло ему. Здесь конечно же без помощи аллаха не обошлось.

Иноят догадывался, что отрезки к парню попали каким-то нечестным путем. Правда, эта сторона дела его не касается, однако

лучше, если бархат в его доме не залежится. Всякое может случиться. Аллах благодетельствует, аллах и карает. Всю ночь Иноят проворочался, думая про это. Сегодня он встал спозаранок, припрятал все три отреза под потником осла, сверху возложил хурджуи с двумя ведрами винограда и отправился на базар. Чтобы не подавить фрукты, сам решил идти пешком.

Осел хорошо знал дорогу и шел прытко. Иноят за ним еле поспевал.

Окраина всякого, большого или малого, населенного пункта в Средней Азии начинается с чайханы. Путник в любое время суток, прежде чем въехать в город, может здесь отдохнуть с дороги, умыться, привести себя в порядок. При въезде в Маргилан тоже расположены в ряд сразу несколько чайхан, около которых всегдалюдно. А за ними уже начинаются махалли — жилые кварталы с пересекающимися их вдоль и поперек узкими ломаными улочками.

Иноят любит почаевичать здесь. Эта привычка у него выработалась еще с молодости и стала, можно сказать, даже неотъемлемой чертой характера. Вот и на этот раз, привязав осла к дереву, он сел на сури, снял бельбаг — поясной платок, в который была завернута лепешка. Бельбаг же ему всегда служил скатеркой. На сури обычно всегда стоит несколько чайников, которые чайханщик не успел убрать. Иноят заглядывает в каждый из них и сливает остатки в один чайник. А остатки всегда бывают густые. Можно их просто развести кипятком — и чай становится что надо. Старик степенно шагает к клокочущему самовару и подставляет чайник под кран. Но чайханщик давно разгадал эту хитрость. Порой, не стерпев такого самоуправства, требует с него за кипяток мелочь. Иноят возмущается, швыряет на стол ему копейку и ворчит гневно:

— Вот из-за такой-то скаредности ваше племя чайханщиков никогда не может разбогатеть. Вы, мошенники, даже за божью водичку мзду берете. За это не любит вас аллах...

Сегодня Иноят не собирался долго рассиживаться. Наскоро разделавшись с лепешкой, он направился было к ослу, но его кто-то окликнул:

— Эй, аксакал-бобо! Выпейте с нами пиалушку чаю!

Оглянувшись, Иноят увидел на сури троих знакомых мужчин из соседнего кишлака, из Зириллямы. Они тоже недавно демобилизовались и ходили еще в солдатской одежде. Перед ними был поднос с халвой, стояла каза со сливками, были разломаны на куски сдобные лепешки. Грех отказываться от такого угощеньца. Старик не заставил повторять приглашение дважды. Мужчины, в знак уважения к его возрасту, встали с места, поздоровались с ним за руку.

— Мы слышали, Агзам приехал, поздравляю! — сказал один из них и протянул пиалу с чаем.

— Рахмат,— проговорил Иноят хмуро и обвел сидящих взглядом, стараясь определить по выражению их лиц, известно ли им,

как сын опозорил его: растоптав отцовскую честь, перебрался жить под юбку женщины.

Нет, эти парни, кажется, еще ни о чем не ведают. Надо бы Агзам-дуралея поскорее образумить, пока слухи не расползлись. А то люди будут говорить, мол, младший нечутевым оказался, а теперь и старший покинул дом...

Фронтонники заинтересовались здоровьем Иноята, стали спрашивать о делах в Чортераке, крепким ли вымахал хлопчатник в их колхозе. А также не преминули похвастаться и успехами своего колхоза. Но прибывши домой они узнали, что в Наймане, в этом глухом месте, связанном со страшными рассказами и поверьями, где когда-то тучи комаров могли съесть живьем человека и скотину, в их отсутствие осушили десятки гектаров болот и засеяли хлопком. Поэтому нынче земли в их колхозе прибавилось. И какой земли! Хлопок на ней растет невиданный. И особенно рис хорошо родит в тех местах. В земле-то влаги много, а для риса это главное... Оказывается, в Наймане славно потрудились и младший сын аксакал-бобо, Низамджан...

Иноят крикнул. Хотел сказать, что этот парень теперь вовсе не сын ему, но промолчал.

Солнце поднялось уже высоко и припекало все сильнее. Осел, переступая с ноги на ногу, нюхал горячую пыль. Не было большего удовольствия для него, чем поваляться на горячей земле, опрокидываясь с боку на бок, почесать зудящую спину. Он заорал, будто громко икая. Не успел хозяин и опомниться, осел лег и давай кататься, взбрыкивая сверху ногами. Ведра с виноградом покатались в сторону. Подпруга лошнула, потник сполз набок.

Иноят подбежал к ослу. С ужасом увидел он, что отрезыв бархата выпали из-под потника и втоптаны в пыль. Он изо всей силы пнул животное в бок. Но недаром говорят, что у осла кожа толстая: он и ухом не повел, фыркает от удовольствия и продолжает валяться. Взбешенный старик схватил его за хвост. Но разве достанет сил у старого человека поднять этак ишака?..

А на улице, известное дело, всякое происшествие привлекает толпу ротозеев. Первыми сбежались мальчишки. Смеются, улюлюкают, кричат.

— Хвост оторвете, дедушка!

— Осел виноград на вило давить нанялся!

— Видать, знатный ишак: ишь какой бархат под него постелили!

Иноят замахнулся на мальчишек халачой. Вся гурьба бросилась врассыпную, но через минуту опять собрались вокруг, стали смеяться громче прежнего. Старик покосился на милиционера, который сидел на сури и пил чай. Заметил, что и участковый с интересом наблюдает за ним. Тут уж он встревожился не на шутку и ну колотить животное изо всей силы халачой.

Осел поднялся. Иноят, мысленно проклиная знакомого, пригласившего на чай, сграбастал с земли бархат и, даже не отряхнув, за-

пихал в хурджун. Угостил осла для отвода души еще одним пшником и погнал его по улице, проворно семеня за ним следом.

— Отец! Ведра забыли, виноград!.. — закричал ему знакомый.

— Подавись тем виноградом! Чтоб ты сдох... — проворчал Иноят, не оглядываясь, и огрел осла халачей по круцу.

Миновав первую махаллю, Иноят остановил осла, чтобы поправить потник и чуть-чуть отдышаться. Вытерся бельбагом, распахнул на груди чекмень, чтобы прохладный ветерок остудил тело. Оглянулся, и его словно током прошибло. Милиционер, держась на почтительном расстоянии, оказывается, следовал за ним. Старик заторопил осла и свернул в первый попавшийся узкий безлюдный переулочек. Немного успокоившись, хотел подтянуть стремена, которые, ослабнув, почти касались земли, но опять увидел милиционера. В сердцах сплюнув, Иноят вскочил на осла верхом и поддал ему пятками. Улочка сворачивала то вправо, то влево, постепенно сужалась и вдруг уперлась в глухую стену. Иноят редко ругался, боясь греха. А сейчас не вытерпел и выругался. За всю жизнь он так не попадал впросак. Собственный осел, который всегда служил ему верой и правдой, вдруг изменил: соблазнившись ничтожной пылью, передал своего хозяина в руки милиции. Пришлось лишиться ни за что ни про что двух ведер винограда. А тут еще этот проклятый тупик... Куда деться? Может, войти в какую-нибудь из калиток и выдать себя за скитальца-богомольца?..

Иноят неоднократно выходил сухим из воды. Но положение, в которое он попал сейчас, было из самых щекотливых.

Милиционер между тем медленно приближался. Ах, вот почему он не спешил — знал, что здесь тупик.

Иноят спешился и, почесывая осла за ухом, обернулся к милиционеру. Он сделал вид, будто только что его увидел, и изобразил крайнее удивление. Потом заулыбался, как старому знакомому. Им доводилось встречаться несколько раз на базаре. В сущности, милиционер этот был добрый человек. Однажды он уважил старика и, взяв с него слово, отпустил с двумя ящиками зеленого чая, который Иноят продавал из-под полы. Старик вспоминал, что этот милиционер употребляет насвай — табак, который кладут под язык, и в его душе затеплилась надежда. Мгновенно вытащил из глубокого кармана коричневую тыковку, служившую табакеркой. Отсыпав щепотку насвая на ладонь, бросил под язык.

Умысел Иноята оправдался. Приблизившись, милиционер улыбнулся:

— А ну-ка, отец, одолжите щепотку. Глядя на вас, и мне захотелось.

— Пожалуйста, сынок, пожалуйста! Когда захочется насвая, ни к кому больше не обращайся, только у меня проси, лучшего ни у кого нету!

Милиционер отсыпал изрядную порцию зеленого, терпко пахнущего порошка и привычным жестом отправил под язык.

— Далеко ли путь держали, отец?

— Да так... ослу решил дать поразмяться...

В этот момент из калитки, что была напротив, выбежал мальчу ган лет семи и кинулся к милиционеру:

— Папа! А что вы мне принесли?

Милиционер дал сыну свежий огурец. Мальчик с хрустом откусил огурец и снова стремглав исчез в калитке.

Да-а, у Иноята не было на памяти такого невезучего дня. Надо же, добровольно, считай, на своих собственных ногах притонал к калитке милиционера.

— Улицу твою найти нашел, а вот дом никак не мог отыскать. Хорошо, что встретил тебя, — сказал старик, умильно улыбаясь.

— Что за срочное дело вас привело ко мне, отец?

— Не скажу, что срочное... Пришел тебя пригласить к себе в гости. Недавно сын мой вернулся живым и здоровым с войны. Вся грудь в орденах. Настоящий герой. Я рассказал ему о тебе и как ты однажды помог мне. Вот мой сын и попросил пригласить тебя, хочет познакомиться. Может, подружитесь...

— Рад буду подружиться с вашим сыном. Все фронтовики достойны уважения. А красный бархат у вас все-таки откуда?

Иноят побледнел, но тут же нашелся:

— Сын привез несколько отрезов. Из Германии. Говорит, там полным-полно бархату. Просто больше некуда было брать. Он велел один отрез тебе передать... чтобы ты своему сыну сшил одеяло...

— Ну и горазды же вы сказки придумывать, — засмеялся милиционер. — Скажите правду, где взяли бархат?

— Говорю же, сын привез.

— Покажите-ка.

Старик приподнял на осле потник, вытянул уголок отреза.

— Ого, вот вы, оказывается, какой! — строго проговорил милиционер. — Неспроста, видать, вас некоторые называют не Иноят, а Джиноят. Джиноят означает преступление. Да, вы причастны к преступлению!

— Что ты говоришь, сынок? У меня борода белая, а ты...

— Такой бархат совсем недавно начал выпускать наш комбинат. На днях из склада исчезло несколько рулонов этого материала. Не сердитесь, отец, но мне придется вас сопроводить в оперпункт. Там уж вы наверняка скажете, откуда у вас этот товар.

Иноят растерялся.

— Оставь, сынок, не надо этого делать. Уж накажи меня сам, если хочешь. Так и быть, заведи два отреза. Мне и одного хватит...

— Взятку предлагаете?

— Какая это взятка? Подарок.

Милиционер рассердился.

— Довольно болтать, — грубо оборвал он Иноята. — Следуйте за мной.

Иноят не двинулся с места, крепче уцепился за сбрую осла.

— Ты в самом деле? У тебя есть какой-нибудь умишко, сынок? Не взять даром столько бархату... Тебя люди засмеют, назы-

вая глупым. Ты потом ослепнешь, проливая слезы, что упустил такой случай!..

— Идемте! — наставлял милиционер и, вынув из нагрудного кармана свисток, приготовился свистеть.

— Не свисти. Зачем собирать народ? Как-нибудь и сами договоримся. — зачастил Иноят.

Милиционер потянул осла за уздечку. Однако недаром говорят, что ослы упрямы. — животное уперлось всеми четырьмя ногами и ни с места. Оно, видно, было послушно одному только хозяину. Милиционер взял из рук Иноята халачу, хотел ею заставить упрямую тварь тронуться с места, но и это не помогло. Тогда он со злостью крикнул:

— Идемте, не то хуже будет!

— Будешь каяться, парень! — выпалил Иноят, побагровев. — Сейчас закричу, сам соберу народ, скажу, что ты затащил меня в укромное место и требуешь взятку!

— В оперпункте скажете, что вам заблагорассудится! А сейчас ведите своего проклятого ишака, или я сейчас весь груз на вас переложу!

Что поделать, Иноят вынужден был подчиниться. Пошел рядом с милиционером, ведя осла под уздцы. Пройдет немного, останавливается, спрашивает, все еще не веря в случившееся:

— Вай, сынок, ты и вправду арестовал меня?

Милиционеру не хотелось со стариком препираться, и он молчал.

— Ты меня ведешь в свой пункт, будь он неладен?

Милиционер и не посмотрел в его сторону.

— Если ты и впрямь такое затеял, я же прокляну тебя! — дрожащим голосом проговорил бледный Иноят.

— Этим свое положение осложните. Вам разве не известно, что за оскорбление милиционера наказывают по всей строгости?

— Мои проклятья не бывают бесплодными. Самым страшным проклятьем прокляну!

— Я уже предупредил.

Иноят тщетно ломал голову, что сделать, чтобы милиционер отпустил его.

— Слушай... — сказал он. — В таком случае я тебя трогать не буду. Я твоего сына прокляну. Я знаю такое проклятье, от которого корчит руки и ноги, отнимается язык, а глаза слепнут!..

Милиционер резко обернулся. Он был бледен. Его старший сын погиб на войне. В его доме все еще скорбят по нему, еще не зажила на сердце рана, нанесенная черной вестью. А младшенький должен в этом году пойти в школу...

— Что вы сказали? — спросил он, не веря ушам своим.

— Я прокляну твоего сына, — повторил Иноят, заметив, что его слова произвели впечатление. — Произнесу заклятие, чтобы по этой улице пронесли гроб с его телом... А если отпустишь, помолюсь за него, попрошу у аллаха для твоего сына здоровья и благополучия...

— Негодяй, проговорил милиционер сквозь зубы. В последнее время у него со здоровьем стало неважно, ни с того ни с сего делалось дурно, кружилась голова. На лбу выступали бисеринки пота.

— Ну что, сынок, бархат возьмешь?

— Иди вперед, грязная тварь! — закричал милиционер, с трудом себя сдерживая, чтобы не сбить этого торгаша с ног.

IX

Собрание колхозников было намечено на восемь утра, а люди начали стекаться к правлению немного раньше. Оставив кетмени в арыке, расселись на сури, стоявшем под толстыми кряжистыми тополями, и на ступеньках крыльца правления. Женщины собрались в сторонке, здоровались одна с другой, обнимаясь, будто давным-давно не виделись. Некоторые мужчины собирались группами, обсуждали последние новости, курили. Многие уже успели сменить солдатское обмундирование на белые сорочки, халаты и тюбетейки. Но настроение у большинства было подавленное: пришла весть о том, что началась война с Японией. Не успели еще свыкнуться с мирной жизнью, а уже, значит, надо ожидать новой мобилизации. Еще мужчины не насладились как следует любимой работой, а им вновь придется препоручить кетмени женам и сестрам и опять взять в руки винтовки.

Агзам в отдалении расхаживал по аллейке взад-вперед и курил. Все высказывают свои предположения, советуются. А он ходит один. Мысли у него такие, что никому не доверишь. И совета ни у кого не спросишь. Вот и варится в собственном соку.

Рисолат вчера ему передала письмо, которое Низамджан написал Дильдар. Признается, что любит ее. И в каких выражениях! Не всякий поэт подберет такие слова. И стихи прилепил: может, списал где, а может, сам напридумывал... Правда, жена клянется, что письмо им написано давно, еще до того, как Дильдар стала женой Агзама, и что их любовь та была не больше чем юношеский обман. А как поверить? Письмо не датировано. И ведь хранила, не день, не два, а столько лет! Может, и сейчас берегла бы, если б Рисолат год назад, копаясь в вещах невестки, не нашла его. Значит, в каком-то уголке ее сердца осталось место и для Низама. Неужели она в самом деле путалась с ним?.. Разве она скажет правду, если что и было? Ни одна жена не признается мужу, что изменяла. А поглядишь, вокруг полным-полно рогоносцев. И каждый из них свою жену считает идеалом.

Выходит, отец и Рисолат были правы и он обидел их напрасно?..

Этой ночью Агзам начал обо всем у Дильдар дознаваться. Она расплакалась и ушла в другую комнату. Даже возражать не стала. Даже не пыталась его разубедить.

Неужели правда?..

— Агзам! Эй, Агзам! Раис-апа зовет! — послышались голоса парней от крыльца правления.

Председатель, видно, только что пришла. Она стояла на крыльце. Помахав рукой, позвала его. Когда Агзам подошел, пригласила в кабинет. Здесь находились Анвара, председатель сельсовета, заместитель председателя райисполкома и что-то горячо обсуждали. Агзам поздоровался и сел в сторонке.

Раис-апа перебросилась несколькими словами с Анварой и стала перебирать какие-то бумаги, делая пометки. Временами как-то странно поглядывала на Агзاما. Он почувствовал, что она хочет ему что-то сказать, но не решается сделать это при людях. Просмотрев повестку собрания, Раис-апа вышла из-за стола и знаком пригласила Агзاما в коридор.

— Знаешь, братишка, не люблю я сообщать удручающие вести, но вынуждена, — сказала она. — Мне только что позвонили из Маргилана. Твой отец, кажется, влип в пренеприятную историю. Его вчера арестовала милиция. С базара увели.

До Агзاما с трудом дошел смысл сказанного Раис-аной. Он бессмысленно глядел на нее, не зная, что и сказать.

— Извини, что боль причинила. Тебе после собрания надо съездить в Маргилан, узнать поподробнее обо всем, — сказала председатель и, слегка похлопав его по плечу дескать, не отчаивайся, удалилась в кабинет.

Да, в какой бы ты обиде ни был на близкого человека, но, когда он попадет в беду, родственные чувства берут верх. Конечно, досадно, что отец доставил Агзаму столько неприятностей с первого дня его возвращения с фронта. Но отец есть отец. Он вскормил его и вырастил. На него не напустишься с руганью и не станешь перевоспитывать. Молодежь живет по-новому, а у стариков свои взгляды.

Агзам прошел мимо людей, ни на кого не глядя. Ему казалось, что товарищи и друзья на него смотрят с затаенной усмешкой. Наверно, всем уже известно, что его седобородый отец угодил на старости лет в милицию. Да только помалкивают, щадя его самолюбие. И про Дильдар знают, что путалась с его младшим братцем. Конечно, знают! Ни отец, ни Рисолат вовсе и не собирались скрывать это от людей, сами раззвонили в округе. Нет, это невыносимо. Жить ему здесь нельзя. Как жить, если в глазах у всякого ему мнится ирония, если каждый может ткнуть в него пальцем, попрекая отцом и женою?.. Хорошо бы куда-нибудь укатить. Забрать семью и, никому ничего не говоря, исчезнуть. Но куда? Где гарантия, что там будет лучше?.. К тому же слухи ходят, что Раис-апа собирается уходить с председательства. Если это действительно так, то на ее место лучшей кандидатуры, чем Агзам, не сыскать. Грамотен, в технике сносно разбирается, к людям подход находить умеет... Есть, конечно, в Чортераке толковые мужчины и кроме него. Но у одного со здоровьем не ладится, у другого семья такая огромная, что ей одной самоличной председателем нужен, третий в грамоте не шибко кренок, за четвертым какой-то грешок значится. Поэтому Агзам уверен, что если Раис-апа уйдет,

то быть ему председателем. Только это и держит его пока в Чорте-раке...

На крыльце появился сторож и попросил всех пройти к чайхане. У чайханы действительно удобнее проводить собрание: можно разместиться на нескольких широких сури. К тому же здесь кем-то предусмотрительно рядком расставлены скамейки. Небольшой стол накрыт красным сукном.

Собрание открыл председатель сельсовета. На повестке дня были три вопроса: оказание помощи целинникам, обсуждение заявления, поданного Раис-апной, и распределение фронтовиков по бригадам. Председатель сельсовета обстоятельно обрисовал обстановку, изменившуюся в лучшую сторону после прибытия мужчин. В колхозе значительно прибавилось людей, но их необходимо использовать рационально. Члены правления посоветовались и решили создать четыре бригады. «Кто в какую бригаду входит и кто будет возглавлять эти коллективы, Раис-апа скажет в конце собрания. А сейчас слово имеет заместитель председателя райисполкома товарищ Рахимов!» — произнес председатель сельсовета.

Рахимов поднялся, прокашлялся.

— Товарищи! — негромко обратился он. — Вы все уже слышали, что теперь в другом конце нашей страны идет война. На этот раз с Японией. Мы должны каждую минуту быть готовы, что страна призовет нас опять. Но пока нас не трогают. Считают, что кетмень в наших руках тоже доблестное оружие. Полагают, что мы с вами здесь нужнее, чем в окопах... Вы понимаете, пока братья наши воюют, мы не вправе помышлять об отдыхе. Здесь тоже фронт. Трудовой. Мы должны приложить все усилия, чтобы потом не было совестно перед теми, кто возвратится домой, размахивая голову еще одному дракону... Наше правительство сегодня придаст огромное значение освоению новых земель. Первыми начали осушать болота жители целинного кишлака Найман. А колхозники Язъявана проводят воду в засушливую степь. Ныне освоенная земля дает самый высокий урожай хлопка и риса в области. Следуя примеру найманцев и язъяванцев, начала наступление на степь молодежь Андижана и Намангана. Областной комитет партии призывает нас поддержать этот почин. Если среди вас имеются добровольцы, желающие принять участие в этом трудном и благородном деле, то могут записаться прямо сейчас... Но у вас еще есть время подумать. Пару дней вам вполне достаточно поломать голову. А если дать большой срок, боюсь, вы ее совсем сломаете...

Колхозники засмеялись.

— А куда пошлете? — спросил кто-то.

— Колхозники кишлака Язъяван в этом году засеяли обширную площадь целины. Хлопчатник выдался отменный. Но сейчас его прямо душат сорняки. Самим язъяванцам не управиться. Они просили, чтобы мы помогли им.

— Против сорняков с примитивным кетменем труднее бороться, чем обыкновенной винтовкой против фрица.

— Как бы то ни было, но мы победили! Где с винтовкой, где и голыми руками душили врага, — заметил председатель райисполкома. — Сейчас пока особенно мощной техникой мы не располагаем. Но из Ташкента обещали кое-какие машины прислать целинникам. А Туркестанский военный округ на весь страданный сезон отдает им свои тягачи и автомобили. Товарищи фронтовики, кому, как не вам, управлять этими машинами!..

— А как же свой колхоз? — спросил вертлявый джигит, который беспрестанно оборачивался по сторонам — при этом у него на груди брякали три медали. Раис-апа сперва подумала, что этот джигит кого-то выискивает в толпе, а потом догадалась, что ему просто доставляет удовольствие звон его награды.

Раис-апа, оценивающе взглянув на него, улыбнулась.

— Это славно, милые мои, что вы беспокоитесь о родном колхозе. Но подумайте, полезет ли кому в горло кусок хлеба, если у соседа нет ни крохи?.. Так-то вот... Придется нашим женщинам снова засучить рукава. Но думаю, через месяц-другой нам станет легче. На станцию Горчаково каждый день прибывают эшелоны с фронтовиками. Только в нашем районе за вчерашний день стало на пятьдесят дехкан больше...

Подождав, пока воцарится тишина, снова заговорил председатель сельсовета, ведущий собрание:

— Вы, товарищи, пока подумайте. Хорошенько все взвесьте, посоветуйтесь с семьей. Одному такую задачку решить, прямо скажем, трудновато. Но если найдутся такие, кто уже решил, — милости просим подойти в конце собрания к столу и записаться... А сейчас перейдем ко второму вопросу...

Председатель сельсовета минуту молчал, потирая лоб, словно ему было трудно сразу переключиться на другой разговор.

— Тут дело такое, товарищи, — сказал он. — Наша Раис-апа подала заявление. Ссылается на то, что у нее плохое здоровье и что ей, пожилой женщине, трудно руководить хозяйством... Одним словом, товарищи, она просит освободить ее от должности председателя.

Для большинства собравшихся это было неожиданностью. Люди зашумели.

— Как? Не дожидаясь отчетно-перевыборного собрания?

— Зачем?..

— Она же прекрасно справляется!

— Мы ей говорили то же самое, — продолжал председатель сельсовета. — Но Раис-апа настаивает. Члены правления посоветались и решили удовлетворить ее просьбу...

— Не-ет!..

— Мы не согласны!

— Она хороший председатель! Пусть не беспокоится, мы все будем помогать ей!

Председатель сельсовета стучал карандашом по чайнику, по шуму не стихал. Тогда поднялась сама Раис-апа, и все умолкли.

— Товарищи! Спасибо. Большое сердечное спасибо.— Она низко поклонилась колхозникам.— Ваши теплые слова мне дороже всех наград мира. Но поймите, родные мои, не могу я больше. Я устала. Только я одна знаю, как чувствую себя. Мне надо отдохнуть и поправить свое здоровье. Давайте лучше выберем в председатели кого-нибудь из молодых!

Руки Агзама машинально взметнулись кверху и захлопали. Его поддержало еще несколько человек.

Агзам полагал, что эта женщина рано или поздно уйдет с председателей, но не думал, что произойдет это так скоро.

— Конечно, из молодых надо! — подал он голос и про себя подумал: «В такие моменты следует быть на глазах у людей, тебя должны заметить!» И закричал: — Дайте слово! Слово прошу!

— Пожалуйста, — разрешил ведущий собрание.

— Товарищи! — с чувством обратился Агзам.— Братья, сестры, аксакалы! Пока мы на войне, не жалея жизни, бились с врагом, вся тяжесть в хозяйстве легла на плечи женщин и стариков. Вот в меня немец стрелял из автомата, из пулемета и даже из пушки. Я был два раза ранен. Сперва в руку, потом в ногу...

— Мы про луну, а он про муллу, — заметил кто-то и хихикнул.

А вертлявый джигит с медалями на гимнастике съязвил:

— Покажи, где тебя царануло!..

Послышался смехок.

— Я говорю об этом не хвастовства ради. Я к тому, что у наших сестер и отцов тоже ладони были в ранах от ссадин и мозолей...

— Особенно у твоего отца. Рук не покладая трудился, — проворчал кто-то позади.

Агзам, резко обернувшись, окинул испепеляющим взглядом сидевших в заднем ряду и невозмутимо продолжал:

— Я хочу сказать, товарищи, эту тяжесть пора нам самим, мужчинам, взвалить на свои плечи. Раис-апа пусть наконец отдохнет, она заслужила отдых. А мы делом своим всякий раз будем стараться удостаиваться ее похвалы. Хвала ее для нас будет наградой!..

Люди дружно зааплодировали.

— Молодец, Агзамджан! Хорошо сказал! — воскликнул председатель сельсовета.— Главное — правильно сказал! Пусть молодежь берет бразды правления в свои руки. Вы разрешите мне от имени правления колхоза предложить кандидатуру в председатели?

— Валяй!

— Кого?

— Давай!

Агзам напрягся, вытянув шею, неотрывно глядел прямо в рот

выступающему. Сердце так заколотилось, что его удары, наверно, были слышны соседу.

— Анвару Хакимову! — сказал председатель сельсовета.

Тело Агзама сразу же обмякло, как проколотый шар. Пошли прахом все его старания и надежды. Не сдержавшись, он сильно ударил о колено кулаком.

На несколько мгновений воцарилась тишина. И тут же, прорвав ее, начали рукоплескать девушки и женщины, сидевшие в первых рядах. К ним присоединились и несколько мужчин. Едва аплодисменты смолкли, вертлявый джигит робко заметил:

— Все-таки в председатели мужчину лучше бы...

— Верно! Мужчины вернулись, пусть женщины чуть-чуть отдохнут! — поддержал его Агзам.

— А чем мужчина лучше? Анвара в любом деле десяти мужчинам не уступит! — раздался звонкий девичий голос.

— Так уж в любом, — с хихиканьем заметил кто-то.

С места встал пожилой мужчина. Разгладив пышные усы, он плутовато ухмыльнулся и, отыскав глазами вертлявого, сказал:

— Тебе сейчас сколько? Лет двадцать. А помнишь, этак лет десять назад, когда ты вызвался побороться с Анварой, как она вываляла тебя в пыли? Может, и сейчас потягаешься?

Раздался хохот.

— Анвара уложит его на лопатки!

— Анвара, докажи, что ты не хуже джигита!

Бедный парень пожалел, что дал волю языку. Покраснел, как помидор.

— Анвара подходящая кандидатура в председатели, — продолжал пожилой дехканин, сразу посерьезнев. — Если вы согласны, товарищи фронтовики, то я от вашего имени поддерживаю ее! Кто «за», прошу проголосовать.

Председатель сельсовета обвел собравшихся взглядом.

— Единогласно! Отныне Анвара — наш председатель колхоза, — сказал он. — Раис-апа остается почетным членом правления. Она будет помогать Анваре, пока та освоится.

Колхозники зааплодировали.

Агзам сидел, сжав коленями кисти рук. Чувствовал он себя отвратительно. Надо же, какую-то девку предпочли ему. Бабье царство решили устроить, а мужиков — к ногтю. Или снова на фронт их, к чертовой бабушке? Вот-вот может начаться мобилизация. Председателю-то, даром что она девка, бронь полагается. А прочих всех мужиков загребут как пить дать... Надо немедленно уехать. На целину смотаться. Здесь было верно сказано, что целина — тоже настоящий фронт. Нет смысла перебрасывать людей с одного фронта на другой. С целины, скорее всего, никого не возьмут... «Вот разбегутся из Чортерака все мужики, тогда поглядим на вас, баб, что запоете?.. — подумал Агзам и ухмыльнулся, ощерив желтые зубы. — Еще звать будете...»

Председатель сельсовета помахал руками, требуя тишины.

— Товарищи! Время страдное, и нам недосуг разговаривать подолгу. Давайте-ка вернемся к первому вопросу. Есть желающие поехать на освоение Язъяванской степи или помогать пайманцам?

— Я поеду! Записывайте! Меня первого записывайте! — крикнул Агзам, приподнимаясь с места.

Дильдар, сидевшая в первом ряду, резко обернулась. В ее широко раскрытых глазах промелькнул испуг. Это не скрылось от взгляда пожилого пышноусого дехканина. Как бы между прочим он заметил:

— Ты, Агзамджан, у нас активный, мы это знаем. Себя не пожалеешь, если надо. Но в Чортераке полным-полно холостых парней и девушек. Хорошо, если бы они проявили инициативу. Там бы и свои свадьбы сыграли...

— Ты на что молодежь подзуживаешь, старый шайтан! И кто свою дочь так далеко одну отпустит, ты в своем уме? — возразила ему бойкая женщина.

Анвара встала, постучала карандашом о пиалу.

— Правление колхоза намеревалось назначить вас инженером по механизации, — сказала она, обращаясь к Агзаму.

Это еще больше раснаило Агзана.

— Хо-хо! Уж и командовать начала! — возмутился он. — Сказано, поеду! Записывайте!

— С семьей будет нелегко на новом месте. Неизвестно, смогут ли сразу предоставить жилье, — сказала Анвара, поглядывая то на Агзана, то на Дильдара и смутно догадываясь, что у них опять что-то неблагополучно. Ей очень хотелось сделать что-нибудь для подружки, чтобы у нее все наконец наладилось. И вдруг она радостно улыбнулась, словно в голову ей пришла хорошая мысль: — Ладно, поезжайте! Bravo, Агзамджан! Ты — первый. Кто хочет последовать его примеру?

— А я не поеду! — резко проговорила Дильдара, утирая кончиком платка выступившие на глазах слезы.

— Нет, поедем. Я уже решил, — процедил сквозь зубы Агзам.

— Ты за себя решил. Ну и езжай! И я решила! Решила, что с ребенком на руках в чужой кишлак не поеду!.. Не поеду! Не поеду!..

Агзам вскочил, сжав кулаки. Всю злобу он сейчас готов был сорвать на жене. Его бесцветные губы шевелились, — видно, он хотел сказать что-то грубое, но сдержался. Жена перед всем кишлаком его выставляет посмешищем. Мужчина ли тот, кому перечит жена? Мог ли управлять целым колхозом человек, у которого в собственном доме нет порядка? Теперь даже те, кто в душе сочувствовал Агзаму, отвернут от него свой лик.

— Можешь оставаться! — зло сказал он. — Баб много на свете!..

Громко постучав о стол ладонью, с места встала Раис-апа. Она постояла минуту, задумавшись и машинально разглаживая складки на скатерти. Волновалась. Еще не было такого, чтобы она перед выступлением волновалась.

— Здесь не место для ссор, — глуховатым голосом сказала она. — Если между нами не будет согласия, любое наше дело, можно сказать, обречено на неудачу. Сейчас не успели мы прийти в себя после одной войны, а уже втянуты в другую. Но перед нами еще более страшный враг — это разруха в нашем хозяйстве. И чтобы победить ее, мы должны работать слаженно! — Женщина отпила из пиалы глоток воды, голос ее постепенно креп, становился звонче. — И мы, товарищи, предлагаем отправиться в Язъяван и Найман только тем, кто собирается поехать по велению сердца, только тем, кто искренне хочет помочь целинникам. Лишь от них и будет толк. А если кого-то вынуждает уехать обида...

Агзам перебрал через плечо свернутый чапан и, протиснувшись между рядами сидящих, зашагал прочь. Он решил по тропинке, пересекающей наискосок хлопковое поле, выйти на шоссе, где курсировало много попутных машин до Маргилана. Отец заждался небось. Ничего, пусть чуть-чуть потомится. Это из-за него Агзама не шибко уважают. Если бы занимался старый настоящим делом, как все люди, может, его сына сегодня и выдвинули бы в председатели. И угораздило же старого хрыча именно сейчас угодить в милицию! Агзам от злости в эту минуту был готов обругать отца последними словами... Видно, прав все же Низамджан, что сбежал из Чортерака. Живет себе в сторонке и в ус не дует, и никакая грязь к нему не липнет. Казался кротким, что тебе теленок, а ведь не пропал. И женился без благословения, не убоясь проклятий отца. Так неужели он, Агзам, который и статью превосходит братца, и рассудительностью, собьется с пути, не отыщет своей дороги?..

Тропинка вывела к водяной мельнице. Отсюда до шоссе по пыльной проселочной дороге рукой подать. Агзам подошел к арыку, сел на вросший в берег большой серый камень, покрывшийся с северной стороны мхом. Нагнувшись, зачерпнул ладонью воды, плеснул себе в лицо. Вытерся носовым платком. Сделалось прохладнее.

Вода, пенясь, устремлялась вниз по деревянному желобу, падала на лопасти мельничного колеса. Из ветхого строения мельницы, похожего на картонную коробку, доносился гул вращающихся жерновов. От стен, серых от муки, от заплесневелой вербы, росшей у самой двери, несло запахом прокисшего теста. Иногда ветер подхватывал с мелькающих лопастей водяную пыль и обдавал Агзама.

Агзам разулся и помыл в арыке ноги. Выставив их на солнце, просушил и начал наматывать портянки, чтобы продолжить путь. Из мельницы вышел знакомый старик. Его одежда, брови, ресницы были запорошены мукой. Мельник присел около арыка на корточки и, смочив ладонь, отер лицо. Его глаза были красны, будто старик недавно плакал.

— О, аллах, за что ты наказываешь рабов своих? — вздохнув,

проговорил он. Бьешь то справа, то слева, то прямо на голову опускаешь свою карающую десницу...

По телу Агзама пробежал неприятный холодок. Неужели что-нибудь стряслось с сыном старика? Но спросить не осмелился. О горе не спрашивают, чтобы не бередить чужую рану.

Сын мельника Усман был на год или на два старше Агзама. До войны он работал полеводом в колхозе. Жили они вдвоем с отцом, который, почитай, дневал и ночевал на мельнице. Поэтому в обеденный перерыв Усман всегда приходил на мельницу. Его отец каждое утро в омуте, образовавшемся за мельницей, ловил сеткой рыбу, и они готовили к обеду уху. Мальчишки, если хотели полакомиться рыбой, подгадав обеденное время, тоже приходили на мельницу. Усман, нанизав рыбешку на прутик, готовил им на костре шашлык, да такой, что пальчики оближешь... Агзам тоже не раз бывал у мельника в гостях. На сучке вербы, что растет у двери, всегда висел дутар, струны которого постоянно ослабевали от влажного воздуха. Если после обеда оставались свободные минуты, Усман брал инструмент и, наладив струны, начинал играть...

Старик сидел, отрешенно глядя на горлинок и воробьев, склевывающих просыпанное на землю зерно.

— Гляди-ка, птицы и те клюют себе, не спорят из-за зернышка. А чего людям не хватает, скажи на милость? Или земля наша поменьше сделалась, или мы стали жаднее и злее? Ты мне сможешь на это ответить, сынок?

Агзам пожал плечами, промолчал:

— Гитлер сдох, а там еще япон появился.— Старик вдруг всхлипнул и стал вытирать глаза подолом рубашки. Его заострившиеся плечи вздрагивали.— Еще и месяца не прошло, как получил от сыночка письмо: скоро присхать обещал, о моем здоровье беспокоился... А сегодня... Утром сегодня принесли черную весть... Нет на свете больше моего Усманджана. Остался я один на целом свете...

Потом мельник притих. Он сидел сгорбясь и бормотал проклятия по адресу врагов. Гул жерновов сделался неровным, скрежещущим. В ковше, наверно, кончилось зерно.

— Шли бы вы домой, отдохнули, — посоветовал Агзам. — Вам сейчас среди людей надо быть...

— Эх, сынок, сынок, — вздохнул мельник. — Сейчас не у одного у меня горе. Если все руки опустят, что же будет с нами?.. Уйду я сейчас, а люди без хлеба останутся... Если бы нас горе под корень подрубало, не одолели бы мы проклятого фашиста.

— Найдется кто-нибудь, помелют.

Мельник, устремив скорбный взгляд в одну точку, тихо раскачивался из стороны в сторону.

— Если человека можно легко заменить, значит, ему не велика цена. Значит, он не особенно нужен людям. А я теперь тем только и живу, что нужен людям. Спроси у кого хошь, каждый скажет,

что никто лучше меня не сможет смолотить зерна. У меня мука получается словно шелковая. — При этих словах в глазах старика загорелась радость и тут же пропала. — А стану не нужен никому — умру...

Агзам спешил. Но для приличия посидев еще немного, он распрощался с мельником. Вскоре вдалеке увидел пронесившиеся машины. Там было шоссе.

Х

Дильдар до полуночи просидела у окна в темной комнате, глядя на калитку. Потом легла, но сон не приходил. Опять рядом не было мужа. Широкая постель была холодной, неприятной. Где же он, ее Агзам? Опалив щеку, скользнула слеза, капнула на подушку...

Утром после собрания Дильдар заспешила домой, надеясь застать Агзاما дома. Она была полна решимости крепко поругаться с ним. «Пусть знает, что я не прежняя Дильдар, которой можно управлять, как кобылицей, — за какую вожжу потянешь, в ту сторону и повернет!.. — рассуждала она. И грудь ее болела внутри, словно не вмещала накипевшего возмущения. — Три года без него жила и опять проживу — пусть едет!..»

Дильдар резко отворила калитку.

Отец сидел на сури, обняв уснувшего у него на коленях внука.

— Зятя вашего нет, что ли? — спросила Дильдар.

Отец приложил к губам палец, чтобы она говорила потише, и отрицательно покачал головой.

— Странно... — проговорила Дильдар, поостыв. — Где же он?

Старик тихо встал, отнес внука на веранду, где было прохладнее.

— Мальчик пожаловался, что голова болит. Пусть поспит, — сказал он.

Дильдар, стоя посреди двора на солнцепеке, размышляла, где же может быть Агзам. Или отца проведать пошел? Но Иноят со вчерашнего дня, кажется, еще не вернулся с базара... В Дильдар постепенно закрадывалась тревога. Она поспешно вышла на улицу, направилась на гузар. Но и в чайхане мужа не оказалось. Спросила у сидевших, не видели ли они Агзاما? Парни его видели в последний раз, когда он уходил с собрания.

Дильдар расстроенная пошла на поле, где женщины уже час назад приступили к прополке. Издалека увидела, как при каждом их взмахе сверкают кетмени, разбрасывая солнечные зайчики, и ускорила шаги. Даже не отдышавшись, начала работать. Траву, что росла у самых комлей хлопчатника, приходилось вырывать руками. Все ногти себе изломала. Била кетменем о ссохшуюся землю, опрокидывала комья земли, открывая солнцу корни сорной травы. А у самой из головы не выходило одно и то же: «О аллах, неужели уехал? И поговорить со мной не захотел. Не попрощался с сыном... А вдруг из Наймана его во второй раз заберут на фронт

и я его больше никогда не увижу!.. Ой, глупая, зачем я с ним так резко обошлась? Знала ведь, какой он горячий...»

Вдалеке Дильдар увидела мужчин, которые подиравляли арык. Долго стояла, заслонившись рукой от солнца, и глядела на них. Но Агзама среди них не было. Если бы она сейчас его увидела, подбежала бы, отозвала бы в сторону и сказала: «Агзамджан-ака, простите меня. Я виновата перед вами. Ведь иголка водит за собой нитку, а не наоборот. Испокоин веку водится, что жена всюду следует за мужем. Я согласна ехать с вами...» Гнев Дильдар сменился раскаянием.

На полевом стане в большом котле варился обед для колхозников. Но Дильдар в обеденный перерыв прибежала домой. Надеялась, что Агзам дома. А его не было. Отец, заметив, как она бледна, забеспокоился. «Хорошо ли ты себя чувствуешь, дочка?» — спросил он. «Хорошо, хорошо. — ответила Дильдар. — Прибежала вот, Азимджану дыню принесла...»

Вечером, придя с работы, едва двигалась от усталости. Приготовила ужин, убралась. И долго не ложилась... А теперь лежит вот в широкой постели, а сна нет ни в одном глазу. Протянула руку и положила на подушку мужа. Подушка прохладная. Будто муж вовсе и не клал на нее голову, а все это Дильдар только приснилось. Словно Агзам и не приходил к ней, а всего-навсего она была во хмелю, а теперь хмель улетучился — и сразу же все стало на свои места. Как было две недели назад, как было все три последних года.

Снова, защекотав щеку, упала на подушку слеза. Дильдар крепко зажмурилась. И вскоре забылась...

Утром проснулась, почувствовала, как кто-то ее гладит по голове. Первым ее желанием было схватить эту руку и прижать к груди. Она улыбнулась и открыла глаза. Разглядела при сероватом свете утра склонившегося над ней отца, и опять в памяти всплыли тревожнения вчерашнего дня.

— Пора вставать, дочка, — сказал отец. — А то позавтракать не успеешь...

Дильдар встала, подошла к окну. На блеклом небе мерцала яркая точка одинокой звезды.

Отец заварил чай, расстелил под шелковицей на сури дастархан. Азимджан еще спал. Дильдар поправила на нем одеяло, потрогала его лоб. Жара у малыша не было.

— Агзамджан не пришел домой?.. — спросил Юнусали, разрезав ломоть лепешки и вложив в нее кусок брынзы.

Брови Дильдар вздрогнули и собрались над переносицей в сборочку. Она промолчала.

— Люди толкуют, что ты шибко обидела мужа... Что с тобою стало, дочка? Ведь за всю жизнь никто от тебя грубого слова не слышал. А тут мужу такое: уезжай, мол, на все четыре стороны. И при всех, главное. Нехорошо ты поступила. Не одобряю...

У Дильдар кусок стал поперек горла. Она выплеснула, не допив, чай, бросила пиалушку на дастархан.

— Папа, он совсем не хочет со мной считаться, — с обидой в голосе проговорила Дильдар. — Мог же со мной хотя бы посоветоваться...

— Если не согласна с ним, могла и дома сказать. По-хорошему... Он все же мужчина, у него самолюбие есть.

— А у меня нет, по-твоему, самолюбия? — вспылила Дильдар.

— Женское самолюбие что сахар: опусти в чай — растает. Хотела гордость свою показать, а вон как нескладно получилось...

Было совсем еще рано, а мимо калитки уже проходили колхозницы с кетменями. Некоторые вели за веревку коров и телят, чтобы привязать у обочины дороги или у арыка, где трава посочнее.

Дильдар взяла кетмень и тоже отправилась в поле.

Кажется, у женщин дело идет более споро, если они во время работы отпускают по адресу джигитов остроты, потешаясь над ними. Считай, пропала голова мужчины, если они заметили за ним какую-то черточку, достойную осмеяния. Доведут до белого каления. В этом деле у них, как ни говори, позиция куда выгоднее. На мужчину иной раз можно и с кулаками кинуться, а этим трещоткам и грубого слова не скажи.

Над полем то и дело раздавался веселый хохот. Только Дильдар было не до шуток. Ей и разговаривать не хотелось, не то что смеяться. На вопросы подруг она отвечала односложно. «Что ты надулась, будто кто-нибудь из нас у тебя мужа отбил?» — поддела ее Адолят, желая вовлечь в разговор. Не подозревала она, что как раз об этом Дильдар и думала. О чем еще может думать женщина, муж которой не пришел домой ночевать?..

К обеду на полевой стан привезли целую машину арбузов. Дильдар выбрала из кучи небольшой арбуз и, сказав, что проведает Азимджана, заспешила домой. Она шла по краю еле приметной дороги, которая, если бы ездили по ней арбы, наверно, совсем заросла бы травой. На обочине стлалась повилика. Дильдар сорвала несколько розовых цветков-граммофончиков для сына. Он, как и она в детстве, обожает запах степной повилики.

Слева тянулся глубокий арык, вдоль которого весной посадили черенки ветлы, а теперь окрепшие деревца весело хлопают на ветру ладошками листьев. Вдалеке с тихим рокотом ползает по хлопковому полю трактор, похожий на трудолюбивого муравья. Единственный оставшийся в колхозе трактор проводит культивацию. Прислали бы еще пять-шесть таких машин, отпала бы надобность в их кетменях и женской силе. Обещали прислать, но когда это будет? А сейчас вон как горят волдыри на ладонях.

Впереди показался автомобиль. Он двигался навстречу Дильдар, поднимая облако пыли, относимое ветром на хлопковое поле. Именно двигался, а не мчался. Дильдар сразу же узнала старую председательскую «эмку», которая из-за ветхости и оттого, что с нее местами сошла краска, чем-то очень напоминала черепаху.

Поравнявшись с Дильдар, машина остановилась. Из кабины высунулась Анвара.

— Далеко ль снешишь? — осведомилась она.

— Домой. Сыну арбуз несю. Вчера приболел немножко, — сказала Дильдар. «Оказывается, вот почему машина ехала так медленно: Анвара третьего дня отправила своего шофера в поле работать, а теперь сама решила научиться водить автомобиль».

— Я только что наведалась к вам. Азимджан играет с дедушкой. Садись-ка, подружка, в машину, поговорить с тобой хочу, — сказала Анвара и отворила дверцу.

Дильдар поколебалась, но села. Машина плавно покатила к полевому стану.

— Где Агзам? — спросила Анвара.

Дильдар пожала плечами.

— Может, в Язъяван подался или в Найман, — проговорила она смущенно.

— Из нашего колхоза в Язъяван поедут тридцать семь человек. Я сейчас еду из райкома партии. Оказывается, для новоселов уже и дома отстроены. Так что напрасно я беспокоилась о тебе, — Анвара с нежностью посмотрела на подругу и улыбнулась. — Ну как... согласна поехать?

— Не знаю. А как ты посоветуешь?

— Поезжай.

— Значит, став председателем, хочешь от меня избавиться? Гонишь из колхоза? — спросила Дильдар, в упор поглядев на председателя.

— Не мели ерунду, — поморщилась Анвара. — Агзам откликнулся на призыв нашей партии, а ты его по рукам и ногам связываешь. Ты же знаешь, какое значение придается сейчас освоению целинных земель?.. Об этом можно судить хотя бы по тому, что целинников даже на фронт не будут брать.

Дильдар потупилась. Она втайне опасалась, что Агзам могут забрать на фронт. А если то, что говорит Анвара, правда, Дильдар готова последовать за Агзамом хоть на край света.

Анваре молчание подруги истолковала по-своему. «Не хочет и разговаривать об этом», — решила она. В ее глазах появился давно знакомый Дильдар холодок. Когда Анвара бывала чем-то недовольна, ее взгляд становился колючим, суровым.

— Я давно собиралась потолковать с тобой по душам, — сказала Анвара, внимательно глядя перед собой на дорогу, старательно объезжая колдобины и рытвины. — Послушай-ка, когда ты собираешься наконец стать человеком?

Дильдар с недоумением посмотрела на подругу.

— Видишь ли, — продолжала Анвара. — Мы без конца жалели тебя, всякий раз старались помочь, считали: не повезло, дескать, нашей подружке в жизни. А ты к этому, похоже, привыкать начала. Но на одной людской жалости не проживешь. Теперь муж твой вернулся, должна же и ты наконец в чем-то проявить себя.

— По-твоему, я все это время ничего не делала?

— О-о, наделала ты очень много. Встречалась с Низамджаном, а вышла за его старшего брата. Раз... — Анвара загнула палец. — Из-за тебя Низамджан, один из наших самых активных комсомольцев, уехал из Чортерака. Два... Братья из-за тебя сделались врагами. Три... Теперь хочешь сковать Агзаму руки. Четыре. Мало тебе?

Дильдар было не привыкать к прямолинейным высказываниям Анвары. Но сегодня она просто бестактна. Хотя она и председатель, однако это не дает ей права разговаривать грубо.

— Значит, кишлак для нас двоих стал тесен? — с трудом сдерживая слезы, произнесла Дильдар. — Может, станешь прекращать еще и тем, что ты с девочками помогала мне растить ребенка? Когда я была кормящей, вы приносили мне то морковку, то яблоко, — может, и этим ткнешь в глаза теперь? Спасибо. Лучше бы не прикасалась я к вашим подачкам! Останови свою арбу, я выйду!

— Хорошо, хоть помнишь это. Если бы не девочки, загнулась бы ты с голоду. Твой отец болел, не мог кетмень поднять. У тебя на руках младенец, и тоже без конца болел. Как было не пожалеть тебя, бедняжку?.. А скажи по совести, какой прок был от тебя за эти годы колхозу?.. Молчишь?.. Когда ты сидела дома с ребенком, девушки и за себя работали, и твою норму выполняли. Мол, у нее в семье разлад, несчастье. Старались помочь, утешить. Думали, вернется ее муж, все уладится и Дильдар еще себя покажет! Показала! На тебя глядячи, ни одна девочка в Язъяван поехать не пожелала!

— Вай, при чем тут я?

— А при том, что все решили, коль Дильдар так испугалась да истерику при всех мужу закатила, значит, там не сахар ожидает.

— Анвара, не придирайся ко мне! Уж не знаешь, за что зацепиться!.. И зачем я, дура, подняла руку, когда тебя избирали в председатели...

— А не подними ты руки, этого бы и не заметили. Все остальные проголосовали. Все равно бы я стала председателем, — смеясь, сказала Анвара. — Вот что, глупышка, пойми ты меня, я же тебе добра хочу... Присмотрись к своему мужу, он же извелся весь. Я и то замечаю, что ходит он сам не свой. Если останетесь здесь, Иноят и Рисолат не дадут вам покоя, не будет мира в вашем доме. Свяжите в узелок ваши пожитки да отправляйтесь-ка лучше в Язъяван. Это не край света. В случае чего кликнешь — услышим... Никто вас не принуждает, но подумай об этом хорошенько, подруженька. По-моему, Агзам главным образом из-за этого решил податься туда. И правильно рассудил... Я хочу, чтобы вы обрели наконец счастье. На новом месте, может, и ты начнешь жить по-новому. Эх... — Анвара откинулась на сиденье и устремила мечтательный взор далеко вперед. — Приехал бы поскорее мой Каримджан! И мы бы тоже подались на новые земли...

Дильдар молчала. Обидные слова ей высказала Анвара. Но обвинить ее в несправедливости Дильдар не могла. Права она. Дильдар прожила все это время, опираясь на других. То была куклой в руках Иноята, и он повелевал ею как хотел; то стала надеяться на старого отца и на подруг, что не дадут пропасть. И ни разу не взглянула на себя со стороны, не задумалась, правильно ли живет. А подруги, оказывается, к ней присматривались. И вот Анвара ей высказала все, что они думают о ней. Хорошо, что высказала. Было бы гораздо хуже, если бы они таили свои суждения о ней.

— Ты все это время прятала камень за пазухой, — упрекнула Дильдар Анвару.

— Совсе нет. Я же много раз намекала тебе, что как-то не так ты живешь... А сейчас хочу предупредить: приближается то время, когда придется отчитаться о себе перед теми, кто был на фронте, и перед всей страной. Что ты о себе скажешь?.. Если хоть что-то найдешь в свое оправдание, паду на колени перед тобой, буду вымаливать прощение за то, что сегодня обидела тебя.

Дильдар отвернулась, чтобы Анвара не увидела ее слез, стала задумчиво смотреть в боковое стекло. Да, Анвара всегда была в спорах беспощадной. Она не считалась, подруга ли перед ней или человек значительно старший по возрасту, — высказывала правду, какая бы она горькая ни была.

— Вижу, огорчила тебя, — сказала Анвара, искоса взглянув на Дильдар с улыбкой. — Так и быть уж, напоследок обрадую. Агзам твой дома. Встретила его по пути из района. Хотела подвезти его на машине, но... он был не один...

Дильдар, побледнев, резко обернулась, сквозь прищур испытующе посмотрела на Анвару, гадая, серьезно та говорит или разыгрывает.

Анвара весело рассмеялась:

— Да не пугайся ты, дурочка. Не под руку с очаровательной спутницей он шел. Он был с ишаком. Гнал из Маргилана отцовского ишака.

Дильдар смутилась. Неловко стало, что невесть что подумала. Заставила себя улыбнуться, давая понять, что поняла шутку, хотя никак не могла уразуметь, зачем было Агзаму гнать чье-то ишака.

— А он добряк, твой Агзам, — лукаво улыбаясь, продолжала Анвара. — Будь я на его месте, после вчерашней выходки дала бы тебе хорошего пинка под зад и сказала: «Грузи на арбу свои пожитки и катись-ка подальше!..»

— Да ну тебя, — сказала Дильдар, рассердившись.

Она вышла из машины, не доезжая до полевого стана. Ступила на поле и пошла по междурядью. Она улыбалась, а по лицу почему-то катились и катились слезы. Ей не хотелось показаться на людях плачущей. Она шла, высоко подняв голову, чтобы встречный ветер ласковыми прикосновениями высушил ее веки и щеки.

...Домой Дильдар пришла, когда уже начало темнеть. Азимджан, взвизгивая от восторга, бегал вдоль арыка с длинным прутиком в руках. Он забавлялся, бросая в воду яблоко и вылавливая его в самый последний момент, когда оно должно было исчезнуть в отверстии дувала и оказаться в чужом дворе. Мальчик был так увлечен игрой, что не заметил даже пришедшую с работы мать.

Агзам сидел на ступеньках айвана, подперев руками голову и полузакрыв глаза. Несколько прядей вьющихся волос прилипли к потному лбу. Дильдар с первого же взгляда определила, что он пьян. По-видимому, только что пришел: еще не успел переодеться и сапоги в пыли. Она мимо него прошла в дом. Он даже не поднял головы.

Отец на летней кухне разжигал самовар. Установив трубу, он подошел к зятю:

— В чем дело, сынок? Если камень на сердце, выкладывай, не стесняйся... С тех пор как ты вернулся с фронта, не стало покоя в этом доме. Что ни день, между вами ссора. Вчера Дильдар слезы лила, а сегодня ты на ногах еле стоишь. В чем дело, объясните мне оба? Думаете, я ничего не замечаю?..

Юнусали-ота старался не вмешиваться в их семейные дела. Но извелся уж, глядя на них, изболелось его и без того хворое сердце. Давно собирался серьезно поговорить с зятем и дочерью, но все воздерживался. Думал, сами разберутся. А оно день ото дня не лучше. Вот и не выдержал, затеял разговор.

Агзам помотал из стороны в сторону головой, пробубнил что-то невнятное. Старик постоял, ожидая ответа, но тщетно.

— Вы так никакой благодати в жизни не увидите. Вам бы радоваться, резвиться, пока молоды, а вы скандалите. Если не одумаетесь, с каждым днем все труднее будет жить. Если один вспылит вгорячах, другой должен сдержаться, промолчать. Рукопожатье бывает крепким, если руки протягиваются одновременно... Как же она ждала тебя с фронта, сынок. А когда вернулся, радости нашей предела не было. Думали, теперь в нашем доме приживется счастье. А оно вон как получается... Я-то что, я скоро покину этот мир. Мне вас жалко да внука. Охладел он к вам обоим. О нем хотя бы подумайте...

Агзам тяжело вздохнул.

Старик постоял с минуту молча. Не дождавшись ответа, решил оставить мужа и жену одних. Пусть сами разбираются. Позвал Азимджана, хотел взять и его прогуляться.

— Папа, ребенка оставьте, — сказала Дильдар, появившись в дверях.

Старик всегда в это время выходил с внуком на прогулку. Он удивленно взглянул на дочь. И, махнув рукой, что должно было означать: да ладно уж, как хотите, вышел расстроенный на улицу.

Дильдар подвела Азимджана к отцу. Положила на плечо мужа ладонь. Агзам сбросил ее руку.

— Взгляните на меня. На сына своего посмотрите, — проговорила Дильдар.

Агзам, изобразив на лице нечто подобное улыбке, легонько похлопал мальчика по щеке. Его глаза покраснели и ввалились.

Дильдар взяла мужа обеими руками за голову, повернула к себе:

— Ну что вы?.. Простите свою глупую Дильдар... Я поеду с вами. Куда вы, туда и я.

Агзам встал. Держа руки за спиной, размашистыми шагами стал ходить взад-вперед — до сури и обратно.

— А где вы были? — робко спросила Дильдар.

Агзам ответил не сразу. Походив еще немного, он остановился против жены и с трудом выговорил:

— Отца навестил. В тюрьме он. Попался с краденым барахлом... Сказали, судить будут.

У Дильдар испуганно расширились глаза. Она прижала к груди руки, будто хотела унять сердцебиение.

— Нам надо уехать. Чем скорее, тем лучше!.. Давеча видели, как я пригнал из милиции отцовского ишака. Люди на гузаре откровенно насмехались надо мной. Говорили: «Вон идет аксакала преемник, которому достался в наследство ишак!..» Они долго смеялись вслед мне. Позор! Какой позор!.. На этих днях уедем!

— И не хотите подождать, пока разрешится дело вашего отца?

— Я все равно ему ничем не могу помочь. И не хочу! Сам сварил кашу, пусть сам и уминает ее. Уедем туда, куда еще, может, не дошли слухи о плутнях Иноята.

— Как знаете... Но куда, как не в Язъяван, мы можем поехать? И там будут наши односельчане. Но, говорят, свой своему поневоле друг...

— Я бы сейчас махнул куда-нибудь в Казахстан или Киргизию!

— Не стоит, милый, совсем вырывать корень. Еще неизвестно, благодатна ли будет почва на новом месте для произрастания наших корней...

Агзам промолчал. Когда он соглашался, всегда предпочитал молчать.

XI

В августе южное небо всегда синее и без единого облачка. Солнце, едва высунется из-за горизонта, начинает разогревать остывшую за ночь землю и к полудню раскаляет ее так, что в пыли можно испечь яйцо.

Чтобы большую часть пути покрыть по прохладе, переселенцы выехали еще затемно. Из райцентра для каждой семьи прислали по машине.

Агзам посадил Дильдар и сына в кабину, а сам взобрался в кузов и удобно расположился между большими узлами и связанной

постелью. Передние машины тронулись. Агзам попросил шофера немного приотстать, чтобы ему наверху не наглотаться пыли. Дильдар и Азимджан помахали руками стоявшему у калитки Юнусали. Старик, силясь улыбнуться, закивал им в ответ...

Только выехали на шоссе, взошло солнце.

Понеслись мимо и отстали зеленые полосатые хлопковые поля, похожие на лоскутья бекасама. Промелькнули обширные золотистые квадраты с созревающей пшеницей. Проехали через несколько кишлаков. Теперь стали чаще попадаться пустые участки с высохшей травой. Заметно отдалились горы и ближе придвинулась степь. Вскоре машина свернула с шоссе и покатила по пыльной дороге, временами взмывавшей на холмы и снова устремлявшейся в низину, по сторонам которой бугрились рыжие увалы. Желтая пыль клубится позади машины и долго висит потом в воздухе светлой полоской.

Агзам встал, чтобы лучше разглядеть степь. У дороги начали попадаться черепахи. Заслышав машину, они прячут голову и ноги в панцирь или же спешат скрыться в одиночные и низкие кустики полыни. Своим мощным панцирем черепаха хорошо защищена от врагов. Но Агзаму доводилось слышать, что ее мясом ухитряются лакомиться степные орлы. Схватив черепаху в когти, орел поднимает ее высоко в небо и бросает. Если добыча падает на камни, ее панцирь раскалывается.

А вон в тех низинках между холмами, наверно, около нор греются на солнце сонные и осторожные степные гадюки. В жару они вялы и беззащитны, опасаются далеко уползать от своих убежищ...

Ровно и трудолюбиво гудит мотор, упругий ветер бьет в лицо и забирается под одежду. Грузовик подпрыгивает на неровностях степной дороги. Желтые, выжженные солнцем травы сменились редкой серой полынью, растущей вперемежку с низкорослыми злаками. Когда преодолели последний холм, машина как-то сразу вырвалась на ровный, как разостланная скатерть, простор. Справа у самого горизонта появилась нежная сиреневая полоска невысокого горного кряжа.

Да, в эту пору степи нечем порадовать взор путника. Куда ни погляди, всюду преобладают желтый и серый цвет. Лишь кое-где в ложбинках еще зеленеет сонная трава. А в небе поют жаворонки, будто, соревнуясь друг с другом, оспаривают право приветствовать едущих новоселов.

«Что ожидает нас в далеком незнакомом кишлаке, расположенном вон за тем горизонтом?..» — с тревогой думал Агзам.

Когда закончилась война, Агзам предполагал, что, возвратясь домой, месяца три-четыре не возьмется ни за какую работу, будет только горделиво расхаживать по кишлаку, похваляясь медалями. Он часто рисовал в своем воображении, как идет со станции в кишлак, а все односельчане, взобравшись на крыши, всматриваются в даль, ожидая его появления. И едва они его увидели — грянула музыка. Потом один поливал ему на руки воду, другой стоял наго-

тове с полотенцем, третий расстилал дастархан... А на деле все оказалось далеко не так...

До самого последнего момента, пока не погрузил вещи в грузовик, Агзам смутно надеялся, что кто-то придет еще и скажет: «Агзамджан, не уезжай. Как же мы тут будем без тебя? Стань нашим председателем. Ведь руководить — это удел мужчины...» Но никто не пришел и не сказал ему этого. А Анвара к тому же, оказывается, еще и уговаривала Дильдар послушаться мужа, не удерживать его. Увидела, наверно, в нем соперника...

Миновали небольшой кишлачок. Там и сям в беспорядке разбросано несколько глинобитных приземистых домиков. Дворы даже не огорожены дувалом. Зачем огораживать? Двор — вся стена. Но в кишлаке ни одного старого деревца. Воду, как видно, сюда провели совсем недавно. Вдоль арыка высажены тоненькие саженцы тутовника. На некоторых зеленели листочки. Но эти листочки от жары свернулись и напоминали лепестки испитого чая. Большинство саженцев были мертвы — засохли. Трудно растениям прижиться на этой земле. А людям-то каково будет?..

Машина круто пошла на подъем, словно взлетая еще на один холм, и въехала на мост. Взору Агзама неожиданно открылся засеребрившийся внизу канал. От воды повеяло прохладой. Она текла медленно, рябилась, отражая солнце. Вдоль берега росли молодые кудрявые деревца. Значит, в этом краю главное — вода. Будет вода — и сады зашелестят листвой, и хлопок зацветет...

За мостом, в тени старой кряжистой ветлы, каким-то чудом произросшей на этом месте, стояла женщина с кошелкой. Увидев машину, она подняла руку. Шофер затормозил, и машина исчезла в нагнавшем облаке пыли. Агзам стал отмахиваться руками, зачихал и зачертыхался. Машина тронулась — словно бы выехала из ночи в день. Агзам увидел стоящую рядом с ним молодую женщину. Поставив кошелку у ног, она держалась за верх кабины. Встречный ветер заставлял ее щуриться. Черное шелковое платье облегло ее стройную фигуру. В такую жару в черном? Наверно, носит по ком-то траур. Одной рукой она поправила на голове вышитую тюбетейку. Широкий рукав соскользнул почти до плеча, оголив руку, которой почти не коснулся загар. Ее толстые косы извивались за спиной, то вытягиваясь, как две черные змеи, то, ослабнув, падали, хлопая ее по пояснице. Ноги точеные и туфли на высоких каблучках. Сразу видно, не из здешних мест, не кишлакская. Лицо нежное, цветом напоминает румяный персик...

Женщина почуствовала, что ее разглядывают, и, обернувшись, приветливо улыбнулась. И Агзам увидел ее темные и глубокие, как омут, глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами. Всего миг она смотрела на него — и что-то перевернулось в нем. Сердце застучало быстрее. На ее длинной шее он заметил маленькую родинку. И подумал, что, должно быть, очень приятно целовать эту родинку. Он придвинулся поближе к женщине...

Машина протяжно засигналила и вернула Агзама к действи-

тельности. Дорогу пересекало стадо овец, подгоняемое чабаном. Машина продвигалась медленно, будто поперек черного потока. Потом снова набрала скорость.

Миновали еще один кишлак, где не увидели ни души. Местные люди привыкли, наверное, в такую жару отдыхать дома, завесив окна и двери паласами, чтобы в помещении не проникали жгучие солнечные лучи и полуденный зной.

Агзам, заметив, что женщина тоже незаметно разглядывает его, приосанился, поправил на голове фуражку, из-под которой на лоб спадал пушистый кучерявый чуб.

Дорога неожиданно пошла под уклон, и машина резко набрала скорость. И не успей Агзам поддержать незнакомку за талию, она упала бы на узлы. Женщина благодарно взглянула на него, улыбнулась. В ответ Агзам тихо засмеялся и продолжал держать руку на ее упругой талии. Женщина слегка отстранилась, но Агзам сделал вид, что не заметил этого. Он пристально и откровенно любовался ее красивым профилем, нежной, словно мраморной шеей, на которой под шелковистой кожей билась голубая жилка. От нее исходил легкий запах духов. И волосы тоже пахли чем-то нежным, хмельным.

Женщина вдруг зарделась и посмотрела с укоризной. Довольно холодно попросила:

- Уберите, пожалуйста, руку.
- Дорога неровная, можете упасть.
- Не беспокойтесь, я буду осторожной.

Впереди показалось большое селение. Белые аккуратные домики с шиферными крышами стояли в ряд. Над ними возвышались зеленые кроны деревьев. После степного однообразия было приятно видеть зелень. В центре селения возвышалась огромная башня артезианского колодца.

«Похоже, что это Зирилляма, — подумал Агзам. — Здесь неумудрено встретить Низамджана... Как-то у нас все шиворот-навыворот получилось: не младший брат следует по стопам старшего, а я почему-то тянусь за младшим... Ладно, мы еще посмотрим, кому верхом ездить, а кому стойло чистить...»

Женщина постучала по крыше кабины.

Агзам схватил ее за руку:

— Скажите, как вас зовут?

— А вам это нужно?

— Должен же я знать, с кем ехал.

— Это совсем не обязательно, — улыбнулась женщина, покраснев.

Машина остановилась у крайнего дома. Незнакомка сошла на дорогу, порылась в сумочке, отыскивая деньги. Подавая ей тяжелую кошелку, Агзам пообещал:

— Вот увидите, я найду вас.

Машина тронулась. Агзам помахал незнакомке рукой. Ему показалось, что она тоже подняла руку, чтобы послать прощаль-

ный привет, но взметнувшиеся клубы желтой пыли заслонили ее. Солнце начало постепенно сползать с зенита, когда въехали в новый благоустроенный кишлак. Издали увидев остановившуюся на улице колонну машин, Агзам с радостью понял, что пришел конец томительной тряске под жгучим солнцем. Переселенцы выгружали свои вещи и складывали тут же у дороги. Женщины с детьми от жары укрылись в чайхане и, утоляя жажду зеленым чаем, вели шумные разговоры.

Слева от дороги раскинулась выжженная солнцем степь, которой еще ни разу не касался плуг. Справа ровнехонько стояли белые домики с верандами, покрытые шифером. Просторные участки были разделены штакетником. Вдоль арыков росли серебристые тополя. Их стволы уже были толциной с голенище сапога, налитые листья весело трепетали на ветру. За первым рядом домов параллельно ему протянулась еще одна улица. Постройку той махалли, видимо, закончили недавно: деревья там были тоньше и худосочнее.

Агзам прыгнул на землю и открыл дверцу кабины. Дильдар подала ему сына. Подошли трое мужчин, чтобы помочь выгрузить вещи. Дильдар, ведя Азимджана за руку, направилась к сидящим на сури женщинам, которые оживились еще больше и шумно ее приветствовали. Оказавшись вдалеке от Чортерака, они все почувствовали вдруг какую-то тягу друг к другу, будто они не просто односельчане, а самые близкие родственники. Постепенно к чайхане начали стекаться и те, которые приехали несколькими месяцами ранее и уже считались местными. Начали знакомиться.

Машины, разгрузившись, уехали. Остались всего три, чтобы развести новоселов по домам.

— А вон и председатель!.. — радостно возгласил кто-то.

Из коляски мотоцикла выпрыгнул щуплый болезненного вида человек с давно не бритой седой щетиной на щеках и начал за руку здороваться с прибывшими.

— Меня зовут Меливай! — представился председатель и, помедлив, громко сказал: — Что ж, добро пожаловать в наш Язъяван!.. Работы у нас непочатый край, всем хватит. А сейчас давайте устраиваться... Перво-наперво, люди добрые, надо выбрать бригадира. Своих вы знаете лучше меня — кого предложите, тот и будет бригадиром... В новой махалле нашего кишлака имеются незаселенные дома, специально для вас приберегли. Прямо сейчас мы с вашим бригадиром обойдем их и в зависимости от того, сколько человек в семье, наметим, кого куда определить. Как вы считаете?

Чортерацкие одобрили решение председателя.

— Какие у вас тут работы? — поинтересовался кто-то.

— Всекие. Сейчас расширяем оросительную систему. Местами приходится из почвы вымывать соль. Это очень трудоемкая работа, вы знаете. Кажется, все хорошо, а после первого же полива опять выступает соль. А там, где она есть, доброго урожая не жди... В этом году обширную площадь засеяли хлопком. Осенью собираемся по-

садить фруктовые деревья. У нас будут свои сады. Так что работу каждый может выбрать по душе... Ну, кто же будет бригадиром, товарищи?

— Может, Агзама выберем? Он толковый парень!

— Это сына Иноята-то? — протянул кто-то. — Если тут у нас откроется лавка, лучше туда его пристроить...

Раздался смех. У Агзама горело лицо, будто ему дали пощечину.

— Пусть Холмат будет бригадиром! Он раньше всех нас сюда приехал! Здесь уже все ему знакомо.

Только сейчас Агзам увидел Холмата. Он стоял в окружении нескольких чортеракцев, то одного, то другого восторженно хлопал по плечу и что-то говорил, смеялся. Радовался приезду односельчан. А на Агзама ноль внимания — будто и не заметил его. Значит, Агзам не ошибся: ему казалось и раньше, что Холмат на него недобро смотрит.

На голосование выдвинули обоих. Меливай-ака вслух считал поднятые руки. Холмата поддержало большинство. Он стал бригадиром. По просьбе председателя Холмат тут же составил список прибывших, указывая против каждой фамилии количество членов семьи. Затем он и председатель сели на мотоцикл и укатили.

Агзам был вне себя от злости. Это было заметно, хотя он старался напустить на себя равнодушный вид. Стыдился смотреть в лицо знакомым. Лучше бы совсем не упоминали его имени, чем выдвинули, а потом отбросили, как непригодного. Даже перед женой стыдно. И перед несмышленишем сыном тоже стыдно. Еще не успел устроиться как человек, а уже будто сел в лужу на глазах у всех.

Агзам закурил. Шурясь от едкого дыма, посмотрел на жену. Дильдар сидела на узлах и мечтательно глядела на горлинку, кормившую под стрехой навеса птенца. Словно бы ничего не произошло, она улыбалась и, рассказывая что-то на ухо сыну, показывала рукой на гнездо.

Меливай-ака попросил парнишку, сидевшего за рулем, остановить мотоцикл в начале улицы. Спешившись, достал из коляски папусиновый мешочек и, с улыбкой кивнув Холмату, потряс им. В мешочке что-то зазвенело.

— Ключи, — сказал он и жестом пригласил Холмата следовать за собой.

Председатель отпер дверь первого крайнего дома. Здесь были три комнаты и веранда, под которой размещен просторный подвал. Подвал в этих местах просто необходим для хранения овощей и фруктов. Особенно в летнюю пору. А позади дома, во дворе, обнесенном еще не крашенным штaketником, расположены кладовка и большой сарай, рассчитанный на тот случай, если хозяева захотят обзавестись скотом.

— Настоящий современный коттедж! — с восхищением сказал Холмат.

— И кому же дадим этот коттедж? — спросил Меливай-ака. Они отыскиали в списке семью, состоявшую из четырех человек. Напротив фамилии написали номер дома.

Затем председатель повел бригадира осматривать следующий дом. Они шли по широкой и прямой улице, посыпанной гравием, в конце которой в промежутке между домами виднелась рыжая степь и далеко-далеко возвышались холмы и над ними курилось марево. Под окнами уже обжитых домов разрослись палисаднички. Рачительные хозяева во дворах высадили молодые фруктовые деревца. На проволоках, протянутых между подпорками веранды, сушилось белье.

С одного взгляда не трудно было определить дом, где еще никто не поселился. Внешне он ничем не отличался от прочих домов, но казался каким-то пригорюнившимся, неприятным. Обычно всегда безлюдные места бывают суровы и чем-то непривлекательны. Однако даже пещера, в которой хоть раз заночевал человек, становится уютной и кажется обжитой.

Холмат высказал свои мысли вслух. Меливай-ака улыбнулся.

— С каждым днем у нас становится все меньше необжитых домов, — сказал он.

Для осмотра всех пустующих домов и их распределения потребовалось более часа. На привязанных к ключам картонных квадратах Холмат написал фамилии владельцев — чтобы не перепутать. Когда сажались на мотоцикл, Холмат сказал председателю:

— Меливай-ака! А что, если дом, который вы закрепили за мной, отдадим Агзаму! У него семья...

— Ты о парне, которого хотели в бригады?

— Да. Его нужно использовать в ремонтных мастерских или на трактор посадить. Он на фронте баранку крутил...

— Мне показалось, что он не очень доволен приездом сюда. У меня взгляд острый, по глазам определить могу... Впрочем, может, и ошибаюсь.

Холмат пожал плечами:

— Знал, поди, что головки сахара у нас на деревьях не растут. Никто из приехавших на готовенькое не рассчитывал...

— А почему ты не хочешь переезжать в новый дом?

— Нам с Маликой-ая пока и в старом не плохо. К тому же я... холост. А у него жена, ребенок. Сами понимаете...

— Ладно, я не возражаю. Поступай, как тебе лучше.

Переселенцы сидели за длинным столом, накрытым домотканой скатертью, и оживленно беседовали. Чайханщик потчевал их густым чаем и конфетами собственного производства.

Меливай-ака и Холмат, как того требует обычай, перед тем как приступить к делу, тоже выпили по пиалке чаю, съели по кусочку лепешки. Потом Холмат встал из-за стола и обратился к новоселам:

— Братцы, минуточку внимания! Только что мы с Меливаем-ака осмотрели дома, где нам предстоит жить. Прямо скажу, хорошо

мы сделали, что приехали сюда. Мы, чортеракцы, заселим почти целую махаллю. Дома новые. Из кирпича. Увидите сами. Только предупреждаю: будете в Чортерак писать письма, не шибко расхваливайте наш поселок. Не то все скопом повалят сюда вместе со своим скарбом и никого не останется под рукой у Анвары.

Кто-то хихикнул и спросил:

— Иноят тоже?

— Не-ет. Отсюда до маргиланского базара далековато, — ответили ему.

Послышался смех.

Агзама будто окатили кипятком. Он вскочил и поискал глазами того, кто это сказал. Но не нашел. А то бы схватил его за грудки да так встряхнул, что навсегда бы вылетело из его головы имя Иноята. Некоторые поглядывали на Агзама, и в их глазах он заметил усмешку. Сел и вцепился в скамью, с трудом сдерживая себя. Будто бы шайтан нашептывал ему на ухо: «Здесь ты натерпишься оскорблений. Видишь же, не успели выпить и первую пиалушку чая, а тебя уже этак мимоходом лягают. Плюнь на всех, беги, пока не поздно...»

Холмат высыпал на стол из мешочка ключи и, поглядывая на картонки, стал громко называть фамилии:

— Аскару-ота трехкомнатная!

— Фаттаху двухкомнатная!

— Агзаму три комнаты!

Агзам взял ключи и небрежно швырнул Дильдар. Вещей у них было немного. В несколько пар рук их быстро погрузили на полуторку. Кто-то из стариков вслух прочитал молитву и закончил ее словами: «Найдите здесь счастье, пустите корни навечно. Аминь!» Многие по примеру старика молитвенно провели по лицу ладонями.

В этот вечер во многих домах, построенных в степи, впервые засветились окна. Ветер разносил далеко вокруг сладкий и приятный дым от очагов, в которых в первый раз развели огонь. Из репродуктора, прикрепленного к столбу на гузаре, до полуночи лились музыка и песни.

Агзам свалил вещи в угол комнаты и, кажется, не собиравшись их распаковывать. Он расхаживал по пустым комнатам и курил. Кончалась одна сигарета, зажигал другую.

— Ну что вы?.. — спрашивала Дильдар, заглядывая в глаза ему и стараясь понять, что с ним происходит. — Что же вам опять не по сердцу?..

— Отстань! — грубо оборвал он жену.

Дильдар постелила на пол свое плюшевое пальто и, усадив сынишку, принялась его кормить.

Под ноги Агзама подвернулось ведро. Он с силой пнул его, с грохотом вышвырнув на улицу.

— Взбесились, что ли?.. — стараясь не потерять самообладания, спросила Дильдар.

— Это ты спятила! — закричал Агзам, вытаращив обезумевшие глаза. — Если бы не ты, здесь бы ноги моей не было! Дала повод для дурных толков о себе, так что в Чортераке мне жизни не стало. Любой и каждый может насмеяться!

Дильдар закрыла лицо руками.

— Не я виновата, а ваш отец... — сказала она, всхлипнув. Агзам, твердо ступая, вышел на веранду.

Дильдар сидела несколько минут неподвижно. Сын подергал ее за рукав. Дильдар утерла слезы. Покормив Азимджана, она принялась развязывать узлы. Взяла матрац, одеяло и удалилась в дальнюю комнату. Затем увела Азимджана. Погасила свет.

Агзам сидел на ступеньках крыльца и курил. Из степи временами доносились загадочные звуки. Вот пронзительно вскрикнула ночная птица, а может, какой-то зверь. Вдалеке рыдали шакалы. Вдруг всего в нескольких шагах от него раздалось мелодичное посвистывание, которое, начавшись с низкой ноты, постепенно перешло на высокую. Как ни вглядывался Агзам в темноту, ничего не мог разглядеть. Ему сделалось жутко. К первому голосу присоединился второй, чуть потоньше, затем третий, и полилась стройная песенка.

Агзам быстро встал и включил на веранде свет. Успел заметить, как со двора шмыгнули под штaketник небольшие зверьки величиной с крысу. Это были песчанки. Видно, прибежали из степи поглядеть на тех, кто здесь поселился.

Успокоившись, Агзам сел на прежнее место. Вокруг лампочки мельтешили мотыльки, и казалось, что все пространство вокруг заполнено мелькающими странными тенями. Неумолчно звенели цикады. Над необъятным, полным таинств простором низко нависло черное небо, усыпанное крупными звездами.

ХII

Агзам спал на веранде, завернувшись в ватное одеяло, положив под голову узелок с бельем. Он уснул перед самым рассветом. В эту пору воздух остывает, становится чище и свежее, и особенно крепок бывает сон. Ему показалось, что он только что закрыл глаза, а его уже тормозили.

— Вставайте, вас бригадир дожидается, — сказала Дильдар, потолкав мужа в плечо.

Солнце еще не взошло, но горизонт уже порозовел, а над поселком высь покрылась золотистой желтизной. Западный край неба был темно-синий, почти черный, и там еще царствовала ночь.

Холмат стоял у изгороди и улыбался, видя, как Агзам спросонок озирается вокруг, как бы гадая, где он находится.

— Долго спим, не по-крестьянски, — посмеиваясь, заметил он, когда Агзам, протирая глаза, подошел к нему и поздоровался за руку.

Из дому стремглав выбежал Азимджан и тоже протянул брига-

диру ручонку. Дильдар взяла сына на руки, понесла к раковине и умыть.

— Чем займешься? — спросил Холмат. — Тебе нет смысла брать кетмень в руки. Может, на трактор сядешь? В ремонтных мастерских у нас тоже штат не укомплектован, слесарей не хватает...

Агзам криво усмехнулся. Уперев руки в бока, он перенес тяжесть тела с каблуков на носки и обратно, слегка щурясь, чуть-чуть надменно оглядел бригадира с головы до ног. Затем закурил и, выпуская из ноздрей струю дыма, сказал:

— Знаешь, дружище, не нравится мне что-то здесь. Я, по-видимому, в другую бригаду подамся...

— Не дури, Агзам. Я знаю, чем ты недоволен. Я тоже бригадиром не на все время поставлен. На следующий год им, может, станешь ты...

Холмат знал еще со школьных времен натуру этого человека. Агзам терпеть не мог, если кто-нибудь в чем-то превосходит его. Вероятно, отец с детства внушал ему, что он самый лучший, самый умный среди сверстников. Теперь Агзам и сам был в этом убежден. И если учитель кому-то ставил оценку выше, чем ему, он это объяснял недоброжелательным отношением к себе и старался чем-то непременно досадить учителю... Среди своих товарищей он всегда хотел верховодить. К примеру, в футбол он соглашался играть только в том случае, если его выбирали капитаном команды. Ребята часто бывали вынуждены принимать его условия, так как у Агзама был самый лучший мяч, купленный ему отцом по дешевке. Если же его команда проигрывала, то Агзам чаще всего затевал драку... Как видно, став взрослым, он несколько не изменился.

— Ну так как же? — спросил Холмат, дав ему время поразмыслить.

Дильдар, умывая сына, прислушивалась к разговору.

— Я шофер, — с ленцой сказал Агзам и зевнул. — Дадут полторку, буду гонять. А откажут, подамся в другое место. Такие специалисты, как я, сейчас всюду нужны...

Дильдар вспылила:

— Вы полагаете, я хвостом буду за вами всюду таскаться?

— Ты не хвост. Ты нитка, вдетая в иголку, — с расстановкой произнес Агзам, напомнив ее же слова.

— Случается, что нитка обрывается! — резко сказала Дильдар.

— Вот как? — Агзам исподлобья взглянул на жену.

Азимджан заплакал, протирая глаза. В них попало мыло. Дильдар смочила ладонь, провела по его лицу.

Холмат посмотрел на ручные часы.

— Нам сейчас некогда спорить, — строго сказал он. — Решайте.

Дильдар сняла с гвоздя полотенце и, резкими движениями вытирая сыну лицо, сказала:

— Трактор, от которого отказывается Агзам-ака, дайте мне. Я на нем буду работать!

— Что-о?! — не поверил своим ушам Агзам.

— Что слышали!

Заставив себя улыбнуться, Дильдар напомнила Холмату:

— Помните, вы учили меня ездить на тракторе? Я не забыла.

Агзам, пронизывая ее гневным взглядом, процедил сквозь зубы:

— Я люблю, когда от женщины пахнет духами, а не соляркой!..

Бригадир, потеряв терпение, махнул рукой:

— А ну вас... Разбирайтесь сами! Потом скажете, что порешили. — И быстро зашагал по улице.

Дильдар как можно спокойнее сказала:

— Мне тоже больше по душе джигит, слово которого твердо, как у настоящего мужчины.

Резко повернувшись, она скрылась в доме. Агзам последовал за ней.

— Я из тех джигитов, которые ни перед кем не клонят голову! — говорил он с угрожающим видом. — Не желаю этому выскочке подчиняться! Куда ни поеду, работа найдется. И жена найдется. Много ли вещей у меня? Взял в руки чемодан — и будь здоров...

— Вещи... О вещах говорите! А сын?

— Заберу сына!

— А кто вам его отдаст?

— Ведь ты его здесь без своего папеньки не прокормишь. Кишка тонка!..

— А это мы еще посмотрим! Вот для чего вы нас, оказывается, привезли сюда. Чтобы измываться! Три года жили без вас и сейчас обойдемся! Уезжайте!

— Ага, гонишь, значит?..

— На цепи не держу. Коль мы с сыном не милы, найди, кто будет мил! — крикнула Дильдар и, не в силах больше сдерживать слез, закрыла руками лицо и выбежала в другую комнату.

Испуганный Азимджан, безмолвно стоявший в сторонке, всхлипнул. Одной рукой поддерживая штанишки, а другой утирая нос, он последовал за матерью. Дильдар лежала ничком на неразвязанных узлах. Заслышав торопливые шаги сына, она изо всех сил закусила косу, чтобы не застонать.

— Мама, мама, — позвал Азимджан, дергая ее за подол.

Дильдар порывисто поднялась, прижала Азимджана к груди и стала покрывать его лицо поцелуями. Затем утерла свои мокрые глаза рукой и улыбнулась.

— Сыночек, я же тебя еще не накормила...

Она вышла во двор. Агзама во дворе не было. «Обиделся, ушел, не позавтракав», — подумала Дильдар. Она насобираала стружек и щепок, оставшихся после строительства, и, разведя огонь в очаге, вскипятила чай в чайдуше, наскоро приготовила завтрак. Вдвоем

поели. Затем надела на Азимджана новый костюмчик и собралась отправиться с ним в правление. Вчера слышала разговор среди женщин, что собираются детский садик открыть. Об Агзаме не думала. Вернее, старалась не думать. «Перекупит и вернется. Поест, что найдет», — успокаивала она себя.

С улицы донесся звук подъехавшего грузовика. Засигналили. На веранде послышались грузные шаги. чьи-то голоса. В проеме открытой двери появился пожилой человек с тяжелым мешком на спине.

— Раз дверь открыта, вошел без стука, — сказал он извиняющимся тоном. — Доченька, куда бы это высыпать? Председатель велел приехавшим выдать понемногу овощей.

— Сыпьте в угол.

На пол гулко посыпались из мешка картошка, морковь, лук, крупный вилок капусты и две небольшие желтые дыньки-хандаляки.

— Рахмат, амаки, — сказала Дильдар. — Большое спасибо. Азимджан, не мешкая, подобрал дыню и стал просить мать, чтобы она разрешила.

Свернув мешок и взяв его под мышку, человек вышел. Через минуту он снова вернулся. Внес небольшой ящик с огурцами и помидорами. Поверх овощей было насыпано немножко черешни и лежали три лепешки. Уходя, он проговорил:

— Попробуйте. Это урожай с новых земель.

Машина уехала.

Дильдар разрешила дыню и заторопила Азимджана, чтобы он ел побыстрее.

Вдруг откуда-то донесся знакомый возглас. Ну совсем как в Чортераке!

— Э-эй, чортеракские-е-е! На собрание-е-е!..

Дильдар узнала голос Абдуллы-крикуна и улыбнулась. Ему, благодаря его зычному голосу, и в Чортераке вменялось в обязанность созывать народ в случае экстренного собрания или какого-то другого мероприятия.

Дильдар вытерла Азимджану мокрым полотенцем липкие руки, рот и, подхватив его на руки, заспешила к правлению.

Абдулла-крикун все еще стоял на крыше своего дома и, прикладывая ко рту самодельный, свернутый из картона рупор, возглашал во всю силу своих легких:

— Э-эй, чортеракские-е-е! Скорее на собрание! Дильдар Юносова-а, поторопись-ка-а!..

— Салам, Абдулла-амаки, — крикнула Дильдар, помахав ему рукой.

Абдулла-крикун заулыбался, приветливо кивнул. И Дильдар показалось на мгновение, что она вовсе никуда не уезжала из родного кишлака, будто идет по своей улице.

У правления толпилось множество людей. Дильдар невольно присматривалась, ища Агзама. К ней подошел Холмат.

— А где Агзам? — спросил он.

Дильдар пожала плечами и опустила голову.

— Ладно, умолять его не будем, — сказал Холмат. — Я передал председателю твою просьбу. Пошли к нему.

Меливай-ака в своем кабинете беседовал со звеньевыми, давал им задание на день. Увидев Дильдар, он вышел из-за стола, поздоровался с ней за руку и шути ущипнул Азимджана за пухлую щеку.

— Сестрица, а прежде вы управляли трактором? — спросил председатель, изучающе глядя на Дильдар.

— Да, — кивнула Дильдар и, почему-то растерявшись, покраснела. Председатель не сводил с нее пронизательных глаз. — Я еще не мастерица, но... но подучусь, — добавила она.

На выручку пришел Холмат:

— Я помню, она пахала и культивацию проводила. Не всерьез, правда. Из баловства... А если она всерьез решила стать трактористкой, то тем более станет. И я помогу ей...

Председатель почесал затылок. Прищурясь, заметил:

— А как дело дойдет до ремонта? МТС-то далеко отсюда. Придется ехать аж в Заркент.

— Ну и что же, — решительно сказала Дильдар. — Поехать в Заркент не труднее, чем пахать землю.

— Оно-то верно, — произнес председатель, с недоверием поглядев на белые руки Дильдар, на ее длинные нежные пальцы, созданные будто для того только, чтобы вышивать тюбетейки и сюзане. — Не доводилось мне еще в этих краях видеть женщину на тракторе...

— А теперь увидите, — сказала Дильдар.

— Что ж, поглядим, — проговорил Меливай-ака. Морщины на его лице разгладились, взгляд потеплел. — Станет трудно, скажи, не стесняйся. У нас и другой работы полно.

Дильдар кивнула, радуясь, что все же нашла в себе смелость настоять на своем.

Меливай-ака взял у нее Азимджана и пошел из кабинета. Дильдар направилась за ним.

Перед правлением в виноградной беседке стоял широкий сури, застланный паласом. На нем резвились несколько ребятишек под присмотром старухи, сморщенной как вяленое яблоко.

— Вот, Малика-ая, вам еще один карапуз, — сказал председатель, поставив Азимджана на сури.

— Вай, хороший мой, иди же ко мне, мой статненький, — обрадовалась старуха. Она поцеловала Азимджана в обе щеки и, сняв с его головы тюбетейку, положила в нее большую гроздь винограда.

Ребятишки здесь все были чортеракские. Они хорошо знали друг дружку, поскольку в кишлаке часто играли вместе. Поэтому Азимджан не только не стал чуждаться их, чего опасалась Дильдар, а, напротив, очень обрадовался встрече с ними. У кого-то был блестящий шарик, и они принялись катать его по паласу. Пока мальчик

увлекся. Меливай-ака взял Дильдар под руку и отвел в сторону. Вырвав из блокнота листок, написал записку.

— У вас, считайте, уже есть определенная работа, и незачем терять время. Передайте механику, — сказал он, вручая бумажку Дильдар. — Пусть он вам даст новый трактор. Пока мы будем проводить собрание да решать, с чего начинать работу, вы хорошенько осмотрите свою машину.

Дильдар разглядывала бумажку, собираясь спросить, где же она может найти механика. Меливай-ака подозвал парнишку, который, сидя на мотоцикле, разговаривал с двумя товарищами.

— Отвези вот ее к Искандеру. Пусть вдвоем с этой женщиной проведут осмотр нового трактора. Скажи, что я велел, — приказал Меливай-ака.

Парнишка кивнул и направился к своей машине. Дильдар села в коляску. Мотоцикл фыркнул и мягко покотился по дороге.

— Если получится загвоздка, лично мне доложи! — крикнул председатель Дильдар вслед.

Мастерские оказались совсем неподалеку. Тут же за тополевой рощицей. Можно было и пешком дойти.

Через огромные, словно крепостные, ворота въехали в широкий двор, обнесенный широким забором из жженого кирпича. Впереди находилась крупная постройка с тремя массивными, еще не крашенными воротами. Наверно, гараж. Справа и слева были навесы, под которыми стояли два гусеничных трактора, четыре «Универсала» и еще какие-то машины, накрытые брезентом. Около них возились парни в промасленных комбинезонах.

— Эй, где Искандер? — спросил парнишка, заглушив мотор.

Дильдар слезла с мотоцикла. К ним вразвалку приближался молодой человек с засученными до локтей рукавами. Он отбросил тряпку, которой вытирал ладони, молча протянул парнишке руку. Обернувшись к Дильдар, заулыбался, окидывая ее масляным и в то же время несколько озадаченным взглядом. Его вздернутая кверху губа замерла в усмешке, и под нею сверкнула фикса.

— Искандер-ака, председатель велел доставить к вам эту апу, — доложил парнишка звонким голосом.

— Что ты говоришь!.. — ухмыльнулся Искандер. — Почаще бы он тебе давал такие поручения. Чем могу служить? — спросил он у Дильдар, не сводя с нее глаз.

Дильдар протянула записку, отметив про себя, что с этим механиком, видимо, ей придется держать ухо востро.

— Это в-вам трактор? — изумился Искандер, прочитав записку.

— Мне, — спокойно сказала Дильдар.

— На час или на два? Для кинохроники, что ли?.. А по-моему, вам больше подошла бы роль красавицы Зухры, а не трактористки.

— Перестаньте строить из себя клоуна. Не в цирке находимся! — рассердилась Дильдар. — Показывайте, который трактор свободен.

— О-о, вы, оказывается, бойки на язычок.

— Слов ни у кого взаймы не прошу. Ну, так вы дадите трактор? Или я должна опять пойти к Меливаю-ака?

Вмешался парнишка, привезший Дильдар на мотоцикле:

— Меливай-ака так решил. Апа будет работать на тракторе. Он велел ей дать новый трактор, который недавно получили...

— Ты не лезь не в свои дела! Газуй-ка лучше отсюда! — рявкнул на него Искандер. — Новый трактор...

Мотоцикл затарахтел и выскочил со двора. Дильдар и механик остались с глазу на глаз. Женщина ощутила неловкость. Она, пожалуй, впервые очутилась в обществе незнакомого мужчины. Механик, задумавшись, потирал подбородок. Плотоядная ухмылка с его лица исчезла. Теперь его взгляд скорее выражал растерянность. Молчание становилось томительным. Дильдар с улыбкой сказала:

— Вижу, вы не доверяете мне?..

Механик, видимо решив блеснуть своими познаниями в технике или, может, имея умысел испугать женщину предстоящими трудностями и уговорить ее отказаться от своего намерения, принялся рассказывать о хитром, головоломном и каверзном устройстве трактора, о том, как трудно им приходится из-за недостачи запасных частей, о разных неполадках, случающихся в поле, об ужасных несчастных случаях.

— Обо всем этом я хорошо знаю, — вежливо перебила Дильдар его тираду. — Покажите мне мой трактор.

Механик, тяжело вздохнув, развел руками и жестом пригласил следовать за ним.

Зашли под навес. Механик сдернул брезент с новехонького «Универсала». Зеленый. Даже с колес не сошла еще краска.

— Вот. Только что с завода. На днях сам пригнал с железнодорожной станции, — сказал Искандер.

Подошли джигиты, занимавшиеся ремонтом своих тракторов, с завистью поглядывали на Дильдар. А некоторые даже с откровенной неприязнью. Еще бы, судили-рядили, кому новый трактор достанется, а тут явилась эта длинноногая и выхватила из-под рук...

— Нравится? — спросил механик, недовольный тем, что она не ахнула от восторга.

— Ага, — ответила Дильдар и, напустив на себя солидность, будто разбиралась в технике не хуже самого механика, нежно погладила бак, постучала по нему, определяя по звуку, есть ли горячее; потрогала магнето; проверила переключатель скоростей.

— Вы, красавица, не беспокойтесь. Если будут неполадки, сам исправлю, — сказал механик, неожиданно подобрев.

Он взобрался на сиденье и включил мотор. Из глушителя с треском вылетели сизые калачики дыма. Искандер проверил работу двигателя на разных оборотах. Потом срыгнул вниз и, подмигнув, что-то сказал, но Дильдар из-за рокота мотора не ра-

зобрала ни слова. Она засмеялась, сверкнув ослепительной близны зубами, и покачала головой: дескать, ничего не слышу. Искандер подошел и прокричал ей в самое ухо:

— Прощу в седло! Аргмак от нетерпения бьет копытами!

Дильдар поблагодарила кивком. Засунула концы кос в карманы жилетки, чтобы не мешали, и подошла к трактору. Искандер подхватил ее за талию и помог взобраться. Она взялась за рычаг скоростей. Улучив момент, механик положил ладонь на ее руку.

— Как вас зовут? — спросил он.

Дильдар сказала.

Парень знаками показал, что ничего не слышит. Тогда она подобрала валявшийся у ее ног кусочек мела и крупными прямыми буквами вывела на капоте: «Д И Л Ъ Д А Р».

Искандер одобрительно закивал.

Дильдар уселась поудобнее. Нажала ногой на сцепление и включила скорость. Руль мелко вибрировал. А может, это ее руки дрожат?.. Сердце отчаянно колотилось. Вдруг что-нибудь сделала не так? Эти джигиты, от взглядов которых, поди, не скрылось ни одно ее движение, обсмеют ее. А механик, сделавшийся вдруг таким учтивым, опять посуровеет и ни за что не даст больше трактор.

От боязни Дильдар даже затаила на секунду дыхание и отпустила сцепление. Трактор двинулся. Дильдар медленно вывела его из-под прохладного навеса на солнце. Плавно повернула руль и направила его к воротам. Эта стальная махина и в самом деле была послушна ее рукам, как хорошо обученный конь. Едва Дильдар оказалась за воротами, от восторга ей захотелось петь. И она запела. Негромко, для себя. Ей казалось, что мотор поет с ней вместе.

ХІІІ

Агзам шел куда глаза глядят. Не знал он, куда ведет эта дорога, которых в степи великое множество, петляющих между холмами и то и дело пересекающихся. А когда человек не знает, куда держит путь, ему незачем спешить. Агзам шел медленно, надеясь, что его догонит попутная машина. Он уже жалел, что ушел из Язъявана. Вспыллил, бухнул с досады, что уйдет. А слово мужчины, известно, — пуля, вылетевшая из ствола винтовки. Сказано — сделано. И в Язъяван он больше не вернется. Когда уходил, в уголке сердца теплилась надежда, что Дильдар побежит следом, умолять станет. Он для виду поартачился бы немножко да вернулся. Но не побежала за ним Дильдар. Характер показывает. И если теперь он вернется, она у него на голове плясать будет. Нет, в Язъяван пути отрезаны... А куда же податься? Снова в Чортерак? Но ведь односельчане вчера его проводили с карнаями и сурнаями. Сестра злорадно скажет: «А-а, Дильдар дала тебе пинка под зад, так ты про своих вспомнил?!» И от Юнусали, от этого добряка, тоже теперь не жди

пощады. Скажет: «Ты, бесчестный, оставил в чужом месте мою дочь с ребенком?! Мало разве страданий она испытала, дожидаясь тебя? А ты еще больше прибавил ей мук!..» Нет, в Чортерак тоже нельзя идти...

Мимо проехала уже не одна машина. Агзам не пытался их останавливать. Может, и поднял бы руку да попросил подвезти, если бы сам знал, куда держит путь. Куда ни взгляни, кажется, до самого края земли простирается желтая степь. Лишь на западе виднеется еле приметная цепь гор. В той стороне медленно передвигается черная точка грузовичка, подняв облачко пыли.

Зной начал донимать Агзама. Солнце поднялось высоко, и нигде не было тени, чтобы укрыться. Он расстегнул пуговицы на гимнастерке, по ветерок отсуетствовал, и это мало спасало. Вокруг тишина, прерываемая лишь посвистом сусликов и песчанок. Из-под кустика полыни, напуганный его приближением, сорвался маленький серый заяц, свесив набок уши, отбежал в сторону и весь на виду остановился, с любопытством оглядывая человека. В другое время Агзам, может, и погнался бы за ним, но сейчас не до него. Самому бы благополучно выйти наконец к какому-нибудь жилью. В глазах пощипывало от пота, стекающего с век, со лба. Нестерпимо хотелось пить. Ведь он и позавтракать не успел. Хоть бы кусок лепешки, дуралей, взял на дорогу...

Впереди он завидел деревья. Не мираж ли?.. Ускорил шаги. Шел, не отрывая взгляда от зеленых расплывчатых пятен на горизонте, словно боялся, что они исчезнут. И не сразу заметил, что и степь тоже постепенно становится зеленой. А когда заметил, обрадовался, понял, что близко вода.

Но прошло не менее часа или полтора, пока Агзам вышел к широкому озеру с пологими песчаными берегами и неподвижно застывшей водой. Густая роща шелковиц, тенистая и прохладная, подковой подступила к самому озеру. У противоположного берега с визгами и криками плескались мальчишки. За деревьями проглядывались серые приземистые дома небольшого кишлака.

Агзам заспешил к артезианскому колодцу. Напившись, с наслаждением подставил голову под ледяную струю, бившую из-под земли и, круто изогнувшись, падавшую вниз тяжелыми серебряными гроздьями.

Агзам окликнул проезжавшего мимо на велосипеде мальчика и спросил, куда ведет эта дорога.

— В Куву! — сказал мальчик и, усердно нажимая на педали, покатил дальше. — Уже близко осталось, дяденька!.. — крикнул он, обернувшись.

Что ж, в Куву так в Куву. Там есть у него знакомый. Будет где приткнуть голову, пока устроится...

Кува, этот маленький районный городок, начал благоустраиваться еще до войны. В нем распланировали прямые улицы, возвели целые кварталы новых жилых домов. Тогда, правда, здесь

почти совсем отсутствовала зелень, и городок выглядел несколько не лучше нынешнего Язъявана. А сейчас по обе стороны улиц возвышаются густые кряжистые тополя. Через гостеприимно открытые калитки во дворах можно увидеть фруктовые деревья, отягощенные зреющими плодами; вкрапленные в зелень кустов гранаты; виноградные лозы, вьющиеся по жердочкам и образующие тенистые беседки. В арыках по обоим сторонам дороги весело журчит вода.

Агзам вышел на центральную улицу, по которой ходили автобусы. Издали увидел остановку, где стояло несколько человек. Вечерело. Тени от домов легли уже на проезжую часть дороги. Асфальт, раскалившись за день, сделался мягким, и на нем оставались рубчатые следы проезжающих машин.

Едва Агзам приблизился к остановке, подкатил автобус. Он подождал, пропуская вперед старушку с палочкой и старика. Из передней двери тем временем вышла женщина с чемоданом и громоздкой корзиной. В ее стройной фигуре, облаченной в черное платье, промелькнуло что-то знакомое. Агзам взгляделся повнимательнее и не сразу поверил своим глазам. Он узнал ту самую женщину, которая вчера подсела к нему в машину на пути в Язъяван. Он же сразу догадался, что она не кишлакская. Наверно, здесь живет.

Агзам занес на подножку ногу и взялся за поручень. Женщина скользнула по нему взглядом и, видимо узнав, опять оглянулась. Агзам выскочил обратно.

— Здравствуйте,— сказал он, смело направившись к ней. Женщина улыбнулась, как давнему знакомому, и, опустив на землю тяжелую ношу, подала руку.

— К родичам ездил, — сказала она весело. — Они в том поселке живут, через который вы вчера проезжали. Взяла вот у них на время машину, хочу пошить кое-что. А они мне еще и фруктов надавали целую корзину.

Кладь, которую Агзам принял за чемодан, оказалась швейной машиной.

— Если не возражаете, я вам помогу.

— Что вы... — смутилась женщина.

Но Агзам уже взял корзину и швейную машину.

— Не стоит, я сама как-нибудь дотащила б...

Но в ее голосе не было уверенности, и Агзам это сразу заметил.

— Показывайте дорогу, — сказал он полушутливо, но тоном, не допускающим возражений.

— Здесь, недалеко... — сказала она и торопливо пошла впереди, постукивая каблучками лакированных туфель.

Агзам залюбовался ею. Почувствовав его взгляд, женщина обернулась.

— Вам тяжело, отдохните, — сказала она так участливо и ласково, что у него трепетно забилося сердце.

Попа была тяжелой, руки у него давно онемели. Но Агзаму хотелось перед этой женщиной предстать сильным джигитом.

— Что вы, я бы мог еще и вас взять на руки и отнести хоть на край света, — сказал он как можно бойче.

Она тихо засмеялась, пошла рядом.

— Дайте мне хоть корзину, она полегче...

Проезжавшая мимо машина задела колесом край лужи, набежавшей из арыка. Взмывший каскад грязи облепил Агзама с головы до ног. Чертыхаясь и отилевываясь, Агзам опустил ношу на тротуар. Женщина, смущенная, что из-за нее с человеком приключилась беда, вынула из сумочки платочек и, извиняясь, принялась вытирать ему лицо. Когда она невзначай прикасалась к нему пальцами, его тело словно бы пронизывал ток.

— Вай, умереть мне, уже пришли, сейчас умоетесь, — сказала она.

Они остановились у широкой двустворчатой калитки. Женщина, порывшись в сумочке, вынула ключ и отперла. Агзам поставил корзину и швейную машину у порога и сказал, улыбаясь:

— Я очень рад нашей встрече. Может, на этот раз вы все-таки скажете, как вас зовут?

— Махбуба меня зовут. Махбуба. Проходите.

— Нет, спасибо. Я пойду. Уже поздно, а мне надо отыскать дом одного знакомого...

— Что вы! В таком виде? Умойтесь хотя бы, у вас все лицо в грязи.

Агзам ступил во двор. На кустах, росших по сторонам устланной кирпичом дорожки, ведущей к дому, висели еще зеленые гранаты. Под деревьями валялось много попадавших перезревших персиков. Сразу видно, что хозяйка какое-то время отсутствовала — не успела собрать фрукты. В палисаднике у застекленной веранды цвели яркие розы и петушиные гребешки. На сури лежал большой ковер, свернутый в рулон, чтобы не выгорал. Дом был большой и высокий, под железной крышей. Справа, в глубине двора, виднелась еще одна постройка, наверно, кухня. Туда вела дорожка, стиснутая с обеих сторон виноградником, вьющимся по жердочкам.

Агзам поставил машину и корзину на сури. Не выдержал и сам сел. За день он проделал такой путь, а во рту ведь и маковой росинки не было.

— Спасибо вам большое. Что бы я без вас делала? Вы отдохните чуть-чуть, а я подогрею вам воду.

— Не утруждайте себя. Ведь тут протекает арык.

— Вы не боитесь холодной воды? — с улыбкой спросила хозяйка.

— Ну что вы, на войне в проруби не раз приходилось проваливаться...

— Ой, неужели? Прямо под лед?..

— Мы однажды переходили по льду реку, вместе с машиной так и ухнули...

— Это интересно. Расскажите?

— Если интересно...

Махбуба вынесла чистое полотенце и мыло. Оставив, сказала:

— Умывайтесь. Чтоб вас не смущать, я уйду. Приготовлю скоренько что-нибудь перекусить. Вы же голодны, правда?

У Агзама не хватило духу сказать: «Нет, я не голоден». Он промолчал. Хозяйка удалилась на летнюю кухню.

Агзам снял гимнастерку и повесил на сук айвы. Переступив через арык, крепче уперся в оба берега ногами и, наклоняясь, стал плескать на себя воду пригоршнями. Прохладная вода взбодривала, снимала усталость. Агзам знал, что он неплохо сложен. Женщины любят мужчин, у которых крутые бицепсы перекачиваются под кожей. Полагая, что хозяйка дома украдкой смотрит на него издали, он умывался не спеша, то и дело выпрямляясь, похлопывая себя по нагой груди, фыркал и кряхтел от удовольствия. Так же неторопливо вытерся, расчесал непокорный кудрявый чуб и только после этого оделся.

Махбуба появилась с подносом, на котором были две лепешки, яичница, целая каза густых сливок и фрукты.

— Пойдемте на веранду, — пригласила она.

Махбуба поставила поднос на хонтахту — низенький, всего на вершок от ковра, столик. Постелила поверх стеганой подстилки еще одну, чтобы мягче было сидеть. И включила свет.

— Присаживайтесь, я схожу за чаем, — сказала она и вышла.

Махбуба вскоре вернулась, неся на подносе большой фарфоровый чайник, две пиалы и вазу с карамельками. Опустила поднос на ковер подле хонтахты и села напротив Агзама, натянув на круглые колени подол.

Агзам ощутил на себе ее мимолетный раздумчивый взгляд, будто она собиралась разгадать его мысли. И разгадала.

— Вы, наверно, думаете, кто же эта женщина?.. Живет, мол, одна, привела меня в свой дом... Верно?

Агзам слегка смутился. В голове у него были еще более нескромные мысли. Он отвел взгляд, обеспокоенный тем, как бы она не прочла их по его глазам. А женщина упорно разглядывала его.

— Скажите, куда вы направляетесь? Вчера ваш путь лежал в степь, а сегодня я вас встречаю здесь...

— Эх-хе... — вздохнул Агзам. — Судьбу свою ищущу, утерянное счастье...

— Значит, чутье меня не обмануло, — улынулась Махбуба, подливая ему чаю, и опять в упор взглянула на него. — Я умею гадать. По глазам. Хотите расскажу, что с вами приключилось?.. Вы вернулись с фронта. Так?.. А дома никого нет. Все родственники поразъехали: кто на целину подался, кто в город. Вот вы и

ходите по Ферганской долине, из кишлака в кишлак, из города в город, ищете своих близких... — Взгляд женщины, устремленный вдаль куда-то, сделался грустным, задумчивым. — Сколько людей эта проклятая война рассеяла по свету. Не будь ее, разве бы вы сейчас были не при деле? Разве бы я носила траур?..

Агзам выплеснул из пиалы остатки чая к порогу, налил себе еще. Махбуба ближе придвинула к нему яичницу и кашу со сливками. Отчужденность между ними прошла. Обоим казалось, что они знакомы не первый день.

— Прямо скажу, ворожея вы неважная, — смеясь, сказал Агзам. — Вы думаете, мне негде приклонить голову. Это не так. У меня есть дом. Там сейчас живут отец и сестра с семьей. И... даже жена у меня есть и сын... Но мне, попросту говоря, крупно не повезло в жизни. Пока я был на фронте и проливал кровь, моя женушка спуталась с моим младшим братцем. А что поделаешь? Был бы чужой, убил бы. А тут... Эх, что там говорить... Решил я себе другую долю искать...

Глаза Махбубы потускнели, в них перестали мельтешить искорки, растревожившие сердце Агзама.

— Вам, значит, немного лучше, чем мне, — произнесла она, тихонько вздохнув. — А я в целом свете совсем-совсем одна. Воспитывалась в детском доме. Закончив школу, сначала работала в своем же детдоме воспитательницей, а потом переехала в Заркент, где жили мои дальние родственники. Мой приезд не очень-то пришелся им по душе: все-таки война, трудности, кому нужен лишний рот. Я совсем уже собиралась уехать от них, но их сын Козимджан меня не отпустил. Его как раз хотели женить на двоюродной сестре. А он не соглашается ни в какую. «Если же-нись, то только на Махбубе, — говорит. — Иначе подам заявление и уйду добровольцем на фронт». Но его родители так и не дали своего согласия.

В то время Раимберди-тога меня уже устроил работать секретарем в сельсовете. Вы, наверно, знаете Раимберди-тогу. Он и сейчас председателем в Зирилляме. Колхозники его просто То-гой зовут...

Так вот однажды сижу я в кабинете — заходит Козимджан. Пьяный, еле на ногах стоит. Вынул из кармана листок бумаги и бросил мне на стол. Гляжу, а это повестка из военкомата. Ока-зывается, он за три дня до этого подал заявление. Из-за меня. Если бы я сюда не приехала, он бы этого не сделал. Сыграли бы ему свадьбу. И жил бы себе спокойно. Значит, и в самом деле он меня так сильно любил...

В тот вечер мы с ним встретились. И не расставались целых три дня. Потом Раимберди-тога нам справил небольшую свадьбу. Минула всего неделя, и я проводила своего мужа на войну. По-лучила от него всего два письма. А третье было извещение о его гибели...

Махбуба сидела опечаленная, подперев рукой подбородок. По-

смотрев на Агзама, улыбнулась. И вновь в ее глазах проблеснул манящий огонек.

— А все-таки славно, что я вас встретила, — сказала она. — Хоть нашлось кому высказать, что накопилось в сердце. Желаю вам отыскать вашу долю...

Агзам понял вежливый намек хозяйки, что ему пора уходить. Поблагодарил хозяйку за гостеприимство и поднялся. Махбуба вышла проводить его. У калитки протянула на прощанье руку. Агзам ощутил в ладони ее тепло, и от него сладостное томление разлилось по всему телу. Она заметила это и, стараясь высвободить руку, хотела что-то сказать, но не успела. Агзам обнял ее и жадно приник к ее губам. Махбуба слабыми руками уперлась ему в грудь, пытаясь вырваться, но постепенно слабела и наконец притихла. Тело ее сделалось легким и податливым. Агзам поднял ее на руки как пушинку и вернулся на веранду...

Агзам проснулся от яркого света. Веранду заливало солнце. Часы показывали одиннадцать. Махбубы не было. Из летней кухни доносились позвякивание посуды, шум наливаемой из крана воды. На стуле лежали его аккуратно сложенные брюки и гимнастерка. Махбуба успела их выстирать и выгладить.

«А все-таки славно, что я вас встретила», — вспомнились Агзаму ее слова, произнесенные вчера вечером.

XIV

Дильдар подъехала к правлению на тракторе, когда Меливай-ака уже дал задание бригадирам, звеньевым и сказал целинникам напутственные слова. Для собравшихся трактор не был в диковинку, и они попервоначалу не обратили на него внимания. Но когда увидели, что им управляет Дильдар, восторженно закричали ей, замахали руками. В глазах людей Дильдар заметила и удивление, и восхищение ею. Она выключила мотор и спрыгнула на землю. Ноги слегка дрожали. Вернее, они все еще ощущали дрожь двигателя. От радости сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ее окружили женщины, стали поздравлять. Меливай-ака с трудом протиснулся между ними.

— Хвала тебе, дочка, — сказал он и, по-отцовски приобняв Дильдар, обернувшись к людям, крикнул: — Видите, у нас теперь еще один лихой тракторист. Полюку механизаторов при-было!..

Затем председатель подошел к белому как лунь старику, сидевшему на сури, опершись на посох. Взяв его под руку, помог ему подняться. Дильдар догадалась, что это, верно, и есть тот человек, который живет с незапамятных времен в этой степи. Еще до революции, прячась от царской охранки, он переселился с семьей в Язьяван и состарился здесь. Глаза старца были закрыты. Веки дрожали. Он был слеп. Меливай-ака сказал ему на

ухо, что чортеракцы впервые собираются выйти в поле, и попросил благословить их.

Старик закивал и взял посох под мышку. Держа ладони перед лицом, как открытую книгу, он зашептал молитву. Потом громко сказал:

— Дети мои, добро пожаловать в Язъяван. Будьте счастливы. Детей побольше рожайте. Земли у нас вон сколько, всем хватит. И не простая земля — святая. Кто ухаживает за нею, к тому счастье приходит. Дай аллах вам больше тоев на этой земле!.. Аминь! — И с этими словами старик молитвенно провел ладонями по лицу.

— Ну, доченька, — сказал Меливай-ака, положив руку на плечо Дильдар. — садись на свой трактор — и вперед. А мы за тобой.

Дильдар с легкостью вспорхнула на сиденье. Мотор зарокотал, заглушив шум людских голосов. Толпа расступилась, и Дильдар выехала на середину дороги. Дильдар недоумевала, как это случилось, что первый же день в Язъяване даровал ей столько новшеств и радости. Все в ее жизни перевернулось. Она теперь станет жить совсем по-другому. Если б и не захотела жить иначе, а пришлось бы. Здесь не Чортерак и надеяться не на кого. Если и будет тяжело, в слезах не найти утехи. Здесь собирались только те, кто проявления слабости не любит. Люди знали, на что шли. Кто труслив, мог остаться дома, силой никто не тянул. И Дильдар докажет еще, что она сильная. Может, посильнее некоторых джигитов, которые мнят из себя орлов, а у самих сердце воробьиное... Дильдар вспомнила ссору с мужем и до боли закусила губы, чтобы не расплакаться. Но предательские слезы все же выступили на глазах, покатались по щекам. Благо их никто не видел. Она ехала впереди. На ветру, как флаг, трепетали концы повязанной на голове косынки. А позади, стараясь не отстать, быстро шагали более полусотни мужчин и женщин с кетменями на плечах...

Дильдар остановила трактор на краю хлопкового поля. Подошла к людям, обступившим Меливай-ака и Холмата. Все молча и с состраданием глядели на поле. Хлопчатник, уже выросший до колен, был даже неприметен среди густых сорных трав, поднявшихся выше пояса рослого человека. Резные листочки на кустиках пожухли. Сорняки отбирали всю влагу, теснили слабые корни хлопчатника своими корневищами.

— Видишь, сынок, — сказал Меливай-ака, обняв Холмата за плечи. — Наш бедный хлопчатник дожидался вас. Как весной посеяли, так больше и не смогли вернуться к этому полю. Людей наперечет было. А теперь нас много. Думаю, справимся. Вот вам трактор! — председатель широким жестом указал на рокочущий неподалеку «Универсал». — Вот вам поле! А вон в том большом арыке уже более года постоянно течет вода. На колхозном складе сколько хотите можете получить горючего, удобрений. Принимайтесь за дело, дорогие!..

Холмат хотел вырвать торчащий у его ног засохший стебелек хлопчатника. Едва притронулся, стебелек сломался и раскрошился, словно зола. «Вот что сделают солнце и сорняки с каждым кустиком, если мы провороним хоть день». — подумал он.

Люди растянулись по всему краю поля. Они взмахивали кет-менями, которые издавали звон, будто ими били о камень.

Дильдар направилась было к трактору, Меливай-ака остановил ее. Показав рукой вдаль, сказал:

— Ты, дочка, поезжай во-он на тот участок. Видишь, три шелковицы растут?.. За ними поле, которое недавно поливали. Там земля помягче, удобнее обрабатывать трактором...

Дильдар недоуменно посмотрела на председателя:

— Где земля помягче — трактор посылаете, а где твердая — людей оставляете?

— Э-э, дочка... Это поле запущено. Если здесь применить трактор, плуги культиватора станут выворачивать целые глыбы вместе с хлопчатником. Больше вреда будет, чем пользы. Так оно водится испокон веков — где потруднее да посложнее да работа потоньше, человек только на свои руки полагается. Когда прополем это поле, ты на своем тракторе окучку сделаешь, а потом пустим воду.

Дильдар кивнула и побежала к трактору.

Она без труда отыскала поле, которое показал председатель. Снизив скорость, осторожно подвела к нему трактор и, поворотом рычага опустив пониже зубья культиватора, въехала в крайние междурядья. Заостренный щиток, прикрывающий переднее колесо, стал с шелестом раздвигать свежезеленый гумай и лебеду, и она не только услышала сквозь ровный шум двигателя, но и как-то ощутила самим сердцем похрустывание упругих корневищ сорных трав под зубьями культиватора, будто она слилась с машиной, будто трактор и она стали одно целое. Как же сейчас благодарна была Дильдар Холмату, который когда-то — кажется, уже целый век минул — учил ее управлять трактором. Вспомнилось ей, из-за чего она перестала тогда приходить к нему на поле, и весело рассмеялась... Ведь она ходила тогда из-за Адолят. Это она мечтала стать трактористкой, а не Дильдар. Для Дильдар это было развлечением, и не более. А Холмат, бывало, проедет с Адолят по нескольким междурядьям и, сказав: «Хватит, пойдешь в тень, отдохни», ссаживает ее. Если же она не хочет и уверяет, что не устала, он сердится. Избавившись от Адолят, Холмат подзывает Дильдар, просит ее занять место водителя. Объясняет, бывало, что надо делать, и при этом становится необычайно ласковым. Положив шершавую ладонь поверх ее руки, помогает переключать скорость и рычаги агрегатов. А когда, наклоняясь к ней, говорит что-нибудь в самое ухо, стараясь перекричать мотор, или, дотягиваясь до переключателей, невольно (а может, намеренно, кто разберет?) прикасается к ее плечам, к талии,

странное волнение охватывает тогда Дильдар, грудь ее заполняет что-то таинственное и трепетное.

И однажды, проезжая мимо дерева, под которым отдыхала Адолят, Дильдар уловила на себе ненавидящий взгляд подруги. Кажется, она глубоко сожалела, что брала Дильдар всякий раз с собой. Дильдар расхохоталась. Ей было смешно, что Адолят ревнует к ней Холмата. И чего ради? Ведь он не жених ей и никто...

А в одно из воскресений, когда все девушки их класса в саду собирали яблоки, Адолят, театрально засмеявшись, сказала:

— Девчонки, кто видел кинокартину «Чапаев»?.. Помните, как Петька учил стрелять из пулемета Анку? Объясняет ей: это, мол, замок, это счетчик, это прицел, а сам ненароком обнимает ее. Так вот, наш проклятый зазнайка тракторист обучает Дильдар таким же способом...

Девчонки так и покатались со смеху. Дильдар, помнится, с Адолят крепко рассорилась. Но ее подруги после этого стали Холмата между собой величать «пулеметчиком» и похихикивать. А к Дильдар то и дело, словно бы нечаянно, обращались: «Аночка!..»

Ну и ехидина эта Адолят, выместила-таки на ней обиду. После этого Дильдар перестала приходить в поле...

Солнце взбиралось на небо все выше и припекало сильнее. Корпус трактора раскалился. Дильдар чувствовала себя так, будто ее посадили на раскаленную сковороду и сверху прикрыли крышкой. Пот струйками сбегал по лицу, платье прилипало к телу. Она еще не проработала и часа, а плечи уже ныли от усталости. Ладони были мокрые, руль сделался скользким и непослушным. Дильдар обернулась и обмерла. Она не заметила, как потеряла из виду ориентир, с которого нельзя сводить глаз, когда ведешь трактор по междурядью, и наехала на грядки. На протяжении нескольких метров на всех четырех грядках, захватываемых культиватором, кустики хлопчатника были повержены. Дильдар растерялась, и ей никак не удавалось вывести переднее колесо трактора на междурядье. Руки дрожали. Руль выскальзывал, словно был намылен. Трактор, будто бешеный конь, метался то вправо, то влево. Культиватор прогуливался по грядкам вкривь и вкось. Дильдар резко затормозила и заглушила мотор. Сделалось невероятно тихо. Так тихо, что в ушах слышался звон. Дильдар сидела, навалившись на руль и уронив на руки голову. Ей страшно было посмотреть на содеянное. Где-то высоко-высоко в небе звенел, заливаясь, жаворонок. Ветерок пронесся над полем, шелестя зеленой бахромой травы.

Дильдар слезла с трактора и прошла вдоль помятых грядок. Во многих местах хлопчатник был вырван с корнем. Она опустилась на землю и горько заплакала. Вскоре слезы кончились, а она сидела все в той же позе, уткнувшись лицом в колени, порой опять всхлипывая и вздрагивая всем телом. Она не чувствовала,

как палило ее солнце. Она предпочла бы сейчас сгореть от стыда, чем видеть то, что наделала.

Дильдар ощутила на плече чье-то прикосновение и испуганно передернулась. Перед ней стоял Меливай-ака, держа в охапке целый сноп изломанного хлопчатника. Поодаль прохаживался Холмат, присматриваясь к обработанным ею грядкам. Дильдар встала, не смея взглянуть на председателя. Веки у нее были красны, на покрытых пылью щеках остались полосы от слез.

— Что же ты наделала, а, дочка?.. — спросил упавшим голосом председатель. — Ай-яй-яй, столько кустов... Ты когда-нибудь производила культивацию?

Дильдар, утирая глаза тыльной стороной руки, кивнула.

Подошел Холмат и с укоризной сказал:

— Так хорошо начала. Вначале ни одного кустика не задела. Что же потом с тобой случилось, Дильдархон?.. Отвлеклась, наверно...

— Наверно... — пролепетала Дильдар.

Меливай-ака бросил злосчастный сноп на землю и, легонько хлопнув ее по плечу, бросил:

— Ну-ка, пошли, полезай на трактор.

Дильдар исполнила волю председателя. Меливай-ака пристроился рядом с ней, завел мотор. Наклонившись почти вплотную к ее щеке, посмотрел вперед и сказал:

— Смотри хорошенько во-он на тот высокий стебель гумая с метелкой. Видишь?.. На него и держи руль. Поехали.

Трактор плавно двинулся вперед.

— Ездил когда-нибудь на велосипеде? — спросил Меливай-ака.

Дильдар отрицательно покачала головой.

— Там тоже, если оглядываешься по сторонам, начинаешь вилять из стороны в сторону. Надо смотреть на четыре-пять метров вперед. Тогда поедешь как по струнке. Правда, глаза устают, но надо привыкнуть. Это ты от непривычки натворила беды. Приучишь глаза — и рукам легче станет... Вот-вот, баракалла, хвала тебе, дочка. Славно получается. Не надо, не гляди назад. Если возьмешь верный ориентир, незачем оглядываться: позади само собой все будет в ажуре. Главное, перед собой смотреть научись.

Трактор продвигался, как по начерченной линии.

— На сколько поставила зубья культиватора? — спросил председатель.

— На двадцать сантиметров.

— Правильно. Глубже пока нельзя. Корни хлопчатника еще не проросли вглубь, можно задеть...

Меливай-ака время от времени брался одной рукой за руль, помогал выровнять трактор. От его взгляда не ускользало ни одно неверное движение Дильдар. Он тут же говорил ей об ошибке, показывал, что надо делать.

— Молодец, хорошо ведешь. Так и продолжай, — сказал он через некоторое время, похлопав Дильдар по руке, крепко сжимавшей руль. — Я скажу Холмату, чтобы побыл здесь с тобой. Если что, поможет...

Председатель на ходу спрыгнул с трактора и паискосок через поле направился к стоявшему вдалеке Холмату. Они о чем-то поговорили. Потом Меливай-ака подобрал брошенные давеча стебли хлопчатника и пошел с поля. «Неужели попросит показать людям?! — испугалась Дильдар. — Онозорит меня... Утром колхозники приветствовали и восхваляли меня на все лады, а вечером станут смеяться. Все только и будут судачить о том, как я осрамилась. Скажут: каждый сверчок знай свой шесток! Куда тебе, бабе, совладать с трактором, если и не всякий мужчина может с ним управиться...»

От природы Дильдар была упряма. И сама знала это. Часто эта черта характера вредила ей. Но иногда и помогала. Вот и сейчас ею овладело упрямство. Пусть злопыхатели говорят что хотят, а она еще покажет всем, что может сделать все, за что берется. Пусть не сразу, но постепенно у нее будет спориться эта работа не хуже, чем у любого мужчины-тракториста. Ни одна работа ни у кого сразу не ладится. У пекаря первые лепешки отваливаются от стен тандыра, комки теста мешаются с золой. У новоиспеченного повара первый плов подгорает. У швеи первое платье получается то узкое, то широкое. Любое мастерство приобретается человеком постепенно. Никто еще на свет не появился готовым трактористом или трактористкою.

Перед самым трактором вдруг возник Холмат. Он замахал руками, требуя остановиться: видимо, хотел сесть на трактор, чтобы помочь Дильдар. Она упрямо замотала головой и, даже не сбавив ходу, проехала мимо него. Он едва успел отскокить в сторону, с удивлением и сердито посмотрел ей вслед. «Я сама!» — донесся до него сквозь шум мотора голос Дильдар. Если так, то чего ради он здесь жарится на солнце? Ну и управляйся сама!.. Холмат зашагал по междурядью, удаляясь с поля.

Дильдар напряженно смотрела вперед, выбирая все новые и новые ориентиры. Во рту пересохло от жажды, но она старалась об этом не думать. Боялась, что если прервется на минутку, то собьется с налаженного ритма. Но вот закипела вода в радиаторе. Надо налить холодной из арыка.

Дильдар подогнала трактор к арыку и заглушила мотор. И только сейчас почувствовала, как она устала. Казалось, нет сил пошевелиться. С трудом сошла на землю. Заслонившись от солнца рукой, оглядела участок поля, на котором работала. Он был чист. Не видно ни гумая, ни лебеды. А грядки хлопчатника напоминают зеленые полосы на бекасаме. И только поодаль справа, на большей части поля, хлопчатник нельзя было различить среди ошетилившейся сорной травы. Да, надо спешить, пока не по-

гибло все поле. Вдруг ей сделалось жалко этих растений, как живых существ.

Дильдар оглянулась. Холмата нигде не было. Не обиделся ли, что она отказалась от его помощи?.. «Эх, Дильдар, Дильдар, попала бы ты в условия, где у тебя не будет ни одного помощника, может, ты б стала человеком! А то все на подружек надеешься». — сказала ей как-то Анвара, Дильдар на нее тогда обиделась. А сейчас пришло в голову: может, подруга права?.. «Эх, милая, полюбовалась бы ты сейчас вашей Дильдар! Но скоро ли суждено увидеться? Все же ты, наверно, мне оказала добрую услугу, уговорив поехать в Язъяван. Сама не ведаю, откуда у меня и смелость взялась сесть на этот трактор. Видимо, ты права, подруженька, что настоящий человек должен верить в свои силы, в себя. Тогда в нем и веры в людей прибывает...»

Дильдар утолила жажду, умылась, зачерпнула из арыка полное ведро воды и налила в радиатор. И тут до нее издали донесся звон. Били куском железа о рельс, подвешенный к дереву: звали колхозников на полевой стан обедать. Но как ей показаться сейчас на полевом стане? Председатель, скорее всего, уже рассказал всем о ее промахе и показал целый сноп выкорчеванного ею хлопчатника. А Анвара когда-то говорила, что за каждым кустиком хлопчатника нужно ухаживать, как за ребенком, тогда и он возрадуют сторицею. Колхозники эти кустики с дитятею сравнивают. А она вон что наделала...

Дильдар еще раз ополоснула в арыке лицо, охладила тело, засовывая за пазуху мокрые руки. Затем легла на траве в тени трактора и, стараясь забыть о голоде, закрыла глаза. Мокрое платье прилипло к телу, и ей было прохладно. Ничто не стягивало грудь, и дышалось свободно, легко. Она не приучилась носить лифчик, без которого почему-то не могут обходиться городские женщины. Ее упругие груди возвышались двумя крутыми бугорками, просвечиваясь сквозь мокрую ткань. Степной ветерок, озуруя, ласково касался их, и ей было приятно. Упругий порыв задрал ей подол, а ей было лень пошевелить рукой, чтобы опрavit его.

Вдруг она услышала неподалеку шорох и быстро села, оправив платье. Совсем близко стоял Холмат. Было видно, что он, неожиданно увидев ее лежащую, замер, боясь сделать в ее сторону еще шаг.

— Вы... что? — тихо спросила Дильдар, краснея.

— Заглох мотор... Я думал, что-то стряслось.

Дильдар сорвала стебелек травы, закусив его, улыбнулась и пристально посмотрела на Холмата:

— Поглядели бы на мою работу... Правильно я сделала культивацию?

— Я прошелся вдоль грядок. Все правильно. Признаться, я предполагал, что начало будет гораздо хуже... Где вы научились? В войну работали трактористкой?

Дильдар отрицательно покачала головой.

— Нет. Не угадали.

— А кто же научил вас?

— Вы. Разве забыли?

Холмат помолчал, рассеянно разглядывая ее. Потом вздохнул и произнес:

— Не забыл. Помню... Только не могли вы тогда, всего за несколько дней, научиться.

— А вот и смогла. — засмеялась Дильдар.

— Идемте обедать. — сказал Холмат. — А то в казане все подскребут и ничего не останется.

Дильдар протянула руку и, как только Холмат взялся за нее, смеясь вскочила. Она решила, что если сам бригадир похвалил ее, то ей незачем опасаться остроумия по своему адресу — она их не заслужила...

В зените, рядом с солнцем, простерев могучие крылья, парил орел. А рядом с ним то появлялась, то вновь исчезала, словно растворяясь в небесной голубизне, какая-то маленькая точка.

— Поглядите, орел учит летать своего птенца! — сказал Холмат.

Дильдар, щурясь, посмотрела ввысь и осторожно освободила руку из его ладони.

XV

Когда совсем стемнело и междурядья стали сливаться, Дильдар оставила трактор на краю поля и заспешила домой. Детский сад находился недалеко от дома. Малика-ая вынесла сонного Азимджана, сказала, что он плакал-плакал, что матери так долго нет, да так и уснул, не поевши. Дильдар принесла сына домой, положила его на постельку, которую утром не успела убрать, и села рядом. У нее нестерпимо болели руки и ноги. Кажется, от солнца обгорела шея — щиплет так, что повернуть нельзя. Легла бы сейчас рядом с сыном и уснула как убитая. Но ребенок голодный, надо приготовить что-нибудь поесть.

Дильдар вышла во двор, разожгла огонь в очаге и поставила кастрюлю. Глядя на красноватые язычки пламени, задумалась. Когда она оставалась одна, то чаще всего думала об Агзаме. И прежде так было, когда ждала его с войны, вот и сейчас... Где же он бродяжничает, неприкаянный?.. А думала, вернется — и сразу же забудутся тяжелые дни. Казалось, услышит одно-единственное ласковое мужнино слово и тут же выбросит из сердца все обиды, причиненные его отцом и сестрой. Вот и дождалась... Приехал и еще больше разбередил сердце. Не дает ни себе покоя, ни ей. Поверил вздорным слухам. Как же он любит ее, если верит ей меньше, чем другим? А однажды он сказал Дильдар, что если жена хоть раз вызвала у мужа подозрение, то в семье никогда больше не будет благополучия. Зачем он это ей сказал?

Неужели в самом деле ее подозревает в неверности? Хотел предупредить, что счастье не будет больше сопутствовать им в жизни? Тогда зачем жить вместе?.. Может, и он думает так и поэтому ушел? Чего же ради ее и ребенка привез сюда?..

В голове у Дильдар роилась уйма вопросов, на которые она не находила ответа.

В соседнем доме на веранде и во всех окнах горел свет. Оттуда доносились оживленные голоса. Потом завели патефон. Понеслась веселая песенка в сопровождении эстрадного оркестра. Видно, жильцы справляли новоселье. У них весело. Вся семья в сборе, еще и гостей назвали. А Дильдар одна. Как въехали, еще даже не убралась в доме. В комнатах темно, а на душе и того темнее. Веселая мелодия постепенно начала ее раздражать. От полыхающего в очаге пламени на стенах, на изгороди, по всему двору метались светлые блики и таинственные тени, будто собрался полон двор добрых и злых духов и вот колошматят друг друга. Дильдар сделалось не по себе. Она быстро поднялась на веранду и нащупала на опорном столбе выключатель. Во все стороны брызнул яркий свет. Дильдар вошла в дом и во всех трех комнатах тоже включила свет.

Положив в глиняную миску молочной рисовой каши, подошла к сыну и опустилась на колени.

— Проснись, Азимджан. Проснись, сынок.

Мальчик почмокал губами и с трудом разомкнул глаза. Мать подняла его, усадила.

— Поешь, миленький. Смотри, какую вкусную кашку я тебе приготовила...

Азимджан, жмурясь от яркого света, озирался по сторонам, словно не мог понять, где очутился.

Дильдар взяла на кончик ложки каши, подула на нее и положила ему в рот.

— Завтра, ягненочек мой, возьму тебя в поле, покатаю на тракторе. Ведь ты у меня станешь настоящим батыром, если будешь хорошо есть. Ну, еще одну ложечку. Ты ешь, а я буду рассказывать тебе сказочку...

Ресницы мальчика слепались, а головка валилась набок. Дильдар осторожненько тормошила его и продолжала ласково приговаривать:

— Жила-была в лесу хитрая лисичка. А у этой лисички был длинный-предлинный рыжий хвост. И вот эта лисичка... Ну, съешь еще одну ложечку, вот молодец, мой сыночек. И вот когда эта хитрая лисичка, выбравшись из темной норы, грелась на солнышке, на ветку уселась серая ворона... Ешь, ешь, глотай же. Проглоти, не держи во рту! Снова спишь, ну что же я буду с тобой делать?..

Дильдар потихонечку раздела Азимджана, уложила его и села рядышком, с нежностью глядя на него. У самой, хоть и сосало под ложечкой, пропал аппетит, и о каше думалось с отвращени-

ем. Да, сегодня она чересчур утомилась, не осталось сил даже проглотить еду.

На веранде послышались тяжелые шаркающие шаги. Дильдар вздрогнула. Горячая волна взметнулась изнутри, ударила в лицо. Ее грудь всколыхнулась, словно она никак не могла вздохнуть. И слезы покатались из глаз.

Шаги у двери замерли, и послышался кашель мужчины. Нет, это был не Агзам. А она подумала, что он вернулся.

Дильдар поспешно вытерла глаза и вышла в прихожую. В дверях, опершись о косяк, стоял Холмат.

— Добрый вечер, — приветствовал он. — Увидел у вас свет во всех окнах, решил, что хозяин вернулся. Зашел поговорить. Заодно вот спецовку вам принес... — Он положил на перильце веранды свернутый синий комбинезон.

— Пожалуйте, Холмат-ака, спасибо за внимание.

Дильдар на веранде постелила тонкий матрац. Холмат сел.

— Хотите каши? — спросила Дильдар.

— Спасибо, я сыт.

— Тогда я поставлю чай...

— Не беспокойтесь, я всего на минутку... Я иду из правления. Меливай-ака вас похвалил за сегодняшнюю работу.

— Вай, не может быть! Я же сегодня такое натворила... Меливай-ака унес погубленный мной хлопок. Я подумала, он людям показать решил, осрамить меня...

— Это вы зря. Больше никогда не думайте так плохо об этом человеке. Он захватил эти стебли, чтобы их никто не увидел, и выбросил в канал.

— И за что же он мог похвалить меня?

— По выработке вы сегодня на третьем месте. Если учесть, что в колхозе работают семь тракторов и управляют ими могучие джигиты, — ваш дебют не так уж плох.

Дильдар радостно улыбнулась. Как славно, что Холмат поспешил к ней с этой вестью: тяжесть с ее сердца как рукой сняло.

— Спасибо, Холмат-ака, за добрую весть, — сказала она.

— А признайтесь, умаялись здорово?

— Еще как, — призналась Дильдар.

— Мы с Меливаем-ака только что посоветовались и решили дать вам напарника. Чтобы вы с непривычки не перенапрягались. Вы устанете — он вас заменит, он устанет — вы смените. Так легче будет...

— И кого вы наметили мне в напарники? — насторожилась Дильдар.

— Кого-нибудь подберем.

— Если женщину, то согласна.

Дильдар, скрестив на груди руки, стояла, прислонясь к опорному столбу, и смотрела в придавленную темнотой степь. В степи, оказывается, темнеет как-то сразу, будто ночь падает прямо с неба, открыв лик низко склонившихся звезд. Где-то вдалеке про-

мелькнули две фары и пропали: машина свернула, видно, на другую дорогу.

Проследив за ее устремленным в степь взглядом, Холмат догадался, о чем она думает. Тихо заметил:

— Уже поздно. Машин больше не будет. Наверно, задержался где-то... И потом... я до тонкостей знаю Агзама: в одном классе учились. Он не любит ни в чем уступать. Если даже сам в чем-то виноват, старается вынудить, чтобы извинились перед ним. С характером парень. Если хотите, чтобы он вернулся, съездите за ним завтра... Или пошлите кого-нибудь... Вам, конечно, виднее...

Дильдар не ответила. Холмат, помедлив, спросил:

— Не боятесь одна?

— Волк, что ли, меня съест? И потом... я не одна — с сыном.

Холмат поднялся, одернул гимнастерку.

— Я к тому... Нельзя вам одной. Вокруг степь, незнакомое место. Я попрошу Малику-ая, чтобы она пришла к вам. Вместе вам спокойнее будет. Спокойной ночи.

Холмат быстрыми шагами пересек двор и, выйдя за калитку, растаял в темноте.

Говорят, усталого человека легко одолевает сон. А Дильдар уже не хотелось спать. Она желала только неподвижности. Когда стоишь вот так, недвижно, прислонясь к опорному столбу, и вдыхаешь терпко пахнущий степной ветер, то перестаешь ощущать самое себя. Исчезает боль в мышцах, забывается усталость. Словно бы тело исчезло, а остались только мысли. О, как их много. Даже не уместиться им всем в голове. И одна тревожнее другой.

Невдалеке завыл волк. Тоскливо и протяжно завыл. По спине Дильдар пробежали мурашки от этого воя. Дильдар поспешно зашла в дом и закрыла все окна, заперла двери. «Хорошо, если Холмат пришлет Малику-ая», — подумала она и приготовила для старушки постель. Сама легла с сыном, обняла его, будто накрыла крылом, оберегая от всех напастей мира. Свет в комнатах решила не гасить. Она слышала, что хищники боятся огня. В поселке лаяли, захлебываясь, собаки. Опять послышался вой...

«Что же это не идет Малика-ая?..» — подумала Дильдар, погружаясь в сон.

XVI

Под окном пронзительно затыкала собака. Дильдар посмотрела на часы. Было около трех ночи. Досадую на пса, она закуталась с головой, стараясь уснуть еще ненадолго. А собака заливалась еще пуще, то с хрипом наскакивала на кого-то, то отбегала поодаль. Дильдар не выдержала. Накинула камзол и вышла во двор. Из кучи сухих веток, брошенных у очага, выдернула

длинную хворостину. Собака отбежала, продолжая лаять в сторону окна.

Из окна в глаза бил яркий свет. Дильдар показалось, что на траве что-то темнеет. У нее сердце зашло от страха. Она зашпорила к веранде. С последней ступеньки оглянулась. Да, там, подле окна, кто-то лежал. Если бы это был волк, то уже набросился бы. Кажется, это человек. Пьяный какой-нибудь заблудился? Вчера у соседей гуляли, долго ли пьяному дом перепутать? «А может, это Агзам? — пронзила ее мысль. — Пришел и, стыдясь зайти, улегся тут. Он же простудится, бедняга. Пусть лучше идет в дом, а утром поговорим...»

Дильдар стала робко приближаться к спящему человеку. Он лежал, укутавшись в чапан и, видно продрогнув, обхватив поджатые к животу колени. Дильдар наклонилась и отвернула ворот чапана, чтобы разглядеть лицо. Это был Холмат. Она растерялась. Как он тут оказался? Неужели его сюда привел хмель и он, дойдя до ее окна, свалился?.. Вокруг белели окурки, тут же валялась скомканная пачка папирос.

Дильдар сходила в дом и вынесла стеганое одеяло. Накрыв Холмата, вернулась к сыну. На душе сделалось спокойнее, и она решила выключить свет, мешавший уснуть.

Утром, едва открыв глаза, она тут же подумала о Холмате. Не замерз ли?.. Вышла на веранду. На перильце лежало свернутое одеяло.

Едва успели с сыном позавтракать, со стороны гузара послышался голос Абдуллы-крикуна:

— Э-эй, чортеракские-е-е! Слу-шай-те-е! Сегодня работаем на том же участке! Кто раньше был мирабом, пусть подойдут к чайхане! Дильдар-трактористка пусть тоже идет к чайхане, ее ожидает председатель!..

Дильдар заволновалась, услышав свое имя. Холмат же вчера сказал, что председатель похвалил ее. А что же сегодня? Собирается ее посрамить при всем честном народе за погубленный хлопчатник? Наверно, скажет: «Ладно уж, доченька, что поде-лаешь, с трактором ты не справилась, здесь мужская сила нужна. Оставь трактор, возьми-ка лучше кетмень да иди на окучива-ние...»

Дильдар торопливо одевала сына, а сама думала только об этом. «Нет, ни за что не соглашусь!» — решила она, натягивая на себя комбинезон.

По дороге Азимджан оживленно рассказывал, какое множество у них в детском саду игрушек, и с кем он успел уже подружиться, и о том, что вчера построил из песка красивый домик, а кто-то разрушил и Малика-ая крепко отругала того шалуна за это. Дильдар кивала, а сама думала о предстоящем разговоре с председателем.

Во дворе детского сада, обнесенном низкой деревянной изгородью, в такую рань было уже полно ребятишек. Они затеяли

шумную игру. Малика-ая, завидев Дильдар с сыном, вышла к калитке.

— Вай, доченька, спокойно ли ты спала? — справилась она после того, как поздоровались. — Вечером Холматджан попросил меня пойти к тебе заночевать, но не смогла я. Председатель вчера завез для детского сада мешок муки, так я всю ночь-то лепешки пекла. Пропади моя голова, не догадалась сказать Холматджану, чтобы ты сама пришла к нам ночевать. Вай, как же ты спала одна?..

Дильдар улыбнулась.

— Почему же одна. Рядом со мной был вот этот батыр.

Старушка поцеловала Азимджана в лоб.

— Ступай к своим дружкам-приятелям, батыр, — сказала она. — А ты, дочка, поторопись на гузар. Около чайханы председатель собирает мирабов и трактористов.

Меливай-ака сидел на сури и, попивая чай, вел обстоятельный разговор с двумя мужчинами. На другом сури сидела в окружении нескольких подруг светловолосая девушка, облаченная в такой же новенький синий комбинезон, как у Дильдар. Она рассказывала что-то смешное, и девушки то и дело покатывались со смеху. Дильдар скользнула по ней неприязненным взглядом. «Неужели решили ею меня заменить?» — промелькнула у нее мысль.

— А-а, пришла. — сказал Меливай-ака и, налив в пиалу чаю, протянул Дильдар. — Вчера вечером я побывал на поле, где ты работала. Посмотрел... Ну, что сказать тебе?..

— С трактора я не уйду, — решительно заявила Дильдар и искоса взглянула на светловолосую девушку.

— Об этом как раз я и хотел просить тебя, — сказал Меливай-ака, улыбнувшись. — Вчера ты порядком намучилась. Но славно поработала. Я боялся, что ты испугаешься трудностей... Чтобы тебе на первых порах было полегче, мы тебе помощницу подобрали. Шура, иди сюда! — позвал председатель светл. волосую.

Девушка оборвала разговор на полуслове и подошла.

— Это моя дочь. Зовут ее Шура, — представил девушку Меливай-ака. — Она немного умеет управлять трактором. Но пусть у тебя еще поучится.

Дильдар и Шура переглянулись и улыбнулись друг дружке. У Шуры были синие-пресиние глаза, какое бывает небо перед вечером.

— Я уверен, Шура у тебя будет хорошей помощницей, — продолжал председатель. — К тому же она в кишлаке со всеми знакома, все ее знают, так что можешь ей давать любые поручения — выполнит... А вечером она перенесет к тебе свою постель, поживите пока вместе. Не оставайся больше одна. Степь большая, на освоение новых земель всякие люди прибыли, и хорошие и плохие, всех еще не знаем. Как бы кто не напугал тебя. Поняла?

Дильдар кивнула:

— Пусть будет по-вашему.

— Вот и хорошо. А теперь ступайте обе работать.

Шура повела Дильдар на поле ближней дорогой. Они шли по меже, разделяющей на участки кукурузное поле. Стебли кукурузы уже вытянулись в рост человека и начинали цвести.

— Обожаю вареную кукурузу, — сказала Шура, всматриваясь, нет ли где свежих початков.

— Вы, наверно, очень похожи на маму, правда? — спросила Дильдар. — Ваша мама русская?

— Нет, у меня и папа и мама узбеки, — сказала Шура и, поглядев на Дильдар, рассмеялась. — Гадаете, в кого же я тогда такая рыжая?

Некоторое время шли молча. Откуда-то уже доносился рокот мотора. Слабые порывы ветерка приносили запах влажной земли. Тропинка вывела на дорогу, тянущуюся параллельно широкому арыку. Вдалеке на хлопковом поле Дильдар увидела свой трактор.

— Мои родители погибли в блокаду в Ленинграде, — сказала грустно Шура. — Папа был ополченцем, Пулковские высоты оборонял, там его снарядом убило. А мама умерла с голоду. Отдала последнюю кроху хлеба мне, а сама умерла... Наверно, эта самая кроха и спасла мне жизнь... Через день или два к нам зашли санитары с носилками. Я так и лежала рядышком с мамой. Санитары сначала и меня за мертвую приняли... Отправили меня по льду Ладожского озера на Большую землю. Выходили. А через некоторое время я в Узбекистане оказалась. Нас целый поезд, ленинградских ребятишек, привезли сюда. Едва мы вышли на станции из вагона, ко мне подходит какой-то дяденька в полосатом халате, а на голове тубетейка. «Доченька, как тебя зовут?» — спрашивает. «Шура», — отвечаю. «Шураxon, будь моей дочкой, ладно?» Я и согласилась... Тогда мы около Ферганы жили. А потом переехали сюда. Ой, видели бы вы эти места три года назад. Здесь было настоящее волчье логово.

«А я-то считала, что в войну очень уж много перенесла. Вон, оказывается, люди что испытали», — подумала Дильдар.

— А ты по-русски тоже говоришь так же хорошо, как по-узбекски? — спросила Дильдар.

— Ну конечно.

— А я вот по-русски не умею...

— Ничего, подруженька, я научу! У меня брат есть, Турдибай, я его научила. Он сейчас на Дальнем Востоке самураев бьет.

Подойдя к трактору, Дильдар сразу же заметила, что он стоит не на том месте, где она вчера его оставила. В тени около небольшого холмика появилась железная бочка. Наверно, с горючим. По нескольким междурядьям, похоже, сегодня утром кто-то прошелся на ее тракторе: взрыхленная земля еще не успела

подсохнуть. Кто же здесь успел уже поработать? Видимо, механик. Больше никому. Привез горючее и не удержался — решил проверить, как новый «Универсал» работает.

Тем временем Шура заправила трактор. Спросила:

— Ты начнешь или я?

— Все равно, — сказала Дильдар.

— Ладно уж, начинай. А я погляжу.

Дильдар завела мотор. Пока он нагревался, она, стоя на тракторе, оглядела поле. Сколько тысяч раз надо ударить кетменем, чтобы взрыхлить одну-единственную грядку?.. На сколько больше земли обработает Дильдар за день на тракторе?.. Она вдруг показалась самой себе сильной, как батыр. Опустилась на сиденье и, крепче взявшись за руль, тронула трактор с места.

Сегодня Дильдар не будет так трудно, как вчера. А завтра будет и того легче. Она постепенно привыкнет к своей новой работе... И эта первая ночь в одиночестве тоже была страшной. Дильдар с детства боялась темноты и всегда старалась не оставаться на ночь дома одна. Неужели теперь и к этому придется привыкать? Она старалась не думать об Агзаме, но, как нарочно, перед нею то и дело возникали его глаза. Теплый ветер касался ее щек, и ей казалось, что это его дыхание... Нет, никогда Дильдар не простит ему такой неверности. Ее горевшее любовью сердце подернулось пеплом. Кому под силу смести с него пепел и вновь раздуть в нем пламя?.. Никому. Хорошо, что у Дильдар неожиданно появилась подруга, которой можно будет хотя бы излить боль свою. Вот она спешит по междурядью навстречу и просит остановиться.

— Что, Шура? — спросила Дильдар, остановив трактор.

— Ты уже больше часа работаешь. Устала, наверно. Отдохни, дай теперь я поработаю.

Дильдар видела по глазам девушки, как ей хочется сесть на трактор. Поэтому, не противясь, тут же спрыгнула на землю. Шура по-мальчишески ловко вскарабкалась на сиденье и плавно тронула трактор. Дильдар долго смотрела вслед ей. Гляди-ка как ровно она ведет машину! Потом прошла до конца междурядья, всматриваясь в свежую борозду. Молодец. Шура! Ни одного кустика не зацепила.

Дильдар зашла на теневую сторону холмика, где стояла бочка с горючим, и, разувшись, прилегла на траву. Ее чуть не сморил сон. Но вскоре она услышала чьи-то шаги и быстренько встала. Ведя за руль велосипед, к ней приближался Холмат. Он положил велосипед на землю, поздоровался с ней. Затем прошелся вдоль рядков, то и дело нагибался за землей, мял комочки на ладонях. Он, кажется, остался доволен культивацией. Холмат, отряхивая ладони, направился обратно.

— Вполне прилично, — сказал он. — Молодцы, девчата... В перерыв на полевом стане будут выдавать аванс, не опаздывайте.

А вечером на складе можете получить муку, рис и прочие продукты в счет трудодней. Имейте в виду.

Дильдар кивнула.

Холмат поднял велосипед, обернувшись, нежно посмотрел на Дильдар и сказал:

— Спасибо.

Дильдар сразу и не поняла, за что он поблагодарил ее. Лишь потом догадалась. Хотела сказать, что это ей ничего не стоило, одеял у нее много, но Холмат уже был далеко. Выйдя на дорогу, он сел на свой велосипед и поехал.

Оставив неподалеку трактор, подошла Шура.

— Зачем к тебе приходил этот джигит? — поинтересовалась она с лукавой усмешкой.

— Он вовсе не ко мне приходил...

— Тогда, может, ко мне? — засмеялась Шура.

— Он пришел сказать, что в перерыв на полевом стане будут выдавать аванс.

— А то бы мы сами не узнали об этом, когда пойдем на обед!

— Перестань, Шура. Я не люблю таких шуток.

— Ладно, не буду. — Шура засмеялась и, обняв Дильдар, закружила ее. Потом, взглянув вдруг на подругу в упор, спросила: — А правда это, что твой муж, испугавшись трудностей, убежал отсюда?..

— Ты... ты что? Откуда взяла? — опешила Дильдар.

— Я слышала, как об этом разговаривали папа и этот парень. Холмат-ака сказал, что твой муж — трус, и больше никто.

Дильдар отвернулась.

— Прости. Я тебя обидела? Прости, — засуетилась Шура вокруг нее. — Зато Холмат-ака всегда очень хвалит тебя. Говорит, что ты мужественная женщина, не растерялась...

— Отдыхай. Я поработаю, — сказала Дильдар сдавленным голосом и медленно пошла к трактору.

Время приближалось к полудню. Дильдар увеличила скорость, чтобы до обеда успеть обработать побольше рядков. Солнце все сильнее припекало спину и затылок, а когда Дильдар на краю поля разворачивала трактор и ехала в обратную сторону, оно било горячими лучами прямо в лицо. Дильдар засунула под косынку лопух и сделала козырек. Теперь стало легче смотреть вперед.

Дильдар вспомнила, как они, чортеракские девчонки, собравшись вместе, составляли Холмату письма от имени его бабушки... Однажды кто-то сказал, что джигиты на фронте очень любят получать от девушек письма и фотографии. Тогда Анвара предложила всем девчонкам сфотографироваться и послать их общее фото чортеракским джигитам. Так и поступили. А через некоторое время Дильдар получила письмо от Холмата. Это произо-

шло спустя месяц после ее замужества. Дильдар ему не ответила.

— Дильда-а-ар! — долетел голос Шуры. — Звонят на обед! Идем!

По пути к полевому стану Шура громко рассказывала всякие смешные истории. Она так живо обрисовала некоторых людей кишлака, что Дильдар хоть ни разу их не видела, а представила всех, как наяву. Девушка, смеясь, говорила о колхозном счетоводе, побаивающемся своей жены, об агрономе, который носит дамские чулки.

— Правда, сама видела, — уверяла Шура. — Он говорит, что чулки удобнее, чем носки. Протрутся на пальцах или на пятке, и штопать не надо. Он только спустит их чуть пониже, подвернет под стопу и носит себе дальше. На целый год, оказывается, может хватить одной пары чулок. А носки? Как порвались, тут же выбрасывай... Вот какой у нас догадливый агроном!..

Слушая Шуру, Дильдар хохотала до слез. Как славно, что она теперь будет работать с этой веселой девушкой!

— А моя мама до того смешно искажает слова, когда пытается говорить по-русски! Сколько раз я ей объясняла, что надо произносить «по-че-му», а она все одно — «зачему». Бывает, звонят из райкома и спрашивают папу, она отвечает: «Председател ещо не пришла». Я поправляю ее, а она отмахивается и смеется: мол, и так понимают...

На полевом стане подле высоких и тенистых верб был сооружен шийпан — большой навес наподобие беседки. Рядом в арыке, позванивая, текла вода, такая прозрачная, что можно камешки на дне пересчитать. На паласах, постланных под навесом и под вербами, сидят, отдыхая, колхозники. Одни пьют чай, другие играют в шашки и домино, третьи просматривают журналы.

Ошпаз, стоя у большого котла, из которого валит пар, длинным черпаком разливает в миски суп. Здесь же в большом баке кипит вода: кто хочет, может заварить себе чаю.

Холмат сидел, прислонившись к вербе, и дремал. Около него стояли чайник и пиала. «Бедняжка, видно, ночью озяб и не выспался», — подумала Дильдар.

— Расступись, народ! Дорогу танкистам! — озорно крикнула Шура.

Холмат вздрогнул от ее голоса. Заметив, что Дильдар смотрит на него, смутился и поднес ко рту пустую пиалу.

XVII

Вечером Дильдар и Шура зашли в детский сад за Азимджаном. Дильдар попросила девушку отвести мальчика домой, а сама пошла на склад, чтобы получить продукты. Заведующий складом оказался настолько щедрым, что она едва донесла до дому рис, муку в бумажных торбах и бутыль хлопкового масла. Поднимаясь по ступенькам веранды, хотела было окликнуть Шуру,

чтобы она помогла ей, но девушка вдруг нулей вылетела из дома и пронеслась мимо нее. Дильдар успела заметить, что веки ее вспухли от слез. Дильдар все тут же опустила на пол и с удивлением поглядела ей вслед. Дильдар окликнула ее, но Шура не обернулась. Дильдар поспешила за ней, чтобы выяснить, в чем дело.

Уже начали стучаться сумерки, но на гузаре около чайханы было множество людей. На дороге стояли те самые машины, которые привезли переселенцев из Чортерака. На земле и на сури перед чайханой были сложены узлы, чемоданы, скатанные и связанные багажными ремнями постели. Дильдар догадалась, что опять привезли новоселов. Она прошлась между людьми, вглядываясь в женщин, но Шуры нигде не было. Может, сбегать домой к Меливаю-ака? Но она не знает, где он живет. У кого бы спросить? Эти люди не знают, они здесь новые. Хотя они, наверно, как раз его и ждут. Он сейчас сам сюда придет.

Вдруг Дильдар увидела Малику-ая, ведущую за руку Азимджана.

— Зашла проведать тебя, дочка, а мальчик один дома, плачет. Где мама да где мама. Идем, говорю, поищем твою маму. Вот и нашли, слава аллаху.

— А я за Шурой бросилась. Не знаю, что с девушкой приключилось. Убежала вся в слезах и слова не сказала...

— Ай, детка, горе в их семье большое. Сына Меливая-ака япон убили.

Дильдар словно бы ударили по голове — в глазах потемнело. Кто сам такое испытал, знает, что это за горе. А Дильдар довелось пережить такую же горькую весть. В собственных руках держала извещение о гибели Агзама. Беременной была. В утробе у нее новая жизнь рождалась, а она облачилась в траур... Холодная была зима в тот год. А она в черном выйдет, бывало, на улицу и ходит как помешанная. Но потом сказала себе: «Нет, не может этого быть!..»

— Детка, что с тобой? — обеспокоенно спросила Малика-ая, дергая Дильдар за рукав. — В лице ни кровинки...

— Сейчас пройдет.

— Сегодня Шураhon пусть побудет дома с родителями. А к тебе попозже я сама приду.

Дильдар поблагодарила старушку и, взяв сына за руку, направилась домой. «Есть ли в этом мире хоть один человек, не знающий горя? — подумала она. — Захочешь с кем поделиться своей печалью, а у того, оказывается, ноша еще тяжелее твоей...»

Зашла в комнату, села подле окна на подстилку и прижала к груди сына. Из распахнутых настежь ярко освещенных окон соседнего дома доносился веселый говор. Наверно, вся семья сейчас собралась за ужином. А Дильдар опять в одиночестве. Счастье ее, что около нее еще есть вот этот маленький теплый комочек, крошечка ее, Азимджан... А как живется нынче бедному ее отцу?

И он остался одинешенек в опустевшем дворе. На старости лет сам стирает себе и сам готовит. Такой ли он предвидел свою старость? Это Агзам принес им столько бед. Дильдар захотелось в эту минуту проклясть его, но сама испугалась этой своей мысли. Кажется, она начинает его ненавидеть. Он привез ее сюда, а сам трусливо сбежал. Дильдар думала, что этого не заметил никто. А из сегодняшнего разговора с Шурой поняла, что все об этом знают, да только помалкивают, не хотят причинять Дильдар душевную боль. Может, даже жалеют. Жалеют Дильдар, первую затеяницу на всех девичниках!.. Может, все-таки плюнуть на все и вернуться в Чортерак? Ее никто не осудит. Ведь ни одна женщина не приехала сюда без мужа. Только посочувствуют, скажут, муж обманул, его вина... Но сколько можно жить, вызывая у людей жалость и сочувствие? И в Чортераке все начнется сначала? Нет, это немыслимо. Не для того ли Анвара уговорила ее поехать в Язъяван, чтобы Дильдар начала жить по-новому? Едва Дильдар представила ухмыляющиеся злорадные лица Рисолат и Иноята, ей сделалась противна самая мысль о возвращении в Чортерак.

Что ж, может, и верна поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»? Дильдар не примечала здесь в людях унижающей жалости к себе, а скорее заметила уважение. Ради этого стоило приехать в Язъяван.

На веранде послышались легкие шаркающие шаги. В дверь заглянула Малика-ая:

— Вай, детка, почему ты не включаешь свет? Можно ли одной сидеть в темноте? Вижу, и не поела еще, и чай не поставила...

Старуха, нашарив на стене выключатель, щелкнула им. Дильдар сощурилась от яркого света. Азимджан высвободился из ее объятий, подбежал к Малике-ая. Старуха погладила его по голове, сказала:

— Сейчас мы с мамой начнем готовить ужин, а ты будешь нам помогать.

Она выбрала из рассыпанных в углу овощей несколько луковиц, морковь. Поставила хонтахту около Дильдар и, подав ей нож, сказала:

— Почисть, милая, лук, а я пока морковь помою и очаг разожгу.

Занимаясь делом, старушка ласково разговаривала с Дильдар. А ведь ничего на свете нет более целительного, чем слово. Малика-ая рассказывала, как тяжело было людям, которые приехали сюда первыми. Многие не выдержали испытаний — вернулись туда, откуда снялись. Трудно будет жить на свете таким людям. Ведь жить — значит преодолевать трудности, как преодолеваются горы гряда за грядой. Правда, у одних на пути попадаются пониже горы, а у других повыше. Если человек первого препятствия не преодолел, а затем второго и третьего — может ли он после этого называться человеком?..

Голос Малики-ая, проникновенный и тихий, напоминал Дильдар голос ее мамы. Потому ли, что Дильдар была у родителей

единственным ребенком, но мать никогда не кричала на нее. Иногда, бывало, и гневалась на дочь, но все равно ее голос звучал ласково. Иногда отец выговаривал ей: «Портишь ребенка — ба-луешь!» На что мать невозмутимо отвечала: «Стану ли я обижать мою единственную дочурку...» Дильдар очень хорошо помнит свою маму, хотя ей и было чуть более девяти лет, когда мама умерла.

Разведя в очаге огонь и налив в котел масла, Малика-ая села напротив Дильдар и стала ловко нарезать морковь длинными тонкими брусочками.

— Детка, ты не очень терзайся. Так устроен наш бренный мир, ничего не поделаешь. Главное, не падай духом. Наверно, уготован аллахом один из светлых дней и для тебя. Счастье придет к тебе, не волнуйся. Из десяти твоих бутонцов еще и один не расцвел... Нынче мало верных мужчин, детка. Доля наша женская такая: чем сильнее любим, тем меньше нас ценят. А как дашь понять, что и без него обойтись можешь, он тут к тебе и начнет липнуть. А на кой он тебе такой нужен?.. Как вспомню теперь свою молодость — и сама ведь такую была. Ах, как горевала, света белого невзвидела. А сейчас ругаю себя... Вот и ты не мучайся напрасно. Если умен твой муженек, затоскует по тебе да по сыну и явится. А коли недалекий — жалеть не о чем. Мы тебе такого жениха тут найдем, м-м, пальчики оближешь!.. От всего есть спасенье, детка, кроме смерти. У бедняжки Меливая вон какое горе. Вот ему уж ничем не поможешь. Разве только добрым словом, а какая это помощь. Видела бы ты, какой у него был сын Турдибай, — не джигит, а лев. А как трогательно он заботился о Шуре, если бы ты видела. Школа далековато у нас, в соседнем кишлаке. Он всегда провожал Шуру в школу, а вечером встречал... И не верится, что такого ба-тыра могла убить такая малюсенькая пуля. Надо же, джигита, убереглося от немецких пуль, аллах не уберег от пули японца...

За разговором Дильдар не заметила, как промелькнуло время, и на хонтахте уже появился душистый дымящийся плов. Только они приступили к трапезе — пришел Холмат.

— Добрый друг всегда приходит к накрытому столу, — заметила Малика-ая и пригласила его присаживаться.

— Спасибо, бувиджан, я спешу, еще не все дела закончил, — сказал Холмат. — Дома не застал вас, забеспокоился. Решил узнать, здесь ли вы... Думал, может, и сегодня не сможете прийти...

— Ой, сынок, могла ли не прийти? Я не хочу, чтобы Дильдархон ночевала одна. Выпей хоть чаю. — Старуха налила на доньшко пиалы чаю и протянула Холмату.

— Дильдархон, Шура завтра не сможет выйти в поле. Вместо нее прислать кого-нибудь? — спросил Холмат, отхлебывая чай стоя.

— Не надо, сама управлюсь, — сказала Дильдар.

Холмат поставил пиалу на хонтахту и, попрощавшись, вышел.

— Сынок, когда придешь домой, не позабудь поужинать. Я в

касе тебе оставила маставы. Чтобы не остыл, в дастархан завернула. Будь осторожен, не пролей,— сказала вслед ему Малика-ая.

Горячая еда разморила Дильдар. Старуха это заметила и сказала:

— Ложись, детка. Ведь ты взвалила на себя мужское дело. Отдыхать надо. Ложись.

Дильдар принялась стелить постель, а Малика-ая пошла мыть посуду. Вскоре вернулась. Погасила свет и тоже легла.

Дильдар лежала с открытыми глазами. На противоположной стене отпечатался квадрат лунного света. За окном шелестит ветерок, залетает в комнату, доносит запахи трав. Звенят цикады, и где-то в отдалении лают собаки.

Говорят, что человек от горя черствеет, становится злым,— рассуждала Дильдар. Будто в нем не остается нежности, чтобы дарить другим. Неужели у этой старой женщины, лицо которой избороздили морщины, а волосы поседели, в жизни было мало горя?.. А она вон как внимательна к Холмату, будто к родному.

— Аяджан, вы не спите? — спросила Дильдар.

— Нет, детка.

— Вы Холмата-ака давно знаете?

Старуха минуту помолчала, прежде чем ответить, потом как-то нехотя сказала:

— Странные вещи ты, детка, спрашиваешь. Он же мне внук...

Дильдар удивил ответ Малики-ая. Приподнявшись на локте, она сказала:

— Ведь бабушка Холматджана умерла четыре года назад. Я хорошо ее знала.

Старуха тяжело вздохнула, заворочалась. Наконец сердито проговорила:

— Больше об этом у меня не спрашивай. А спросишь — нога моя не ступит на твой порог.

Старуха нервно взбила несколькими шлепками подушку, положила на нее голову и натянула до подбородка одеяло. Но через минуту опять завозилась. Ей никак не удавалось уснуть. Порывшись в кармане камзола, лежавшего рядом с постелью, вынула табакерку с насом, забросила щепотку под язык. Ей не терпелось, видно, поговорить. Но посмотрела на притихшую Дильдар и не решилась ее беспокоить. «Пусть отдыхает,— решила она.— Трактор и то небось устает за день, а она все же человек».

А Дильдар думала о муже. Хотела разобраться в их взаимоотношениях. Оставаться одной ей не привыкать, но вот брошенной она еще не была, с этим надо, по-видимому, свыкнуться. Ничего, она как-нибудь переживет. Гораздо тяжелее замечать, что тебе сочувствуют. Это оскорбляет. Еще неизвестно, кому надо сочувствовать: ей, Дильдар, или Агзаму, порвавшему с ней... И чем дольше она думала о муже, тем больше ощущала неприязнь к нему, испытывала какое-то неприятное чувство...

Перед глазами возник Холмат. Словно наяву. Кажется, он

чересчур внимателен к ней. Тоже жалеет? Надо сказать, пусть не слишком старается... Хотя что это она думает о нем так? Ведь он и раньше, в Чортераке, когда она была девчонкой, был всегда таким обходительным.

Засыпая, Дильдар видела перед собой глаза Холмата, ласково мерцающие, проникающие в душу...

XVIII

Время близилось к полудню. В ровном рокоте двигателя Дильдар вдруг уловила постукиванье, словно кто-то железной ложкой взбивает масло, и редкие перебои. Она остановила трактор и проверила контакт. Вроде бы все в порядке, а мотор работает через силу, вот-вот заглохнет.

Дильдар выключила двигатель. Окинула взглядом поле, которое успела обработать. С утра она совсем неплохо поработала. Что же случилось с мотором? Придется подождать, пока остынет, а сейчас он раскалился так, что не прикоснуться. Да и сама Дильдар словно в огне вся: сверху солнце жарит и от трактора пышет жаром.

В конце поля виднеются деревца шелковицы. Там арык. Искупаться бы сейчас — броситься в воду прямо в одежде, чтобы платье в себе до самого вечера прохладу держало. И напиться бы вдоволь, но жаль, вода там теплая, как парное молоко. Дильдар направилась было к арыку, но остановилась, увидев вдалеке идущего навстречу человека. Это был Холмат. В руках он нес алюминиевый чайник. Дильдар быстро застегнула платье на груди, пригладила волосы.

Холмат поздоровался и протянул ей чайник.

— Захватил для вас холодной воды из родника, — сказал он.

Дильдар благодарно улыбнулась и жадно приникла к чайнику. Вода проливалась ей на грудь, смачивая платье и комбинезон. Потом Дильдар налила в ладонь и плеснула себе в лицо. Заметив, что Холмат внимательно наблюдает за ней и чему-то улыбается, посерьезнела.

— Какая-то неполадка в двигателе, — сказала она. — Пришлось прервать работу...

— Сейчас проверим, — сказал Холмат, подойдя к трактору. — На что больной жалуется?

Дильдар объяснила.

— А я растерялась, не знала, что и делать, — добавила она.

— Каждая поломка — урок для вас. Главное — научиться устранять неполадки. Когда сумеете это делать, тогда можете считать себя трактористкой...

Дильдар вынула из металлического ящика ключи, подала Холмату. Стала рядом, наблюдая за его работой. Старалась не пропустить ни одного его движения.

— Как бы между делом Холмат спросил, спокойно ли она провела эту ночь и понравилась ли ей Малика-ая?

— Спасибо. Малика-ая сегодня ушла рано, я даже не заметила... Мне кажется, я вчера обидела ее...

— Чем же?

— Я спросила, кем вы ей доводитесь, и сказала, что знала вашу бабушку...

— Что вы, она на это не обидится. Просто ей, наверно, вспомнилось пережитое...

— Может быть. Но я ни о чем больше расспрашивать не стала.

— Правильно сделали. Всегда приятно напомнить радостный случай, а горе надо помогать друг другу забыть.

— Горе? Разве ваше имя у нее может быть связано с каким-то горестным событием?

Холмат разобрал карбюратор, продул трубки.

— В какой-то мере это так, — сказал он задумчиво. — Вы помните мою бабушку?

— Да. Когда вы были на фронте, она мне сшила два платья. Она считалась лучшей портнихой в нашем кишлаке.

— А вы не обратили внимания, как Малика-ая похожа на мою бабушку?

Дильдар промолчала. Про себя же отметила, что эта старая женщина действительно очень похожа на старушку, которая ей шила платья. А она ломала голову, кого же она ей напоминает. Этот умный взгляд и привычка морщить лоб, когда она тебя внимательно разглядывает...

— Она родственница вашей бабушки? — спросила Дильдар.

— Нет. Я ее впервые встретил в Маргилане, когда с фронта возвращался. Увидел... и принял за свою бабушку. Потом понял, конечно, что ошибся. А старушка растрогалась, даже прослезилась, сказала, что в Язъяване живет, пригласила в гости... Я доехал до дома и узнал, что нет уже на свете бувиджан, бабушки моей родной... Прошла неделя, другая, а меня все не покидает чувство, будто в Язъяване моя бабушка живет... Я взял да и приехал сюда. Старушка сразу же меня узнала, обрадовалась. Попросила величать ее просто бабушкой, а меня стала называть внуком. В тот же день за чаем она поведала мне о себе. Немало горя пришлось перенести ей на своем веку...

Родом Малика-ая из Ташлака. Родилась в этом кишлаке, и замуж ее там выдали. Муж добрый попался, дехканин. Родилась у них дочка. Из года в год девушка становилась все краше. Родители оберегали ее, как берегут от суховея цветок, бутон которого вот-вот должен расцвести. Но как-то нагрянул в кишлак со своей бандой курбаши¹. Шермат-одноглазый. Его осведомители донесли ему, что в кишлаке имеется девушка невиданной красоты. Курбаши приказал немедленно доставить ему эту девушку. Несколько

¹ Курбаши — главарь банды.

головорезов из его банды тут же кинулись исполнять его приказ... Когда в дом Малики-ая ворвались чужие люди, ее муж схватил кетмень. Но едва замахнулся, его пристрелили. Малика-ая запричитала, стала рвать на себе волосы, просить аллаха покарать бандитов. Не обращая на нее внимания, басмачи выволокли девушку из дому, бросили поперек седла и увезли.

Кривой Шермат позвал муллу, потребовал молитвой освятить его брак. Той же ночью, после изрядной попойки, он силой овладел девушкой, а утром вынужден был бежать. Опозоренная девушка, плача, вернулась домой...

Проходили дни. Выяснилось, что дочь Малики-ая беременна. Чем меньше времени оставалось до родов, тем больше страдали мать и дочь.

Родился мальчик. Его мать была сама не своя. Отказалась кормить ребенка. Малика-ая сжалилась над дитятею, стала поить его из соски разбавленным козьим молоком. А дочь день-деньской сидит в темной комнате, на свет не показывается. Несколько раз даже порывалась задушить своего сына. Малике-ая и дочь было жалко, и внука. Решила сама вынянчить ребенка. Едва мальчику исполнилось шесть месяцев, его мать кинулась в пруд...

Малика-ая похоронила дочку и осталась с младенцем одна. Невмоготу ей стало жить в Ташлаке, где она столько мук претерпела. Переехала в Каратеп.

Когда внук вырос, старуха сказала ему, что его отец погиб в схватке с басмачами. Мальчик гордился, что его отец был красноармейцем. И когда ему исполнилось шестнадцать лет, он решил вступить в комсомол. В комитете рассмотрели его заявление, попросили рассказать биографию. Парень, заикаясь от волнения, изложил, как его отец воевал с басмачами, как погиб геройской смертью. И тут один из присутствующих с презрением бросил ему в лицо: «Ты лгун! Ты сын басмача, грабившего народ. Ты думал, что никто ничего не узнает, и хотел прокрасться в наши ряды. Но тебе нет места среди нас!»

Мальчик прибежал домой в крайнем возбуждении, с осунувшимся лицом, как после продолжительной болезни. Глядя бабушке в глаза, спросил:

— Кто был мой отец?

— Твой отец был красноармейцем, сынок, — сказала Малика-ая, стараясь не глядеть на внука.

— Бабушка, смотри в глаза мне!.. Мой отец был басмачом, да? Он грабил и убивал людей? Это правда?.. Что же ты молчишь? — требовал ответа мальчик. Испуганно округлив глаза, вздохнул: — Значит, правда...

Малика-ая, не в силах ничего сказать, хотела обнять его, приласкать, но парень грубо оттолкнул ее и ушел. Старушка упала на пол и долго плакала.

Настал вечер, а внук не вернулся. Ночь сгустилась, а его все нет и нет. И старуха отправилась искать его. Расспрашивала

у людей, но никто нигде не видел ее внука... Так прошла неделя, потом месяц. Малика-ая от горя слегла. Так с тех пор она и не видела больше своего внука. Где только ни искала его, не нашла...

Оказывается, во мне Малика-ая заметила очень много общего с ее пропавшим внуком. Вот и попросила, чтобы я называл ее буви — бабушкой... Как пришел к ней, так с того самого дня я и живу в Язъяване. У нее живу. Я обрел бабушку, а Малика-ая — внука.

Холмат поставил на место карбюратор, хлопнул по капоту ладонью и сказал:

— Ну-ка. Дильдар, садитесь на трактор. Проверим, как он будет работать.

Дильдар заняла свое место. Холмат резко крутанул заводную ручку. Мотор завелся с первого же оборота. Сизые кружочки дыма взметнулись из глушителя. Дильдар так была благодарна Холмату, что, оказись он рядом, наверно, обняла бы. Он отступил от трактора и подзадоривающе кивнул ей. Она улыбнулась ему и ослабила ногу на муфте сцепления. Трактор двинулся вперед. Дильдар обернулась. Холмат, широко расставив ноги, стоял в междурядье и смотрел ей вслед. Подняв руку, он постучал ладонью по часам: дескать, скоро обед, не забудьте вовремя прийти на полевой стан. Дильдар кивнула.

XIX

Земля на участке, который всего три дня назад полили, уже впитала влагу, покрылась сверху тонкой корочкой. Хлопчатник посвежел, листья на кустах расправились, залоснились, будто лаком покрытые. Колхозники, обвязав головы поверх тюбетеек белыми платками, кетменями взрыхливают почву, ровняют грядки. Багровое солнце уже касалось нижним краем макушек деревьев. За длинный летний день оно, видно, тоже устало изрядно и теперь грело не с таким усердием. Вдали над политыми полями курился пар. Доносился приглушенный расстоянием рокот трактора. Это Дильдар проводит культивацию на соседнем участке.

На полевой стан колхозникам вместо воды привезли целую арбу сладких как мед арбузов. Холмат выбрал самый крупный, потискал около уха, прислушиваясь к хрусту, и, убедившись, что арбуз спелый, позвал парнишку, привезшего на арбе арбузы.

— Поезжай мимо во-он того поля, где трактор работает, видишь? Передашь этот арбуз девушке-трактористке.

— Ладно, сделаю, как велите, — сказал парнишка и осторожно опустил арбуз в клевер, уложенный в проволочную сетку под арбой.

Холмат бы и сам с удовольствием отнес этот арбуз Дильдар, но если люди заметят, что он зачастил на поле, где она работает, тогда разговоров не оберешься. Вдруг увидел верхового, который погонял лошадь рысью и, размахивая руками, кричал работающим на поле людям:

— Эй, вы, там с вашей трактористкой несчастье! Умерла-а! Бегите скорее!

Некоторые, побросав кетмени, побежали на тот участок, откуда доносился такой же ровный рокот трактора.

Холмат остановил верхового, схватив лошадь за уздечку:
— Что вы сказали?

— Вот решил мешок дынь на базар свезти. Еду по дороге, гляжу, посреди поля трактор стоит, а на нем лежит, свесясь вниз головой женщина. Мертвая, видно. Испугался я. Ведь в таких случаях подходить не полагается, по милициям затааскают. Я и кинулся к вам!..— оттараторил человек заплетающимся от волнения языком.

Холмат отстранил мужчину, собиравшегося влезть на арбу, вскочил на лошадь и погнал ее, подхлестывая кнутом. Арба подпрыгивала на ухабах, гремела, казалось, она вот-вот развалится на части. Осадив взмыленную лошадь у края поля, Холмат спрыгнул на землю, побежал к трактору, окутанному сизоватым дымом. Дильдар сползла с сиденья и свесилась вниз, откинув руки. Ее длинные косы перекинулись через зубчатое колесо и почти касались земли. Хорошо, что она успела остановить трактор. Холмат осторожно поднял ее и положил на землю. Взяв за кисть руки, пытался нащупать пульс. Подбежали запыхавшиеся мужчины, обступили их. Холмату не удавалось никак найти пульс. Тогда он разорвал на женщине ворот, приник ухом к ее груди. С трудом уловил редкие и слабые толчки ее сердца.

— Жива! Она жива, братцы! — закричал Холмат. — Есть тут вода? Воды скорее!

Кто-то, гремя чайником, побежал к арыку.

— Это от солнца, — мрачно заметил кто-то.

— И солнце, и от трактора вон гарь какая...

— Женское ли это дело...

— К врачу бы ее...

Холмат поднял Дильдар и понес к арбе. Люди пошли следом за ним, хотели помочь. Но Холмат отрицательно качал головой, он сам хотел донести Дильдар. Их догнал джигит с чайником. Кто-то побрызгал водой на лицо Дильдар, влили несколько капель ей в рот. Ее губы были синие, глаза закрыты. Она еле слышно застонала. Люди переглянулись, радуясь: значит, душа еще не покинула ее, значит, она будет жить.

Кто-то, опередив их, залез на арбу, постелил чепан. Другой чепан свернули, положив вместо подушки. Несколько человек подхватили Дильдар, аккуратно уложили. Рядом с ней села женщина-стряпуха, готовившая колхозникам обед. Холмат вскочил в седло. Обернувшись, сказал людям:

— Отвезу домой и вызову врача. Продолжайте работу.

Он хлестнул лошадь, и она с места пошла рысью. С колес арбы заструилась пыль.

Стрянуха смочила свою косынку, положила Дильдар на грудь, провела мокрой рукой по ее лбу.

— Возьми себя в руки, дочка, ведь сынишка у тебя.— приговаривала пожилая женщина.— Ради него жить должна. Ну, открой глаза, милая...

Дильдар пришла в себя только к утру. Как из тумана, медленно проступала желтая лампочка под потолком, становилась все ярче и ярче. Потом перед собой она увидела чье-то лицо, расплывчатое, незнакомое, обрамленное коротко остриженными волосами, убранными под белую шапочку.

— Вам лучше? — откуда-то издали донесся голос женщины в белом халате.

Дильдар, еле-еле пошевелив потрескавшимися губами, попросила пить. И тотчас она возле себя увидела Анвару. Она присела на краешек кровати и, одной рукой приподняв голову Дильдар, поднесла к ее губам пиалушку. «Где я? Почему здесь Анвара?..» — подумала Дильдар, с трудом делая глоток, от которого по всему телу разлилась живительная прохлада. Посмотрела вокруг мутным недоумевающим взглядом. Увидела сидящего на подоконнике Холмата. И тут вспомнила, что с ней случилась беда. Она неожиданно почувствовала себя плохо и едва успела остановить трактор, больше ничего не помнит.

— Ну и напугала же ты нас всех, подружка, — с нарочитой грубоватостью сказала Анвара.— Холмат мне позвонил, так я собралась было во весь опор бежать. Хорошо вспомнила, что у меня машина...

— Спасибо, — пролепетала Дильдар.— Где Азимджан?

— О нем не беспокойся, он спит.

Дильдар чуть приметно улыбнулась.

— Вот и хорошо, — сказала врач.— Если улыбаетесь, значит, опасность миновала. Сейчас еще один укольчик, и все.

Холмат, ступая на цыпочках, вышел из комнаты. На веранде, прижав к себе Азимджана, спала Малика-ая. Холмат прислонился к опорному столбу, закурил. Небо медленно начинало светлеть. На нем мерцало несколько звездочек, похожих на льдинки, плавающие в голубой воде. Издалека доносилось кряканье диких уток. По-видимому, с канала. Там среди камышей, которыми поросли берега, полно их гнезд. Наверно, уже вывелись птенцы.

Из легковой машины, стоявшей около калитки, время от времени раздавался храп шофера.

На веранду вышла Анвара. Стала рядом с Холматом, обхватив руками плечи, будто ей было холодно.

— Как же вы недоглядели? — упрекнула она Холмата.

Он не ответил. Глубоко затянулся и стряхнул с сигареты пепел.

— Надо было сообщить мне о поступке Агзама. Я бы его разыскала хоть под землей.

— Он, наверно, того и ждет, чтобы его умоляли, — усмехнулся Холмат.

— Я умолять бы не стала. Заставила б вернуться!

— Агзама? Ты, наверно, его плохо знаешь...

— Будь я джигитом, отдубасила бы его как следует! — Анвара ударила кулаком о ладонь. — Ты знаешь, как все мы любили Дильдар? Она среди нас была лучшей плясуньей, лучшей певуньей! Если Дильдар среди нас, мы забывали, что такое грусть и тоска. А этот тип сорвал цветочек и не позаботился даже в водичку поставить. С тех пор и пошло все у Дильдар прахом...

— Выходит, и вы не уберегли свою подругу, — заметил Холмат.

— Да, — вздохнула Анвара. — Выходит, так... В Чортераке у них жизнь все никак не ладилась. Я думала, что в этом родичи ее мужа виноваты. Потому и настояла, чтобы она и Агзам перебрались в Язъяван. А выходит, он сам несколько не лучше Иноята.

— Яблоко от яблони недалеко падает.

— Раз случилось такое, тебе надо было помочь Дильдар вернуться в Чортерак.

Холмат щелчком отбросил окурок.

— Я подумывал об этом... Знаешь, Анвара, Дильдар здесь сделалась другой. На смену ее беззаботному веселью пришла какая-то злость, упрямство. Я иногда говорил ей: «Дильдар, этого не надо делать, это не по твоим силам!» А она мне: «Анвара может, почему же я не смогу?» Часто вспоминает тебя. Ты, видно, ей служишь примером...

— Хотела я, чтобы она корнями своими в новую землю вросла, да ничего не получилось, — задумчиво проговорила Анвара. — Увезу я ее в Чортерак.

— Не уедет. Особенно теперь не уедет. А предложишь такое, может даже обидеться. Теперь она хочет сама держаться прямо — без опоры. Сама желает стать опорой — сыну, людям... Не думай, что это та самая Дильдар, которую вы чуть ли на руках не носили. Хотя бы назло мужу, который ждет, что она станет умолять его вернуться, она хочет жить без посторонней помощи.

Далеко в степи трещал мотоцикл. Кто-то спозаранок мчался в Язъяван.

Махбуба сегодня припозднилась, все еще не вернулась с работы. Агзаму стало скучно сидеть в доме одному. Он решил пройтись по улице, прогуляться. Выйдя за калитку, поразмыслил, куда пойти, и направился в чайхану, где обзавелся двумя-тремя дружками. По вечерам их всегда можно найти там. Обычно перед ними стоит полное блюдо горячей самсы, а в фарфоровых чайниках вместо чая водка. Разливают в пиалы и пьют, будто чай. Махбуба

как-то увидела Агзама с ними и дома сделала ему выговор. Чем-то не нравятся ей его новые дружки.

Приятели весело поприветствовали Агзама, потеснились, уступая место на сури. Агзам прикупил еще несколько самсы, чтобы внести свою долю, и сел.

Неподалеку, на соседнем сури, сидел, попивая чай, мужчина в запыленном чекмене. У его ног лежал мешок с дынями, от которых распространялся сладкий аромат. Агзам медленно подошел к мужчине, почтительно поздоровался. Он знал, что, если с продавцом поговорить кой о чем, порасспросить о здоровье, о житье-бытье, он всегда уступит свой товар подешевле. Агзам разговаривал, а сам не сводил глаз с мешка. Он в этом году еще не пробовал такого сорта дынь. Взяв одну из них, понюхал.

— Почем, амаки, продаете?

— Рубль штука, сынок. Бери, не пожалеешь. Сладкие как мед.

— Где растут такие хорошие дыни?

— В Язъяванской степи, сынок! На новой земле растут такие дыни.

— Вот как? Вы, значит, из самого Язъявана будете?

— Нет, я из Наймана. Это недалеко от Язъявана... Ехал сегодня через Язъяван, а у них какая-то женщина умерла. Прямо на тракторе. Сам видел. Говорят, из Чортерака приехала. Видно, судьба умереть в чужом кишлаке...

Агзам с тревогой посмотрел на мужчину. Дурное предчувствие холодными щупальцами сжало сердце.

— Кто эта женщина? — спросил он придушенным голосом.

— Молоденькая совсем. Прямо на тракторе умерла. Виданное ли дело, чтобы женщина садилась на трактор... Когда увидел, испугался даже...

— Как ее зовут, не знаете?

— Кто ее знает, сынок? Дильдар ли, Лобар ли, точно не помню. А что?

Агзам опустил дыню обратно в мешок. Обессилев, сел на край сури. Он слышал, что Дильдар стала трактористкой. Сказала и сделала. Неужели с ней произошло несчастье? Хоть Агзам и ушел от нее, а все-таки не чужая она ему, жалко. Агзам вдруг вскочил и, не обращая внимания на дружков-приятелей, кричавших вслед ему, побежал домой. Вбежав во двор, вывел из сарая мотоцикл, некогда принадлежавший мужу Махбубы, а теперь подаренный ему. На веранде показала Махбуба, что-то спросила, но ее голос потонул в оглушительном тарактенье мотора. Агзам сел в седло и выехал со двора...

Мотоцикл резко остановился около машины, в которой приехала Анвара. Шофер приподнял взлохмаченную голову, недовольно пробубнил что-то. Агзам поставил мотоцикл на упор и бросился к дому. Увидев на веранде Холмата и Анвару, остановился.

— Не успел я, да? Уже похоронили? — дрожащим голосом спросил он. — Ой, Дильдар мон, на кого же ты меня покинула?..

— Замолчите! — резко сказала Анвара, с трудом опознав в человеке, покрытом слоем пыли, Агзама. — Вам лучше не заходить в этот дом. Катитесь туда, откуда явились!

Агзам отступил на шаг, будто его толкнули в грудь. Он был ошеломлен дерзостью Анвары и не находил слов. С трудом подавил в себе гнев.

— Дайте мне взглянуть в последний раз на мою Дильдар.

Агзам был жалок. Его голос был слаб и дрожал. Анваре показалось, что этот джигит, из которого выжать слезу то же самое, что выжать воду из камня, плачет. В ней вдруг проснулась жалость к нему.

— Ладно, зайдите, — сказала она.

Холмат, не желая, чтобы Агзам подал ему руку, отвернулся. Агзам прошел в комнату. За ним вошла Анвара.

Врач только что сделала Дильдар укол. Потом подала таблетку и в пиалушку налила чаю, чтобы запить. Услышав в прихожей шаги, Дильдар медленно повернула голову и увидела Агзама. Она целую минуту молчала, прежде чем поняла, что не бредит. Агзам прислонился плечом к косяку и расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки. Увидев устремленный на него презрительный взгляд Дильдар, он растерялся. «Слава аллаху, жива», — подумал он, не зная, как быть. Все сейчас зависит от первого слова, произнесенного Дильдар. Если скажет: «Здравствуй, добро пожаловать», — он подойдет к ней, погладит ее волосы и, может, даже попросит прощения. Но она молчит. Чересчур долго молчит. Не рада его приходу?.. Рада. Можно ли не радоваться, если муж вернулся домой. Еще как рада. Только не хочет при этих, при посторонних, выказывать своей радости. Ишь ты, горячкой делалась...

— Уходи! — еле слышно произнесла Дильдар, словно просто-начала.

Агзам не поверил своим ушам. Скорее всего, он ослышался. Виновато улыбаясь, он шагнул к ее постели.

— Уходи! — повторила Дильдар громче и требовательнее и отвернулась к стенке.

Ее густые волнистые волосы рассыпались и, скользнув по подушке, черным водопадом упали на пол.

— Ты что?.. Ты что болтаешь? — выпалил Агзам, вытаращив глаза. — Потом будешь каяться. Не посмотрю на твои слезы...

К Агзаму сзади подошла Анвара, постучала согнутым пальцем в его спину, словно в дверь:

— Слышал, что тебе сказали?.. Освободи помещение. Больной нужен воздух, а от тебя водкой разит.

— Что-о? Ты с какой стати здесь хозяйничаешь? Жена, что ли, ты мне?

— Убирайся! — резко сказала Анвара.

— Вот как? Я кровь проливал на войне! В огне горел! А меня из моего же дома?..

— Валяй, валяй и не повышай голоса, — приговаривала Анвара, потихоньку выталкивая Агзема из комнаты. — Ну так что, если ты воевал? У нас тоже здесь не халва была. Вот этот парень тоже прибыл из тех же мест, где ты был, а ведет себя иначе, — Анвара кивнула на Холмата, сидевшего на перильце веранды. — А некоторые наши джигиты и сейчас воюют с самураями, а кто вернулся, те трудятся на совесть. Ты же себе все тепленькое местечко ищешь! Таким, наверное, и на фронте был...

— Ну, ты моих фронтовых заслуг не трогай! А то не посмотрю, что ты председатель! Вот и командуй такими, как твой Холмат. А мне начхать на ваш колхоз! Я себе кусок хлеба всюду найду.

Холмат сплюнул окурок и, спрыгнув с перильца, вплотную подошел к Агзаму.

— Не заносись, «герой», — процедил он сквозь зубы, пронизывая его взглядом. — Ты не ребенок, чтобы тебя учить выбирать слова.

Анвара забеспокоилась, что сейчас между ними может произойти бог весть что, протиснувшись между ними, растолкала их в разные стороны.

— Я вижу, вы все тут сговорились против меня, — сказал Агзам, заставляя себя саркастически улыбаться. — Вас заедает, что я не хочу перед вами на задних лапках ходить. Я не из тех, кто пятки лижет, а из тех, кому лижут.

Холмат, отстранив руку Анвары, резко шагнул к нему. Агзам торопливо сбежал по ступенькам. Широкими быстрыми шагами пересек двор, с силой рванул на себя калитку — зашаталась вся изгородь. Сел на мотоцикл и помчался в степь, еще пустынную в эту раннюю пору.

Анвара обеспокоенно проговорила:

— Он пьян. Как бы не свернул себе шею.

— Мне таких не жалко, — сказал Холмат.

— Человек все же...

— Потому что о двух ногах и о двух руках, что ли? Человек ежечасно своей жизнью должен доказывать, что он человек. Можно ли человеком называть того, кто, имея человеческий облик, поступает бесчеловечно?

Треск мотоцикла быстро удалялся и наконец стих вовсе. Где-то на окраине запел петух. В соседнем дворе кто-то громыхнул подойником. Над голубоватой степью показался малиновый краешек солнца и мазнул зоревой краской края шиферных крыш, макушки молодых деревьев. И тотчас на ветках проснулись и зачирикали воробьи. Из степного простора прилетел ветер, пахнувший поспевающими дынями и обильно политой землей.

— Будь добр, разбуди моего шофера, — с улыбкой сказала

Анвара.— А я зайду попрощаюсь с Дильдар. Думаю, раз ты здесь, я могу быть спокойна за свою подружку?

Холмат, не глядя на нее, кивнул и направился к машине.

— Э-эй, язъяванцы-ы-ы! — послышался зычный голос Абдулды-крикуна.— Всем собраться на гузаре-е!..

Шофер от этого крика вздрогнул и, вскочив, стал озираться, протирая глаза.

— Доброе утро! — приветствовал его Холмат.— Заводи машину. Сейчас ваш председатель выйдет.

Он помахал рукой появившейся в дверях Анваре и быстро зашагал к гузару, где, наверно, уже давно его дожидается Меливай-ака.

Часть вторая

I

Уже созрели дыни, впервые посаженные нынешней весной на этой земле.

Пожелтела под палящим солнцем трава в той части Язъяванской степи, куда еще не дошла вода из канала, сухо шуршит под ногами, словно бумажная... Лишь на просторах Наймана зеленеет камыш. Много скосили того камыша и распыхали землю, где он рос, а все же сотни и сотни гектаров земли все еще покрыты им, растущим прямо из воды. Немало надо потрудиться людям, чтобы осушить эту плодородную землю и посадить на ней сады, посеять хлопок, взрастить рис...

Когда оглядывать Язъяванскую степь, невольно хочется опровергнуть утверждение философов о том, что во вселенной царит гармония. Где же гармония, если огромное пространство степи изнывает от жажды? Здесь даже малейшие брызги дождя вызывают из потрескавшейся земли зеленые искры травинки, чтобы они тут же гибли под жгучими лучами солнца. А в другом конце этой же степи необъятные просторы заболочены и поросли камышом. Нет, видно, тот, кто создавал природу, иной раз слишком торопился и не всегда его расчеты были верны. Эти ошибки исправляет человек. Только он, человек, вмешавшись в устройство природы, внесет в нее гармонию. Доказательство этому — Язъяванская степь: в пустыню постепенно приходит вода, а болота осушаются...

Деревья, посаженные по краям улиц Наймана, макушками уже достигали крыш, свободно раскинули ветвистые кроны, и люди теперь могут укрыться под ними от полуденной жары. Вольготно среди густой листвы птицам. Здесь они без опаски могут резвиться и петь сколько угодно. Это на огородах и виноградниках им не дают покоя. На приусадебных участках стоят страшные пугала: не то рваный чапан надет на крестовину и сверху нахлобучена мохнатая шапка, не то живой человек стоит пошатываясь, не разберешь. Все же лучше держаться от этого пугала подальше...

Весь день не умолкают пичуги в садах. Угоманиваются лишь к вечеру. И становится слышно тарактеные арбы, едущей где-то в степи, монотонное постукивание водокачки, издавелека отчетливо доносятся голоса колхозников, возвращающихся с поля. Вот призывно промычал в соседнем дворе теленок, отнятый от вымени матери, и женщина закричала, ругая корову, должно быть опрокинувшую ведро. Вечером воздух густеет, а роса промывает его дочиста. Поэтому любой звук в степи в этот час отчетливо разносится далеко-далеко...

Когда дневную жару сменяет прохлада, приятно посидеть на супе под открытым небом. День уже уступил место ночи, а ночь еще не успела прийти, бежит, наверно, по степи, запыхалась. Небосвод в той стороне, где опустилось солнце, становится алым, будто разлился по нему сок переспелого арбуза, потом начинает постепенно желтеть, и в этот момент всякий раз почему-то с бахчей наплывает сладковатый запах дынь. И только когда все небо становится лиловым, на нем ночь зажигает светила. В зависимости от цвета неба постройки Наймана тоже бывают то красными, то желтыми и, наконец, погружаются в лиловые сумерки. И почти одновременно со звездами на улицах поселка зажигаются электрические огни, один за другим всыхивают квадраты окон в домах. Из летних кухонь доносятся шипение подогретого масла, и густой пряный запах жареного лука, моркови растекается всюду. Из степи в этот час доносятся время от времени призывное квохтанье куропаток и неумолчный стрекот кузнечиков.

Жена Низамджана, Зебихон, знает, как любит свекор посидеть в такое время во дворе, дожидаясь восхода луны. Заранее стелет она на супу рогожу, а поверх нее мягкий палас. Сама отправляется на кухню готовить ужин.

Икрамджан, укутав годовалого внука в чапан, выносит его из дому. Отвязав протез от горящего — словно в жар опустили — бедра, поудобнее располагается на супе, усаживает мальчика на колени. Начинает рассказывать ему сказку. Малыш затихает, слушает. Едва дед умолкнет, он лопочет что-то и дергает его за бороду. Смышленный у Икрамджана внук. Старик уверен, что он понимает каждое его слово. Вскоре ребенок засыпает. Старик сидит недвижимо, боясь разбудить его, прижимая к груди и чувствуя, как тепло его старого сердца передается этому крохотному существу.

Сосед, балагур Тулянбай, привык видеть Икрамджана на этом месте и назвал супу «престолом Икрама». Когда вечером Икрамджан направляется к супе с чайником чая, Тулянбай, смеясь, говорит: «Харун-аль-Рашид восходит на престол». Когда же Икрамджан идет туда с внуком, замечает: «Его величество приучают к престолу царевича». Икрамджан усмехается про себя, но не возражает. «Что ж, царь так царь. И супа, наверно, не обижается, когда ее называют престолом...»

Но вот уже несколько дней кряду престол «его величества»

пустует. Тулянбай, проходя мимо, всякий раз удивляется, куда это запропастился сосед. И сегодня, возвращаясь с бахчи, где собирал дыни, чтобы завтра с утра на базар отправиться, подошел к низкому дувалу, заглянул во двор. Обрадовался, увидев Икрамджана с внуком на месте. А то словно чего-то не хватает ему все эти дни.

— Где это ты пропадал? — спросил Тулянбай, отворяя калитку. — Без тебя ровно бы опустел Найман.

Икрамджан показал на место рядом с собой. Тулянбай опустил кетмень на землю, сел на край супы.

— Как дела? — спросил Икрамджан.

— Дела как сажа бела.

— Отмыть, и станут, значит, серебряными?

— Может, и золотыми, да легко не отмываются.

— Что же так?

— Ночью хлопчатник на моем участке залило водой. Хорошо, что я как раз был там, а то смыло бы все с корнем... Гляжу, вода разлилась по полю. Не пойму, откуда она. Бросился к каналу — берега целы. Я туда, я сюда, заметался, не знаю, что и делать. Стал кричать, людей на помощь звать. Потом гляжу — прямо из-под земли вода бьет, бурлит. Я давай траву кетменем рубить, захивать в дыру — не помогает, дыра еще шире становится. Люди прибежали, кто-то на дне канала промоину нашел. С трудом законотатили... И что ты думаешь?.. — Тулянбай сплюнул от досады. — Оказывается, на канале крысы завелись. Каждая величиной с кошку. Клянусь, не вру, сам видел. Под каналом роют норы, окаянные. А вода через те норы и прорывается на поле.

— Да-а... — задумчиво проговорил Икрамджан. — Слышал я, что у наших соседей, в Язъяване, то же самое... Эти твари в поисках пищи перебираются с одной стороны канала на другую, вот и копают сквозные норы...

— Меливай-ака назначил премию за истребление крыс. Принесешь их десяток — получай мешок муки, за пятнадцать — козу. Надо сказать Тоге, — может, и мы у них переняли бы? Иначе ведь нет спасу.

— Я поговорю с ним, — пообещал Икрамджан.

Помолчали. Икрамджан обычно заводил разговор о колхозных делах, расспрашивал, дружно ли раскрывается хлопок на участках, привезли ли в магазин керосину и спичек или другой мелочи, без которой в хозяйстве не обойтись. Тулянбай мозговал, что на этот раз заинтересует заместителя председателя колхоза, прикидывал в уме, что идет у них ладно, а какое дело требует личного его, Икрамджана, вмешательства. Но приятель молчал, вздыхал иногда и ерзал, будто ему неудобно было сидеть. Брови у него были насуплены, а взгляд задумчив.

— В чем дело, дружище? Вроде бы не в себе ты? — спросил Тулянбай.

Прилетел прохладный ветерок, зашелестел листьями. Икрамджан плотнее укутал внука, уснувшего у него на руках.

— Был на тое в Куве... Но не радостью и весельем усладил себя. Наоборот, сердце будто камнем придавили...

— Что за свадьба такая?

— Ты знаешь Махбубу? До войны была секретарем сельсовета у нас.

— Как не знать. Муж ее на войне погиб. Сколько раз видел бедняжку, все время в черном...

— Ты верно заметил, траурного платья она не снимала. И сама почернела от горя, в головешку превратилась... А на днях захожу я в правление к Тога — она у него в кабинете сидит. В белом. Белое шелковое платье, белые туфли. «Слава аллаху. — подумал я. — Ведь чуть было не стореда от горя. Видно, пришла в себя. В тоске век не проживешь, жизнь дадена, чтобы жить...» Обернулась ко мне Махбубахон, поздоровалась, а у самой глаза красные и у щеки платочек придерживает. Встревожился я за нее, хотел о здоровье спросить, а Тога говорит весело этак:

«Вот и Икрамджан пришел, он тебе не чужой, за родного дядю его можешь считать. Так что, доченька, об этом не беспокойся... Ты молода, жизнь у тебя впереди, и я даю тебе благословение. Что касается расходов — поможем». — «Благодарю вас, Раимберди-тога, — говорит Махбуба. — Вы мне словно отец. У меня, кроме вас, никого нет...» Тога встал из-за стола, погладил ее по голове. «Ну вот и хорошо, дочка, — успокаивает ее. — Меня считай за отца, а Икрамджана за дядю. Главное, чтобы человек, которого избрало твое сердце, был достойным тебя. Ладно, ступай. Завтра воскресенье, на завтра и наметим той. Женщины приедут к тебе утром, помогут кой в чем... А мы с Икрамджаном приедем вечером...» Она ушла. Тога опустил в свое кресло и долго сидел нахмурившись и нервно стучал о стол пальцами. Потом и говорит мне: «Гляди-ка, какое положение у бедняжки... Три года чтит память мужа, поминки по нему справляла, а нынче, кажется, потянулась сердцем к кому-то. А посоветоваться — у нее ни брата, ни сестренки. Ко мне пришла... Нам с тобой придется помочь ей справить хорошую свадьбу. Как считаешь?» — «Конечно, — говорю ему. — Как скажешь, так и сделаем. Давай поедем на той, на жениха поглядим. Ведь говорят же, помочь безродному человеку важнее, чем занять трон Сулеймана. А Махбубу мы с детства знаем, она нам и в самом деле как родная...»

Утром Тога, как и обещал, отправил в Куву женщин. Машину им дал. С ними послал барана и полмешка риса. Мы с ним днем поработали, а вечером тоже отправились на той. В сельпо купил невесте отрез на платье, жениху на костюм. Приезжаем — той уже в разгаре. Сам знаешь, кувинцы — народ хлебосольный: что имеют, все на дастархан выставляют... Гляжу, свадьбу молодожены по-новому справляют, по-современному: и жених и невеста сидят за столом на почетном месте среди гостей. Что ж, по-новому так

по-новому. И для нас место нашлось, и нам рюмки наполнили. Тога взял рюмку, поднялся, пожелал жениху и невесте большого счастья в жизни. А я гляжу на жениха и никак не могу вспомнить, где же я его видел. Потом узнал и поверить не могу! Кто это был, ты думаешь?.. Агзам, брат Низама!..

— Агзам? — изумился Тулянбай. — У него же есть жена! И сын, кажется, имеется.

— В том-то и дело. Не знаю, как я усидел на месте. И Тоге сказать об этом не решаюсь...

— А отец, сестра жениха были?

— Не видел. Наверно, он их тоже не оповестил...

— Но ведь совсем недавно мне Низамджан говорил, что его брат с семьей переехал в Язъяван.

— Выходит, сбежал от семьи. А может, сейчас решил второй женой обзавестись... Скажу откровенно, меня так и подмывало вскочить и опозорить его при всем честном народе. Но пришлось задушить шайтана в себе. Не его, не жениха, мне было жаль, а Махбубу. Не смог я омрачить этот ее светлый день. А сейчас жалею: что, если не день, а вся жизнь теперь для нее станет мукой?.. Ведь могла же она украсить дом, осчастливить достойного джигита... Еще я горюю, что ни я, ни Тога хорошенько не расспросили у Махбубы в свое время, кто ее жених. А она ведь к нам за советом приходила. Надавали подарков, наговорили приятных слов: «Ты для нас как дочь родная!..» А приди к нам дочь да скажи, что решила свадьбу играть, разве не вникли бы мы поглубже в суть дела?.. Вот и выходит, что человеческое отношение, душевность дороже всяких подарков.

— Выходит, дороже, — согласился Тулянбай и вздохнул. — Низамджан знает?

— Наверно, нет. Он еще не вернулся с работы...

— А Тога?..

— Не сказал я ему. Как скажешь?.. Шепнул ему на ухо, что мне, мол, нездоровится, не уйти ли нам? Он согласился. Но сперва подошел к невесте с женихом, поздравил их еще раз. Пожал Агзаму руку, обнял его и говорит: «Вручаю свою дочку тебе, батыр, береги ее как зеницу ока». С тем мы и ушли. Едем, а по пути Тога мне и говорит: «Кажется, славный джигит. На фронте побывал парень. Оба хлебнули горя немало, подходят друг другу. Дай аллах им состариться вместе. Есть, значит, все-таки счастье у Махбубахон».

Из кухни вышла Зебихон и подошла к супе. Она взяла у Икрамджана ребенка и позвала отца и Тулянбая ужинать.

— Как же мы без Низамджана-то, а?.. — сказал Икрамджан.

— Ничего, поешьте, пока горячес. Он приедет, — я подогрею. Он еще в обед поехал в Зирилляму, наверное скоро вернется.

— Что же ты приготовила сегодня? — поинтересовался Тулянбай.

— Чучвару. Такую, что пальчики оближете.

— Ладно. Мне известно, что ты славно готовишь. По-моему,

если ты из золы приготовишь что-нибудь, и то будет вкусно, — посмеиваясь, заметил Тулянбай.

Зебихон засмеялась. На ее руках проснулся малыш. Обнаружив, что очутился на руках у матери, заплакал.

— К дедушке... Хочу к дедушке... — запричитал он, картавя.

Икрамджан пристегнул протез и поднялся. Лицо его сияло от удовольствия: еще бы, внук просится к нему! За несколько дней, пока он отсутствовал дома, малыш, видно, соскучился по нему.

— Иди ко мне, сынок, иди. — сказал он.

Старик взял внука на руки, и тот сразу успокоился, прижался лицом к его колючей щеке. Ласково прижимая внука к себе, Икрамджан направился к дому, с трудом передвигая затекшую ногу. Зебихон опередила его и включила на веранде свет.

На небе звезды одна за другой размыкали веки, загорались...

II

До рассвета еще далеко.

Позолоченный диск луны вот-вот скроется за барханами. Днем эти барханы раскалятся, словно жар, и ветер, прилетающий оттуда, обжигает кожу. А сейчас легкое дуновение ветерка, впорхнувшего в окно, заставляет ежиться от прохлады и кутаться в одеяло. И пески успели остыть, и холмы остыли.

Дильдар проснулась в полночь. В окно засмотрелась луна. Не она ли растрожила душу Дильдар, навеяла волнующий сон?

Приснилось ей, будто идет она через густые тугаи. Руки в кровь изрезала, камыш раздвигая. А куда идет, сама не знает. Пути не видно. Лишь голубеет клочок неба над головой да густые заросли обступили ее со всех сторон. Заблудилась Дильдар. В камышах шакалы рыскают, кабаны хрюкают, бегут куда-то. Страх объял женщину. Вдруг увидела вокруг себя дым. Хотела бежать, да некуда. Всюду огонь. Горят тугаи. Звери мечутся, птицы, не успев взлететь, падают. Густой дым обволок Дильдар, стало нечем дышать. И вдруг... кто-то подхватил ее на руки, словно на крыльях пронес над огнем. Всмотрелась, а это Холмат. Обвила руками его шею, приникла к нему. Рук разомкнуть не хочется. И не разомкнула бы, если б не проснулась...

В доме тишина. А луна на ее постель свет золотистый пролила. Подшутила над женщиной. У нее до сих пор все еще сердце никак не успокоится, бьется, будто птица в силке. Что же это с ней творится-то? Почему так разволновалась? Еще не случалось с ней такого... Помнится, еще в юности Низамджан говорил ей такие слова, признаваясь в любви, каких поэты не придумают, а ее они только смешили. Смеялась Дильдар, огорчая этим Низамджана... А потом вышла замуж. Казалось, полюбила Агзана с первой встречи. И так сильно, что позабыла на мгновение Низамджана, забыла обо всем на свете, и душа и тело ее сделались покорными человеку, прибывшему с фронта всего на несколько дней. А после того, что произошло,

не могла не выйти за него... Но когда муж целовал ее, она почему-то оставалась спокойной. После его поцелуев ей даже хотелось вытереть губы. Грешно думать про то, но, находясь с ним в постели, она часто думала о Низамджане. Теперь, когда уже было поздно, она поняла, что, кажется, любила того паренька. И, наверно, больше не смеялась бы, слыша из его уст слова любви. Но, оказывается, женщина за минутное легкомыслие должна расплачиваться всю жизнь.

Кто-то из поэтов сказал, что, если человек любил, он больше полюбить не сможет. Почему же Дильдар так разволновал сегодняшний сон?.. Неужели ее сердце может вместить в себя еще одну любовь?..

Небо постепенно светлело, становясь молочно-белым, и месяц растворился на нем. Комната наполнилась матовым светом утра. Дильдар набросила на плечи камзол и вышла на веранду. Воздух был чист и прохладен, как ключевая вода. Дильдар себя чувствовала вполне здоровой, и сегодня, пожалуй, она выйдет на работу. О чем только она не передумала, пролежав эти дни в постели. Так можно с ума сойти. А работа ее отвлечет. Среди людей она себя всегда чувствует не столь одинокой. Спасибо Малике-ая — она каждый вечер приходит ночевать, присматривать за Азимджаном. Что бы без нее Дильдар делала? Шура забегает на часок-другой. На нее очень подействовала гибель брата. Дильдар за все эти дни ни разу не видела на ее лице улыбки. Но, видимо, она щадит Дильдар, не рассказывает о своем горе. Говорит о новостях, кинофильме, который недавно привозили в поселковый клуб, делится радостью, что у нее ладится работа на тракторе.

Малика-ая, с ранней весны до поздней осени предпочитавшая спать на свежем воздухе, всегда стелила себе на веранде. И Азимджана приучила спать во дворе. Теперь он наотрез отказывается ложиться в постель до прихода Малики-ая.

Старушка, покашляв, подняла голову.

— Детка, почему ты так рано встала? — спросила она и плотнее укрыла одеялом лежавшего с ней рядом Азимджана.

Дильдар присела рядом с ней на курпачу.

— Тетушка, вы умеете разгадывать сны?

— Погоди, милая, сон не полагается рассказывать до тех пор, пока в доме не зажжется огонь, — сказала Малика-ая, пошарив в кармане камзола, достала спички, зажгла, подождала, пока она сгорит вся, тогда потребовала: — Теперь выкладывай.

Дильдар неторопливо рассказала, что ей приснилось.

Старуха села, подоткнула вокруг себя одеяло. Положив сморщенную ладонь на руку Дильдар, сказала, в упор глядя на нее:

— Скажу прямо, черный дым, который ты видела, — недобрый знак. Ушел от тебя муж, будь он неладен. И незачем горевать о таком. Ты молода и красива, еще найдешь свое счастье и своего избранника осчастливишь...

— Что вы, тетушка! Кто возьмет меня?..

— Вай, глупенькая, вай, несмышленная!.. Скажи правду, хочешь замуж? Найти тебе мужа?.. Впрочем, для таких, как ты, мужей не ищут. Он сам придет к твоим стопам.

Дильдар тихо засмеялась.

— Кто же он, тетушка? Кому я нужна?

— Кому нужна, говоришь? — Старуха хитро прищурилась. — А кого ты видела во сне? Это неспроста, попомни мое слово. Привиделось тебе, что Холматджач тебя на руках носил, так и будет носить всю жизнь. Уж поверь мне, я сны разгадывать умею.

Небо голубело. В соседнем дворе кто-то начал колоть дрова. По улице чей-то мальчишка, властно покрикивая, гнал в поле пастись небольшое стадо овец.

— Эх, пора и мне разжечь очаг, — сказала Малика-ая, поднимаясь. — А ты, милая, ступай полежи, тебе еще рано вставать.

— Что вы, тетушка, я хочу сегодня выйти на работу. Шура, наверно, без меня замаялась...

— Холматджан давеча хвалил ее, сказал, что она неплохо справляется.

— Вот и хорошо. А вдвоем будет легче.

Дильдар зашла в комнату. Оделась и стала прибирать постель. Кто-то постучал в калитку. Оказывается, нанвай привез на арбе лепешки. Вынув из фанерного ящика четыре пышных лепешки, отдал Малике-ая.

Потом Малика-ая разбудила Азимджана и одела его. А Дильдар направилась к гузару, надеясь узнать, на каком участке сегодня работает Шура. На улице уже было людно. Встречные здоровались с Дильдар, спрашивали о ее самочувствии. Некоторые были ей незнакомы, а ее, оказывается, знали. Вот так живешь и не ведешь, что можешь кого-то интересоваться, а, оказывается, весь ты на виду.

На сури перед чайханой сидели мужчины. Они пили чай и слушали последние известия по радио. Среди них Дильдар увидела Холмата. Почему-то смутилась, сделала вид, что не заметила его, однако невольно замедлила шаги, обернулась. Холмат подошел к ней. Сказал, что ей надо бы полежать еще денька два, мол, так велел врач. Но, видя, что Дильдар не отговорить, объяснил, как пройти на участок, на который Шура вчера перевела трактор. Дильдар, не глядя на него, кивнула и быстро зашагала по дороге. Она чувствовала, что Холмат все еще стоит и смотрит ей вслед. С трудом заставила себя не оглянуться.

Дильдар издали услышала рокот своего трактора. Она уже узнавала его по «голосу». Значит, Шура уже работает, встала еще раньше, чем Дильдар.

Перепрыгнув через арык, вдоль которого росли молодые шелковицы, Дильдар вышла на хлопковое поле и, крикнув: «Шура-а...», замахала руками. Девушка заметила ее. Привстав на сиденье, тоже поприветствовала рукой.

Шура подъехала к краю поля, где стояла Дильдар, и прыгнула

на землю. Подбежав, обняла ее. И кажется, впервые за эти дни она улыбнулась.

— Как я рада, что ты уже поправилась! — сказала она.

— Я вижу, ты стала заправской трактористкой! — воскликнула Дильдар, оглядывая часть поля, обработанную Шурой.

— Мне помогал Холмат-ака, спасибо ему... Ты пока поработай, а я сбегая разыщу заведующего мастерскими. Как не напомнишь ему, забывает, что надо подвезти керосин. Сегодня утром я из бочки последние капли слила в бак, на час хватит, не более...

Дильдар кивнула, села на трактор. Утренний ветерок дул навстречу, гладил лицо, заигрывал с концами косынки, которой она повязала голову. Трактор был послушен ей, подчинялся малейшему повороту руля. Говорят, такими смиренными становятся даже дикие кони, когда чувствуют опытную руку наездника. Над грядками хлопчатника, по которым она только что проехала, нависла тонкая кисея пыли. Кусты чуть заметно раскачивались, словно кивали, благодаря Дильдар за то, что она взрыхлила усохшую почву, на которой они произрастали, и стало свободнее дышать их корням. Завтра по неглубоким канавкам, проложенным между рядками, медленными струйками потечет вода, напоит землю, возьется силою в хлопчатник. Впереди, прямо из-под колес, вылетел фазан, алый, будто осколок самой зари. Красавица птица летела низко, едва касаясь огненным брюхом макушек кустов, постепенно превратилась в точку и очутилась на другом конце поля.

Оранжевый круг солнца, будто воздушный шар, вырвавшийся из рук ребенка, медленно взмывал к небу, постепенно раскалялся, обретая золотистый цвет, развеял розовый туман, заставший горизонт, согнал с полей прохладу. Лицо Дильдар покрылось бисеринками пота, и ей то и дело приходилось утираться рукавом. Но, не смотря на это, Дильдар в себе чувствовала необыкновенную легкость. Недаром говорят, что если горе — камень, привязанный к шее, то радость — неожиданно обретенные крылья. Горе придавливает вниз, к земле, а радость возвышает, поднимает к самому небу. Сегодня Дильдар отбросила привязанный к шее тяжелый камень, расправила крылья.

Вся окрестность проглядывается до самого горизонта, подернутого голубоватой дымкой. Воздух прозрачен, как стекло. Он таким становится, когда на землю падает кожура первых съеденных дынь. Вода в арыках делается чистой и холодной. Саратан — самая жаркая пора лета — идет на убыль, и деревья, и травы, вся природа приобретают своеобразную прелесть. Дильдар давно позабыла о таких преображениях природы. А ныне при виде всего этого ею вновь овладело волнение, будто она слышала чудную песню.

Шура оказалась права: горючего хватило минут на сорок. Дильдар выключила мотор. И сразу услышала, как в поднебесье прямо над нею заливается жаворонок. Встала и, заслонившись рукой от солнца, посмотрела на дорогу, не видно ли арбы, на которой должны привезти бочку с горючим. Подосадовала, что из-за нерадивости за-

ведущего мастерскими придется невесть сколько времени просто-
ять. Она спрыгнула в междурядье и направилась к шелковицам, по-
саженным плотно одна к другой, которые, возвышаясь зелеными
кудрявыми полосами, делили поле на карты. Деревья уже разрос-
лись и давали густую тень. Приблизившись, она спугнула стайку
дроздов, склевывавших сухие ягоды шелковицы.

Вода в арыке была прозрачной, позванивала и рябилась от быст-
рого течения. Дно было устлано пестрой чешуей из серых, зеленова-
тых, белых камушков. Между камышами, потрескивая слюдяными
крылышками, летали стрекозы. Дильдар присела на берегу и, за-
черпывая воду ладшкой, ополоснула лицо. Вода терпко пахла мя-
той, густо росшей по обе стороны арыка. Когда ветер прилетал со
стороны соседнего участка, доносились голоса колхозниц.

Дильдар развязала принесенный из дому узелок. Вынув из него
кисть винограда, помыла в арыке, разломил на куски лепешку, пе-
рекусила. На соседнем дереве ворковала горлянка. Там, наверное,
было ее гнездо. Дильдар высыпала под дерево оставшиеся крошки.

Выбрав место попрохладнее, Дильдар легла. Кажется, после бо-
лезни она еще не собралась с силами: поработала всего около часа,
а устала, будто весь день не слезала с трактора. Неподалеку на шел-
ковице сидела сизоворонка. Красивая птица. Брюшко голубое с зе-
леноватым отливом, спинка светло-коричневая, сильный черный
клюв от жары полуоткрыт. Дильдар с детства всегда любовалась
этой птицей. И отец, зная это, однажды ей принес птенца сизоворон-
ки. Дильдар ласково называла его Сизорьком. Как Дильдар ни уха-
живала за птенцом, как ни ласкала, когда он подрос, улетел от нее.
После этого, где бы она ни увидела сизоворонку, ей всегда казалось,
что это ее Сизорек. А может, эта птица в самом деле ее Сизорек?

Сизоворонка внимательно глядела на поле. Вот она заметила
кузнечика. Вспорхнула и, затрещав «тра-тра-тра-тра», схватила
насекомое на лету.

На ярко-голубое шелковистое небо было больно смотреть. Диль-
дар закрыла глаза. Ей показалось, что откуда-то донесся топот кон-
ских копыт. Но сон, который ночью бежал от нее, вернулся к ней не
вовремя. Она не смогла разомкнуть склеившихся век — забылась.
Прохладный ветерок тоже, видно, прятался от горячих солнечных
лучей в тени шелковиц около арыка. Он приятно охлаждал ее потное
лицо, балуясь, залетал за ворот. Погромыхивала гулко земля — то
ли сердце ее так сильно билось, то ли по дороге кто-то во весь опор
гнал коня... Огромная сизоворонка села у ее изголовья, помахала
крылом, отгоняя зной. Нежным прикосновением смахнула с ее лба
капельки пота. Это же ее Сизорек!.. Она протянула к нему руки...
но тут поблизости раздалось громкое ржание и звяканье уздечки.
Дильдар открыла глаза и приподнялась на локте. Рядом, положив
ладонь на ее лоб, сидел на корточках Холмат.

— Извините, — сказал он смущенно и убрал руку. — Я испугал-
ся, что у вас опять жар.

Дильдар села, протерла глаза.

— Тема для фельетона, не правда ли? Трактор стоит посреди поля, а тракторист прохлаждается в тени... — сказала она, покраснев.

— У вас кончилось горючее. Сейчас привезу. Шура так пробрала завмастерскими, что с него только пух летел, — смеясь сообщил Холмат.

Его лошадь была привязана к дереву. Хвостом отгоняла от себя крупных зеленых мух, мотала головой, звеня уздечкой. Затем, фыркающая от удовольствия, влезла по брюхо в арык и стала пить воду, шумно всасывая ее сквозь зубы.

— Трактор в порядке? — спросил Холмат.

— Мне показалось, что не полностью включается сцепление...

Холмат внимательно посмотрел на Дильдар, улыбнулся:

— А вы постепенно становитесь прекрасным трактористом, раз это заметили. Я только что проверил и исправил.

— Спасибо.

Холмат достал из переметной сумы крупную дыню. Сев на траву рядом с Дильдар, разрезал дыню на длинные дольки.

— Как она пахнет! — сказала Дильдар и проглотила слюну.

— Правда, удивительно, что этот запах и эту сладость она берет из земли?

— Действительно странно... Земля ведь безвкусная и не имеет запаха...

Холмат счистил ножом с ломтика семена и протянул Дильдар:

— Попробуйте. Этим богатством земля платит тем, кто на ней трудится.

— Представляю, какой сделается наша земля, когда мы оросим всю пустыню!

— И оросили бы. Если бы хватило воды. Но в наших реках ее так мало, что приходится дорожить каждой каплей...

— Мало? А Сырдарья? А Амударья? По ним даже суда плавают! Взяли бы да провели от них каналы во все стороны.

— Верно. Но на горьком опыте человек убедился, что нельзя попросту, не обдумав, не рассчитав заранее, вмешиваться в установленный природою порядок. Случалось, что человек пытался проложить дорогу в непроходимых горах, а от скал отрывались громадные обломки и разрушали его хижину. Он прокапывал русло для канала — и пересыхал его колодец, обрекая его скот и его семью на жажду. Так бывало не раз. И никто не мог сказать, что можно и чего нельзя... Все явления в природе взаимосвязаны. К любому из них человек должен приступать, лишь зная его сущность и принимая в расчет все возможные последствия. Иначе можно нашей земле причинить роковой, невозместимый ущерб. А у нас ведь она одна.

— Откуда вы это знаете, Холмат-ака? — спросила Дильдар и, поджав колени, обхватила их руками.

— Я когда-то, еще в юности, глядя на нашу степь, мечтал поступить в ирригационный институт. Хотелось что-нибудь придум-

мать, чтобы здесь появился еще один оазис... — сказал Холмат и задумчиво добавил: — Война помешала... Но, оказывается, не я один об этом думал. Видите, какой становится наша степь...

— И от этого ни у кого не высохнет... колодец? — спросила Дильдар с улыбкой.

— В наших колодцах воды прибудет, — в тон ей ответил Холмат. — Но, к сожалению, мы очень много воды забираем из Сырдарьи и Амударьи, они постепенно мелеют...

— Ой, что же будет, если эти реки высохнут?

Холмат помолчал, рисуя черенком плетки замысловатые фигуры на земле. Потом прищелкнул пальцами и восхищенно сказал:

— Вы знаете, недавно в Ташкенте инженер Давыдов разработал интересный проект! Он считает, что одна из самых грубых «ошибок творения» находится к востоку от Уральских гор... Обь, полноводнейшая река нашей страны, берет начало в Алтайских горах и течет на север, впадает в Северный Ледовитый океан. Ее вода пропадает впустую. А к югу от нее и к западу от Тургайской долины простираются безжизненные пустыни: это Голодная степь и пески Каракумы... Инженер Давыдов предлагает переродить Обь земляной плотной и повернуть ее туда, где она нужнее.

— Ой, можно ли?.. — изумилась Дильдар.

— Оказывается, реки Сибири не всегда текли на север. Когда-то, в незапамятные времена, Обь текла на юго-запад. Но позже тектонические сдвиги подняли Тургайскую долину, которая преградила ей дорогу. Если проект Давыдова будет осуществлен, Обь потечет по своему древнему руслу в Аральское море.

— Это так необычно, что трудно вообразить.

— Главное, осуществимо... На север потечет всего одна девятая часть обской воды. Для судоходства этого будет достаточно. За десять — пятнадцать лет возникнет Сибирское море — огромное водохранилище, с поверхностью большей, чем Великобритания. И станет возможным прямой водный путь от Северного Ледовитого океана до самого нашего Аральского моря. А это море в свою очередь можно соединить каналом с Каспийским морем!

Дильдар хлопнула в ладоши и засмеялась:

— Это уже ваш проект, Холмат-ака?

— А что? Если никто не догадается соединить Арал и Каспий, я сам разработаю такой проект, — с улыбкой сказал Холмат, но взгляд его оставался серьезным. — Представьте, как тогда преобразится весь наш край!.. Новые гидроэлектростанции обеспечат дешевой электроэнергией всю Западную Сибирь и Среднюю Азию. И мы тогда не беспокоились бы, что спустя два-три десятилетия высохнут главные реки Средней Азии — Амударья и Сырдарья. Изменился бы и климат. Вода, в огромном количестве испаряющаяся с зеркала Сибирского моря, сады, леса, которые покроют бывшие пустыни, смягчат климат, увеличат количество осадков. И не исключено, что даже в Сибири будут произрастать апельсины...

— Мой папа считает, что менять что-либо в природе может только аллах.

— Значит, человек и есть аллах, — смеясь сказал Холмат.

— Вы мечтатель, Холмат-ака.

— Главное — стремиться мечту свою осуществить. Правда, я мечтатель малого масштаба. Жаль, что мне не довелось учиться. Я теперь ограничиваю свои «проекты» нашим поселком и этой степью... Но есть мечтатели, благодаря которым преобразуется вся наша планета.

— Вы передо мной нарисовали такую картину, которая только во сне может присниться...

— Эх, Дильдархон, не будь этой проклятой войны, сколько бы мы уже успели сделать, — сказал Холмат и в сердцах ударил черепком плетки о голенище.

Дильдархон понравилось, что Холмат прибавил к ее имени ласковое окончание «хон». Ей хотелось, чтобы он и впредь называл ее так. Она искоса взглянула на него, улыбнулась.

— А знаете, Дильдархон, я ведь тоже вас видел сегодня во сне, — неожиданно сказал он, в упор глядя на нее.

— Почему... тоже? — спросила Дильдархон и тут же догадалась, что, видимо, Малика-ая разболтала Холмату о сегодняшнем их разговоре, и густо покраснела.

Столько времени они сидели рядом, просто беседуя, и ни Дильдархон, ни Холмат не испытывали неловкости. А тут вдруг горячей волной ее захлестнул стыд, что они сидят так близко, едва плечами не касаясь друг друга. Поспешно отодвинулась. Холмат взял ее за руку и не отводил глаз. Дильдархон быстро встала, пыталась свободной рукой разомкнуть его пальцы, освободить больно стиснутую кисть. Холмат тоже встал.

— Дильдархон, я не во сне, наяву буду носить тебя на руках, — сказал он сдавленным от волнения голосом.

Женщина опустила голову, чувствуя, как начинают постукивать молоточки в висках, а дыхание становится все глубже, словно не хватает воздуха. Холмат потянул ее за руку, и она покорно шагнула. Он обхватил ее за талию, прижав к себе, стал осыпать поцелуями ее щеки, шею, глаза, на которых выступили слезы.

Дильдархон, словно бы опомнившись, вдруг уперлась руками в его грудь и сильно оттолкнула.

— Не надо!.. — простонала она. — Оставьте меня!..

Холмат отступил на несколько шагов. Затем резко повернулся и побежал к лошади. Отвязав ее, прыгнул в седло. Лошадь привстала на дыбы и рванулась. Она летела легко, словно птица. Седок припал к ее гриве. Клубящийся хвост пыли оставался далеко позади, постепенно редел, оседая на дорогу и придорожную траву. А Дильдархон стояла, прижав ладони к горящим щекам, и не сводила с всадника глаз. Вот он превратился в точку и вскоре исчез на горизонте. Ее внимание привлекло тарыхтение арбы. Дильдархон посмотрела в сторону Язъявана. По дороге от поселка ехала арба, погоняемая

завмастерскими. Рядом с ним сидела Шура. Дильдар подобрала платок, упавший с головы, помахала им, чтобы те поторопились, и направилась к трактору. Завмастерскими заметил ее знаки, хлестнул лошадь кнутом.

Дильдар подошла к трактору. Увидела вдруг, что кто-то мелом подновил надпись «Дильдар», которую она вывела на капоте в тот день, когда впервые выехала в поле.

А высоко над головой парил и вовсю заливался все тот же жаворонок. Радовался чему-то.

III

Возвратясь с работы, Дильдар застала Малику-ая у очага. Азимджан катал по двору вместо мяча консервную банку. Старуха была занята приготовлением ужина. Дильдар подошла к ней, с укоризной сказала:

— Я утром поделилась с вами, а вы тут же все выложили Холмату-ака.

— О чем ты, детка? — встревожилась старуха. — Может, он тебя обидел?

Дильдар пожала плечами. Пошла в дом, чтобы переодеться. Малика-ая позвала Азимджана на веранду есть, поставила перед ним тарелку с размазанной по ней кашей из маша и тыквы и тоже зашла в комнату.

— Детка, почему ты меня упрекаешь? — обратилась она к Дильдар. — Я просто сказала ему, какой ты видела сон и как его надо понимать.

— Ой, какой стыд...

— Ничего в этом нет стыдного. Долго ли ты будешь мыкаться одна? И он, бедняга, во сне обнимает подушку. Замечаю же я, по ком его душа тоскует. Извелся весь... В таких случаях положено, детка, чтобы вмешался кто-то третий. И тогда обе стороны обретут покой. Скажи, разве плохо я поступила?..

— Всеу свое время, тетушка.

— Ах, детка, если станешь дожидаться этого самого времени, волосы твои сделаются как хлопок, а спина согнется, будто коромысло. Разве не права я?

Дильдар молча переодевалась.

Азимджан, сидя на паласе, разбаловался и не собирался есть. Малика-ая выглянула в дверь, погрозила ему пальцем:

— Вот не будешь кушать, не поведу тебя гулять! Ешь, ешь быстрее. Кто любит такую кашу, быстро растет и становится сильным батыром.

Дильдар подошла к рукомойнику и стала умываться.

Малика-ая присела около малыша на корточки и, взяв деревянную ложку, стала сама кормить его. Мальчик глядел на нее, мигая круглыми черными глазенками, и не хотел глотать. Но бабушка еще и еще пихала ему в рот кашу, и волей-неволей приходилось проглатывать.

тывать. Когда тарелка опустела, он погладил живот: дескать, вот какой он стал круглый — и вздохнул.

Малика-ая сказала Дильдар:

— Я пообещала Азимджану, что поведу его к друзьям поиграть, если он съест все. Придется выполнять обещание. А ты тут как знаешь. Стирать ли будешь, приберешь ли в комнатах, самой виднее.

Старуха взяла Азимджана за руку, и они ушли. Дильдар осталась одна в доме.

Странный человек Малика-ая, словно ведунья. Она, кажется, умеет читать мысли, угадывать желания. И сейчас, видно, догадалась, что Дильдар хочется побыть одной, наедине со своими мыслями.

Сегодня между нею и Холматом произошло нечто такое, что должно в корне изменить их взаимоотношения. Какими они станут, зависит от решения Дильдар. С завтрашнего дня они станут еще более близкими друзьями или между ними проляжет холодок отчуждения. Но прежних отношений уже не будет. А какими они будут? Это зависит от Дильдар.

Она подошла к столбу веранды и, взявшись за него рукой, прислонилась к нему. По улице, возвращаясь с пастбища, степенно прошествовало стадо коров, и воздух сделался мутным от пыли.

«Неужели я такая слабовольная, что всякий раз бросаюсь в объятия первого попавшегося мужчины?» Дильдар часто приходила в голову такая мысль. В эти минуты она себя презирала. И сегодня она позволила Холмату обнять себя. Что он о ней подумает? К чему лицемерить перед самой собой, ей были приятны его поцелуи. Ей хотелось бы, чтобы они повторялись. Не единожды. Всегда.

Но Дильдар однажды горько поплатилась за то, что думала именно так. Может, и на сей раз ей только кажется, что этот человек мил ее сердцу? Как в тот раз, когда судьба свела ее с Агзамом в глухом саду. О аллах, она же дала себе слово не вспоминать его! Для нее больше нет Агзама. Особенно после того как третьего дня Малика-ая намеками да в иносказательной форме дала понять, что он обзавелся другой женой, он умер для нее. Она постарается больше даже не произносить его имени. Впрочем, Дильдар к этому известию отнеслась совершенно спокойно. Даже не удивилась. Наверно, предполагала, что в конце концов этим все и кончится. Только вскипела в душе ненависть к Агзаму за то, что вероломно разлучил ее с Низамджаном, лишил их обоих счастья, и тут же улеглась.

И вот на ее пути появился Холмат. В разные стороны они разойдутся или их дороги пролягут рядом? Эту трудную задачу должна разрешить Дильдар. Нет, не под силу это ей. Она может опять ошибиться. Говорят, слепец теряет свой посох всего однажды. Она себя ощущала слепцом, бредущим по незнакомой дороге.

Сгустились синие сумерки. Пахло горьковатым кизячным дымком. Дильдар, задумавшись, не заметила идущего по улице человека. И только когда отворилась калитка, она узнала Холмата. Маши-

нально положила руку на грудь, будто хотела успокоить сердце.

— Пришли... — еле слышно произнесла она.

— Пришел. — сказал он тихо.

— Проходите, — сказала она. — Сейчас подогрею чай...

Она подошла к очагу, сложенному из жженных кирпичей подле стены, палкой разгрела золу, под которой оказался малиновый жар, набросала щепок, и они тут же занялись голубоватым пламенем. Поставила закопченный чайдуш.

Холмат сел на палас, посланный на веранде. Поднимаясь по ступенькам, Дильдар заметила, что он улыбается. Ее будто кипятком ожгла эта улыбка.

— Чему ухмыляетесь? — спросила она. — Смеетесь, что потешились надо мной?

Улыбку с лица Холмата будто слизнуло ветром.

— Почему вы так, Дильдархон?.. Я не хотел вас обидеть... Не думайте, что я таю в себе дурные мысли... Я едва уйду от вас и тут же опять хочу вас видеть, честное слово. Наверно, уже надоел, да?..

— Нет, не надоели... — сказала тихо Дильдар. — Но, оказывается, бывают люди, которые думают одно, а говорят другое. Внешне они добрые, а нутро их наполнено ядом. Я боюсь...

— Я вас понимаю. Кто обжегся молоком, дует на воду... Но поверьте, Дильдархон, настоящий мужчина никогда не завоевывает сердце женщины обманом.

— Вы намерены... завоевать мое сердце?.. — с усмешкой спросила Дильдар.

— Я хочу, чтобы мы подали друг другу руки и никогда больше не расставались, — сказал Холмат, смутившись.

На очаге заклокотал чайдуш. Дильдар заварила чай в фарфоровом чайнике. Вернувшись на веранду, села рядом с Холматом. Налив чаю на донышко пиалы, протянула ему. Он сделал несколько глотков. Дильдар заметила, что пиала в его руке дрожит. Значит, он волнуется. Ей вдруг захотелось взять его большие руки в свои и приложить к щекам, взглядеться в его глаза, в самое их донышко, где прячутся затаенные мысли. Но она подавила в себе это желание, налила ему еще чаю. Она и так верила, что Холмат искренен. Ведь когда лицемерят, не волнуются. Но как сказать, что и ее сердце тянется к нему?..

— Хватит нам, Дильдархон, поглядывать друг на дружку со стороны. Я устал подкарауливать вас и делать вид, что встретился с вами случайно. Чему суждено случиться, того лучше не откладывать...

Дильдар выпрямилась и внимательно поглядела на него. От волнения с трудом выговаривая слова, спросила:

— А вы не будете потом жалеть, что женились на женщине, побывавшей замужем?

— Что вы! Никогда!

Холмат сделал робкое движение, желая обнять ее. Дильдар отстранила его руки:

— У меня сын, Холмат-ака...

— Он будет для меня родным.

— Ваши дружки-приятели будут насмешничать и попрекать вас, что вы не женились на девушке. А по нашим обычаям это обязанность каждого джигита.

— Я найду что им ответить.

Дильдар закрыла лицо руками и уткнулась в свои колени. Ее плечи вздрагивали. Она плакала. Холмат нерешительно протянул руку, погладил ее по голове.

— Я постараюсь сделать все для того, чтобы вы забыли о тяготах, которые довелось испытать, — сказал он.

Дильдар выпрямилась, утерла ладонками слезы, улыбнулась.

— Только некоторое время придется подождать, Холматджан-ака, ладно?..

— Зачем?

— Очень прошу вас. Ведь что люди подумают? Скажут — чтобы досадить мужу, сразу и выскочила замуж. Потерпите, ладно? Совсем немножечко.

Холмат пожал плечами:

— Не видеть вас совсем я все равно не смогу. А если так, люди скорее могут подумать дурное, если мы в ближайшее время не сыграем свадьбу.

— Ну и что же, что будем видеться? — засмеялась Дильдар. — Все люди друг с другом видятся и на улице, и на работе, и везде. Не сердитесь, но мне надо посоветоваться. Ведь у меня есть отец, друзья, подруги. Если я им не обмолвлюсь ни словом, могу потерять их навсегда. А одной так трудно в жизни. Я убедилась в этом, как только уехала из Чортерака. Спасибо вам, вы мне помогли...

— Ладно, будь по-вашему, — сказал Холмат и, взглянув на ручные часы, поднялся. — Меня в правлении Меливай-ака дожидается. Значит, до завтра.

— До свидания, Холмат-ака, — сказала Дильдар с улыбкой.

Оставшись одна, она обхватила колени и долго сидела неподвижно, погрузившись в думы. Спустя некоторое время вернулась Малика-ая, неся на руках заснувшего Азимджана. Дильдар взяла у нее сына, осторожно уложила в постель.

— Детка, ты не побоишься сегодня спать одна? — спросила Малика-ая. — Мне в Яккатут надо пойти. Племянник заболел. Сейчас мальчишка приезжал на велосипеде, чтобы сказать. Нельзя мне не пойти, коль зовут.

— Ступайте, тетушка. Я же не маленькая, волк меня не утащит.

— Запри двери, детка, и укладывайся, завтра рано вставать, — сказала старушка и, держа под мышкой узелок с гостинцами, торопливо пошла со двора.

Дильдар села, поджав ноги, около ребенка, загляделась на него. Да, он был очень похож на отца. Сын, наверно, всю жизнь ей будет напоминать Агзама. Сейчас он ничего не понимает. А когда вырастет, не спросит ли: «Почему нет у меня папы?..» Что тогда Дильдар

ответит? Скажет, что отец их покинул?.. Нет, у мальчика должен быть отец. Будущего джигита должен воспитывать мужчина.

В соседних домах засветились окна. Кто-то включил радиоприемник, из которого лилась протяжная заунывная музыка: жалобно стонал и вздыхал тамбур, повизгивал, плача, гиджак.

Дильдар, сдавив руками виски, замотала головой, как бы отгоняя от себя тягостные думы. Решительно встала, включила свет. Подобрала брошенную на половик одежду сына, отряхнула и повесила на вешалку, прибитую давеча Холматом.

По улице промчался мотоцикл с коляской, преследуемый остервенело лающим соседским псом. Затем пес вернулся, свесив набок язык, в полной уверенности, что обратил тарахтящее чудовище в бегство.

Дильдар решила постирать кое-какую одежонку Азимджана. Налила в ведро воды, поставила на очаг греться.

В конце улицы вновь послышалось тарахтение мотора. Мотоцикл круто свернул к краю улицы и остановился напротив калитки. Сидевший в коляске младший сынишка Абдуллы-крикуна показал рукой на Дильдар. «Кому это я понадобилась?» — подумала Дильдар, направляясь к калитке и вглядываясь в человека, слезшего с мотоцикла. Мальчуган выпрыгнул из коляски и побежал домой.

Незнакомец поздоровался с Дильдар и спросил:

— Агзам здесь живет?

Дильдар вздрогнула. И целую минуту молчала, приходя в себя, прежде чем ответила:

— Нет. Он не живет здесь больше.

— А где же?..

— Не знаю. Слышала, что он в Куве...

— Эх, досада!.. — сказал человек, хлопнув себя по карману. — Знал бы, сразу бы туда поехал. Отец его помирает. Просил привезти, чтобы проститься.

Хотя Дильдар никогда Иноята не любила, более того, он вызывал у нее неприязнь, это известие поразило ее — будто обухом ударили по голове.

— Что с ним? — с трудом выговорила она.

— Обгорел, бедняга. Их дом загорелся от замыкания. Все выбежали, а он, говорят, что-то искал, не успел выскочить... Сейчас он в больнице, ждет сыновей... Ладно, извините, поеду в Куву.

— Может, по пути заедете в Найман? Низамджан там живет.

— Заеду.

Человек быстро подошел к мотоциклу и, кивнув Дильдар на прощанье, помчался по улице, ведущей к степной дороге. Лампочки, сияющие на столбах, потускнели, обволакиваясь пылью, которая медленно рассеивалась в неподвижном воздухе. Шум мотора затих вдали. А Дильдар стояла, не в силах пошевелиться, ошарашенная известием и все еще не веря в то, что услышала. «Вот так человек живет и не ведает, что с ним произойдет через минуту...»

Дильдар постирала, развесила белье на веревке и, заперев, как

посоветовала Малика-ая, дверь, легла спать. Но сон долго не приходил. Она думала о Холмате. Потом, кажется, он привиделся ей во сне. И первая мысль утром была опять о нем...

IV

Весь день, стоя по колено в воде, косили камыш для покрытия нового скотного двора; и Низамджан очень устал. Придя с работы, нехотя перекусил и лег спать, едва начало смеркаться. Неведомо сколько прошло времени — ему почудилось, что кто-то его позвал по имени, и он проснулся. За открытым настежь окном мерцали на фиолетовом небе звезды. Со двора доносился глуховатый голос Икрамджана, разговаривавшего с кем-то. Потом застрекотал мотоцикл, умчался и затих вдалеке. Послышалось постукивание костылей Икрамджана, его неторопливые шаркающие шаги. «Наверно, кто-то приезжал по делу из Зириллямы», — подумал Низамджан и, повернувшись на другой бок, снова забылся...

Почувствовав на лбу чью-то теплую ладонь, Низамджан открыл глаза. В комнате было светло. Икрамджан, присев рядом с ним, гладил его по голове. Во дворе гроыхнуло ведро, звякала посуда — это Зебихон хлопотала чуть свет. «Достается ей, — подумал Низамджан. — До поздней ночи моет посуду, стирает, с вечера готовит завтрак, ложится позже всех, а проснешься — она уже на ногах...»

— Проснулся, сынок? Вставай, — сказал Икрамджан.

— Еще же рано...

— Тебе придется поехать в Куву. Поскорее завтракай, я оседлал для тебя свою лошадь.

— Что за дело там? Ведь сейчас у нас страдные дни, каждый человек на учете.

— Ночью приезжал человек и привез плохую весть, сынок. Ты так вчера устал, что я не решился тебя разбудить. К тому же если о несчастье узнаешь днем, оно легче переносится.

— В чем дело, отец? — встревожился Низамджан и начал то-ропливо одеваться.

— Сынок, в этом мире на каждом шагу человека подкарауливают неожиданности. Больше радостных и, слава аллаху, меньше плохих. Но в этот раз, сынок, в дом наш нагрязнула худая весть... В вашем доме случился пожар. Отец твой получил ожоги. Видать, дело серьезное — в больнице лежит. Хочет видеть тебя и Агзама. Вчера твоего брата не смогли разыскать, дома не застали. Так вот поезжай к нему в Куву...

— Я к нему не поеду! — отрезал Низамджан.

— Кхе, кхе, — покашлял Икрамджан, прикрывая рот ладонью, насупил густые, будто присыпанные пеплом брови.

Зебихон внесла на подносе чайник, лепешки, присыпанные маком, касу с застывшими сливками и клубничное варенье.

— Ступай умойся, а потом поговорим, — сказал Икрамджан.

Низамджан вышел. Через несколько минут он вернулся и заявил, что завтракать не будет, а сейчас же отправится прямо в Чортерак.

— Садись, — сказал Икрамджан и, хлопнув ладонью по курпаче, показал место рядом с собой. — Аллах нам послал сегодня этот завтрак, и грех от него отказываться. Пока не поешь, нет тебе моего соизволения ехать.

Низамджан послушно сел. Положил в рот ломтик лепешки с хрустящей корочкой и стал торопливо пить чай. Икрамджан положил руку на его колено:

— И все-таки, сынок, ты должен сперва поехать за Агзамом. Твой отец хочет вам оставить завещание и просил, чтобы вы приехали к нему вместе. Если явишься один, люди могут усомниться в твоей честности.

— Я видеть не хочу Агзана, — процедил сквозь зубы Низамджан и резко поставил пиалу на поднос.

— И все-таки ты должен выполнить волю отца, когда он на смертном одре... Поезжай, сынок, за братом... А после полудня в Чортерак прибудем и мы с Тулямбаем.

Низамджан молча кивнул и поднялся.

Низамджан гнал коня во весь опор. Он прибыл в Куву, когда солнце едва только всплыло над горизонтом и взметнуло золотистые копыя лучей, пронзив ими кроны деревьев. Он не навещал здесь брата, но не один раз проезжал мимо дома, где он живет. Поэтому не составило труда отыскать нужную улицу. Но Низамджану не хотелось стучаться в эту калитку, которая почему-то была ему ненавистной. Однако случай избавил его от этого: Агзам, закатав до колен брюки, в майке, около своей калитки мыл, черпая из арыка воду, выдавший вида «виллис». Погрузив ведро в арык, он увидел брата на лошади и так удивился, что чуть не выпустил ведро из рук.

— Ба! Что ты тут делаешь?.. — воскликнул он и вдруг побледнел, заметив на лице Низамджана усталое и горестное выражение. Кроме того, он был уверен на все сто, что не радость привела младшего брата к нему. — Что? Я уже слышал, что она выздоровела! Опять что-нибудь случилось?.. — спросил он злобно.

— О чем ты, брат? — чеканя слова, произнес Низамджан. Конь под ним, разгоряченный быстрой скачкой, переступал с ноги на ногу, храпел, грыз уздечку.

— Ты бы хоть слез на землю, черт возьми, да поздоровался по-человечески! — возмущенно заметил Агзам.

Низамджан, поколебавшись, спешился, и они сухо обменялись рукопожатием...

— Выкладывай. Зачем приехал? — сказал Агзам, в упор глядя на младшего.

— Дом наш сгорел. Отец в больнице. Хочет видеть тебя и меня.

Они минуту стояли молча, исподлобья глядя друг на друга. Потом Агзам резко выдернул из рук Низамджана поводья и увел лошадь во двор. Низамджан давно не ездил верхом, и у него теперь ломило все тело. Он хотел посидеть на берегу, чтобы передохнуть, но в это время со двора вышла Махбуба. С приветливой улыбкой она пригласила его зайти в дом и выпить хотя бы пиалушку чая. Низамджан поблагодарил и отказался. Женщина повела бровями, дескать, как знаете, и ушла. Низамджан встречал ее несколько раз в Зирилляме, но не обращал особого внимания, хотя многие джигиты поговаривали о ее неопикуемой красоте. Знал только, что она вдова и в знак траура носит черное платье. А сейчас пригляделся — она и в самом деле миловидна. Яркое атласное платье как бы открыло ее красоту, упрятываемую доселе под черную одежду.

«Нет, а Дильдар все-таки красивее», — подумал Низамджан и вздохнул.

Вышел Агзам. На нем были отглаженные серые брюки, желтая сорочка, надетая навывпуск, и большие очки, приподнятые на лоб. Сев в машину, он завел мотор и взглядом показал брату на место рядом с собой. Едва Низамджан успел сесть, они помчались по влажному асфальту тенистой улицы, откуда солнце еще не успело выдворить прохладу. Вскоре, однако, выехали за город. По обеим сторонам дороги замелькали зеленые хлопковые поля с работающими на них колхозницами, сады, виноградники, бахчи и темнеющие вдалеке чайли — шалаша, сложенные из веток, где все лето живут сторожа.

Низамджану казалось, что они мчатся быстрее, чем пуля. Не убавляя скорости, пролетали через кишлаки. Гуляющие по улицам куры с кудахтаньем разлетались в разные стороны...

А вот и Маргилан. Низамджан не предполагал, что он так близко от Кувы, что можно было всего за несколько минут доехать до него. Не успел он и глазом моргнуть, они уже промчались по главной улице города с сияющими по обе ее стороны витринами магазинов и свернули в сторону Чортерака.

Они подкатили к двухэтажному белому зданию колхозной больницы и остановились. По аллейке разросшегося перед больницей сквера прохаживался муж Рисолат. Он увидел приехавших Агзана и Низамджана и заспешил к ним навстречу.

— Наконец-то! — сказал муж Рисолат, пожимая братьям руки. — Идемте скорее!.. Он наверху.

По широким деревянным ступеням взбежали на второй этаж. В вестибюле сидела на скамейке Рисолат и, утирая слезы, то и дело сморкалась в платочек. Она с неприязнью устремила на братьев покрасневшие глаза и, не ответив на приветствие, показала рукой на дверь.

Низамджан и Агзам заторопились в палату. За спиной послы-

шались подвывание и злое бормотание сестры. Муж Рисолат пропустил их вперед и тихо закрыл дверь, оставшись в коридоре.

В палате стояло четыре кровати. Лишь на одной, отрешенно глядя в потолок, лежал человек, в котором Низамджан и Агзам с трудом узнали отца. Борода и ресницы старика обгорели. Лицо было красное и вспухло. Шея его и руки, лежавшие поверх простыни, были забинтованы. Рядом с койкой сидела на стуле медсестра и делала ему какие-то примочки. Увидев вошедших, остановившихся в нерешительности посреди палаты, она сделала им знак рукой, чтобы они подошли к больному, и неслышно вышла из палаты.

Сыновья приблизились к отцу. Он взглядом велел им сесть и сомкнул веки, похожие на скорлупу ореха. Часто переводя дыхание, с трудом выговаривая слова, он стал говорить. Он спешил все высказать, будто боялся, что не успеет...

Оказывается, у старика сложились незавидные отношения с дочерью и ее мужем. Он не заходил в половину дома, которую они занимали, а они не перешагивали порога полутемной, пропахшей сыростью комнаты, где обитал старик. Впрочем, и прежде, когда к нему иногда забегали внуки, старик проявлял недовольство и ворчал, будто они могли что-то подглядеть в его худжре. Однако дважды в неделю, отправляясь в Маргилян по торговым делам, он всякий раз под видом, что ему надо помочь, брал с собой то одного, то другого внука, а заодно приучал их к выгодным сделкам. Мальчишки по его наущению обзавелись каждый своим мешочком — для монет. Однако отец заметил, что его дети за все лето ни разу не взяли в руки учебников. А однажды застал их, когда они, уединившись в сарае, подсчитывали накопленную мелочь. Они так увлеклись своим занятием, что не заметили, как вошел отец. Отобрав у них мешочки с деньгами, отец запретил им впредь бывать с Иноятom на рынке...

С этого и начался раздор между семьей Рисолат и Иноятom. Когда дочь навевалась к нему, он был подчеркнуто неприветлив с ней... Не расспрашивал ни о ее муже, ни о детях. В те дни, когда не было необходимости ехать в Маргилян, он мог весь день просидеть в своей полутемной худжре, заперев дверь на цепочку, не показываясь на дворе...

— Отец, как же случилось такое несчастье? — спросил Агзам.

...Вчера Иноят встал на рассвете. Заперев калитку изнутри, разложил на солнце вещи просушиваться. Лисью шубу, что хранил он столько времени в сундуке, оказывается, в нескольких местах проела моль. Проклиная на чем свет стоит этих зловредных насекомых, он повесил шубу на веревку.

И отрезки атласа, что на дне сундука лежали, поблекли от сырости, краска перешла из одного слоя в другой. А он-то дожидаясь времени, когда их можно будет повыгоднее сбыть. «Пусть отсохнут руки у красильщиков, которые красили этот атлас, пусть деньги, полученные за эту материю, пригодятся им на саван», —

злобно ворчал он. Затем с трудом выволок во двор тяжелый сундук, сколоченный из можжевельных досок. Вынул с его дна пачки денег и тоже разложил сушиться, поверх каждой сотенной купюры положил луковницу, чтобы ветер не развеял их. Мешка лука не хватило. Но это не беда, на такое дело годится и старая калоша, и гиря, и топор, и дверная ручка. Словом, провозился Иноят до самого вечера. А как только солище село, он снова аккуратно сложил все вещи в сундук и законал под шелковицей. Отрезы дорожного атласа, каракулевые смушки, хромовые выкройки для сапог отнес в свою каморку.

Сняв с электроплитки клокочущий чайник, поставил вместо него консервную банку с клеем. Выбившись из сил, сел наконец на айване и, макая в кипяток черствые куски лепешки, перекусил. И в это время погас свет.

Чортерак получает ток все еще не от электростанции. В колхозе работает свой движок. А из-за того, что этот движок обслуживают недостаточно опытные люди, он то и дело выходит из строя. То подают свет, то выключают. Иной раз так и не загорается лампочка до самого утра.

Иноят ждал-ждал, когда вспыхнет свет в его доме, и, не дождав-шись, на ощупь разобрал на супе постель и, попросив у аллаха благополучия на завтрашний день, улегся почитать.

Иноят проснулся, почувствовав, что задыхается. В горле пер-шило от горького дыма. Во дворе ярко сияли лампочки, обволочен-ные синеватым туманом. Иноят шумно втянул ноздрями воздух, желая определить, откуда дым. Едкий запах исходил из его худ-жры. У старика будто что-то оборвалось внутри: вспомнил, что не выключил электроплитку. Он вскочил и кинулся в свою каморку. Но едва распахнул дверь, ему в лицо, будто из тандыра, полихнул огонь. Он отпрянул. Но мысль о пропадающем добре заставила его опять броситься в помещение. Начал швырять во двор все, что попадалось под руку. Уже почти до двери дотащил куски хромовой кожи, завернутые в войлок, и потерял сознание...

Иноят очнулся на больничной койке.

Агзам еще ниже склонился над отцом, спросил, как он себя чувствует. Старик поглядел на Низамджана, сделал знак, чтобы он тоже подошел поближе. Собравшись с силами, еле слышно про-говорил:

— Во дворе под шелковицей сундук... Поделите вдвоем... Не транжирьте. Умножайте... Сестре ничего не давайте. Негодный муж у нее. Донесет...

Глаза его потускнели. Лицо сделалось восковым. Он слабо шеве-лил губами, но с них не слетало более ни единого слова. Спустя несколько часов душа Иноята переселилась в мир иной, ввергнув его близких в скорбь.

Говорят в народе, что трудно умирать человеку, у которого остаются дети, не достигшие совершеннолетия. И все-таки такой человек, умирая, спокоен. Его малыши будут падать и подниматься

и опять падать и подниматься, но в конце концов найдут свою дорогу... Мучается перед смертью человек, который накопил богатство, но лишь в последний миг постиг всю бессмысленность своего дела. Всю жизнь недоедал, недопивал, заставлял жить впроголодь родных, ни разу не надел приличной одежды, а довольствовался лишь тем, что тело прикрыто отрепьями, и не заметил, как пришел к концу пути...

Братья и муж Рисолат потупясь стояли около кровати, на которой лежал Иноят с отвисшим подбородком. Низамджан шмыгал носом и то и дело утирал ладонью глаза. В эту минуту позабылись обиды, причиненные отцом, и то, как отец довел их мать до болезни, от которой она умерла... В коридоре слышались рыдания Рисолат.

На глазах Агзама не появилось ни слезинки, его лицо оставалось каменным.

V

Во дворе валялись обуглившиеся бревна, рамы окон с выбитыми стеклами. Ветер сметал пепел в арык, в грядки засохшего палисадника. Противно пахло гарью. Неподалеку от двери, сорванной с петли и жалобно поскрипывающей от сквозняка, возвышалась куча всяких вещей, превратившихся в ненужный хлам. Здесь было все, что успели вынести из дома: три больших туркменских полуистлевших ковра, множество неведомо для чего припасенных Иноятом коровьих шкур, затвердевших и погромыхивающих точно жезь; несколько пар хромовых сапог и лакированных дамских туфель; свернутые в толстые рулоны бархат и хонатлас различных расцветок. Однако они большей частью обгорели, и на них остались грязные разводы пятен от воды, которую брызгали из брандспойтов пожарники. Словно клочки бумаги, по двору были разбросаны серые, коричневые, черные шкурки каракуля...

Низамджан знал, что ни одна вещь из всего этого не была куплена в магазине. Все это было приобретено за бесценок у людей, пребывавших во время войны в крайней нужде. Отец, видно, рассчитывал на этом хорошо нажиться.

Братья стояли у калитки и молча обзревали двор. Потом начали наводить порядок. Ибо с часу на час соберутся люди, чтобы проводить хозяина дома в последний путь. Зять и двое соседей отправились на кладбище копать могилу. Обычай не велит заставлять томиться землю, которая уже ожидает покойного. Промедление может обернуться грехом...

Когда Иноята опустили в могилу, согласно обычаю, кто-то спросил, что за человек был покойный. Никто не обмолвился словом. И молчание это было равно порицанию. Низамджан готов был от стыда провалиться сквозь землю. Наконец кто-то из стариков тихо, словно бы переборов себя, сказал, что покойный был хорошим человеком. После этого могилу засыпали землей.

Оказывается, каждому, уже на пороге царства теней, предстоит получить оценку людей, с кем жил, с кем трудился. Неведомо, существует ли на том свете суд аллаха. Но по давней традиции люди сами взвешивают на самых точных весах добродетели и грехи усопшего. И в зависимости от этого дают ему свои напутствия...

После похорон три дня справляли поминки. Приходили односельчане, чтобы выразить соболезнование. Приезжали из окрестных кишлаков родственники. Среди собравшихся на поминальную молитву присутствовали и двое-трое дружков-приятелей Иноята, с помощью которых он не раз спроворивал выгодные дела. Они искренне горевали, что потеряли такого человека, и молились всех старательнее. Много было сказано добрых слов о покойном.

Низамджану же, который ухаживал за собравшимися, носил угощения и чай, казалось, что все они, желающие его отцу доброй жизни в раю, лицемерят. Что каждый, побывавший за эти три дня на их пепелище, делает для себя вывод, как не следует жить на свете. Ведь и дураку видно, как бесцельно прожита его отцом жизнь. Низамджан набрался терпения, чтобы благополучно дожидаться конца всей этой церемонии.

На третий день, перед вечером, явилась какая-то женщина, укутанная паранджой. Она постучала в калитку и позвала Низамджана на улицу.

— Извини, сынок, — сказала она. — Я приехала из Маргила-на, услышав про постигшее вас несчастье... Ваш покойный отец взял у меня золотой перстенок. С таким зеленоватым камешком. Обещал деньги после отдать. Все тянул, тянул, и вот... — она всхлипнула и шумно высморкалась в платок. — Вы мне, пожалуйста, верните мое кольцо или заплатите.

Низамджан, не зная, что ей ответить, растерялся. Он позвал брата.

— А у вас имеется расписка? — спросил Агзам у женщины.

— А что это такое? — удивилась та.

— Обычно если кому-то дают ценную вещь, то берут расписку.

— Что ты, сынок, я неграмотная. Откуда мне знать про эти правила. Ваш отец обещал, я поверила...

— Ну, а как же я могу верить, что он брал у вас кольцо?

— Вай, милый, я старая женщина, стану ли обманывать?

— Не знаю, не знаю, не видел я вашего перстня. Раз нет расписки, ступайте-ка своей дорогой. Много вас таких может найтись...

Зайдя во двор, Агзам захлопнул калитку и набросил цепочку.

— Давай заплатим ей, брат, — робко сказал Низамджан, коснувшись его локтя.

— Дурак, что ли? — выпалил Агзам, злобно сверкнув глазами, и зашагал в дом.

Женщина застучала в калитку кулаками, пронзительным голосом запрочитала:

— Да обернется ваш отец свиньей на том свете! Пусть сторит он в аду! И всем вам в жизни счастья не увидать!..

Присутствовавшие на молитве одновременно умолкли, переглянулись. Низамджан подсел к дастархану, опустил голову. Ему было стыдно взглянуть в глаза людям.

Агзам, побледнев от негодования, подбежал к калитке и распахнул ее. Но женщины и след простыл. Низамджан в душе порадовался, что она вовремя ушла. А то старший брат вверг бы себя в еще больший позор.

Начало темнеть. Люди разошлись.

Братья, оба усталые, сели на супу. Агзам закурил.

— Сколько хлопот свалилось на голову, что и поговорить не когда. Как живешь-то? — сказал Агзам, помахав рукой, чтобы разогнать дым.

Низамджан пожал плечами:

— Ничего живу.

— Семья как? Все здоровы?

— Здоровы.

— А я вот в город перебрался. Шофером работаю. Председателя райисполкома вожу.

— Слышал.

— Если хочешь, переезжай ты тоже в Куву. Найду тебе такое место — будешь жить как хан. Махбубахон такая общительная, везде у нее связи. В райисполкоме работает...

Низамджан резко встал. Скользя по брату презрительным взглядом, он стал расхаживать взад-вперед, прижав к груди руки и уткнув в них подбородок. Он наговорил бы Агзаму дерзостей, если бы в эту минуту во двор не вошла соседка.

— Вай, почему вы сидите без огня? Ведь чтобы осветить душе покойного дорогу, в доме должен гореть свет. Неужели Рисолат, чтоб ей пусто было, не знает этого?..

Женщина тщетно пощелкала выключателем. Потом обмотала конец камышинки ватой, обмакнула в масло и зажгла. Лучинку она воткнула в землю около веранды. И удалилась.

— Ладно, братишка, — сказал Агзам, вздохнув, и щелчком отбросил окурок. — Не время нам сейчас изъясняться. Принеси кетмень, и приступим к делу. Поглядим, что папаша нам завещал.

Низамджан продолжал нервно расхаживать взад-вперед. Агзам повторил просьбу, но он словно бы не слышал. Тогда Агзам сам вынес из сарая кетмень.

Оранжевый язычок лучинки колебался от ветра, и по двору метались жуткие тени — будто души умерших.

Агзам подошел к шелковице. Обошел вокруг нее, притопывая ногой. В одном месте земля чуть осела и была помягче. Здесь он и начал копать. С выдохом всаживал кетмень в землю, далеко отбрасывал темные комья. Чем глубже становилась яма, тем легче врезалось лезвие кетменя. По лицу Агзама струйками стекал пот. Шелковая рубаха прилипла к спине. Он не обращал внимания, что

с кетменя, когда он им взмахивает, за шиворот сыплется земля. Он конал. Все торопливее. Все яростнее. В голове у него промелькнула мысль: «Вдруг отец просто бредил? Может, здесь ничего и нет?..» И словно ледяной водой окатили его.

Вдруг кетмень со скрежетом ударился о что-то твердое. Агзам отбросил его в сторону и начал разгребать землю руками. Ломая ногти, он вынул квадратный плоский кирпич, какие делались только в старину. Потом еще один. Их было с десяток, плотно уложенных один к одному. Под ними обнажилась крышка небольшого сундука, обитого медью.

Агзам, сбегав за лучиной, воткнул ее на краю ямы. Он тяжело дышал. Лицо его было грязное. Зловеще поблескивали белки глаз, когда он время от времени бросал недобрые взгляды на младшего брата.

— Помоги поднять, — сказал он.

Низамджан опустился в яму. Сундук оказался не в меру тяжел. Двоим с трудом подняли, поднесли к супе. Агзам схватил валявшуюся около самовара тещу — маленький топорик, которым кололи щенки, — и несколькими ударами сбил замок. Открыл крышку. Выбрасывая лежавшее сверху тряпье, вырвал из рук Низамджана лучину, поднес ее ближе. Его руки дрожали.

— Низам!.. Гляди!..

Низамджану показалось, что сундук не лучиной освещен, а предметы, находящиеся в нем, фосфоресцируют сами по себе, излучая свет. С трудом дошло до его сознания, что это золото, серебро. Что это — огромное богатство! Здесь лежали какие-то кубки тонкой чеканки; браслеты, мониста, кольца, украшенные переливающимися драгоценными камнями. Агзам, странно как-то улыбаясь, погрузил растопыренные пальцы в сундук и поднял на дрожащей ладони спутавшиеся в узел жемчужные ожерелья, даже ночью таящие в себе дневной свет. Выпал запутавшийся в них перстенок с зеленоватым камешком, сверкнул, будто искорка. А под драгоценностями были сложены деньги. Много денег. Пачки крупных купюр склеены полоской бумаги крест-накрест, как в банке...

Вдруг, опомнившись, Агзам закричал не своим голосом:

— Запри скорее калитку!

Низамджан не двинулся с места. Стоял, как околдованный, не сводя взгляда с сундука. Агзам выругался и сам метнулся к калитке, с беспокойством оглядываясь, как бы брат не сунул что-нибудь себе в карман.

А Низамджан думал совсем о другом. Он взял два одинаковых браслета и поднес близко к глазам. Он узнал эти браслеты. От холодного металла повеяло детством... Когда его, совсем еще маленького, мать сажала себе на колени, он забавлялся браслетами, что поблескивали у нее на запястьях. Если он плакал, она старалась развлечь его, ударяя браслет о браслет, которые издавали мелодичный звон...

Прошло много лет. И, уже посещая школу, Низамджан вспомнил про те браслеты и их мелодичный звон. Но у матери на руке почему-то остался только один. Мальчик спросил: «Мама, а где же другой браслет?» Мать тихонько вздохнула и ответила: «Когда ты был еще совсем маленький, в наших краях начался голод. Твой отец продал браслет и принес мешок муки. Так мы и выжили тогда...» А второй браслет отец снял с руки матери в начале сорок второго года и тоже «продал на базаре». Низамджан хорошо помнит, как отец много дней кряду ворчал, что мать не хочет отдать ему браслет, который бережет как последнюю память о бабушке... Наконец мама всплакнула и уступила. Низамджан так явственно все это представил, будто вчера это было... А оказывается, отец вовсе не продавал их. Он и не нуждался в этом. Отнял браслеты у жены и все равно не удовлетворил свою алчность.

Низамджан смотрел в сундук сквозь выступившие на глазах слезы. Исходящее от драгоценностей сияние постепенно расплывалось, и его взору предстало постоянно грустное лицо матери, преждевременно покрывшееся морщинами, ее задумчивые глаза. Когда она смеялась, забавляясь с сынишкой, глаза ее всегда оставались печальными. Мать дома ходила в стареньком ситцевом платье, латаном-перелатаном, а на выход у нее было единственное сатиновое платье, которое она надевала, отправляясь в гости или на той... А в сундуке вон лежат поблекшие и покрывшиеся плесенью атлас и парча, сукно и крепдешин, никому не нужные, не могущие теперь ни единой душе доставить радость...

Хотя Низамджан, кажется, ошибался. Агзам наклонился над сундуком и перебирал вещи, обжигаящие носоглотку запахом нафталина и махорки, что-то бормотал и издавал звуки, похожие на квохтанье курицы. Это он так странно смеялся. Низамджану было горестно, как никогда, а брат смеялся. И Низамджану вдруг почудилось, что перед ним вовсе не Агзам, а отец, пересчитывающий свои сбережения. Резко проведя по лицу рукавом, он вытер слезы и встал. Агзам поднял голову. Нижняя губа его отвисла и дрожала. В глазах блестел холодный огонь. Он был похож на барса, приготовившегося к прыжку.

Братья несколько мгновений оценивающе разглядывали друг друга. Потом Агзам закрыл сундук, опустился на него и знаком пригласил младшего сесть рядом. Помигав, погасла лучина. Двор погрузился во мрак. Небо прочертила звезда и истлела. Агзам закурил. Красный огонек сигареты дрожал в темноте, осыпая пепел. Молчали.

Низамджан сжимал согретые его ладонями браслеты матери. Ему вспомнилось, как он всякий раз выбегал навстречу отцу, вернувшемуся с базара. Но, усталый и расстроенный неудачной сделкой, отец отталкивал его со словами: «Уйди! Не до тебя...» И тогда мать подзывала его: «Иди ко мне, сынок. Папа устал и голоден...» Низамджан с угасшей радостью понуро подходил к

матери. Садился возле нее. И засыпал, пока она готовила ужин. Утром просыпался в своей постели и видел, как отец с хурджуном, перекинутым через плечо, уходил из дому. Опять на базар.

Когда Низамджан подрос и сделался парнем, ему очень хотелось, подобно сверстникам, прилично одеваться. Но он боялся высказать свои желания отцу. А мать ласково говаривала: «Не переживай, сынок. Твоему папе не повезло в жизни — он не имеет постоянного заработка. Когда он был молодым, у него не было возможности учиться — вот и приходится довольствоваться тем, что аллах пошлет. Ты учись, сынок, будь усерден, и тогда у тебя будет много светлых, радостных дней в жизни...»

Низамджан часто вспоминал эти слова покойной матери. Он стал взрослым, обзавелся семьей. Неплохо зарабатывал в колхозе. Но по сей день еще не обзавелся хорошим костюмом, о каком мечтал, и хрустящими хромовыми сапогами, в которых щеголяли его приятели. В начале каждого месяца к нему приезжала сестра и, стыдя, что он забыл о своем старом отце, которому есть нечего и нечем прикрыться от холода, вымогала у него деньги. Уже два года, как женат, а еще не купил Зебихон ни одного шелкового платья. Денег едва хватает на еду...

Интересно, о чем сейчас думает Агзам? Отец любил его, находя в нем много своих черт. Но когда старший сын подрос, радость отца сменилась скорбью.

Агзам, окончив семилетку, начал работать. Но домой не приносил ни копейки. Транжирил деньги с друзьями на гузаре. Или уезжал в Маргилан и пропадал там два-три дня.

Однажды, — Низамджану это помнится, как кошмарный сон, — в полночь с отцом случился припадок. Старик бился об пол, хрипел, на губах его появилась пена. Низамджан, трясаясь от страха, брызнул на него водой, дал попить. Отец пришел в себя. Тут же проворно встал и сильным пинком разбудил спавшего во хмелю Агзама. Тот вскочил и бросился со двора. Но старик настиг его у хауза — квадратного водоема — и ударил кулаком в спину. Агзам всплеснул руками и свалился в хауз. Он поплыл к противоположному берегу. А берега были крутые, и он никак не мог выкарабкаться. Отец тем временем отломил длинную ветку от одной из верб, росших у водоема, и начал хлестать ею по торчащей из воды голове сына. Перепуганный насмерть Агзам плыл к другому берегу. Но старик, выкрикивая ругательства, перебегал и снова бил, не давая ему вылезти. Парень выбился из сил и едва держался на воде. Лицо его было исполосовано и вымазано в крови. Неведомо чем бы дело кончилось, если бы не сбежали соседи и не успокоили старика. Обессиленный, отец опустился на землю и схватился за седую голову. Он, раскачиваясь из стороны в сторону, плакал...

Оказывается, отец заметил, что у него начали уменьшаться припрятанные деньги. Не поленился — пометил их химическим карандашом.

В ту ночь, когда все в доме уснуло, старик опять сел пересчи-

тывать деньги. В пачке оказалось одной кунюрой меньше. Он ринулся в комнату, где спали сыновья, обыскал их вещи. В кармане у Агзама нашел помеченные деньги. Тут и случился с ним припадок...

Светало.

Братья сидели неподвижно. Их пробирал утренний холодок. Агзам курил сигарету за сигаретой.

— Вот что, братишка, нам крупно повезло, скажу я тебе, — произнес Агзам хриплым голосом. — Давай-ка внесем сундук в дом, там и поделим. А то, не ровен час, кто-нибудь заметит...

— Мне ничего не надо... Только вот эти два браслета, и все...

— Вай, дуралей, ты что мелешь? До каких пор ты будешь кормить комаров в своем Наймане? Этого богатства хватит тебе на всю жизнь. Еще и детям останется. Поделим поровну. Эти деньги не краденые. Они наши. Отец накопил их, моря голодом мать, меня, тебя. Он вернул нам то, что когда-то отнял. Отбирал постепенно, а возвратил сразу все. Считаю, мы берем свои деньги из сберкассы...

— Брат! Когда шла война, ты был на фронте. А в наших киш-лаках в то время люди собирали средства, чтобы помочь фронту... Девушки отдавали кольца, жемчуг, снимали с ушей любимые серьги. Не было в нашем кишлаке семьи, которая бы ничего не дала. Кроме нашей. Когда к нам пришли с просьбой внести что-нибудь в фонд фронта, отец сказал: «Кроме вшей, у меня ничего нету!...» Пойми меня, брат, я не мог после этого смотреть в глаза своим друзьям...

— И что же? Для чего ты все это мне говоришь?

— А к тому, что в этом сундуке не только твое и мое. В то время, когда люди отдавали фронту последнее и голодали, наш отец обирал этих людей, пользуясь их горем. В этом сундуке и их доля!

Агзам приставил к виску указательный палец и выразительно повертел рукой.

— Сдается мне, ты свихнулся малость. Ну ничего, у некоторых это бывает от избытка счастья. Видно, у тебя нервишки шалят. К невропатологу не мешало бы обратиться.

— Брат, мне не до шуток! — резко сказал Низамджан, глядя в упор на Агзама. — Сейчас нет войны. Но чтобы не осталось и следа от нее, мы работаем, как на войне. Ты представляешь, сколько стоит стране одно только освоение нашей степи? Правительство постановило...

— Я ничего правительству не должен! — оборвал его Агзам. — Я на войне кровь проливал. Если у правительства обвалился дувал, пусть само его и восстанавливает...

— Ты всегда, к месту и не к месту, твердишь, что кровь проливал. А ведь о человеке судят не по тому, что он о себе говорит, а по его делам.

Агзам сощурил глаза, устремив на младшего брата острый, пронизывающий взгляд.

— Что ты все юлишь? Выкладывай, чего хочешь! — прошипел он, ощерившись. — Я же сказал — поровну.

— Брат, подумай хорошенько и пойми меня. Нам представился случай смыть позор с себя. С нашей семьи. Давай внесем эти деньги на освоение Язъявана...

— Может быть, ты получишь покумекаешь своей башкой?!..

— Вот эти браслеты мамины. Один возьмешь ты, другой я. Остальное сдадим.

— Па-кась, выкуси! — Агзам сунул под нос Низамджану дулю. — Не думай, что я идиот, как ты!.. Не каждому в жизни на плечо садится такая Птица Счастья. А ты, вместо того чтобы хватать ее за ноги, прогоняешь от себя.

— Как знаешь. Можешь забирать свою половину. Свою я сдам.

— Чтобы нами заинтересовались органы и отобрали все и у меня тоже? Не выйдет! Не получишь ни копейки!

— Тогда я пойду в банк и расскажу обо всем.

— О-о!.. Оказывается, милиция прямо в нашем доме! А я и не подозревал. Я же убью тебя, дурачок! — Агзам вскочил с сундука, схватил Низамджана за ворот и рванул к себе. Сквозь зубы процедил, брызгая слюной ему в лицо: — Если хоть одна душа узнает об этом, я убью тебя, так и знай.

Низамджан хотел оторвать от себя руки брата, но они вцепились, словно железные клещи. Агзам опять встряхнул его — в глазах зарыбило. Сверкая белками глаз, прохрипел:

— Я без всякого невропатолога сам вправлю тебе мозги. — И неожиданно закричал: — Кувалдой! Понял?!

У Низамджана от обиды слезы выступили на глазах. Откуда взялись силы, и самому неведомо. Он резко ударил коленом старшего брата в живот и отпихнул его. Агзам, видно, не ожидал такого от младшего. Споткнувшись, опрокинулся навзничь. Но тут же пружинисто вскочил. Лицо перекошено от ярости. Сделав резкий шаг вперед, он молниеносно выбросил кулак, метя в подбородок брату. Низамджан упал как подкошенный.

Агзам метнулся в сарай. Вынес большой мешок. Наступило утро, и с минуты на минуту кто-нибудь мог прийти. Вот-вот явится еще Рисолат звать братьев завтракать. Агзам поспешно начал перекладывать содержимое сундука в мешок. Увидел в судорожно сжатой руке брата что-то блестящее. Вырвал у него браслеты, бросил в мешок. Затем крадучись вышел за калитку, положил поклажу на заднее сиденье автомобиля...

Низамджан наконец пришел в себя. Издалека доносилось урчание удаляющейся машины. Медленно сел, держась одной рукой за голову, другой опершись о землю. Тошнило. Он с трудом осознал, что произошло.

Близилось время сбора хлопка. Для этой поры важно, чтобы ночи были холодными, а дни жаркими: тогда коробочки хлопчатника полопаются, как жареная кукуруза, распушат шелковистое волокно. Осень только началась, а тут, как назло, небо часто стали завлакивать тучи, да еще и дождик моросит. Озабоченный этим, Меливай-ака ездил из бригады в бригаду, проверял готовность техники. Да беда в том, что техники той раз-два и обчелся. Придется опять людям главным образом положиться на собственные руки. «Эх, когда это наконец наша промышленность перестроится на мирный лад... — раздумывал Меливай-ака и вздыхал: — Все народные средства сожрала эта проклятая война...»

Подъехав к чайхане, Меливай-ака слез с лошади. Хотя было не очень жарко, по багровому лицу его ручьями струился пот. И лошадь была мокрой и лоснилась. От самого Ташлака он гнал ее рысью. Спешил. Важную новость он только что узнал. Приятную. А коли так, всегда надо торопиться людей обрадовать.

Пока привязывал лошадь к дереву, чайханщик вынес в чайнике остуженный зеленый чай. С горьковатым привкусом, он особенно хорошо утоляет жажду. Налив в пиалу, протянул. Меливай-ака выпил, остатки выплеснул на землю.

— Где сейчас Холмат, не знаешь? — спросил председатель.

— На поле, должно быть, — сказал чайханщик. Этот парень работает, как Фархад, раздвинувший горы, открывая путь воде...

— Мне он очень нужен. Не пошлешь ли за ним кого-нибудь?

— Отчего не послать, пошлю.

Чайханщик позвал подручного мальчика, велел ему на ишаке отправиться на поле и сказать Холмату, что председатель зовет.

Мальчик, обрадованный, что предстоит прокатиться на ишаке, бегом бросился исполнять поручение.

Чайханщик поломал лепешку, разрезал на подносе дыню. Он без конца говорил и говорил и своим монотонным бормотанием наваял на Меливай-ака дрему. Председатель сидел на сури, полужакрыв глаза, — то ли думал, то ли дремал. В последнее время давала о себе знать старость. Похудел, и дряблая кожа повисла на скулах мешками. Глаза ввалились. Лицо пожелтело, покрылось морщинами. Он с трудом перенес известие о гибели сына. Взял себя в руки. Потому что нельзя иначе. Что вдовам делать, оставшимся без мужей, если он раскиснет? Слава аллаху, что есть у него дочь Шура. Теперь его единственная радость она...

Не у него одного горе. Надо спрятать его поглубже в сердце, чтобы люди не заметили. И до изнеможения работать. Это заглушает душевную боль.

А в первые дни, когда узнал, что сын не вернется никогда в отчий дом, ослабли руки и ноги. И воля ослабла. На заседании правления колхоза сказал, что не может больше работать, попросил освободить его от должности председателя. Колхозники не согласи-

лись. Оставили в председателях. «В войну был нам всем отцом. И сейчас времена не легче. Трудно нам будет без тебя», — сказали они ему. И он согласился походить еще немного в председателях. Пока молодежь не созреет да не наберется опыта.

Теперь Меливай-ака был благодарен людям, с которыми столько времени делил и радости и тяготы. Он ощутил в себе прилив новых сил. Опять разъезжал верхом по полям, опять все дни были переполнены заботами.

Холмат примчался верхом. Соскочив с лошади, он поздоровался с председателем за руку и сел рядом с ним. Они дня четыре не виделись. Холмат отправлялся на поле затемно и возвращался, когда ночь уже простирала над степью крылья. Не было времени даже зайти в правление.

Меливай-ака улыбнулся и похлопал Холмата по спине:

— Баракалла, сынок, молодец! Вчера я осмотрел поля твоей бригады. Прекрасный хлопок выросил!

— Это оттого, что не даем сорнякам разрастись, чтобы не заглушали хлопчатник. В этом больше всех постарались Дильдар и Шура на своем тракторе. Их благодарите.

Меливай-ака налил чаю в пиалу, подал Холмату.

— Завтра вели двум-трем джигитам, пусть вот эту площадку перед чайханой расчистят. Из клуба надо принести скамейки. А чтобы застлать сури, пришлю новые ковры. Вон под тем талом вели вырыть два больших очага и поставить на них котлы.

— Решили собрание провести или гости из района будут? — поинтересовался Холмат.

— Усман-ота придет, первый секретарь ЦК партии нашей республике. Лично будет вручать медали тем, кто во время войны хорошо трудился. Звонили из обкома, нашли меня в Ташлаке... Кстати, справлялись о тебе.

— Обо мне? — удивился Холмат.

— Да. Скажи, ты принимал участие в форсировании реки Одер?

— Было такое дело. А что?

— Приехал какой-то генерал из Харькова. Тебя вроде бы знает. Завтра он тоже прибудет. Хочет якобы посмотреть наш колхоз.

— Генерал, говорите? А как его фамилия, не спросили?

— Сказали, да я запомятовал. Не то Чайкин, не то Зайцев.

— Зайченко?

— Во-во, он самый!

Холмат был близко знаком с генералом Зайченко. Три с половиной года служил под его командованием. А в последний раз они встретились в госпитале. Их обоих ранило при переправе через Одер. Генерал узнал Холмата.

Что и говорить, генералу трудно запомнить в лицо каждого своего бойца. А Холмата запомнил...

Бой за Одер был одним из самых жестоких. Форсирование этой реки в истории второй мировой войны заняло особую страницу.

Пехотные части дивизии Зайченко под покровом ночи подобрались вплотную к берегу. Им предстояло обеспечить переправу артиллерии и танкам.

Отделение лейтенанта Василия Жирнова первым ступило в воду, намереваясь пересечь реку вплавь. Генерал стоял в окопе и вглядывался в тот берег. Холмат сложил в планшет документы переправлявшихся, вручил ему.

По черной глади реки изредка пробегала серебристая рябь. Тихо было. Даже не верилось, что через несколько минут начнется бой. Но не прошло и минуты — с вражеского берега взметнулись в небо ракеты, осветив разорванные ржавые проволочные заграждения у самой воды, искореженный остов рухнувшего в реку железнодорожного моста. В ту же секунду посредине реки начали рваться мины, вздымая белые каскады воды; застрочили пулеметы. Холмат на том берегу заметил частые вспышки, отражаемые в воде, как в зеркале. Это вражеский пулемет, установленный, видно, этой ночью у самой воды, в упор расстреливал бойцов Жирнова, успевших переплыть реку. В донесениях разведки не значилось этой огневой точки противника.

— Товарищ генерал, разрешите мне попробовать! С моим взводом! — обратился Холмат к Зайченко.

Генерал внимательно посмотрел на него. Сказал:

— Разрешаю.

Бойцы Холмата следом за командиром бросились в воду. Они плыли наискосок, рассчитывая выбраться на берег метров на сто ниже того места, где находился вражеский пулемет. С нашего берега ударила артиллерия. Казалось, вода в реке заплескалась оттого, что земля стала раскачиваться от взрывов. Но она шипела и бурлила от рвущихся в ней мин. От берега к берегу протянулись огненные нити трассирующих пуль. То один боец вскрикивал, то другой, и на том месте смыкалась речная вода.

Холмат намного опередил своих бойцов. Теперь надо полагаться лишь на то, чтобы его не заметили. В детстве, когда он и его друзья ходили купаться на Анхор, часто состязались, кто дольше пробудет под водой. Холмат неизменно выигрывал. Он зажимал пальцами нос и уши и подолгу просиживал на дне реки, зацепившись ногами за какую-нибудь корягу. Вспомнив об этом, Холмат нырнул. Дважды пришлось высунуть голову на поверхность, чтобы вобрать в легкие побольше воздуха. Вскарabкавшись на берег, он отдышался. Заметив неподалеку от себя в окопе движение, бросил туда гранату. Прыгнув в окоп, уложил из автомата еще несколько фрицев. Тем временем подоспели его бойцы.

— За мной! — приказал Холмат и бросился туда, где, по его расчетам, расположен пулемет, не обнаруженный нашей разведкой.

Взвод Холмата оказался в тылу у немцев. С криком «Ура-а!» бойцы бросились на вражеские окопы. Их налет был так неожидан и дерзок, что среди фашистов, не ведавших, какие советские военные силы у них за спиной, вызвал панику.

Холмат увидел наконец дзот, наскоро сооруженный у самой воды из бревен. Бросил в него одну за другой две гранаты. Но взрыва не успел услышать. Что-то горячее сильно ударило в правый бок. Земля опрокинулась...

Холмат очнулся от резких толчков. Его подбрасывало и качало. С трудом сообразил, что находится в кузове машины. Лежит на брезенте, посланном поверх соломы. Грудь обмотана бинтами. Рядом кто-то застонал. Холмат с трудом повернул голову и узнал генерала Зайченко. Над ним склонилась санитарка. Ей никак не удавалось сделать ему в руку укол. И опять Холмат забылся...

Много дней неподвижно лежал Холмат на больничной койке, вперив взгляд в потолок. Однажды дверь в палату открылась, и вошел генерал Зайченко. На его плечи был наброшен халат. В руке он держал газету. Генерал подошел к Холмату и сел на край кровати.

— Как самочувствие, чернявый? — спросил с веселой улыбкой.

Холмат хотел приподняться, но генерал быстро бросил газету на тумбочку и положил левую руку ему на плечо, чтобы он не двигался. Тут только Холмат увидел, что у Зайченко нет правой руки. Генерал заметил, как при этом побледнел Холмат, и шутливо сказал:

— Я левша. Правую руку можно было не считать за руку. Какая разница, есть она или нет.

Холмат знал, что генерал говорит так, чтобы подбодрить своего бойца. Наступило неловкое молчание. Его нарушил Зайченко:

— Видел эту газету... Много твоих однополчан стали Героями. Не окажись я в госпитале, и тебе бы присвоили звание Героя Советского Союза. Ты его вполне заслужил... Этих бойцов представили к наградам без меня. А ведь только я знаю про твой подвиг. Обещаю тебе — когда вернусь в свою дивизию, непременно займусь этим делом. Ну, не буду тебе мешать выздоравливать...

Генерал пожал Холмату руку и ушел.

С той поры минуло более двух лет. Холмат больше не встречался с Зайченко. Выписавшись из госпиталя, он не попал в свою часть, которая в составе дивизии генерала Зайченко вела наступление на Берлин.

— Да-а, — произнес, вздохнув, Меливай-ака и прервал раздумья Холмата. Словно бы прочитав мысли бригадира, добавил: — Есть о чем вспомнить джигитам, на своих плечах вынесшим тяготы войны...

Председатель налил в пиалу остатки уже остывшего чая и, выплеснув себе в рот, поднялся.

— Ты, сынок, не забудь о моей просьбе, ладно? Надо встретить гостей, как у нас принято...

Холмат тоже встал. Они сели на лошадей и разъехались в разные стороны. Холмат спешил на участок, где Дильдар сегодня проводила культивацию. В народе говорят, что вместе с гостем в дом приходит радость. Ему хотелось скорее поделиться этой радостью с Дильдар. И всего более ему хотелось, чтобы этого дорогого гостя привечала в его доме Дильдар.

Удары его сердца сливались с дробным топотом копыт. Издалека донесся рокот трактора. Конь запрядал ушами. Им можно было не управлять. Теперь он знал, куда ему скакать.

VII

Несколько дней Агзам был не в себе. Не разговаривал, на беспокойные вопросы Махбубы отвечал односложно. Уходил на работу хмурый, как туча, а возвращался и того мрачнее. Не знала Махбуба, отчего он изменился так. Решила, что охладел к ней. Украдкой плакала.

А Агзама все эти дни не покидал страх. Ему казалось, что к ним с часу на час нагрянет милиция, потребует сбережения, оставленные отцом. «Ведь этот недалекий Низамджан и на самом деле может заявить!..» — пронизывала его мысль, когда он вспоминал ту злополучную ночь после похорон.

Наконец не выдержал и в воскресенье утром прикатил в Найман. Он еще ни разу не был в доме у младшего брата. Пришлось справиться у ребятишек, и они показали, где Низамджан живет. Оставил машину в тени, постучал в калитку. Скрипнула дверь, во дворе зашаркали чьи-то торопливые шаги. По мере того как они приближались, Агзамом овладевало беспокойство: «А что, если младший не захочет мириться? Созовет соседей, расскажет, как было дело?..»

Калитка отворилась, и перед ним предстала молоденькая женщина.

— Здравствуйте. Низамджан здесь живет? — спросил Агзам.

— Да. Заходите.

— Вы Зебихон?

— Ага. А вы, наверно, Агзам-ака?

— Он самый. Как догадались?

— Братья ведь. В вас много общего. И на фотографии вас видела. Заходите, что же вы стоите?

— А Низамджан дома?

— Он на работе. Ему утром нездоровилось, обещал скоро вернуться. К тому же сегодня в Язъяване той состоится. Какие-то большие люди у них в гостях. Говорят, сам Усман Юсупов придет. Они и наших пригласили. Низамджан тоже собирался. Если ему полегчает... Уже несколько дней жалуется, что у него голова болит. Я все говорю ему, чтобы к доктору шел, — не слушается... Скажите и вы ему. Может, вас послушается...

— Вот как. А он не может прямо с работы отправиться туда, в этот Язъяван?

— Не-ет, что вы! Ему же переодеться надо. Зайдите, попейте чаю.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз. Передайте ему вот это, — сказал Агзам и дал ей обернутый плотной материей сверток, перевязанный крест-накрест суровыми нитками.

Зеби взяла сверток и чуть не выронила — такой он был тяжелый. «Наверно, какие-нибудь запчасти», — подумала она и спросила:

— А самого дожидаться не будете?

— Нет. Спешу. До свидания.

Агзам захлопнул дверцу «виллиса» и уехал. Теперь он был спокоен.

Брат получил свою долю и будет помалкивать. Не совсем же он чокнутый, чтобы привалившее в руки добро выбросить на проезжую часть дороги.

Зеби положила сверток в нишу, решила прибраться в комнатах. Вскоре пришли Низамджан и Икрамджан. Не заходя в дом, стали умываться под раковинником. Зеби вынесла чистое полотенце.

— Ваш брат был, — сказала Зеби мужу.

— Что ему было нужно? — спросил Низамджан.

— Оставил какой-то сверток. Я в нишу положила.

Низамджан торопливо зашел в дом. Полоснул ножом по свертку. Из него посыпались кольца, браслеты, связки жемчуга и пачки денег. Он минуту стоял, раздумывая, как поступить. Это его доля. Он вправе распорядиться ею как хочет.

Постелив на пол поясной платок, Низамджан положил на него сверток и крепко завязал. В голове беспорядочно кружились мысли, словно стая ворон. Он никак не мог сосредоточиться. А ему надо хорошенько подумать, прежде чем принять решение. Чтобы не жалеть потом.

Он лег на подстилку и, положив узел под голову, закрыл глаза.

Приоткрыв дверь, в комнату заглянул Икрамджан.

— Ты лежи, сынок, лежи. Тебе не надо никуда ехать. Нельзя по жаре с головной болью. А я пойду людей оповещу, чтобы на гузаре собрались. Я сказал Зеби, чтобы тебе крепкого чаю приготовила.

Икрамджан ушел.

Около очага зазвенела посуда. Наверно, опять Зебихон что-то разбила. В последнее время, обеспокоенная состоянием мужа, она сама не своя. Но не будет Низамджану покоя, пока он не избавится от груза, давящего на сердце. Значит, в семье покоя не будет. А несчастный груз этот сейчас у Низамджана под головой.

Во дворе заплакал ребенок. Он спал в люльке, подвешенной в виноградной беседке, и, видно испугавшись, проснулся. Зебихон стала раскачивать люльку и запела колыбельную.

По улице проехали две грузовые машины, битком набитые людьми. Над первой развевалось алое полотнище флага. Мужчины-фронтвики, стоявшие в кузове, принарядились, надели ордена и медали. Женщины были в атласных платьях, на головах белые шелковые платки с кистями. Все они что-то кричали, пели песни.

Шум постепенно замер вдали. Снова в Наймане сделалось тихо. Из беседки доносился нежный голос Зебихон, поющей сыну песню. На шелковице щебетали птицы.

Низамджан решительно встал. Достал из шкафа свежую сорочку и вычищенный и выглаженный женой костюм. Переоделся. Взял узел под мышку и вышел во двор.

— Все-таки решили поехать? — обеспокоенно спросила Зебихон. — Отдохнули бы лучше. Я чай поставила настаиваться.

Зебихон была чуткой женой. Она часто по взгляду угадывала его мысли. И давно заметила, что муж тяготится чем-то. Но спрашивать не стала. Ибо, если можно сказать, муж и сам все выложит, а если нельзя, ее вопрос лишь прибавит его душе горечи.

Вот и сейчас не скрылось от нее, что Низамджан чем-то взволнован. Пожелтел. Может, у него малярия?..

Зебихон подошла к мужу, взяла его за руку.

— Ложитесь лучше. Я заварю горькой травы. От нее вам сразу полегчает. — сказала она, нежно глядя на мужа.

— Мне надо туда. Очень надо, понимаешь? — сказал он и погладил ее по голове.

Она кивнула, хотя ровным счетом ничего не понимала.

— Ладно уж, прогуляйтесь по воздуху, — сказала тихо, оглядывая, справно ли сидит на нем костюм. Ведь в народе говорят: «Чем лучше одевается мужчина, тем меньше люди порицают его жену». Увидела заштопанные места на его брюках и окончательно расстроилась. Как она ни старалась, чтобы незаметно было, а все равно штопка сразу же бросается в глаза. И эти латки на его сапогах!.. Недели две назад муж собирался купить себе новые сапоги, но неожиданно явилась его сестра и забрала все деньги, которые он с трудом насобирал. Еще и накричала на Низамджана, попрекая, что отцу не помогает... А не видит, что у Низамджана и рубашки-то стоящей нету. Зебихон всякий раз гладит его вещи и боится, как бы они под утюгом не разлезлись. Низамджану, может, и все равно, в чем ходить, он, может, не придает значения своей одежде, а ей, жене, не все равно. Зебихон считает, что хоть и в старом муж ходит, но все на нем должно быть чистое и глаженое. Ее этому научила сестра, жена Тулябная. Старшая сестра своего мужа за порог не выпускает в неглаженном. Вот и Зебихон, глядя на нее, старается, чтобы ее муж тоже был не хуже других.

Низамджан, держа сверток под мышкой, пришел на гузар. Надеясь, что ему здесь повстречается машина или хотя бы арба, направляющаяся в Язъяван. Но никогда еще гузар в Наймане не был так безлюден. Все, кто не смог уехать, наверно, пешком подались в Язъяван, где сегодня, говорят, будут вручать целинникам награды. Недолго раздумывая, и Низамджан отправился пешком.

Он шел более получаса тропинкой, тянущейся по краю хлопкового поля. Еще в прошлом году на этом месте шумели тугаи, которые и всадника скрывали с головой. В зарослях камышей водилась дичь. Когда жгли камыши, навстречу людям выскакивали обезумевшие кабаны, волки.

Край освоенной земли найманцев упирается в болото. По ту сторону болота начинаются язъяванские земли. До них рукой подать.

Если там увидишь человека, докричаться можно. Но дорога из Наймана в Язъяван пролегла в обход болота, которое делает близкое расстояние далеким.

А Низамджану болото не помеха. Он знает тропинку, ведущую через тугай. Ему здесь не один раз доводилось охотиться. В тугаях и сейчас полным-полно уток. То справа, то слева раздаются выстрелы. Низко над камышами, посвистывая крыльями, проносятся фазаны. Почва под ногами, хотя и просохла, проваливается. Кажется, что идешь не по земле, а по толстому мягкому мху. Особенно досаждают комары. Целая туча их с тонким звоном вьется над головой. Тропа, обходя черные пузырящиеся лужи, от которых исходит вонючий болотный чад, делает зигзаги и напоминает узкий окоп. Плотные высокие стены пожелтевшего камыша иной раз так сжимают тропинку, что приходится протискиваться между ними боком. А иногда Низамджан вынужден скакать с кочки на кочку, перепрыгивать через лужи, ступив на положенное кем-то бревно; перебираться через коряги, думая, как бы не вымазаться с ног до головы да не уронить сверток.

Наконец Низамджан выбрался из тугаев. Едва поднялся на взгорье, сразу услышал звуки карнаев и сурнаев и звонкую дробь бубнов. Они то становились громче, когда ветер задувал со стороны Язъявана, то затихали. Низамджан убыстрил шаги и вскоре вышел на посыпанную щебнем дорогу, по которой то и дело проезжали грузовики, «виллисы», «эмки», всадники, украсив гривы лошадей разноцветными лентами; прогромыхая, катились арбы, полные нарядных женщин. Низамджан припустился бегом и догнал одну из арб. В ней сидели девушки и пели веселые песни. Низамджан бросил в арбу сверток и, подтянувшись, вскарабкался сам.

— Девчонки! К нам жених пожаловал! — крикнула девушка, у которой была родинка на щеке.

— И выкуп уже при нем! — заметила другая озорница и, схватив сверток, передала подруге.

Та, что была с родинкой, кокетливо повела бровями, с чарующей улыбкой взглянула на Низамджана и сказала:

— А что у вас в свертке? Если атласное платье, так и быть, выйду за вас.

— Девушки, не балуйтесь, отдайте сверток, — строго сказал Низамджан и сердито нахмурил брови.

С трудом удалось Низамджану выхватить у них сверток и вновь завладеть им.

— Фи, подумаешь, ни одна из нас ему не нравится, — сказала девушка с родинкой, делая кислую мину. — Ты, парень, зазнался. Попомни, что я тебе скажу: если в войну не женился, теперь остаться тебе одному. Вон какие джигиты вернулись — вся грудь в орденах! А ведь еще недавно какой-нибудь замухрышка-уродик из десяти девушек, прикидывая да разглядывая, выбирал одну. Теперь наш черед! Теперь мы будем щелкать джигитов по лбу, как арбуз,

проверяя, вдосталь ли у него ума! Девочки, щелкнуть его? Интересно, какой звук раздастся — глухой или звонкий?..

И она в самом деле протянула руку ко лбу Низамджана, намереваясь отпустить ему щелчок. Но подруга дернула ее за платье, сказав:

— Уймись ты! Парень ведь обидеться может, и впрямь никого из нас не выберет.

Девушки покатались со смеху. Арбакеш, сидевший верхом, обернулся и шикнул на них, чтобы не шумели. Арба въехала на площадь, заполненную народом. Митинг уже начался. Девушки слезли с арбы. Подталкивая друг друга, пошли под вербу, где было прохладнее. Девушка с родинкой обернулась, смеясь поманила Низамджана рукой. Ей казалось странным, что на их шутки и заигрывания этот парень даже не улыбнулся.

Низамджан, сжимая под мышкой сверток, стал пробираться вперед, поближе к трибуне, рядом с которой за длинным столом сидели солидные люди, прибывшие из Ташкента, из Ферганы и из райцентра.

Стоя на возвышении, обитом красным полотном, выступал Усман Юсупов. Видимо, он говорил уже давно. По его лицу, разгневшемуся от солнца, стекал пот. Он то и дело доставал платок и вытирал лоб и шею.

— ...Новые посевные площади, освоенные нами в Язъяванских степях, со временем станут одной из основных наших хлопковых баз, — говорил Усман Юсупов и, налив из графина воды, отпил глоток. — Ныне хлопковые хозяйства, созданные на целинных землях, уже могут отделиться и представлять из себя самостоятельные крупные колхозы. Бюро Центрального Комитета, товарищи, рассмотрело вашу просьбу и нашло целесообразным организовать здесь два первых больших колхоза. Они будут созданы на базе колхозов «Заркент» и «Ташлак».

Его слова потонули в громе аплодисментов. Усман Юсупов поднял руку и, когда наступила тишина, сказал, какие задачи в связи с этим стоят перед тружениками Ферганской области.

— Мы целых четыре года сражались с фашистами. На целых четыре года враги оторвали нас от созидательного труда. Мы раздавили фашистскую нечисть в ее же гнезде. Но победа не далась нам даром. Превращены в руины многие наши города. Пришло в запустение наше хозяйство. Теперь, друзья мои, мы объявили войну против разрухи. В кратчайший срок должны вновь начать работать заводы, должны давать высокий урожай наши поля. Еще некоторое время вам надо положиться на силу своих рук и работать в поте лица. Но в скором времени на помощь нам придет техника!.. Наша первостепенная задача — наладить хозяйство, сделать нашу жизнь еще лучше, чем она была до войны!

Колхозники зааплодировали.

Низамджан стоял у самой трибуны и во все глаза глядел на оратора. Он впервые видел Усмана Юсупова, хотя слышал о нем очень

много. Икрамджан не раз рассказывал о том, как Усман Юсунов непосредственно сам руководил строительством Большого Ферганского канала, принесшего жизнь в Язъяванские степи, и как рабочие любили его. Он был коренаст, голову стриг наголо. На нем чесучовый китель и брюки галифе. Жара дожимала его, и он обмахивался белой полотняной фуражкой.

После сдачи в эксплуатацию Большого Ферганского канала Усман Юсунов возглавил строительство Фархадской ГЭС в Бекабаде и был инициатором строительства металлургического комбината. Будучи первым секретарем ЦК Узбекистана, он по-отцовски был озабочен будущим своего родного края.

После Усмана Юсунова на трибуну степенно взошел Меливай-ака. Он рассказал собравшимся, сколькими гектарами земли располагают язъяванцы, сколько они зарабатывают на трудодень, какое в их поселке ведется строительство. Посетовал, что каждый год они собираются приступить к закладке Дома культуры, но для этого, к сожалению, пока не хватает средств. На сбережения приходится приобретать сельскохозяйственную технику, которой в колхозе все еще не хватает. Но зато в Язъяван съехались со всех уголков Ферганской долины только такие люди, которые любят труд. В заключение Меливай-ака пообещал, что до тех пор, пока новый колхоз крепко не встанет на ноги, «Ташлак» будет шефствовать над ним и оказывать всяческую помощь.

После него выступил Раимберди-тога, председатель колхоза «Заркент». Он сказал, что их участок Найман тоже вполне может стать самостоятельным колхозом, ибо закрома у них не пустые. И начал перечислять, чем богато его хозяйство. А в конце с улыбкой сказал:

— Мы уже и человека подобрали, который возглавит новый колхоз!

— И у нас есть такой человек! — с места крикнул Меливай-ака и, отыскав взглядом среди сидящих неподалеку от трибуны на сури Холмата, он улыбнулся и кивнул ему.

— Кто же он? — спросил секретарь Ташлакского райкома партии Хорунбай-ака.

— Наш бригадир Холмат. Все колхозники его хорошо знают.

— Знаем Холмата! — послышались голоса.

— Слышали о нем, — выкрикивали найманцы.

— Говорят, во всей Язъяванской степи лучший хлопок у него в бригаде.

— Добро, — сказал Хорунбай-ака, записав что-то в блокнот. Раимберди-тога сел на место.

Хорунбай-ака, председательствующий на собрании, постучав карандашом о графин, успокоил расшумевшихся людей и спросил, не хочет ли еще кто-нибудь выступить. Желающих оказалось немало.

Люди поднимались на трибуны, говорили об успехах, которые следует развивать, и о просчетах, которых нельзя повторять.

Едва умолкал предыдущий оратор, Низамджан тут же поднимал руку. А секретарь райкома все никак не замечал его. Раимберди-тога сказал ему что-то на ухо. Председательствующий еле заметно кивнул и внимательно посмотрел на Низамджана.

Получив слово, Низамджан торопливо поднялся на трибуну. Обвел собравшихся несколько растерянным взглядом, машинально потирая грудь, в которой вдруг стало так жечь, что не вымолвить слова. Он проглотил слюну, не замечая, что перед ним стоят графин и пиала. Сказал глухим, дрожащим от волнения голосом:

— Товарищи!.. Я — Низамджан...

— Знаем! — заметил кто-то.

— Знакомы!

Послышался смех. Председательствующий постучал о графин карандашом. Низамджан, вконец растерявшись, посмотрел на Тогу. Тот одобрительно кивнул — продолжай, мол.

— Товарищи! — вновь обратился Низамджан к собравшимся, и голос его раздался звонче. — В годы войны люди свои последние сбережения отдавали фронту. На собственные деньги строили танки, самолеты, чтобы скорее прогнать с родной земли фашистов. Но я... Я тогда не смог внести ни гроша... Но только что Усман-ака сказал, что мы и сейчас находимся на фронте. На трудовом. Чтобы приблизить нашу победу, я хочу внести свой вклад. Вот он!

Сказав это, Низамджан дрожащими пальцами развязал узел и высыпал его содержимое на стол.

— Недавно умер мой отец, — тихо сказал он, потупясь. — Оставил мне это наследство...

Люди замерли от изумления, затаили дыхание. Было слышно, как воробьи расшались на вербах. Кто-то робко ударил в ладоши. Низамджан посмотрел в ту сторону и увидел Дильдар. К ней присоединились другие. И вот все, кто здесь был, аплодировали Низамджану. Стайка воробьев испуганно взлетела с верб и кинулась врассыпную.

Усман-ота поднялся с места и подошел к Низамджану. Он крепко пожал джигиту руку. А потом при всем народе обнял его и поцеловал в лоб.

— Спасибо, сынок! — сказал он. — Хвала твоей щедрости. На эти деньги мы построим в Язъяване и в Наймане Дома культуры и настоящую школу. Баракалла, сынок.

Усман-ота аккуратно сложил деньги и драгоценности в платок и завязал. Подойдя к столу, положил узел перед Тогой и Мелиьяем-ака:

— Вот вам бюджет для начала. Расходуйте экономно.

Затем Усман-ота взял Низамджана за руку, подвел к столу и усадил рядом с собой.

На край стола поставили две небольшие шкатулки. Председательствующий объявил, что сегодня в Язъяване находится прибыв-

ший из Москвы почетный гость. И предоставил слово сидевшему рядом с ним генералу.

— Товарищи! — крикнул председательствующий, пока генерал поднимался на возвышение. — Мы приветствуем на нашей земле Героя Советского Союза генерала Зайченко, который приехал в Язъяван, чтобы увидиться со своим фронтовым товарищем! «Добро пожаловать!» — говорим мы дорогому гостю!

Генерал положил левую руку на трибуну. Из-под его кустистых рыжих бровей глядели на собравшихся голубые добрые глаза. Пустой правый рукав его гимнастерки был заправлен под широкий ремень.

— Дорогие друзья! — начал он глуховатым взволнованным голосом. — Я военный человек. С тех пор как себя помню, нахожусь в армии. Но я хорошо знаю, что значит труд крестьянина. Мой отец тоже был крестьянином. Он всю свою жизнь провел, шагая за сохой... Сегодня мы с Усманом-ота Юсуповым обошли ваши поля. Я увидел, что на этих полях обстановка прямо-таки, скажем, военная. Боевая. Когда мы штурмом брали города, вы штурмовали степь, осваивали целинные земли... Война закончилась, мы захешили свои орудия. А в вашей степи бой все еще продолжается. Вы изо дня в день творите свой героический подвиг. Об этом вашем труде я много раз слышал в Москве, читал в газетах. И захотелось мне своими глазами увидеть, как работают в мирные дни бывшие фронтовики, среди которых немало моих однополчан. Среди вас находится мой близкий товарищ по оружию, Холмат Маткаримов.

Среди сидящих прокатился шум, словно волна набежала и отхлынула. Язъяванцы завертели головами, стараясь отыскать взглядом своего бригадира.

— Я и сейчас нередко рассказываю молодым бойцам о подвиге Холмата Маткаримова, совершенном при форсировании реки Одер.

Вдруг некоторые джигиты повскакали с мест, спрашивая друг у друга, где же Холмат. В шуме не стало слышно голоса генерала.

То, о чем сообщил заслуженный ветеран, для язъяванцев было совершенной неожиданностью. Они ни разу не слышали, что Холмат кому-то рассказывал о своих подвигах.

Генерал поднял руку, требуя тишины. Улыбаясь, заметил:

— Я только что похвалил вас за дисциплину. Ведь когда говорит генерал, солдаты обязаны молчать.

Все засмеялись.

— Мой боевой друг Маткаримов, поднимитесь, пожалуйста, на трибуну! — пригласил Зайченко, показывая рукой на Холмата, сидевшего на сури в окружении друзей. — И получите свою «Золотую Звезду» Героя.

Холмат быстрыми шагами подошел к трибуне.

Усман Юсупов открыл одну из шкатулок, вынул из нее грамоту и громко зачитал:

— «Указ Президиума Верховного Совета СССР.

За отвагу, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Великой Отечественной войны, присвоить старшему сержанту Холмату Маткаримову звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. И. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Ф. Горькин».

Усман Юсупов под овации язъяванцев и найманцев приколот к гимнастерке Холмата «Золотую Звезду» и орден Ленина. Генерал обнял Холмата, поцеловал. Они направились вдвоем к сури. Джигиты потеснились, уступая им место. Холмат и Зайченко сели. Им не терпелось поговорить сейчас же, хотя той будет длиться до самого вечера и времени будет с избытком.

Усман-ота по фамилиям вызывал колхозников, особо отличившихся своим трудом в годы войны, и, прочитав Указ правительства, вручал им медали «За доблестный труд».

Низамджан, услышав свою фамилию, вздрогнул. Сразу не поверил, что Усман-ота вызывает его. Робко поднялся. Секретарь ЦК приколот ему на лацкан пиджака медаль и еще раз крепко обнял.

VIII

У Дильдар неделю гостил Юнусали. Он привез дочке и внуку фрукты из своего сада. Азимджан так обрадовался ему, что, как Малика-ая ни уговаривала, отказался ходить в детский сад и целыми днями не слезал с колен деда.

Видимо, все же главной причиной приезда старика были не фрукты. Он приехал, прослышав, что Агзам бросил семью. Но, найдя дочь и внука в здравии и благополучии, он не задал ей ни единого вопроса по этому поводу, не справился об Агзаме ни словом, словно бы его сроду не существовало. И Дильдар ему была благодарна за это.

Дильдар несколько раз порывалась сказать отцу о Холмате — что мил он ей и что она ему мила. Но не решилась. Не хватило духу.

«Он мужчина, тем более Герой, смелости в нем больше. Пусть сам моему отцу и скажет, если будет надо», — подумала она и успокоилась.

А сегодня, едва Дильдар пришла с работы, отец уехал. Он заметил в глазах у нее беспокойный блеск. Но так и не разгадал, что у дочери на сердце. За Юнусали Анвара прислала свою машину. А заодно и письмо для Дильдар передала с шофером.

Азимджан плакал в голос, вырывался из рук матери, чтобы бежать вслед за машиной, увезшей его дедушку. Дильдар взяла

его на руки, прижала к груди. Глядя на сына, и сама еле сдерживала слезы.

Вскоре Азимджан успокоился, увлекся свирелью, сделанной дедушкой из камышинки. Дильдар распечатала письмо Анвары. Анвара писала:

«Здравствуй, подруженька!

Впрочем, провалиться такой подруге, которая скрывает от друзей секреты своих колдовских чар. Ничем другим я не могу объяснить то, что джигиты всегда увиваются вокруг тебя. Или искусно строишь глазки?.. Мы с Адолят тоже пробовали, но никто даже не смотрит на нас. Научи, умоляю, как кружить головы джигитам!

Да, ты и в самом деле красивая. А я не в тебя. Работа на поле под палящим солнцем сделала меня некрасивой. Я, конечно, ссылаюсь на это, чтобы успокоить себя хоть чуточку, но, видно, во мне самой нет ничего такого, от чего бы загорались глаза у джигитов. Я недавно долго-долго смотрела на себя в зеркало и вдруг поняла, что давным-давно забыла, что такое девичья нежность и красивая одежда. Увидела себя со стороны в брюках, заправленных в сапоги, подпоясанную широким мужским ремнем. Лицо огрубело от ветра и пыли, и никакая пудра не может отбелить его. А покрашу помадой губы — становлюсь похожей на шута в цирке.

Родители ведь меня воспитывали, как джигита. Они мечтали о сыне, а родилась я. И в детстве, на радость им, я любила щеголять в брюках, играть с мальчишками и даже бороться с ними. Радости отца не было предела, если я бросала парней на лопатки. И сама я тоже в то время этому радовалась. Мне нравилось быть джигитом.

А сейчас... ах, подруженька, если б ты знала, как мне хочется быть красавицей, как ты...

Ну ладно, что-то я разговорилась. Наплела бог весть что. У меня сейчас хорошее настроение. Захотелось тебя развеселить.

Ты написала мне о Холмате и просишь совета. И не знаю, что тебе посоветовать. Может ли кто-нибудь вмешиваться в сердечные дела, если даже это касается близкого человека? Особенно трудно судить о ваших взаимоотношениях, находясь от вас вдалеке... А в принципе Холмат славный парень. Только всегда был очень скрытным. Он один из тех, мысли которых надо отгадывать. Но каков он сейчас, мне трудно судить. Тебе нужно самой его получше разглядеть. Ведь ты уже несколько раз ошпарила себе рот молоком. Теперь и простоквашу должна пить, сначала подув. Ты уже в том возрасте, когда можешь и сама трезво рассудить, не нуждаясь в чьих-то советах. Тебе известно, что я к Холмату всегда относилась, как к брату. Я хочу, чтобы ты вышла за него замуж только в том случае, если любишь. Он стоит того, чтобы его любили. Мне кажется, его отношение к тебе искренне. Он никогда не умел притворяться. Но смотри сама. Семь раз отмерь, прежде чем отрезать.

Привет тебе от Адолят. Бывай здорова.

Мы приступили к сбору хлопка. Прости, что не могу навестить тебя. Как только снимем урожай, я и Адолят наведаемся к тебе. Поцелуй за меня своего сына.

Любящая тебя Анвара.

PS: Куда запропастился Низам? Чтоб пусто ему было, забыл нас совсем».

Дильдар в эту минуту казалось, что Анвара стоит с ней рядом и, по своему обыкновению, тараторит-гремит, как мешок, полный орехов. Прочитала ее письмо, и на душе просветлело. И даже дышать стало легче. Да, Анвара все такая же, нисколько не изменилась. И при встрече без конца ругает ее, и в письмах разносит. Но если вникнуть в суть ее письма, то она, кажется, не возражает против того, чтобы Дильдар и Холмат поженились. А Дильдар в душе побаивалась, что подруга набросится на нее с бранью, начнет срамить. А она, оказывается, даже рада за Дильдар.

Со двора доносился писк камышовой свирели. Азимджан усердствовал: дедушка обещал опять приехать, когда он научится играть.

Дильдар встала, взяла с подоконника осколок зеркала. Глядя на свое отражение, потрогала свои чуть налитые губы вишневого цвета, погладила густые, красиво изогнутые брови, соединенные на переносице зеленоватой усьмой. На нее оценивающе смотрели из зеркала большие и черные, как уголья, глаза, обрамленные густыми загнутыми ресницами. А капелька усьмы, которую накладывала на брови в спешке, специально встав утром пораньше, оказывается, протекла к уху, оставив волнистую полоску. Смочив полотенце, Дильдар потеряла это место, но усьму так просто не сотрешь. Лишь покраснел левый висок.

Надо же, Анвара ее считает прямо-таки красавицей... Неужели только эта красота нынче привлекла Холмата? А когда годы неприметно своруют всю красоту? Что тогда?... Нет, она постарается всегда оставаться красивой. В глазах Холмата. Говорят же, не красивая любима, а любимая красива. Они будут любить друг друга...

Дильдар вдруг нестерпимо захотелось увидеть Холмата. Она почти неделю его не видела. С того самого дня, как Холмату вручили «Золотую Звезду»...

Дильдар надела свое хонатласное платье, которое еще ни разу здесь не надевала, вынула завернутые в газету лакированные туфли. Жаль, нет трюмо от полу до потолка, чтоб полюбоваться собой. Решила пойти к Малике-ая — будто одолжить пригоршню риса для супа. Скорее всего, Холмат сейчас дома. Ужинает, наверно...

Дильдар вышла во двор, позвала сына:

— Азимджан! Пойдем к бабушке ходим...

Азимджан несколько мгновений разглядывал мать, удивленно раскрыв глаза. Он забыл, когда ее видел в платье. С тех пор как переехали в другой кишлак, она, кроме пропахшего керосином комбинезона, ничего другого и не носила.

Мальчик подбежал и с готовностью протянул ей руку.

На улице послышались шаги. В сгустившихся сумерках Дильдар увидела чей-то силуэт. Человек подошел к калитке и отворил. Недаром говорят, что сердце сердцу весть подает.

— Вай,— невольно вырвалось у Дильдар.— Это вы, Холматджан-ака...

Холмат был в высоких резиновых сапогах, с ружьем. На его поясном платке болтались несколько уток и заяц.

— Не найдется ли пиалушки чая? — спросил он.— Пить хочется, терпенья нет...

— Как же не найдется? Найдется!

Дильдар скоренько подошла к очагу, раздув его, поставила чайник.

— Был на охоте,— сказал Холмат, снимая ружье и ставя в угол веранды.— Сегодня не очень повезло.

Он снял дичь с поясного платка, положил на перила. Подошел к раковине и начал умываться, громко фыркая и плескаясь. Дильдар вынесла из дому чистое полотенце, стояла рядом, ожидая, пока он умоется.

Сухие сучья в очаге потрескивали. Оранжевые языки пламени лизали округлые бока чайника. На стенах дома, на деревьях, на решетчатой изгороди мелькали светлые блики. А за пределами двора еще больше сгустилась темень.

— Куда же побежал Азимджан? — смеясь спросил Холмат, и сам, впрочем, догадываясь, куда он может в этот час податься.

— К бабушке,— с улыбкой сказала Дильдар.— Обратно она его сама проводит.

— Извините, что я так неожиданно вторгся к вам,— произнес Холмат.— Через полчаса у нас заседание правления. Предстоят горячие споры, дебаты. Вот и решил подкрепиться чаем.

Чайник заклокотал. Из него, шипя, пролился кипяток.

Дильдар знала, что Холмат любит крепкий чай, насыпала в фарфоровый чайник побольше заварки, залила крутым кипятком. Она не смотрела в его сторону, но чувствовала на себе его упорный, проникающий в душу взгляд. Ею постепенно овладевало какое-то волнение.

Проходя мимо Холмата с чайником, Дильдар тихо сказала:

— Пожалуйста, Холмат-ака, к дастархану...

Он взял ее за руку, привлек к себе. Дильдар растерянно пролепетала:

— Вай, ошпаритесь... Дайте поставить чайник...

Но он не обращал внимания на ее слова. Целовал ее лицо и волосы, пахнущие чем-то хмельным и вкусным.

Чайник выскользнул из рук Дильдар, с грохотом упал на пол и раскололся на части. Горячим паром обдало их ноги. Они даже не заметили этого. Дильдар прильнула к груди Холмата, нежно гладила его крепкие плечи. И он все больше пьянел от этой ласки. А ею овладел стыд, что нежна с милым, но пока чужим человеком.

Она положила обе ладони на грудь Холмата, из которой доносились гулкие и частые удары, тихонечко оттолкнула.

— Не надо, не надо, Холматджан-ака. — умоляюще проговорила она.

Холмат с трудом разомкнул руки, отступил на шаг.

— Какой же вы... — упрекнула Дильдар.

Она подобрала упавшую с его головы тюбетейку, отряхнув, надела ему на голову.

— Ну, так как же?.. — спросил он сдавленным от волнения голосом.

— Что как же? — не поняла Дильдар.

— Вы просили срок, чтобы подумать...

Дильдар опустила голову, мельком взглянула на него из-под ресниц и улыбнулась. Разве обязательно говорить вслух, к какому она пришла решению? Разве то, что она позволила себя целовать, покорно прижавшись к нему, не говорит само за себя?..

Холмат понимал это. Но, видно, хотел подтверждения словами.

— Что же вы теперь мне скажете, Дильдархон?

— А ну вас, — ласково упрекнула его Дильдар.

— Скажите же, могу я заняться приготовлениями к свадьбе?

Дильдар кивнула и еще ниже опустила голову, залившись краской смущения.

Холмат опять порывисто обнял ее и, крепко поцеловав, сказал:

— Завтра же поеду в Чортерак просить согласия у вашего отца.

И, как мальчишка-резвун, получивший от матери в праздник хайит конфету, бросился на улицу.

— Уток!.. Уток забыли! — закричала вслед ему Дильдар.

— Я вам их принес. Все до единой вам, — обернувшись, сказал Холмат и засмеялся.

Холмат ушел в правление, где его, должно быть, ждался Меливай-ака. «И чаю не попил... — сокрушалась Дильдар и начала подбирать осколки чайника. — В народе говорят, что посуда бьется к счастью...» Дильдар включила свет. Повесила на гвоздь оставленное Холматом ружье.

Она постепенно начинала верить в свою счастливую судьбу, в свой завтрашний день.

IX

Икрамджан более недели пробыл в райцентре Ташлак. Возвращался в Зирилляму настолько усталым, что и радость, которую вез, казалось, бременем давит на сердце. Лошадь под ним ускоряла шаги, чуя близкий отдых и зная, что в кормушке ее ждет душистый овес.

Икрамджан знал, что до того, как Найман станет самостоятель-

ным колхозом, еще предстоит разрешить ряд организационных вопросов. Но он не предполагал, что их будет так много.

На заседании правления колхоза «Заркент» было прикинуто, сколько выделят новому хозяйству скота, инвентаря, транспортных средств и какую сумму им предстоит отчислить из неделимого фонда. А сразу подсчитаешь разве, сколько рублей понадобится для приобретения семян, для строительства дорог и для всяких там стройматериалов. Нужно срочно строить хранилище для удобрений. И со скотным двором стоит поторопиться. Если завтра Тога скажет: «Ну-ка, гони отсюда свою скотину» — куда поместить всех овец да коров?.. Чтобы все было по чести да справедливости, правление приняло решение создать специальную комиссию из шести человек. В нее вошли Тога, Икрамджан, главный бухгалтер, агроном, бригадир животноводов и председатель сельского Совета.

Пришлось все дела в Наймане препоручить Тулянбаю и все последнее время диевать и почевать в Заркенте. На заседании правления Икрамджан настаивал, чтобы заняться вопросом об отчленении Наймана от Заркента уже после того, как будет убран весь хлопок и сложен в бунты. Но его не поддержали. А в Наймане хлопчатник уж наливают коробочки, которые вот-вот созреют и начнут раскрываться. И тогда только успевай собирать хлопок... Кроме того, надо еще успеть вспахать осушенную в этом году территорию. А как заждит осенью, в тугаи и носа не сунешь. Сейчас самый подходящий момент сжигать камыши. Зола после пахоты удобрит землю. И корневища за зиму прогниют хорошенько. С этим делом надо бы справиться до хлопкоуборочной кампании, а Икрамджану приходится то в Заркенте торчать, то в Зирилляме, то в Ташлак мотаться. Вчера, забеспокоившись, что бригадира давно нет, приехал навестить его в райцентр Тулянбай. Икрамджан высказал ему свою кручину. Тулянбай, желая его успокоить, сказал: «Об этом тебе беспокоиться незачем. Ты заканчивай здесь побыстрее дела, а все прочее мы берем на себя. Ведь мы уже профессорами стали по освоению целины в тугаях. Сухой камыш — настоящий порох. Чиркнешь спичкой — останется одна зола. Стоит ли тебе из-за этого переживать? Ты выбивай для нас трактор, а мы с джигитами спалим тугаи, очистим землю для пахоты...»

С одной стороны, Тулянбай, конечно, прав. Сжечь камыш — дело нехитрое. Но чтобы иметь право называться самостоятельным хозяйством, надо расчищенную землю перепахать и засеять рисом. Вся земля, которой владеет колхоз, должна быть плодоносящей. К тому же в районе еще не пришли к единому мнению, что будет выращивать новый колхоз: хлопок или рис? На только что освоенной земле в течение двух-трех лет нельзя сеять хлопок. Она все еще сохраняет много влаги, и, кроме риса, на ней ничего не растет. Сейчас в Наймане сеют и хлопок, и рис, и бахчевые культуры. Нужно было обговорить с районным начальством, чтобы этой осенью посадить фруктовый сад. Да и многое еще Икрамджану неясно. Не может он никак решить, кто будет в новом колхозе бухгалтером,

кого сделать заведующим складом... Вот и пришлось Икрамджану столько дней пробыть в районном центре. Целыми днями только и знал, что ходил то в райисполком, то в райком партии, то еще куда. Легко ли ему это с одной ногой. Измучился и сетовал на Тога за то, что послал его сюда. Иногда хотелось плюнуть на все и уехать к себе в Найман, сидеть себе спокойно дома да забавляться с внуком.

А теперь он был рад, что не уступил этой слабости. Его старания не пропали даром. Где и ругаться пришлось, а где и ласково говорить, но главное — ему пообещали для нового колхоза две грузовые машины, два трактора, семь арб с упряжью и лошадьми, три телеги и четыре маленьких арбы, куда можно впрягать ослов. Труднее всего было разговаривать с председателем райисполкома. Может, Икрамджан от него так ничего бы и не добился. Но Тога, провожая Икрамджана в райцентр, наставлял его: «Учти, что председатель райисполкома упрям. И только еще большим упрямством можно одолеть его. Скажет: «Разговор окончен, уходи», а ты сиди. Сиди и добивайся своего. Станет выталкивать — ложись на пол. Ты представитель нового колхоза, он не имеет права тебе отказывать. Запомни это. А те машины, что возьмешь у нас в «Заркенте», это старые машины, они долго не прослужат. Так что требуй новые. Пока не выбьешь для себя два новых автомобиля, не выходи из его кабинета. Вот так. А я со своей стороны, где надо, тоже вверну свое словцо...» Икрамджан, памятуя это, так и поступил. Сперва говорил по-хорошему. А потом пришлось и голос повысить. Пригрозил даже, что в случае отказа в ЦК поедет и пожалуется самому Усману-ота. После этого председатель смягчился. Удовлетворил все его просьбы.

Икрамджан дернул поводья, заторопил коня. У него было приподнятое настроение. Подъехав к окну председательского кабинета, он нагнулся с седла и постучал черенком плетки о раму.

Тога тотчас вышел. Друзья тепло поприветствовали друг друга. Тога помог приятелю спешиться. Взяв его лошадь под уздцы, привязал у кормушки с клевером...

Они вместе зашли в правление.

Лишь после того как осушили по пиалушке чая и съели по ломтику лепешки, Икрамджан неторопливо рассказал о делах, которые вроде бы пошли у них на лад.

Тога так же степенно выслушал. Не выдержал и крикнул от удовольствия. Внешнее проявление радости унижает мужчину. Настоящий мужчина и радость, и горе приемлет спокойно.

— Говорил же я тебе, что председатель райисполкома добреет, если на него хорошенько нажать. Я его до тонкостей изучил. Теперь через райком нужно заполучить тракторы. Мне по секрету сообщили, что в распоряжение Хорунбая-ака поступило шесть тракторов. Об этом я попробую сам поговорить с ним... Теперь вот еще что. Наверно, придется брать у государства долгосрочный

кредит. Проси сразу побольше денег. Знай, сколько бы ни запросил, облуправление все равно урежет половину...

Внимательно поглядев на друга, Тога умолк. Хотя в глазах у Икрамджана светилась радость, но вид у него был неважный. Он похудел, глаза ввалились. На лице глубже обозначились морщины. Неловко сделалось председателю, что, не расспросив друга о здоровье, послал его в райцентр. И нынче тоже сразу не справился, где он ночевал, чем питался... Осознал свою оплошность, и у него даже испортилось настроение. Тога неожиданно хлопнул о стол ладонями и сказал:

— А знаешь, давай отложим на время все дела! Сбегу-ка и я сейчас из правления. Заберемся куда-нибудь на безлюдье, где нас не отыщут, и потолкуем всласть...

Икрамджан тихо засмеялся, соглашаясь, кивнул. Он взялся за костыль и встал.

Тога поспешно собрал со стола бумаги, засунул в ящик, закрыл окна.

Друзья вышли на улицу. Солнце клонилось к горизонту.

По пути Тога заглянул в чайхану. Поманил рукой чайханщика и прошептал ему на ухо. Тот закивал, исчез в подсобном помещении и через некоторое время вынес что-то, завернутое в бумагу.

С ним из чайханы вышел парень лет пятнадцати, ведя за руль велосипед. Чайханщик отдал сверток парню и сказал:

— Мой сын сейчас все превосходно устроит.

Парень почтительно поздоровался с председателем и бригадиром и умчался, изо всех сил нажимая на педали.

Тогу и Икрамджана догнал раскрасневшийся от быстрой ходьбы бухгалтер.

— Только что звонил товарищ Енбулатов! — сказал он, с трудом переводя дух. — Оказывается, новому колхозу трактор дают. Велел прислать кого-нибудь с доверенностью.

— Сколько тракторов? — переспросил Тога.

— Один.

— Ха! Пусть лучше ни одного не дает!.. Пиши доверенность на два трактора. Пусть попробует мне отказать, выживу его из Ташлака! — сказал Тога и заговорщически подмигнул Икрамджану.

Бухгалтер пожал плечами — дескать, дело ваше — и вернулся в правление.

Тоге хотелось постараться, чтобы Икрамджану потом было легче управлять хозяйством. Чем скорее новый колхоз окрепнет, тем увереннее будет себя чувствовать Икрамджан. Уж Тога постарается, чтобы приятель не терял веру в себя. Это он сможет. Тога в области считается одним из самых известных председателей. С его мнением считаются. Если он поставит себе целью что-нибудь, то в конечном счете всегда добивается. Случалось, конечно, что в районе не мог кой-кого убедить, тогда действовал через область. Поэтому некоторые районные руководители его чуть-чуть побаива-

лись. И сейчас тоже он про себя решил, что если Икрамджану не дадут два трактора, то самолично поедет в областной центр.

Тога и Икрамджан, медленно шагая, обогнули строящийся клуб и направились в сторону сада, который по инициативе Тоги был посажен в первый год прибытия целинников в Найман. Сейчас сад разросся. Инжирные персики в этом году начали плодоносить. Тога любил сюда приходить, когда о чем-нибудь следовало поразмыслить и побыть одному. В отдаленном углу сада росла его любимая урючина, которую сам посадил. Крона ее уже сделалась густой, развесистой. По просьбе Тоги под ней поставили сури. Нынче он очень любил сживать на этом сури.

Пока друзья пришли к этому месту, сын чайханщика тщательно подмел вокруг урючины, побрызгал водой и постелил на сури шалчу. И, сидя на берегу арыка, мыл овощи, чтобы приготовить шакароп — острый салат из помидоров, огурцов и лука, обильно приперченный.

— Неси-ка сюда, — присаживаясь на сури, сказал Тога, которому хотелось, как видно, остаться наедине с другом. — Мы шакароп сделаем сами. А ты возвращайся в чайхану да поторопи с пловом. И еще вот что... Если кто-нибудь спросит бригадира, скажи, мол, еще не приехал из райцентра. Понял?

Парень кивнул. Поставил поднос с овощами на сури и вложил нож в чехол, чтобы спрятать в карман. Тога попросил оставить нож, сказав: «Не бойся, не пропадет». Известно, как крестьянин с детства дорожит своим ножом, необходимым в хозяйстве. Поэтому, приобретая его надолго, выбирает с тщанием, со вкусом. Обращается с ним бережно, с любовью. Парень, поколебавшись, положил нож около подноса. Сел на велосипед и укатил.

Икрамджан взял нож, любовался.

— По-моему, шахриханский, — предположил он.

Тога, не глядя на нож, сказал:

— Ошский. В Оше в квартале Карасув изготавливают такие ножи.

Икрамджан с видимым удовольствием принялся за приготовление шакаропа. Тога развязал бельбаг и снял с себя халат. Остался в майке. Еще больше стало заметно, как он постарел. Оказывается, коричневый загар на шее и руках скрывал болезненную желтизну тела. Плечи торчали углами, ключицы резко выступали. На руках просвечивали синие вены. И только в глазах этого человека светился задор, на губах часто появлялась улыбка.

Тога достал из воды бутылку, загодя поставленную туда сыном чайханщика, и взобрался на сури с ногами.

— Армянский коньячок, — сказал он. — Из Ташкента привез. В сейфе храню, чтобы жена не увидела. Ругается старая. Сделаю глоток, а разговору целый мешок...

Икрамджан, щуря слезящиеся от лука глаза, покосился на бутылку с печатным ярлыком. Он сроду еще не пробовал коньяк. В молодости доводилось пить домашнее вино. А потом и к нему

охота отпала. Некогда было... А после смерти жены и сына, пребывая в сжигающем его изо дня в день горе, он считал кощунством даже думать о выпивках... На счастье, и Низамджан, заменивший ему родного сына, оказался непьющим и некурящим.

— Давненько не брал в рот этой гадости, — сказал Икрамджан.

— За новый колхоз, за наши успехи, за наше здоровье не грех и пропустить по глоточку, — заметил Тога.

Двое друзей, как бы привязанных друг к другу невидимыми нитями духовного родства, почти одинаково прожитой молодостью, которая прошла в борьбе с бандами басмачей и за организацию колхозов, и наступившей теперь беспокойной старостью, решили сегодня посидеть с глазу на глаз, вспомнить о былом.

Сын чайханщика прикатил обратно, привез завернутые в бельбаг лепешки, виноград.

— В казане уже все зажаривается. Можно сразу и рис класть или велите подождать?... — спросил он.

— Кладите. И неси побыстрее, — сказал Тога.

Парень, покрасневший от быстрой езды, умчался.

Тога откупорил бутылку. У них была одна пиала. Налил в нее, подал Икрамджану. Старый бригадир почему-то очень разволновался. Он уже забыл, когда сидел вот так, не думая о делах. А Тога вдруг напомнил ему, что ведь наступили мирные времена и теперь можно не так надрываться, налегая на ляжку. А он за минувшие годы привык вертеться как белка в колесе. И вертится по сей день. А то, не ровен час, можно и надорваться. Возраст подошел такой, что об этом надо думать. А жаль. Ох как жаль...

Он пристально смотрел на друга, и его глаза вдруг затуманились слезами. Пиалушка задрожала в руках.

— Ну что ты, не выпил, а уже пьянеешь, — упрекнул его Тога.

— За твоё здоровье, дружище, — проговорил Икрамджан, вздохнул и, морщась, выпил. Закусил шакароном. — Не упрекай, в нашем возрасте и всплакнуть не стыдно. Лишь бы никто не увидел твоих и моих слез...

— Да-а-а, — вздохнул Тога, наливая коньяк себе. — Нам такое пришлось пережить, что, как вспомнишь, завывать хочется, не только плакать... Но что поделаешь, у нас нет на это права. У тебя или у меня сверкнет слеза, а у других столько слез польется, что затопит все вокруг. Ведь мы с тобой у людей на виду. Значит, надо сжать сердце в кулаке — и чтобы ни стона...

Икрамджан сегодня забыл даже пообедать. Теперь коньяк, будто кипяток, обжег его нутро. После второй пиалушки в голове зашумело. Почему-то во хмелю ему всегда становилось тоскливо. Большинство людей на тоях, где он бывал, после первой же рюмки веселеют, начинают песни петь, а он сидит, бывало, понурый, думая о своей безотрадной жизни.

Вот и сейчас рана от никому не высказанного горя вновь закровоточила на сердце. Вспомнилась ему его милая Джаннат, которой бы жить да жить еще, но не вынесла она свалившегося на них

злосчастья. Померла бедняжка. А то злосчастье и позор в дом принес Турсун, их родной сын. Трусом оказался Турсун, сбежал с фронта... Кому расскажешь такое? Хочется перечеркнуть весь тот отрезок своей жизни. Но разве может быть мужчина без прошлого. Человек без прошлого не мужчина — ребенок. Но что это за прошлое, если кой о чем из него стыдно рассказать даже самому близкому другу?.. То-то. Вот и приходится носить эту тяжесть на сердце одному, не делаясь ни с кем. Кроме него один только Низамджан об этом ведаёт.

Должно быть от коньяка, сердце нестерпимо защемило. Икрамджан прижал к груди руку. Нет, это не от выпитого. Опять перед глазами возникла, будто живая, его Джаннат. И Турсун в свое последнее мгновенье...

Икрамджан тяжело вздохнул. Исподлобья взглянул на друга.

— Тога! Ты знаешь, что у меня вот здесь? — спросил он и сильно ударил себя по груди.

— Знаю. Икрам, знаю. Как мне не знать, что у тебя на сердце. Ведь мы друзья и ничего не скрываем друг от друга.

Икрамджан усмехнулся, и его лицо скорбно перекопилось.

— Спасибо тебе, дружище. В то время, когда мне было всего тяжелее, ты поддержал меня добрым словом. Не посмотрел, что я с войны вернулся калекой, — дал работу. Поверил, что смогу с делом справиться не хуже других.

— Не стоит об этом говорить. Любой бы на моем месте поступил так же.

— Может быть... Но ты все-таки не знаешь, что у меня здесь!.. — снова ударяя себя по груди, сказал Икрамджан и, вдруг всхлипнув, закачал головой. — Джаннат моя ушла из жизни, так и не познав радости. Вся надежда у нас была на сына. И она оборвалась, как нитка.

— Все мы пришли из земли, и все мы, кто раньше, кто позже, уйдем в нее, — заметил Тога. — Надо заботиться о своем здоровье.

— По-разному можно умереть... Обидно, если не успел хоть чуть-чуть насладиться этим миром, а время подоспело уйти...

— Мы сами себе устраиваем жизнь. Еще успеешь насладиться творением рук своих.

Икрамджан отчаянно замотал головой:

— Нет. Ты не знаешь... Ты не знаешь, какая змея сидит у меня внутри и изо дня в день гложет мое сердце. Уж лучше умереть!..

«Не надо было давать ему пить», — с сожалением подумал Тога и швырнул недопитую бутылку под сури.

— У нас с тобой на этом свете еще немало дел, дружище. О смерти рано думать. Ты просто устал, наверно. Вот справимся с уборкой хлопка и давай-ка махнем вместе в какой-нибудь санаторий, а?..

— Никуда я не поеду. И шагу не ступлю из Наймана!.. Джаннат свою не уберет, положил в сырую неудобную землю, а сам в санаторий?.. С самой женитьбы я обещал ей роскошную жизнь. А что вы-

шло?.. В этой степи, среди этих тугаев, лежат два родных мне человека. Могу ли я бросить их?.. Эх, дружище, ты еще не знаешь! Своего Турсуна я закопал среди болота вот этими самыми руками. Умер он позорной смертью. Своим костылем я копал ему могилу. Не было на его похоронах ни одной души, кроме меня. И даже кетменя не нашлось копать могилу для него. И после всего этого я все еще живу. А для чего мне жить, спрашивается? Под силу ли это вынести моему сердцу? Ведь мать Турсунджана не перенесла того, что ее сыну приходится, точно волку, прятаться от людей в тугаях!..

Тогда чуть отстранился и, щуря свои глаза, внимательно посмотрел на старого бригадира. Икрамджан никогда ничего не скрывал от него. А об этом он слышит впервые. Он вспомнил, как в начале сорок четвертого в Найман наведывались из военкомата люди и расспрашивали про Турсуна. Ходили разговоры, будто бы дезертировал из армии, но никто в родных краях его не видел. Вскоре слухи эти улеглись. Стали думать, что Турсун пропал на войне без вести... А на деле вон, оказывается, что...

Тогда насупил брови.

— Опьянев, ты наговоришь невесть что, а завтра будешь каяться, — сказал он хмуро. — Не лучше ли нам уйти?

— Нет. Мне уже неважнота это таить в себе. Вот-вот разорвется сердце. Прошу тебя, выслушай... Моему Турсунджану ты нынче ни вреда не причинишь, ни пользы... В тугаях лежит он, мой единственный... Увидел я его, оборванного и обросшего, от жалости к нему не выдержал — заплакал. «Что понудило тебя, сын, довести себя до этого и ввергнуть в позор мою седую голову?» — спросил я его. Он сказал в ответ что-то дерзкое. Я подумал, действительно ли это мой Турсун, которого я нянчил на руках, от которого никто никогда не слышал грубого слова? Я упрекнул, что из-за него сошла в могилу мать. И тут я услышал от него такие ругательства, каких отроду не слышал. И понял, что он уже не человек. И людям от него не будет ничего, кроме вреда. Я приказал ему пойти вместе со мной в военкомат. Хотел объяснить ему, что, только вернувшись на фронт, он может смыть с себя позор. А он зло рассмеялся... Бросил мои слова себе под ноги. Я подумал, что голод заставит к людям выйти... Потом ждал день, другой, а его все нет. Минуло четыре дня, и я не выдержал — снова отправился в тугаи. Нашел Турсунджана на том же самом месте. Мертвым... Как же я тогда не догадался, что у него был жар?!.. Желтая лихорадка свалила его... Эх, дружище, я костылем копал сыну своему могилу... Диву даюсь, как сам все еще живу после этого...

Икрамджан опустил голову, подперев ее ладонью. Тогда положил ему на плечо руку. Он подумал, что огромная монолитная скала, овеваемая ветрами, мокнущая под ливнями, палимая солнцем, не выдерживает — в конце концов трескается, разламывается на куски, превращается в песок. С чем же сравнить тогда человеческое сердце? Сколько горя оно может вместить в себя?..

Тога искал слова утешения, но не находил таких, которые стали бы вровень со страданиями друга.

— Ладно, — произнес он тихо. — Поплачь. Огонь, обжигающий нутро человека, выходит наружу, обращаясь в слезы. Если не дать им излиться, можно сгореть. Поплачь, так и быть. А я помолчу.

— Нет, — сказал твердым голосом Икрамджан. — я не из тех, кого может свалить несчастье. Если и упаду, буду карабкаться, ползти, но выберусь на нужную мне дорогу. Я буду жить назло всем бедам. Я такой.

Пирамидальные тополя, высаженные вокруг сада и обогнавшие в росте остальные деревья, были окрашены в багровый цвет заката. Несколько минут Тога сидел, глядя на них. Пощипывая ус, задумчиво вздохнул.

— Да-а, — протянул он, и в его глазах тоже появилась скорбь. — Теперь и я скажу. А ты послушай... Мой сын погиб в самом начале войны, — ему трудно было говорить, его душили спазмы. — Четыре года я скрывал это от жены. Целых четыре года она ничего не знала. А теперь прознала от кого-то. И словно помешалась. Лицо себе царапает, волосы рвет, видеть никого не хочет. Не могу ее оставить дома одну, боюсь, как бы чего с собой не сделала. А я вот... не спятил с горя. Видно, матери переживают больше. Матерям тяжелее... Вот и твоя Джаннат такого горя не перенесла.

Тога слез с сури, подобрал выброшенную бутылку. Но содержимое ее, оказывается, вылилось. Снова в сердцах швырнул ее в кусты.

Пришел сын чайханщика. Одной рукой он вел велосипед, в другой держал блюдо с пловом, завернутое в промаслившуюся газету.

Заметив, что оба старика задумчивы, он не сказал ни слова, опасаясь спугнуть их мысли. Тихо поставил блюдо на сури между ними и удалился, ступая на цыпочках. Выйдя на тропинку, сел на велосипед.

От плова поднимался пар, распространяя вокруг вкусный щеко-чувший запах. Постепенно темнело. А оба друга все еще сидели неподвижно и молчали.

Х

Анвара и Адолят приехали к Дильдар за два дня до свадьбы. Они вместе с Шурой помогали Малике-ая разводить в тандыре огонь и печь лепешки, готовить разные сладости. Кроме того, для будущих молодоженов в срочном порядке надо было сшить новые одеяла, наволочки, а для Дильдар — свадебное платье. Юнусали неделю назад привез из Маргилана всякой ткани, белого полотна, шелка, атласа, выбрав на свой вкус.

Сегодня Юнусали в праздничном полосатом халате прогули-

вался по улице, держа внука за руку. От дома Дильдар к дому Малики-ая и обратно. То и дело справлялся у Малики-ая, не надо ли ей чего. Вчера по ее просьбе привез целую арбу гузапай с поля, где хлопок уже убрали. Для тандыра не бывает лучше топлива, чем эти стебли хлопчатника. А сегодня старуха сказала, раздобрившись: «Ладно уж, отдыхайте, занимайтесь с внуком. Вечером и прилечь будет некогда...» Неделю назад, как только приехал, он покрасил в нежно-голубой цвет изгородь и перильце веранды дома Дильдар. Подумав, направился к Малике-ая, убедил ее, что дом жениха тоже должен выглядеть по-праздничному, и приступил к делу. Теперь в Язъяване сразу видно, что эти два дома ожидают почетных гостей на той.

Сури, скамейку и стулья, которые были доставлены в день митинга на гузар, нынче перенесли во двор Малики-ая. Командовал джигитами, которые расчищали кетменями двор от сорной травы, красили изгородь, перильце веранды, расставляли столы и стулья, готовили место для музыкантов, самолично Меливай-ака. Он послал в Маргилан машину за артистами и музыкантами. По его распоряжению сюда принесли из чайханы самый большой самовар, который вмещал не менее бочки воды. А где такой самовар, там у чайханщика дел невпроворот. Чайханщик расставил на столе начищенные до блеска разноцветные чайники, позаботился, чтобы хватило и зеленого и черного чая. Он был убежден, что на всякой свадьбе чаю пьют больше, чем водки и вина.

Еще засветло стали собираться гости. Посередине двора, как и полагается, развели костер, положив в его середину большой суковатый пень, который будет гореть непрерывно, пока народ веселится. Солнце не село, а уже зажгли яркие лампы, каждая в тыкву. Пусть будет много света. Пусть сегодня в этот двор не заглянут сумерки.

На двух грузовиках прибыли гости из Чортерака. Высыпавшись из кузовов, бросились обнимать своих сельчан, ставших теперь уже язъяванцами.

Вскоре по улице, пыля, промчалась машина, не переставая сигналить, возвещая, что приехали артисты. Их встретили радостными возгласами. Артисты — народ бывалый, к тоям привычный, скоренько разместились на сури. Переглянулись, взяли в руки инструменты, и над Язъяваном рассыпалась дробь дойры, лихая и быстрая, каким должен быть джигит, разнеслась мелодия зурны.

Когда музыка умолкла, женщина-танцовщица, обмахиваясь рукой, пожаловалась на комаров.

— Спасу нет от проклятых насекомых. Не догадались прихватить полог, — сказала она.

— Куда уж вам полог, когда его нет даже на лошади председателя, — съязвил, усмехнувшись, чайханщик.

Но эта женщина, видать, была из тех, которым палец в рот не клади. Сразу же нашлась что ответить:

— Я имела в виду марлевый полог для людей. А тот, что для лошадей, закажите себе! — сказала она громко.

Гости засмеялись. Чайханщик удивленно заморгал глазами. И ничего путного не придумал, чтобы парировать ее остроту. Счел себя побежденным в аския — состязании в острологии, — которую сам и затеял.

— Вот такие все маргиланские девушки, — пробормотал он, краснея. — Скажи им слово, а сам тикай...

Меливай-ака позвал Холмата, направившегося было за калитку встречать гостей из Наймана. Но, увидев Икрамджана, Тогу, Низамджана с женой, Тулянбая, заспешил им навстречу, обнялся с каждым, дружески похлопывая по спине. Затем проводил гостей к дастархану, специально приготовленному для них на веранде, где был постлан ковер, присланный в подарок Низамджаном.

Меливай-ака взял Холмата за локоть, отвел в сторону:

— Ты почему свой орден не надел? И даже «Золотую Звезду»?

Он придирчиво оглядел его с ног до головы. На Холмате был бежевый костюм. На голове черная маргиланская тубетейка, вышитая белым шелком. Одеванием жениха старик остался доволен. Однако сердито сказал:

— Ступай надень орден и свою Звезду.

— Ну что вы! Ведь все равно все знают... Подумают, мол, задается...

— Эх ты, неразумный, — упрекнул Меливай-ака. — Когда же носить их, если не сегодня. Принеси. Сам нацеплю на твою грудь.

Малика-ая сегодня битый час уговаривала Холмата надеть свои ордена. Все, какие есть. Он ослушался ее. Обидел старуху. А сейчас, услышав этот разговор, она шмыгнула в дом и вынесла деревянную резную шкатулку.

— Вот ордена моего внучка! — сказала она, подавая шкатулку Меливаю-ака.

Меливай-ака присел на сури, где сидели артисты, открыл шкатулку. И растерялся. Он предполагал, что у Холмата только орден Ленина и Звезда Героя. А шкатулка доверху была заполнена орденами и медалями, мерцавшими при ярком электрическом свете, как драгоценности. Гости стали с интересом разглядывать ордена, передавая их из рук в руки.

— Кладите на место! — строго сказал Меливай-ака. — Сейчас Холматджан их наденет, тогда и любуйтесь сколько хотите.

И принялся не торопясь прикалывать ордена на грудь Героя. Когда приколол все в соответствии со степенями, обнял Холмата и, хлопнув его по груди, с восторгом воскликнул:

— Э-э, батыр, да ты прямо генералом выглядишь... Отправляйся со своими джигитами и приведи невесту.

Холмат в окружении друзей направился к дому Дильдар, окна которого ярко светились в конце улицы.

Меливай-ака обошел столы, приглядываясь, всего ли на них

вдосталь. Захмелевшие гости громко разговаривали, смеялись. Подошел к одному сури, к другому, на которых, тихо беседуя, чинно восседали старики за дастарханами. Старики пили чай. Чайханщик едва успевал приносить полные чайники со свежей заваркой и уносить пустые. Меливай-ака остался доволен осмотром. На столах и на дастарханах было всего в изобилии: самса и сладости, фрукты и всякая зелень, жареные утки и зайчатина. Вечера Меливай-ака поручил четверем заядлым язъяванским охотникам добыть дичи для тоя. Те целый день охотились в тугаях, набили целую арбу утками и зайцами.

Пусть сегодня в доме у молодых будет побольше гостей и ломятся столы от снеди. Тогда, по народному поверью, их дом всегда будет полной чашей и редкий день пройдет, чтобы в нем не побывали в гостях друзья.

На улице послышались ликующие голоса детворы: «Идут!.. Идут!.. Невесту ведут!..»

Музыканты поспешно слезли с сури, обулись и, прихватив инструменты, заспешили навстречу приближающейся шумной толпе, впереди которой кто-то нес огромный факел. Но вот, заглушая шум, грянула свадебная песня. То Анвара, то Адолят поочередно громко пели по одному куплету, а все остальные хором скандировали: «Ёр-ёр-е-е!..» Эти громкие выкрики множества людей разносились далеко вокруг, оповещая степь, горы, холмы и болота, все окрестные кишлаки о большом тое.

Адолят:

Если веревка длинная, качель высоко летает!
Ёр-ёр-е-е!..
Если жених красивый, невеста от счастья тает!
Ёр-ёр-е-е!..

Анвара:

В широкий подол удобно тутовник собирать!
Ёр-ёр-е-е!..
Сердцу милого всю жизнь гореть — не угасать!
Ёр-ёр-е-е!..

Адолят:

Сороки сели на тополя высокие!
Ёр-ёр-е-е!..
Разнесите весть о тое вы в края далекие!
Ёр-ёр-е-е!..

Анвара:

Красавец женишок пусть не поленится!
Ёр-ёр-е-е!..
Жена его летом пусть сыном разрешится!
Ёр-ёр-е-е!..

В толпе пронзительно закричали, захлопали в ладоши, захотали. Дильдар, закрывшая лицо низко опущенным ярким цве-

тастым платком, ущипнула Анвару в бок. Сквозь шум вновь прорвался голос Адолят:

По этой девушке вздыхают чортеракские джигиты!

Ёр-ёр-е-е!..

Что же ты сердца их разбила? Что же ты?!..

Ёр-ёр-е-е!

Анвара:

Ревет, бурлит река меж скалами!

Ёр-ёр-е-е!..

Этого молчаливика угрюмого где же разыскала ты?!

Ёр-ёр-е-е!..

Снова слышались смех, выкрики притворно возмущенных друзей жениха. Холмат, поддерживавший невесту под руку, тихонечко притянул к себе ее локоть. Она мельком взглянула на него — глаза блеснули, будто звездочки.

Адолят:

У дороги на вербу кто-то весил фонарь!

Ёр-ёр-е-е!..

Щеки у невесты еще ярче горят!

Ёр-ёр-е-е!..

Анвара:

Впереди я вижу не жениха ли дом!

Ёр-ёр-е-е!..

А жених все молчит. Он не с защитым ли ртом?

Ёр-ёр-е-е!..

Адолят:

Привезла в Язъяван я сестрицу свою!

Ёр-ёр-е-е!..

И на свадьбе ее веселюсь и пою!

Ёр-ёр-е-е!..

Анвара:

Ты, как роза в саду, украшаешь свой той!

Ёр-ёр-е-е!..

А жених твой, подружка, и молчун, и рябой!

Ёр-ёр-е-е!..

Дильдар заметила, что Холмат посуровел. Подумала, что он обиделся на ее подругу. Едва Анвара открыла рот, Дильдар сильно ущипнула ее. Вместо песни у той вырвался крик: «А-ай...» Подоспевшие музыканты заиграли традиционное «Поздравление к тою». Певцы запели. Малика-ая встретила молодых на пороге. Пригоршнями стала бросать в толпу монеты. И дети и взрослые с визгом бросились подбирать мелочь.

Меливай-ака, взяв под руку, подвел к молодым Юнусали:

— Ота, благословите жениха и невесту!

Юнусали, держа перед собой ладони, прочитал молитву. Затем сказал:

— Пусть аллах ниспошлет вам счастья. Да будет у вас пренного детей, внуков и правнуков. Пусть в вашем доме всегда будет достаток...

Голос Юнусали дрожал. Он умолк. Взял Холмата за голову и, наклонив, поцеловал в лоб.

— Сын мой, вверяю тебе свое единственное дитя, свет очей моих. Не обижай ее... — с трудом проговорил он, не выдержал и заплакал.

Холмат с беспокойством огляделся вокруг. Увидел Азимджана, растерянного и словно бы даже испуганного. Мальчик прижался к подолю Малики-ая, смотрел на Холмата и на свою мать широко открытыми, полными недоумения глазами. Холмат шагнул к нему, подхватил его на руки.

Жениха и невесту сопроводили к столу. Холмат посадил Азимджана рядом с собой. Дильдар была благодарна ему. Так благодарна, что слезы выступили на глазах. Чтобы никто не заметил их, ниже наклонила голову, приспустила на лицо платок.

Веселье было в разгаре. Переливчато звенели бокалы. Провозглашались тосты один другого витиеватее, один другого многозначительнее. Не поддержать их мог только человек, не желающий молодым добра.

Музыка звучала непрерывно. Джигиты, молодцевато поводя плечами, лихо танцевали вокруг костра. У всех, кто приближался к костру, лица были красны, лоснились от пота. И кровь их становилась горячей, как этот огонь.

Анвара поправила на Дильдар платок, открыла ее лицо. Пусть все видят, какая невеста красивая. Пусть все любят подружку Анвары. Есть ли у какой-нибудь девушки в округе такие прелестные брови, напоминающие крылья стрижа? У кого кожа на лице нежнее, чем у Дильдар? А глаза черны, как два глубоких омота.

Анвара наклонилась к Холмату и проговорила так, что слышали все:

— Если ты мою подружку обидишь, пеняй на себя! Не посмотрю, что ты Герой!.. — Потом игриво подмигнула и сказала, понизив голос: — Будь я мужчина, не видеть бы тебе Дильдар как своих ушей! Отбила бы...

Дильдар ее одернула:

— Хватит тебе. Болтушка ты. Садись.

— На твоей свадьбе сидеть? Как бы не так! Эй, джигиты! Кто меня перепляшет?

Анвара пустилась в пляс. Она была легка и быстра. Играла бровями, озорно подмигивала парням. Руки ее изгибались, словно лебединые крылья. В эту минуту она походила больше на озорницу девицу, какой была год назад, чем на председателя колхоза.

Вот вступила в круг Шура, встряхнула волнистыми локонами цвета спелой ржи, притопнула ногой. И пошла плясать, и пошла. Ее щеки покраснелись. Глаза сверкали, как два голубых колоколь-

чика, полных росы. Сарафан на ней, в больших алых цветах, вихрем закручивался вокруг ее сильных загорелых ног.

А бубен то ухал, то рассыпался мелкой дробью. А зурна то смеялась, то визжала. Звенел залхватски рубаб.

С улицы вдруг донесся какой-то шум, ругань. Сидевшие поближе к калитке стали оборачиваться, но яркие лампы, висящие над столами, слепили глаза, и они ничего в темноте не могли разглядеть. Меливай-ака вышел на улицу. Через некоторое время он позвал Анвару. С улицы донеслись пьяные ругательства, затем все стихло.

Анвара вернулась бледная от негодования, села на место. Она отпила воды, но все никак не могла успокоиться. Дильдар тихонечко спросила у нее, в чем дело. Анвара небрежно махнула рукой: «А, пустяки. Тебя не касается...»

Шура пригласила на танец отца. Меливай-ака не стал отнекиваться. Он, оказывается, мог еще и удалью блеснуть. Танцевал он не очень быстро, но все-таки не без азарта. Выделывал неожиданные па, ударял ногой о ногу и при этом игриво и задорно поводил бровями.

Люди, окружившие их плотным кольцом, хлопали в такт музыке ладонями, подзадоривая танцующих криками.

Меливай-ака дважды обошел в танце вокруг костра, и стало заметно, что он устал. Но все же приблизился к Тоге, восхищенно залюбовавшись им, и пригласил его на танец. Но Тога, прикладывая руки к груди, стал извиняться, уверяя, что ему не сделать и круга в таком темпе. Икрамджан взглядом показал на Тулянбая, который в доброе довоенное время считался в округе лучшим танцором.

Меливай-ака понимающе кивнул, направился к Тулянбаю. Но тот смутился, начал отказываться. Джигиты взяли его за руки, почти насильно вывели в круг.

Тулянбай ослабил поясной платок, чтобы он не стеснял движений, распахнул на груди ворот халата. Плавно поднял руки и в такт ударам бубна проделал первые шаги, будто проверяя, послушны ли ноги. Он был бледен, бисеринки пота выступили на лбу. Волновался, как артист, после длительного перерыва вновь вернувшийся на сцену. Вдруг Тулянбая стало не узнать: он начал танцевать в таком стремительном темпе, что все, кто глядел на него, поневоле усомнились, действительно ли это танцует человек, которому за пятьдесят. Он выделывал фантастические па, сдабривая их частушками, лишь бы насмешить друзей-приятелей.

Но вот музыка умолкла. Начали разносить плов...

Было уже за полночь. Тога попросил Меливая-ака разрешить прибывшим из Наймана покинуть торжество, ибо с завтрашнего дня они начинали уборку риса. А перед этим следует хорошенько отдохнуть. Палван, вышедший на кураш не отдохнув, никогда не поборет соперника. Меливай-ака их удерживать не стал.

Низамджан подошел к жениху и невесте, поздравил их, пожав обоим руки. Анвара, сидевшая рядом с Дильдар, дернула его за рукав:

— Слушай, тихоня, когда ты нам представишь свою жену?

— Сейчас, — сказал, смеясь, Низамджан и направился на улицу, где найманцы уже рассаживались в машине.

Он окликнул Зебихон, попросил слезть с кузова. Сказал, что его одноклассница, председатель из Чортерака, хочет с ней познакомиться, и вновь повел к праздничному столу.

Анвара поднялась им навстречу. Здороваясь с Зеби за руку, бесцеремонно оглядела ее с ног до головы.

— Что ж, и вы красивая!.. У всех моих одноклассников жены красивее меня. Поэтому я все еще не замужем, — с улыбкой сказала она.

Зеби смутилась, не поняв, шутит она или говорит серьезно.

— И к вам придет когда-нибудь счастье... — тихо проговорила она.

— А я и сейчас счастлива! Приглядитесь ко мне, разве я похожа на несчастливую женщину?.. Только честно. — Анвара смотрела на нее в упор.

Зеби отрицательно покачала головой.

— Спасибо, — сказала Анвара, собрав на переносице брови в сборочку, и вздохнула с каким-то облегчением: — Унизительнее всего выглядеть несчастной!.. — И тут же, оживившись, добавила: — Приезжайте к нам в Чортерак! Низамджан, не забывай, что ты наш, чортеракский!..

— И вы приезжайте в Найман, мы будем очень рады, — сказала Зеби.

С улицы донесся протяжный звук автомашины. Низамджан взял Зеби за руку, и они заспешили к выходу. Едва они оказались в кузове, машина рассекла светом фар темноту надвое и тронулась. Ехали не быстро, а машину подбрасывало на ухабах, раскачивало. Видно, и шофер, не сдержавшись, пропустил украдкой рюмку, а то и две.

Машина вильнула в сторону, и свет фар на мгновение выхватил из темноты человека, сидящего на обочине сгорбясь, обхватив колени. Низамджан узнал Агзама. Так вот, оказывается, кто поднял шум, желая расстроить свадьбу. А теперь, вдрызг пьяный, сидит один в степи и, подобно богомолу, раскачивается из стороны в сторону...

Уже проехали порядочное расстояние, а все еще неслись вслед машине свадебная музыка и восторженные крики джигитов. Вдалеке среди кромешной темноты мерцали огни Язъявана. И как только они скрылись за горбатыми холмами, впереди замелькали огни Наймана.

Есть ли на свете что-нибудь такое, что изматывает человека больше, чем ожидание? Махбуба ждала Агзама. Минула целая неделя, как он уехал в Ташкент. Каждый день она отпрашивалась на работе пораньше, надеясь, что он уже дома. А его все нет и нет. «Ой, хотя бы беда обошла его стороной!» — думала она и до поздней ночи не ложилась спать. Даже ужин не готовила. Одной не хотелось есть. До еды ли, когда душа изболелась. Наслышалась всяких разговоров о том, какие происшествя случаются на дорогах, — страшнее не придумаешь. За годы войны развелось всякой шпаны: и чемоданы вытаскивают из окон вагонов, и на людей нападают. А если напасть не могут, обманом берут. Наверное, не скоро еще переведется эта нечисть. Долго еще будет беспокойно на дорогах...

Ведь уговаривала Агзама не ехать. Он сказал: «Надо». И не объяснил зачем. Что ж, надо так надо. Махбуба собрала его в дорогу. Досаждать не стала расспросами...

В последнее время Агзам стал каким-то странным. Все молчит и молчит. А то уединится в дальней комнате и лежит там на диване, закрыв лицо тюбетейкой. А за столом во время еды на Махбубу и не смотрит, глаза прячет, будто боится, что она в них что-нибудь заметит. А она уже заметила. Какое-то беспокойство в них, вот что...

Если Махбуба спрашивает, что с ним происходит, он раздражается. Уходит из дому. К своим дружкам в чайхану. Возвращается поздно. И от него так разит водкой, что Махбубу начинает мутить. Она перебирается в другую постель. Но он берет ее на руки и относит на прежнее ложе. Она пробует оттолкнуть, но этим еще больше разжигает в нем звериный инстинкт. Он, как буйвол, ломает кости, ласкает грубо, молча. Не приемля возражений...

А наутро Агзам опять угрюм, замыкается в себе, из него и слова не вытянешь. Он первым уходит на работу. Они расстаются до вечера... Весь день Махбуба не находит себе места, гадая, почему муж так переменялся к ней.

Дня за два до поездки в Ташкент Агзам вроде бы повеселел. Сказал, что получил письмо от приятеля, с которым вместе воевал. Приятель выполнил его просьбу...

Помедлив, Махбуба спросила: «Какую просьбу?..» Он не ответил. Отшутился: «Я суеверный. Не люблю говорить заранее».

И сегодня Махбуба вернулась пораньше, полагая, что на пороге ее встретит Агзам. Но этого не произошло. Она села на ступеньку веранды и заплакала. Никогда ее так не угнетала тишина в доме. Она быстро встала, утирая слезы, подошла к патефону и поставила пластинку. Вытерла пыль с книжного шкафа, с серванта, в нишах. Ей хотелось себя чем-то занять. Скатала большой ковер, посланный в гостиной, принялась мыть пол.

Крайняя доска у самой стены под ногой чуть сдвинулась. Что же это? Только весной она сделала ремонт. Пол мастера перекрыли заново и покрасили. Махбуба потрогала доску руками, приподняла.

Странно — гвозди из нее кто-то выдернул. Вон даже следы от клещей. Зачем это понадобилось? Махбуба нагнулась и заглянула в подпол. В лицо ударило запахом сырости. Глаза постепенно привыкли к темноте. Увидев что-то светлое, протянула руку и с трудом вытащила на свет бумажный мешок. В нем был еще один сверток. Начала его разворачивать, упали тяжелые пачки денег. Махбуба обмерла со страху. Откуда могут взяться эти драгоценности и столько денег? Ей почудилось, что уже к ее калитке подходят люди, явившиеся с обыском. Она бросила с омерзением сверток, словно это была змея, и распахнула дверь. Во дворе никого.

Вот почему Агзам в последнее время сам не свой! Она знала, что дружки, с которыми он знает, его до добра не доведут. Известно, какие люди пьют каждый день водку! На честные деньги много не выпьешь. Они, наверное, ограбили ювелирный магазин, а ее мужа заставили спрятать краденый товар!..

Махбуба прижалась лицом к столбу веранды и горько заплакала. Она не знала, как поступить, как спасти Агзама. Она бы сию же минуту собрала эти проклятые железки и бумажки и отнесла куда следует, если бы была уверена, что ее Агзаму ничего не сделают.

Махбуба опустила на ступеньки и уткнулась лицом в колени. Так и просидела, пока стемнело.

За воротами остановилась машина. Порывисто отворилась калитка. Махбуба медленно подняла голову. По садовой дорожке быстрыми шагами приближался Агзам.

— Ты что сидишь в темноте? — спросил он и хотел поцеловать ее в щеку.

Махбуба отстранилась.

— Чем ты расстроена? Выйди-ка на улицу, взгляни, что я купил. Тебе сразу станет весело.

Махбуба сидела, не меняя позы, устремив взгляд в одну точку.

— Язык проглотила, что ли? Хорошо же ты встречаешь мужа!.. Я машину купил, а она не рада! Немецкая! «Опель-капитан» называется. Теперь буду возить тебя на своей машине.

— Где вы взяли деньги? — спросила Махбуба.

— Э-э, виноград ешь, а из какого сада, не спрашивай. Где ключ от ворот? Надо загнать машину во двор.

— Кто покрывает воров, тот сам вор! Вы сообщник воров! — закричала Махбуба и резко встала, в упор глядя на Агзама. Ее лицо было мокро от слез, глаза сверкали...

Агзам вздрогнул, будто его ударили. Вдруг он метнулся в дом. В гостиной вспыхнул свет. Махбуба последовала за ним. Муж, бормоча что-то невнятное, ползал на коленях, сгребал в кучу драгоценности.

— Пока не поздно, все это надо отнести туда, где украдено! — резко сказала Махбуба.

Агзам вскочил на ноги. Его глаза были округлы и страшны. В злобе перекошен рот.

— Как ты посмела взять это? — истошно заорал он. — Следишь, куда я прячу вещи?

И он с размаху ударил Махбубу по щеке.

Она рухнула на ковер, который давеча скатала, собираясь мыть пол. Опершись на дрожащие руки, с трудом приподнялась. Волосы упали на лицо, лезли в глаза. В жизни ее никто не бил. Сейчас она ощущала не столько боль, сколько стыд. Приглушенным голосом она произнесла:

— Уходите. Не хочу вас видеть.

— Ха! — желчно усмехнулся Агзам, ощерив желтые зубы. — За эти деньги я куплю сто таких, как ты.

Он взял сверток под мышку, чеканными шагами вышел из комнаты и с силой захлопнул дверь. До него донеслись горькие рыдания Махбубы. «Ага-а, еще не раз поплачешь, еще побегаешь за мной, как сука...» — со злорадством подумал он.

Открыл дверцу машины и бросил сверток на заднее сиденье. Включил мотор.

Махбуба, как только услышала звук отъезжающей машины, убежала на улицу. Но не успела. Там не оказалось ни Агама, ни машины. Она хотела теперь уже все ему простить. И даже пощечину. Муж ударит, муж и пожалеет. Лишь бы не покинул ее. Ведь она в целом свете одна. Только он у нее близкий. Видит бог, она не хотела его обидеть. У нее случайно вырвалось грубое слово. Думала, эн не обратит внимания. Оба посердятся да и помирятся. А он вон какой гордый — ушел... Столько дней ждала, хотела на шею броситься, едва он переступит порог. А вместо этого обидела, из дому выгнала... И какой черт угораздил ее лезть в этот подпол! Ведь недаром же говорят: у мужчины свои дела, у женщины — свои. Если их дела смешать, то получится ералаш.

Махбуба бросилась в дом, чтобы вволю наплакаться.

Всю ночь она провела без сна. Едва закроет глаза, ей начинали сниться кошмары, и она тут же просыпалась. Прислушивалась, не донесутся ли со двора знакомые шаги. Она калитку не заперла на ночь. Надеялась, что муж поостынет и вернется. Она кляла себя, что обидела его. Можно было сказать ему о том же, но не так, а по-хорошему. Сердце ныло, как будто бы в нем нарыв. И глаза высохли, не осталось в них больше слез.

Махбуба встала, напилась воды. Уже светало. Она не легла больше. Подошла к трюмо и испугалась. Из зеркала на нее смотрела растрепанная женщина с измятым лицом, припухшими веками.

На работе сотрудники то и дело справлялись у Махбубы, здорова ли она. Махбуба заставляла себя улыбнуться, отвечала, что здорова. Стоит задрезать телефону, она хватала трубку. Думала: может, муж...

Перед самым обеденным перерывом позвонил председатель райисполкома.

— Это вы, доченька? — осведомился он ласково. — Зайдите ко мне.

Махбубе показалось странным, что этот человек, всегда чем-то недовольный и сердитый, сейчас так обходителен. Поглядевшись в зеркало, она поправила волосы и направилась в кабинет председателя.

Сотрудники исполкома ушли на обед. Председатель находился в кабинете один. Он любезно поднялся с места, пожал Махбубе руку и предложил ей чаю. Направил в ее сторону вентилятор.

— Как здоровье?

— Ничего, — сказала Махбуба, пожав плечами. — Сегодня почему-то у меня все об этом спрашивают...

Председатель внимательно и как-то странно посмотрел на Махбубу. От этого взгляда в сердце ее вкралась тревога. Держа руки за спиной, председатель прошелся по кабинету. Подошел к окну и стал глядеть на улицу. Он механически вертел большими пальцами один вокруг другого. Махбуба поняла, что он нервничает. С чего бы вдруг? На той стороне улицы рос густой, округлый, как шар, чинар. На его вершине стоял в гнезде аист. Говорят, у кого на крыше совет гнездо эта птица, тому в дом постучится счастье. Этот аист выбрал дерево в центре города. Он всему городу обещает счастье.

Председатель покашлял в кулак и обернулся.

— Вот что, доченька, — сказал он, хмурясь. — Мне очень неприятно, что ты эту весть от меня услышишь. Но не сообщать тебе тоже нельзя... Да и то сказать, мы за годы войны ко всяким неожиданностям привыкли. И все же собери свое мужество...

— В чем дело? Говорите скорее... — еле слышно попросила Махбуба, предчувствуя недоброе, и встала.

— Агзамджан попал в аварию... Только прошу тебя, возьми себя в руки. Ему уже ничем не поможешь, а мужество хотя бы поможет тебе...

Махбуба взялась за спинку стула, чтобы не упасть. Потом шагнула к двери.

— Сядь, — сказал председатель райисполкома. — Спешить нет надобности... Час назад мне позвонили из Алтыарыка. Он на большой скорости врезался в парапет моста. Это случилось ночью. Говорят, он был пьян...

В голове у Махбубы шумело. Голос председателя райисполкома до нее доносился, словно из потустороннего мира. Она с трудом совладала с собой, медленно пошла к выходу, завешенному темными портьерами.

— Да, вот еще что... — остановил ее председатель. — При пострадавшем обнаружены какие-то драгоценности и крупная сумма

денег. Просили передать тебе, что все это находится в Алтыарыкском отделении милиции.

Слова эти ее били, как тяжелые камни. Махбуба выбежала из кабинета.

XII

В небе, прощаясь с Найманом, курлычут журавли. Их еле приметный пунктирный треугольник устремлен острием к югу. Если птицы покидают родные края, следует ждать холодов. Надо спешить собрать весь хлопок до того, как начнутся дожди.

А найманцы с уборкой уже управились. На их полях не осталось ни коробочки. Правду сказать, совсем небольшая площадь у них была засеяна хлопком. Зато теперь предстояло на четырехстах гектарах сжать рис и обмолотить. И главная трудность в том, что под рукой у них не имеется техники, приспособленной к уборке риса.

Вручную стали трудиться. Серпами жать. И первые арбы с золотистыми снопами, погромыхая по степным просторам, отправились на хирман. Место для хирмана приготовили позади школы, расчистив большую площадку.

И случись же такая досада, что как раз в страдную пору у Икрамджана сломался протез. А на одной ноге, опираясь на костыль, по полям не шибко попрыгаешь. Если только до полудня походит, то ему приходится до вечера валяться, массируя ноющее плечо. Поэтому Тога настоял, чтобы Икрамджан поехал в Ташкент и заказал себе новый протез. Икрамджан согласился, но лишь после того, как Тога пообещал ему, что лично будет руководить уборкой риса.

Вот уже скоро неделя, как Икрамджан уехал. Того пришлось на время страды перебраться в Найман. Сегодня он с утра распорядился, чтобы скошенный рис свозили на хирман, и укатил в Зирилляму. Вернулся он только к вечеру. Рядом с ним в автомобиле сидел черный, как головешка, человек с длинной, падающей на грудь и уже начавшей сесть бородой. В руках этот человек держал дутар с коротким грифом. При въезде в кишлак им повстречался Тулянбай. Заметив долговязого незнакомца с дутаром, Тулянбай с удивлением подумал о том, что за Тогой вроде бы не водилось обычая в страдную пору привозить артистов. Председатель резко остановил машину и сказал ему:

— Сегодня начнем молотьбу. Скажи людям, чтобы собрались вечером на хирмане.

Только тогда Тулянбай понял, что Тога привез с собой майдачи — певца, который при молотьбе риса экспромтом складывает свои песни. Он подошел к гостю, почтительно поздоровался с ним за руку. Майдачи в округе человек уважаемый. Во время молотьбы его зовут и в один кишлак, и в другой, и в третий. Считается, если молотьбу начнет майдачи с шутками-прибаутками да с веселой

песней, то урожай будет знатный, обмолот^т богатый и до урожая следующего года запасы не иссякнут, люди будут есть и веселиться. Вот почему Тога сегодня отправился в Зирилляму чуть свет, желая застать майдачи дома...

Тулянбай заспешил, чтобы успеть всех предупредить, что сегодня начнется обмолот.

У ферганских крестьян, сеющих рис, издревле живет обычай. Молотьба риса для них — большой праздник. На хирман приносят котлы, в которых будет сварен плов из первого обмолота. Из окрестных кишлаков прибывают гости. Они приходят без приглашения. И не для того, чтобы празднично глядеть, как люди работают, а чтобы помочь.

Когда Низамджан пришел на хирман, здесь уже было полным-полно народу. По краям широкой, расчищенной площади ярко пылали факелы. С разрешения Тоги сегодня зарезали телку. В котлах уже жарилось мясо, морковь, лук, распространяя вкусный, душистый запах. Ошпазы ожидали теперь рис первого обмолота. Чтобы послушать знаменитого в округе майдачи, здесь собрались даже старухи. Они держались все вместе в стороне. Для них постелили шалчу, и они, покряхтывая, стали рассаживаться.

Пока снопы риса раскладывали в огромный круг, отсвечивающий при свете факелов как золото, пока вбивали посередине этого круга толстый кол и пока привязывали к этому колу шесть волов, которые должны будут ступать бок о бок, уминая снопы копытами, майдачи и Тога сидели на войлоке под факелом и, тихо беседуя, пили чай.

К ним подошел Тулянбай и сказал, что все готово. Тога, как заведено обычаем, прочитал традиционную молитву. Старики провели по лицам ладонями. Майдачи поднялся и подошел к волам.

Послышались голоса:

— Спасибо тебе, Саттар-майдачи, что к нам пришел!

— У тебя легкая рука, начинай с благословения аллаха...

Несколько наиболее сильных джигитов подошли к громоздким ступам и взялись за тяжелые деревянные песты. Им предстояло рис, отделенный от плевел, потолочь еще в ступе, чтобы очистить от шелухи, а затем провеять на ветру.

Саттар-майдачи, похлопывая по крупам волов, увязших по брюхо в снопах, обошел их, оглядывая каждого наметанным глазом. Пощупав веревку, которой первый вол был привязан за рога к колу, и обернувшись к притихшим в ожидании людям, сказал:

Здесь вола привязали иль мышь?

Сбежит с работы — и не углядишь.

Как только увидит телку,

Сразу же и порвет веревку!

Этого холостяка надо привязать покрепче...

Люди прыснули со смеху. Саттар-майдачи укрепил привязь еще одной веревкой и, звонко шлепнув несколько раз животное по крупу, погнал: «Хук, тварюга этакая!»

Остальные волаы тоже тронулись с места. Майдачи поторошил крайнего, которому надо шагать побойчее, чтобы не отставать, и громко произнес:

А это что — кожа или кости?
Иль тощий ишак приплелся к волам в гости?
Из его брюха торчат палки ли, ноги ли?
С такой животинушкой наработаешь много ли?
Надо бы вместо тебя твоего чабана впрячь...

Под общий смех майдачи отвязал животное и отпустил. Вол прошел немного, шатаясь, — видно, после нескольких кругов у него закружилась голова, — вдруг его передние ноги подогнулись, и он свалился. К нему подошел чабан со своими тремя помощниками. Готовые от стыда провалиться сквозь землю, они с трудом подняли бедное животное и увели. То-то было смеху и насмешливых выкриков им вслед.

Теперь майдачи с подчеркнутым восхищением оглядел упитанного вола с гладкими боками, шерсть на котором так и лоснилась.

— О, бедняжка, про тебя и бейта не сложишь! — воскликнул он и сделал вид, что заплакал. — Жаль мне тебя, такого красавца! Вон мясник уже точит нож, не сводя глаз с тебя. Из твоего мяса скоро сделают кябаб, и из кишок колбасу. Из кожи закажут себе сапоги председатель и главбух, так постарайся, милоч, погромче поскрипывать на их ножках!.. Твои жилы натяну вместо струн на свой дутар. Из рогов агроном себе трубку смастерит. Из костей артель выделает пуговицы. Из косточек твоего хвоста сделают счеты для уважаемого счетовода. Потроха достанутся собакам, которые стерегли тебя три года. А мычание твое я употреблю в самом мелодичном месте своей песенки. А чабану, так уж и быть, пусть достанется то, что в изобилии накидал ты по дорогам, возвращаясь с пастбищ!..

Последние слова майдачи потонули во взрыве хохота. Майдачи поднял обе руки, требуя тишины, и разрешил взять под соломой в самом низу осыпавшийся из колосьев рис. Тотчас несколько человек принялись руками сгребать зерна, наполнять ими ступы.

— То, что столчем, пусть пойдет нам на доброе житье, на развеселые празднества! — воскликнул Саттар-майдачи. — Пусть всегда наши казаны будут наполнены пловом! Рис будем есть, из шелухи сварим бузу, а саман насытит коров наших! И пусть на семена побольше останется, аминь!

Почти одновременно ухнули шесть тяжелых пестов, опустившихся в ступы.

Майдачи попросил стоявшего неподалеку Низамджана подать ему дутар. Поднеся инструмент к уху, потрогал струны большим пальцем, как проверяют острие ножа, слегка подтянул их и, неожиданно заиграв залихватски, запел хрипловатым, но довольно приятным голосом:

Озябшее согревает сердце
Глоток бузы.
Скорь обращает в бегство
Кувшин бузы.
Но если от него ты стал косою,
Пусть выпадет из рук
кувшин с бузой!
Ой-ей-ей-ей!
Ой-ей-ей-ей!...

Майдачи исполнял песни, то игриво подмигивая девушкам, и при этом в его глазах отсвечивалось розоватое пламя факелов, как отблеск молодости, то мечтательно прикрывая глаза, опустив голову на грудь, и тогда его дутар вздыхал и стонал, жалобно всхлипывал. Слова песни майдачи западали, будто искры в солому, в сердца джигитов, заставляли вздыхать украдкой девушек, пробуждали у седых старцев давно уснувшую любовь...

Степной ветерок подхватывал песню майдачи, уносил в степь, чтобы и она послушала. И дремлющие холмы, и притихший камыш, и пожелтевшая трава, и низко склонившееся звездное небо — пусть все слушают песню майдачи!

Бьется в силке то ли лебедь, то ли гусь...
Я от кручины все никак не отвяжусь.
Налила мне в сердце керосин — не подожгла,
Наяву или во сне вчера меня ты обняла?..

Майдачи вынул из-за поясного платка плетку, подстегнул волов. Солома измельчилась, животным теперь шагать стало легче. На каждом круге майдачи сочинял один куплет.

Тверже маргиланской стали — не бывает,
Ножей острее маргиланских — не бывает,
Не говорите про мою милую, что она отцвела, —
Горячее никто не обнимает!.. —

пел майдачи и, взмахивая кнутом, погонял волов: «Хук, животинушки, хук!..»

Не искры, а молнии чакмак мой вышибает,
Эти молнии в глазах наших девушек мерцают.
Из какой земли изваяны? Где ж это место?..
Говорят, из сдобного аллаха слепил их теста!
Хук, животинушки, хук!..

Скакуна, что гонится за кобылой, называют
жеребцом,
Джигита, что вырастил рис, величают молодцом.
Кто в болотной воде трудился сто дней подряд,
Тот будет весь год купаться в масле, твердят!
Хук, животинушки, хук!..

Скоро, скоро в долину с гор повеет холодом,
Вон даже муравьи тащат зерна — дабы не
знаться с голодом.

А те вон парни рис не жали — свидетель аллах.
Пришли, когда плов уже прееет в котлах!
Хук, животинушки, хук!..

Саттар-майдачи попросил пиалушку чаю. К его потному лицу прилипла шелуха. Глаза задорно светились. Он видел, что людям нравятся его куплеты, и был доволен. Ибо где звучит хорошая песня, там и работа спорится.

Несколько мужчин, ссыпав из ступок протолченный рис, начали провеивать его в решетках. Ветерок подхватывал шелуху, относил в сторону. В решетках оставалось зерно, белое, с желтоватым отливом, как мелкий жемчуг. Шелуха кружилась, мелькала в воздухе. Старики протягивали ладони, ловили ее и трепетно прикладывали к векам.

Заметно было, что майдачи устал. Тога поднялся с места, прошелся между людьми, разыскивая кого-то. Увидев Тулянбай, схватил его за поясной платок, будто тот мог убежать куда-то.

— Ты человек поэтической природы, редко обходишься в разговоре без пословиц и поговорок. Наверное, и бейты мастак сказывать, а? — сказал Тога, не выпуская его.

Всем прекрасно было известно, что Тулянбай знает на память множество бейтов. Зааплодировали. Тулянбаю было все равно не отвертеться. Он вступил в круг и взял у Саттара-майдачи плетку.

Один из стариков подошел к Тоге, сказал:

— Сынок, сегодня священный день. Скажи джигитам, чтобы не выпивали. Нехорошо ведь. Погляди, уже некоторых качает из стороны в сторону...

Тога кивнул ему. Подойдя к мужчинам, передал просьбу старика.

Шесть джигитов толкли шалу в шести ступах. На их оголенных спинах бугрились под лоснящейся кожей мышцы. Они с силой опускали тяжелые песты, и казалось, от их ударов содрогается земля. Если кто-то уставал, его тотчас заменяли. Много было охотников показать свою силу в этом деле. Находились желающие посоревноваться, кто без передыху большее количество раз ударит пестом.

Тулянбай обошел один круг, поторапливая волов, второй, третий. А все молчал. Время от времени похлопывал себя по лбу, словно хотел вбить в свою голову забытые бейты.

— Начинай же, Тулянбай, чего тянешь!.. — крикнул ему Тога.

— Сейчас, пусть снизойдет вдохновение...

— А ты опрокинь сто граммчиков, оно и снизойдет, — посоветовал кто-то из джигитов.

Тулянбай недружелюбно взглянул на него. Оглушительно щелкнул кнутом над спинами волов и начал:

С горы заяц бежал без подбородка, без подбородка,
Девушки платья носят без отворота, без отворота.
На то место, где ворот должен быть,
Мне бы руку положить, мне бы руку положить!..

— Брось, не плети такое. Совесть поимей, — засмеялся Тога.

— Ладно, подожду малость, когда вслед за вдохновением и совесть придет, — ответил Тулянбай, лукаво ухмыляясь. Потом откашлялся и продолжал:

Я на старости хотел снова зацвести,
Но возлюбленная вдруг исчезла без вести.
Искал в Маргилане, в Чортераке и в Шахри,
А она оказалась у соседа в ичкари...
Ха, тварюга эдакая, хук!..

— Молодец! — закричали ему. — Только добавь и про рис немного! Вот и свой майдачи у нас объявился!.. Давай про рис!

Отведай плова малость,
Вкусная еда!
Мужчинам почи — радость,
Женщинам — беда!..

Ха, тварюга эдакая, хук!..

— Э, лопнуть тебе от стыдобушки, опять паясничаешь, — смеясь заметил Тога. — Тебя же просили про рис.

— А плов не из риса, что ли? — отмахнулся Тулянбай.

— Давай что-нибудь на злобу дня.

Тулянбай кивнул. Он плутовски поглядел на тех, что сидели на кошме, пили чай да покуривали, пригладил усы.

Девушку красит нежность и сердца жар,
Майдачи прославляют песни и дутар.
У зоотехника нашего непрерывный «перекур».
На ферме у нас петухов больше, чем кур!..
Хук, животинушка, хук!..

Зоотехник моментально загасил окурок о каблук, залился краской. Раздались отовсюду возгласы:

— Здорово ты его! Зацепи-ка и Тогу! К слову придется, и отца родного не жалеи! Шуруй!..

Наш Тога мне словно брат,
А зацепишь его, не будешь рад.
Снимет с работы — куда податься мне?
А есть ведь надо детям и жене!
Ха, животинушка, хук!..

Вместе со всеми расхохотался и Тога. Утирая выступившие на глазах слезы, сказал с шутливой угрозой:

— Кого я снимал с работы, выдумщик? Сочинителей-лгунов наказывают. Разве не знаешь?..

Тулянбай приложил руку к груди и сказал извиняющимся тоном:

— Не обижайся, Тога. Я, может, и солгал, зато рифма удачно подобралась. А вообще-то говоря, для бейта и пяти процентов правды достаточно.

Провейанный рис насыпали в два больших эмалированных таза и поставили перед Тойой. Он взял из каждого таза по горсти риса, приложил их к векам и, сказав: «Да будет у нас изобилие», ссыпал обратно.

Низамджан вернулся домой уже за полночь. Зебихон спала, обняв левой рукой сынишку. Низамджан принес им касу плова из нового урожая. Потихонечку поставил касу в нищу и стал раздеваться. Зебихон приподняла голову.

— Я тебя разбудил? Извини, — сказал Низамджан.

— Ваша сестра приехала. Легла в той комнате.

— Зачем приехала?

— Утром узнаете. — сказала Зебихон, и Низамджану показалось, что она всхлинула.

Однако он промолчал. Появление сестры в его доме никогда не сулило ничего доброго. Если бы на этот раз она приехала с доброй вестью, Зебихон на хирман прибежала бы, чтобы обрадовать мужа. А то говорить даже не хочет, зачем сестра пожаловала. Низамджан долго лежал с открытыми глазами и уснул лишь под утро. Проснулся, услышав доносящийся со двора скрипучий голос сестры. Она разговаривала с Зебихон нарочно громко, как видно желая разбудить брата. Низамджан оделся и вышел. Рисолат не ответила на его приветствие.

— Ух ты, жестокосердный! Все денежки развеял по ветру. А не справил ни после семи дней, ни после сорока поминок за упокой души нашего отца. По-твоему, пусть его душа носится неприкаянной, не найдя себе места в раю?.. — набросилась она сразу же на брата.

Низамджан не нашелся что и сказать.

— Где рис, который тебе вчера достался при распределении?

— Вчера его вовсе и не распределяли. А что тебе до того риса?

— Как? — всплеснула руками Рисолат. — Я не чужая тебе! Это вот она чужая! — указала пальцем сестра на Зебихон. — А в нас с тобой течет одна кровь. В наследстве отца есть и моя доля. Своей частью можешь распорядиться как тебе угодно, а мою давай сюда!

Низамджан усмехнулся и развел руками:

— Я как-то не подумал об этом. Что у меня было, все сдал государству.

Рисолат позеленела от злобы.

— Врешь! — закричала она, брызгая слюной. — Меня за дурочку принимаешь? Не выйдет! Ты сдал малую долю, а остальное твоя жена прикарманила. Что на это скажешь? Это что, по-твоему? — она вынула из кармана золотой браслет и повертела им перед носом Низамджана.

Низамджан тотчас узнал материн браслет, который он оставил как память о ней. Он сам надел его на запястье жены. Значит, сестра вчера отобрала этот браслет у нее.

— Отдай по-хорошему... — сказал Низамджан.

Рисолат сирятала браслет в карман и показала ему дулю. Низамджан, дрожа от негодования, шагнул к сестре. Но подскочила Зебихон, схватила его за руки:

— Успокойтесь. Ради аллаха. Я не буду носить этот браслет. Если вашей сестре он нравится, пусть забирает.

— Хи-и! Все припрятала в сундук и хочешь одним браслетом отделаться? — пронзительно закричала Рисолат, злобно ощерясь и желая привлечь внимание соседей.

— Вон отсюда! Проваливай! — процедил сквозь зубы Низамджан.

— Уйду! Только знай, прокляну вас обоих. Чтоб вы добра не увидели от тех денег! Твоего братца прокляла — он получил свое. Все его денежки милиция прибрала к рукам!

— Убирайся! И чтоб твоей ноги здесь больше не было!..

— Прямехонько в милицию пойду. Вас как миленьких заставят выложить все! — выкрикивала Рисолат, пятась к калитке. — Вайдод! Спасите от изверга! Отца родного пограл, теперь меня из дому прогоняет! Пусть погубит вас то, что досталось от отца! Одно-го уже наказал аллах. И вас накажет. Вайдо-о-од!..

Рисолат шла по улице и, рыдая в голос, проклинала брата.

Низамджан вернулся в комнату и бросился ничком на матрац. Сестра унесла единственную память, оставшуюся от матери. Она непременно продаст этот браслет на базаре.

Неслышно зашла Зебихон. Она присела рядом с мужем, погладила его по голове.

ХIII

Икрамджан пробыл в Ташкенте неделю. И уже затосковал по Найману. С тех пор как похоронил жену, он ни разу не уезжал так далеко из кишлака. А нынче пришлось ехать в страдную пору. Беспокорно было все это время на сердце у старика, казалось, что без него люди не управятся с рисом...

Ремешки нового протеза поскрипывали, стоило ему чуть-чуть пошевелиться. Ходить с ним было труднее, чем с прежней култышкой. Но врачи заверили, что это от непривычки и в скором времени он даже перестанет замечать, что у него не своя нога. Что ж, придется привыкать. От полустанка, на котором поезд стоял всего одну минуту, Икрамджан на попутном грузовике доехал до Зириллямы, где неделю назад оставил свою лошадь под присмотром конюха. Выпив пиалу чаю, немедленно отправился в Найман. Отдохнувшая лошадь шла легко, то и дело переходила на рысь, надо было натягивать вожжи, чтобы она не пустилась вскачь: резкие толчки острой болью отдавались в бедре у Икрамджана.

Красивая осень в Ферганской долине. Фрукты в садах убраны. Земля под деревьями устлана шуршащим ковром из желтых, красных и коричневых листьев. Урючины, словно бы сменив одеяния,

повязали на головы огненно-пурпурные платки. И яблони, и вишни, и шелковицы тоже будто выделаны из золота. Опустели огороды, бахчи, на которых желтеет помятая ботва. Вдалеке одиноко торчит пугало, покосившееся на один бок. На его голове, сделанной из полой тыквы, сидит сорока и шелушит орех. Ветер взвешивает на ней перья. В арыках, где все лето стремительно текла мутная вода, нынче, как в зеркале, отражаются заросли пещельно-серой джиды, усыпанные душистыми ягодами, словно рубиновыми ожерельями. Небо чистое и прозрачное, как стекло, лишь изредка поблескивают в вышине шелковые нити паутинок.

Икрамджан миновал несколько новых построек, совсем недавно возникших около дороги, которая всего несколько лет назад пролежала среди болот, заросших камышами. На плоских крышах лежат ярко-желтые тыквы, каждая величиной с ягненка, под стрехами висят связки лука и кукурузных початков. Как только дорога вывела в степь, впереди распахнулся во всю ширь горизонт. У Икрамджана радостно засверкали глаза и взволнованно забилося сердце. Ему показалось, что и дышать сразу же стало легче.

Когда проезжал через родной кишлак, Икрамджану вспомнилось многое. И детство ожило перед глазами, и ворвавшаяся в сердце первая любовь, и рождение первого ребенка, и первый приход в эту степь. Так явственно все представил, словно вчера это было. Тогда он еще не утратил здоровья и нога была цела. Всюду, где он проходил, оставались на земле следы его обеих ног. А ныне... Ныне его деревянная нога оставляет отметинки с пятак.

Девять сыновей родилось у него. И всех приняла земля. И жена, родив столько детей, ни от одного не повидала счастья. Лежит, бедняжка, одинешенька в степи. А Икрамджан чужое дитя называет сыном, его ребенка считает родным внуком, из далекой столицы везет малышу игрушки.

Много горя для людей припасено на земле. Но в этом светлом мире, к счастью, и немало красок, радующих глаз, лучезарных тонов, заставляющих разомкнуться в улыбке крепко сжатые губы. В этом хоть капля утешения.

Хорошо, когда есть на кого опереться. Икрамджан живет, опираясь на Низама. На него положиться можно. Низамджан хоть и молод еще, а уже испытал немало. Вместе жили, горести на двоих делили: вода хлынет — выпивали, камень упадет — сгрызали камень. Пусть светлой будет у него судьба, пусть будет ему суждено увидеть почтение со стороны своих взрослых детей...

Икрамджан хлестнул лошадь плеткой, заторопил ее. В этот момент ему нестерпимо захотелось увидеть внука. Представил, как малыш с сияющими глазенками бросится к нему, расставив ручки, и как восторженно звонко засмеется, увидев игрушки.

Лошадь бежала плавно, будто не хотела мешать седоку думать, легко переносила его через неширокие деревянные мосты. Гулко и не слишком пыля ударялись копыта об отяжелевшую осеннюю землю. Остались позади сады, где зреют золотистые груши, где

ветви на гранатовых кустах прогнулись под тяжестью налившихся плодов.

Икрамджан едва миновал гузар Каратепе, небольшого селения, расположенного на возвышенности, как сразу же увидел черный дым, стелющийся над Найманом. Вначале, правда, это несколько его не беспокоило. Он решил, что, по-видимому, джигиты Меливая палят у себя камыши. Но минутой спустя недоброе предчувствие овладело им, тревожно зацело сердце. Икрамджан каблуками поддал в бока лошади. Птицей понеслась лошадь по степи.

Черный дым не спеша и как-то лениво обволакивал пространство над тугаями. Приблизившись, Икрамджан прикинул, что вовсе не у соседей горят тугаи, а на территории, отведенной найманцам. И как раз на том месте, где могила Турсуна. Горит земля, в которой покоится его сын!..

Глаза Икрамджана словно бы заволочла пелена. Что-то подступило к горлу, не давая вздохнуть. Грудь пронзила острая боль и так стиснула сердце, что хоть криком кричи.

Разгоряченная лошадь мчалась как ветер. Она пронесла Икрамджана через Найман. И вскоре зачмокала под ее ногами болотная грязь. Все гуще становился дым. Жгло в груди у Икрамджана, и он закашлялся. Он уже слышал, как гудит огонь и трещат объятые им камыши. Где-то здесь могила Турсунбая. Лошадь увязала в топкой грязи и спотыкалась. Икрамджан торопил ее и тревожно оглядывался по сторонам, выискивая взглядом могилу сына. Небо затянул дым. Сделалось сумеречно. Лицо обжигал нагретый, пышущий, будто из тандыра, воздух. Глаза разъедал дым, и уже ничего не было видно...

Люди, которые увидели промчавшегося через кишлак всадника, не сразу узнали в нем своего бригадира. Но, заметив, что он на взмыленной лошади влетел в объятые пламенем туган, они поняли, что стряслось неладное.

Низамджан в это время копнил скошенный рис. Увидев скрывшегося в дыму отца, он побежал за ним.

Горячий воздух над болотом был густой от влаги. Ни малейшего дуновения ветра. Камыши, против обыкновения, не полыхали, а горели медленно, неторопливо. Низамджан, то и дело по колена проваливаясь в вонючую болотную грязь, пробирался вперед, раздвигая руками тлеющие стебли, не обращая внимания на ожоги. На него сыпались искры, попадали за ворот. Вдруг неподалеку он увидел мечущуюся среди огня лошадь. Она вскидывалась на дыбы, перебирала передними ногами, намереваясь перескочить через красные языки пламени, но опять шарахалась вспять и исчезала в дыму. До него донеслось теперь уже издали ее полное муки ржание.

Низамджан узнал лошадь Икрамджана. «А где же отец?» — пронеслось у него в голове. Раздумывать было некогда. Он кинулся в объятые дымом заросли. Отряхивая с себя искры, он выбрался на широкую поляну, задыхаясь от дыма, протер заслезившиеся

глаза. Со всех сторон подступал огонь. Лошадь, охваченная страхом, храпела и металась от одного края поляны к другому. И вдруг Низамджан увидел отца. Он неподвижно лежал на земле, обняв бугор. Полы его чапана тлели. Низамджан снял с себя ватник и, ударяя им, погасил огонь на его одежде. Затем осторожно перевернул его на спину. Икрамджан тихо застонал. Одежда его была в грязи. На левой стороне лица большая ссадина.

На поляне появились еще несколько человек. Кто-то поймал лошадь. Двое подняли на руки Икрамджана, понесли в безопасное место.

Низамджан стоял недвижно, отрешенно глядя, как язычки пламени юрко подбираются к могиле Турсуна. Вздогнула рука, сжимавшая телогрейку, но снова опустилась. Низамджану почему-то не хотелось гасить этот огонь. «Из-за человека, лежащего здесь, сердце Икрамджана постепенно истлевало изо дня в день. Тот огонь я хотел погасить, но не смог. А этот — не хочу... Пусть горит». Сухая трава на бугре занялась оранжевым пламенем. Его блики отсвечивались в расширившихся зрачках Низамджана. Он стоял как замороженный, не в силах сделать и шагу. Очнулся, когда кто-то дернул его за локоть:

— Бежим скорее! А то и до беды недалеко...

Низамджан резко повернулся и пошел за остальными.

Икрамджан сутки лежал в жару. Бредил. Когда же приходил в себя, ни с кем не разговаривал. Невнятно бормотал что-то и пытался встать. Низамджан и Зебихон с трудом укладывали его об ратно.

Спустя еще два дня Икрамджан почувствовал, что ему будто бы стало легче. Утром рано, закутавшись в ватный чапан, он вышел на веранду и, сев на ступеньку, глядел на людей, идущих на работу. В глазах у него была грусть, будто он завидовал этим людям. Так, наверное, журавль, отставший от стаи, смотрит вслед улетающим птицам.

Некоторые, заметив своего бригадира, справлялись у него о здоровье. Он кивал, отвечал, что ему лучше.

Из комнаты вышел Низамджан, присел рядом с отцом.

— О чем задумались, отец? — спросил он.

— О том, сынок, что, видно, придется мне уступить тебе свое место. Я — птица со сломанным крылом. Мне этой зимы не перезимовать...

— Ну что вы, отец, говорите такое?..

Низамджан с укором взглянул на Икрамджана, взял его за руку. Она была как огонь. У Икрамджана опять поднялась температура.

— Отец, вам нужно немедленно в постель.

— Нет, сынок, я не хочу... Помню, мне в детстве все время хотелось добежать до горизонта. Чтобы посмотреть, что там, за краем земли... И сейчас мне хочется добраться вон до того горизонта, — он показал рукой вдаль, где всходило солнце. Заря полыхала в пол-

неба. Ее золотисто-багряные блики отражались на мокрых от росы листьях деревьев, на стенах домов, в глазах Икрамджана. — Дойти бы до горизонта и оглянуться на свой Язъяван. Как на минувшую свою жизнь. Ведь Язъяван и есть моя жизнь. Нет, не достигнув горизонта, умереть невозможно. Ты видишь, как он переливается и манит к себе человека? — Икрамджан дышал прерывисто, и было заметно, что ему трудно говорить. Он спешил, словно боялся, что не все успел сказать. — Пойдем, сынок. Ты ведь не знаешь, какие там бывают рассветы и какие закаты. Я поведу тебя вот к тому горизонту, и ты дотронешься до него рукой. Принесем горизонт в Найман. Нет, лучше Найман понесем к горизонту.

Низамджан не отрываясь глядел вдаль, куда показывал отец. Горизонт пламенел все ярче, будто ветер полоскал огромное, в полнеба, полотнище флага. Золотые лучи разбегались от него во все стороны земли. А высь над головой голубела и сияла, как чистое стекло.

Низамджан, зачарованный увиденным, не сразу заметил, как затих голос отца. Обернулся к нему лишь тогда, когда голова Икрамджана легонько коснулась его плеча...

Так, положив голову на плечо сына и пристально глядя на горизонт, умер этот мужественный человек.

Икрамджана похоронили на холме, возвышающемся на берегу канала. У его изголовья воткнули в край могилы его костыль. На дощечке, прибитой к нему, написали:

ИКРАМДЖАН УСМАНОВ

1889—1945

ЧЛЕН ВКП (б)

Через две недели Тулянбай и Тога принесли несколько саженцев чинар и хотели посадить их на холме вокруг могилы. Но Низамджан воспротивился. Эти почтенные люди не могли ослушаться сына покойного. Немножко, может, и обиделись, но молча унесли свои саженцы обратно.

Низамджан не хотел, чтобы около могилы отца росло какое бы то ни было дерево. Отец любил горизонт. Дерево же, считал Низамджан, заслонит собой небо и дорогу, бегущую до самого горизонта, где каждый день пламенеют утренние и вечерние зори. И если в тот час посмотреть издали на этот холм, то можно увидеть, как ласково солнце объемлет его нежно-розовыми лучами.

Каждый вечер Низамджан приходит к этой могиле. Садится на траву и смотрит на горизонт. Постепенно угасает солнце. На потемневшем небе загораются звезды. Иногда низко над холмом, шурша крыльями и тихо перекликаясь, пролетает косяк запоздалых журавлей.

Э п и л о г

Вот и наступил момент поставить точку.

Едва подумаю об этом, на меня находит грусть. Неужели пришло время расстаться с вами, мои герои? Ведь мы целых десять лет пробыли вместе. Я всюду следовал за вами. Думал о вас в холодные зимние ночи, когда за окном бесился буран. В пору саратана, самого жаркого времени лета, я исхаживал вдоль и поперек степи Язъявана, разыскивая вас. Когда люди были объаты сладким сном, я до рассвета не смыкал глаз, разговаривая с вами и советуясь. Я радовался вместе с вами в праздники, горевал, если неожиданно приходила беда. И стоило мне сесть за письменный стол, меня охватывало волнение...

Я подолгу глядел на чистую бумагу, покусывая карандаш, и при этом слышал голос прямодушной и озорной Анбары.

Как воплощение стойкости возникал перед моими глазами образ Икрамджана, человека с железной волей.

Дильдар! Любимица моя Дильдар! Под силу ли мне было понастоящему живо отобразить твои глаза, излучающие свет, и твое щедрое сердце, подобное родной земле нашей, дарующей людям столько благ? Ты украшаешь собой нашу Язъяванскую степь. И мою книгу.

Низамджан, а тебя я создал сам. Я обрушил тебе на голову беды. Я провел тебя через огонь, заставил переплывать через бурные потоки. Так закаляют сталь — сперва нагревая добела, затем опуская в ледяную воду. И ты закалился. Стань же подобным Икрамджану. Живи, как он. Дойди до горизонта, к которому так стремился он.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая. СОРОК ПЯТЬ ДНЕЙ. <i>Перевод А. Хакимова</i>	3
Книга вторая. ГОДЫ ЛИШЕНИЙ. <i>Перевод М. Владимировска</i>	191
Книга третья. ГОРИЗОНТ. <i>Перевод Э. Амитова</i>	331

Саид Ахмад

ГОРИЗОНТ

М., «Советский писатель», 1986, 544 стр.
План выпуска 1986 г. № 353

Редактор *Л. Л. Медведева*

Худож. редактор *А. С. Томилин*

Техн. редактор *Н. Н. Талько*

Корректоры *А. В. Муравьева* и *Ф. А. Рыскина*

ИБ № 5017

Сдано в набор 05.11.85. Подписано к печати 02.06.86. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Обыкновенная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 34. Уч.-изд. л. 38,42. Тираж 100 000 экз. (1-й з-д 1—50 000 экз.). Заказ № 707. Цена 2 р. 70 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109